

Влияние морской мощи на историю, 1660-1783

А. Т. Махан

**The Influence of Sea Power Upon History,
1660-1783**

A. T. Mahan

Электронная книга проекта Гутенберга о влиянии морской мощи на историю, 1660-1783

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинства других частей мира бесплатно и практически без каких-либо ограничений. Вы можете скопировать его, раздать или повторно использовать в соответствии с условиями лицензии Project Gutenberg, прилагаемой к этой книге, или онлайн по адресу www.gutenberg.org. Если вы находитесь за пределами Соединенных Штатов, вам необходимо ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь, прежде чем использовать эту электронную книгу.

Название: Влияние морской мощи на историю, 1660-1783

Автор: А. Т. Махан

Дата выхода: 26 сентября 2004 г. [Электронная книга № 13529]

Последнее обновление: 28 октября 2024 г.

Язык: Английский

Кредиты: Электронный текст подготовлен А. Э. Уорреном и переработан Джинни Хауз, Фрэнком ван Дрогеном, Полом Холландером и командой онлайн-корректоров Project Gutenberg (<https://www.pgdp.net>)

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА ЭЛЕКТРОННОЙ КНИГИ ГУТЕНБЕРГА "ВЛИЯНИЕ МОРСКОЙ МОЩИ На ИСТОРИЮ", 1660-1783 ***

Электронная книга проекта Гутенберга "Влияние морской мощи на историю", 1660-1783, А. Т. Махана

Примечание переписчика:

Непоследовательная расстановка переносов и орфография в исходном документе сохранены.

Очевидные опечатки были исправлены. Полный список приведен в [конце этого документа](#).

Нажмите на изображения, чтобы увидеть увеличенную версию.

ВЛИЯНИЕ МОРСКОЙ МОЩИ НА ИСТОРИЮ

1660-1783

Автор А. Т. МАХАН, доктор юридических наук

Автор книги "Влияние морской мощи на Французскую революцию и империю, 1793-1812" и др.

ДВЕНАДЦАТОЕ ИЗДАНИЕ

БОСТОН

ЛИТТЛ, БРАУН И КОМПАНИЯ

*Авторское право, 1890 г.,
капитана А. Т. Махана.*

*Авторское право, 1918 г.,
Эллен Лайл Махан.*

Напечатано в Соединенных Штатах Америки

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Определенной целью, предлагаемой в этой работе, является изучение общей истории Европы и Америки с особым упором на влияние морской мощи на ход этой истории. Историки, как правило, были незнакомы с условиями на море, не имея к ним ни особого интереса, ни специальных знаний; и, следовательно, глубокое определяющее влияние морской мощи на важные вопросы было упущено из виду. Это даже в большей степени относится к конкретным случаям, чем к общей тенденции развития морской мощи. Легко сказать в общих чертах, что использование моря и контроль над ним являются и были великим фактором в мировой истории; гораздо сложнее найти и показать его точное значение на конкретном этапе. И все же, если этого не сделать, признание общей важности остается расплывчатым и несущественным; оно не основывается, как следовало бы, на совокупности особых примеров, в которых точный эффект был очевиден благодаря анализу условий в данный момент.

Любопытный пример этой тенденции пренебрегать влиянием морской мощи на события можно почерпнуть у двух писателей, представляющих эту английскую нацию, которая больше, чем какая-либо другая, обязана своему величию морю. "Дважды, - говорит Арнольд в своей "Истории Рима", - мы были свидетелями борьбы высочайшего индивидуального гения против ресурсов и институтов великой нации, и в обоих случаях нация одерживала победу. Семнадцать лет Ганнибал сражался с Римом, шестнадцать лет Наполеон сражался с Англией; усилия первого закончились в Заме, усилия второго - при Ватерлоо". Сэр Эдвард Кризи, цитируя это, добавляет: "Однако один момент сходства между двумя войнами едва ли был должным образом освещен; это замечательная параллель между римским полководцем, который в конце концов победил великого карфагенянина, и английским полководцем, который нанес последнее смертельное поражение французскому императору. Сципион и Веллингтон в течение многих лет занимали командные должности высокой важности, но были удалены от основных театров военных действий. Одна и та же страна была аренной главной военной карьеры каждого из них. Именно в Испании Сципион, как и Веллингтон, последовательно столкнулся и сверг почти всех подчиненных генералов противника, прежде чем оказался в противостоянии с самим главным чемпионом и завоевателем. И Сципион, и Веллингтон восстановили веру своих соотечественников в оружие, поколебленную серией неудач, и каждый из них завершил долгую и опасную войну полным и сокрушительным поражением избранного лидера и избранных ветеранов противника".

Ни один из этих англичан не упоминает о еще более поразительном совпадении, а именно о том, что в обоих случаях господство на море принадлежало победителю. Контроль Рима надводой вынудил Ганнибала совершить этот долгий, опасный поход через Галлию, в ходе которого погибло более половины его опытных войск; это позволило Сципиону-старшему, отправляя свою армию с Роны в Испанию, перехватить сообщения Ганнибала, вернуться лично и встретиться с захватчиком у Требии. На протяжении всей войны легионы беспрепятственно и без усталости переходили по воде между Испанией, которая была базой Ганнибала, и Италией, в то время как исход решающей битвы при Метавре, зависевший от внутреннего положения римских армий по отношению к силам Гасдрубала и Ганнибала, был в конечном счете обусловлен тем фактом, что младший брат не мог доставить подкрепление на помощь морем, а только сухопутным путем через Галлию. Таким образом, в критический момент две карфагенские армии были разделены протяженностью Италии, и одна из них была уничтожена совместными действиями римских полководцев.

С другой стороны, военно-морские историки мало беспокоились о связи между общей историей и их собственной конкретной темой, ограничиваясь, как правило, обязанностью простых хроникеров событий на флоте. Это в меньшей степени относится к французам, чем к англичанам; гений и подготовка первых привели их к более тщательному исследованию причин конкретных результатов и взаимной связи событий.

Однако, насколько известно автору, нет ни одной работы, в которой излагалась бы искомая здесь конкретная цель, а именно оценка влияния морской мощи на ход истории и процветания наций. Подобно тому, как другие исторические работы посвящены войнам, политике, социальным и экономическим условиям стран, затрагивая морские вопросы лишь вскользь и, как правило, без сочувствия, так и настоящая работа направлена на то, чтобы выдвинуть морские интересы на передний план, не отрывая их, однако, от причинно-следственных связей в общей истории, но стремясь показать, как они изменили последние и были изменены ими.

Охватываемый период - с 1660 года, когда эпоха парусных судов с ее отличительными чертами только начиналась, до 1783 года, окончания Американской революции. Хотя нить общей истории, на которую нанизаны последовательные морские события, намеренно слаба, была предпринята попытка представить ясный и точный план. Пишущий как морской офицер, полностью сочувствующий своей профессии, автор не стеснялся свободно отступать от вопросов военно-морской политики, стратегии и тактики; но поскольку мы избегали технических формулировок, есть надежда, что эти вопросы в простом изложении будут интересны непрофессиональному читателю.

А. Т. МАХАН

Декабрь 1889 года.

Содержание.

ВСТУПИТЕЛЬНОЕСЛОВО.

История морской мощи - это соперничество между нациями, следовательно, в основном военное	1
Постоянство исторических учений	2
Неурегулированное состояние современного военно-морского мнения	2
Контрасты между историческими классами военных кораблей	2
Существенное различие между погодой и подветренностью	5
Аналогично другим наступательным и оборонительным позициям	6
Последующий эффект на военно-морскую политику	6
Уроки истории особенно применимы к стратегии	7
Менее очевидно к тактике, но все же применимо	9
Иллюстрации:	
Битва на Ниле, 1798 г. н.э.	10
Трафальгар, 1805 г. н.э.	11
Осада Гибралтара, 1779-1782 гг. н.э.	12
Акцииум, 31 г. до н.э., и Лепанто, 1571 г. н.э.	13
Вторая пуническая война, 218-201 гг. до н.э.	14
Военно-морские стратегические комбинации теперь надежнее, чем раньше	22
Широкие возможности военно-морской стратегии	22

ГЛАВА I.

Обсуждение элементов морской мощи.	
Море - великая общность	25
Преимущества водного транспорта перед наземным	25
Военно-морские силы существуют для защиты торговли	26
Зависимость торговли от безопасных морских портов	27
Развитие колоний и колониальных постов	28
Звенья в цепи морской мощи: производство, судоходство, колонии	28
Общие условия, влияющие на морскую мощь:	
I. Географическое положение	29
II. Физическое состояние	35
III. Протяженность территории	42
IV. Численность населения	44

V. Национальный характер	50
VI. Характер и политика правительств	58
Англии	59
Голландии	67
Франции	69
Влияние колоний на морскую мощь	82
Соединенных Штатов:	
Его слабость в морской мощи	83
Его главный интерес к внутреннему развитию	84
Опасность блокад	85
Зависимость военно—морского флота от интересов судоходства	87
Завершение обсуждения элементов морской мощи	88
Цель исторического повествования	89
ГЛАВА II.	
Состояние Европы в 1660 г.-Вторая англо—голландская война 1665-1667 гг.-Морские сражения при Лоустофте и четырехдневное	
восшествие на престол Карла II. и Людовика XIV.	90
Вскоре последовали всеобщими войнами	91
Политика Франции, сформулированная Генрихом IV. и Ришелье	92
Состояние Франции в 1660 году	93
Состояние Испании	94
Состояние голландских Соединенных провинций	96
Их торговля и колонии	97
Характер их правительства	98
Партии в государстве	99
Состояние Англии в 1660 году	99
Характеристики французских, английских и голландских кораблей	101
Условия других европейских государств	102
Людовик XIV. ведущая личность в Европе	103
Его политика	104
Административные акты Кольбера	105
Вторая англо-голландская война, 1665 г.	107
Битва при Лоустофте, 1665 г.	108
Брандеры в сравнении с торпедными крейсерами	109
Формирование группы	112
Боевой порядок парусных кораблей	115
Четырехдневная битва, 1666 г.	117

Военные заслуги противостоящих флотов	126
Солдаты, командующие флотами, обсуждение	127
Рейтер на Темзе, 1667 г.	132
Бредский мир, 1667 г.	132
Разрушение военной ценности торговли	132

ГЛАВА III.

Война Англии и Франции в союзе против Соединенных провинций, 1672-1674. —Наконец, Франции против Объединенной Европы, 1674-1678. —Морские сражения при Солебее, Текселе и Стромболи.

Агрессия Людовика XIV. об Испанских Нидерландах	139
Политике Соединенных провинций	139
Тройственный союз между Англией, Голландией и Швецией	140
Гнев Людовика XIV.	140
Лейбниц предлагает Людовику захватить Египет	141
Его мемориал	142
Переговоры между Людовиком XIV. и Карл II.	143
Два короля объявляют войну Соединенным провинциям	144
Военный характер этой войны	144
Военно-морская стратегия голландцев	144
Тактические комбинации Де Рюйтера	145
Неэффективность голландской военно-морской администрации	145
Битва при Солебее, 1672 г.	146
Тактические комментарии	147
Влияние битвы на ход войны	148
Сухопутная кампания французов в Голландии	149
Убийство Джона Де Витта, великого пенсионария Голландии. Голландия	150
Приход к власти Вильгельма Оранского	150
Беспокойство среди европейских государств	150
Морские сражения у Шеневельдта, 1673 г.	151
Морское сражение у Текселя, 1673 г.	152
Влияние на общую войну	154
Двусмысленные действия французского флота	155
Общая неэффективность морских коалиций	156
Военный характер Де Рюйтера	157
Коалиция против Франции	158
Мир между Англией и Соединенными Провинциями	158
Восстание Сицилии против Испании	159

Битва при Стромболи, 1676 г.	161
Иллюстрация военно-морской тактики Клерка	163
Де Рюйтер убил Агосту	165
Англия становится враждебной Франции	166
Страдания Соединенных Провинций	167
Нимегенский мир, 1678 г.	168
Последствия войны для Франции и Голландии	169
Уведомление графа д'Эстреса	170

ГЛАВА IV.

Английская революция.—Война Аугсбургской лиги, 1688-1697 гг. —Морские сражения при Бичи-Хед и Ла-Хуге.	
Агрессивная политика Людовика XIV.	173
Состояние французского, английского и голландского флотов	174
Восшествие на престол Якова II.	175
Образование Аугсбургской лиги	176
Людовик объявляет войну императору Германии	177
Революция в Англии	178
Людовик объявляет войну Соединенным провинциям	178
Коронование Вильгельма и Марии	178
Якова II. высадка в Ирландии	179
Дезориентация французских военно-морских сил	180
Вильгельм III. земли в Ирландии	181
Морское сражение при Бичи—Хед, 1690 г.	182
Военный характер Турвиля	184
Битва на реке Бойн, 1690 г.	186
Окончание борьбы в Ирландии	186
Морское сражение при Ла-Хоуге, 1692 г.	189
Уничтожение французских кораблей	190
Влияние морской мощи в этой войне	191
Атака и защита торговли	193
Особенности французского каперства	195
Рисвикский мир , 1697	197
Истощение Франции: его причины	198

ГЛАВА V.

Война за испанское наследство, 1702-1713.-Морское сражение при Малаге.	
Гибель испанской линии Австрийского дома	201
Король Испании завещает престолонаследие герцогу Анжуйскому	202

Смерть короля Испании	202
Людовика XIV. принимает завещанное	203
Он захватывает города в испанских Нидерландах	203
Наступательный союз между Англией, Голландией и Австрией	204
Объявление войны	205
Союзники провозглашают Карлоса III. Король Испании	206
Дело о галеонах Виго	207
Португалия присоединяется к союзникам	208
Характер морской войны	209
Захват Гибралтара англичанами	210
Морское сражение при Малаге, 1704 г.	211
Упадок французского флота	212
Ход сухопутной войны	213
Союзники захватывают Сардинию и Менорку	215
Позор Мальборо	216
Англия предлагает условия мира	217
Мир во Франции Утрехт, 1713 г.	218
Условия мира	219
Результаты войны для различных воюющих сторон	219
Командное положение Великобритании	224
Морская мощь, зависящая как от торговли, так и от военно-морской мощи	225
Особое положение Франции в отношении морской мощи	226
Подавленное состояние Франции	227
Коммерческое процветание Англии	228
Неэффективность торговли, разрушающая	229
Экспедиция Дюге-Труэна против Рио-де-Жанейро, 1711 г.	230
Война между Россией и Швецией	231
ГЛАВА VI.	
Регентство во Франции.—Альберони в Испании.—Политика Уолпола и Флери.—Война за польское наследство.—Английская контрабандная торговля в Испанской Америке.—Великобритания объявляет войну Испании.—1715-1739.	
Смерть королевы Анны и Людовика XIV.	232
Восшествие на престол Георга I.	232
Регентство Филиппа Орлеанского	233
Правление Альберони в Испании	234
Испанцы вторгаются в Сардинию	235
Союз Австрии, Англии, Голландии и Франции	235

Испанцы вторгаются в Сицилию	236
Уничтожение испанского флота у мыса Пассаро, 1718 г.	237
Провал и увольнение Альберони	239
Испания принимает условия	239
Великобритания вмешивается в дела Балтики	239
Смерть Филиппа Орлеанского	241
Правление Флери во Франции	241
Рост французской торговли	242
Франция в Ост-Индии	243
Проблемы между Англией и Испанией	244
Английская контрабандная торговля в Испанской Америке	245
Незаконный досмотр английских кораблей	246
Борьба Уолпола за сохранение мир	247
Война за польское наследство	247
Создание королевства Обеих Сицилий Бурбонов	248
Семейный договор Бурбонов	248
Франция приобретает Бар и Лотарингию	249
Англия объявляет войну Испании	250
Мораль действий Англии по отношению к Испании	250
Упадок французского флота	252
Смерть Уолпола и Флери	253

ГЛАВА VII.

Война между Великобританией и Испанией, 1739.—Война за австрийское наследство, 1740.—Франция присоединяется к Испании против Великобритании, 1744.—Морские сражения при Мэтьюсе, Энсоне и Хоуке.— Мир в Экс-ла-Шапель, 1748 год.	
Характеристики войн с 1739 по 1783 год	254
Пренебрежение французским правительством военно-морским флотом	254
Колониальные владения французов, англичан и испанцев	255
Дюпле и Ла Бурдонне в Индии	258
Состояние противоборствующих флотов	259
Экспедиции Вернона и Энсона	261
Начало войны за австрийское наследство	262
Англия становится союзником Австрии	262
Военно - морские дела в Средиземном море	263
о морской мощи в войне	264
Морское сражение у Тулона, 1744 г.	265
Причины неудачи Англии	267

Военные трибуналы после действий	268
Неэффективные действия английского флота	269
Захват Луисбурга колонистами Новой Англии, 1745 г.	269
Причины, которые привели к нейтрализации морской мощи Англии	269
Франция захватывает Бельгию и вторгается в Голландию	270
Военно-морские действия Энсона и Хоука	271
Блестящая защита коммодора Этандуэр	272
Проекты Дюпле и Ла Бурдонне в Ост-Индии	273
Влияние морской силы в делах Индии	275
Ла Бурдонне уменьшает Мадрас	276
Экс-ла-Шапельский мир, 1748 г.	277
Обмен Мадраса на Луисбург	277
Результаты войны	278
Влияние морской силы в вопросе	279

ГЛАВА VIII.

Семилетняя война, 1756-1763 гг. — Подавляющая мощь Англии и ее завоевания на морях, в Северной Америке, Европе, Восточной и Вест-Индии. Морские сражения: Бинг у берегов Менорки; Хоук и Конфлан; Покок и Д'Аше в Ост-Индии.

Мирный процесс в Экс-ла-Шапель оставляет нерешенными многие вопросы	281
Дюпле проводит свою агрессивную политику	281
Его отзывают из Индии	282
От его политики отказались французы	282
Волнения в Северной Америке	283
Экспедиция Брэддока, 1755 г.	284
Захват французских кораблей англичанами во время мира	285
Французская экспедиция против Порт-Маона, 1756 г.	285
Бинг отплывает, чтобы освободить место	286
Действия Бинга у Порт-Маона, 1756 г.	286
Характеристики французской военно-морской политики	287
Бинг возвращается в Гибралтар	290
Его освобождают от должности, судят военным трибуналом и расстреливают	290
Официальные объявления войны Англией и Францией	291
Признание Англией морского характера войны	291
Франция втянута в континентальную борьбу	292
Семилетняя война (1756-1763) начинается	293
Питт становится премьер-министром Англии	293
Операции в Северной Америке	293

Падение Луисбурга, 1758 г.	294
Падение Квебека, 1759 г. и Монреаля, 1760 г.	294
Влияние морской мощи на континентальную войну	295
Английские планы общих военно-морских операций	296
Шуазель становится министром во Франции	297
Он планирует вторжение в Англию	297
Плавание Тулонского флота, 1759 г.	298
Катастрофическая встреча с Боскавеном	299
Последующее срыв вторжения в Англию	300
Проект вторжения в Шотландию	300
Плавание Брестского флота	300
Хоук попадает в с этим его и разгоняет, 1759	302
Воцарение Карла III. на испанский престол	304
Смерть Георга II.	304
Клайв в Индии	305
Битва при Плесси, 1757 г.	306
Решающее влияние морской мощи на проблемы в Индии	307
Военно-морские действия между Пококом и Д'Аше, 1758, 1759 гг.	307
Плачевное состояние французских военно-морских баз в Индии	309
Французский флот отказывается от борьбы	310
Окончательное падение французского могущества в Индии	310
Разрушенное состояние французского военно-морского флота	311
Союз между Францией и Испанией	313
Англия объявляет войну Испании	313
Быстрое завоевание французских и испанских колоний	314
Французы и испанцы вторгаются в Португалию	316
Вторжение отражено Англией	316
Тяжелые поражения испанцев во всех кругах	316
Испания просит мира	317
Потери британского торгового судоходства	317
Рост британской торговли	318
Командное положение Великобритании	319
Отношения Англии и Португалии	320
Условия Парижского мирного договора	321
Противодействие договору в Великобритании	322
Итоги морской войны	323
Итоги континентальной войны	324

Влияние морской мощи в политически нестабильных странах	324
Интерес Соединенных Штатов к Центральноамериканскому перешейку	325
Влияние Семилетней войны на более позднюю историю Великобритании	326
Последующие приобретения Великобритании	327
Успех Великобритании благодаря морским превосходство	328
Взаимная зависимость морских портов и флотов	329
ГЛАВА IX.	
Ход событий от Парижского мира до 1778 года.—Морская война, последовавшая за Американской революцией.—Морское сражение у Ушанта.	
Недовольство Франции Парижским мирным договором	330
Возрождение французского военно-морского флота	331
Дисциплина среди французских военно-морских офицеров того времени	332
Внешняя политика Шуазеля	333
Внутренние проблемы в Великобритании	334
Разногласия с североамериканскими колониями	334
Генуя уступает Франции Корсику	334
Спор между Англией и Испанией о Фолклендских островах	335
Шуазель уволен	336
Смерть Людовика XV.	336
Морская политика Людовика XVI.	337
Характеристики морской войны 1778 года	338
Инструкции Людовика XVI. французским адмиралам	339
Мощь английского флота	341
Характеристика военной ситуации в Америке	341
Линия Гудзона	342
Экспедиция Бергойна из Канады	343
Хоу проводит свою армию из Нью-Йорка в Чесапик	343
Капитуляция Бергойна, 1777 г.	343
Американское каперство	344
Тайная поддержка американцев Францией	345
Договор между Францией и американцами	346
Жизненно важное значение французского флота для американцев	347
Военная ситуация в различных частях земного шара	347
Разрыв отношений между Францией и Англией	350
Плавание британского и французского флотов	350
Битва при Ушанте, 1778 г.	351
Должность главнокомандующего военно-морским флотом в битве	353

ГЛАВА X.

Морская война в Северной Америке и Вест—Индии, 1778-1781 гг. - Ее влияние на ход американской революции.— Действия флота у берегов Гренады, Доминики и Чесапикского залива.

Д'Эстен отплывает из Тулона в залив Делавэр, 1778 г.	359
Британцам приказано эвакуировать Филадельфию	359
Стремительность передвижений Лорда Хоу	360
Д'Эстен прибывает слишком поздно	360
Следует за Хоу в Нью-Йорк	360
Не удастся атаковать там и плывет в Ньюпорт	361
Хоу следует за ним туда	362
Оба флота рассеяны штормом	362
Д'Эстен ведет свой флот в Бостон	363
Деятельность Хоу мешает Д'Эстену во всех точках	363
Д'Эстен отплывает в Вест-Индию	365
Англичане захватывают персонал. Люсия	365
безрезультатных попыток Д'Эстен их выбить	366
Д'Эстен захватывает Гренада	367
морское сражение Гренада, 1779; Английские корабли калекой	367
Д'Эстен не удается улучшить свои преимущества	370
причины его безнадзорности	371
французская военно-морская политика	372
английском операций в южных штатах	375
Д'Эстен берет его флота в саванну	375
своего бесплодного штурма Саванна	376
Д'Эстен возвращается во Францию	376
падение Чарльстона	376
- де Гишен берет командование в Вест-Индии	376
родни прибыл командовать английским флотом	377
свой военный характер	377
первое действие между родней и Де Гишен, 1780	378
прорыве линии	380
последующее поведение родни и Де Гишен	381
родни делит его флот	381
отправляется на человека в Нью-Йорк	381
де Гишен возвращается во Францию	381
прибытия французские войска в Ньюпорте	382

родни возвращается в Вест-Индии	382
войны между Англией и Голландией	382
бедствий в США в 1780	382
- де-Грас отплывает из Бреста в Вест-Индию, 1781	383
взаимодействию с английским флотом от Мартиника	383
Корнуоллис перерасход южных штатов	384
он увольняется по Уилмингтон, Северная Каролина, а оттуда до Вирджинии	385
Арнольда Джеймс-Ривер	385
французский флот листья Ньюпорт перехватить Арнольд	385
отвечает английский флот у Чесапик, 1781	386
французский флот возвращается в Ньюпорт	387
Корнуоллис занимает Йорктаун	387
Де Грас отплыл с Гаити Чесапикского	388
действий с британским флотом, 1781	389
капитуляции Корнуоллиса, 1781	390
критику британских военно-морских операций	390
энергии и адрес, указанные на де Грассе	392
трудности Великобритании в войну в 1778	392
военной политики как нельзя лучше справляется с ними	393
позиции французской эскадры в Ньюпорт, Р. И., 1780	394
Великобритании оборонительную позицию и уступает чисел	396
следствие, необходимости для энергичной инициативы	396
Вашингтона мнения по поводу влияния морской силы на американском конкурсе	397
глава XI.	
Морская война в Европе, 1779-1782.	
Цели союзнической операции в Европе,	401
в Испании объявляет войну против Англии	401
союзные флоты войдут в Ла-Манш, 1779	402
неудачной вопрос круиз -	403
родни паруса с поставками Гибралтара	403
поражений испанскую эскадру из Лангара и освобождает место	404
союзников захватить британский конвой	404
вооруженного нейтралитета прибалтийских держав, 1780	405
Англия объявляет войну против Голландии	406
Гибралтар revictualled Адмирал дерби	407
союзные флоты снова в канале, 1781	408
выхода на пенсию, не влекущее никакого ущерба для Англии	408

уничтожение французский конвой в Вест-Индию	408
падение порт-Маон, 1782	409
союзных флотов собрать в Альгесирас	409
Гранд нападения союзников на Гибралтар, который терпит неудачу, 1782	410
Лорд-Хау успешно revictualling Гибралтар	412
действий между его флота и союзников	412
ведения войны в 1778 году английское правительство	412
Влияние морской силы	416
правильного использования военно-морских сил	416

глава XII.

События в Ост-Индии, 1778-1781.—Сюффрен отправляется из Бреста в Индии, 1781.—Его блестящая морская кампания в индийских морях, 1782, 1783.

Пренебрежение Индии правительство Франции	419
Англии в войне с Майсуром и с Mahrattas	420
прибытие французской эскадры в соответствии Граф д'ОРВ	420
это производит ничего и возвращается на остров из Франции	420
Сюффрен отправляется из Бреста с пяти кораблей-оф-линии, 1781	421
нападения английской эскадры на островах Зеленого Мыса, 1781	422
проведения и результаты этой атаки	424
отличительных достоинств Сюффрен в качестве военно-морской лидера	425
Сюффрен сохраняет Капской колонии от английского	427
он достигает острова Франция	427
удаётся главного командования французского флота	427
отвечает британская эскадра под Хьюз в Мадрасе	427
анализа военно-морской стратегической ситуации в Индии	428
первое сражение между Сюффрен и Хьюз, февраля. 17, 1782	430
Сюффрен видом на морской ситуации в Индии	433
тактические оплошности, сделанные Сюффрен	434
недостаточная поддержка, полученная им от своих капитанов	435
Сюффрен отправляется в Пондичерри, Хьюз в Тринкомали	436
второй бой между Сюффрен и Хьюз, 12 апреля 1782	437
Сюффрен тактика в действие	439
относительно травм полученных противоборствующих флотов	441
одновременные английские критики на Хьюза поведения	442
обездоленных состояние Сюффрен флот	443
свою деятельность и успехи в снабжении хочет	443
он общается с Хайдер Али, Султан Майсура	443

твердость и проницательность, проявленные Сюффрен	445
своем отказе подчиняться приказам из дома, чтобы покинуть побережье Индии	446
третий бой между Сюффрен и Хьюз, 6 июля, 1782	447
свойства показаны Хьюз	449
упорные бои британский адмирал и капитаны	449
Сюффрен лишает трех капитанов своих команд	449
медлительности Адмирала Хьюза	450
Сюффрен атак и принимает Тринкомали	450
стратегическое значение этого успеха	451
сравнительный состояние двух флотов в материал для ремонта	451
английское правительство отправлений мощное подкрепление	452
французского двора не Сюффрен	452
четвертый бой между Сюффрен и Хьюз, сентябрь. 3, 1782	453
бесхозяйственности и раненых французов	455
контраст между капитаны противоборствующих флотов	456
двух кораблей Сюффрен флот обоснованным и потеряли	457
прибытия британского подкрепления под командованием адмирала Бикертон	458
приближение плохой погоды, сезона; Хьюз отправляется в Бомбей	458
военное положение французов и англичан в Индии	459
задержек французских подкреплений под Бюсси	460
Сюффрен берет своим флотом ачем, на Суматре	460
, он возвращается на индийском побережье	461
прибытия Бюсси	461
упадок и французские силы на берегу	461
английского осаждают Бюсси в Куддалоре на суше и на море	462
Сюффрен освобождает место	462
пятый бой между Сюффрен и Хьюз, 20 июня 1783	463
решительный характер Сюффрен действий	463
новости из мира получил в Мадрасе	463
Сюффрен отплывает во Францию	464
ему лестный прием везде	464
свои отличительные боевые качества	465
его будущей карьеры и смерти	466

глава XIII.

События в Вест-Индии после взятия Йорктауна.— Контакты-де-Грас с капюшоном.—Морская битва святых.—1781-1782.

Морская борьба перенесена с континента в Вест-Индию	468
---	-----

Де Грасс плывет к островам	469
Французская экспедиция против острова Сент-Кристофер, январь 1782 г.	469
Худ пытается освободить гарнизон	470
Маневры двух флотов	471
Схватка между Де Грассом и Худом	472
Худ захватывает якорную стоянку, оставленную Де Грассом	473
Де Грасс пытается освободить гарнизон. Грасс атакует Худа на его якорной стоянке	474
Худ сохраняет свою позицию	475
Капитуляция гарнизона и острова	475
Достоинства действий Худа	476
Критика поведения Де Грасса	477
Родни прибывает в Вест-Индию из Англии	479
Соединение Родни и Худа на Антигуа	479
Де Грасс возвращается на Мартинику	479
Планы союзников по захвату Ямайки	479
Родни занимает свой пост в штабе. Лючия	480
Французский флот выходит в море, и его преследует Родни	480
Действие от 9 апреля 1782 г.	481
Критика действий	483
Погоня продолжалась; несчастные случаи с французскими кораблями	484
Морское сражение при Святых, 12 апреля 1782 г.	485
Родни прорывает французскую линию	488
Захват французского главнокомандующего и пяти линейных кораблей	489
Подробности акции	489
Анализ событий последствия маневра Родни	491
Тактическое значение усовершенствований военно-морской техники	493
Уроки этой короткой морской кампании	495
Неспособность Родни преследовать французский флот	496
Анализ причин его действий и фактических условий	497
Вероятное влияние этой неудачи на условия мира	498
Мнения Родни о битве 12 апреля	499
Успехи, достигнутые Родни за время его командования	500
Его отзывает новое министерство	500
Преувеличенное представление о последствиях этого сражения для войны	500
Последующая карьера Де Грасса	501
Решение военного трибунала над офицерами французского флота	502
Выводы суда	502

Де Грасс обжалует это заключение	503
Король сурово упрекнул его	503
Смерть де Грасса, Родни и Худа	504
ГЛАВА XIV.	
Критическое обсуждение морской войны 1778 года.	
Война 1778 чисто морской	505
особый интерес поэтому присоединение к нему	506
последовательные шаги в критическое исследование войну	507
различие между понятиями "объект" и "объективная"	507
участников войны 1778	507
объектов разных воюющих сторон	508
основы Британской империи морей	510
грозит восстание колоний	510
британский флот уступал в численности союзникам	511
выбора целей	511
флотов указал в качестве ключей ситуации везде	513
существенные элементы активную военно-морской	514
базам операций в войне 1778 года:—	
В Европе	515
на Американском континенте	515
в Вест-Индии	516
в Ост-Индии	518
стратегического подшипник торгово-ветры и муссоны	518
баз за рубежом, как правило, недостаточно ресурсов	519
следствие, к повышению важности коммуникаций	519
флотов стражей коммуникации	520
необходимости промежуточных соединений между Европой и Индией	520
запрос в распоряжение Военно-морских сил	521
трудности получении информации в море	521
недоумении относительно назначения военно-морской экспедиции	522
недостатки оборонительных	523
Англии по обороне в 1778	523
следствие, необходимости принятия мудрого и энергичного действие	524
ключевых ситуации	525
британской военно-морской политики в наполеоновских войнах	525
британской военно-морской политики в Семилетней войне	527
трудностей, с которыми столкнулись настоящей Политики	527

ликвидации британского военно-морского флота в войне 1778	528
результате неполноценности критических случаев	528
влияние на военно-морской флот отказ, чтобы укрепить военно-морские базы	529
распределение британского флота выставляет его из-пронумерованные во многих точках	531
британской военно-морской политики в 1778 и в других войнах против	532
военно-морской политики союзников	535
расходящихся советники коалиции	536
"скрытые объекты"	537
союзных флотов систематически принимают оборонительную позицию	538
опасности этого действия	538
гламур торгово-уничтожение	539
условия мира, 1783	540
индекс	543

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ.

СПИСОК КАРТ.

I.	Средиземное море	15
II.	Ла-Манш и Северное море	107
III.	Полуостров Индостан и Цейлон	257
IV.	Северная часть Атлантического океана	532

ПЛАНЫ МОРСКИХ СРАЖЕНИЙ.

На этих планах, когда используются заглавные буквы A, B, C и D, все позиции, отмеченные одной и той же заглавной буквой, выполняются одновременно.

I.	Четырехдневная битва, 1666 г.	119
II.	Четырехдневная битва, 1666 г.	124
III.	Битва при Солебее, 1672 г.	146
IV.	Битва при Текселе, 1673 г.	153
Против	Битвы при Стромболи, 1676 г.	161
Вирджиния	Покок и Д'Аше, 1758 г.	161
VI.	Битва при Бичи-Хед, 1690 г.	183
через.	Битва при Ла-Хуге, 1692 г.	183
VII.	Мэтьюз Действие Бинга у берегов Тулона, 1744 г.	265
VIIa.	Действие Бинга у берегов Менорки, 1756 г.	265
VIII.	Хоук и Конфлан, 1759 г.	303
IX.	Битва при Ушанте, 1778 г.	351
X.	Д'Эстен и Байрон, 1779 г.	368
XI.	Родни и Де Гишен, 17 апреля 1780 г.	378
XII.	Арбутно и Дестуш, 1781 г.	386
XIII.	Сюффрен в Порто-Прая, 1781 г.	423
XIV.	Сюффрен и Хьюз, 17 февраля 1782 г.	431
XV.	Сюффрен и Хьюз, 12 апреля 1782 г.	438
XVI.	Сюффрен и Хьюз, 6 июля 1782 г.	447
XVII.	Сюффрен и Хьюз, 3 сентября 1782 г.	454
XVIII.	Худ и Де Грасс, январь 1782 г.	470
XIX.	Худ и Де Грасс, январь 1782 г.	472
XX.	Родни и Де Грасс, 9 апреля 1782 г.	482
XXI.	Победа Родни, 12 апреля 1782 г.	486

ВЛИЯНИЕ МОРСКОЙ МОЩИ НА ИСТОРИЮ.

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО.

История Морской мощи - это в значительной степени, хотя и ни в коем случае не исключительно, повествование о соперничестве между нациями, о взаимном соперничестве, о насилии, часто достигающем кульминации в войне. Глубокое влияние морской торговли на богатство и мощь стран было ясно замечено задолго до того, как были обнаружены истинные принципы, определявшие ее рост и процветание. Чтобы обеспечить своему собственному народу непропорционально большую долю таких благ, прилагались все усилия для исключения других либо с помощью мирных законодательных методов монопольного или запретительного регулирования, либо, когда они не удавались, с помощью прямого насилия. Столкновение интересов, гневные чувства, вызванные противоречивыми попытками присвоить таким образом большую долю, если не все, преимуществ торговли и отдаленных неустроенных торговых регионов, привели к войнам. С другой стороны, войны, возникающие по другим причинам, были значительно изменены в своем ведении и исходе благодаря контролю над морем. Следовательно, история морской мощи, хотя и охватывает в своих широких чертах все, что стремится сделать народ великим на море или у моря, в значительной степени является военной историей; и именно в этом аспекте она будет в основном, хотя и не исключительно, рассматриваться на следующих страницах.

Изучение военной истории прошлого, подобное этому, предписывается великими военачальниками как необходимое для корректировки идей и для умелого ведения войны в будущем. Среди кампаний, которые следует изучить начинающему солдату, Наполеон называет кампании Александра, Ганнибала и Цезаря, которым порох был неизвестен; и среди профессиональных писателей существует значительное согласие в том, что, хотя многие условия войны меняются от эпохи к эпохе в зависимости от развития оружия, в школе истории есть определенные учения, которые остаются неизменными и, следовательно, имеют универсальное применение и могут быть возведены в ранг общих принципов. По той же причине изучение морской истории прошлого будет сочтено поучительным, поскольку оно иллюстрирует общие принципы морской войны, несмотря на большие изменения, которые произошли в военно-морском вооружении благодаря научным достижениям последних пятидесяти лет и внедрению пара в качестве движущей силы.

Таким образом, вдвойне необходимо критически изучить историю и опыт ведения морской войны во времена парусных судов, потому что, хотя они, как будет установлено, дают уроки, имеющие актуальное применение и ценность, паровые флоты пока еще не вошли в историю, на которую можно сослаться как на решающую в ее преподавании. О первом у нас есть много экспериментальных знаний; о другом - практически никаких. Следовательно, теории о морской войне будущего почти полностью предположительны; и хотя была предпринята попытка придать им более прочную основу, остановившись на сходстве между флотилиями пароходов и флотилиями галер, приводимых в движение веслами, которые имеют долгую и хорошо известную историю, будет лучше не увлекаться этой аналогией, пока она не будет тщательно проверена. Сходство действительно далеко не поверхностное. Общей чертой парохода и камбуза является способность двигаться в любом направлении независимо от ветра. Такая способность проводит радикальное различие между этими классами судов и парусным судном; ибо последнее может следовать лишь ограниченным числом курсов, когда дует ветер, и должно оставаться неподвижным, когда он ослабевает. Но хотя разумно наблюдать за похожими вещами, также разумно искать вещи, которые отличаются; ибо, когда воображение увлекается обнаружением точек сходства — одним из самых приятных занятий ума, — оно склонно проявлять нетерпение к любому расхождению в своих новооткрытых параллелях и поэтому может не замечать их или отказываться признавать. Таким образом, галера и пароход имеют общую, хотя и неодинаково развитую, упомянутую важную характеристику, но по крайней мере в двух пунктах они различаются; и при обращении к истории галер за уроками относительно боевых пароходов необходимо постоянно иметь в виду как различия, так и сходство, иначе могут быть сделаны ложные выводы. Движущая сила камбуза при использовании неизбежно и быстро снижалась, потому что человеческая сила не могла долго поддерживать такие изматывающие усилия, и, следовательно, тактические маневры могли продолжаться, но в течение ограниченного времени; [1] и снова, в период камбуза наступательное оружие имело не только малую дальность действия, но и почти полностью ограничивалось рукопашным боем. Эти два условия почти неизбежно вели к нападению друг на друга, однако не без некоторых ловких попыток развернуться или удвоить атаку противника, за которыми следовала рукопашная схватка. В такой спешке и в такой неразберихе большое единодушие респектабельных, даже выдающихся представителей военно—морского мнения сегодняшнего дня находит необходимый результат применения современного военно-морского оружия - своего рода ярмарку в Доннибруке, на которой, как показывает история столкновений, будет трудно отличить друга от врага. Какова бы ни была ценность этого мнения, оно не может претендовать на историческую основу на том единственном факте, что галера и пароход могут в любой момент двинуться прямо на врага и нести клюв на носу, независимо от того, в чем галера и пароход различаются. Пока что это мнение является лишь предположением, на основании которого окончательное решение вполне может быть отложено до тех пор, пока судебное разбирательство не прольет дополнительный свет. До тех пор остается место для противоположной точки зрения, — что схватка между численно равными флотами, в которой мастерство сведено к минимуму, не лучшее, что можно сделать с помощью сложного и мощного оружия этого века. Чем увереннее в себе адмирал, чем совершеннее тактическое развитие его флота, чем лучше его капитаны, тем с большей неохотой он должен вступать в схватку с равными силами, в которой все эти преимущества будут упущены, безраздельно властвовать случай, и его флот будет поставлен на равные условия с группой кораблей, которые никогда прежде не действовали сообща. [2] В истории есть уроки относительно того, когда столкновения уместны, а когда нет.

Таким образом, камбуз имеет одно поразительное сходство с пароходом, но отличается другими важными особенностями, которые не так сразу бросаются в глаза и поэтому менее учитываются. Напротив, в паруснике бросается в глаза разница между ним и более современным судном; точки сходства, хотя и существуют и их легко найти, не столь очевидны, и поэтому на них меньше обращают внимания. Это впечатление усиливается ощущением крайней слабости парусного судна по сравнению с пароходом из-за его зависимости от ветра; забывается, что, поскольку первое сражалось на равных, тактические уроки действительны. Галера никогда не была доведена до бессилия штилем, и поэтому в наши дни пользуется большим уважением, чем парусное судно; тем не менее последнее вытеснило ее и оставалось главным до тех пор, пока не был использован пар. Способность поражать противника с большого расстояния, маневрировать неограниченно долго, не изматывая людей, посвящать большую часть команды наступательному оружию, а не веслу, являются общими для парусного судна и парохода и с тактической точки зрения, по крайней мере, столь же важны, как способность галеры двигаться в штиль или против ветра.

При выявлении сходства существует тенденция не только упускать из виду моменты различия, но и преувеличивать моменты сходства, то есть проявлять фантазию. Можно с таким расчетом указать на то, что подобно парусному кораблю, имевшему орудия большой дальности, обладающие сравнительно большой пробивной силой, и карронады, имевшие меньшую дальность, но большой поражающий эффект, так и современный пароход имеет свои батареи дальних орудий и торпед, последние эффективны только на ограниченной дистанции и затем наносят урон разящим действием, в то время как орудие, как и в старину, нацелено на пробитие. Однако это явно тактические соображения, которые должны влиять на планы адмиралов и капитанов; и аналогия реальная, а не вымышленная. Точно так же и парусник, и пароход предполагают прямое столкновение с судном противника: первый - взять его на abordage, второй — потопить тараном; и для обоих это самая трудная из их задач, поскольку для осуществления этого корабль должен быть отведен в одну точку поля боя, тогда как метательное оружие может быть использовано из многих точек на обширной территории.

Взаимное расположение двух парусных кораблей или флотилий относительно направления ветра касалось важнейших тактических вопросов и, возможно, было главной заботой моряков того времени. На поверхностный взгляд может показаться, что, поскольку это стало вопросом такого безразличия к пароходу, в нынешних условиях нельзя найти никаких аналогий ему, и уроки истории в этом отношении не имеют ценности. Более тщательное рассмотрение отличительных характеристик подветренного и пологого "манометра", [3], направленное на их существенные характеристики и игнорирующее второстепенные детали, покажет, что это ошибка. Отличительной чертой флюгера было то, что он давал право давать сражение или отказываться от него по своему желанию, что, в свою очередь, дает обычное преимущество наступательной позиции при выборе метода атаки. Это преимущество сопровождалось определенными недостатками, такими как нерегулярность, внесенная в порядок, подверженность обстрелу или анфиладной канонаде и потеря части или всего артиллерийского огня нападающего, — все это возникало при приближении к врагу. Корабль или флот с подветренной стороны не мог атаковать; если он не желал отступить, его действия ограничивались обороной и принятием боя на условиях противника. Этот недостаток компенсировался сравнительной легкостью поддержания боевого порядка в неприкосновенности и непрерывным артиллерийским огнем, на который противник какое-то время не мог отвечать. Исторически эти благоприятные и неблагоприятные характеристики

имели свой аналог в наступательных и оборонительных операциях всех эпох. Наступление сопряжено с определенными рисками и неудобствами для того, чтобы настичь и уничтожить противника; защита, пока она остается таковой, отказывается от рисков наступления, удерживает осторожную, хорошо организованную позицию и пользуется уязвимостью, которой подвергается нападающий. Эти радикальные различия между погодой и подветренной полосой были настолько ясно распознаны по множеству сопутствующих им мелких деталей, что англичане обычно выбирали первую, потому что их неизменной политикой было атаковать и уничтожать своего врага; в то время как французы стремились к подветренной полосе, потому что, поступая таким образом, они обычно могли нанести урон врагу при его приближении и таким образом избежать решающих столкновений и сохранить свои корабли. Французы, за редкими исключениями, подчиняли действия военно-морского флота другим военным соображениям, жалели потраченных на это денег и поэтому стремились сэкономить свой флот, заняв оборонительную позицию и ограничив его усилия отражением нападений. Для этого курса умело использованная подветренность была превосходно приспособлена до тех пор, пока противник проявлял больше храбрости, чем поведения; но когда Родни выказал намерение использовать преимущество ветра не просто для атаки, но и для значительного сосредоточения сил на части линии противника, его осторожный противник, Де Гишен, изменил свою тактику. В первой из трех их акций француз занял подветренную позицию; но, распознав цель Родни, он воспользовался преимуществом ветра, чтобы не атаковать, а отказаться от действий, кроме как на своих собственных условиях. Право перейти в наступление или отказаться от сражения зависит больше не от ветра, а от стороны, обладающей большей скоростью; что во флоте будет зависеть не только от скорости отдельных кораблей, но также и от их тактического единообразия действий. Отныне корабли, развивающие наибольшую скорость, будут иметь датчик погоды.

Поэтому не напрасно, как многие думают, искать полезные уроки в истории парусных судов, а также в истории галер. У обоих есть свои черты сходства с современным кораблем; у обоих также есть существенные отличия, которые не позволяют ссылаться на их опыт или способы действий в качестве тактических *прецедентов*, которым следует следовать. Но прецедент отличается от принципа и менее ценен, чем он сам. Первый может быть изначально ошибочным или может перестать применяться из-за изменения обстоятельств; второй коренится в сущностной природе вещей, и, каким бы разнообразным ни было его применение при изменении условий, остается стандартом, которому должны соответствовать действия для достижения успеха. У войны есть такие принципы; их существование обнаруживается при изучении прошлого, которое выявляет их в успехах и неудачах, одних и тех же из века в век. Условия и оружие меняются; но чтобы справиться с одним или успешно использовать другие, необходимо уважать эти постоянные учения истории в тактике поля боя или в тех более широких военных операциях, которые объединяются под названием стратегии.

Однако именно в этих более широких операциях, которые охватывают весь театр военных действий, и в морском сражении, которое может охватить значительную часть земного шара, учения истории имеют более очевидную и постоянную ценность, потому что условия остаются более постоянными. Театр военных действий может быть больше или меньше, его трудности более или менее выражены, противоборствующие армии более или менее многочисленны, необходимые передвижения более или менее легки, но это просто различия в масштабе, степени, а не в характере. По мере того, как дикая местность уступает место цивилизации, по мере того, как множатся средства коммуникации, открываются дороги, наводняются мосты

через реки, увеличиваются запасы продовольствия, военные операции становятся проще, быстрее, масштабнее; но принципы, которым они должны соответствовать, остаются теми же. Когда пеший марш был заменен перевозкой войск в экипажах, когда последние, в свою очередь, уступили место железным дорогам, масштаб расстояний увеличился или, если угодно, уменьшился масштаб времени; но принципы, которые диктовали пункт, в котором должна быть сосредоточена армия, направление, в котором она должна двигаться, часть позиции противника, которую она должна атаковать, защиту коммуникаций, не изменились. Так, на море переход от галеры, робко ползущей из порта в порт, к парусному судну, смело отправляющемуся на край света, а от последнего - к пароходу нашего времени, увеличил размах и быстроту военно-морских операций, не обязательно изменяя принципы, которыми они должны руководить; и речь Гермократа, произнесенная две тысячи триста лет назад, процитированная выше, содержала правильный стратегический план, принципы которого так же применимы сейчас, как и тогда. Прежде чем вражеские армии или флоты вступят *в тактический* (слово, которое, возможно, лучше любого другого указывает на разделительную линию между тактикой и стратегией), необходимо решить ряд вопросов, охватывающих весь план операций на всем театре военных действий. Среди них надлежащая функция военно-морского флота на войне; его истинная цель; пункт или пункты, на которых он должен быть сосредоточен; создание складов угля и припасов; поддержание связи между этими складами и базой базирования; военная ценность уничтожения торговли как решающей или второстепенной военной операции; система, с помощью которой уничтожение торговли может быть проведено наиболее эффективно, будь то рассеянными крейсерами или путем удержания в силе какого-либо жизненно важного центра, через который должно проходить коммерческое судоходство. Все это стратегические вопросы, и по всем этим история может многое сказать. В последнее время в английских военно-морских кругах развернулась ценная дискуссия относительно сравнительных достоинств политики двух великих английских адмиралов, лорда Хоу и лорда Сент-Винсента, в отношении расположения английского флота во время войны с Францией. Этот вопрос носит чисто стратегический характер и представляет не просто исторический интерес; сейчас он имеет жизненно важное значение, и принципы, на которых основывается его решение, те же, что и тогда. Политика Сент-Винсента спасла Англию от вторжения и в руках Нельсона и его братьев-адмиралов привела прямо к Трафальгару.

Таким образом, именно в области военно-морской стратегии учения прошлого имеют ценность, которая ни в коей мере не уменьшается. Там они полезны не только как иллюстрация принципов, но и как прецеденты, благодаря сравнительному постоянству условий. Это менее очевидно верно в отношении тактики, когда флоты вступают в столкновение в точке, к которой привели их стратегические соображения. Неуклонный прогресс человечества вызывает постоянные изменения в вооружении; и с этим должны прийти постоянные изменения в способах ведения боя - в управлении войсками или кораблями и их расположении на поле боя. Отсюда возникает тенденция со стороны многих, связанных с морскими делами, думать, что изучение прежнего опыта не принесет никакой пользы; что время, потраченное таким образом, потрачено впустую. Этот взгляд, хотя и естественный, не только полностью упускает из виду те широкие стратегические соображения, которые побуждают нации создавать флоты, которые определяют сферу их действий и, таким образом, изменили и будут продолжать изменять мировую историю, но является односторонним и узким даже в том, что касается тактики. Сражения прошлого были успешными или неудачными в зависимости от того, велись ли они в соответствии с принципами войны; и моряк, который тщательно изучает причины успеха или

неудачи, не только обнаружит и постепенно усвоит эти принципы, но также приобретет повышенные способности в применении их к тактическому использованию кораблей и оружия своего времени. Он также заметит, что изменения в тактике произошли не только *после* изменений в вооружении, что неизбежно имеет место, но и что интервал между такими изменениями был неоправданно долгим. Это, несомненно, проистекает из того факта, что совершенствование оружия происходит благодаря энергии одного или двух человек, в то время как изменения в тактике должны преодолеть инертность консервативного класса; но это большое зло. Это может быть исправлено только искренним признанием каждого изменения, тщательным изучением возможностей и ограничений нового корабля или оружия и последующей адаптацией метода его использования к качествам, которыми он обладает, что и составит его тактику. История показывает, что тщетно надеяться на то, что военные в целом приложат все усилия, чтобы сделать это, но что тот, кто это сделает, вступит в бой с большим преимуществом, — урок сам по себе немалой ценности.

Поэтому теперь мы можем согласиться со словами французского тактика Морога, который писал столетие с четвертью назад: "Военно-морская тактика основана на условиях, главные причины которых, а именно вооружение, могут меняться; что, в свою очередь, неизбежно вызывает изменения в конструкции кораблей, в способах управления ими и, таким образом, в конечном итоге в расположении флотов и управлении ими". Его дальнейшее утверждение о том, что "это не наука, основанная на абсолютно неизменных принципах", более открыто для критики. Правильнее было бы сказать, что применение ее принципов меняется по мере изменения оружия. Применение принципов, несомненно, время от времени меняется и в стратегии, но вариации гораздо меньше; и, следовательно, распознать лежащий в их основе принцип легче. Это утверждение имеет достаточное значение для нашей темы, чтобы привести несколько иллюстраций из исторических событий.

Битва на Ниле в 1798 году была не только ошеломляющей победой англичан над французским флотом, но и имела решающее значение в разрушении коммуникаций между Францией и армией Наполеона в Египте. В самом сражении английский адмирал Нельсон показал самый блестящий пример великой тактики, если так можно выразиться, как было определено, "искусство составлять хорошие комбинации как до сражения, так и во время его хода". Конкретная тактическая комбинация зависела от условия, которое теперь ушло в прошлое, а именно от неспособности подветренных кораблей флота, стоявшего на якоре, прийти на помощь погодным кораблям до того, как последние будут уничтожены; но принципы, лежащие в основе комбинации, а именно, выбирать ту часть строя противника, которой легче всего оказать помощь, и атаковать ее превосходящими силами, никуда не делись. Действия адмирала Джервиса у мыса Сент-Винсент, когда с пятнадцатью кораблями он одержал победу над двадцатью семью, были продиктованы тем же принципом, хотя в данном случае противник не стоял на якоре, а шел полным ходом. И все же умы людей устроены так, что на них, кажется, больше производит впечатление быстротечность условий, чем бессмертный принцип, который с ними справился. Напротив, в стратегическом влиянии победы Нельсона на ход войны задействованный принцип не только легче распознать, но и сразу видно, что он применим к нашим дням. Успех предприятия в Египте зависел от поддержания открытых коммуникаций с Францией. Победа на Ниле уничтожила военно-морские силы, которые одни могли обеспечить коммуникации, и предопределила окончательный провал; и сразу видно, что удар был нанесен не только в соответствии с принципом нанесения удара по линии коммуникаций противника, но

также и то, что тот же принцип действует и сейчас, и был бы в равной степени справедлив во времена галер, как и парусных судов или пароходов.

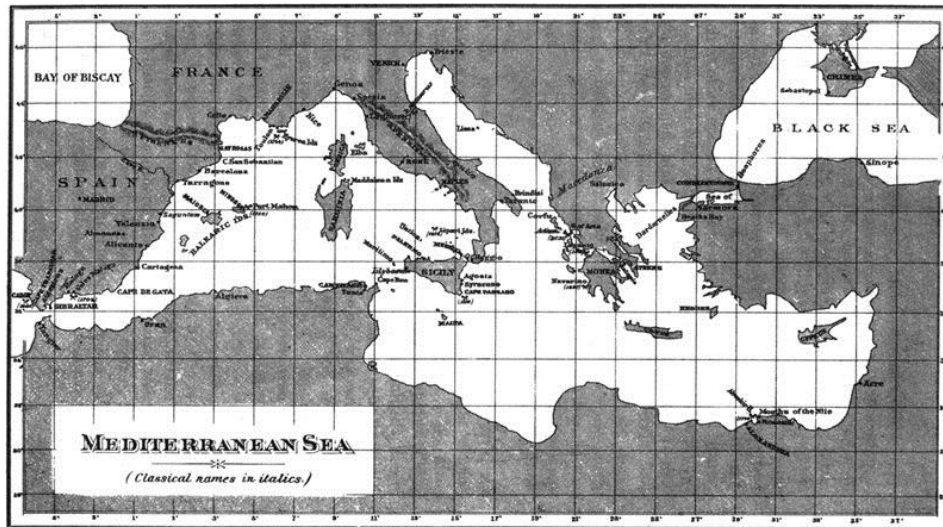
Тем не менее, смутное чувство презрения к прошлому, которое считается устаревшим, сочетается с естественной ленью, заставляющей людей закрывать глаза даже на те постоянные стратегические уроки, которые лежат близко к поверхности военно-морской истории. Например, многие ли смотрят на Трафальгарскую битву, венец славы Нельсона и печать его гения, иначе, чем на изолированное событие исключительного величия? Многие ли задают себе стратегический вопрос: "Как корабли оказались именно там?" Многие ли осознают, что это был заключительный акт великой стратегической драмы, растянувшейся на год или больше, в которой два величайших лидера, когда-либо живших, Наполеон и Нельсон, были натравлены друг на друга? При Трафальгаре потерпел неудачу не Вильнев, а побежденный Наполеон; победил не Нельсон, а Англия была спасена; и почему? Потому что комбинации Наполеона провалились, а интуиция и активность Нельсона постоянно удерживали английский флот на пути врага и вовремя подтягивали его в решающий момент.^[4] Тактика при Трафальгаре, хотя и открыта для критики в деталях, в своих основных чертах соответствовала принципам войны, и их смелость была оправдана как срочностью дела, так и результатами; но великие уроки эффективности подготовки, активности и энергии при исполнении, а также мысли и проницательности английского лидера в предыдущие месяцы являются стратегическими. уроки, и как таковые они по-прежнему остаются хорошими.

В этих двух случаях события развивались к своему естественному и решающему завершению. Можно привести третий пример, в котором, поскольку такой определенной цели достигнуто не было, мнение относительно того, что следовало сделать, может быть оспорено. В войне за Американскую революцию Франция и Испания стали союзниками против Англии в 1779 году. Соединенные флоты трижды появлялись в Ла-Манше, один раз в количестве шестидесяти шести линейных кораблей, что вынудило английский флот искать убежища в своих портах, поскольку он намного уступал им по численности. Итак, великой целью Испании было вернуть Гибралтар и Ямайку; и с этой целью союзники предприняли огромные усилия как на суше, так и на море против этой почти неприступной крепости. Они оказались бесплодными. Предлагаемый вопрос — и это вопрос исключительно военно—морской стратегии - заключается в следующем: не было бы более верного восстановления Гибралтара, если бы он контролировал Ла-Манш, атаковал британский флот даже в его гаванях и угрожал Англии прекращением торговли и вторжением у себя дома, чем гораздо большими усилиями, направленными против отдаленного и очень сильного форпоста ее империи? Английский народ, обладавший долгим иммунитетом, был особенно чувствителен к опасениям вторжения, и его огромная уверенность в своих флотах, если бы ее грубо поколебали, привела бы его в соответствующее уныние. Каким бы решенным ни был этот вопрос как пункт стратегии, он справедлив; и он предложен в другой форме французским офицером того периода, который выступал за направление больших усилий на остров в Вест-Индии, который можно было бы обменять на Гибралтар. Однако маловероятно, что Англия отказалась бы от ключа к Средиземному морю ради какого-либо другого иностранного владения, хотя она могла бы уступить его, чтобы спасти свои очаги и свою столицу. Наполеон однажды сказал, что отвоюет Пондишери на берегах Вислы. Если бы он мог контролировать Ла-Манш, как это на мгновение сделал флот союзников в 1779 году, можно ли сомневаться, что он завоевал бы Гибралтар на берегах Англии?

Чтобы сильнее подчеркнуть истину о том, что история предполагает стратегическое изучение и иллюстрирует принципы ведения войны фактами, которые она передает, будут взяты еще два примера, которые более отдалены по времени, чем период, специально рассматриваемый в этой работе. Как случилось, что в двух великих сражениях между державами Востока и Запада в Средиземном море, в одном из которых на карту была поставлена империя всего известного мира, противоборствующие флоты встретились в таких близких друг к другу местах, как Акциум и Лепанто? Было ли это простым совпадением или это произошло из-за условий, которые повторились и могут повториться снова?[5] В последнем случае стоит изучить причину; ибо, если снова возникнет великая восточная морская держава, подобная Антонию или Турции, стратегические вопросы будут аналогичными. В настоящее время, действительно, кажется, что центр морской мощи, находящийся в основном у Англии и Франции, в подавляющем большинстве находится на Западе; но если какой-либо шанс дополнит контроль над Черноморским бассейном, которым сейчас обладает Россия, владением входом в Средиземное море, все существующие стратегические условия, влияющие на морскую мощь, будут изменены. Теперь, если бы Запад выступил против Востока, Англия и Франция сразу же без сопротивления отправились бы в Левант, как они это сделали в 1854 году, и как только Англия отправилась в 1878 году; в случае предполагаемого изменения Восток, как дважды до этого, встретился бы с Западом на полпути.

В очень заметный и важный период мировой истории Морская мощь имела стратегическое значение и вес, которые получили скудное признание. В настоящее время нет полных знаний, необходимых для детального отслеживания его влияния на исход второй Пунической войны; но сохранившихся указаний достаточно, чтобы обосновать утверждение, что это был определяющий фактор. Точное суждение по этому вопросу не может быть сформировано путем изучения только тех фактов конкретного сражения, которые были четко переданы, поскольку, как обычно, военно-морские операции были незначительно обойдены вниманием; необходимо также знакомство с деталями общей военно-морской истории, чтобы из незначительных указаний делать правильные выводы, основанные на знании того, что было возможно в периоды, история которых хорошо известна. Контроль над морем, каким бы реальным он ни был, не означает, что одиночные корабли или небольшие эскадры противника не могут незаметно покинуть порт, не могут пересекать более или менее посещаемые участки океана, совершать изматывающие налеты на незащищенные пункты протяженной береговой линии, входить в блокированные гавани. Напротив, история показала, что такие уклонения всегда возможны, в какой-то степени, для более слабой стороны, каким бы большим ни было неравенство военно-морских сил. Следовательно, не противоречит общему контролю над морем или решающей его части со стороны римских флотов ни то, что карфагенский адмирал Бомилькар на четвертом году войны, после сокрушительного поражения при Каннах, высадил четыре тысячи человек и отряд слонов в южной Италии; ни то, что на седьмой год, спасаясь от римского флота у Сиракуз, он снова появился в Таренте, находившемся тогда в руках Ганнибала; ни то, что Ганнибал отправил в Карфаген транспортные суда; ни даже то, что, наконец, он отступил в безопасности в Африке со своей растроченной армией. Ничто из этого не доказывает, что правительство в Карфагене могло бы, если бы захотело, оказывать Ганнибалу постоянную поддержку, которой на самом деле он не получал; но они создают естественное впечатление, что такая помощь могла быть оказана. Следовательно, утверждение о том, что римское превосходство на море оказало решающее влияние на ход войны, нуждается в

подтверждении путем изучения установленных фактов. Таким образом, вид и степень его влияния могут быть справедливо оценены.

Средиземное мореТоллист

В начале войны, говорит Моммзен, Рим контролировал моря. Какой бы причине или сочетанию причин это ни объяснялось, это, по сути, неморское государство в ходе первой Пунической войны установило над своим морским соперником военно-морское превосходство, которое сохранялось до сих пор. Во второй войне не было ни одного важного морского сражения — обстоятельство, которое само по себе, а еще больше в связи с другими хорошо установленными фактами, указывает на превосходство, аналогичное тому, которое в другие эпохи было отмечено той же чертой.

Поскольку Ганнибал не оставил мемуаров, неизвестны мотивы, побудившие его совершить опасный и почти разорительный поход через Галлию и Альпы. Однако несомненно, что его флот у берегов Испании был недостаточно силен, чтобы противостоять римскому. Если бы это было так, он, возможно, все еще шел бы по тому пути, которым шел на самом деле, по причинам, которые его волновали; но если бы он пошел морем, он не потерял бы тридцать три тысячи из шестидесяти тысяч солдат-ветеранов, с которыми он начинал.

Пока Ганнибал совершал этот опасный поход, римляне отправляли в Испанию под командованием двух старших Сципионов часть своего флота с консульской армией. Таким образом, путешествие обошлось без серьезных потерь, и армия успешно закрепились к северу от Эбро, на линии коммуникаций Ганнибала. В то же время другая эскадра с армией под командованием другого консула была отправлена на Сицилию. Вместе они насчитывали двести двадцать кораблей. На своей стоянке каждый встретил и разгромил карфагенскую эскадру с легкостью, которая может быть выведена из небольшого упоминания об этих действиях и которая указывает на фактическое превосходство римского флота.

После второго года война приняла следующую форму: Ганнибал, войдя в Италию с севера, после ряда успехов прошел на юг вокруг Рима и обосновался в южной Италии, живя за счет сельской местности, — состояние, которое имело тенденцию к отчуждению народа и было особенно опасным при соприкосновении с могущественной политической и военной системой контроля, которую установил там Рим. Поэтому с самого начала было срочно необходимо, чтобы он установил между собой и какой-нибудь надежной базой тот поток снабжения и подкреплений, который в терминах современной войны называется "коммуникациями". Существовали три дружественных региона, которые могли бы, каждый или все вместе, служить такой базой, — сам Карфаген, Македония и Испания. С первыми двумя сообщение могло осуществляться только по морю. Из Испании, где он находил самую твердую поддержку, до него можно было добраться как по суше, так и по морю, если только враг не преграждал проход; но морской путь был короче и легче.

В первые годы войны Рим, благодаря своей морской мощи, полностью контролировал бассейн между Италией, Сицилией и Испанией, известный как Тирренское и Сардинское моря. Морское побережье от Эбро до Тибра было в основном дружелюбно к ней. На четвертый год после битвы при Каннах Сиракузы вышли из римского союза, восстание распространилось по Сицилии, и Македония также вступила в наступательный союз с Ганнибалом. Эти изменения расширили необходимые операции римского флота и увеличили его численность. Какое расположение было принято для него и как это впоследствии повлияло на ход борьбы?

Имеются четкие указания на то, что Рим ни на миг не переставал контролировать Тирренское море, поскольку его эскадры беспрепятственно проходили из Италии в Испанию. На испанском побережье она также имела полную власть, пока младший Сципион не счел нужным разместить флот. На Адриатике для проверки Македонии в Бриндизи были размещены эскадра и военно-морская база, которые выполнили свою задачу настолько хорошо, что нога солдата фаланг никогда не ступала в Италию. "Отсутствие военного флота, - говорит Моммзен, - парализовало Филиппа во всех его действиях". Здесь влияние Морской мощи даже не является предметом умозаключений.

На Сицилии борьба развернулась вокруг Сиракуз. Флоты Карфагена и Рима встретились там, но превосходство, очевидно, было на стороне последнего; ибо, хотя карфагенянам временами удавалось подбрасывать в город припасы, они избегали встречи с римским флотом в бою. Имея в своих руках Лилибей, Палермо и Мессину, последняя хорошо базировалась на северном побережье острова. Доступ с юга был оставлен открытым для карфагенян, и таким образом они смогли поддержать восстание.

Сопоставляя эти факты, можно сделать разумный вывод, подтверждаемый всем ходом истории, что римская морская держава контролировала море к северу от линии, проведенной от Таррагоны в Испании до Лилибея (современная Марсала) на западной оконечности Сицилии, оттуда вокруг северной стороны острова через Мессинский пролив до Сиракуз, а оттуда до Бриндизи на Адриатике. Этот контроль сохранялся непоколебимо на протяжении всей войны. Это не исключало морских набегов, больших или малых, о которых уже говорилось; но это запрещало устойчивые и безопасные коммуникации, в которых Ганнибал смертельно нуждался.

С другой стороны, кажется столь же очевидным, что в течение первых десяти лет войны римский флот был недостаточно силен для постоянных операций в море между Сицилией и Карфагеном, да и вообще намного южнее указанной линии. Когда Ганнибал двинулся в путь, он

выделил те корабли, которые у него были, для поддержания коммуникаций между Испанией и Африкой, которые римляне тогда не пытались нарушать.

Таким образом, римская морская мощь полностью вывела Македонию из войны. Это не помешало Карфагену провести полезный и крайне неприятный отвлекающий маневр на Сицилии; но это помешало ему послать войска, когда они были бы наиболее полезны, своему великому полководцу в Италии. Как обстояли дела в Испании?

Испания была регионом, на котором отец Ганнибала и сам Ганнибал основывали свое предполагаемое вторжение в Италию. За восемнадцать лет до того, как это началось, они оккупировали страну, расширяя и укрепляя свою власть, как политическую, так и военную, с редкой проницательностью. Они вырастили и обучили в локальных войнах большую и теперь уже ветеранскую армию. После своего собственного отъезда Ганнибал доверил управление государством своему младшему брату Гасдрубалу, который до конца сохранил по отношению к нему верность, на которую у него не было оснований надеяться со стороны проклятой фракцией метрополии в Африке.

На момент его начала карфагенская власть в Испании была закреплена от Кадиса до реки Эбро. Регион между этой рекой и Пиренеями был населен племенами, дружественными римлянам, но неспособными, в отсутствие последних, оказать успешное сопротивление Ганнибалу. Он подавил их, оставив одиннадцать тысяч солдат под командованием Ганнона удерживать военное господство в стране, чтобы римляне не обосновались там и таким образом не нарушили его сообщение с базой.

Однако Кней Сципион прибыл на место морем в том же году с двадцатью тысячами человек, разбил Ганнона и занял как побережье, так и внутренние районы к северу от Эбро. Римляне, таким образом, удерживали территорию, с помощью которой они полностью перекрыли дорогу между Ганнибалом и подкреплениями от Гасдрубала и откуда они могли атаковать карфагенскую державу в Испании; в то время как их собственные сообщения с Италией, осуществлявшиеся по воде, были обеспечены их военно-морским превосходством. Они основали военно-морскую базу в Таррагоне, противостоя военно-морской базе Гасдрубала в Картахене, а затем вторглись в карфагенские владения. Война в Испании продолжалась при Сципионе старшем, казалось бы, побочная, с переменным успехом в течение семи лет; в конце этого времени Гасдрубал нанес им сокрушительное поражение, оба брата были убиты, и карфагенянам почти удалось прорваться к Пиренеям с подкреплением для Ганнибала. Попытка, однако, на данный момент была пресечена; и прежде чем она могла быть возобновлена, падение Капуи освободило двенадцать тысяч римских ветеранов, которые были отправлены в Испанию под командованием Клавдия Нерона, человека исключительных способностей, которому позже было приписано самое решительное военное движение, предпринятое любым римским полководцем во время Второй Пунической войны. Это своевременное подкрепление, которое снова обеспечило пошатнувшийся контроль над линией фронта Гасдрубала, прибыло морем — путь, который, хотя и был наиболее быстрым и легким, был закрыт для карфагенян римским флотом.

Два года спустя младший Публий Сципион, впоследствии прославленный как Африкан, получил командование в Испании и захватил Картахену комбинированной военной и морской атакой; после чего он предпринял самый экстраординарный шаг - расформировал свой флот и перевел моряков в армию. Не удовлетворившись тем, что действовал просто как "сдерживающий"[6]

отряд против Гасдрубала, перекрыв перевалы в Пиренеях, Сципион продвинулся вперед в южную Испанию и вел тяжелую, но нерешительную битву на Гвадалквивире; после чего Гасдрубал ускользнул от него, поспешил на север, пересек Пиренеи на их крайнем западе и прижал далее, в Италию, где позиции Ганнибала с каждым днем становились все слабее, а естественная растрата его армии не восполнялась.

Война продолжалась десять лет, когда Гасдрубал, понеся по пути небольшие потери, вступил в Италию с севера. Войска, которые он привел, если бы они были безопасно соединены с войсками под командованием непревзойденного Ганнибала, могли бы придать решающий поворот войне, поскольку сам Рим был почти истощен; железные оковы, связывавшие с ним его собственные колонии и союзные государства, были натянуты до предела, а некоторые уже лопнули. Но военное положение двух братьев также было крайне опасным. Одна находилась у реки Метавр, другая - в Апулии, на расстоянии двухсот миль друг от друга, и каждой из них противостоял превосходящий враг, и обе эти римские армии находились между разделенными противниками. Эта ложная ситуация, а также длительная задержка прихода Гасдрубала были вызваны римским контролем над морем, который на протяжении всей войны ограничивал взаимную поддержку братьев-карфагенян маршрутом через Галлию. В то самое время, когда Гасдрубал совершал свой долгий и опасный кругосветный переход по суше, Сципион отправил одиннадцать тысяч человек из Испании морем для усиления противостоящей ему армии. Результатом было то, что гонцы от Гасдрубала к Ганнибалу, которым пришлось пересекать столь широкий пояс враждебной страны, попали в руки Клавдия Нерона, командовавшего южной римской армией, который таким образом узнал маршрут, которым намеревался следовать Гасдрубал. Нерон правильно оценил ситуацию и, ускользнув от бдительности Ганнибала, совершил стремительный марш с восемью тысячами своих лучших войск, чтобы присоединиться к силам на севере. Когда соединение было достигнуто, оба консула обрушились на Гасдрубала подавляющим числом и уничтожили его армию; сам карфагенский вождь пал в битве. Первым известием Ганнибала о случившемся стало то, что в его лагерь была подброшена голова его брата. Говорят, он воскликнул, что Рим теперь будет владыкой мира; и битва при Метавре обычно признается решающей в борьбе между двумя государствами.

Военную ситуацию, которая в конечном итоге привела к битве при Метавре и триумфу Рима, можно резюмировать следующим образом: чтобы свергнуть Рим, необходимо было напасть на него в Италии, в центре его могущества, и разрушить прочно связанную конфедерацию, главой которой он был. Такова была цель. Чтобы достичь ее, карфагенянам нужна была надежная операционная база и надежная линия коммуникаций. Первая была создана в Испании гением великой семьи Барка; последняя так и не была достигнута. Возможны были две линии — одна прямая по морю, другая обходная через Галлию. Первый был блокирован римской морской державой, второй подвергся опасности и, наконец, был перехвачен в результате оккупации северной Испании римской армией. Эта оккупация стала возможной благодаря контролю над морем, которому карфагеняне никогда не угрожали. Таким образом, по отношению к Ганнибалу и его базе Рим занимал две центральные позиции, сам Рим и северную Испанию, соединенные удобной внутренней линией коммуникаций - морем, благодаря которой постоянно оказывалась взаимная поддержка.

Если бы Средиземное море представляло собой ровную пустынную местность, на которой римляне удерживали мощные горные хребты на Корсике и Сардинии, укрепленные посты в Таррагоне, Лилибее и Мессине, итальянскую береговую линию почти до Генуи и крепости

союзников в Марселе и других пунктах; если бы они также обладали вооруженными силами, способными по своему характеру пересечь эту пустыню по своему желанию, но в которой их противники были сильно уступающими и поэтому вынуждены были делать большой круг, чтобы сосредоточить свои войска, военная ситуация была бы сразу понята, и никакие слова не были бы слишком сильными, чтобы выразить ее ценность и действие этой особой силы. Было бы также воспринято, что силы противника того же рода, какими бы меньшими они ни были по численности, могли бы совершить набег на удерживаемую таким образом территорию, могли бы сжечь деревню или опустошить несколько миль пограничной территории, могли бы даже иногда отрезать конвой, не подвергая, в военном смысле, опасности коммуникации. Подобные грабительские операции проводились во все века более слабой морской воюющей стороной, но они никоим образом не подтверждают вывод, несовместимый с известными фактами, "что ни Рим, ни Карфаген не могли похвастаться бесспорным господством на море", потому что "римские флоты иногда посещали берега Африки, а карфагенские флоты точно так же появлялись у берегов Италии". В рассматриваемом случае военно-морской флот сыграл роль такой силы в предполагаемой пустыне; но поскольку он воздействует на элемент, чуждый большинству авторов, поскольку его члены с незапамятных времен были обособленной расой, не имевшей собственных пророков, не понимавшей ни себя, ни своего призвания, его огромное определяющее влияние на историю той эпохи, а следовательно, и на историю мира, было упущено из виду. Если предыдущий аргумент обоснован, то было бы столь же ошибочно исключать морскую мощь из списка основных факторов, влияющих на результат, сколь абсурдно было бы претендовать на ее исключительное влияние.

Приведенные выше примеры, взятые из далеко отстоящих друг от друга периодов времени, как до, так и после того, что специально рассмотрено в этой работе, служат иллюстрацией внутреннего интереса предмета и характера уроков, которые должна преподать история. Как уже отмечалось, они чаще относятся к стратегии, чем к тактике; они скорее влияют на ведение кампаний, чем сражений, и, следовательно, таят в себе более долговременную ценность. Процитирую в этой связи авторитетного человека, Жомини, который говорит: "Оказавшись в Париже в конце 1851 года, один выдающийся человек оказал мне честь, спросив моего мнения относительно того, приведут ли недавние усовершенствования вогнестрельном оружии к каким-либо значительным изменениям в способах ведения войны. Я ответил, что они, вероятно, окажут влияние на детали тактики, но что в крупных стратегических операциях и грандиозных комбинациях сражений победа, как и прежде, будет результатом применения принципов, которые приводили к успеху великих полководцев всех эпох; Александра и Цезаря, а также Фридриха и Наполеона". Это исследование стало более чем когда-либо важным для военно-морского флота из-за огромной и устойчивой движущей силы, которой обладает современный пароход. Самые тщательно спланированные планы могли потерпеть неудачу из-за неблагоприятных погодных условий во времена галер и парусных судов; но эта трудность почти исчезла. Принципы, которые должны руководить крупными военно-морскими объединениями, были применимы во все века и выводимы из истории; но способность осуществлять их без особого учета погоды - недавнее достижение.

Определения, обычно даваемые слову "стратегия", ограничивают его военными комбинациями, охватывающими одно или несколько полей операций, либо полностью различных, либо взаимозависимых, но всегда рассматриваемых как фактические или непосредственные сцены войны. Как бы это ни происходило на берегу, недавний французский автор совершенно прав, указывая, что такое определение слишком узко для военно-морской стратегии. "Это, - говорит

он, - отличается от военной стратегии тем, что это так же необходимо в мирное время, как и на войне. Действительно, в мирное время она может одержать свои самые решающие победы, заняв в стране, либо путем покупки, либо по договору, превосходные позиции, которые, возможно, вряд ли были бы завоеваны войной. Он учится использовать все возможности обосноваться в какой-нибудь выбранной точке побережья и сделать окончательным занятие, которое поначалу было лишь временным ". Поколение, которое видело, как Англия в течение десяти лет последовательно оккупировала Кипр и Египет на условиях, которые кажутся преходящими, но которые еще не привели к отказу от занятых позиций, может легко согласиться с этим замечанием; которое действительно получает постоянную иллюстрацию из спокойной настойчивости, с которой все великие морские державы добиваются позиции за позицией, менее известной, чем Кипр и Египет, в разных морях, в которые проникают их люди и их корабли. "Военно-морская стратегия действительно ставит своей целью создание, поддержку и увеличение морской мощи страны как в мирное, так и в военное время"; и поэтому ее изучение представляет интерес и ценность для всех граждан свободной страны, но особенно для тех, кто отвечает за ее международные и военные отношения.

Теперь будут рассмотрены общие условия, которые либо необходимы для величия нации на море, либо сильно влияют на него; после чего более подробное рассмотрение различных морских наций Европы в середине семнадцатого века, с которого начинается исторический обзор, сразу же послужит иллюстрацией и уточнением выводов по общему предмету.

Примечание. Блеск славы Нельсона, меркнувший, как и слава всех его современников, и безоговорочное доверие, которое Англия испытывает к нему как к единственному человеку, способному спасти ее от происков Наполеона, не должны, конечно, заслонять тот факт, что им была или могла быть занята только одна часть поля боя. Целью Наполеона в кампании, закончившейся Трафальгаром, было объединить в Вест-Индии французские флоты Бреста, Тулона и Рошфора вместе с сильным отрядом испанских кораблей, образовав таким образом превосходящие силы, которые, по его замыслу, должны были вместе вернуться в Ла-Манш и прикрыть переправу французской армии. Он, естественно, ожидал, что, поскольку интересы Англии разбросаны по всему миру, из-за незнания назначения французских эскадр возникнут замешательство и рассеянность, и английский военно-морской флот будет отвлечен от его цели. Частью поля боя, вверенной Нельсону, было Средиземное море, откуда он наблюдал за огромным тулонским арсеналом и шоссейными дорогами, ведущими как на Восток, так и к Атлантике. По своим последствиям это не уступало ни одному другому и приобрело дополнительное значение в глазах Нельсона из-за его убежденности в том, что прежние покушения на Египет будут возобновлены. Вследствие этого убеждения он предпринял сначала ложный шаг, который задержал его преследование тулонского флота, когда тот плыл под командованием Вильнева; последнему также благоприятствовал продолжительный попутный

ветер, в то время как у англичан был встречный. Но хотя все это верно, хотя провал комбинаций Наполеона следует приписать цепкой хватке английской блокады Бреста, а также энергичному преследованию Нельсоном тулонского флота, когда он бежал в Вест-Индию, и снова при его поспешном возвращении в Европу, последний имеет полное право на выдающееся отличие, которым его наградила история и которое утверждается в тексте. Нельсон действительно не понимал намерений Наполеона. Возможно, это объяснялось, как говорили некоторые, недостатком проницательности; но проще всего это можно отнести к обычному невыгодному положению, в котором находится защита до нанесения удара, а именно к незнанию того, чему угрожает нападение. Достаточно проницательности, чтобы ухватиться за ключ к ситуации; и Нельсон правильно понял, что это флот, а не станция. Следовательно, его действия стали ярким примером того, как целеустремленность и неутомимая энергия в исполнении могут исправить первую ошибку и расстроить глубоко продуманные планы. Его средиземноморское командование включало в себя множество обязанностей и забот; но среди всех них и доминируя над ними, он ясно видел тулонский флот как контролирующий фактор там и важный фактор в любой военно-морской комбинации императора. Поэтому его внимание было непоколебимо приковано к нему; настолько, что он назвал его "своим флотом" - фраза, которая несколько задела чувства французских критиков. Этот простой и точный взгляд на военную ситуацию укрепил его в принятии бесстрашного решения и взятии на себя огромной ответственности покинуть свой пост, чтобы последовать за "своим флотом". Преисполненный решимости предпринять преследование, неоспоримая мудрость которого не должна заслонять величия духа, предпринявшего его, он последовал за ним так энергично, что по возвращении достиг Кадиса за неделю до того, как Вильнев вошел в Ферроль, несмотря на неизбежные задержки, возникающие из-за ложной информации и неопределенности относительно передвижений противника. Тот же неутомимый пыл позволил ему вовремя перебросить свои корабли из Кадикса в Брест, чтобы тамошний флот превосходил флот Вильнева, если бы последний упорствовал в своих попытках добраться до окрестностей. Англичане, сильно уступавшие по общему количеству судов флотам союзников, были благодаря этому своевременному усилению в виде восьми опытных кораблей поставлены в стратегически наилучшую возможную позицию, как будет указано при рассмотрении аналогичных условий в войне за Американскую революцию. Их силы были объединены в один большой флот в Бискайском заливе, расположенный между двумя дивизиями противника в Бресте и Ферроле, превосходящий по численности обе поодиночке и с высокой вероятностью расправиться с одной из них до того, как подойдет другая. Это произошло благодаря умелым действиям со стороны английских властей; но превыше всех других факторов в результате стоит целеустремленная погоня Нельсона за "своим флотом".

Эта интересная серия стратегических маневров закончилась 14 августа, когда Вильнев, отчаявшись добраться до Бреста, направился в Кадис, где бросил якорь 20 августа. Как только Наполеон услышал об этом, после вспышки гнева против адмирала, он сразу же продиктовал серию действий, которые привели к Ульму и Аустерлицу, отказавшись от своих целей против Англии. Таким образом, Трафальгарская битва, состоявшаяся 21 октября, была отделена промежутком в два месяца от масштабных боевых действий, результатом которых она, тем не менее, стала. Изолированный от них по времени, он, тем не менее, был свидетельством гениальности Нельсона, позже прикрепленным к записи, сделанной им в недалеком прошлом. Не менее справедливо говорят, что Англия была спасена при Трафальгаре, хотя император тогда

отказался от своего предполагаемого вторжения; тамошние разрушения подчеркнули и закрепили стратегический триумф, который бесшумно сорвал планы Наполеона.

СНОСКИ:

[1] Таким образом, Гермократ Сиракузский, отстаивая политику срыва афинской экспедиции против его города (413 г. до н.э.), смело идя ему навстречу и оставаясь на фланге его передовой линии, сказал: "Поскольку их продвижение должно быть медленным, у нас будет тысяча возможностей атаковать их; но если они подготовят свои корабли к бою и всем скопом быстро обрушивайтесь на нас, они должны усердно работать веслами, и *когда они устанут от тяжелого труда*, мы сможем обрушиться на них".

[2] Автор должен остерегаться того, чтобы не показаться сторонником тщательно продуманных тактических приемов, приводящих к бесплодным демонстрациям. Он считает, что флот, стремящийся к решающему результату, должен сблизиться со своим противником, но не раньше, чем будет получено некоторое преимущество в столкновении, которое обычно достигается маневрированием и достанется лучше всего обученному и управляемому флоту. По правде говоря, бесплодные результаты столь же часто следовали за стремительными, близкими столкновениями, как и за самыми робкими тактическими пустяками.

[3] Считалось, что судно имеет флюгер, или "преимущество ветра", или "находиться с наветренной стороны", когда ветер позволял ему поворачивать к противнику и не позволял последнему направляться прямо на него. Крайним случаем было, когда ветер дул прямо от одной линии к другой; но по обе стороны от этой линии было большое пространство, к которому применялся термин "метеометр". Если принять подветренное судно за центр круга, то почти три восьмых его площади занимало другое судно, в котором оно могло находиться и все еще сохранять преимущество ветра в большей или меньшей степени. Ли - полная противоположность погоде.

[4] Смотрите примечание в конце вводной главы, стр. 23.

[5] В этом районе велась Наваринская битва (1827) между Турцией и западными державами.

[6] "Сдерживающие" силы - это силы, на которые в военной комбинации возложена обязанность остановить или задержать продвижение части противника, в то время как основные усилия армии или армий прилагаются в другом квартале.

ГЛАВА I

Обсуждение элементов морской мощи.

Первое и наиболее очевидное, в каком предстает море с политической и социальной точек зрения, - это вид большого шоссе; или, лучше, возможно, широкой равнины, по которой люди могут идти во всех направлениях, но на которой некоторые хорошо протоптанные тропинки показывают, что определяющие причины побудили их выбрать определенные направления движения, а не другие. Эти направления движения называются торговыми путями; и причины, которые их определили, следует искать в мировой истории.

Несмотря на все знакомые и незнакомые опасности моря, путешествовать по воде всегда было проще и дешевле, чем по суше. Коммерческое величие Голландии было обусловлено не только ее морским судоходством, но и многочисленными спокойными водными путями, которые обеспечивали такой дешевый и легкий доступ в ее собственные внутренние районы и в Германию. Это преимущество водного транспорта перед наземным было еще более заметно в период, когда дорог было мало и они были очень плохими, войны были частыми, а общество неустроенным, как это было двести лет назад. Морское сообщение тогда подвергалось опасности нападения грабителей, но, тем не менее, было безопаснее и быстрее, чем сухопутное. Голландский писатель того времени, оценивая шансы своей страны в войне с Англией, замечает, среди прочего, что водные пути Англии не смогли в достаточной степени проникнуть в страну; следовательно, поскольку дороги плохие, товары из одной части королевства в другую должны доставляться морем и по пути подвергаться захвату. Что касается чисто внутренней торговли, то в настоящее время эта опасность в целом исчезла. В настоящее время в большинстве цивилизованных стран разрушение или исчезновение каботажной торговли было бы лишь неудобством, хотя водный транзит по-прежнему обходится дешевле. Тем не менее, еще со времен войн Французской Республики и Первой империи те, кто знаком с историей того периода и выросшей вокруг него легкой военно-морской литературой, знают, насколько постоянны упоминания о конвоях, курсирующих из пункта в пункт вдоль французского побережья, хотя море кишело английскими крейсерами и там были хорошие внутренние дороги.

Однако в современных условиях внутренняя торговля является всего лишь частью бизнеса страны, граничащей с морем. Иностранные товары первой необходимости или предметы роскоши должны доставляться в порты страны либо на ее собственных, либо на иностранных кораблях, которые вернутся, неся в обмен продукты страны, будь то плоды земли или произведения человеческих рук; и каждая нация желает, чтобы это морское дело осуществлялось ее собственными судами. Корабли, которые таким образом плавают туда-сюда, должны иметь безопасные порты для возвращения, и, насколько это возможно, их страна должна находиться под защитой на протяжении всего плавания.

Эта защита во время войны должна быть расширена за счет вооруженного судоходства. Необходимость военно-морского флота в ограниченном смысле этого слова проистекает, следовательно, из существования мирного судоходства и исчезает вместе с ним, за исключением случая, когда нация имеет агрессивные тенденции и содержит военно-морской флот просто как ветвь военного ведомства. Поскольку Соединенные Штаты в настоящее время не преследуют агрессивных целей и поскольку их торговая служба прекратилась, сокращение вооруженного флота и общее отсутствие интереса к нему являются строго логичными последствиями. Когда по какой-либо причине морская торговля снова станет окупаемой, вновь возникнет достаточно большой интерес к судоходству, чтобы вынудить к возрождению военного флота. Вполне возможно, что, когда маршрут канала через Центральноамериканский перешеек считается почти несомненным, агрессивный импульс может быть достаточно сильным, чтобы привести к тому же результату. Однако это сомнительно, потому что мирная, любящая наживу нация не дальновидна, а дальновидность необходима для адекватной военной подготовки, особенно в наши дни.

Поскольку нация со своим невооруженным флотом отплывает от своих собственных берегов, вскоре ощущается потребность в пунктах, на которые корабли могли бы опереться для мирной торговли, в убежище и припасах. В наши дни дружественные, хотя и иностранные, порты можно найти по всему миру; и их убежища достаточно, пока царит мир. Так было не всегда, и мир не всегда длится вечно, хотя Соединенным Штатам благоприятствовало столь долгое его сохранение. В прежние времена моряк торгового флота, стремившийся к торговле в новых и неисследованных регионах, добивался своего, рискуя жизнью и свободой от подозрительных или враждебных наций, и испытывал большие задержки при получении полного и выгодного фрахта. Поэтому он интуитивно искал в дальнем конце своего торгового пути одну или несколько станций, которые были бы предоставлены ему силой или благосклонностью, где он мог бы обеспечить себе или своим агентам разумную безопасность, где его корабли могли бы находиться в безопасности и где можно было бы постоянно собирать товарные продукты страны в ожидании прибытия флота метрополии, который должен был доставить их на родину. Поскольку в этих первых путешествиях была огромная выгода, а также большой риск, такие заведения естественным образом множились и разрастались, пока не превратились в колонии; чье окончательное развитие и успех зависели от гения и политики нации, из которой они вышли, и составляют очень большую часть мировой истории, и особенно морской истории. Не во всех колониях было простое и естественное зарождение и рост, описанные выше. Многие из них были более формальными и чисто политическими по своей концепции и основанию, действиями правителей народа, а не частных лиц; но торговая станция с ее последующим расширением, работа просто авантюриста, ищущего наживы, была по своим причинам и сути такой же, как тщательно организованная и зафрахтованная колония. В обоих случаях метрополия закрепила на чужбине, ища новый выход для того, что она могла продать, новую

сферу для своего судоходства, больше работы для своего народа, больше комфорта и богатства для себя.

Однако потребности торговли не были полностью удовлетворены, когда безопасность была обеспечена в дальнем конце дороги. Путешествия были долгими и опасными, моря часто кишели врагами. В самые активные дни колонизации на море царил беззаконие, сама память о котором сейчас почти утрачена, и дни установившегося мира между морскими нациями были редки. Так возник спрос на станции вдоль дороги, такие как мыс Доброй Надежды, остров Святой Елены и Маврикий, в первую очередь не для торговли, а для обороны и ведения войны; спрос на владение такими постами, как Гибралтар, Мальта, Луисбург, у входа в залив Святого Лаврентия, — постами, значение которых было главным образом стратегическим, хотя и не обязательно таковым полностью. Колонии и колониальные посты носили иногда коммерческий, иногда военный характер; и было исключительным то, что одно и то же положение было одинаково важным с обеих точек зрения, как и Нью-Йорк.

В этих трех вещах — производстве с необходимостью обмена продуктами, судоходстве, посредством которого осуществляется обмен, и колониях, которые облегчают и расширяют операции судоходства и стремятся защитить его за счет увеличения количества безопасных пунктов — следует искать ключ ко многому в истории, а также в политике стран, граничащих с морем. Политика менялась как в соответствии с духом эпохи, так и с характером и дальновидностью правителей; но история прибрежных наций определялась не столько проницательностью правительств, сколько условиями положения, протяженностью, конфигурацией, численностью и характером их народа, — тем, что, одним словом, называется естественными условиями. Однако следует признать, и это будет видно, что мудрые или неразумные действия отдельных людей в определенные периоды оказывали большое модифицирующее влияние на рост морской мощи в широком смысле, который включает в себя не только военную мощь на плаву, которая управляет морем или любой его частью силой оружия, но также мирную торговлю и судоходство, из которых естественным и здоровым образом проистекает военный флот и на которых он надежно покоится.

Основные условия, влияющие на морскую мощь наций, могут быть перечислены следующим образом: I. Географическое положение. II. Физическое строение, включая, в связи с этим, природные процессы и климат. III. Протяженность территории. IV. Численность населения. V. Характер народа. VI. Характер правительства, включая национальные институты.

I. Географическое положение. — Во-первых, можно указать, что если нация расположена так, что ее не принуждают защищаться на суше и не побуждают стремиться к расширению своей территории за счет суши, то она имеет, благодаря самому единству своей цели, направленной на море, преимущество по сравнению с народом, одна из границ которого проходит по континенту. Это было большим преимуществом Англии как морской державы как перед Францией, так и перед Голландией. Силы последней были рано истощены необходимостью содержать большую армию и вести дорогостоящие войны для сохранения своей независимости; в то время как политика Франции постоянно отвлекалась, иногда мудро, а иногда и крайне глупо, от моря к проектам расширения континента. Эти военные усилия

привели к расходованию богатства, в то время как более мудрое и последовательное использование ее географического положения увеличило бы его.

Географическое положение само по себе может способствовать концентрации или вызывать необходимость рассредоточения военно-морских сил. И здесь британские острова имеют преимущество перед Францией. Позиция последней, соприкасающейся со Средиземным морем, а также с океаном, хотя и имеет свои преимущества, в целом является источником военной слабости на море. Восточный и западный французские флоты смогли объединиться только после прохождения через Гибралтарский пролив, пытаясь сделать это, они часто рисковали, а иногда и несли потери. Позиция Соединенных Штатов на двух океанах была бы либо источником большой слабости, либо причиной огромных расходов, если бы они вели крупную морскую торговлю на обоих побережьях.

Англия из-за своей огромной колониальной империи пожертвовала значительной частью этого преимущества концентрации сил у своих собственных берегов; но жертва была принесена мудро, поскольку выигрыш был больше потерь, как показали события. С ростом ее колониальной системы росли и ее военные флоты, но ее торговые перевозки и богатство росли еще быстрее. Тем не менее, в войнах Американской революции, Французской Республики и Империи, по меткому выражению одного французского автора, "Англия, несмотря на огромное развитие своего военно-морского флота, казалось, всегда, среди богатства, испытывала все неудобства бедности". Мощи Англии было достаточно, чтобы поддерживать жизнь в сердцах и членах; в то время как столь же обширная колониальная империя Испании, благодаря своей морской слабости, давала так много поводов для оскорблений.

Географическое положение страны может не только способствовать концентрации ее сил, но и давать дополнительное стратегическое преимущество в виде центрального положения и хорошей базы для враждебных операций против ее вероятных противников. То же самое происходит и с Англией; с одной стороны, она сталкивается с Голландией и северными державами, с другой - с Францией и Атлантикой. Когда возникала угроза коалиции между Францией и военно-морскими державами Северного моря и Балтики, как это иногда бывало с Францией, ее флоты в Даунсе и в Ла-Манше, и даже у Бреста, занимали внутренние позиции и, таким образом, были легко в состоянии противопоставить свои объединенные силы любому из врагов, который попытался бы пройти через Ла-Манш, чтобы соединиться со своим союзником. Кроме того, с обеих сторон Природа предоставила ей лучшие порты и более безопасное побережье для подхода. Раньше это было очень серьезным элементом перехода через Ла-Манш; но в последнее время паровой транспорт и улучшение состояния гаваней уменьшили невыгодные условия, в которых когда-то находилась Франция. Во времена парусных судов английский флот действовал против Бреста, сделав свои базы в Торбее и Плимуте. План был прост: при восточной или умеренной погоде блокирующий флот без труда удерживал свои позиции; но при западных штормах, когда они были слишком сильными, они держали курс на английские порты, зная, что французский флот не сможет выйти, пока ветер не переменится, что в равной степени способствовало возвращению их на свою позицию.

Преимущество географической близости к врагу или объекту нападения нигде не проявляется так явно, как в той форме ведения войны, которая в последнее время получила название разрушающей торговли, которую французы называют *guerre de course*. Эта военная операция, направленная против мирных торговых судов, которые обычно беззащитны, требует кораблей

небольшой военной силы. Такие корабли, не имея достаточных возможностей для самозащиты, нуждаются в убежище или пункте поддержки под рукой; которые будут найдены либо в определенных частях моря, контролируемых боевыми кораблями их страны, либо в дружественных гаванях. Последние оказывают самую сильную поддержку, потому что они всегда находятся в одном и том же месте, и подходы к ним более знакомы разрушителю торговли, чем его врагу. Близость Франции к Англии, таким образом, значительно облегчила ее *военные действия*, направленные против последней. Имея порты на Северном море, в Ла-Манше и в Атлантике, ее крейсера стартовали из пунктов, расположенных вблизи центра английской торговли, как приходя, так и уходя. Удаленность этих портов друг от друга, невыгодная для регулярных военных соединений, является преимуществом для этой нерегулярной вторичной операции; ибо суть первой заключается в концентрации усилий, тогда как для разрушающей торговлю диффузии усилий является правилом. Разрушители торговли разбегаются, чтобы увидеть и захватить побольше добычи. Эти истины проиллюстрированы историей великих французских каперов, чьи базы и места действий находились в основном в Ла-Манше и Северном море, или же были обнаружены в отдаленных колониальных регионах, где острова вроде Гваделупы и Мартиники предоставляли такое же близкое убежище. Необходимость пополнения запасов угля делает современный крейсер еще более зависимым от своего порта, чем в прежние времена. Общественное мнение в Соединенных Штатах очень верит в войну, направленную против торговли противника; но следует помнить, что республика не имеет портов в непосредственной близости от крупных центров торговли за рубежом. Таким образом, ее географическое положение исключительно невыгодно для ведения успешной торговли - разрушительной, если только она не найдет базы в портах союзника.

Если, помимо удобства для нападения, Природа расположила страну так, что она имеет легкий доступ к самому открытому морю, в то же время контролируя одну из важнейших транспортных магистралей мира, очевидно, что стратегическое значение ее положения очень велико. Такова опять-таки и в большей степени была позиция Англии. Торговля Голландии, Швеции, России, Дании и та, что шла вверх по великим рекам в глубь Германии, должна была проходить через Ла-Манш недалеко от ее дверей, ибо парусные суда огибали английское побережье. Более того, эта северная торговля имела особое отношение к морской мощи, поскольку военно-морские припасы, как их обычно называют, поступали главным образом из балтийских стран.

Если бы не потеря Гибралтара, положение Испании было бы во многом аналогично положению Англии. Если смотреть сразу на Атлантику и Средиземное море, с Кадисом на одной стороне и Картахеной на другой, то торговля с Левантом, должно быть, находилась в ее руках, а также вокруг мыса Доброй Надежды, недалеко от ее дверей. Но Гибралтар не только лишил ее контроля над проливами, но и создал препятствие для беспрепятственного соединения двух дивизий ее флота.

В наши дни, если смотреть только на географическое положение Италии, а не на другие условия, влияющие на ее морскую мощь, может показаться, что с ее обширным морским побережьем и хорошими портами она находится в очень выгодном положении для оказания решающего влияния на торговый путь в Левант и через Суэцкий перешеек. В какой-то степени это верно, и было бы гораздо более верно, если бы Италия теперь владела всеми островами, естественно итальянскими; но поскольку Мальта находится в руках Англии, а Корсика - во Франции, преимущества ее географического положения в значительной степени нейтрализованы. Из-за расового сходства и положения эти два острова являются такими же

законными объектами вожделения Италии, как Гибралтар для Испании. Если бы Адриатика была великой торговой магистралью, положение Италии было бы еще более влиятельным. Эти недостатки в ее географической завершенности в сочетании с другими причинами, наносящими ущерб полному и надежному развитию морской мощи, делают более чем сомнительным, сможет ли Италия в течение некоторого времени занимать первое место среди морских держав.

Поскольку целью здесь является не исчерпывающее обсуждение, а всего лишь попытка показать на иллюстрации, насколько жизненно положение страны может повлиять на ее морскую карьеру, это разделение предмета может быть пока отклонено; тем более что примеры, которые еще больше подчеркнут его важность, будут постоянно повторяться в историческом изложении. Однако здесь уместны два замечания.

Обстоятельства привели к тому, что Средиземное море сыграло большую роль в мировой истории, как с коммерческой, так и с военной точки зрения, чем любое другое водное пространство того же размера. Нация за нацией пытались контролировать его, и борьба все еще продолжается. Следовательно, изучение условий, на которых держалось и сейчас держится господство в его водах, и относительной военной ценности различных пунктов на его побережье, будет более поучительным, чем такое же количество усилий, затраченных в другой области. Более того, в настоящее время он имеет очень заметную аналогию во многих отношениях с Карибским морем — аналогию, которая будет еще более близкой, если когда-нибудь будет завершен маршрут Панамского канала. Изучение стратегических условий Средиземноморья, получившее множество иллюстраций, станет прекрасной прелюдией к аналогичному исследованию Карибского бассейна, история которого сравнительно невелика.

Второе замечание касается географического положения Соединенных Штатов относительно центральноамериканского канала. Если таковая будет создана и оправдает надежды ее строителей, Карибский бассейн превратится из конечной остановки и места местного движения или, в лучшем случае, из ломаной и несовершенной линии передвижения, какой она является сейчас, в одну из величайших магистралей мира. По этому пути пойдет великая торговля, которая приблизит интересы других великих наций, европейских наций, к нашим берегам, как никогда прежде. При этом оставаться в стороне от международных осложнений будет не так легко, как до сих пор. Позиция Соединенных Штатов по отношению к этому маршруту будет аналогична позиции Англии по отношению к Ла-Маншу и стран Средиземноморья по отношению к Суэцкому маршруту. Что касается влияния и контроля над ней, в зависимости от географического положения, то, конечно, очевидно, что центр национальной мощи, постоянная база, [7] намного ближе, чем у других великих наций. Позиции, занимаемые ими сейчас или в будущем на острове или материке, какими бы сильными они ни были, будут всего лишь форпостами их могущества; в то время как по всем сырьевым ресурсам военной мощи ни одна нация не превосходит Соединенные Штаты. Она, однако, слаба в своей признанной неподготовленности к войне; и ее географическая близость к спорной точке отчасти теряет свою ценность из-за характера побережья Мексиканского залива, на котором не хватает портов, сочетающих безопасность от врага с возможностями для ремонта боевых кораблей первого класса, без которых ни одна страна не может претендовать на контроль над какой-либо частью моря. В случае соперничества за господство в Карибском бассейне, учитывая глубину Южного прохода Миссисипи, близость Нового Орлеана и преимущества долины Миссисипи для транзита воды, кажется очевидным, что основные усилия страны

должны быть направлены в эту долину, и там должна быть расположена ее постоянная база операций. Защита входа в Миссисипи, однако, представляет особые трудности; в то время как единственные два конкурирующих порта, Ки-Уэст и Пенсакола, имеют слишком малую глубину и расположены гораздо менее выгодно с точки зрения ресурсов страны. Чтобы в полной мере воспользоваться преимуществами превосходного географического положения, эти недостатки должны быть преодолены. Более того, поскольку расстояние от перешейка, хотя и относительно меньшее, все еще значительно, Соединенным Штатам придется обзавестись в Карибском бассейне базами, пригодными для условных или второстепенных операций; которые благодаря своим естественным преимуществам, восприимчивости к обороне и близости к центральному стратегическому вопросу позволят их флотам оставаться так же близко к месту действия, как и любой противник. При достаточной защите входа и выхода из Миссисипи, при наличии в ее руках таких аванпостов и при обеспечении коммуникаций между ними и базой базирования, короче говоря, при надлежащей военной подготовке, для которой у нее есть все необходимые средства, превосходство Соединенных Штатов в этой области следует из ее географического положения и ее мощи с математической достоверностью.

II. *Физическое телосложение.* Особенности побережья Мексиканского залива, о которых только что говорилось, должным образом подпадают под определение физического состояния страны, которое ставится на второе место для обсуждения среди условий, влияющих на развитие морской мощи.

Морское побережье страны является одной из ее границ; и чем легче доступ, предлагаемый границей к региону за ее пределами, в данном случае к морю, тем сильнее будет склонность народа к сношениям с остальным миром через нее. Если представить себе страну, имеющую протяженное морское побережье, но полностью лишенную гавани, то у такой страны не может быть собственной морской торговли, судоходства, военно-морского флота. Практически так было и с Бельгией, когда она была испанской и австрийской провинцией. Голландцы в 1648 году в качестве условия мира после успешной войны потребовали, чтобы Шельда была закрыта для морской торговли. Это закрыло гавань Антверпена и перенесло морскую торговлю Бельгии в Голландию. Испанские Нидерланды перестали быть морской державой.

Многочисленные и глубокие гавани являются источником силы и богатства, и это вдвойне важно, если они являются устьями судоходных рек, которые способствуют концентрации в них внутренней торговли страны; но из-за самой своей доступности они становятся источником слабости во время войны, если не защищены должным образом. Голландцы в 1667 году без особых затруднений поднялись по Темзе и сожгли большую часть английского флота в пределах видимости Лондона; тогда как несколько лет спустя объединенные флоты Англии и Франции при попытке высадки в Голландии потерпели неудачу как из-за трудностей на побережье, так и из-за доблести голландского флота. В 1778 году гавань Нью-Йорка, а вместе с ней и бесспорный контроль над рекой Гудзон, были бы потеряны англичанами, оказавшимися в невыгодном положении, если бы не нерешительность французского адмирала. При таком контроле Новая Англия была бы восстановлена для тесного и безопасного сообщения с Нью-Йорком, Нью-Джерси, и Пенсильванией; и этот удар, последовавший за катастрофой в Бергойне годом ранее, вероятно, побудил бы англичан заключить мир раньше. Миссисипи является могучим

источником богатства и силы Соединенных Штатов; но слабая защита ее устья и количество второстепенных рек, проникающих в страну, сделали ее слабостью и источником бедствий для Южной Конфедерации. И, наконец, в 1814 году оккупация Чесапика и разрушение Вашингтона преподали наглядный урок об опасностях, которым подвергаются самые благородные водные пути, если подходы к ним не защищены; урок достаточно недавний, чтобы его было легко вспомнить, но который, судя по нынешнему виду береговых укреплений, кажется, еще легче забыть. Не следует также думать, что условия изменились; обстоятельства и детали нападения и защиты изменились, как и прежде, но основные условия остались прежними.

До и во время великих наполеоновских войн во Франции не было порта для линейных кораблей к востоку от Бреста. Как велико преимущество Англии, которая на том же участке имеет два больших арсенала, в Плимуте и Портсмуте, помимо других гаваней убежища и снабжения. Этот дефект конструкции с тех пор был исправлен на заводах в Шербуре.

Помимо очертаний побережья, предполагающих легкий доступ к морю, существуют и другие физические условия, которые приводят людей к морю или отворачивают их от него. Хотя Франции не хватало военных портов на Ла-Манше, у нее были как там, так и на берегу океана, а также в Средиземном море превосходные гавани, выгодно расположенные для торговли за границей и у истоков крупных рек, которые способствовали бы внутреннему судоходству. Но когда Ришелье положил конец гражданской войне, французы не вышли в море с таким рвением и успехом, как англичане и голландцы. Основная причина этого, вероятно, кроется в физических условиях, которые сделали Францию приятной страной с восхитительным климатом, производящей внутри себя больше, чем нужно ее народу. Англия, с другой стороны, получала от Природы очень мало, и до тех пор, пока ее мануфактуры не были развиты, ей было мало что экспортировать. Ихмногочисленные потребности в сочетании с неугомонной деятельностью и другими условиями, благоприятствовавшими морскому предпринимательству, привели ее народ за границу; и они нашли там земли более приятные и богатые, чем их собственные. Их потребности и гениальность сделали их торговцами и колонистами, затем промышленниками и производственниками; а между товарами и судоходством колоний существует неизбежная связь. Так росла их морская мощь. Но если Англию тянуло к морю, то Голландию тянуло к нему; без моря Англия чахла, а Голландия умирала. На пике ее величия, когда она была одним из главных факторов европейской политики, компетентный местный орган власти подсчитал, что земля Голландии не могла прокормить более одной восьмой ее населения. Промышленные предприятия страны были тогда многочисленны и важны, но они начали развиваться гораздо позже, чем судоходство. Бедность почвы и незащищенный характер побережья вынудили голландцев первыми заняться рыболовством. Затем открытие процесса вяления рыбы дало им материал как для экспорта, так и для домашнего потребления, и таким образом заложило краеугольный камень их богатства. Таким образом, они стали торговцами в то время, когда итальянские республики под давлением турецкой мощи и открытия прохода вокруг мыса Доброй Надежды начали приходить в упадок, и они стали наследниками великой итальянской торговли с Левантом. Кроме того, благодаря своему географическому положению, занимавшему промежуточное положение между Балтикой, Францией и Средиземноморьем, а также в устьях немецких рек, они быстро поглотили почти всю транспортную торговлю Европы. Пшеница и морские припасы на Балтике, торговля Испании с ее колониями в Новом Свете, вина Франции и французская каботажная торговля немногим более двухсот лет назад перевозились голландскими судами. Большая часть транспортной торговли Англии даже в то время осуществлялась в голландских ботфортах. Не

будем делать вид, что все это процветание происходило только от бедности природных ресурсов Голландии. Что-то не вырастает из ничего. Что верно, так это то, что тяжелое положение ее народа вытеснило их к морю, и благодаря их мастерству в морском деле и размерам их флотов они смогли извлечь выгоду из внезапного расширения торговли и духа исследований, которые последовали за открытием Америки и проходом вокруг Мыса. Совпадали и другие причины, но все их процветание основывалось на морской мощи, которую породила их бедность. Их пища, одежда, сырье для их мануфактур, сама древесина и пенька, из которых они строили и оснащали свои корабли (а они построили почти столько же, сколько и по всей Европе), были импортированы; и когда катастрофические войны с Англией в 1653 и 1654 годах продолжались восемнадцать месяцев и их судоходство прекратилось, говорят, что "источники доходов, которые всегда поддерживали богатство государства, такие как рыболовство и торговля, почти иссякли. Мастерские были закрыты, работы приостановлены. Зюйдер-Зее превратился в лес мачт; страна была полна нищих; на улицах росла трава, а в Амстердаме полторы тысячи домов пустовали". Только униженный мир спас их от разорения.

Этот печальный результат показывает слабость страны, полностью зависящей от внешних по отношению к ней источников в той роли, которую она играет в мире. С большими выводами, из-за различий в условиях, о которых здесь нет необходимости говорить, случай Голландии тогда имеет сильное сходство с ситуацией в Великобритании сейчас; и они являются настоящими пророками, хотя, по-видимому, не пользуются большой честью в своей собственной стране, которые предупреждают ее, что продолжение ее процветания дома зависит в первую очередь от сохранения ее власти за границей. Люди могут быть недовольны отсутствием политических привилегий; они будут чувствовать себя еще более неловко, если столкнутся с нехваткой хлеба. Американцам более интересно отметить, что результат для Франции, считающейся морской державой, вызванный обширностью, красотой и богатством суши, был воспроизведен в Соединенных Штатах. Вначале их предки владели узкой полосой земли у моря, плодородной в некоторых частях, хотя и малоразвитой, изобилующей гаванями и рядом с богатыми рыбными угодьями. Эти физические кондиции в сочетании с врожденной любовью к морю, пульсом той английской крови, которая все еще бьется в их жилах, поддерживали все те склонности и занятия, от которых зависит здоровая морская мощь. Почти каждая из первоначальных колоний находилась на берегу моря или на одном из его крупных притоков. Весь экспорт и импорт направлялся к одному побережью. Интерес к морю и разумная оценка той роли, которую оно играет в общественном благосостоянии, были легко и широко распространены; и мотив, более влиятельный, чем забота об общественных интересах, также был активен, поскольку изобилие судостроительных материалов и относительная малочисленность других инвестиций сделали судоходство прибыльным частным делом. Все знают, насколько изменились нынешние условия. Центр власти больше не находится на побережье. Книжки и газеты соперничают друг с другом в описании поразительного роста и все еще неосвоенных богатств внутренних районов. Капитал находит там свои лучшие вложения, а рабочая сила - самые широкие возможности. Границы заброшены и политически слабы; побережье Мексиканского залива и Тихого океана на самом деле таково, Атлантическое побережье относительно центральной долины Миссисипи. Когда настанет день, когда судоходство снова окупится, когда три морских рубежа обнаружат, что они не только слабы в военном отношении, но и беднее из-за отсутствия национального судоходства, их объединенные усилия могут помочь снова заложить основы нашей морской мощи. До тех пор те, кто следит за ограничениями, которые недостаток морской мощи наложил на карьеру Франции, могут скорбеть о том, что их собственная страна из-за

такой же избыточности внутреннего богатства подвергается такому же пренебрежению этим великим инструментом.

Среди изменяющихся физических условий можно отметить форму, подобную форме Италии, — длинный полуостров с центральной горной цепью, разделяющей его на две узкие полосы, вдоль которых обязательно проходят дороги, соединяющие различные порты. Только абсолютный контроль над морем может полностью обезопасить такие коммуникации, поскольку невозможно знать, в какой точке враг, приближающийся из-за видимого горизонта, может нанести удар; но все же, при наличии достаточных военно-морских сил, размещенных в центре, будет хорошая надежда атаковать его флот, который одновременно является его базой и линией коммуникаций, до того, как будет нанесен серьезный ущерб. Длинный, узкий полуостров Флорида с Ки Уэстом на его оконечности, хотя и плоский и малонаселенный, на первый взгляд представляет условия, схожие с итальянскими. Сходство может быть лишь поверхностным, но представляется вероятным, что если бы главным местом морской войны был Мексиканский залив, то коммуникации по суше к оконечности полуострова могли бы иметь важное значение и быть открытыми для нападения.

Когда море не только граничит или окружает страну, но и разделяет ее на две или более частей, контроль над ним становится не только желательным, но и жизненно необходимым. Такое физическое состояние либо порождает морскую мощь и придает ей силу, либо делает страну бессильной. Таково состояние нынешнего королевства Италия с его островами Сардиния и Сицилия; и поэтому, несмотря на свою молодость и все еще существующую финансовую слабость, оно предпринимает такие энергичные и разумные усилия по созданию военного флота. Утверждалось даже, что, имея флот, значительно превосходящий флот противника, Италия могла бы лучше опираться на свои острова, чем на материк; поскольку ненадежность линий коммуникаций на полуострове, на что уже указывалось, самым серьезным образом затруднила бы вторжение армии, окруженной враждебным народом и находящейся под угрозой с моря.

Ирландское море, разделяющее Британские острова, скорее напоминает эстуарий, чем настоящий водораздел; но история показала, какую опасность оно представляет для Соединенного Королевства. Во времена Людовика XIV, когда французский флот почти равнялся объединенному английскому и голландскому, серьезнейшие осложнения возникли в Ирландии, которая почти полностью перешла под контроль туземцев и французов. Тем не менее Ирландское море представляло скорее опасность для англичан — слабое место на их коммуникациях, — чем преимущество для французов. Последние не рисковали пускать свои линейные корабли в его узкие воды, и экспедиции, намеревавшиеся высадиться на берег, направлялись в океанские порты на юге и западе. В решающий момент огромный французский флот был направлен к южному побережью Англии, где он нанес решительное поражение союзникам, и в то же время двадцать пять фрегатов были отправлены в канал Святого Георгия против английских коммуникаций. Среди враждебного народа английская армия в Ирландии подверглась серьезной опасности, но была спасена битвой на реке Бойн и бегством Якова II. Это движение против коммуникаций противника носило строго стратегический характер и было бы сейчас столь же опасным для Англии, как и в 1690 году.

Испания в том же столетии преподала впечатляющий урок слабости, вызванной таким разделением, когда части не объединены сильной морской державой. Тогда она все еще

сохраняла, как остатки своего бывшего величия, Нидерланды (ныне Бельгия), Сицилию и другие итальянские владения, не говоря уже о своих обширных колониях в Новом Свете. И все же испанское морское могущество пало так низко, что хорошо информированный и трезвомыслящий голландец того времени мог заявить, что "в Испании по всему побережью плавают несколько голландских кораблей; а после заключения мира 1648 года их кораблей и моряков стало так мало, что они публично начали нанимать наши корабли для плавания в Индию, тогда как раньше они были осторожны, чтобы не пускать туда всех иностранцев.... Очевидно, — продолжает он, - что Вест-Индия, являясь желудком Испании (ибо из нее извлекается почти весь доход), должна быть присоединена к голове Испании морскими силами; и что Неаполь и Нидерланды, будучи как бы двумя руками, они не могут ни направить свои силы на Испанию, ни получать оттуда что-либо, кроме как за счет судоходства, - все это легко может быть сделано нашим судоходством в мирное время и затруднено им в военное ". За полвека до этого Сюлли, великий министр Генриха IV, охарактеризовал Испанию "как одно из тех государств, ноги и возможности которых зависят от руки сильны и властны, но сердце бесконечно слабое и немощное". С тех пор испанский военно-морской флот пережил не только катастрофу, но и уничтожение; не только унижение, но и деградацию. Вкратце это привело к разрушению судоходства; вместе с ним погибли промышленные предприятия. Правительство зависело в своей поддержке не от широко развитой здоровой торговли и промышленности, которые могли пережить многие сокрушительные удары, а от узкого ручейка серебра, просачивающегося через несколько кораблей с сокровищами из Америки, который легко и часто перехватывался вражескими крейсерами. Потеря полудюжины галеонов не раз парализовывала его передвижения на год. Пока длилась война в Нидерландах, голландский контроль на море вынудил Испанию отправить свои войска долгим и дорогостоящим путешествием по суше, а не по морю; и та же причина привела Испанию к такому дефициту товаров первой необходимости, что по взаимному соглашению, которое кажется очень странным на современный взгляд, ее потребности удовлетворялись голландскими кораблями, которые таким образом содержали врагов своей страны, но взамен получали наличные деньги, которые приветствовались на амстердамской бирже. В Америке испанцы защищались, как могли, за масонством, без помощи из дома; в то время как в Средиземноморье они избежали оскорблений и увечий главным образом благодаря безразличию голландцев, поскольку французы и англичане еще не начали бороться там за господство. В ходе истории Нидерланды, Неаполь, Сицилия, Менорка, Гавана, Манила и Ямайка в тот или иной момент были отторгнуты от этой империи без судоходства. Короче говоря, хотя морское бессилие Испании, возможно, было в первую очередь симптомом ее общего упадка, оно стало заметным фактором, столкнувшим ее в пропасть, из которой она еще не полностью выбралась.

За исключением Аляски, у Соединенных Штатов нет ни одного отдаленного владения, ни одного пяди земли, недоступной по суше. Его контур таков, что представляет собой несколько точек, особенно слабых из-за их заметности, и ко всем важным участкам границ можно легко добраться — дешево по воде, быстро по железной дороге. Самый слабый рубеж, Тихий океан, находится далеко от самого опасного из возможных врагов. Внутренние ресурсы безграничны по сравнению с нынешними потребностями; мы можем бесконечно жить за свой счет в "нашем маленьком уголке", по выражению французского офицера, обращенному к автору. И все же, если в этот маленький уголок вторгнется новый коммерческий маршрут через перешеек, Соединенные Штаты, в свою очередь, могут столкнуться с грубым пробуждением тех, кто отказался от своей доли в общем праве всех людей по рождению - праве на море.

III. *Протяженность территории.*—Последнее из условий, влияющих на развитие нации как морской державы изатрагивающих саму страну в отличие от людей, которые там проживают, - это протяженность территории. От этого можно отказаться сравнительно немногими словами.

Что касается развития морской мощи, то следует учитывать не общее количество квадратных миль, занимаемых страной, а протяженность ее береговой линии и характер ее гаваней. Относительно них следует сказать, что при одинаковых географических и физических условиях протяженность морского побережья является источником силы или слабости в зависимости от того, велико или мало население. Страна в этом подобна крепости; гарнизон должен быть пропорционален *окружению*. Недавний известный пример можно найти в американской войне за отделение. Если бы на Юге был столь же многочисленный народ, сколь и воинственный, и военно-морской флот, соизмеримый с другими ресурсами его морской державы, огромная протяженность его морского побережья и многочисленные заливы были бы элементами огромной силы. Народ Соединенных Штатов и правительство того времени по праву гордились эффективностью блокады всего Южного побережья. Это был великий подвиг, очень великий подвиг; но он был бы невозможен, если бы южане были более многочисленны и представляли собой нацию моряков. Как уже было сказано, там было показано не то, как можно поддерживать такую блокаду, а то, что такая блокада возможна перед лицом населения, не только непривычного к морю, но и малочисленного. Те, кто помнит, как поддерживалась блокада, и класс кораблей, которые блокировали большую часть войны, знают, что план, правильный в данных обстоятельствах, не мог быть осуществлен перед лицом реального военно-морского флота. Разбросанные без поддержки вдоль побережья, корабли Соединенных Штатов оставались на своих местах, поодиночке или небольшими отрядами, перед лицом разветвленной сети внутренних водных коммуникаций, которые благоприятствовали тайному сосредоточению противника. За первой линией водных коммуникаций находились длинные устья рек и кое-где мощные крепости, у любой из которых корабли противника всегда могли отступить, чтобы ускользнуть от преследования или получить защиту. Если бы южный флот мог воспользоваться такими преимуществами или рассеянным состоянием кораблей Соединенных Штатов, последние не могли бы быть распределены так, как они были; и, будучи вынужденными концентрироваться для взаимной поддержки, многие небольшие, но полезные подходы были бы оставлены открытыми для торговли. Но поскольку Южное побережье, судя по его протяженности и многочисленным заливам, могло быть источником силы, то именно из-за этих характеристик оно стало плодотворным источником травм. Великая история открытия Миссисипи является лишь самой яркой иллюстрацией боевых действий, которые непрерывно происходили по всему Югу. При каждом нарушении морской границы заходили военные корабли. Потоки, которые несли богатство и поддерживали торговлю отделяющихся штатов, обернулись против них и впустили их врагов в свои сердца. Смятение, неуверенность, паралич царили в регионах, которые при более благоприятных условиях могли бы сохранить нацию живой во время самой изнурительной войны. Никогда морская мощь не играла большей и более решающей роли, чем в соревновании, которое определило, что ход мировой истории будет изменен существованием одной великой нации, а не нескольких соперничающих государств, на североамериканском континенте. Но хотя справедливо ощущается гордость за

заслуженную славу тех дней и признается величие результатов, достигнутых благодаря военно-морскому превосходству, американцы, понимающие факты, никогда не должны упускать случая напомнить чрезмерной самоуверенности своих соотечественников, что у Юга не только не было военно-морского флота, не только не было мореплавателей, но и что его население не было пропорционально протяженности морского побережья, которое ему приходилось защищать.

IV. Численность населения. После рассмотрения природных условий страны должно следовать изучение характеристик ее населения, влияющих на развитие морской мощи; и первым среди них будет принято, в силу его отношения к размерам территории, о которой только что шла речь, количество людей, которые на ней живут. Было сказано, что в отношении размеров следует учитывать не просто количество квадратных миль, но протяженность и характер морского побережья точки зрения морской мощи; и, таким образом, с точки зрения населения необходимо учитывать не только общую численность, но и численность, следующую за морем или, по крайней мере, легкодоступную для работы на борту корабля и для создания военно-морских материалов.

Например, ранее и вплоть до окончания великих войн, последовавших за Французской революцией, население Франции было намного больше населения Англии; но в отношении морской мощи в целом, мирной торговли, а также военной эффективности Франция намного уступала Англии. В вопросе военной эффективности этот факт тем более примечателен, что временами, в плане военной подготовки к началу войны, Франция имела преимущество; но она не была в состоянии сохранить его. Таким образом, в 1778 году, когда разразилась война, Франция, благодаря своему морскому праву, смогла укомплектовать сразу пятьдесят линейных кораблей. Англия, напротив, из-за рассеяния по всему земному шару того самого судоходства, на котором так надежно покоилась ее военно-морская мощь, испытывала большие трудности с укомплектованием сорока человек личным составом у себя дома; но в 1782 году у нее было сто двадцать человек в строю или готовых к вводу в строй, в то время как Франция никогда не могла превысить семидесяти одного. Опять же, еще в 1840 году, когда две страны были на грани войны в Леванте, самый опытный французский офицер того времени, превознося высокую боееспособность французского флота и выдающиеся качества его адмирала и выражая уверенность в результатах столкновения с равным противником, продолжает говорить: "За эскадрой из двадцати одного линейного корабля, которую мы могли тогда собрать, не было резерва; ни один другой корабль не мог быть введен в строй в течение шести месяцев". И это было связано не только с нехваткой кораблей и надлежащего оборудования, хотя и того, и другого не хватало. "Наша морская служба, - продолжает он, - была настолько истощена тем, что мы сделали [укомплектовав экипажем двадцать одно судно], что постоянный сбор, установленный во всех частях, не обеспечивал льгот для людей, которые уже более трех лет находились в плавании".

Подобный контраст показывает разницу в так называемой выносливости, или резервной силе, которая даже больше, чем кажется на поверхности; ибо на крупном судне на плаву обязательно задействовано, помимо экипажей, большое количество людей, занятых различными ремеслами, которые облегчают изготовление и ремонт военно-морского снаряжения, или выполняющих другие обязанности, более или менее тесно связанные с водой и всевозможными

судами. Такие родственные призвания с самого начала дают несомненную склонность к морю. Существует анекдот, демонстрирующий любопытное понимание этого вопроса одним из выдающихся английских моряков, сэром Эдвардом Пеллью. Когда в 1793 году разразилась война, моряков, как обычно, не хватало. Стремясь выйти в море и не имея возможности пополнить свой состав иначе, как сухопутными солдатами, он приказал своим офицерам искать корнуоллских шахтеров; исходя из условий и опасностей их профессии, о которых он знал лично, они быстро приспособятся к требованиям морской жизни. Результат показал его проницательность, ибо, избежав таким образом неизбежной задержки, ему посчастливилось захватить первый фрегат, захваченный в войне, в единоборстве; и что особенно поучительно, хотя он находился в строю всего несколько недель, в то время как его противник находился в строю более года, потери, тяжелые с обеих сторон, были почти равны.

Можно утверждать, что такой резерв сейчас почти утратил то значение, которое он когда-то имел, потому что на создание современных кораблей и оружия уходит так много времени, и потому что современные государства стремятся развить всю мощь своих вооруженных сил в начале войны с такой быстротой, чтобы нанести сокрушающий удар прежде, чем противник сможет организовать равные усилия. Используя известную фразу, не будет времени для того, чтобы в игру вступило все сопротивление национальной структуры; удар обрушится на организованный военный флот, и если он уступит, прочность остальной структуры ничего не даст. До известной степени это верно; но ведь так было всегда, хотя раньше в меньшей степени, чем сейчас. При условии встречи двух флотов, представляющих практически всю нынешнюю мощь двух наций, если один из них будет уничтожен, в то время как другой останется пригодным для боевых действий, теперь будет гораздо меньше надежды, чем раньше, на то, что побежденный сможет восстановить свой флот для этой войны; и результат будет катастрофическим как раз пропорционально зависимости нации от ее морской мощи. Трафальгар был бы гораздо более фатальным ударом для Англии, чем для Франции, если бы английский флот тогда представлял, как флот союзников, основную часть национальной мощи. Трафальгар в таком случае был бы для Англии тем же, чем Аустерлиц был для Австрии, а Йена - для Пруссии; империя была бы повержена ниц из-за уничтожения или дезорганизации своих вооруженных сил, которые, как говорят, были любимой целью Наполеона.

Но оправдывает ли рассмотрение таких исключительных катастроф в прошлом низкую оценку этого резерва, основанного на количестве жителей, приспособленных к определенному виду военной жизни, который здесь рассматривается? Только что упомянутые удары были нанесены людьми исключительного гения, стоявшими во главе вооруженных формирований исключительной подготовки, боевого духа и престижа, и, кроме того, были нанесены противникам, более или менее деморализованным сознанием собственной неполноценности и предыдущим поражением. Аустерлицу непосредственно предшествовал Ульм, где тридцать тысяч австрийцев сложили оружие без боя; и история предыдущих лет была одной длинной хроникой австрийского поражения и французского успеха. "Трафальгар" вплотную следовал за походом, справедливо названным кампанией, почти постоянно терпевшим неудачи; а более далекие, но все еще свежие воспоминания о Сент-Винсенте остались у испанцев и о Ниле у французов во флоте союзников. За исключением случая при Йене, эти сокрушительные поражения были не единичными катастрофами, а завершающими ударами; а в Йенской кампании наблюдалось неравенство в численности, снаряжении и общей подготовке к войне, что делает ее менее применимой при рассмотрении того, к чему может привести одна победа.

Англия в настоящее время является величайшей морской державой в мире; в области пара и железа она сохранила превосходство, которое имела во времена парусов и дерева. Франция и Англия - это две державы, обладающие самыми крупными военными флотами; и до сих пор остается открытым вопрос, кто из них более могуществен, чтобы их можно было рассматривать как практически равных по вооружению для морской войны. В случае столкновения можно ли предположить такое различие в персонале или подготовке, чтобы сделать вероятным решающее неравенство в результате одного сражения или одной кампании? Если нет, то начнет сказываться численность резерва; сначала организованный резерв, затем резерв населения мореплавателей, резерв навыков механиков, резерв богатства. Кажется, было несколько забыто, что лидерство Англии в области механики дает ей резерв механиков, которые могут легко ознакомиться с оборудованием современных железных корпусов; и поскольку ее торговля и промышленность испытывают на себе бремя войны, избыток моряков и механиков пойдет на вооруженное судоходство.

Весь вопрос о ценности резерва, развитого или неразвитого, сводится теперь к следующему: сделали ли современные условия ведения войны вероятными то, что из двух почти равных противников один будет настолько разбит в ходе одной кампании, что за это время будет достигнут решающий результат? Морская война не дала ответа. Сокрушительные успехи Пруссии против Австрии и Германии против Франции, по-видимому, были успехами более сильной страны над гораздо более слабой, независимо от того, была ли эта слабость вызвана естественными причинами или некомпетентностью чиновников. Как бы задержка, подобная Плевненской, повлияла на ход войны, если бы у Турции был какой-либо резерв национальной мощи, к которому можно было бы обратиться?

Если время, как это повсеместно признается, является важнейшим фактором в войне, то странам, чей гений по сути своей не военный, чей народ, как и все свободные люди, возражает против оплаты крупных военных учреждений, надлежит позаботиться о том, чтобы они были по крайней мере достаточно сильны, чтобы выиграть время, необходимое для того, чтобы направить дух и способности своих подданных на новые виды деятельности, которых требует война. Если существующие силы на суше или на море достаточно сильны, чтобы выстоять, даже находясь в невыгодном положении, страна может положиться на свои природные ресурсы и мощь, чего бы они ни стоили, — на свою численность, свое богатство, свои возможности любого рода. Если, с другой стороны, та сила, которой он располагает, может быть быстро свергнута и сокрушена, то самые великолепные возможности естественной мощи не спасут его ни от унижительных условий, ни, если его враг будет мудр, от гарантий, которые отложат месть на отдаленное будущее. Эта история постоянно повторяется на небольших полях сражений: "Если такой-то сможет продержаться еще немного, то это можно спасти или то можно сделать"; как часто говорят о болезни: "Если пациент сможет продержаться только столько-то, сила его конституции поможет ему выкарабкаться".

Англия в какой-то степени сейчас является такой страной. Голландия была такой страной; она не стала бы платить, и если бы ей удалось сбежать, то лишь ценой собственных усилий. "Никогда в мирное время и из страха перед разрывом, - писал их великий государственный деятель Де Витт, - они не примут решений, достаточно сильных, чтобы заранее пойти на денежные жертвы. Характер голландцев таков, что, если только опасность не грозит им прямо в лицо, они не склонны тратить деньги на собственную защиту. Я имею дело с людьми, которые,

проявляя щедрость там, где им следовало бы экономить, часто проявляют скупость там, где им следовало бы тратить".

То, что наша собственная страна открыта для тех же упреков, очевидно для всего мира. У Соединенных Штатов нет того щита оборонительной мощи, за которым можно выиграть время для наращивания своего резерва силы. Что же касается численности моряков, адекватной ее возможным потребностям, то где она находится? Такой ресурс, пропорциональный протяженности береговой линии и численности населения, можно найти только в национальном торговом судоходстве и связанных с ним отраслях промышленности, которые в настоящее время практически не существуют. Не будет иметь большого значения, являются ли экипажи таких кораблей местными или иностранцами, при условии, что они прикреплены к флагу, и их мощь на море достаточна, чтобы позволить большинству из них вернуться в случае войны. Когда иностранцы тысячами допускаются к голосованию, не имеет большого значения, что им предоставляют боевую рубку на борту корабля.

Хотя рассмотрение этого вопроса было несколько дискурсивным, можно признать, что большое население, следующее призывам, связанным с морем, сейчас, как и раньше, является важным элементом морской мощи; что Соединенным Штатам не хватает этого элемента; и что его основы могут быть заложены только в крупной торговле под их собственным флагом.

V. Национальный характер.—Далее будет рассмотрено влияние национального характера и склонностей на развитие морской мощи.

Если морская мощь действительно основана на мирной и обширной торговле, то склонность к коммерческим занятиям должна быть отличительной чертой наций, которые в то или иное время были сильны на море. История почти без исключения подтверждает, что это правда. За исключением римлян, нет ни одного заметного примера обратного.

Все люди стремятся к наживе и, в большей или меньшей степени, любят деньги; но способ, которым добиваются наживы, окажет заметное влияние на коммерческое состояние и историю людей, населяющих страну.

Если верить истории, то способ, которым испанцы и родственная им нация португальцы стремились к богатству, не только наложил пятно на национальный характер, но и оказался фатальным для роста здоровой торговли; а значит, и для отраслей, на которых держится торговля, и, в конечном счете, для того национального богатства, к которому стремились ошибочными путями. Жажда наживы переросла в них в свирепую алчность; поэтому они искали в новооткрытых мирах, которые дали такой толчок коммерческому и морскому развитию стран Европы, не новые области промышленности, даже не здоровый азарт исследований и приключений, а золото и серебро. У них было много замечательных качеств; они были смелыми, предприимчивыми, умеренными, терпеливо переносящими страдания, полными энтузиазма и одаренными сильным национальным чувством. Когда к этим качествам добавляются преимущества положения Испании и удачно расположенных портов, тот факт, что она первой заняла обширные и богатые районы нового света и долгое время оставалась без конкурентов, и что в течение ста лет после открытия Америки она была ведущим государством Европы, можно было ожидать, что она займет ведущее место среди морских держав. Как всем известно,

результат был с точностью до наоборот. Со времен битвы при Лепанто в 1571 году, несмотря на участие во многих войнах, ни одна сколько-нибудь значимая морская победа не запечатлелась на страницах истории Испании; а упадок ее торговли в достаточной степени объясняет болезненную, а иногда и смехотворную неумелость, проявляемую на палубах ее военных кораблей. Несомненно, такой результат не следует приписывать только одной причине. Несомненно, правительство Испании во многих отношениях было таким, что ограничивало свободное и здоровое развитие частного предпринимательства; но характер великого народа пробивается сквозь характер его правительства или формирует его, и вряд ли можно сомневаться в том, что, если бы народ был склонен к торговле, действия правительства были бы втянуты в то же русло. Обширные области колоний также были удалены от центра того деспотизма, который препятствовал развитию старой Испании. Как бы то ни было, тысячи испанцев, как из рабочих, так и из высших классов, покинули Испанию; и занятия, которыми они занимались за границей, слали домой лишь наличные деньги или товары небольшого объема, требующие лишь небольшого тоннажа. Сама метрополия производила мало, кроме шерсти, фруктов и железа; ее мануфактуры пришли в упадок; ее промышленность пострадала; ее население неуклонно сокращалось. И она, и ее колонии зависели от голландцев в столь многих предметах первой необходимости, что продуктов их скудной промышленности не могло хватить, чтобы оплатить их. "Таким образом, голландские торговцы, - пишет современник, - которые возят деньги в большинство частей света для покупки товаров, должны из этой единственной страны Европы вывозить домой деньги, которые они получают в оплату своих товаров". Таким образом, столь желанный символ богатства быстро ушел из их рук. Уже указывалось, насколько слабой с военной точки зрения была Испания из-за упадка ее судоходства. Ее богатство, находившееся в небольшом количестве на нескольких кораблях, следовавших более или менее регулярными маршрутами, было легко захвачено врагом, и военные действия парализовали его; в то время как богатство Англии и Голландии, разбросанное по тысячам кораблей во всех частях света, получило много жестоких ударов во многих изнурительных войнах, не остановив роста, который, хотя и болезненный, был устойчивым. Судьба Португалии, объединившейся с Испанией в самый критический период ее истории, пошла по тому же нисходящему пути: хотя она была первой вначале гонки за освоение морских путей, она сильно отстала. "Рудники Бразилии были разорением Португалии, как рудники Мексики и Перу были разорением Испании; все промышленные предприятия впали в безумное презрение; вскоре англичане снабжали португальцев не только одеждой, но и всеми товарами, вплоть до соленой рыбы и зерна. В погоне за своим золотом португальцы покинули саму свою землю; виноградники Порту в конце концов были куплены англичанами за бразильское золото, которое прошло только через Португалию, чтобы распространиться по всей Англии". Нас уверяют, что за пятьдесят лет из "рудников Бразилии было добыто пятьсот миллионов долларов, и что к концу того времени у Португалии было всего двадцать пять миллионов в звонкой монете" - поразительный пример разницы между реальным и фиктивным богатством.

Англичане и голландцы жаждали наживы не меньше, чем южные нации. Каждую из них, в свою очередь, называли "нацией лавочников", но насмешка, поскольку она справедлива, делает честь их мудрости и прямоте. Они были не менее смелыми, не менее предприимчивыми, не менее терпеливыми. Действительно, они были более терпеливы в том, что искали богатства не мечом, а трудом, что является упреком, подразумеваемым под этим эпитетом; ибо таким образом они выбрали самый длинный, а не тот, который казался самым коротким, путь к

богатству. Но эти два народа, в корне принадлежащие к одной и той же расе, обладали другими качествами, не менее важными, чем только что названные, которые в сочетании с окружающей средой благоприятствовали их развитию на море. Они были по натуре деловыми людьми, торговцами, производителями, переговорщиками. Поэтому как у себя на родине, так и за границей, независимо от того, поселились ли они в портах цивилизованных наций, или у варварских восточных правителей, или в колониях, основанных ими самими, они повсюду стремились использовать все ресурсы страны, развивать и приумножать их. Быстрый инстинкт прирожденного торговца, лавочника, если хотите, постоянно искал новые товары для обмена; и этот поиск в сочетании с трудолюбивым характером, выработанным поколениями труда, неизбежно делал их производителями. Дома они стали великими промышленниками; за границей, где они контролировали, земля постоянно богатела, количество продукции увеличивалось, и необходимый обмен между домом и поселениями требовал большего количества кораблей. Таким образом, их судоходство увеличивалось в соответствии с этими требованиями торговли, и страны, менее склонные к морскому предпринимательству, даже сама Франция, какой бы великой она ни была, нуждались в их продуктах и в обслуживании их кораблей. Таким образом, во многих отношениях они продвинулись к власти на море. Эта естественная тенденция и рост были действительно изменены и временами серьезно сдерживались вмешательством других правительств, ревниво относившихся к процветанию, которого их собственный народ мог достичь только с помощью искусственной поддержки, — поддержки, которая будет рассматриваться в разделе "Действия правительства" как влияющая на морскую мощь.

Склонность к торговле, предполагающая по необходимости производство чего-либо для торговли, является национальной характеристикой, наиболее важной для развития морской мощи. Учитывая это и хорошее морское побережье, маловероятно, что опасности моря или какое-либо отвращение к нему удержат людей от поиска богатства на путях океанской торговли. Там, где богатство ищут другими способами, его можно найти; но это не обязательно приведет к морской мощи. Возьмем Францию. У Франции прекрасная страна, трудолюбивый народ, замечательное положение. Французский военно-морской флот знал периоды великой славы, и даже в самом низменном своем звании он никогда не порочил военную репутацию, столь дорогую нации. Тем не менее, как морское государство, надежно опирающееся на широкую базу морской торговли, Франция, по сравнению с другими историческими морскими народами, никогда не занимала более чем респектабельного положения. Главная причина этого, насколько это касается национального характера, заключается в способе поиска богатства. Подобно тому, как Испания и Португалия искали его, выкапывая золото из земли, характер французского народа побуждает их искать его бережливостью, экономией, накопительством. Говорят, сохранить его труднее, чем сколотить состояние. Возможно; но авантюрный характер, который рискует тем, что у него есть, чтобы получить больше, имеет много общего с авантюрным духом, который покоряет миры ради торговли. Тенденция экономить и откладывать в сторону, рисковать робко и в небольших масштабах может привести к общему распространению богатства в столь же небольших масштабах, но не к рискам и развитию интересов внешней торговли и судоходства. Чтобы проиллюстрировать, — а инцидент приведен только таким, какой он есть, — французский офицер, говоря автору о Панамском канале, сказал: "У меня есть две доли в нем. Во Франции мы не поступаем так, как вы, когда несколько человек берут очень много акций каждый. У нас большое количество людей берет одну акцию или очень мало. Когда они были выставлены на продажу, моя жена сказала мне: "Ты берешь две акции,

одну для себя и одну для меня". "Что касается стабильности личного состояния человека, то такого рода осмотренность, несомненно, мудра; но когда чрезмерная осмотренность или финансовая робость становятся национальной чертой, это должно препятствовать расширению торговли и судоходства страны. Та же осторожность в денежных вопросах, проявляющаяся и в другой сфере жизни, сдерживала рождение детей и удерживала население Франции почти на постоянном уровне.

Благородные классы Европы унаследовали от средневековья высокомерное презрение к мирной торговле, которое оказывало изменяющее влияние на ее развитие в зависимости от национального характера различных стран. Гордость испанцев легко поддалась этому духу презрения и способствовала тому катастрофическому нежеланию работать и ждать богатства, которое отвратило их от торговли. Во Франции тщеславие, которое даже французы признают национальной чертой, вело в том же направлении. Многочисленность и блеск знати, а также уважение, которым они пользовались, накладывали печать неполноценности на занятие, которое они презирали. Богатые купцы и фабриканты вздыхали о дворянских почестях, а получив их, отказывались от своих прибыльных профессий. Таким образом, в то время как трудолюбие народа и плодородие почвы спасли торговлю от полного упадка, ею занимались с чувством унижения, которое заставляло ее лучших представителей избегать ее при первой возможности. Людовик XIV, находясь под влиянием Кольбера, издал указ, "разрешающий всем дворянам проявлять интерес к торговым судам, товарам и распродажам, не считаясь ущемляющими дворянство, при условии, что они не продаются в розницу"; и причиной этого действия было то, "что это приносит благо нашим подданным и наше собственное удовлетворение, чтобы стереть пережиток повсеместно распространенного общественного мнения о том, что морская торговля несовместима с дворянством". Но предрассудок, предполагающий сознательное и открытое превосходство, нелегко искоренить с помощью законов, особенно когда тщеславие является заметной чертой национального характера; и много лет спустя Монтескье учил, что занятие знати торговлей противоречит духу монархии.

В Голландии существовало дворянство; но государство было республиканским по названию, предоставляло большой простор личной свободе и предприимчивости, а центры власти находились в крупных городах. Основой национального величия были деньги — или, скорее, богатство. Богатство, как источник гражданского отличия, несло с собой также власть в государстве; а вместе с властью шли общественное положение и уважение. В Англии был получен тот же результат. Дворянство было гордым; но в представительном правительстве власть богатства не могла быть ни подавлена, ни затмевается. Это было открыто для всех; это почиталось всеми; и в Англии, так же как и в Голландии, занятия, которые были источником богатства, разделяли почет, воздаваемый самому богатству. Таким образом, во всех названных странах социальные настроения, обусловленные национальными особенностями, оказали заметное влияние на отношение граждан к торговле.

Еще одним способом национальный гений влияет на рост морской мощи в самом широком смысле этого слова; и это постольку, поскольку он обладает способностью насаждать здоровые колонии. Что касается колонизации, как и всех других новообразований, то верно, что она наиболее полезна, когда является наиболее естественной. Следовательно, колонии, которые возникают из ощущаемых потребностей и естественных импульсов целого народа, будут иметь наиболее прочную основу; и их последующий рост будет наиболее надежным, когда они будут меньше всего оторваны от дома, если у людей есть талант к независимым действиям. Люди

последних трех столетий остро ощущали ценность колоний для метрополии как точек сбыта товаров домашнего производства и как рассадника торговли и судоходства; но усилия по колонизации не имели одинакового общего происхождения, и разные системы не имели одинакового успеха. Усилия государственных деятелей, какими бы дальновидными и осторожными они ни были, не смогли восполнить недостаток сильных природных импульсов; и самое тщательное регулирование из дома не может привести к таким же хорошим результатам, как более счастливое пренебрежение, когда зародыш саморазвития заложен в национальном характере. В национальном управлении успешных колоний не было большего проявления мудрости, чем в управлении неуспешных. Возможно, их было даже меньше. Если сложная система и надзор, тщательное соответствие средств целям, прилежный уход могли бы способствовать колониальному росту, то гений Англии обладает меньшей способностью к систематизации, чем гений Франции; но Англия, а не Франция, была великим колонизатором мира. Успешная колонизация с ее последующим влиянием на торговлю и морскую мощь в значительной степени зависит от национального характера; потому что колонии растут лучше всего, когда они растут сами по себе, естественным путем. Характер колониста, а не забота местного правительства, является принципом роста колонии.

Эта истина выступает тем яснее, что общее отношение всех правительств метрополии к своим колониям было полностью эгоистичным. Какой бы основанной она ни была, как только было признано, что она имеет значение, колония стала для родной страны коровой, которую нужно доить; о которой, конечно, нужно заботиться, но главным образом как о собственности, ценной по той отдаче, которую она дает. Законодательство было направлено на монополию ее внешней торговли; места в ее правительстве предоставляли ценные посты выходцам из метрополии; и на колонию смотрели, как на море до сих пор часто смотрят, как на подходящее место для тех, кто был неуправляем или бесполезен дома. Однако военная администрация, пока она остается колонией, является надлежащим и необходимым атрибутом местного правительства.

Факт уникального и поразительного успеха Англии как великой нации-колонизатора слишком очевиден, чтобы на нем останавливаться; и причина этого, по-видимому, кроется главным образом в двух чертах национального характера. Английский колонист естественно и охотно оседает в своей новой стране, отождествляет с ней свои интересы и, хотя хранит теплые воспоминания о доме, из которого он вышел, не испытывает беспокойного стремления вернуться. Во-вторых, англичанин сразу и инстинктивно стремится осваивать ресурсы новой страны в самом широком смысле этого слова. В первом он отличается от французов, которые всегда с тоской оглядывались на прелести своей прекрасной страны; во втором - от испанцев, диапазон интересов и амбиций которых был слишком узок для полного раскрытия возможностей новой страны.

Характер и потребности голландцев естественным образом привели их к созданию колоний; и к 1650 году у них было в Ост-Индии, Африке и Америке большое количество поселений, перечислять которые было бы утомительно. В то время они намного опережали Англию в этом вопросе. Но хотя происхождение этих колоний, чисто коммерческих по своему характеру, было естественным, им, по-видимому, не хватало принципа роста. "Насаждая их, они никогда не стремились к расширению империи, а просто к приобретению торговли. Они пытались завоевывать только тогда, когда к этому вынуждали обстоятельства. Как правило, они довольствовались тем, что торговали под защитой суверена страны". Это безмятежное удовлетворение одной лишь выгодой, не сопровождаемое политическими амбициями, имело

тенденцию, подобно деспотизму Франции и Испании, сохранять колонии в простой коммерческой зависимости от метрополии и, таким образом, убивало естественный принцип роста.

Прежде чем завершить эту главу исследования, неплохо бы спросить, насколько национальный характер американцев подходит для создания великой морской державы, если другие обстоятельства станут благоприятными.

Однако вряд ли нужно делать что-то большее, чем обращаться к не очень отдаленному прошлому, чтобы доказать, что, если устранить законодательные препятствия и заполнить более прибыльные сферы предпринимательства, морская держава не станет долго откладывать свое появление. Инстинкт коммерции, смелая предприимчивость в погоне за прибылью и острый нюх на тропы, ведущие к ней, - все это существует; и если в будущем появятся области, требующие колонизации, нет сомнений, что американцы перенесут на них всю унаследованную способность к самоуправлению и независимому росту.

VI. Характер правительства.—При обсуждении последствий для развития морской мощи страны, оказываемых ее правительством и институтами, необходимо будет избегать склонности к чрезмерному философствованию, ограничивать внимание очевидными и непосредственными причинами и их очевидными результатами, не заглядывая слишком глубоко под поверхность в поисках отдаленных и окончательных влияний.

Тем не менее, следует отметить, что определенные формы правления с сопутствующими им институтами и характер правителей в то или иное время оказывали весьма заметное влияние на развитие морской мощи. Различные черты страны и ее народа, которые до сих пор рассматривались, составляют естественные характеристики, с которыми нация, как и человек, начинает свою карьеру; поведение правительства, в свою очередь, соответствует проявлению разумной силы воли, которая, в зависимости от того, насколько она мудра, энергична и настойчива, или наоборот, приводит к успеху или неудаче в жизни человека или истории нации.

Представляется вероятным, что правительство, находящееся в полном согласии с естественными пристрастиями своего народа, наиболее успешно содействовало бы его росту во всех отношениях; и в вопросе морской мощи самые блестящие успехи последовали там, где было разумное руководство со стороны правительства, полностью проникнутого духом народа и сознающего свои истинные генеральские наклонности. Такое правительство, безусловно, обеспечено, когда воля народа или его лучших прирожденных выразителей играет значительную роль в его создании; но такие свободные правительства иногда терпят неудачу, в то время как, с другой стороны, деспотическая власть, управляемая разумно и последовательно, временами создавала большую морскую торговлю и блестящий флот с большей прямоотой, чем это может быть достигнуто более медленными процессами свободного народа. Трудность в последнем случае заключается в том, чтобы обеспечить сохранение власти после смерти конкретного деспота.

Англия, несомненно, достигла величайшего расцвета морской мощи среди всех современных наций, и действия ее правительства в первую очередь требуют внимания. В общем направлении эти действия были последовательными, хотя часто и не заслуживающими похвалы. Они

неизменно были нацелены на контроль над морем. Одно из его самых высокомерных проявлений восходит ко временам правления Якова I. Когда у нее почти не было владений за пределами ее собственных островов; до того, как были заселены Вирджиния или Массачусетс. Вот рассказ Ришелье об этом:

- Герцог Сюлли, министр Генриха IV. [один из самых рыцарственных принцев, когда-либо живших], сев в Кале на французский корабль с французским флагом на гроте, не успел он войти в Ла-Манш, как, встретив английское почтовое судно, которое было там, чтобы встретить его, командир последнего приказал французскому кораблю спустить свой флаг. Герцог, считая, что его высокое положение освобождает его от такого оскорбления, смело отказался; но за этим отказом последовали три пушечных выстрела, которые, пробив его корабль, пронзили сердце точно так же всех добрых французов. Могущество вынудило его уступить тому, что запрещало право, и на все свои жалобы он не смог добиться от английского капитана лучшего ответа, чем этот: "Что точно так же, как его долг обязывает его уважать ранг посла, он также обязывает его добиваться чести, подобающей флагу его господина как повелителя морей". Если слова самого короля Якова были более вежливыми, они, тем не менее, не произвели никакого другого эффекта, кроме как заставить герцога посоветоваться со своим благоразумием, притворяясь удовлетворенным, в то время как его рана все время болела и была неизлечима. Генриху Великому пришлось проявить умеренность в этом случае, но с твердым намерением в другой раз отстаивать права своей короны силой, которую, с помощью времени, он сможет выставить на море".

Этот акт непростительной дерзости, согласно современным представлениям, не так уж сильно противоречил духу народов того времени. Это в первую очередь заслуживает внимания как наиболее поразительное, а также одно из первых указаний на намерение Англии заявить о себе на море с любым риском; и оскорбление было нанесено при одном из ее самых робких королевипослу, непосредственно представлявшему самого храброго и способного из французских государей. Это пустое почитание флага, претензия, незначительная, если не считать внешнего проявления целей правительства, была столь же суровой при Кромвеле, как и при королях. Это было одно из условий мира, на которое согласились голландцы после их катастрофической войны 1654 года. Кромвель, деспот во всем, кроме имени, остро переживал все, что касалось чести и силы Англии, и не останавливался на пустых приветствиях, чтобы поддержать их. Едва овладев могуществом, английский военно-морской флот быстро обрел новую жизнь и мощь под его суровым правлением. Прав Англии, или возмещения причиненных ей обид, требовали ее флоты по всему миру — на Балтике, в Средиземном море, против берберийских государств, в Вест-Индии; и при нем завоевание Ямайки положило начало тому расширению ее империи силой оружия, которое продолжается до наших дней. Не были забыты и столь же решительные мирные меры по развитию английской торговли и судоходства. Знаменитый закон Кромвеля о мореплавании провозглашал, что весь импорт в Англию или ее колонии должен перевозиться исключительно на судах, принадлежащих самой Англии или стране, в которой перевозимые продукты были выращены или произведены. Этот указ, направленный особенно против голландцев, обычных перевозчиков в Европе, вызвал возмущение во всем торговом мире; но выгода для Англии в те дни национальной розни и вражды была настолько очевидной, что он долго сохранялся при монархии. Столетие спустя мы видим, как Нельсон, еще до начала своей знаменитой карьеры, демонстрирует свое рвение к благополучию английской торговли, применяя тот же закон в Вест-Индии против американских торговых судов. Когда Кромвель умер и Карл II сел на трон

своего отца, этот король, неверный английскому народу, был все же верен величию Англии и традиционной политике ее правительства на море. В своих коварных интригах с Людовиком XIV, с помощью которых он стремился стать независимым от парламента и народа, он писал Людовику: "Есть два препятствия для идеального союза. Первый - это большая забота, которую Франция сейчас проявляет, чтобы наладить торговлю и стать влиятельной морской державой. Это настолько серьезная причина для подозрений у нас, которые могут иметь значение только благодаря нашей торговле и нашим военно-морским силам, что каждый шаг, который Франция предпримет в этом направлении, увековечит ревность между двумя нациями ". В разгар переговоров, предшествовавших отвратительному нападению двух королей на голландскую республику, возник жаркий спор о том, кто должен командовать объединенными флотами Франции и Англии. Чарльз был непреклонен в этом вопросе. "Таков обычай англичан, - сказал он, - командовать на море"; и он прямо сказал французскому послу, что, если он уступит, его подданные не будут ему повиноваться. При планируемом разделе Соединенных провинций он оставил за Англией морской грабеж на позициях, контролировавших устья рек Шельда и Маас. Военно-морской флот под командованием Карла некоторое время сохранял дух и дисциплину, привитые ему железным правлением Кромвеля; хотя позже он разделил общее падение морального духа, которым было отмечено это злое правление. Монк, совершив крупную стратегическую ошибку, отправив четвертую часть своего флота, оказался в 1666 году перед значительно превосходящими силами голландцев. Не обращая внимания на шансы, он атаковал без колебаний и в течение трех дней с честью вел бой, хотя и с потерями. Такое поведение не является войной; но в единственном взгляде, который заботился о военно-морском престиже Англии и диктовал его действия, какими бы обычными они ни были для народа Англии, а также для ее правительства, заключался секрет окончательного успеха после многих грубых ошибок на протяжении веков. Преемник Карла, Яков II., сам был моряком и командовал в двух крупных морских сражениях. Когда Вильгельм III. взошел на трон, правительства Англии и Голландии были под одной рукой и продолжали объединяться в одной цели против Людовика XIV. до Утрехтского мира 1713 года; то есть в течение четверти века. Английское правительство все более и более неуклонно и сознательно продвигалось к расширению своего морского владычества и способствовало росту своей морской мощи. В то время как как открытый враг она нанесла удар по Франции на море, так и как коварный друг, как, по крайней мере, многие верили, она подорвала могущество Голландии на плаву. Договор между двумя странами предусматривал, что из морских сил Голландия должна предоставить три восьмых, Англия - пять восьмых, или почти вдвое больше. Такое положение вкупе с другим, которое заставляло Голландию содержать армию численностью 102 000 человек против 40 000 у Англии, фактически отбрасывало войну на суше с одной стороны и войну на море с другой. Тенденция, преднамеренная или нет, очевидна; и при заключении мира, в то время как Голландия получила компенсацию на суше, Англия получила, помимо торговых привилегий во Франции, Испании и Испанской Вест-Индии, важные морские концессии Гибралтара и Порт-Маона в Средиземном море; Ньюфаундленда, Новой Шотландии и Гудзонова залива в Северной Америке. Военно-морская мощь Франции и Испании исчезла; с тех пор военно-морская мощь Голландии неуклонно приходила в упадок. Расположенное таким образом в Америке, Вест-Индии и Средиземноморье, английское правительство с тех пор решительно продвигалось по пути, который превратил английское королевство в Британскую империю. В течение двадцати пяти лет, последовавших за Утрехтским миром, мир был главной целью министров, которые руководили политикой двух великих прибрежных держав, Франции и Англии; но среди всех колебаний континентальной политики в самый неустроенный период,

изобилующий мелкими войнами и изменчивыми договорами, взор Англии был неуклонно прикован к поддержанию ее морской мощи. На Балтике ее флоты сдерживали попытки Петра Великого напасть на Швецию и таким образом поддерживали баланс сил в этом море, из которого она извлекала не только большую торговлю, но и основную часть своих военно-морских припасов и которое царь намеревался превратить в русское озеро. Дания пыталась основать Ост-Индскую компанию с привлечением иностранного капитала; Англия и Голландия не только запретили своим подданным вступать в нее, но и угрожали Дании и таким образом остановили предприятие, которое, по их мнению, противоречило их морским интересам. В Нидерландах, которые по Утрехтскому мирному договору перешли к Австрии, с санкции императора была образована аналогичная Ост-Индская компания с Остенде в качестве порта. Этому шагу, имевшему целью восстановить в Нидерландах торговлю, утраченную ими из-за естественного выхода из Шельды, воспротивились морские державы Англия и Голландия; и их жажда монополии на торговлю, которой в данном случае помогла Франция, задушила и эту компанию после нескольких лет борьбы. В Средиземноморье Утрехтское урегулирование было нарушено австрийским императором, естественным союзником Англии в тогдашнем состоянии европейской политики. При поддержке Англии он, уже владея Неаполем, претендовал также на Сицилию в обмен на Сардинию. Испания оказала сопротивление; и ее военно-морской флот, только начавший возрождаться под руководством энергичного министра Альберони, был разгромлен и уничтожен английским флотом у мыса Пассаро в 1718 году; в то время как в следующем году французская армия по приказу Англии пересекла Пиренеи и завершила работу, разрушив испанские верфи. Таким образом, Англия, в дополнение к Гибралтару и Маону в своих собственных руках, видела Неаполь и Сицилию в руках друга, в то время как враг был повержен. В Испанской Америке ограниченными привилегиями английской торговли, вырванными из потребностей Испании, злоупотребляла обширная и едва замаскированная система контрабанды; и когда раздраженное испанское правительство уступило крайностям в способах подавления, как министр, выступавший за мир, так и оппозиция, призывавшая к войне, защищали свое мнение, утверждая, что то и другое влияет на морскую мощь и честь Англии. В то время как политика Англии, таким образом, неуклонно была направлена на расширение и укрепление основ ее влияния на океане, другие правительства Европы, казалось, были слепы к опасностям, которых следовало опасаться из-за ее роста на море. Бедствия, ставшие результатом чрезмерного могущества Испании в давно минувшие дни, казалось, были забыты; забыт также более свежий урок кровавых и дорогостоящих войн, спровоцированных амбициями и преувеличенной властью Людовика XIV. На глазах государственных деятелей Европы неуклонно и зримо создавалась третья подавляющая держава, предназначенная для использования столь же эгоистично, столь же агрессивно, хотя и не так жестоко, и гораздо более успешно, чем любая из предшествовавших ей. Такова была сила моря, действие которого, поскольку оно более бесшумное, чем лязг оружия, отмечается реже, хотя и лежит достаточно отчетливо на поверхности. Едва ли можно отрицать, что бесконтрольное господство Англии на морях в течение почти всего периода, выбранного для нашей темы, было, по большому счету, главным среди военных факторов, определивших окончательный исход.^[8] Однако, это влияние не было предвидено после Утрехта, так что Франция в течение двенадцати лет, движимая личными потребностями своих правителей, выступала на стороне Англии против Испании; и когда Флери пришел к власти в 1726 году, хотя эта политика была изменена, военно-морскому флоту Франции не уделялось никакого внимания, и единственным ударом по Англии было установление правления принца Бурбонов, а естественный враг для нее, взойшедшей на трон обеих Сицилий в 1736 году. Когда в 1739 году разразилась война с Испанией, военно-

морской флот Англии был по численности более чем равен объединенным военно-морским силам Испании и Франции; и в течение последовавшей за этим четверти века почти непрерывной войны эта численная диспропорция увеличивалась. В этих войнах Англия, сначала инстинктивно, а затем с сознательной целью под руководством правительства, которое осознало ее возможности и возможности ее великой морской державы, быстро построила ту могущественную колониальную империю, основы которой уже были надежно заложены в характерных чертах ее колонистов и силе ее флотов. В чисто европейских делах ее богатство, ставшее результатом ее морской мощи, заставляло ее играть заметную роль в тот же период. Система субсидий, зародившаяся полвека назад в войнах при Мальборо и получившая свое наиболее широкое развитие полвека спустя в наполеоновских войнах, поддерживала усилия ее союзников, которые без них были бы подорваны, если не парализованы. Кто может отрицать, что правительство, которое одной рукой укрепляло своих слабеющих союзников на континенте деньгами, а другой вытесняло своих собственных врагов с моря и из их главных владений, Канады, Мартиники, Гваделупы, Гаваны, Манилы, придало своей странепервостепенную роль в европейской политике; и кто может не видеть, что власть, которая обитала в этом правительстве, с узкой территорией и бедными ресурсами, возникла непосредственно из моря? Политика, с которой английское правительство вело войну, показана речью Питта, главного духа во время ее ведения, хотя он потерял свой пост до того, как довел ее до конца. Осуждая Мир 1763 года, заключенный его политическим противником, он сказал: "Франция в основном, если не исключительно, опасна для нас как морская и торговая держава. То, что мы получаем в этом отношении, ценно для нас, прежде всего, из-за нанесенного ей в результате этого ущерба. Вы оставили Франции возможность возродить свой военно-морской флот". И все же успехи Англии были огромны; ее правление в Индии было обеспечено, и вся Северная Америка к востоку от Миссисипи была в ее руках. К этому времени дальнейший путь ее правления был четко обозначен, приобрел силу традиции и неуклонно соблюдался. Война за Американскую революцию была, это правда, большой ошибкой, если рассматривать ее с точки зрения морской мощи; но правительство было втянуто в нее незаметно из-за ряда естественных просчетов. Отбросив политические и конституционные соображения и рассматривая этот вопрос как чисто военный или военно-морской, дело обстояло так: американские колонии были большими и растущими сообществами, расположенными на большом расстоянии от Англии. Пока они оставались привязанными к метрополии, как это было тогда с энтузиазмом, они составляли прочную базу для ее морской мощи в этой части света; но их протяженность и население были слишком велики в сочетании с удаленностью от Англии, чтобы можно было надеяться удержать их силой, *если* любые могущественные державы были готовы помочь им. Это "если", однако, предполагало пресловутую вероятность; унижение Франции и Испании было настолько горьким и столь недавним, что они наверняка стремились отомстить, и было хорошо известно, что Франция, в частности, тщательно и быстро наращивала свой военно-морской флот. Если бы колонии состояли из тринадцати островов, морская мощь Англии быстро разрешила бы этот вопрос; но вместо такого физического барьера их разделяла только местная зависть, которую в достаточной степени преодолела общая опасность. Сознательно вступать в такое соперничество, пытаться силой удержать столь обширную территорию с большим враждебным населением, так далеко от дома, означало возобновить Семилетнюю войну с Францией и Испанией, а также с американцами, против Англии, а не за нее. Семилетняя война была настолько тяжелым бременем, что мудрое правительство знало бы, что дополнительное бремя невозможно вынести, и сочло бы необходимым примирить колонистов. Правительство

того времени не отличалось мудростью, и значительная часть морской мощи Англии была принесена в жертву; но по ошибке, а не умышленно; из-за высокомерия, а не из-за слабости.

Это неуклонное следование общей линии политики, несомненно, было особенно легко для сменявших друг друга английских правительств благодаря ясным признакам условий в стране. Единство цели было в какой-то степени навязано. Твердое поддержание ее морской мощи, надменная решимость дать о себе знать, мудрое состояние подготовки, в котором поддерживался ее военный элемент, были в еще большей степени обусловлены той особенностью ее политических институтов, которая практически отдала управление в течение рассматриваемого периода в руки класса — земельной аристократии. Такой класс, какими бы ни были его недостатки в остальном, с готовностью перенимает и продолжает прочную политическую традицию, естественно гордится славой своей страны и сравнительно нечувствителен к страданиям сообщества, благодаря которому эта слава поддерживается. Оно с готовностью взваливает на себя финансовое бремя, необходимое для подготовки и продолжения войны. Будучи в целом богатым, оно меньше ощущает это бремя. Не будучи коммерческой организацией, источники ее собственного богатства не подвергаются столь немедленной опасности, и она не разделяет ту политическую робость, которая характеризует тех, чья собственность подвергается опасности, а бизнес находится под угрозой, — пресловутую робость капитала. И все же в Англии этот класс не был равнодушен ко всему, что касалось ее профессии, хорошо это или плохо. Обе палаты парламента соперничали в тщательном наблюдении за его расширением и защитой, и частоте их запросов военно-морской историк приписывает возросшую эффективность исполнительной власти в управлении военно-морским флотом. Такой класс также естественным образом впитывает и поддерживает дух воинской чести, который имеет первостепенное значение в эпоху, когда военные институты еще не обеспечили достаточной замены тому, что называется *корпоративным духом*. Но хотя они были полны классовых чувств и классовых предрассудков, которые давали о себе знать как на флоте, так и в других местах, их практический смысл оставлял открытым путь продвижения к высшим почестям для людей более скромного происхождения; и в каждом веке были адмиралы, вышедшие из самых низших слоев общества. В этом нрав английского высшего класса заметно отличался от нрава французского. Даже в 1789 году, в начале революции, в списке французского военно-морского флота все еще значилось имя чиновника, в обязанности которого входило проверять доказательства благородного происхождения у тех, кто намеревался поступить в военно-морское училище.

С 1815 года, и особенно в наши дни, правительство Англии в гораздо большей степени перешло в руки широких слоев населения. Пострадает ли от этого ее морская мощь, еще предстоит выяснить. Ее широкой основой по-прежнему остаются обширная торговля, крупная машиностроительная промышленность и разветвленная колониальная система. Будет ли демократическое правительство обладать дальновидностью, острой чувствительностью к национальному положению и кредиту, готовностью обеспечить свое процветание адекватным выделением денег в мирное время - всем тем, что необходимо для военной подготовки, - все еще остается открытым вопросом. Народные правительства, как правило, не одобряют военные расходы, какими бы необходимыми они ни были, и есть признаки того, что Англия имеет тенденцию отставать.

Уже было замечено, что Голландская республика, даже в большей степени, чем английская нация, черпала свое процветание и саму свою жизнь из моря. Характер и политика его

правительства были гораздо менее благоприятны для последовательной поддержки морской мощи. Состоящее из семи провинций с политическим названием Соединенные провинции, фактическое распределение власти может быть грубо описано американцами как преувеличенный пример прав штатов. Каждая из приморских провинций имела свой собственный флот и собственное адмиралтейство, что вызывало зависть.

Этой дезорганизующей тенденции частично противодействовало значительное преобладание провинции Голландия, которая одна обеспечивала пять шестых флота и пятьдесят восемь процентов налогов и, следовательно, имела пропорциональную долю в руководстве национальной политикой. Несмотря на сильный патриотизм и способность принести последние жертвы во имя свободы, коммерческий дух народа проник в правительство, которое действительно можно было бы назвать торговой аристократией, и вызвал у него отвращение к войне и к расходам, необходимым для подготовки к войне. Как уже было сказано, бургомистры были готовы платить за их оборону только до тех пор, пока опасность не оказалась перед ними лицом к лицу. Однако, пока существовало республиканское правительство, эта экономия меньше всего применялась к флоту; и до смерти Джона Де Витта в 1672 году и заключения мира с Англией в 1674 году голландский военно-морской флот по численности и оснащению был способен достойно выступить против объединенных военно-морских сил Англии и Франции. Его эффективность в то время, несомненно, спасла страну от разрушения, запланированного двумя королями. Со смертью Де Витта республика прекратила свое существование, и за ней последовало практически монархическое правительство Вильгельма Оранского. Пожизненной политикой этого принца, которому тогда было всего восемнадцать, было сопротивление Людовику XIV. и расширению власти Франции. Это сопротивление оформилось скорее на суше, чем на море, — тенденции, которой способствовал выход Англии из войны. Уже в 1676 году адмирал Де Рюйтер обнаружил, что предоставленные ему силы недостаточны для того, чтобы справиться с французами в одиночку. Поскольку правительство не сводило глаз с сухопутной границы, военно-морской флот быстро приходил в упадок. В 1688 году, когда Вильгельму Оранскому понадобился флот для конвоирования его в Англию, бургомистры Амстердама возразили, что военно-морской флот неисчислимо уменьшился в численности, а также лишился своих самых способных командиров. Став королем Англии, Вильгельм все еще сохранял свое положение штатгальтера, а вместе с ним и свою общую европейскую политику. Он нашел в Англии морскую мощь, в которой нуждался, и использовал ресурсы Голландии для сухопутной войны. Этот голландский принц согласился, чтобы на военных советах союзных флотов голландские адмиралы сидели ниже младшего английского капитана; и интересы голландии на море были принесены в жертву требованиям Англии с такой же готовностью, как и голландская гордость. Когда Уильям умер, правительство, сменившее его, все еще придерживалось его политики. Ее цели были полностью сосредоточены на суше, и после Утрехтского мира, который положил конец серии войн, длившихся более сорока лет, Голландия, не предъявив никаких морских претензий, ничего не приобрела в плане морских ресурсов, расширения колоний или торговли.

О последней из этих войн английский историк говорит: "Экономика голландцев сильно повредила их репутации и торговле. Их военные корабли в Средиземном море всегда испытывали нехватку продовольствия, а их конвои были настолько слабы и плохо обеспечены, что на одно потерянное нами судно они теряли пять, что породило общее мнение, что мы были более безопасными перевозчиками, что, безусловно, имело хороший эффект. Следовательно, в этой войне наша торговля скорее увеличилась, чем уменьшилась".

С этого времени Голландия перестала быть великой морской державой и быстро утратила лидирующее положение среди наций, которые эта держава создала. Справедливо будет лишь сказать, что никакая политика не смогла бы спасти от упадка эту маленькую, хотя и решительную нацию перед лицом упорной вражды Людовика XIV. Дружба Франции, обеспечившая мир на ее сухопутных границах, позволила бы ей, по крайней мере на более длительное время, оспаривать с Англией господство на морях; а в качестве союзников военно-морские силы двух континентальных государств могли бы сдерживать рост огромной морской мощи, о которой только что шла речь. Мир на море между Англией и Голландией был возможен только путем фактического подчинения одной из сторон, поскольку обе были нацелены на одну и ту же цель. Между Францией и Голландией дело обстояло иначе; и падение Голландии произошло не обязательно из-за ее меньших размеров и численности, но из-за ошибочной политики со стороны двух правительств. Нас не касается, кто был более виноват.

Франция, превосходно расположенная для обладания морской мощью, получила определенную политику для руководства своим правительством от двух великих правителей, Генриха IV. и Ришелье. С определенными четко определенными проектами расширения на восток по суше сочеталось упорное сопротивление Австрийскому дому, который тогда правил как в Австрии, так и в Испании, и равная цель сопротивления Англии на море. Для достижения этой последней цели, а также по другим причинам, Голландию следовало привлекать в качестве союзника. Следовало поощрять торговлю и рыболовство как основу морской мощи, а также создавать военный флот. Ришелье оставил то, что он назвал своим политическим завещанием, в котором он указал на возможности Франции для достижения морской мощи, основанные на ее положении и ресурсах; и французские писатели считают его фактическим основателем военно-морского флота не только потому, что он снаряжал корабли, но и из-за широты его взглядов и его мер по обеспечению надежных институтов и устойчивого роста. После его смерти Мазарини унаследовал его взгляды и общую политику, но не его возвышенный и воинственный дух, и во время его правления недавно сформированный военно-морской флот исчез. При Людовике XIV. взяв управление в свои руки, в 1661 году насчитывалось всего тридцать военных кораблей, из которых только три имели по шестьдесят пушек. Затем началось самое удивительное проявление работы, которая может быть выполнена умелым и систематическим абсолютным правительством. Та часть администрации, которая занималась торговлей, мануфактурами, судоходством и колониями, была передана человеку великого практического гения, Кольберу, который служил у Ришелье и полностью впитал его идеи и политику. Он преследовал свои цели в истинно французском духе. Все должно было быть организовано, пружина всего находилась в кабинете министра. "Организовать производителей и торговцев как мощную армию, подчиняющуюся активному и разумному руководству, с тем чтобы обеспечить промышленную победу Франции посредством порядка и единства усилий и получать лучшие продукты, навязывая всем рабочим процессы, признанные компетентными людьми лучшими.... Организовать моряков и дальнюю торговлю в крупных организациях, таких как мануфактуры и внутренняя торговля, и дать в качестве поддержки коммерческой мощи Франции военно-морской флот, созданный на прочной основе и неизвестных доселе размеров", — таковы, как нам сказали, были цели Кольбера в отношении двух из трех звеньев в цепи морской мощи. Что касается третьих, колоний на дальнем конце линии, то, очевидно, предполагалось то же самое правительственное руководство и организация; поскольку правительство начало с выкупа Канады, Ньюфаундленда, Новой Шотландии и островов Французской Вест-Индии у сторон, которые тогда ими владели. Таким образом, здесь

мы видим чистую, абсолютную, неконтролируемую власть, собирающую в свои руки все бразды правления для направления курса нации и предлагающую направить ее таким образом, чтобы создать, среди прочего, великую морскую державу.

Вдаваться в подробности действий Кольбера выходит за рамки нашей цели. Достаточно отметить главную роль, сыгранную правительством в создании морской мощи государства, и то, что этот очень великий человек не рассматривал ни одну из основ, на которых она покоится, исключая другие, но охватил их все в своем мудром и предусмотрительном управлении. Сельское хозяйство, которое увеличивает производство продуктов земли, и мануфактуры, которые умножают продукты труда человека; внутренние торговые пути и правила, с помощью которых облегчается обмен продуктами из внутренних районов во внешние; судоходные и таможенные правила, стремящиеся передать транзитную торговлю во французские руки и, таким образом, поощрять строительство французского судоходства, с помощью которого внутренние и колониальные товары должны перевозиться туда и обратно; колониальная администрация и развитие, с помощью которых отдаленный рынок может постоянно расти и быть монополизирован внутренней торговлей; договоры с иностранными государствами, благоприятствующие французской торговле, и аналоги на иностранные товары. корабли и товары, способные потеснить товары соперничающих наций, - все эти средства, включающие бесчисленные детали, были использованы для создания во Франции (1) производства; (2) судоходства; (3) колоний и рынков сбыта, - одним словом, морской мощи. Изучение такой работы проще и полегче, когда она выполняется одним человеком, набросанным с помощью своего рода логического процесса, чем когда она медленно осуществляется конфликтующими интересами в более сложном правительстве. За несколько лет правления Кольбера вся теория морской мощи была применена на практике систематическим, централизованным французским способом; в то время как примеры той же теории в английской и голландской истории передаются из поколения в поколение. Такой рост, однако, был вынужденным и зависел от стойкости абсолютной власти, которая наблюдала за ним; а поскольку Кольбер не был королем, его контроль длился только до тех пор, пока он не утратил королевскую милость. Однако наиболее интересно отметить результаты его трудов в соответствующей сфере деятельности правительства — на военно-морском флоте. Говорили, что в 1661 году, когда он вступил в должность, насчитывалось всего тридцать вооруженных кораблей, из которых только на трех было более шестидесяти пушек. В 1666 году их было семьдесят, из которых пятьдесят были линейными кораблями и двадцать брандерами; в 1671 году с семидесяти их число увеличилось до ста девяноста шести. В 1683 году насчитывалось сто семь кораблей с двадцатью четырьмя - ста двадцатью пушками, двенадцать из которых несли более семидесяти шести пушек, не считая множества более мелких судов. Порядок и система, внедренные на верфях, сделали их значительно более эффективными, чем английские. Английский капитан, находившийся в плену во Франции в то время, когда результаты работ Кольбера все еще находились в руках его сына, пишет:

"Когда меня впервые привезли туда пленным, я четыре месяца пролежал в госпитале в Бресте, чтобы залечить свои раны. Находясь там, я был поражен быстротой, с которой укомплектовывались и оснащались их корабли, что, как я думал, до тех пор нигде нельзя было сделать раньше, чем в Англии, где у нас в десять раз больше судов и, следовательно, в десять раз больше моряков, чем во Франции; но там я увидел двадцать парусных кораблей, примерно

по шестьдесят пушек на каждом, готовых за двадцать дней; они были приведены в действие, и люди были уволены; и по приказу из Парижа их накренили, подняли киль, снарядили, снабдили продовольствием, укомплектовали экипажами и снова отплыли в указанное время с величайшей легкостью, какую только можно себе представить. . Я также видел корабль в сто пушек, на котором все орудия были выведены из строя за четыре или пять часов; чего я никогда не видел в Англии за двадцать четыре часа, и это с величайшей легкостью и меньшим риском, чем у нас на родине. Это я видел под окном своей больницы".

Французский военно-морской историк приводит некоторые факты, которые просто невероятны, например, что киль галеры был заложен в четыре часа, а в девять она вышла из порта в полном вооружении. Эти традиции могут быть приняты как указывающие, наряду с более серьезными заявлениями английского офицера, на замечательную степень системы и порядка, а также на обильные возможности для работы.

Однако весь этот чудесный рост, вызванный действиями правительства, увял, как тыква Ионы, когда благосклонность правительства была отозвана. Не было времени для того, чтобы его корни пустили глубокие корни в жизнь нации. Работа Кольбера шла в прямом русле политики Ришелье, и какое-то время казалось, что будет продолжен курс действий, который сделает Францию великой на море, а также доминирующей на суше. По причинам, которые пока нет необходимости приводить, Людовик проникся чувством острой вражды к Голландии; и поскольку эти чувства разделял Карл II, оба короля решили уничтожить Соединенные провинции. Эта война, разразившаяся в 1672 году, хотя и больше противоречила естественным чувствам со стороны Англии, была для нее меньшей политической ошибкой, чем для Франции, и особенно в том, что касалось морской мощи. Франция помогала уничтожить вероятного и, безусловно, незаменимого союзника; Англия помогала разорить своего величайшего соперника на море, который в то время действительно все еще превосходил ее в коммерции. Франция, погрязшая в долгах и полной неразберихе в своих финансах, когда Людовик вззошел на трон, только в 1672 году, благодаря реформам Кольбера и их счастливым результатам, увидела, что ее путь прояснился. Война, длившаяся шесть лет, перечеркнула большую часть его творчества. Сельскохозяйственные классы, мануфактуры, торговля и колонии - все были поражены этим; учреждения Кольбера пришли в упадок, и порядок, установленный им в финансах, был ниспровергнут. Таким образом, действия Людовика — а он один руководил правительством Франции — нанесли удар по основам ее морской мощи и оттолкнули ее лучшего морского союзника. Территория и военная мощь Франции увеличились, но источники торговли и мирного судоходства были исчерпаны в процессе; и хотя военный флот в течение нескольких лет сохранял великолепие и эффективность, вскоре он начал приходить в упадок и к концу правления практически исчез. Такой же ложной политикой в отношении моря был отмечен остаток этого пятидесятичетырехлетнего правления. Людовик неуклонно отворачивался от морских интересов Франции, за исключением боевых кораблей, и либо не мог, либо не хотел видеть, что от последних мало пользы и жизнь их ненадежна, если мирное судоходство и промышленность, с помощью которых они поддерживались, погибнут. Его политика, направленная на установление верховной власти в Европе с помощью военной силы и территориального расширения, вынудила Англию и Голландию заключить союз, который, как уже было сказано ранее, прямо отеснил Францию от моря и косвенно ослабил там влияние Голландии. Флот Кольбера погиб, и за последние десять лет жизни Людовика ни один крупный французский флот не выходил в море, хотя шла постоянная война. Простота форм абсолютной

монархии, таким образом, наглядно продемонстрировала, насколько велико влияние правительства как на рост, так и на упадок морской мощи.

Таким образом, последняя часть жизни Людовика была свидетелем упадка этой власти из-за ослабления ее основ, торговли и богатства, которое приносит торговля. Последовавшее за этим правительство, столь же безоговорочное, с определенной целью и по требованию Англии, отказалось от всяких претензий на поддержание эффективного военно-морского флота. Причина этого заключалась в том, что новый король был несовершеннолетним; и регент, находясь в ожесточенной вражде с королем Испании, чтобы навредить ему и сохранить свою собственную власть, вступил в союз с Англией. Он помог ей основать Австрию, наследственного врага Франции, в Неаполе и на Сицилии в ущерб Испании, и в союзе с ней уничтожил испанский флот и верфи. Здесь снова обнаруживается личный правитель, пренебрегающий морскими интересами Франции, губящий естественного союзника и прямо помогающий, как Людовик XIV. косвенно и непреднамеренно способствовал росту владычицы морей. Эта переходная фаза политики закончилась со смертью регента в 1726 году; но с того времени и до 1760 года правительство Франции продолжало пренебрегать своими морскими интересами. Действительно, говорят, что благодаря некоторым мудрым изменениям ее финансовых правил, главным образом в направлении свободной торговли (и благодаря Ло, министру шотландского происхождения), торговля с Ост- и Вест-Индией чудесным образом возросла, и что острова Гваделупа и Мартиника стали очень богатыми и процветающими; но и торговля, и колонии оказались во власти Англии, когда началась война, поскольку военно-морской флот пришел в упадок. В 1756 году, когда положение было уже не самым худшим, у Франции было всего сорокпятьлинейных кораблей, у Англии - почти сто тридцать; и когда сорок пять должны были быть вооружены и снаряжены, оказалось, что не хватает ни материалов, ни такелажа, ни припасов; не хватало даже артиллерии. И это было не все.

"Отсутствие системы в правительстве, - говорит французский писатель, - привело к безразличию и открыло дверь беспорядку и недисциплинированности. Никогда еще несправедливые повышения по службе не были так часты; никогда еще не было такого всеобщего недовольства. Деньги и интриги заняли место всего остального и принесли им командование поездом и власть. Аристократы и выскочки, обладающие влиянием в столице и самодостаточностью в морских портах, считали себя лишенными заслуг. Расточительство доходов государства и доковых верфей не знало границ. Честь и скромность были превращены в посмешище. Как будто зло было недостаточно велико, министерство приложило все усилия, чтобы стереть героические традиции прошлого, которые избежали всеобщего крушения. К энергичным боям времен великого царствования добавились, по приказу двора, "дела осмотрительности". Чтобы сохранить к растраченному материалу несколько вооруженных кораблей, врагу были предоставлены дополнительные возможности. Исходя из этого несчастливого принципа, мы были вынуждены прибегать к обороне, столь же выгодной для врага, сколь и чуждой гению нашего народа. Эта осмотрительность перед врагом, предписанная нам приказами, в конечном счете выдала национальный характер; а злоупотребление системой привело к проявлениям недисциплинированности и дезертирству под огнем, о которых в предыдущем столетии тщетно было бы искать хоть один пример".

Ложная политика расширения континента поглотила ресурсы страны и была вдвойне вредной, потому что, оставив беззащитными ее колонии и торговлю, она лишила величайшего источника богатства, что и произошло на самом деле. Небольшие эскадры, вышедшие в море, были

уничтожены значительно превосходящими силами; торговое судоходство было сметено, и колонии - Канада, Мартиника, Гваделупа, Индия - попали в руки Англии. Если бы это не заняло слишком много места, можно было бы сделать интересные выдержки, показывающие прискорбную нищету Франции, страны, отказавшейся от моря, и растущее богатство Англии, несмотря на все ее жертвы и усилия. Современный писатель так выразил свой взгляд на политику Франции в этот период:

"Франция, так искренне участвуя в германской войне, отвлекла от своего флота столько внимания и доходов, что это позволило нам нанести такой удар ее морской мощи, который, возможно, она никогда не сможет восстановить. Ее участие в войне с Германией также отвлекло ее от защиты своих колоний, с помощью чего мы захватили некоторые из самых значительных владений, которыми она обладала. Это лишило ее защиты ее торговли, из-за чего она полностью разрушена, в то время как торговля Англии никогда, даже при самом глубоком мире, не была в таком процветающем состоянии. Так что, ввязавшись в эту войну с Германией, Франция навлекла на себя гибель в том, что касается ее конкретной и непосредственной ссоры с Англией".

В Семилетней войне Франция потеряла тридцать семь линейных кораблей и пятьдесят шесть фрегатов, что в три раза превышало численность всего военно-морского флота Соединенных Штатов за все время существования парусных судов. "Впервые со времен средневековья, - говорит французский историк, говоря о той же войне, - Англия завоевала Францию в одиночку, почти без союзников, у Франции были мощные вспомогательные силы. Она победила исключительно благодаря превосходству своего правительства". Да; но это было благодаря превосходству ее правительства, использовавшего огромное оружие своей морской мощи, — награда за последовательную политику, настойчиво направленную к одной цели.

Глубокое унижение Франции, достигшее своей глубины между 1760 и 1763 годами, когда она заключила мир, является поучительным уроком для Соединенных Штатов в этот наш период коммерческого и военно-морского упадка. Мы были избавлены от ее унижения; будем надеяться, что ее последующий пример принесет пользу. Между теми же годами (1760 и 1763) французский народ восстал, как впоследствии в 1793 году, и объявил, что у них будет военно-морской флот. "Народные настроения, умело направляемые правительством, подхватили крик от одного конца Франции до другого: "Военно-морской флот должен быть восстановлен". Города, корпорации и частные подписчики подарили корабли. В недавно безмолвных портах развернулась бурная деятельность; повсюду строились или ремонтировались корабли". Эта деятельность была продолжена; арсеналы были пополнены, все виды материальных средств были приведены в удовлетворительное состояние, артиллерия реорганизована, а десять тысяч обученных артиллеристов обучены и содержатся.

В тоне и действиях морских офицеров того времени мгновенно почувствовался народный импульс, которого действительно некоторые более возвышенные умы среди них не только ждали, но и работали. Никогда французские военно-морские офицеры не проявляли такой умственной и профессиональной активности, как именно тогда, когда их корабли подверглись гниению из-за бездействия правительства. Так, выдающийся французский офицер наших дней пишет:

"Печальное состояние военно-морского флота в царствование Людовика XV, закрывшее офицерам блестящую карьеру в смелых предприятиях и успешных сражениях, вынудило их

замкнуться в себе. Они извлекли из учебы знания, которые им предстояло применить на практике несколько лет спустя, таким образом применив на практике прекрасное изречение Монтескье: "Невзгоды - наша мать, Процветание - наша мачеха".... К 1769 году была видна во всем своем великолепии та блестящая плеяда офицеров, чья деятельность простиралась до краев земли и которые охватывали в своих работах и исследованиях все отрасли человеческого знания. Морская академия, основанная в 1752 году, была реорганизована".[9]

Первый директор Академии, бывший капитан по имени Биго де Морог, написал подробный трактат о военно-морской тактике, первую оригинальную работу на эту тему со времен работы Пола Хоста, которую он должен был заменить. Морог, должно быть, изучал и формулировал свои проблемы в области тактики в те дни, когда у Франции не было флота и она была неспособна даже поднять голову в море под ударами своего врага. В то же время в Англии не было подобной книги; и английский лейтенант в 1762 году как раз переводил часть великого труда Хоста, опустив гораздо большую часть. Только почти двадцать лет спустя этот Клерк, шотландский частный джентльмен, опубликовал остроумное исследование военно-морской тактики, в котором он указал английским адмиралам на систему, с помощью которой французы отражали их бездумные и плохо скоординированные атаки.[10] "Исследования Морской академии и энергичный импульс, который она придала трудам офицеров, не остались, как мы надеемся показать позже, без влияния на относительно благополучное состояние, в котором военно-морской флот находился в начале американской войны".

Уже указывалось, что американская война за независимость повлекла за собой отход от традиционной и истинной политики Англии, втянув ее в далекую сухопутную войну, в то время как могущественные враги ждали возможности напасть на нее на море. Подобно Франции в недавних на тот момент германских войнах, подобно Наполеону позже в войне с Испанией, Англия из-за чрезмерной самоуверенности была готова превратить друга во врага и таким образом выставить реальную основу своего могущества на грубое доказательство. Французское правительство, с другой стороны, избежало ловушки, в которую оно так часто попадало. Повернувшись спиной к европейскому континенту, имея на своей стороне вероятность нейтралитета там и уверенность в союзе с Испанией, Франция вступила в соревнование с прекрасным военно-морским флотом и блестящим, хотя, возможно, и относительно неопытным корпусом офицеров. По другую сторону Атлантики она пользовалась поддержкой дружественного народа и своих собственных или союзных портов, как в Вест-Индии, так и на континенте. Мудрость этой политики, благотворное влияние этого действия правительства на его морскую мощь очевидны; но подробности войны не относятся к этой части предмета. Для американцев главный интерес в этой войне представляла суша, но для морских офицеров - море, поскольку по сути это была морская война. Разумные и систематические усилия, длившиеся двадцать лет, принесли должные плоды; ибо, хотя война на море закончилась большой катастрофой, объединенные усилия французского и испанского флотов, несомненно, подорвали мощь Англии и лишили ее колоний. В различных военно-морских предприятиях и сражениях честь Франции в целом была сохранена; хотя при рассмотрении общепредмета трудно избежать вывода о том, что неопытность французских моряков по сравнению с английскими, узкий дух ревности, проявляемый благородным офицерским корпусом по отношению к офицерам другого происхождения, и, прежде всего, жалкие традиции трех четвертей века, о которых уже упоминалось, жалкая политика правительства, которое в первую очередь учило их спасать свои корабли, экономить материалы, помешали французским адмиралам пожинать не просто славу, но положительные результаты. преимущества, которые

не раз были в пределах их досягаемости. Когда Монк сказал, что нация, которая хочет править на море, всегда должна атаковать, он задал ключевую ноту военно-морской политике Англии; и если бы инструкции французского правительства последовательно выполнялись в том же духе, война 1778 года могла бы закончиться раньше и лучше, чем закончилась. Кажется нелюбезным критиковать служение, которому, согласно Богу, наша нация обязана тем, что ее рождение не было выкидышем; но писатели ее собственной страны в полной мере отражают дух этого замечания. Французский офицер, служивший на плаву во время этой войны, спокойным и рассудительным тоном говорит:

Что должны были подумать молодые офицеры, которые были в Сэнди-Хуке с Д'Эстеном, в Сент-Кристофере с Де Грассом, даже те, кто прибыл на Род-Айленд с Де Терне, когда они увидели, что этих офицеров не судили по возвращении?"[11]

Опять же, другой французский офицер, гораздо более позднего времени, оправдывает высказанное мнение, говоря о войне Американской революции в следующих выражениях:

"Необходимо было избавиться от печальных предрассудков времен регентства и Людовика XV; но неудачи, которыми они были полны, были слишком недавними, чтобы наши министры могли их забыть. Благодаря жалкой нерешительности флот, который справедливо встревожил Англию, сократился до обычных размеров. Руководствуясь ложной экономией, министерство заявило, что из-за чрезмерных расходов, необходимых для содержания флота, адмиралам следует приказывать соблюдать "*величайшую осмотрительность*", как будто на войне полумеры не всегда приводят к катастрофам. Точно так же приказы, данные командирам наших эскадр, заключались в том, чтобы держаться в море как можно дольше, не участвуя в действиях, которые могли бы привести к потере судов, которые трудно было бы заменить; так что не раз полные победы, которые увенчали бы мастерство наших адмиралов и мужество наших капитанов, превращались в успехи, не имеющие большого значения. Система, которая устанавливает в качестве принципа, что адмирал не должен использовать имеющуюся в его руках силу, которая посылает его против врага с predetermined целью получить, а не совершить атаку, система, которая подрывает моральную силу ради экономии материальных ресурсов, должна иметь печальные результаты.... Несомненно, что эта прискорбная система была одной из причин отсутствия дисциплины и поразительных дезертирств, которыми были отмечены периоды правления Людовика XVI, [первой] Республики и [первой] Империи".[12]

Через десять лет после заключения мира 1783 года произошла Французская революция; но это великое потрясение, которое потрясло основы государств, ослабило уз общественного порядка и изгнало из военно-морского флота почти всех подготовленных офицеров монархии, которые были привязаны к старому положению вещей, не освободило французский военно-морской флот от ложной системы. Было легче свергнуть форму правления, чем искоренить глубоко укоренившуюся традицию. Послушайте еще раз третьего французского офицера, самого высокого ранга и литературных достижений, говорящего о бездействии Вильнева, адмирала, который командовал французским арьергардом в битве на Ниле и который не снялся с якоря, пока уничтожалась голова колонны:

"Должен был наступить день [Трафальгара], когда Вильнев, в свою очередь, как де Грасс до него и как Дюшайла, будет жаловаться на то, что часть его флота покинута. Мы начали подозревать некую тайную причину этого рокового совпадения. Неестественно, что среди стольких благородных людей так часто встречаются адмиралы и капитаны, заслуживающие такого

порицания. Если имя некоторых из них и по сей день печально ассоциируется с памятью о наших бедствиях, мы можем быть уверены, что вина лежит не только на них самих. Мы скорее должны винить характер операций, в которых они участвовали, и ту систему оборонительной войны, предписанную французским правительством, которую Питт в английском парламенте провозгласил предвестником неминуемого краха. Эта система, когда мы хотели от нее отказаться, уже проникла в наши привычки; она, так сказать, ослабила наши руки и парализовала нашу уверенность в себе. Слишком часто наши эскадрильи покидали порт с особой миссией, которую нужно было выполнить, и с намерением избежать встречи с врагом; столкнуться с ним было сразу же невезением. Именно так наши корабли вступили в бой; они подчинились ему, вместо того чтобы форсировать его.... Фортуна дольше колебалась бы между двумя флотами и в конце концов не нанесла бы столь тяжкого урона нашему, если бы Брюи, встретив Нельсона на полпути, мог выйти ему навстречу. Эта скованная и робкая война, которую вели Вилларе и Мартин, длилась долго благодаря осмотрительности некоторых английских адмиралов и традициям старой тактики. Именно с этими традициями покончила битва на Ниле; настал час решительных действий".[13]

Несколько лет спустя произошел Трафальгар, и правительство Франции снова взяло курс на новую политику в отношении военно-морского флота. Автор, которого цитировали в последний раз, говорит снова:—

Император, чей орлиный взгляд прослеживал планы военных действий как для своих флотов, так и для своих армий, был утомлен этими неожиданными неудачами. Он отвел глаза от единственного поля битвы, на котором фортуна была ему не верна, и решил преследовать Англию в другом месте, а не на море; он взялся восстанавливать свой флот, но не принимал никакого участия в борьбе, которая становилась все более ожесточенной, чем когда-либо.... Тем не менее, активность наших верфей не только не ослабла, но даже удвоилась. Каждый год линейные корабли либо закладывались, либо пополняли флот. Венеция и Генуя, находившиеся под его контролем, вновь обрели былое величие, и от берегов Эльбы до истоков Адриатики все порты континента усердно поддерживали творческую мысль императора. Многочисленные эскадрильи были собраны в Шельде, на Брестских дорогах и в Тулоне.... Но до конца император отказывался предоставить этому флоту, полному рвения и уверенности в себе, возможность помериться силами с врагом.... Подавленный постоянными неудачами, он содержал наши вооруженные корабли только для того, чтобы вынудить наших врагов к блокадам, огромные затраты на которые должны были привести к истощению их финансов".

Когда империя пала, у Франции было сто три линейных корабля и пятьдесят пять фрегатов.

Если теперь перейти от конкретных уроков, извлеченных из истории прошлого, к общему вопросу о влиянии правительства на морскую карьеру своего народа, то становится ясно, что это влияние может проявляться двумя различными, но тесно связанными способами.

Во-первых, в мирное время: правительство своей политикой может способствовать естественному росту промышленности народа и его склонности к поиску приключений и наживы на море; или оно может попытаться развивать такую промышленность и такую склонность к мореплаванию, когда они естественным образом не существуют; или, с другой стороны, правительство может ошибочными действиями остановить прогресс, которого достигли бы люди, предоставленные самим себе. Любым из этих способов будет ощущаться влияние правительства, усиливающее или подрывающее морскую мощь страны в вопросе

мирной торговли; только на ней, на чем нельзя слишком часто настаивать, может быть основан по-настоящему сильный военно-морской флот.

Во-вторых, для войны: влияние правительства будет ощущаться самым законным образом в поддержании вооруженного военно-морского флота, размер которого соизмерим с ростом его судоходства и важностью связанных с ним интересов. Даже более важным, чем численность военно-морского флота, является вопрос о его институтах, способствующих здоровому духу и активности и обеспечивающих быстрое развитие во время войны за счет соответствующего резерва людей и кораблей и мер по задействованию того общего резерва сил, на который ранее указывалось при рассмотрении характера и занятий народа. Несомненно, под этим вторым разделом военной подготовки должно пониматься поддержание подходящих военно-морских баз в тех отдаленных частях света, куда вооруженное судоходство должно следовать за мирными торговыми судами. Защита таких станций должна зависеть либо от прямой военной силы, как это делают Гибралтар и Мальта, либо от окружающего дружественного населения, каким когда-то были американские колонисты по отношению к Англии, и, можно предположить, являются австралийские колонисты сейчас. Такое дружественное окружение и поддержка в сочетании с разумным военным обеспечением являются лучшей защитой и в сочетании с решительным перевесом на море делают разрозненную и обширную империю, подобную Англии, безопасной; ибо, хотя верно, что неожиданная атака может вызвать катастрофу в какой-то одной четверти, фактическое превосходство военно-морской мощи не позволяет такой катастрофе стать всеобщей или непоправимой. История достаточно доказала это. Военно-морские базы Англии находились во всех частях света, и ее флоты одновременно защищали их, поддерживали сообщение между ними и полагались на них в качестве убежища.

Колонии, присоединенные к метрополии, представляют собой, следовательно, самое надежное средство поддержки морской мощи страны за границей. В мирное время влияние правительства должно ощущаться в содействии всеми средствами теплоте привязанности и единству интересов, которые сделают благополучие одного благосостоянием всех, а ссору одного ссорой всех; а на войне, или, скорее, для войны, путем принятия таких организационных мер и обороны, которые будут восприниматься всеми как справедливое распределение бремени, от которого каждый получает выгоду.

Таких колоний у Соединенных Штатов нет и вряд ли будет. Что касается чисто военных военно-морских баз, то чувства ее народа, вероятно, были точно выражены историком английского военно-морского флота сто лет назад, говоря тогда о Гибралтаре и Порт-Маоне. "Военные правительства, - сказал он, - так мало согласны с промышленностью торгового народа и сами по себе настолько противны гению британского народа, что я не удивляюсь, что здравомыслящие люди всех партий склонны отказаться от них, как был оставлен Танжер". Следовательно, не имея иностранных учреждений, ни колониальных, ни военных, военные корабли Соединенных Штатов во время войны будут подобны наземным птицам, неспособным улететь далеко от своих берегов. Обеспечить им места отдыха, где они могли бы добывать уголь и ремонтировать, было бы одной из первых обязанностей правительства, ставящего перед собой задачу развития могущества нации на море.

Поскольку практическая цель этого исследования состоит в том, чтобы извлечь из уроков истории выводы, применимые к собственной стране и службе, сейчас уместно спросить, насколько условия Соединенных Штатов сопряжены с серьезной опасностью, и призвать к

действиям со стороны правительства, чтобы восстановить свою морскую мощь. Не будет преувеличением сказать, что действия правительства со времен Гражданской войны и по сей день были эффективно направлены исключительно на то, что было названо первым звеном в цепи, создающей морскую мощь. Внутреннее развитие, великолепное производство с сопутствующей целью и хвастовством самодостаточностью - такова была цель, таков в какой-то степени результат. В этом правительство верно отразило склонности контролирующих элементов страны, хотя не всегда легко почувствовать, что такие контролирующие элементы действительно репрезентативны, даже в свободной стране. Как бы то ни было, нет никаких сомнений в том, что, помимо отсутствия колоний, промежуточное звено мирного судоходства и связанные с ним интересы в настоящее время также отсутствуют. Короче говоря, у Соединенных Штатов есть только одно звено из трех.

Обстоятельства морской войны так сильно изменились за последние сто лет, что можно усомниться в том, что теперь могут повториться такие катастрофические последствия, с одной стороны, или такое блестящее процветание, с другой, какие наблюдались в войнах между Англией и Францией. В своем надежном и надменном владычестве на морях Англия наложила на нейтральные страны ярмо, которое они больше никогда не понесут; и принцип, согласно которому флаг прикрывает товары, закреплен навсегда. Таким образом, торговля воюющей стороны теперь может безопасно осуществляться на нейтральных судах, за исключением случаев провоза военной контрабанды или в блокированные порты; и что касается последнего, то также несомненно, что бумажных блокад больше не будет. Таким образом, оставляя в стороне вопрос о защите своих морских портов от захвата или контрибуции, относительно которого существует практическое единодушие в теории и полное безразличие на практике, какая потребность Соединенных Штатов в морской мощи? Ее торговлей даже сейчас занимаются другие; почему ее народ должен желать того, что, если им владеют, приходится защищать большой ценой? Поскольку этот вопрос является экономическим, он выходит за рамки данной работы; но условия, которые могут повлечь за собой страдания и потери для страны в результате войны, имеют к нему непосредственное отношение. Таким образом, допуская, что внешняя торговля Соединенных Штатов, идущая и прибывающая, осуществляется на борту судов, которых враг не может коснуться, за исключением тех случаев, когда они направляются в блокированный порт, что будет представлять собой эффективную блокаду? Настоящее определение заключается в том, что оно представляет явную опасность для судна, стремящегося войти в порт или покинуть его. Очевидно, что это очень гибкий подход. Многие могут помнить, что во время Гражданской войны, после ночного нападения на флот Соединенных Штатов у Чарльстона, конфедераты на следующее утро отправили пароход с несколькими иностранными консулами на борту, которые до сих пор были уверены, что поблизости нет судна, осуществляющего блокаду, и выпустили соответствующее заявление. На основании этого заявления некоторые южные власти заявили, что блокада была технически прорвана и не может быть технически восстановлена без нового уведомления. Необходимо ли для того, чтобы представлять реальную опасность для участников блокады, чтобы блокирующий флот находился в поле зрения? Полдюжины быстроходных пароходов, курсирующих в двадцати милях от берега между Нью-Джерси и побережьем Лонг-Айленда, представляли бы вполне реальную опасность для судов, стремящихся войти или выйти через главный вход в Нью-Йорк; и аналогичные позиции могли бы эффективно блокировать Бостон, Делавер и Чесапик. Основным силам блокадного флота, подготовленным не только к захвату торговых судов, но и к сопротивлению военным попыткам прорвать блокаду, необязательно находиться ни в пределах

видимости, ни на позиции, известной берегу. Основная часть флота Нельсона находилась в пятидесяти милях от Кадиса за два дня до Трафальгара, с небольшим отрядом, наблюдавшим за гаванью. Флот союзников начал движение в 7 часов утра, и Нельсон, даже в условиях тех дней, знал об этом к 9.30. Английский флот на таком расстоянии представлял вполне реальную опасность для своего противника. В наши дни подводного телеграфа представляется возможным, что силы блокады на берегу и за его пределами, а также из одного порта в другой, могли поддерживать телеграфную связь друг с другом вдоль всего побережья Соединенных Штатов, охотно оказывая взаимную поддержку; и если бы в результате какой-нибудь удачной военной комбинации один отряд подвергся мощному нападению, он мог бы предупредить другие и отступить за ними. При условии, что такая блокада у одного порта была прорвана в один день, справедливо отогнав корабли, поддерживающие ее, уведомление о ее восстановлении могло быть передано по телеграфу по всему миру на следующий день. Чтобы избежать таких блокад, на плаву должны быть военные силы, которые в любое время будут представлять такую угрозу для блокирующего флота, что он ни в коем случае не сможет удержаться на своем месте. Тогда нейтральные суда, за исключением тех, которые гружены военной контрабандой, могут свободно приходить и уходить и поддерживать коммерческие отношения страны с внешним миром.

Можно настаивать на том, что при обширном морском побережье Соединенных Штатов блокада всей линии не может эффективно поддерживаться. Никто с большей готовностью не признает этого, чем офицеры, которые помнят, как поддерживалась блокада только Южного побережья. Но при нынешнем состоянии военно-морского флота и, можно добавить, с любыми дополнениями, не превышающими тех, что пока предложены правительством,^[14] попытка блокады Бостона, Нью-Йорка, Делавэра, Чесапика и Миссисипи, другими словами, крупных центров экспорта и импорта, не потребовала бы от одной из крупных морских держав усилий, превышающих были сделаны раньше. В то же время Англия блокировала Брест, Бискайское побережье, Тулон и Кадис, когда в гаванях находились мощные эскадры. Это правда, что торговые нейтральные суда могут тогда заходить в другие порты Соединенных Штатов, кроме названных; но какое нарушение транспортного сообщения в стране, какие перебои с поставками временами, какие неадекватные средства железнодорожного или водного транспорта, стоянки в доках, лихтеровки, складирования будут связаны с таким вынужденным изменением портов захода! Не будет ли в результате этого никаких денежных потерь, никаких страданий? И когда с большим трудом и затратами это зло будет частично устранено, врага можно будет побудить остановить новые входы, как он это сделал со старыми. Народ Соединенных Штатов, конечно, не будет голодать, но он может сильно пострадать. Что касается поставок, которые являются военной контрабандой, нет ли оснований опасаться, что Соединенные Штаты сейчас не в состоянии действовать самостоятельно, если возникнет чрезвычайная ситуация?

Это в высшей степени важный вопрос, в котором должно проявиться влияние правительства, направленное на создание для нации военно-морского флота, который, если и не способен достичь отдаленных стран, то, по крайней мере, сможет охранять основные подходы к своим собственным. Взоры страны на четверть века были отвлечены от моря; результаты такой политики и противоположной ей будут показаны на примере Франции и Англии. Не проводя узкого параллелизма между случаем Соединенных Штатов и любым из этих двух, можно с уверенностью сказать, что для благосостояния всей страны важно, чтобы условия торговли

оставались, насколько это возможно, незатронутыми внешней войной. Для этого врага нужно держать не только подальше от наших портов, но и подальше от наших берегов.^[15]

Можно ли создать этот военно-морской флот без восстановления торгового судоходства? Сомнительно. История доказала, что такая чисто военная морская мощь может быть создана деспотом, как это было сделано Людовиком XIV; но, несмотря на кажущуюся справедливость, опыт показал, что его военно-морской флот был подобен наросту, который, не имея корня, вскоре увядает. Но в представительном правительстве за любыми военными расходами должен стоять четко представленный интерес, убежденный в их необходимости. Такой заинтересованности в морской мощи не существует, не может существовать здесь без действий правительства. Как следует развивать такое торговое судоходство, будь то за счет субсидий или свободной торговли, постоянного приема тонизирующих средств или свободного передвижения на открытом воздухе, - это вопрос не военный, а экономический. Даже если бы Соединенные Штаты обладали мощным национальным флотом, можно усомниться в том, что за ними последовал бы достаточный военно-морской флот; расстояние, отделяющее их от других великих держав, с одной стороны, является защитой, а с другой - ловушкой. Мотив, если таковой вообще существует, который даст Соединенным Штатам военно-морской флот, вероятно, сейчас усиливается на Центральноамериканском перешейке. Будем надеяться, что до родов дело дойдет не слишком поздно.

На этом завершается общее обсуждение основных элементов, которые благоприятно или неблагоприятно влияют на рост морской мощи наций. Цель состояла в том, чтобы сначала рассмотреть эти элементы в их естественной тенденции "за" или "против", а затем проиллюстрировать это конкретными примерами и опытом прошлого. Такие дискуссии, хотя, несомненно, охватывают более широкую область, все же относятся в основном к сфере стратегии, в отличие от тактики. Соображения и принципы, которые входят в них, принадлежат к неизменяемому порядку вещей, оставаясь неизменными в причинно-следственном отношении из века в век. Они принадлежат, так сказать, к Порядку Природы, о стабильности которого так много слышно в наши дни; тогда как тактика, использующая в качестве своих инструментов оружие, созданное человеком, участвует в изменениях и прогрессе расы из поколения в поколение. Время от времени надстройка тактики должна быть изменена или полностью снесена; но старые основы стратегии до сих пор остаются, как будто покоятся на скале. Далее будет рассмотрена общая история Европы и Америки с особым упором на влияние, оказанное на эту историю и на благосостояние народа морской мощью в ее широком смысле. Время от времени, при удобном случае, целью будет вспоминать и подкреплять общее учение, уже выявленное, конкретными иллюстрациями. Таким образом, общая направленность исследования будет стратегической в том широком определении военно-морской стратегии, которое ранее цитировалось и было принято: "Военно-морская стратегия имеет своей целью основание, поддержку и увеличение морской мощи страны как в мирное, так и в военное время". В отношении конкретных сражений, свободно признавая, что изменение деталей сделало устаревшей большую часть их учения, будет предпринята попытка указать, где применение или пренебрежение истинными общими принципами привело к решающим результатам; и, при прочих равных условиях, предпочтение будет отдаваться тем действиям, которые, исходя из их связи с именами наиболее выдающихся офицеров, можно предположить, показывают, насколько справедливы тактические идеи в определенную эпоху или на определенной службе. Также было бы желательно, когда аналогии между древним и современным оружием выходят на поверхность, извлечь из них те вероятные уроки, которые

они предлагают, не делая излишнего акцента на моментах сходства. Наконец, следует помнить, что среди всех изменений природа человека остается во многом неизменной; личностное уравнение, хотя и неопределенное в количественном и качественном отношении в конкретном случае, несомненно, всегда найдется.

СНОСКИ:

[7] Под базой постоянных операций "понимается страна, откуда поступают все ресурсы, где соединены большие линии связи по суше и воде, где находятся арсеналы и вооруженные посты".

[8] Интересное доказательство того значения, которое придается военно-морской мощи Великобритании великим военным авторитетом, можно найти во вступительной главе "Истории войн Французской революции" Жомини. Он устанавливает в качестве фундаментального принципа европейской политики, что неограниченное расширение военно—морских сил не должно быть разрешено ни одной стране, к которой нельзя приблизиться по суше, - описание, которое может быть применимо только к Великобритании.

[9] Гужар: Военный моряк; Ришелье и Кольбер.

[10] Что бы ни думали о претензиях Клерка на оригинальность в построении системы военно-морской тактики, и это подвергалось серьезным сомнениям, не может быть никаких сомнений в том, что его критика прошлого была обоснованной. Насколько известно автору, он в этом отношении заслуживает похвалы за оригинальность, замечательную для того, кто не имел подготовки ни моряка, ни военного.

[11] Ла Серр: Исторический очерк. et Crit. sur la Marine Française.

[12] Лаперуз-Бонфис: История. de la Marine Française.

[13] Jurien de la Gravière: Guerres Maritimes.

[14] С тех пор, как было написано выше, военно-морской министр в своем отчете за 1889 год рекомендовал флот, который сделал бы предложенную здесь блокаду очень опасной.

[15] Слово "оборона" на войне включает в себя две идеи, которые ради точности мышления следует держать в сознании разделенными. Существует защита в чистом виде, которая укрепляет себя и ожидает нападения. Это можно назвать пассивной обороной. С другой стороны, существует точка зрения на оборону, которая утверждает, что безопасность для себя, реальной цели оборонительной подготовки, лучше всего обеспечивается нападением на врага. Что касается обороны морского побережья, то первый метод иллюстрируется стационарными укреплениями, подводными минами и вообще всеми неподвижными сооружениями, предназначенными просто для того, чтобы остановить врага, если он попытается проникнуть

внутри. Второй метод включает в себя все те средства и вооружение, которые не ждут нападения, а идут навстречу флоту противника, будь то всего на несколько миль или к его собственным берегам. Такая оборона может показаться действительно наступательной войной, но это не так; она становится наступательной только тогда, когда объект ее нападения меняется с флота противника на страну противника. Англия защищала свои собственные побережья и колонии, разместив свой флот у французских портов, чтобы сразиться с французским флотом, если он появится. Соединенные Штаты во время Гражданской войны разместили свой флот у южных портов не потому, что боялись за свой собственный, а для того, чтобы разрушить Конфедерацию путем изоляции от остального мира и, в конечном счете, путем нападения на порты. Методы были те же, но цель в одном случае была оборонительной, в другом - наступательной.

Смешение этих двух идей приводит к большому количеству ненужных споров относительно надлежащей сферы деятельности армии и флота в области береговой обороны. Пассивная оборона принадлежит армии; все, что движется по воде, принадлежит военно-морскому флоту, который имеет прерогативу наступательной обороны. Если моряки привыкли охранять форты, они становятся частью сухопутных войск, так же точно, как войска, попавшие на борт в составе пополнения, становятся частью морских сил.

ГЛАВА II

Состояние Европы в 1660 г. —Вторая англо-голландская война 1665-1667 гг. Морские сражения при Лоустофте и за Четыре дня.

Период, с которого должен начаться наш исторический обзор, условно обозначен как середина семнадцатого века. 1660 год теперь будет взят в качестве определенной даты открытия. В мае того же года Карл II. был восстановлен на английском престоле при всеобщем

ликовании народа. В марте следующего года, после смерти кардинала Мазарини, Людовик XIV собрал своих министров и сказал им: "Я вызвал вас, чтобы сказать вам, что до сих пор мне доставляло удовольствие позволять покойному кардиналу управлять моими делами; в будущем я сам буду премьер-министром. Я приказываю, чтобы ни один указ не был скреплен печатью, кроме как по моему приказу, и приказываю государственным секретарям и финансовому инспектору ничего не подписывать без моего приказа ". Предполагаемое таким образом персональное правление сохранялось, как на деле, так и номинально, более полувека.

Таким образом, в течение одного года после более или менее продолжительного периода замешательства два государства вступают в новую стадию национальной жизни, занимая первые места в морской истории современной Европы и Америки, да и всего мира в целом, несмотря на все неравенство. Морская история, однако, является лишь одним фактором в том общем развитии и упадке наций, который называется их историей; и если упустить из виду другие факторы, с которыми она так тесно связана, то сформируется искаженное представление о ее важности, либо преувеличенное, либо обратное. Это исследование было предпринято исходя из убеждения, что это значение сильно недооценивается, если непрактически упускается из виду людьми, не связанными с морем, и особенно жителями Соединенных Штатов в наши дни.

Выбранная дата, 1660 год, непосредственно следовала за другой, которая ознаменовала великое урегулирование европейских дел, закрепив результаты всеобщей войны, известной в истории как Тридцатилетняя война, печатью мирного договора. Этой другой датой был Вестфальский, или Мюнстерский, мирный договор 1648 года. При этом независимость Голландских Соединенных провинций, задолго до того практически гарантированная, была официально признана Испанией; и за этим последовал в 1659 году Пиренейский мирный договор между Францией и Испанией, эти два соглашения обеспечили Европе состояние общего внешнего мира, которому вскоре суждено было смениться серией почти всеобщих войн, которые продолжались до правления Людовика XIV. пережитые войны, которым суждено было вызвать глубокие изменения на карте Европы; в ходе которых должны были возникнуть новые государства, другие прийти в упадок, и все претерпеть значительные изменения либо в масштабах владычества, либо в политической власти. В этих результатах морская мощь, прямо или косвенно, сыграла большую роль.

Сначала мы должны взглянуть на общее состояние европейских государств в то время, с которого начинается повествование. В борьбе, длившейся почти столетие и завершившейся Вестфальским миром, королевская семья, известная как Австрийский дом, была великой подавляющей силой, которой боялись все остальные. Во время долгого правления императора Карла V., который отрекся от престола столетием ранее, глава этого дома объединил в своем лице две короны Австрии и Испании, которые унаследовали, среди прочих владений, страны, которые мы теперь знаем как Голландию и Бельгию, вместе с преобладающим влиянием в Италии. После его отречения две великие монархии Австрии и Испании были разделены; но, хотя ими правили разные люди, они все еще принадлежали к одной семье и стремились к тому единству целей и симпатий, которое отличало династические связи в том и следующем столетии. К этим узам единения добавились узы общей религии. В течение столетия, предшествовавшего Вестфальскому миру, усиление власти семьи и распространение исповедуемой религии были двумя сильнейшими мотивами политических действий. Это был период великих религиозных войн, в которых нация шла против нации, княжество против

княжества и часто, в одной и той же стране, фракция против фракции. Религиозные преследования вызвали восстание протестантских голландских провинций против Испании, которая после восьмидесяти лет более или менее постоянной войны признала их независимость. Религиозная рознь, временами доходившая до гражданской войны, беспокоила Францию в течение большей части того же периода, оказывая глубокое влияние не только на ее внутреннюю, но и на внешнюю политику. Это были дни Святого Варфоломея, религиозного убийства Генриха IV, осады Ла-Рошели, постоянных интриг между римско-католической Испанией и французами-католиками. По мере того как религиозные мотивы, действующие в сфере, к которой они естественным образом не принадлежали и в которой им не было подобающего места, угасали, политические потребности и интересы государств начинали приобретать больший вес; не то чтобы они были полностью упущены из виду в то же время, но религиозная вражда либо ослепляла глаза, либо сковывала действия государственных деятелей. Естественно, что во Франции, одной из величайших стран, страдающих от религиозных страстей, из-за численности и характера протестантского меньшинства, эта реакция должна была проявиться в первую очередь и наиболее заметно. Расположенный между Испанией и германскими государствами, среди которых Австрия стояла на первом месте, не имея соперников, внутренний союз и сдерживание власти Австрийского дома были необходимыми условиями политического существования. К счастью, Провидение воздвигло ей в непосредственной близости двух великих правителей, Генриха IV. и Ришелье — люди, в которых религия была далека от фанатизма и которые, когда их заставляли признать это в сфере политики, делали это как хозяева, а не как рабы. При них французская государственная мудрость получила руководство, которое Ришелье сформулировал как традицию и которое развивалось по следующим общим направлениям: (1) Внутреннее объединение королевства, умиротворение или подавление религиозной розни и централизация власти короля; (2) Соппротивление власти Австрийского дома, который фактически и обязательно заключал союз с протестантскими германскими государствами и с Голландией; (3) Расширение границ Франции на восток, главным образом за счет Испании, которая тогда владела не только нынешней Бельгией, но и другими провинциями, давно присоединенными к Франции. ; и (4) Создание и развитие великой морской державы, увеличивающей богатство королевства и предназначенной специально для того, чтобы выступить против наследственного врага Франции, Англии; с этой целью снова следовало иметь в виду союз с Голландией. Таковы были общие контуры политики, намеченной гениальными государственными деятелями для руководства этой страной, народ которой не без основания претендовал на звание наиболее совершенного представителя европейской цивилизации, передового на пути прогресса, сочетающего политический прогресс с индивидуальным развитием. Эта традиция, продолженная Мазарини, была воспринята от него Людовиком XIV; будет видно, насколько он был верен ей и каковы были результаты его действий для Франции. Между тем можно отметить, что из этих четырех элементов, необходимых для величия Франции, морская мощь была одним; и поскольку второй и третий были практически едины в используемых средствах, можно сказать, что морская мощь была одним из двух великих средств, с помощью которых должно было поддерживаться *внешнее* величие Франции. Англия на море, Австрия на суше указывали направление, в котором должны были развиваться французские усилия.

Что касается положения Франции в 1660 году и ее готовности двигаться дальше по пути, указанному Ришелье, то можно сказать, что внутренний мир был обеспечен, власть знати полностью сломлена, религиозные разногласия улажены; нантский эдикт о терпимости все еще

оставался в силе, в то время как оставшееся протестантское недовольство было подавлено вооруженной рукой. Вся власть была полностью сосредоточена на троне. В других отношениях, хотя в королевстве царил мир, положение было менее удовлетворительным. Военно-морского флота практически не было; торговля, внутренняя и внешняя, не процветала; финансы были в беспорядке; армия малочисленна.

Испания, нация, перед которой все остальные трепетали менее ста лет назад, теперь надолго пришла в упадок и едва ли была грозной; слабость центральной власти распространилась на все звенья администрации. Однако по размерам территории она все еще была велика. Испанские Нидерланды все еще принадлежали ей; она удерживала Неаполь, Сицилию и Сардинию; Гибралтар еще не попал в руки Англии; ее обширные владения в Америке — за исключением Ямайки, завоеванной Англией несколькими годами ранее — все еще оставались нетронутыми. Уже упоминалось о состоянии ее морской мощи, как в мирное, так и в военное время. Много лет назад Ришелье заключил временный союз с Испанией, в силу которого она предоставила в его распоряжение сорок кораблей; но плохое состояние судов, по большей части плохо вооруженных и плохо управляемых, вынудило их отступить. Военно-морской флот Испании находился тогда в полном упадке, и его слабость не ускользнула от проницательного взгляда кардинала. Столкновение, произошедшее между испанским и голландским флотами в 1639 году, наиболее ясно показывает состояние деградации, в которое впал этот некогда гордый флот.

"Ее военно-морской флот в это время, - говорится в цитируемом повествовании, - пережил одно из тех потрясений, последовательность которых во время этой войны низвела ее с высокого положения владычицы морей в обоих полушариях до презренного ранга среди морских держав. Король снаряжал мощный флот для ведения войны у берегов Швеции и для его оснащения распорядился прислать подкрепление из людей и провизии из Дюнкерка. Соответственно, флот вышел в море, но был атакован фон Тромпом, часть попала в плен, остальные были вынуждены снова уйти в гавань. Вскоре после этого Тромп захватил три английских [нейтральных] корабля, перевозивших 1070 испанских солдат из Кадиса в Дюнкерк; он вывел войска, но отпустил корабли на свободу. Оставив семнадцать кораблей для блокады Дюнкерка, Тромп с оставшимися двенадцатью двинулся навстречу вражескому флоту по его прибытии. Вскоре было замечено, как он входит в Дуврский пролив в количестве шестидесяти семи кораблей и с двухтысячным войском. Присоединившись к Де Витту с еще четырьмя кораблями, Тромп со своим небольшим отрядом предпринял решительную атаку на противника. Бой продолжался до четырех часов дня, когда испанский адмирал укрылся в Даунсе. Тромп решил вступить в бой, если они выйдут; но Окендо со своим мощным флотом, многие из которых несли от шестидесяти до ста орудий, подвергся блокаде; и английский адмирал сказал Тромпу, что ему приказано присоединиться к испанцам, если начнутся военные действия. Тромп был отправлен домой за инструкциями, и действия Англии послужили лишь для того, чтобы призвать огромные морские силы голландии. Тромп был быстро усилен до девятиности шести парусных и двенадцати брандеров и получил приказ атаковать. Оставив отдельную эскадрилью наблюдать за англичанами и атаковать их, если они помогут испанцам, он начал бой, сбитый с толку густым туманом, под прикрытием которого испанцы перерезали свои тросы, чтобы спастись бегством. Многие, подбежавшие слишком близко к берегу, сели на мель, а большинство оставшихся,

пытавшихся отступить, были потоплены, взяты в плен или вытеснены на побережье Франции. Никогда победа не была более полной".[16]

Когда военно-морской флот подчиняется такому образу действий, весь тон и гордость должны были исчезнуть; но военно-морской флот разделял только общий упадок, из-за которого Испания отныне имела все меньший вес в политике Европы.

"Среди великолепия своего двора и языка, - говорит Гизо, - испанское правительство чувствовало себя слабым и пыталось скрыть свою слабость за неподвижностью. Филипп IV. и его министр, уставшие стремиться только к тому, чтобы быть побежденными, стремились лишь к обеспечению мира и стремились лишь отложить в сторону все вопросы, которые потребовали бы усилий, на которые они чувствовали себя неспособными. Разделенный и обессиленный, австрийский дом имел даже меньше амбиций, чем власти, и, за исключением случаев крайней необходимости, политикой преемников Карла V. напыщенная инертность стала политикой преемников Карла V."[17]

Такой была Испания тех дней. Та часть испанских владений, которая тогда была известна как Нидерланды, или Римско-католические Нидерланды (наша современная Бельгия), должна была стать плодотворным источником разногласий между Францией и ее естественным союзником, Голландской республикой. Это государство, политическое название которого было Соединенные провинции, достигло теперь вершины своего влияния и могущества — могущества, основанного, как уже объяснялось, исключительно на море и на использовании этого элемента великим морским и коммерческим гением голландского народа. Недавний французский автортак описывает коммерческие и колониальные условия при восшествии на престол Людовика XIV этого народа, который лучше любого другого в наше время, за исключением только Англии, показал, как добыча моря может привести к богатству и могуществу страну, изначально слабую и не имеющую ресурсов:—

"Голландия стала Финикией нового времени. Владычицы Шельды, Соединенные провинции закрыли выходы Антверпена к морю и унаследовали торговую мощь этого богатого города, который посол Венеции в пятнадцатом веке сравнил с самой Венецией. Кроме того, они принимали в своих главных городах рабочих из Нидерландов, бежавших от испанской тирании совести. Производство одежды, льняных тканей и т. Д., В котором было занято шестьсот тысяч душ, открыло новые источники прибыли для народа, ранее довольствовавшегося торговлей сыром и рыбой. Одно только рыболовство уже обогатило его. Промысел сельди обеспечивал почти пятую часть населения Голландии, производя триста тысяч тонн соленой рыбы и принося ежегодно более восьми миллионов франков.

Военно-морская и торговая мощь республики быстро развивалась. Только торговый флот Голландии насчитывал 10 000 судов, 168 000 моряков и содержал 260 000 жителей. Она завладела большей частью европейской транспортной торговли и со времени заключения мира добавила к ней все перевозки товаров между Америкой и Испанией, оказала ту же услугу французским портам и поддерживала импортный оборот в размере тридцати шести миллионов франков. Северные страны, Бранденбург, Дания, Швеция, Московия, Польша, доступ в которые Провинциям открывала Прибалтика, были для них неисчерпаемым рынком обмена. Они кормили его продуктами, которые продавали там, и покупали продукты Севера — пшеницу, древесину, медь, пеньку и меха. Общая стоимость товаров, ежегодно перевозимых на

голландских днищах по всем морям, превышала тысячу миллионов франков. Голландцы превратили себя, выражаясь современным языком, в перевозчиков всех морей".[18]

Таким образом, республика смогла развивать морскую торговлю благодаря своим колониям. Она обладала монополией на все товары Востока. Она ежегодно привозила в Европу продукты и специи из Азии стоимостью в шестнадцать миллионов франков. Могущественная Ост-Индская компания, основанная в 1602 году, создала в Азии империю с владениями, отнятыми у португальцев. Владевшая в 1650 году мысом Доброй Надежды, что гарантировало ей место стоянки для ее кораблей, она царствовала как суверенная на Цейлоне и на побережьях Малабара и Короманделя. Он сделал Батавию резиденцией своего правительства и расширил торговые перевозки в Китай и Японию. Тем временем Вест-Индская компания, более быстроразвивающаяся, но менее долговечная, имела восемьсот военных и торговых кораблей. Оно использовало их для захвата остатков португальского могущества на берегах Гвинеи, а также в Бразилии.

Таким образом, Соединенные провинции превратились в склад, где собирались продукты всех наций.

Колонии голландцев в то время были разбросаны по восточным морям, в Индии, на Малакке, на Яве, Молуккских островах и в различных частях обширного архипелага, лежащего к северу от Австралии. У них были владения на западном побережье Африки, и пока что колония Новый Амстердам оставалась в их руках. В Южной Америке Голландская Вест-Индская компания владела почти тремя сотнями лиг побережья от Баии в Бразилии к северу, но недавно многое ускользнуло из их рук.

Соединенные провинции были обязаны своим уважением и могуществом своему богатству и своему флоту. Море, которое, как закоренелый враг, бьется об их берега, было покорено и превратилось в полезного слугу; суша должна была стать доказательством их гибели. Продолжительная и ожесточенная борьба велась с врагом более жестоким, чем море, — испанским королевством; благополучный финал с его обманчивым обещанием покоя прозвучал похоронным звоном по Голландской республике. До тех пор, пока мощь Испании оставалась незыблемой или, по крайней мере, достаточно большой, чтобы поддерживать террор, который она уже давно внушала, в интересах Англии и Франции, страдающих от испанской угрозы и интриг, чтобы Соединенные Провинции были сильными и независимыми. Когда Испания пала - и неоднократные унижения показали, что ее слабость была реальной, а не кажущейся, — место страха заняли другие мотивы. Англия жаждала торгового и морского господства Голландии; Франция жаждала испанских Нидерландов. У Соединенных Провинций были причины выступать как против последнего, так и против первого.

Под совместными атаками двух соперничающих наций вскоре стала ощутима внутренняя слабость Соединенных Провинций. Открытый для нападения с суши, малочисленный, с правительством, плохо приспособленным для использования объединенной силы народа, прежде всего неспособным вести надлежащую подготовку к войне, упадок республики и нации должен был быть более поразительным и быстрым, чем подъем. Однако в 1660 году еще не было замечено никаких признаков грядущего падения. Республика по-прежнему находилась в первых рядах великих держав Европы. Если в 1654 году война с Англией продемонстрировала удивительную неготовность военно-морского флота, который так долго смирял гордость Испании на морях, то, с другой стороны, Провинции в 1657 году эффективно положили конец

оскорблениям Франции, направленным против ее торговли; а год спустя, "своим вмешательством на Балтике между Данией и Швецией, они помешали Швеции установить на Севере губительное для себя превосходство. Они вынудили ее оставить открытым вход в Балтийское море, хозяевами которого они оставались, и ни один другой военно-морской флот не мог оспорить у них его контроль. Превосходство их флота, доблесть их войск, мастерство и твердость их дипломатии привели к признанию престижа их правительства. Ослабленные и униженные последней английской войной, они восстановили себя в звании великих держав. В этот момент Карл II. был восстановлен".

Общий характер правительства был упомянут ранее, и здесь нужно только напомнить. Это была слабо сплоченная конфедерация, управляемая тем, что не может быть неточно названо торговой аристократией, со всей политической робостью этого класса, которому так много приходится рисковать на войне. Влияние этих двух факторов, секторальной зависти и коммерческого духа, на военный флот было катастрофическим. В мирное время это не поддерживалось должным образом, во флоте, который был скорее морской коалицией, чем объединенным военно-морским флотом, неизбежно существовало соперничество, и среди офицеров было слишком мало истинно военного духа. Более героического народа, чем голландцы, никогда не существовало; летописи голландских морских сражений приводят примеры отчаянной предприимчивости и выносливости, которые, безусловно, нигде не превзойдены, возможно, никогда не имели себе равных; но они также демонстрируют случаи дезертирства и неправомерных действий, свидетельствующих об отсутствии воинского духа, очевидно, из-за отсутствия профессиональной гордости и подготовки. Эта профессиональная подготовка едва ли существовала в каком-либо военно-морском флоте того времени, но в монархических странах ее место в значительной степени занимало чувство военной касты. Остается отметить, что правительство, достаточно слабое по названным причинам, было еще слабее из-за разделения народа на две большие фракции, люто ненавидящие друг друга. Одна из них, которая была партией купцов (бургомистров) и сейчас находилась у власти, выступала за конфедеративную республику, как описано выше; другая желала монархического правления при Оранском доме. Республиканская партия желала союза с Францией, если это возможно, и сильного военно-морского флота; оранжевая партия отдавала предпочтение Англии, с королевским домом которой принц Оранский был в близком родстве, и мощной армии. При таких условиях правления и слабой численности населения Соединенные провинции в 1660 году, с их огромным богатством и внешней деятельностью, напоминали человека, поддерживаемого возбуждающими средствами. Искусственная сила не может длиться бесконечно; но замечательно видеть, как это маленькое государство, намного более слабое по численности, чем Англия или Франция, выдерживает натиск как поодиночке, так и в течение двух лет обоих в союзе, не только не будучи уничтоженным, но и не теряя своего места в Европе. Этим поразительным результатом она была обязана отчасти мастерству одного или двух матросов, но главным образом своей морской мощи.

Условия Англии в отношении ее пригодности вступить в надвигающуюся борьбу отличались от условий как Голландии, так и Франции. Несмотря на монархическое правление и большую реальную власть в руках короля, последний не мог направлять политику королевства полностью по своей воле. Ему приходилось считаться, в отличие от Людовика, с характером и желаниями своего народа. То, что Людовик приобрел для Франции, он приобрел для себя; слава Франции была его славой. Карл стремился сначала к собственной выгоде, затем к выгоде Англии; но, помня о прошлом, которое всегда было перед ним, он был полон решимости прежде всего не

навлечь на себя участь своего отца и не допустить повторения своего собственного изгнания. Поэтому, когда опасность стала неминуемой, он уступил чувствам английской нации. Сам Карл ненавидел Голландию; он ненавидел ее как республику; он ненавидел существующее правительство, потому что оно выступало во внутренних делах против его связей, Оранского дома; и он ненавидел его еще больше, потому что в дни его изгнания республика, как одно из условий мира с Кромвелем, изгнала его со своих границ. Его привлекли во Францию политические симпатии потенциального абсолютного правителя, возможно, его римско-католические предубеждения и в значительной степени деньги, выплаченные ему Людовиком, которые частично освободили его от контроля парламента. Следуя своим собственным тенденциям, Карл должен был учитывать определенные решительные пожелания своего народа. Англичане той же расы, что и голландцы, и с аналогичными условиями положения были объявлены соперниками за контроль над морем и торговлей; и поскольку голландцы теперь лидировали в гонке, англичане были более нетерпеливы и ожесточенны. Особый повод для недовольства был найден в действиях Голландской Ост-Индской компании, "которая претендовала на монополию торговли на Востоке и вынудила дальних князей, с которыми она вела переговоры, закрыть свои государства для иностранных наций, которые, таким образом, были исключены не только из голландских колоний, но и со всей территории Индии". Сознывая свою большую силу, англичане также хотели контролировать действия голландской политики, и во времена Английской республики даже пытались навязать союз двух правительств. Таким образом, поначалу народное соперничество и вражда поддерживали желания короля, тем более что Франция в течение нескольких лет не была грозной державой на континенте. Однако, как только агрессивная политика Людовика XIV. получила всеобщее признание, английский народ, как знать, так и простые люди, почувствовали огромную опасность находиться там, как столетием ранее это было в Испании. Передача Испанских Нидерландов (Бельгии) Франции привела бы к подчинению Европы и особенно нанесла бы удар по морскому могуществу как голландцев, так и англичан; ибо нельзя было предполагать, что Людовик позволит Шельде и порту Антверпен оставаться закрытыми, какими они были тогда, по договору, заключенному голландцами из-за слабости Испании. Повторное открытие этого великого города для торговли стало бы ударом как для Амстердама, так и для Лондона. С возрождением унаследованной оппозиции Франции начали сказываться родственные узы; вспомнились воспоминания о прошлом союзе против тирании Испании; и сходство религиозных верований, все еще остававшееся мощным мотивом, сблизило этих двоих. В то же время огромные и систематические усилия Кольбера по развитию торговли и военно-морского флота Франции возбудили зависть обеих морских держав; сами соперничая, они инстинктивно ополчились против третьей стороны, вторгшейся в их владения. Карл не смог противостоять давлению своего народа по всем этим причинам; войны между Англией и Голландией прекратились, и после смерти Карла за ними последовал тесный союз.

Хотя ее торговля была менее обширной, военно-морской флот Англии в 1660 году превосходил голландский, особенно по организации и эффективности. Суровое, исполненное энтузиазма религиозное правительство Кромвеля, основанное на военной силе, оставило свой след как на флоте, так и в армии. Имена нескольких высших офицеров при Протекторе, среди которых Монк стоит на первом месте, появляются в повествовании о первой из голландских войн при Карле. Это превосходство в тоне и дисциплине постепенно исчезло под тлетворным влиянием благосклонности двора при распущенном правительстве; и Голландия, которая в целом потерпела поражение от Англии в одиночку на море в 1665 году, успешно сопротивлялась

объединенным флотам Англии и Франции в 1672 году. Что касается материальной части трех флотов, то нам говорят, что французские корабли имели большее водоизмещение, чем английские, относительно веса артиллерии и запасов; следовательно, при полной загрузке они могли удерживать батареи большей высоты. Их корпуса также имели лучшие линии. Эти преимущества естественным образом вытекают из продуманного и систематического способа, которым французский военно-морской флот в то время был восстановлен из состояния упадка, и дают нам урок надежды в нынешнем аналогичном состоянии нашего собственного военно-морского флота. Голландские корабли, судя по характеру их побережья, имели более плоское днище и меньшую осадку и, таким образом, могли, когда их поджимали, находить убежище среди отмелей; но вследствие этого они были менее подвержены влиянию непогоды и обычно имели более легкую обшивку, чем корабли любой из других наций.

Таким образом, как можно более кратко были очерчены условия, степень могущества и цели, которые формировали и контролировали политику четырех главных прибрежных государств того времени — Испании, Франции, Англии и Голландии. С точки зрения данной истории, они будут наиболее заметны и чаще всего привлекут внимание; но поскольку другие государства оказывали мощное влияние на ход событий, а нашей целью является не просто военно-морская история, но оценка влияния военно-морской и коммерческой мощи на ход общей истории, необходимо кратко изложить состояние остальной Европы. Америка еще не начала играть заметной роли на страницах истории или в политике кабинетов министров.

Затем Германия была разделена на множество небольших государств и образовала единую великую австрийскую империю. Политика небольших государств изменилась, и целью Франции было объединить как можно больше из них под своим влиянием в соответствии с ее традиционной оппозицией Австрии. С одной стороны, Франция действовала против нее, с другой - Австрия находилась в неминусовой опасности из-за постоянных нападений Турецкой империи, все еще сильной, хотя и приходящей в упадок. Политика Франции долгое время склонялась к дружественным отношениям с Турцией не только для сдерживания Австрии, но и из-за ее желания наладить торговлю с Левантом. Кольбер, в своем крайнем стремлении к морской мощи Франции, одобрял этот союз. Следует помнить, что Греция и Египет были тогда частями Турецкой империи.

Пруссии, как известно сейчас, не существовало. Основы будущего королевства в то время готовил курфюрст Бранденбургский, могущественное небольшое государство, которое еще не могло существовать совершенно самостоятельно, но тщательно избегало формально зависимого положения. Королевство Польское все еще существовало, являясь самым тревожным и важным фактором в европейской политике, из-за его слабого и неустоявшегося правительства, которое заставляло все остальные государства беспокоиться о том, чтобы какой-нибудь непредвиденный поворот событий там не обернулся в пользу соперника. Традиционной политикой Франции было поддерживать Польшу в вертикальном положении и сильной. Россия все еще была за горизонтом; входила, но еще не вошла, в круг европейских государств и их насущных интересов. Она и другие державы, граничащие с Балтийским морем, естественно, соперничали за господство на этом море, в котором другие государства, и прежде всего морские державы, были особенно заинтересованы как в источнике, из которого в основном черпались военно-морские запасы всех видов. Швеция и Дания находились в то время в состоянии постоянной вражды, и в ссорах, которые преобладали, их можно было найти по разные стороны баррикад. В течение многих прошедших лет и во время первых войн

Людовика XIV Швеция по большей части находилась в союзе с Францией; таковы были ее предубеждения.

При описанном общем состоянии Европы пружина, которая должна была привести в движение различные колеса, находилась в руках Людовика XIV. Слабость его ближайших соседей, огромные ресурсы его королевства, ожидающие только развития, единство руководства, проистекающее из его абсолютной власти, его собственный практический талант и неутомимая трудолюбивость, которым в течение первой половины его правления помогала группа министров исключительных способностей, объединившихся, чтобы заставить каждое правительство в Европе более или менее полагаться на его действия и определяться, если не следовать, его примеру. Величие Франции было его целью, и у него был выбор продвигать ее одним из двух путей — по суше или по морю; не то чтобы один полностью исключал другой, но Франция, какой бы подавляюще сильной она тогда ни была, не имела возможности двигаться равными шагами по обоим путям.

Луи выбрал расширение по суше. Он женился на старшей дочери Филиппа IV, правившего в то время королем Испании; и хотя по брачному договору она отказалась от всех притязаний на наследство своего отца, было нетрудно найти причины для игнорирования этого условия. Были найдены технические основания для отмены этого решения в отношении определенных частей Нидерландов и Франш-Конте, и были начаты переговоры с судом Испании о его полной отмене. Этот вопрос был тем более важен, что наследник престола мужского пола был настолько слаб, что было очевидно, что австрийская линия испанских королей оборвется на нем. Желание посадить французского принца на испанский трон — либо его самого, объединив таким образом две короны, либо кого-то из его семьи, установив таким образом власть Дома Бурбонов по обе стороны Пиренеев, — было ложным предзнаменованием, которое сбивало Людовика с пути истинного на протяжении всего его правления, к окончательному уничтожению морской мощи Франции и обнищанию и нищете его народа. Людовик не понимал, что ему приходится считаться со всей Европой. Непосредственному претенденту на испанский трон пришлось подождать, пока освободится место; но он сразу же приготовился двинуться на испанские владения к востоку от Франции.

Чтобы сделать это более эффективно, он отрезал от Испании всех возможных союзников с помощью искусных дипломатических интриг, изучение которых дало бы полезную иллюстрацию стратегии в сфере политики, но он допустил две серьезные ошибки, нанеся ущерб морской мощи Франции. Португалия еще двадцать лет назад была объединена с короной Испании, и от притязаний на нее никто не отказался. Людовик считал, что, если Испания вернет себе это королевство, она будет слишком сильна, чтобы он мог легко осуществить свои цели. Среди других средств предотвращения он способствовал заключению брака между Карлом II и инфантой Португалии, вследствие чего Португалия уступила Англии Бомбей в Индии и Танжер в Гибралтарском проливе, который слыл превосходным портом. Мы видим здесь французского короля, стремящегося к расширению своего присутствия на суше, приглашающего Англию в Средиземноморье и содействующего ее союзу с Португалией. Последнее было тем более любопытно, что Людовик уже предвидел крах испанского королевского дома и скорее должен был желать союзокоролевств полуострова. Фактически Португалия стала зависимым форпостом Англии, с помощью которого она с готовностью высаживалась на полуострове вплоть до времен Наполеона. Действительно, будучи независимой от Испании, она слишком слаба, чтобы не находиться под контролем державы,

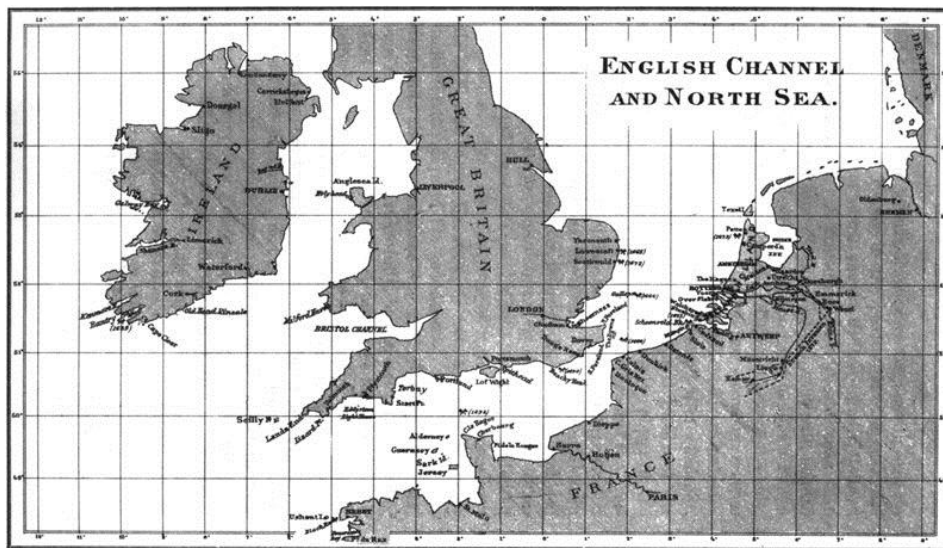
которая правит морем и поэтому имеет к ней самый легкий доступ. Людовик продолжал поддерживать ее против Испании и обеспечил ее независимость. Он также вмешался в дела голландцев и вынудил их вернуть Бразилию, которую они отняли у португальцев.

С другой стороны, Людовик получил от Карла II. уступка Дюнкерка на Ла-Манше, который был захвачен и использован Кромвелем. Эта капитуляция была совершена ради денег и была непростительной с морской точки зрения. Дюнкерк был для англичан мостом во Францию. Для Франции он стал пристанищем каперов, проклятием английской торговли в Ла-Манше и Северном море. По мере того как морская мощь Франции ослабевала, Англия договором за договором требовала демонтажа сооружений Дюнкерка, который, можно сказать мимоходом, был портом приписки знаменитого Жана Барта и других великих французских каперов.

Тем временем величайший и мудрейший из министров Людовика, Кольбер, усердно создавал ту систему управления, которая, увеличивая и прочно обосновывая богатство государства, должна была принести большее величие и процветание, чем более эффектные предприятия короля. К тем деталям, которые касаются внутреннего развития королевства, эта история не имеет отношения, за исключением случайного упоминания о том, что производство, как сельскохозяйственное, так и мануфактурное, привлекало его пристальное внимание; но на море быстро началась политика искусной агрессии против судоходства и торговли голландцев и англичан, которая немедленно вызвала возмущение. Были созданы крупные торговые компании, направляющие французские предприятия на Балтику, в Левант, в Ост и Вест-Индию; таможенные правила были изменены, чтобы стимулировать французскую мануфактуру и разрешить хранение товаров под залог в крупных портах, с помощью чего надеялись заставить Францию занять место Голландии в качестве главного склада Европы, функции, для которой в высшей степени соответствовало ее географическое положение; в то время как тоннажные пошлины на иностранные перевозки, прямые надбавки на корабли отечественной постройки и тщательные, строгие колониальные указы, предоставляющие французским судам монополию на торговлю с колониями и из них, в совокупности способствовали росту ее экономики. морской торговец. Англия немедленно нанесла ответный удар; голландцы, которым угрожали более серьезно, поскольку их транспортная торговля была больше, а внутренние ресурсы меньше, лишь некоторое время протестовали; но через три года они также предприняли ответные меры. Кольбер, полагаясь на огромное превосходство Франции как фактического, а еще больше как возможного производителя, опасался не продвигаться неуклонно по намеченному захватническому пути, который, создавая большое торговое судоходство, зложил бы широкую базу для военного судоходства, которое еще более стремительно развивалось благодаря мерам государства. Процветание росло быстрыми темпами. По прошествии двенадцати лет все процветало, все богатело в штате, который был в полном замешательстве, когда он взял на себя управление финансами и морской пехотой.

"При нем, - говорит французский историк, - Франция росла благодаря миру так же, как раньше росла благодаря войне.... Война тарифов и надбавок, умело проводимая им, имела тенденцию ограничивать в справедливых пределах непомерный рост торговой и морской мощи, которую Голландия присвоила за счет других наций; и сдерживать Англию, которая горела желанием вырвать это превосходство у Голландии, чтобы использовать его гораздо более опасным для Европы способом. Интерес Франции, казалось, заключался в мире в Европе и Америке; таинственный голос, одновременно голос прошлого и будущего, призывал ее к воинственной деятельности на других берегах".[19]

Этот голос прозвучал устами Лейбница, одного из величайших людей мира, который указал Людовику, что обращение оружия Франции против Египта даст ей в господстве над Средиземноморьем и контроле над восточной торговлей победу над Голландией, более крупную, чем самая успешная кампания на суше; и, обеспечивая столь необходимый мир в его королевстве, создаст силу на море, которая обеспечит перевес в Европе. Этот мемориал призвал Людовика отказаться от погони за славой на суше и стремиться к прочному величию Франции во владении великой морской державой, элементы которой, благодаря гению Кольбера, были у него в руках. Столетие спустя более великий человек, чем Людовик, стремился возвысить себя и Францию путем, указанным Лейбницем; но у Наполеона не было, в отличие от Людовика, флота, равного предложенной задаче. Этот проект Лейбница будет упомянут более полно, когда повествование дойдет до знаменательной даты, когда он был выдвинут; когда Людовик со своим королевством и флотом в высшей степени боеспособен, стоял в точке, где расходились дороги, а затем выбрал ту, которая решила, что Франция не должна быть морской державой. Это решение, убившее Кольбера и разрушившее процветание Франции, сказывалось в его последствиях из поколения в поколение, поскольку великий военно-морской флот Англии в войне за войной бороздил моря, обеспечивал растущее богатство островного королевства посредством изнурительных распрей, одновременно истощая внешние ресурсы французской торговли и причиняя, как следствие, страдания. Ложная линия политики, начавшаяся при Людовике XIV. также отвратила Францию от многообещающей карьеры в Индии во времена его преемника.

Ла-Манш и Северное море. [Список](#)

Тем временем два морских государства, Англия и Голландия, хотя и относились к Франции с недоверием, испытывали все большую неприязнь друг к другу, которая находилась под опекой Карла II. привело к войне. Истинной причиной, несомненно, была коммерческая зависть, и конфликт сразу же возник из-за столкновений между торговыми компаниями. Военные

действия начались на западном побережье Африки; и английская эскадра в 1664 году, подчинив себе там несколько голландских станций, отплыла в Новый Амстердам (ныне Нью-Йорк) и захватила его. Все эти события происходили до официального объявления войны в феврале 1665 года. Эта война, несомненно, была популярна в Англии; инстинкт народа нашел выражение в устах Монка, который, как сообщается, сказал: "Какое значение имеет та или иная причина? Чего мы хотим, так это расширения торговли, которая сейчас есть у голландцев". Также нет оснований сомневаться в том, что, несмотря на претензии торговых компаний, правительство Соединенных провинций с радостью избежало бы войны; способный человек, стоявший во главе этих компаний, слишком ясно видел деликатное положение, в котором они находились между Англией и Францией. Однако они требовали поддержки последнего в силу оборонительного договора, заключенного в 1662 году. Людовик удовлетворил это требование, но неохотно; и все еще молодой военно-морской флот Франции практически не оказал никакой помощи.

Война между двумя морскими державами была полностью морской и имела общие характеристики всех подобных войн. Были разыграны три великих сражения— первое у Лоустофта, на побережье Норфолка, 13 июня 1665 года; второе, известное как Четырехдневное сражение в Дуврском проливе, часто упоминаемое французскими писателями как сражение при Па-де-Кале, длившееся с 11 по 14 июня 1666 года; и третье, у Северного Форленда, 4 августа того же года. В первом и последнем из них англичане добились решающего успеха; во втором преимущество осталось за голландцами. Подробно будет описан только этот случай, потому что только благодаря ему был найден такой полный, связный отчет, который позволит дать ясное и точное тактическое описание. В этих боях есть интересные моменты, более общие для сегодняшнего дня, чем детали несколько устаревших тактических приемов.

В первом сражении у Лоустофта, по-видимому, голландский командующий Опдам, который был не моряком, а офицером кавалерии, получил очень четкий приказ сражаться; ему не было доверено усмотрение, подобающее главнокомандующему на месте. Вмешиваться таким образом в деятельность командующего на местах или на плаву - одно из самых распространенных искушений для членов правительства в кабинете министров, и оно, как правило, губительно. Турвиль, величайший из адмиралов Людовика XIV, был вынужден, таким образом, рисковать всем французским флотом вопреки своему собственному суждению; и столетие спустя великий французский флот спасся от английского адмирала Кейта, повинаясь настоятельным приказам своего непосредственного начальника, который заболел в порту.

В бою у Лоустофта голландский авангард уступил; и чуть позже один из младших адмиралов центра, собственной эскадрильи Опдама, был убит, команду охватила паника, она приняла командование кораблем от своих офицеров и вывела его из строя. За этим движением последовали двенадцать или тринадцать других кораблей, оставив большую брешь в голландской линии. Этот случай показывает то, на что уже указывалось ранее, что дисциплина голландского флота и тонус офицеров были невысокими, несмотря на прекрасные боевые качества нации, и хотя, вероятно, верно, что среди голландцев было больше хороших моряков, чем среди английских капитанов. Природная стойкость и героизм голландцев не могли полностью восполнить ту профессиональную гордость и чувство воинской чести, поощрять которые является задачей надежных военных институтов. Народные настроения в Соединенных Штатах в этом вопросе в значительной степени противоречат друг другу; при этом нет

промежуточного шага между личной храбростью с оружием в руках и общей военной эффективностью.

Опдам, видя, что битва идет против него, похоже, поддался чувству, приближающему к отчаянию. Он пытался схватиться с английским главнокомандующим, которым в тот день был герцог Йоркский, брат короля. Ему это не удалось, и в последовавшей отчаянной борьбе его корабль взорвался. Вскоре после этого три или, как говорится в одном отчете, четыре голландских корабля столкнулись друг с другом, и эта группа была сожжена одним брандером; чуть позже та же участь постигла еще три или четыре других поодиночке. Голландский флот был теперь в беспорядке и отступал под прикрытием эскадры Ван Тромпа, сына знаменитого старого адмирала, который во времена Содружества плавал через Ла-Манш с метлой на мачте.

Видно, что брандеры сыграли здесь очень заметную роль, несомненно, большую, чем в войне 1653 года, хотя в оба периода они были придатком флота. На поверхности есть очевидное сходство между ролью брандера и ролью, отведенной в современной войне торпедному крейсеру. Ужасный характер атаки, сравнительные размеры судна, совершающего ее, и большие нагрузки на нервы нападающего являются главными признаками сходства; большими отличиями являются сравнительная уверенность, с которой можно справиться с современным судном, что частично компенсируется тем же преимуществом "бронированного" над старым линейным кораблем, и мгновенность поражения торпедой, атака которой терпит неудачу или увенчалась успехом сразу, тогда как атака брандера требовала времени для достижения цели, которая в обоих случаях является невозможной. полное уничтожение вражеского корабля, вместо того, чтобы выводить его из строя или иным образом уменьшать его. Понимание характера брандеров, обстоятельств, при которых они приобрели наибольшую полезность, и причин, приведших к их исчезновению, возможно, поможет странам принять решение о том, являются ли торпедные крейсера в чистом виде типом оружия, которому суждено сохраниться во флотах.

Французский офицер, изучавший архивы французского военно-морского флота, утверждает, что впервые брандер появился в составе флота в 1636 году.

"Независимо от того, были ли они специально построены для этой цели или переделаны для других целей, чтобы соответствовать их конкретной цели, они получали специальное оборудование. Командование было передано офицерам не из благородных, в звании капитана брандера. Экипаж составляли пять подчиненных офицеров и двадцать пять матросов. Легко узнаваемый по абордажным скобам, которые всегда были прикреплены к реям, этот брандер в первые годы восемнадцатого века стал играть все меньшую роль. В конце концов, он должен был исчезнуть с флотов, *скорость которых это замедляло и эволюция которых из-за этого усложнялась*. По мере того как военные корабли становились больше, их действия совместно с брандерами с каждым днем становились все труднее. С другой стороны, там уже было отказано от идеи объединения их с боевыми действиями кораблей, чтобы сформировать несколько *групп*, каждая снабжена всеми средствами нападения и защиты. Построение ближней боевой линии путем отвода брандерам места во второй линии, расположенной в половине лиги от стороны, наиболее удаленной от противника, делало их все более и более непригодными для выполнения своих обязанностей. Официальный план битвы при Малаге (1704), составленный сразу после сражения, показывает брандер в таком положении, как это было предусмотрено Полем Хосте. Наконец, использование снарядов, позволяющих более

уверенно и быстро поджигать корабли, и введенное на борту в период, о котором мы сейчас рассказываем, хотя широкое применение получило гораздо позже, стало последним ударом по брандеру".[20]

Те, кто знаком с теориями и дискуссиями наших дней на тему тактики флота и вооружения, распознают в этом кратком уведомлении давно устаревшего типа определенные идеи, которые не являются устаревшими. Брандер исчез из флотов, "скорость которых он задерживал". В тяжелую погоду небольшая масса всегда должна означать сравнительно небольшую скорость. Теперь нам говорят, что в умеренном море скорость торпедного катера падает с двадцати узлов до пятнадцати или меньше, и крейсер со скоростью семнадцать-девятнадцать узлов может либо уходить от преследующих лодок, либо удерживать их на расстоянии под огнем пулеметов и тяжелых орудий. Эти лодки предназначены для плавания", и считается, что они могут держаться на море в любую погоду; но находиться на борту 110-футового торпедного катера, когда море бурное, как говорят, далеко не приятно. Жар, шум и быстрые вибрации двигателей очень сильны. О приготовлении пищи, похоже, не может быть и речи, и говорят, что если бы еда была хорошо приготовлена, немногие смогли бы оценить это по достоинству. Получить необходимый отдых в этих условиях, вдобавок к быстрому движению лодки, очень трудно". Будут строиться лодки большего размера; но фактор потери скорости в плохую погоду сохранится, если только размер торпедного крейсера не будет увеличен до такой степени, что, безусловно, приведет к оснащению их чем-то большим, чем торпеды. Подобно брандерам, *небольшие* крейсера-торпедоносцы будут снижать скорость и усложнять эволюцию флота, с которым они связаны.[21] Исчезновение брандера было также ускорено, как нам сказали, введением стрельбы снарядами или зажигательными снарядами; и не исключено, что для ведения глубоководных боевых действий перевод торпедоносца на класс более крупных кораблей положит конец простому торпедному крейсеру. Брандер продолжал использоваться против флотов, стоящих на якоре, вплоть до дней гражданской войны в США; а торпедный катер всегда будет полезен на небольшом расстоянии от своего порта.

Третья фаза военно-морской практики двухсотлетней давности, упомянутая в процитированном отрывке, включает идею, очень знакомую современным дискуссиям, а именно формирование группы. "Идея объединения брандеров с боевыми кораблями для формирования нескольких групп, каждая из которых была бы снабжена всеми средствами нападения и защиты", была на какое-то время одобрена; поскольку нам сказали, что позже от нее отказались. Объединение кораблей флота в группы по два, три или четыре человека, предназначенные специально для совместных действий, в настоящее время в значительной степени одобряется в Англии; в меньшей степени - во Франции, где это встречает сильное противодействие. Ни один вопрос такого рода, умело отстаиваемый обеими сторонами, не может быть решен суждением одного человека до тех пор, пока время и опыт не применят свои безошибочные тесты. Однако можно отметить, что в хорошо организованном флоте есть две степени командования, которые сами по себе естественны и необходимы, которые нельзя ни отменять, ни игнорировать; это командование всем флотом как единым целым и командование каждым кораблем как единым целым. Когда флот становится слишком большим, чтобы им мог управлять один человек, он должен быть разделен и в пылу сражения превратиться практически в два флота, действующих ради одной общей цели; как сказал Нельсон в своем благородном приказе при Трафальгаре: "Заместитель командующего будет, *после того*, как ему станут известны мои намерения" (обратите внимание на силу "*после*", которая так хорошо защищает функции как

главнокомандующего, так и второго), "иметь направление всей своей линии, атаковать противника и продолжать удар до тех пор, пока они захвачены или уничтожены".

Размер и стоимость отдельных бронированных кораблей сегодняшнего дня делают маловероятным, что флотилии будут настолько многочисленны, что потребуют разделения; но таковы они или нет, не влияет на решение группового вопроса. Рассматривая просто принцип, лежащий в основе теории, и не обращая внимания на кажущуюся тактическую неуклюжесть предлагаемых специальных групп, возникает вопрос: должно ли быть введено между естественными командами адмирала и капитанов отдельных кораблей третье искусственное изобретение, которое, с одной стороны, фактически частично заменит верховную власть, а с другой - частично ограничит свободу действий командиров кораблей? Еще одна трудность, проистекающая изузкого принципа поддержки, специально обусловленного конкретными кораблями, на котором основывается групповая система, заключается в следующем: когда сигналы больше не могут быть замечены, долг капитана по отношению к своему собственному кораблю и флоту в целом будет осложнен его обязанностью соблюдать определенные отношения к конкретным кораблям; какие именно корабли со временем должны стать слишком заметными в его взглядах. В старые времена у формирования группы был свой день испытания, и она исчезла перед испытанием опытом; выживет ли она в своем восстановленном виде, покажет время. Прежде чем оставить тему, можно сказать, что в качестве порядка плавания, соответствующего этапу следования армии на марше, рассыпное групповое построение имеет некоторые преимущества; поддержание некоторого порядка не требует той жесткой точности расположения, соблюдение которой днем и ночью должно быть серьезным напряжением для капитана и палубных офицеров. Однако такой порядок следования не должен быть разрешен до тех пор, пока флот не достигнет высокой тактической точности.

Возвращаясь к вопросу о брандерах и торпедных катерах, часто говорят, что роль последних заключается в той *схватке*, которая всегда следует за парой стремительных столкновений между противоборствующими флотами. В дыму и неразберихе того часа появляется возможность для торпедного катера. Это, безусловно, звучит правдоподобно, и торпедный катер, безусловно, обладает такой способностью передвижения, которой не обладает брандер. *Столкновение* двух флотов, однако, было не самым благоприятным состоянием для брандера. Я процитирую здесь другого французского офицера, чье обсуждение этих англо-голландских морских боев в более позднем периодическом издании необычайно ясно и наводит на размышления. Он говорит:

"Отнюдь не препятствуя прямым действиям брандера, которых не было вообще или почти не было во время запутанных сражений войны 1652 года, регулярность и *ансамбль*, недавно достигнутые в движениях эскадр, похоже, скорее благоприятствуют этому. Брандеры сыграли очень важную роль в битвах при Лоустофте, Па-де-Кале и Северном Форленде. Благодаря хорошему порядку, поддерживаемому линейными кораблями, эти зажигательные корабли действительно могут быть лучше защищены артиллерией; их гораздо эффективнее, чем раньше, направлять на достижение определенной цели".^[22]

Посреди беспорядочной *схватки* 1652 года брандер "действовал, так сказать, в одиночку, выискивая случайного противника для схватки, рискуя совершить ошибку, без защиты от орудий противника, почти наверняка быть им потопленным или же бесполезно сожженным. Теперь, в 1665 году, все изменилось. Его добыча четко обозначена; он знает ее, легко следует за

ней в относительно фиксированную позицию, занимаемую им в линии фронта противника. С другой стороны, корабли его собственной дивизии не теряют брандер из виду. Они сопровождают его, насколько это возможно, прикрывают своей артиллерией до конца его хода и выводят из строя перед поджогом, если тщетность попытки будет замечена достаточно скоро. Очевидно, что при таких условиях его действие, всегда неуверенное (иначе и быть не может), тем не менее приобретает больше шансов на успех". Эти поучительные комментарии, возможно, нуждаются в уточняющем или дополнительном замечании о том, что замешательство в порядках противника в то время, когда ваши собственные остаются в порядке, дает наилучшую возможность для отчаянной атаки. Автор продолжает описывать исчезновение брандера:

"Итак, здесь мы видим брандер в момент его наивысшей важности. Это значение уменьшится, сам брандер в конечном итоге исчезнет из сражений в *открытом море*, когда морская артиллерия, становящаяся все более совершенной, будет иметь большую дальность стрельбы, быть более точной и более быстрой;^[23] когда корабли, получающие улучшенные формы, большую мощность рулевого управления, более обширную и лучше сбалансированную парусность, смогут, благодаря более высокой скорости и управляемости, почти наверняка избегать посланных брандеров. против них; когда, наконец, флоты будут руководствоваться принципами тактики, столь же искусной, сколь и робкой, тактикой, которая будет преобладать столетие спустя на протяжении всей войны за независимость Америки, когда эти флоты, чтобы не подвергать опасности совершенную правильность своего боевого порядка, будут избегать сближения и предоставят только пушкам решать судьбу сражения".

В этом обсуждении автор имеет в виду ведущую черту, которая, помогая действиям брандера, также придает этой войне 1665 года особый интерес к истории военно-морской тактики. В нем впервые обнаруживается сомкнутая боевая линия, бесспорно принятая в качестве боевого порядка флотов. Достаточно ясно, что когда эти флоты насчитывали, как это часто бывало, от восьмидесяти до ста кораблей, такие линии были бы сформированы очень несовершенно во всех существенных аспектах, как в линии, так и в интервалах; но общая цель очевидна, несмотря на все несовершенства исполнения. Заслуга в этом развитии обычно отдается герцогу Йоркскому, впоследствии Джеймсу II; но вопрос, кому принадлежит это улучшение, не имеет большого значения для морских офицеров наших дней по сравнению с тем поучительным фактом, что между появлением большого парусного корабля с его бортовой батареей и систематическим принятием приказа, который был наилучшим образом приспособлен для развития всей мощи флота для взаимной поддержки, прошло так много времени. Нам, имеющим в своих руках элементы проблемы вместе с окончательно достигнутым результатом, этот результат кажется достаточно простым, почти самоочевидным. Почему способным людям того времени потребовалось так много времени, чтобы достичь этого? Причина — и в этом заключается урок для сегодняшнего офицера — была, несомненно, той же, которая делает боевой порядок столь неопределенным сейчас; а именно, что необходимость войны не заставляла людей принимать решения, пока голландцы, наконец, не встретили в лице англичан равных себе на море. Последовательность идей, вылившихся в боевую линию, ясна и логична. Хотя это и достаточно знакомо морякам, здесь это будет изложено словами автора, процитированного последним, потому что они отличаются чисто французской аккуратностью:

"С увеличением мощности военного корабля и совершенствованием его морских и воинских качеств произошел равный прогресс в искусстве их использования.... По мере того, как военно-морские эволюции становятся все более искусными, их значение растет день ото дня. Для этих эволюций необходима база, точка, от которой они отходят и к которой возвращаются. Флот боевых кораблей должен быть всегда готов встретить врага; следовательно, по логике вещей, отправной точкой для военно-морских эволюций должен быть боевой порядок. Теперь, после исчезновения галер, почти вся артиллерия находится на бортах военного корабля. Следовательно, луч должен быть обязательно и всегда направлен в сторону противника. С другой стороны, необходимо, чтобы наблюдение за последним никогда не прерывалось дружественным кораблем. Только одно построение позволяет кораблям одного флота полностью удовлетворять этим условиям. Это построение - линия впереди [колонны]. Таким образом, эта линия устанавливается как единственный боевой порядок и, следовательно, как основа всей тактики флота. Для того чтобы этот боевой порядок, эта длинная тонкая линия орудий, не могла быть повреждена или сломана в каком-то месте слабее остальных, в то же время ощущается необходимость вводить в него только корабли, которые если и не равны по силе, то имеют по крайней мере одинаково сильные борты. Логически из этого следует, что в тот же момент, когда линия впереди окончательно превратилась в боевой порядок, было установлено различие между линейными кораблями, предназначенными только для места в ней, и более легкими кораблями, предназначенными для других целей".

Если к этому мы добавим соображения, которые привели к превращению линии боя в линию ближнего боя, мы полностью решим проблему. Но цепочка рассуждений была столь же ясна двести пятьдесят лет назад, как и сейчас; почему же тогда ее так долго разрабатывали? Отчасти, без сомнения, потому, что старые традиции — в те дни традиции галерного боя — овладели умами людей и смутили их; главным образом потому, что люди слишком ленивы, чтобы искать основополагающие истины ситуации своего времени и разрабатывать истинную теорию действий с самого начала. Как редкий пример дальновидности, позволяющей распознать такое фундаментальное изменение условий и предсказать результаты, наиболее поучительны слова адмирала французского военно-морского флота Лабруса, написанные в 1840 году. "Благодаря паре, - писал он, - корабли смогут двигаться в любом направлении с такой скоростью, что последствия столкновения могут и даже должны, как это было раньше, заменить метательное оружие и свести на нет расчеты искусного маневрирующего. Таран будет благоприятствовать скорости, не разрушая мореходных качеств корабля. Как только одна держава возьмет на вооружение это ужасное оружие, все остальные должны будут принять его под страхом очевидной неполноценности, и, таким образом, сражения превратятся в бои барана против барана". Воздерживаясь от безоговорочного применения тарана в качестве главного оружия того времени, от которого отказался французский военно-морской флот, приведенный выше краткий аргумент вполне может быть воспринят как пример того, как следует проводить исследования боевого порядка будущего. Французский писатель, комментируя статью Лабрусса, говорит: —

Нашим отцам едва хватило двадцати семи лет, считая с 1638 года, даты постройки "Куронны", по 1665 год, чтобы перейти от тактического порядка шеренги в ряд, порядка галер, к порядку шеренги впереди. Нам самим потребовалось двадцать девять лет с 1830 года, когда в наш флот поступил первый пароход, до 1859 года, когда применение принципа таранного боя было подтверждено введением "Сольферино" и "Маджента", чтобы совершить революцию в противоположном направлении; это настолько верно, что истина всегда медленно выходит на

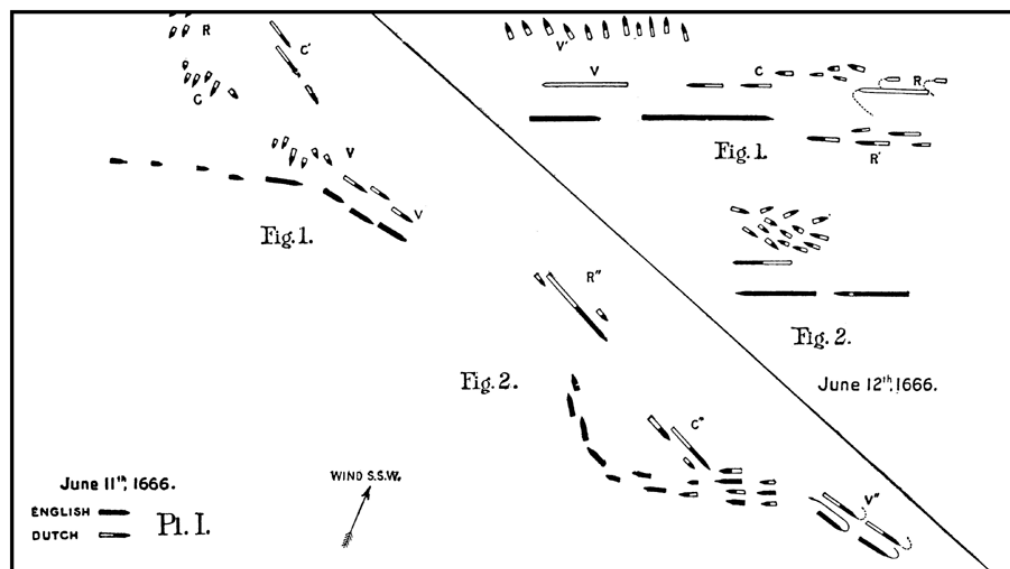
свет.... Это преобразование не было внезапным не только потому, что новый материал требовал времени на изготовление и вооружение, но прежде всего, как это ни печально, потому что необходимые последствия новой движущей силы ускользнули от большинства умов ".[24]

Теперь мы переходим к заслуженно прославленному четырехдневному сражению в июне 1666 года, которое заслуживает особого внимания не только из-за большого количества кораблей, участвовавших с обеих сторон, и не только из-за необычайной физической выносливости людей, которые вели жаркие морские бои так много дней подряд, но и потому, что главнокомандующие с обеих сторон, Монк и Де Рюйтер, были самыми выдающимися моряками, или, скорее, морскими командирами, появившимися в своих странах в семнадцатом веке. Монк, возможно, уступал Блейку в анналах английского военно-морского флота; но существует общее мнение, что Де Рейтер является выдающейся фигурой не только на голландской службе, но и среди всех морских офицеров того времени. Отчет, который сейчас будет приведен, в основном взят из недавнего номера "Revue Maritime et Coloniale", [25] и опубликован там как недавно обнаруженное письмо голландского джентльмена, служащего волонтером на борту корабля Де Рюйтера, другу во Франции. Повествование восхитительно ясное и правдоподобное — качества, обычно не встречающиеся в описании тех давних сражений; и удовлетворение, которое оно принесло, усилилось, когда я нашел в Мемуарах графа де Гиша, который также служил добровольцем на флоте и был доставлен к Де Рейтеру после того, как его собственное судно было уничтожено брандером, отчет, подтверждающий первое в его основных деталях. [26] Это дополнительное удовольствие, к несчастью, было омрачено признанием определенных фраз общими для обеих историй; и сравнение показало, что эти две истории нельзя принимать как независимые повествования. Однако есть внутренние различия, которые позволяют предположить, что эти два рассказа написаны разными очевидцами, которые сравнили и исправили свои версии, прежде чем разослать их своим друзьям или записать в своих дневниках.

Численность обоих флотов была такой: английского - около восьмидесяти кораблей, голландского - около ста; но неравенство в численности в значительной степени компенсировалось большей численностью многих англичан. Сражению непосредственно предшествовала крупная стратегическая ошибка правительства в Лондоне. Королю сообщили, что французская эскадра направляется из Атлантики на соединение с голландцами. Он немедленно разделил свой флот, отправив двадцать кораблей под командованием принца Руперта на запад навстречу французам, в то время как остальные под командованием Монка должны были отправиться на восток и выступить против голландцев.

Положение, подобное положению английского флота, которому угрожает атака с двух сторон, представляет одно из тончайших искушений для командующего. Очень силен импульс встретиться с обоими, разделив свои силы, как это сделал Чарльз; но если только он не обладает превосходящими силами, это ошибка, подвергающая обе дивизии разгрому по отдельности, что, как мы сейчас увидим, действительно произошло в данном случае. Результат первых двух дней был катастрофическим для более крупной английской дивизии под командованием Монка, которая затем была вынуждена отступить к Руперту; и, вероятно, только своевременное возвращение последнего спасло английский флот от очень серьезных потерь или, по крайней мере, от того, чтобы быть запертым в их собственных портах. Сто сорок лет спустя, в захватывающей стратегической игре, которая разыгрывалась в Бискайском заливе перед Трафальгаром, английский адмирал Корнуоллис допустил точно такую же ошибку,

разделив свой флот на две равные части из-за недостаточной дистанции поддержки, что Наполеон в то время охарактеризовал как вопиющую глупость. Урок один и тот же во все века.

Pl. I. ТоЛист

Голландцы плыли к английскому побережью при попутном восточном ветре, но позже он сменился на юго-западный с ненастьем и посвежел, так что Де Рюйтер, чтобы его не отнесло слишком далеко, бросил якорь между Дюнkerком и Даунсом.^[27] Затем флот двинулся головой на юго-юго-запад, а фургон справа; в то время как Тромп, который командовал тыловым подразделением в естественном порядке, находился слева. По какой-то причине этот левый фланг был наиболее наветренным, центральная эскадра под командованием Рюйтера находилась с подветренной стороны, а правая, или ван, снова с подветренной стороны от центра.^[28] Таково было положение голландского флота на рассвете 11 июня 1666 г.; и хотя прямо об этом не указано, судя по всему, повествования были не в порядке.

В то же утро Монк, который также стоял на якоре, разглядел голландский флот с подветренной стороны и, хотя он уступал ему в численности, решил атаковать немедленно, надеясь, что, сохранив преимущество в ветре, он сможет продвинуться лишь настолько, насколько это покажется наилучшим. Поэтому он встал вдоль линии голландцев на правый галс, оставив правый и центральный на расстоянии пушечного выстрела, пока не поравнялся с левой эскадрой Тромпа. У Монка тогда было под рукой тридцать пять кораблей, но арьергард открылся и растянулся, как это обычно бывает с длинными колоннами. Затем с "тридцатьпяткой" он поднял руль и помчался к Тромпу, эскадра которого обреза ваны и подняла паруса тем же галсом (V'); две сцепившиеся линии, таким образом, стояли лицом к французскому побережью, а ветер кренил корабли, так что англичане не могли использовать свои орудия на нижней палубе (рис. 2, V'). Голландцы в центре и арьергарде также нанесли удар (рис. 1, C') и последовали за движением, но, находясь так далеко с подветренной стороны, некоторое время не могли вступить в бой. Именно в это время большой голландский корабль, отделившийся от своего собственного флота, был подожжен и сгорел, несомненно, корабль, на котором находился граф де Гиш.

Когда они приблизились к Дюнкерку, англичане двинулись в обход, вероятно, все вместе; ибо при возвращении на север и запад настоящий английский авангард столкнулся с голландским центром под командованием самого Рюйтера и был грубо разгромлен им (рис. 2, С'). Такая участь, скорее всего, постигла бы арьергард, и указывает на то, что одновременное движение изменило порядок. Сражавшиеся корабли, естественно, отошли с подветренной стороны, что позволило "Рейтеру" догнать их. Два английских флагманских корабля были здесь выведены из строя и отрезаны; один, "Свифтсур", спустил свой флаг после того, как адмирал, молодой человек всего двадцати семи лет, был убит. "В высшей степени достойна восхищения, - говорит современный писатель, - решимость вице-адмирала Беркли, который, хотя и был отрезан от линии фронта, окружен врагами, множество его людей убито, его корабль выведен из строя и взят на абордаж со всех сторон, все же продолжал сражаться почти в одиночку, убил нескольких собственноручно и не принимал пощады; пока, наконец, не был ранен в горло мушкетной пулей и не удалился в капитанскую каюту, где был найден мертвым, растянувшимся во весь рост на столе и почти залитым собственной кровью". Столь же героическим, но более удачливым в своем исходе было поведение другого английского адмирала, отрезанного таким образом; и эпизоды его борьбы, хотя в остальном и не особенно поучительны, заслуживают цитирования, поскольку дают живую картину сцен, происходивших в пылу сражений тех дней, и придают окраску сухим деталям.

"Будучи вскоре полностью выведен из строя, один из брандеров противника зацепил его за правый борт; однако он был освобожден благодаря почти невероятным усилиям своего лейтенанта, который, высвободив посреди пламени абордажные приспособления, невредимым вернулся на борт своего корабля. Голландцы, стремясь уничтожить этот несчастный корабль, послали второй, который зацепил его с левого борта, и с большим успехом, чем первый; паруса мгновенно загорелись, команда была в таком ужасе, что почти пятьдесят из них прыгнули за борт. Адмирал сэр Джон Харман, видя это замешательство, с обнаженным мечом побежал среди оставшихся и пригрозил немедленной смертью первому, кто попытается покинуть корабль или не приложит усилий для тушения пламени. Затем команда вернулась к своим обязанностям и потушила пожар; но так как такелаж сильно обгорел, одна из рей верхнего паруса упала и сломала ногу сэру Джону. В разгар этого нарастающего бедствия третий брандер приготовился схватиться с ним, но был потоплен орудиями прежде, чем смог достичь своей цели. Голландский вице-адмирал Эвертцен теперь приблизился к нему и предложил пощаду; но сэр Джон ответил: "Нет, нет, до этого еще не дошло", и, дав бортовой залп, убил голландского командира; после чего остальные враги отступили". [29]

Поэтому неудивительно, что в отчете, которому мы следуем, сообщается о потере двух английских флагманских кораблей, один из которых был сбит брандером. "Английский главнокомандующий все еще продолжал идти левым галсом, и, - говорит автор, - с наступлением ночи мы могли видеть, как он гордо провел свою линию мимо эскадры Северной Голландии и Зеландии [фактически арьергарда, но настоящего авангарда], которые с полудня и до этого времени не могли добраться до противника [рис. 2, R'] со своей подветренной позиции". Заслуга атака Монка как части великой тактики очевидна, и она имеет сильное сходство с атакой Нельсона на Ниле. Быстро осознав слабость голландского ордена, он атаковал значительно превосходящие силы таким образом, что только часть из них могла вступить в бой; и хотя англичане на самом деле понесли более тяжелые потери, они сохранили блестящий престиж и, должно быть, вызвали у голландцев сильное уныние и душевное смятение. Очевидец продолжает: "Интрижка продолжалась до десяти вечера, друзья и враги

смешались вместе, и вероятность получить увечья от одного была такой же, как и от другого. Следует отметить, что успех того дня и неудачи англичан произошли оттого, что они были слишком рассеяны, слишком растянуты в своем строю; но из-за этого мы никогда не смогли бы отрезать от них ни одного угла, как мы это сделали. Ошибка Монка заключалась в том, что он не держал свои корабли лучше вместе", то есть закрытыми. Замечание справедливо, критика едва ли такова; разрыв линии был почти неизбежен в такой длинной колонне парусных судов, и это был один из шансов, которыми воспользовался Монк, когда предложил бой.

Англичане отошли левым галсом на запад или западно-северо-запад, а на следующий день вернулись к бою. Голландцы теперь шли естественным порядком левым галсом, правым ведущим, и находились с наветренной стороны; но противник, будучи более защищенным от непогоды и лучше дисциплинированным, вскоре получил преимущество в ветре. У англичан в этот день было в бою сорок четыре корабля, у голландцев - около восьмидесяти; многие из английских, как уже говорилось, крупнее. Два флота перешли на противоположные галсы, английский с наветренной стороны; [30] но Тромп в тылу, видя, что боевой порядок голландцев был плохо сформирован, корабли выстроились в две или три линии, накладываясь друг на друга и таким образом маскируя огонь друг друга, развернулись и вышли с наветренной стороны от авангарда противника (R'); что он смог сделать по длине фланга. линия, а также потому, что англичане, шедшие параллельно голландскому порядку, были вне ветра. "В этот момент два флаг-офицера голландского авангарда отошли подальше, подставив свои кормы англичанам (V'). Рейтер, сильно удивленный, попытался остановить их, но тщетно, и поэтому почувствовал себя обязанным повторить маневр, чтобы сохранить свою эскадру вместе; но он сделал это в некотором порядке, оставив несколько кораблей вокруг себя, и к нему присоединился один из авангардных кораблей, недовольный поведением своего непосредственного начальника. Тромп был теперь в большой опасности, отделенный англичанами [сначала его собственным поступком, а затем поведением авангарда] от своего собственного флота, и был бы уничтожен, если бы не Рейтер, который, видя срочность дела, подтянулся за ним, "таким образом, авангард и центр отошли в тыл на галс, противоположный тому, на котором они вступили в бой. Это помешало англичанам продолжить атаку на Тромп, чтобы Рюйтер не пронюхал о них, чего они не могли позволить себе из-за своей очень низкой численности. И действия Тромпа, и действия младших флаг-офицеров в авангарде, хотя и демонстрируют очень разную степень воинственного пыла, отчетливо демонстрируют отсутствие субординации и воинского чувства, в чем обвиняли голландских офицеров в целом; никаких признаков этого у англичан в настоящее время не наблюдается.

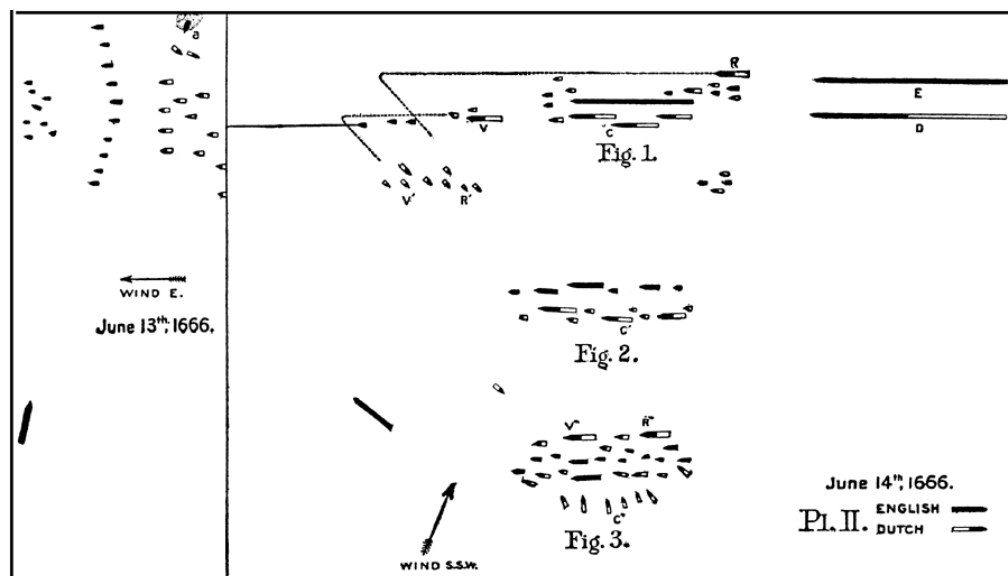
Насколько остро Рейтер чувствовал поведение своих лейтенантов, стало ясно, когда "Тромп сразу после этой частичной акции поднялся на борт своего флагманского корабля. Моряки подбадривали его; но Рюйтер сказал: "Сейчас не время для радости, скорее для слез". Действительно, наше положение было плохим, каждая эскадра действовала по-разному, без всякой линии, и все корабли сбились в кучу, как стадо овец, так тесно, что англичане могли бы окружить их всех своими сорока кораблями [12 июня, рис. 2]. Англичане действовали в замечательном порядке, но не использовали свое преимущество должным образом, какова бы ни была причина ". Причина, без сомнения, была той же, которая часто мешала парусным судам добиваться преимущества, — инвалидность из-за поврежденных рангоутов и такелажа, усугублявшая нецелесообразность того, что такое малочисленное население рисковало предпринять решительные действия.

Таким образом, Рейтер смог снова выстроить свой флот в линию, несмотря на жестокое обращение со стороны англичан, и два флота снова пошли противоположными галсами, голландский с подветренной стороны, а корабль Рейтера был последним в его колонне. Проходя мимо английского тыла, он потерял свою грот-мачту и грот-рей. После очередного частичного сближения англичане отошли на северо-запад, к своим берегам, голландцы последовали за ними; ветер по-прежнему дул с юго-запада, но слабый. Англичане теперь практически отступали, и преследование продолжалось всю ночь, собственный корабль Рейтера исчез из виду в тылу из-за своего поврежденного состояния.

На третий день Монах продолжал отступать на запад. Он сжег, по английским данным, три выведенных из строя корабля, послал вперед те, которые были наиболее повреждены, и сам замыкал тыл с теми, которые были в боеспособном состоянии, которых, как по-разному называют, опять же англичане, было двадцать восемь и шестнадцать (Фото II., 13 июня). Один из крупнейших и лучших кораблей английского флота, "Роял Принс", имевший девяносто пушек, сел на мель на отмели Галлопер и был захвачен Тромпом (Фото II. а); но отступление Монка было настолько устойчивым и организованным, что в остальном ему никто не мешал. Это показывает, что голландцы пострадали очень серьезно. Ближе к вечеру была замечена эскадра Руперта, и все корабли английского флота, за исключением тех, что были повреждены в бою, наконец объединились.

На следующий день снова подул очень свежий юго-западный ветер, что дало голландцам возможность следить за погодой. Англичане, вместо того чтобы пытаться лечь на противоположные галсы, подошли с кормы, полагаясь на скорость и маневренность своих кораблей. Сделав это, сражение разгорелось по всей линии на левом галсе, англичане с подветренной стороны.[31] Голландские брандеры плохо управлялись и не причинили вреда, в то время как англичане сожгли двух своих врагов. Таким образом, два флота продолжали движение, обмениваясь бортовыми залпами в течение двух часов, по истечении которых основная часть английского флота прошла через голландскую линию.[32] С этого момента вся регулярность порядка была утрачена. "В этот момент, - говорит очевидец, - наблюдение было экстраординарным, потому что все были разделены, как англичане, так и мы. Но удача была такова, что самая большая из наших частей, окружавших адмирала, оставалась с наветренной стороны, а самая большая часть англичан, также со своим адмиралом, оставалась с подветренной. 1 и 2, С и С']. Это было причиной нашей победы и их гибели. У нашего адмирала было с собой тридцать пять или сорок кораблей из его собственной и других эскадр, поскольку эскадры были рассеяны и порядок сильно потерян. Остальные голландские корабли покинули его. Командир авангарда, Ван Несс, отправился с четырнадцатью кораблями в погоню за тремя или четырьмя английскими кораблями, которые под давлением парусов оказались с наветренной стороны от голландского авангарда [рис. 1, V]. Ван Тромп с арьергардом эскадры отклонился с подветренной стороны и поэтому должен был держаться [с подветренной стороны от Рюйтера и английских основных сил, рис. 1, R] после Ван Несса, чтобы присоединиться к адмиралу, обогнув английский центр". Де Рюйтер и основные силы англичан продолжали активные действия, все время нанося удары с наветренной стороны. Тромп, подняв паруса, догнал Ван Несса и вернулся, приведя с собой фургон (V', R'); но из-за постоянного движения с наветренной стороны от английских основных сил он подошел с подветренной стороны и не смог присоединиться к Рейтеру, который находился с наветренной стороны (рис. 3, V', R'). Рюйтер, видя это, подал сигнал окружавшим его кораблям, и основные силы голландцев отошли в сторону из-за ветра (рис. 3, С'), который тогда был очень сильным. "Таким образом,

менее чем в мгновение ока мы оказались посреди англичан; которые, будучи атакованы с обеих сторон, были повергнуты в замешательство и увидели, что весь их строй разрушен, как в результате боевых действий, так и из-за сильного ветра, который тогда дул. Это был самый жаркий момент сражения [рис. 3]. Мы видели, как верховный адмирал Англии отделился от своего флота, за ним следовал только один брандер. С этими словами он повернул с наветренной стороны и, пройдя через североголландскую эскадру, снова встал во главе пятнадцати или двадцати кораблей, которые присоединились к нему".

Pl. II. [Список](#)

Так закончилось это великое морское сражение, самое замечательное в некоторых своих аспектах, которое когда-либо велось на океане. Среди противоречивых сообщений невозможно сделать больше, чем оценить результаты. В довольно беспристрастном отчете говорится: "Штаты потеряли в этих действиях трех вице-адмиралов, две тысячи человек и четыре корабля. Потери англичан составили пять тысяч убитыми и три тысячи пленными; и они потеряли, кроме того, семнадцать кораблей, из которых девять остались в руках победителей".^[33] Нет сомнения, что англичанам пришлось гораздо хуже, и что это было полностью вызвано первоначальной ошибкой, заключавшейся в ослаблении флота большим отрядом, посланным в другом направлении. Большие отряды иногда являются необходимым злом, но в данном случае никакой необходимости не было. Учитывая приближение французов, правильным курсом для англичан было обрушиться всем своим флотом на голландцев до того, как смогут подойти их союзники. Этот урок применим сегодня так же, как и всегда. Второй урок, также имеющий отношение к настоящему времени, заключается в необходимости надежных военных институтов для привития правильного военного чувства, гордости и дисциплины. Какой бы большой ни была первая ошибка англичан и какой бы серьезной ни была катастрофа, не может быть сомнений в том, что последствия были бы намного хуже, если бы не высокий дух и мастерство, с которыми планы Монка осуществлялись его подчиненными, и отсутствие подобной поддержки Рютера со стороны голландских младших офицеров. В действиях англичан мы не слышим ничего ни о двух младших кораблях, поджавших хвост в критический момент, ни о третьем, с неверно направленным рвением оказавшемся не на той стороне

вражеского флота. Уже тогда была отмечена их выучка, их тактическая точность. Француз Де Гиш, ставший свидетелем этого четырехдневного боя, писал: —

"Ничто не сравнится с прекрасным порядком англичан на море. Никогда линия англичан не была более прямой, чем та, которую образовали их корабли; поэтому они обрушивают весь свой огонь на тех, кто приближается к ним.... Они сражаются как линия кавалерии, которая управляется в соответствии с правилами и применяется исключительно для того, чтобы оттеснить тех, кто сопротивляется; в то время как голландцы наступают как кавалерия, чьи эскадроны покидают свои ряды и идут в атаку порознь".[34]

Голландское правительство, не склонное к расходам, невоенизированное по своему тону и неосторожное из-за долгой и легкой победы над вырождающимся военно-морским флотом Испании, позволило своему флоту превратиться в простое сборище вооруженных торговых судов. Во времена Кромвеля дела обстояли хуже некуда. Наученные суровыми уроками той войны, Соединенные провинции под руководством способного правителя многое сделали для исправления положения, но полной эффективности еще не достигли.

"В 1666 году, как и в 1653-м, - говорит французский военно-морской писатель, - военная удача, казалось, склонялась на сторону англичан. Из трех разыгравшихся великих битв две завершились решающими победами, а третья, хотя и неблагоприятная, лишь приумножила славу ее моряков. Это произошло благодаря разумной смелости Монка и Руперта, талантам части адмиралов и капитанов, а также мастерству моряков и солдат под их началом. Мудрые и энергичные усилия, предпринятые правительством Соединенных провинций, и неоспоримое превосходство Рюйтера в опыте и гениальности над любым из его противников не могли компенсировать слабость или неспособность части голландских офицеров и явную неполноценность людей, находившихся под их командованием".[35]

Англия, как было сказано ранее, все еще ощущала влияние железной руки Кромвеля на свои военные институты; но это влияние становилось все слабее. Перед следующей голландской войной Монк был мертв, и его неудачно заменил кавалер Руперт. Придворная расточительность урезала оснащение военно-морского флота, как и скупость бургомистра, а придворная коррупция подрывала дисциплину так же верно, как коммерческое безразличие. Эффект был очевиден, когда флоты двух стран встретились снова, шесть лет спустя.

Была одна хорошо известная особенность всех военных флотов того времени, которая требует мимоходом прокомментировать; ибо ее правильная выправка и ценность видны не всегда, возможно, не всем. Командование флотами и одиночными судами часто поручалось солдатам, военным, непривычным к морю и не знающим, как управлять кораблем, и эта обязанность возлагалась на другой класс офицеров. При внимательном рассмотрении фактов становится ясно, что это позволило провести четкое разделение между направлением боевых действий и движущей силой корабля. В этом суть дела; и принцип один и тот же, какой бы ни была движущая сила. Неудобство и неэффективность такой системы были очевидны как тогда, так и сейчас, и логика фактов постепенно передала эти две функции в руки одного офицерского корпуса, в результате чего появился современный морской офицер, как обычно понимается этот термин.[36] К сожалению, в этом процессе смещения менее важной функции было позволено взять верх; морской офицер стал больше гордиться своей ловкостью в управлении движущей силой своего корабля, чем своим умением развивать его боевую эффективность. Плохие последствия этого отсутствия интереса к военной науке стали наиболее очевидными,

когда был достигнут момент управления флотами, потому что для этого военное мастерство говорило больше всего, и предварительное изучение было наиболее необходимым; но это чувствовалось и на одиночном корабле. Таким образом, случилось так, и особенно в английском военно-морском флоте, что гордость моряка заняла место гордости военного. Английский морской офицер больше думал о том, что роднило его с капитаном торгового флота, чем о том, что роднило его с солдатом. Во французском военно-морском флоте этот результат был менее общим, вероятно, из-за более воинственного духа правительства и особенно знати, за которой сохранялось офицерское звание. Невозможно было представить, чтобы люди, все общество которых состояло из военных, все друзья которых считали оружие единственной профессией для джентльмена, могли больше думать о парусах и такелаже, чем о пушках или флоте. Английский офицерский корпус был другого происхождения. В известном высказывании Маколея было больше, чем думал автор: "Во флоте Карла II были моряки и были джентльмены.; но моряки не были джентльменами, а джентльмены не были моряками". Проблема заключалась не в отсутствии или присутствии джентльменов как таковых, а в том факте, что в условиях того времени джентльмен был преимущественно военным элементом общества; и что моряк после голландских войн постепенно вытеснил джентльмена, а вместе с ним и военный тон и дух, отличающиеся от простой храбрости, со службы. Даже "такие семейные люди, как Герберт и Рассел, адмиралы Вильгельма III, - говорит биограф лорда Хоука, - действительно были моряками, но могли постоять за себя, только переняв буйные манеры выносливого брезента". Те же национальные черты, которые делали французов неполноценными как моряков, делали их превосходящими как военных; не в храбрости, а в мастерстве. По сей день сохраняется та же тенденция; направление движущей силы не имеет такого значения, как военные функции во флотах латинских наций. Прилежная систематическая сторона французского характера также склоняла французского офицера, если он не был пустяком, логически рассматривать и разрабатывать тактические вопросы; готовить себя к управлению флотом не только как моряка, но и как военного. Результат войны за независимость США показал, что, несмотря на печальную историю пренебрежения со стороны правительства, люди, которые были прежде всего военными, хотя и уступали своим врагам в возможностях как моряки, могли противостоять им более чем на равных в тактическом мастерстве и были практически их начальниками в управлении флотом. Уже указывалось на ложную теорию, которая направляла действия французского флота не на сокрушение противника, а на некую скрытую цель; но это не влияет на тот факт, что в тактическом мастерстве военные превосходили простых моряков, хотя их тактическое мастерство применялось для достижения ошибочных стратегических целей. Источник, из которого голландцы в основном черпали своих офицеров, определенно не указан; ибо, в то время как английский военно-морской историк в 1666 году говорит, что большинство капитанов их флота были сыновьями богатых бургомистров, назначенных туда по политическим причинам великим пенсионарием и без опыта, Дюкен, самый способный французский адмирал того времени, комментирует в 1676 году точность и мастерство голландских капитанов в выражениях, весьма пренебрежительных к его собственным. Судя по многим признакам, вероятно, что в основном они были моряками торгового флота, не имевшими прирожденных военных задатков; но суровость, с которой правонарушители были наказаны как государством, так и народным безумием, по-видимому, подтолкнула этих офицеров, которым далеко не хватало высочайшего личного мужества, к пониманию того, чего требуют военная лояльность и субординация. В 1672 году они сделали запись, сильно отличающуюся от записи 1666 года.

Прежде чем окончательно выйти из Четырехдневной борьбы, вполне можно процитировать выводы другого автора:—

"Таково было то кровопролитное Четырехдневное сражение, или Кале-пролив, самое запоминающееся морское сражение современности; на самом деле, не по его результатам, а по характеру его различных фаз; по ярости сражающихся; по смелости и искусству предводителей; и по новому характеру, который оно придало морской войне. Больше, чем любой другой этот бой явно знаменует переход от прежних методов к тактике конца семнадцатого века. Впервые мы можем проследить, как бы прослеживая по плану, основные передвижения противоборствующих флотов. Кажется совершенно очевидным, что голландцам, так же как и британцам, были даны тактический справочник и кодекс сигналов; или, по крайней мере, письменные инструкции, подробные и точные, которые должны были служить вместо такого кодекса. Мы считаем, что теперь у каждого адмирала в руках своя эскадра и что даже главнокомандующий распоряжается по своему усмотрению различными подразделениями своего флота во время боя. Сравните это действие с действиями 1652 года, и вам бросится в глаза один очевидный факт: между этими двумя датами военно—морская тактика претерпела революцию.

"Таковы были изменения, отличающие войну 1665 года от войны 1652 года. Как и в более позднюю эпоху, адмирал по-прежнему считает метеометрию преимуществом для своего флота; но это больше не является, с тактической точки зрения, главной, можно сказать, единственной заботой. Теперь он желает прежде всего поддерживать свой флот в хорошем порядке и компактности как можно дольше, чтобы сохранить возможность *комбинировать* во время боевых действий передвижения различных эскадр. Взгляните на Рюйтера в конце Четырехдневного сражения; с большим трудом он держался с наветренной стороны от английского флота, и все же он без колебаний жертвует этим преимуществом, чтобы объединить две части своего флота, разделенные противником. Если в последующем сражении за Северный передний край между голландскими эскадрами возникнут большие промежутки, если арьергард после этого продолжит отходить от центра, Рюйтер сожалеет о такой ошибке как о главной причине своего поражения. Он так сожалеет об этом в своем официальном отчете; он даже обвиняет Тромпа [который был его личным врагом] в измене или трусости — несправедливое обвинение, но которое, тем не менее, показывает огромное значение, придаваемое с тех пор во время боевых действий воссоединению флота в единое целое, строго и регулярно поддерживаемое".[\[37\]](#)

Этот комментарий оправдан в той мере, в какой он указывает на общие цели и тенденции; но результаты были не столь полными, как можно было бы из него заключить.

Англичане, несмотря на тяжелые потери в четырехдневном сражении, через два месяца снова вышли в море, к большому удивлению голландцев; и 4 августа у Северного Пролива произошло еще одно ожесточенное сражение, закончившееся полным поражением последних, которые отступили к своим берегам. Англичане последовали за ним и проникли в одну из голландских гаваней, где уничтожили большой флот торговых судов, а также довольно важный город. К концу 1666 года обе стороны устали от войны, которая наносила большой ущерб торговле и ослабляла оба флота к выгоде растущей морской мощи Франции. Переговоры, направленные на установление мира, были начаты; но Карл II, недоброжелательно настроенный к Соединенным провинциям, был уверен, что растущие притязания Людовика XIV. присоединение испанских

Нидерландов привело бы к разрыву существующего союза между Голландией и Францией, и, полагаясь также на серьезные неудачи, понесенные голландцами на море, он был требователен и высокомерен в своих требованиях. Чтобы оправдать и поддерживать такую линию поведения, ему следовало бы сохранить свой флот, престиж которого был так поднят его победами. Вместо этого бедность, результат расточительности и его внутренней политики, побудила его допустить упадок экономики; большое количество кораблей было заложено; и он с готовностью принял мнение, которое соответствовало его бедности и которое, поскольку у него были сторонники во все периоды истории мореплавания, должно быть отмечено и осуждено здесь. Это мнение, горячо отвергнутое Монком, гласило:—

"Поскольку голландцев в основном поддерживала торговля, поскольку снабжение их военно-морского флота зависело от торговли, и, как показал опыт, ничто так не раздражало народ, как нанесение ущерба их торговле, его Величеству следует поэтому заняться этим, что действительно унизило бы их, в то же время это меньше истощило бы англичан, чем оснащение таких могучих флотов, которые до сих пор каждое лето выходили в море.... Руководствуясь этими мотивами, король принял роковое решение оставить свои большие корабли и оставить в походе всего несколько фрегатов".[38]

Руководствуясь этой экономической теорией ведения войны, великий пенсионарий Голландии Де Витт, который за год до этого распорядился провести зондаж Темзы, отправил на реку под командованием Де Рейтера отряд из шестидесяти или семидесяти линейных кораблей, которые 14 июня 1667 года поднялись до Грейвсенда, уничтожив корабли в Чатеме и Медузе и овладев Ширнессом. Свет пожаров был виден из Лондона, и голландский флот оставался во владении устьем реки до конца месяца. Подэтим ударом, последовавшим за великой чумой и великим лондонским пожаром, Карл согласился на мир, который был подписан 31 июля 1667 года и известен как Бредский мир. Наиболее долговременным результатом войны стала передача Нью-Йорка и Нью-Джерси Англии, присоединив таким образом ее северные и южные колонии в Северной Америке.

Прежде чем снова перейти к общему ходу истории того времени, будет полезно на мгновение рассмотреть теорию, которая так пагубно сработала для Англии в 1667 году, а именно теорию ведения морской войны главным образом путем наживы на торговле противника. Этот план, который предполагает лишь содержание нескольких быстроходных крейсеров и может быть поддержан духом жадности в стране, оснащающей каперов без прямых затрат для государства, обладает показной привлекательностью, которую всегда представляет экономия. Огромный ущерб, нанесенный богатству и процветанию врага, также неоспорим; и хотя в какой-то степени его торговые суда могут позорно укрываться под иностранным флагом, пока длится война, *эта военная операция*, как это называют французы, эта разрушающая торговлю, если использовать нашу собственную фразу, должна, если сама по себе увенчается успехом, сильно смутить иностранное правительство и огорчить его народ. Такая война, однако, не может продолжаться в одиночку; ее нужно *поддерживать*, выражаясь военным языком; сама по себе несущественная и недолговечная, она не может далеко уйти от своей основы. Этой базой должны быть либо порты приписки, либо какой-нибудь надежный форпост национальной державы на берегу или на море; отдаленная зависимость или мощный флот. Без такой поддержки крейсер может лишь поспешно удалиться на небольшое расстояние от дома, и его удары, хотя и болезненны, не могут быть смертельными. Это была не политика 1667 года, а мощный флот линейных кораблей Кромвеля в 1652 году, который закрыл голландские торговые

суда в их портах и заставил вырасти траву на улицах Амстердама. Когда, наученные страданиями того времени, голландцы удержали большой флот на плаву в течение двух изнурительных войн, хотя их торговля сильно пострадала, они взвалили на себя бремя борьбы против Англии и Франции вместе взятых. Сорок лет спустя Людовик XIV. из-за истощения сил был вынужден придерживаться политики, принятой Карлом II. из-за скупости. Тогда были дни великих французских каперов - Жана Барта, Форбена, Дюге-Труэна, Дю Касса и других. Регулярные флоты французского военно-морского флота были практически выведены из океана во время великой войны за испанское наследство (1702-1712). Французский военно-морской историк говорит: —

- Людовик XIV не в состоянии обновить военно-морские вооружения. увеличилось количество крейсеров в более посещаемых морях, особенно в Ла-Манше и Германском океане (следует заметить, недалеко от дома). В этих различных местах крейсера всегда были в состоянии перехватить или воспрепятствовать движению транспортов, груженных войсками, и многочисленных конвоев, перевозивших всевозможные припасы. В этих морях, в центре коммерческого и политического мира, для крейсеров всегда найдется работа. Несмотря на трудности, с которыми они столкнулись, из-за отсутствия крупных дружественных флотов, они с пользой послужили делу двух народов [французского и испанского]. Этим крейсерам перед лицом англо-голландской мощи требовались удача, смелость и мастерство. У наших моряков не было недостатка в этих трех условиях; но с другой стороны, какие у них были начальники и капитаны!"[39]

Английский историк, с другой стороны, признавая, как сильно народ и торговля Англии пострадали от крейсеров, временами с горечью размышляя об администрации, все же снова и снова ссылается на растущее процветание всей страны, и особенно ее торговой части. Напротив, в предыдущей войне, с 1689 по 1697 год, когда Франция посылала в море огромные флоты и оспаривала господство на океане, насколько иным был результат! Тот же английский писатель говорит о том времени:

Что касается нашей торговли, то несомненно, что мы пострадали бесконечно больше, не только чем французы, поскольку этого следовало ожидать от большего числа наших торговых судов, но и чем когда-либо в какой-либо предыдущей войне.... Это в значительной степени объяснялось бдительностью французов, которые вели войну пиратским способом. Вне всякого сомнения, что, принимая все вместе, наш товарооборот сильно пострадал; многие из наших купцов разорились".[40]

Маколей говорит об этом периоде: "В течение многих месяцев 1693 года английская торговля со Средиземноморьем была почти полностью прервана. Не было ни малейшего шанса, что торговое судно из Лондона или Амстердама, оставшись без защиты, доберется до Геркулесовых столбов без того, чтобы его не взял на бордаж французский капер; а получить защиту вооруженных судов было нелегко ". Почему? Потому что корабли английского военно-морского флота были заняты наблюдением за французским военно-морским флотом, и это отвлечение их от крейсеров и каперов представляло собой поддержку, которую должна иметь война, разрушающая торговлю. Французский историк, говоря о том же периоде в Англии (1696 г.), говорит: "Состояние финансов было плачевным; денег не хватало, морское страхование составляло тридцать процентов, действие Закона о судоходстве было фактически приостановлено, и английское судоходство свелось к необходимости ходить под шведским и

датским флагами".[41] Полвека спустя французское правительство из-за долгого пренебрежения военно-морским флотом снова перешло к крейсерской войне. С какими результатами? Во-первых, французский историк говорит: "С июня 1756 по июнь 1760 года французские каперы захватили у англичан более двух с половиной тысяч торговых судов. В 1761 году, хотя у Франции не было, так сказать, ни одного линейного корабля в море, и хотя англичане захватили двести сорок наших каперов, их товарищи все равно захватили восемьсот двенадцать судов. Но, - продолжает он, - колоссальный рост английского судоходства объясняет количество этих призов".[42] Другими словами, страдания, причиненные Англии в результате таких многочисленных захватов, которые, должно быть, нанесли большой ущерб отдельным лицам и вызвали недовольство, на самом деле не помешали растущему процветанию государства и общества в целом. Английский военно-морской историк, говоря о том же периоде, говорит: "В то время как торговля Франции была почти уничтожена, торговый флот Англии бороздил моря. С каждым годом ее торговля увеличивалась; деньги, отнятые войной, возвращались продукцией ее промышленности. Восемь тысяч торговых судов были наняты английскими купцами." И снова, подводя итоги войны, после указания на огромное количество денег, принесенных в королевство иностранными завоеваниями, он говорит: "Торговля Англии постепенно увеличивалась с каждым годом, и такой сцены национального процветания, несмотря на ведение долгой, кровопролитной и дорогостоящей войны, никогда прежде не демонстрировал ни один народ в мире". С другой стороны, историк французского военно-морского флота, говоря о более ранней фазе тех же войн, говорит: "Английские флоты, не имея ничего, чтобы противостоять им, бороздили моря. Наши каперы и одиночные крейсера, не имея флота, способного сдерживать многочисленность своих врагов, сделали короткую карьеру. Двадцать тысяч французских моряков сидели в английских тюрьмах".[43] Когда, с другой стороны, в войне за Американскую революцию Франция возобновила политику Кольбера и раннего правления Людовика XIV и сохранила на плаву большие боевые флоты, снова последовал тот же результат, что и во времена Турвиля. "Впервые, - пишет The Annual Register, забыв или не зная об опыте 1693 года и помня только о славе более поздних войн, - английские торговые суда были вынуждены искать убежища под иностранными флагами".[44] Наконец, оставляя эту часть темы, можно отметить, что на острове Мартиника у французов была мощная отдаленная база для ведения крейсерской войны; и во время Семилетней войны, как и впоследствии, во времена Первой империи, он, вместе с Гваделупой, был убежищем многочисленных каперов. "Отчеты английского адмиралтейства увеличивают потери англичан в Вест-Индии в первые годы Семилетней войны до тысячи четырехсот захваченных или уничтоженных торговых судов". Поэтому английский флот был направлен против островов, оба из которых пали, что нанесло торговле Франции ущерб, больший, чем все грабежи ее крейсеров против английской торговли, помимо разрушения системы; но в войне 1778 года великие флоты защищали острова, которым вообще никогда не угрожали.

До сих пор мы рассматривали эффект чисто крейсерской войны, основанной не на мощных эскадрах, а только на той конкретной части сил противника, против которой она теоретически направлена, — на его торговлю и общее богатство; на сухожилия войны. Факты, по-видимому, показывают, что даже для достижения своих собственных особых целей такой способ ведения войны неубедителен, вызывает беспокойство, но не смертелен; можно почти сказать, что он причиняет ненужные страдания. Каково, однако, влияние этой политики на общие цели войны, для достижения которых она является одним из средств и которым она подчинена? Как, опять же, это воздействует на людей, которые это практикуют? Поскольку исторические

свидетельства будут время от времени приводиться в деталях, здесь их нужно только резюмировать. Результат для Англии во времена Карла II. был виден — ее побережье оскорблено, ее корабли сожжены почти в пределах видимости от ее столицы. Во время войны за испанское наследство, когда контроль над Испанией был военной целью, в то время как французы зависели от крейсерской войны против торговли, военно-морские силы Англии и Голландии, не встречая сопротивления, охраняли побережья полуострова, блокировали порт Тулон, вынудили французские подкрепления пересечь Пиренеи и, сохраняя открытыми морские пути, нейтрализовали географическую близость Франции к месту военных действий. Их флоты захватили Гибралтар, Барселону и Менорку, а сотрудничество с австрийской армией практически не привело к освобождению Тулона. Во время Семилетней войны английский флот захватил или содействовал захвату всех наиболее ценных колоний Франции и Испании и часто совершал высадки у французского побережья. Война за Американскую революцию не преподносит никаких уроков, флоты почти равны. Следующий наиболее поразительный пример для американцев - война 1812 года. Всем известно, как наши каперы кишели по морям, и что из-за малочисленности нашего военно-морского флота война была, по сути, исключительно крейсерской. За исключением озер, сомнительно, чтобы более двух наших кораблей когда-либо действовали вместе. Ущерб, нанесенный английской торговле таким неожиданным нападением дальнего врага, которого недооценивали, может быть полностью признан; но, с одной стороны, американские крейсера получили мощную поддержку французского флота, который, будучи собранным большими или меньшими группами во многих портах, находящихся под контролем императора, от Антверпена до Венеции, связал флоты Англии обязанностями блокады; а с другой стороны, когда падение императора освободило их, наши берега были оскорблены со всех сторон, Чесапик вошел и был взят под контроль, его берега были опустошены, Потомак поднялся, а Англия была освобождена. и Вашингтон сгорел. Северная граница держалась в состоянии тревоги, хотя там эскадрильи, абсолютно слабые, но относительно сильные, поддерживали общую оборону; в то время как на Юге Миссисипи была форсирована без сопротивления, и Новый Орлеан едва спасли. Когда начались переговоры о мире, отношение англичан к американским посланникам не было отношением людей, которые чувствовали, что их стране угрожает невыносимое зло. Поздняя Гражданская война с круизами "Алабамы" и "Самтера" и их спутников возродила традицию уничтожения торговли. Поскольку это одно из средств достижения общей цели и основано на мощном в остальном военно-морском флоте, это хорошо; но нам не нужно ожидать, что подвиги этих кораблей повторятся перед лицом великой морской державы. Во-первых, этим круизам во многом способствовала решимость Соединенных Штатов блокировать не только главные центры южной торговли, но и все бухты побережья, таким образом, оставляя мало кораблей доступными для преследования; во-вторых, если бы там было десять таких крейсеров вместо одного, они не остановили бы вторжение в южные воды флота Союза, который проник во все точки, доступные с моря; и в-третьих, неоспоримый ущерб, прямой и косвенный, нанесенный отдельным лицам и одной отрасли промышленности страны (и насколько высок этот уровень судоходства промышленности, по оценке автора, не нуждается в повторении), ни в малейшей степени не повлияла и не замедлила ход войны. Такие травмы, не сопровождаемые другими, скорее раздражают, чем ослабляют. С другой стороны, откажется ли кто-нибудь признать, что работа флотов великого Союза сильно изменила и ускорила конец, который, вероятно, был неизбежен в любом случае? Как морская держава Юг тогда занимал место Франции в войнах, которые мы рассматривали, в то время как положение Севера напоминало положение Англии; и, как и во Франции, пострадавшими в Конфедерации были не класс, а правительство и нация в

целом. Не захват отдельных кораблей или конвоев, будь их мало или много, подрывает денежную мощь нации; это обладание той властной силой на море, которая сгоняет с него флаг противника или позволяет ему появляться только как беглецу; и которая, контролируя великую общину, перекрывает дороги, по которым торговля движется к берегам врага и от них. Эта подавляющая власть может осуществляться только великими военно-морскими силами, и сейчас они (на просторах моря) действуют менее эффективно, чем в те дни, когда нейтральный флаг не обладал своим нынешним иммунитетом. Не исключено, что в случае войны между морскими державами та, которая обладает большой морской мощью и желает подорвать торговлю своего противника, может попытаться истолковать фразу "эффективная блокада" таким образом, который наилучшим образом соответствует ее интересам в данный момент; утверждать, что скорость и расположение ее кораблей делают блокаду эффективной на гораздо больших расстояниях и меньшим количеством кораблей, чем раньше. Решение такого вопроса будет зависеть не от более слабой воюющей стороны, а от нейтральных держав; это поднимет проблему между правами воюющей стороны и нейтралитета; и если воюющая сторона располагает значительно превосходящим флотом, она может отстаивать свою точку зрения, точно так же, как Англия, когда владела господством на морях, долгое время отказывалась признать доктрину нейтрального флага, прикрывающего товары.

СНОСКИ:

[16] Дэвис: История Голландии.

[17] Английская республика.

[18] Лефевр-Понталис: Жан де Витт.

[19] Мартин: История Франции.

[20] Гужар: военный морпех.

[21] С тех пор, как было написано выше, опыт английских осенних маневров 1888 года подтвердил это утверждение; на самом деле, никакого подобного эксперимента не требовалось для установления самоочевидного факта.

[22] Шабо-Арно: Ревю марта. et Col. 1885.

[23] Недавнее развитие скорострельных ружей и пулеметов, со значительным увеличением их калибра и, как следствие, дальности стрельбы и пробивной способности, воспроизводит этот же этап в цикле прогресса.

[24] Гужар: военный морпех.

[25] Т. lxxxii. с. 137.

[26] Воспоминания Cte. de Guiche. À Londres, chez P. Changuion. 1743, с. 234-264.

[27] Посмотреть карту Ла-Манша и Северного моря, стр. 107.

[28] Табличка I., 11 июня 1666 г., рис. 1. V, фургон; С, в центре; R, сзади: в этой части действия голландский порядок был перевернут, так что фактический фургон был надлежащим тылом. Большое количество кораблей, участвовавших в действиях флота в этих англо-голландских войнах, делает невозможным представить каждый корабль и в то же время сохранить четкость планов. Таким образом, каждая фигура корабля представляет собой более или менее многочисленную группу.

[29] Кэмпбелл: Жизнь адмиралов.

[30] Табличка I., 12 июня, рис. 1, V, С, R.

[31] Табличка II, 14 июня, рис. 1, E, D.

[32] Рис. 1, V, С, R. Вероятно, такой результат был просто обусловлен большей погодостойкостью английских кораблей. Возможно, было бы точнее сказать, что голландцы отклонились с подветренной стороны, так что их пронесло сквозь английскую линию.

[33] Лефевр-Понталис. Jean de Witt.

[34] Воспоминания, стр. 249, 251, 266, 267.

[35] Шабо-Арно: Ревю Март. et Col. 1885.

[36] Истинное значение этого изменения часто понималось неправильно, и, следовательно, делались ошибочные выводы относительно будущего. Это был случай не того, что новое вытесняло старое, а того, что военный элемент в военной организации утверждал свой необходимый и неизбежный контроль над всеми другими функциями.

[37] Шабо-Арно: Ревю Март. et Col. 1885.

[38] Кэмпбелл: Жизнь адмиралов.

[39] Лаперуз-Бонфис: История. de la Marine Française.

[40] Кэмпбелл: Жизнь адмиралов.

[41] Мартин: История Франции.

[42] Мартин: История Франции.

[43] Лаперуз-Бонфис.

[44] Годовая регистрация, том. xxvii. стр. 10.

ГЛАВА III

Война Англии и Франции в союзе против Соединенных провинций, 1672-1674 гг. —Наконец, Франции против Объединенной Европы, 1674-1678 гг. —Морские сражения при Солебее, Текселе и Стромболи.

Незадолго до заключения Бредского мира Людовик XIV сделал свой первый шаг к захвату части Испанских Нидерландов и Франш-Конте. В то же самое время, когда его армии двинулись вперед, он разослал государственный документ, в котором излагал свои претензии на рассматриваемые территории. Этот документ безошибочно показал честолюбивый характер молодого короля, вызвал беспокойство в Европе и, несомненно, увеличил силу партии мира в Англии. Под руководством Голландии, но при сердечном сотрудничестве английского министра был заключен союз между двумя странами и Швецией, до сих пор являвшейся другом Франции, чтобы сдержать продвижение Людовика, прежде чем его могущество станет слишком велико. Нападение сначала на Нидерланды в 1667 году, а затем на Франш-Конте в 1668 году показало безнадежную слабость Испании в защите своих владений; они пали почти без удара.

Политика Соединенных провинций по отношению к притязаниям Людовика в то время была выражена фразой о том, что "Франция была хороша как друг, но не как сосед". Они не желали разрывать свой традиционный союз, но еще больше не желали видеть ее на своей границе. Политика английского народа, хотя и не их короля, повернулась в сторону голландцев. В возросшем величии Людовика они видели опасность для всей Европы; для себя в особенности, если бы благодаря установившемуся перевесу на континенте у него были развязаны руки для развития своей морской мощи. "Когда Фландрия окажется во власти Людовика XIV, - писал английский посол Темпл, - голландцы почувствуют, что их страна будет всего лишь морской провинцией Франции"; и, разделяя это мнение, "он выступал за политику сопротивления последней стране, чье господство в Нидерландах он рассматривал как угрозу подчинения всей Европы". Он никогда не переставал объяснять своему правительству, насколько опасным для Англии было бы завоевание Францией приморских провинций, и настоятельно указывал на

необходимость скорейшего достижения взаимопонимания с голландцами. "Это было бы лучшей меккой, - сказал он, - за ту шутку, которую сыграла с нами Франция, втянув нас в последнюю войну с Соединенными провинциями". Эти соображения объединили две страны в том Тройственном союзе со Швецией, о котором уже упоминалось и который на некоторое время остановил продвижение Людовика вперед. Но войны между двумя морскими державами были слишком недавними, унижение Англии на Темзе - слишком горьким, а соперничество, которое все еще существовало, слишком реальным, слишком глубоко укоренившимся в природе вещей, чтобы сделать этот союз прочным. Нужна была опасная власть Людовика и его упорство в проведении курса, угрожающего обоим, чтобы скрепить союз этих естественных антагонистов. Этого нельзя было сделать без еще одного кровавого столкновения.

Людовик был глубоко возмущен Тройственным союзом, и его гнев был обращен главным образом на Голландию, в которой в силу необходимости ее положения он признавал своего самого непреклонного противника. На какое-то время, однако, он, казалось, уступил; тем более охотно из-за вероятного приближающегося краха испанской королевской династии и его амбиций заполучить нечто большее, чем просто территорию, лежащую к востоку от Франции, когда трон станет вакантным. Но, хотя он лицемерил и уступал, с того времени он нацелился на уничтожение республики. Эта политика прямо противоречила политике Ришелье и истинному благополучию Франции. В интересах Англии, по крайней мере в тот момент, было, чтобы Соединенные провинции не были растоптаны Францией; но гораздо больше в интересах Франции было, чтобы они не были подчинены Англии. Англия, свободная от континента, могла бы в одиночку противостоять на морях Франции; но Франция, стесненная своей континентальной политикой, не могла надеяться вырвать контроль над морями у Англии без союзника. Этого союзника Людовик намеревался уничтожить, и он попросил Англию помочь ему. Окончательный результат уже известен, но теперь необходимо следовать правилам состязания.

Прежде чем королевская цель была претворена в жизнь и пока еще было время направить энергию Франции в другое русло, королю был предложен иной курс. Это был проект Лейбница, о котором говорилось выше, который представляет особый интерес для нашей темы, потому что, предлагая изменить линию, которую тогда проложил Людовик, сделать континентальную экспансию второстепенной, а рост за пределами моря главной целью Франции, тенденция явно и неизбежно заключалась в том, чтобы основывать величие страны на контроле над морем и торговлей. Непосредственной целью, поставленной перед Францией того времени, с достижением которой, однако, она не могла остановиться, было завоевание Египта; этой страны, которая, выходя одновременно к Средиземному и Восточному морям, давала контроль над великим торговым путем, который в наши дни завершается Суэцким каналом. Этот маршрут во многом утратил свою ценность из-за открытия пути вокруг мыса Доброй Надежды, и еще больше из-за беспокойной и пиратской обстановки на морях, через которые он пролегал; но с действительно сильной военно-морской мощью, занимающей ключевое положение, он мог бы быть в значительной степени восстановлен. Такая держава, размещенная в Египте, в условиях и без того разлагающегося состояния Османской империи контролировала бы торговлю не только с Индией и Дальним Востоком, но и с Левантом; но предприятие не могло на этом остановиться. Необходимость овладеть Средиземным морем и открыть Красное море, закрытое для христианских судов из-за мусульманского фанатизма, вынудила бы оккупировать станции по обе стороны от Египта; и Франция была бы шаг за шагом приведена, как Англия была приведена обладанием Индией, к захвату таких пунктов, как Мальта, Кипр, Аден, короче говоря, к

превращению в великую морскую державу. Теперь это ясно; но будет интересно послушать аргументы, с помощью которых Лейбниц пытался убедить французского короля двести лет назад.

После указания на слабость Турецкой империи и готовность, с которой она может оказаться в еще большем затруднении, расшевелив Австрию и Польшу, традиционную союзницу Франции; после показа того, что у Франции нет вооруженного врага в Средиземноморье и что по другую сторону Египта она встретится с португальскими колониями, стремясь получить защиту от голландцев в Индии, мемориал продолжает:

"Завоевание Египта, этой Восточной Голландии, бесконечно легче, чем Соединенных Провинций. Франции нужен мир на западе, война на расстоянии. Война с Голландией, вероятно, разорит новые индийские компании, а также колонии и торговлю, недавно возрожденные Францией, и увеличит бремя народа, одновременно уменьшая его ресурсы. Голландцы удалятся в свои приморские города, займут там оборону в полной безопасности и предпримут наступление на море с большими шансами на успех. Если Франция не одержит полной победы над ними, она потеряет все свое влияние в Европе, а своей победой поставит это влияние под угрозу. В Египте, напротив, почти невозможный отпор не будет иметь больших последствий, и победа даст господство на морях, торговлю с Востоком и Индией, преобладание в христианском мире и даже восточную империю на руинах османской державы. Обладание Египтом открывает путь к завоеваниям, достойным Александра; крайняя слабость народов Востока больше не является секретом. Тот, кто овладеет Египтом, получит все побережья и острова Индийского океана. Именно в Египте Голландия будет завоевана; именно там у нее отберут то, что единственное делает ее процветающей, - сокровища Востока. Она будет поражена, не имея возможности отразить удар. Если бы она захотела воспротивиться планам Франции в отношении Египта, она была бы охвачена всеобщей ненавистью к христианам; атакованная дома, напротив, она не только смогла бы отразить агрессию, но и могла бы отомстить за себя, поддержанная всеобщим общественным мнением, которое подозревает взгляды Франции в честолюбии".^[45]

Мемориал не возымел никакого эффекта. "Все, что могли сделать усилия честолюбия и человеческого благоразумия, чтобы заложить основы для уничтожения нации, Людовик XIV. теперь сделал. Была продемонстрирована широкомасштабная дипломатическая стратегия с целью изолировать и ограничить Голландию. Людовик, который не смог заставить Европу смириться с завоеванием Бельгии Францией, теперь надеялся заставить ее без содрогания увидеть падение Голландии". Его усилия в основном увенчались успехом. Тройственный союз был разорван; король Англии, хотя и вопреки желаниям своего народа, заключил наступательный союз с Людовиком; и Голландия, когда началась война, оказалась без союзника в Европе, за исключением измотанного королевства Испании и курфюрста Бранденбургского, которые в то время отнюдь не были первоклассным государством. Но для того, чтобы заручиться помощью Карла II, Людовик обязался не только выплатить ему большие суммы денег, но и передать Англии из награбленных в Голландии и Бельгии земель Вальхерен, Слейс и Кадсанд и даже острова Гори и Ворн, то есть контроль над устьями великих торговых рек Шельды и Мааса. Что касается объединенных флотов двух наций, то было решено, что офицер, несущий адмиральский флаг Англии, должен командовать главнокомандующим. Вопрос о военно-морском превосходстве был оставлен без внимания, поскольку адмирала Франции не отправили в плавание; но практически он был решен. Очевидно, что в своем

стремлении к разорению Голландии и собственному континентальному возвышению Людовик играл непосредственно на руку Англии в том, что касалось власти на море. Французский историк справедливо говорит: "Об этих переговорах судили ошибочно. Часто повторялось, что Карл продал Англию Людовику XIV. Это верно только в отношении внутренней политики. Карл действительно замыслил политическое и религиозное порабощение Англии с помощью иностранной державы; но что касается внешних интересов, то он не продавал их, поскольку большая часть прибыли от разорения голландии должна была достаться Англии".[46]

В течение нескольких лет, предшествовавших войне, голландцы прилагали все дипломатические усилия, чтобы предотвратить ее, но ненависть Карла и Людовика не позволяла признать какие-либо уступки окончательными. Английской королевской яхте было приказано пройти сквозь голландские военные корабли в Ла-Манше и открыть по ним огонь, если они не поднимут свои флаги. В январе 1672 года Англия направила ультиматум, призывая Голландию признать право английской короны на суверенитет над британскими морями и приказав своим флотам спустить свои флаги перед самым маленьким английским военным кораблем; и подобные требования получили поддержку французского короля. Голландцы продолжали уступать, но, увидев, наконец, что все уступки бесполезны, они в феврале ввели в строй семьдесят пять линейных кораблей, не считая судов меньшего размера. 23 марта англичане без объявления войны атаковали флот голландских торговых судов, а 29-го король объявил войну. За этим последовало, 6 апреля, заявление Людовика XIV, а 28 числа того же месяца он отправился лично принимать командование своей армией.

Начавшаяся война, включая третье и последнее из крупных противостояний между англичанами и голландцами на океане, не была, в отличие от предыдущих, чисто морской войной; и необходимо будет упомянуть ее основные очертания и на суше, не только для того, чтобы прояснить впечатление, но и для того, чтобы показать отчаянное положение, в которое была поставлена республика, и окончательное спасение благодаря ее морской мощи в руках великого мореплавателя Де Рейтера.

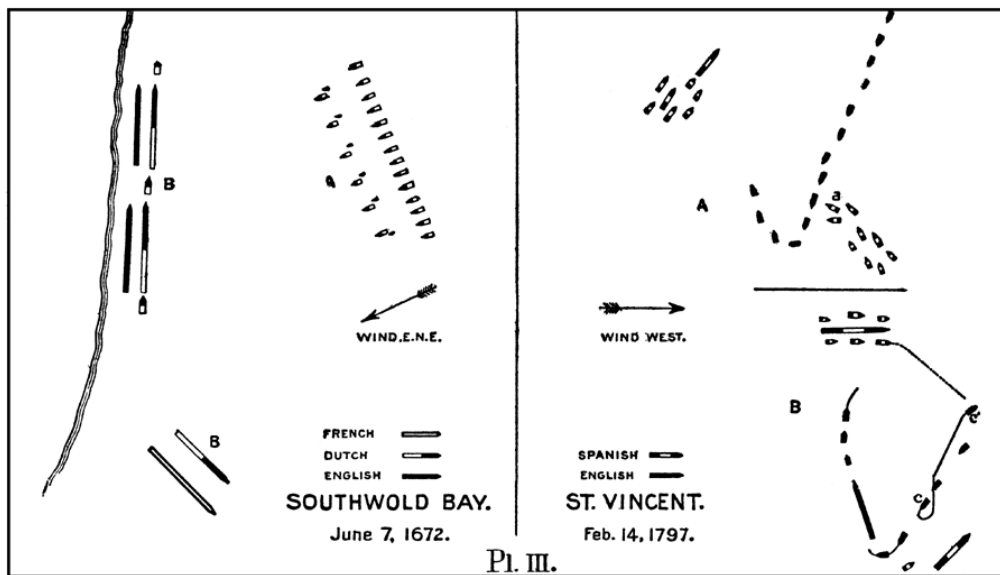
Морская война отличается от предшествовавших ей более чем в одном отношении; но ее наиболее отличительной чертой является то, что голландцы, за исключением одного случая в самом начале, не выслали свой флот навстречу врагу, но предприняли то, что можно правильно назвать стратегическим использованием своего опасного побережья и мелководий, на которых основывались их морские операции. К этому их вынудили отчаянные условия, в которых они сражались; но они не использовали свои отмели просто как укрытие — война, которую они вели, была оборонительно-наступательной. Когда ветер был попутным для атаки союзников, Рюйтер держался под прикрытием своих островов или, по крайней мере, на суше, куда враг не осмеливался следовать; но когда ветер стал таким, что он мог атаковать по-своему, он повернул и обрушился на них. Имеются также явные признаки тактических комбинаций с его стороны более высокого порядка, чем те, которые до сих пор встречались; хотя возможно, что конкретные упомянутые действия, состоящие в частичных атаках, представляющих собой немногим больше, чем демонстрации против французского контингента, могли быть вызваны политическими мотивами. Это объяснение несомненного факта, что голландцы легко атаковали французов, нигде автором не встречалось; но представляется возможным, что правители Соединенных провинций, возможно, не хотели усиливать раздражение своего самого опасного врага, унижая его флот и тем самым затрудняя принятие их предложений для его гордости. Существует, однако, столь же удовлетворительное военное объяснение предположению, что,

поскольку французы были еще неопытны, Рейтер считал необходимым лишь сдерживать их, одновременно обрушиваясь всей силой на англичан. Последние сражались повсюду со своей старой доблестью, но без прежней дисциплины; тогда как атаки голландцев предпринимались с постоянной и единодушной энергией, свидетельствовавшей о большом военном прогрессе. Действия французов временами были подозрительными; утверждалось, что Людовик приказал своему адмиралу беречь свой флот, и есть веские основания полагать, что к концу двухлетнего пребывания Англии в его союзе он это сделал.

Власти Соединенных провинций, зная, что французский флот в Бресте должен был присоединиться к английскому на Темзе, приложили огромные усилия, чтобы снарядить свою эскадру таким образом, чтобы атаковать последнюю до того, как соединение будет достигнуто; но вопиющее отсутствие централизации в их военно-морском управлении привело к провалу этого проекта. Провинция Зеландия была настолько отсталой, что ее контингент, составляющий значительную часть от общего числа, не был готов вовремя; и было выдвинуто обвинение в том, что задержка произошла не просто из-за плохого управления, но и из-за недовольства партией, контролирующей правительство. Удар по английскому флоту в его собственных водах превосходящими силами до прибытия союзника был правильной военной концепцией; судя по последующей истории этой войны, это вполне могло оказать глубокое влияние на весь ход борьбы. Рюйтер, наконец, вышел в море и сошелся с союзными флотами, но, хотя был полностью настроен сражаться, отступил перед ними к своему собственному побережью. Союзники не последовали за ним туда, а отступили, по-видимому, в полной безопасности, в Саутуолд-Бей, на восточном побережье Англии, примерно в девяносто милях к северу от устья Темзы. Там они встали на якорь тремя дивизиями: двумя английскими, составлявшими арьергард и центр линии союзников, на севере, и авангардом, состоявшим из французских кораблей, на юге. Рюйтер последовал за ними, и ранним утром 7 июня 1672 года голландский флот получил сигнал от французского дозорного фрегата, шедшего на север и восток; он стоял под северо-восточным ветром в ожидании флота союзников, с которого большое количество лодок и людей высадилось на берег в поливных отрядах. Голландский боевой порядок состоял из двух линий, причем передовая состояла из восемнадцати кораблей с брандерами (Фото III, А). Их общая численность составляла девяносто один линейный корабль; у союзников - сто один.

Ветер дул в сторону побережья, которое здесь отклонялось почти с севера на юг, и союзники оказались в неудобном положении. Они должны были первыми тронуться в путь, и они не могли отступить, чтобы выиграть время или пространство для установления своего порядка. Большинство кораблей обрезами канаты, и англичане легли на правый галс, направляясь примерно на северо-северо-запад, курс, который вскоре вынудил их развернуться; тогда как французы пошли другим галсом (Фото III, В). Таким образом, сражение началось с разделения союзного флота. Рюйтер послал одну дивизию атаковать французов или, скорее, сдерживать их; ибо эти противники обменивались лишь отдаленной канонадой, хотя голландцы, находясь с наветренной стороны, имели возможность действовать ближе, если бы захотели. Поскольку их командир Банкерт не подвергся порицанию, можно предположить, что он действовал по приказу; и, несомненно, год спустя он уже командовал и действовал с большим здравомыслием и отвагой в битве при Текселе. Тем временем Рейтер яростно атаковал две английские дивизии и, по-видимому, превосходящими силами, поскольку английские военно-морские историки утверждают, что голландцев было в пропорции три к двум.^[47] Если это можно принять, то это

явное свидетельство высоких качеств Рейтера как генерала, превосходящее любого другого, появившегося в этом столетии.

Pl. III. [Список](#)

Результаты сражения, рассматриваемого просто как сражение, были неопределенными; обе стороны понесли тяжелые потери, но все почести и существенные преимущества принадлежали голландцам, или, скорее, Де Рюйтеру. Он опередил союзников своим очевидным отступлением, а затем, вернувшись, застал их врасплох совершенно неподготовленными. Ложный ход, при котором англичане, две трети всего состава, встали к северу и западу, в то время как другая треть, французы, отошли на восток и юг, разделил союзный флот; Рюйтер бросил все свои силы в брешь, открыв французам фронт дивизией, вероятно, меньшей по численности, но которая, находясь с наветренной стороны, имела выбор вступать в ближний бой или нет, в то время как с остальными он обрушился на англичан со значительно превосходящими силами (Фото III., В). Пол Хост говорит, что[48] что вице-адмирал д'Эстре, командующий французами, принял меры по лавированию и прорыву противостоящей ему голландской дивизии, чтобы воссоединиться с герцогом Йоркским, главнокомандующим союзниками. Возможно, это и так, поскольку д'Эстре был очень храбрым человеком и недостаточно опытным моряком, чтобы оценить опасность попытки; но такого шага предпринято не было, и как англичане, так и Рюйтер думали, что французы скорее избегают, чем стремятся к ближнему бою. Если бы д'Эстрес, однако, пошел в обход и попытался прорваться сквозь строй опытных голландцев с наветренной стороны от него с помощью все еще неопытных французских моряков, результат был бы таким же катастрофическим, как тот, который постиг испанского адмирала в битве при Сент-Винсенте сто двадцать пять лет спустя, когда он попытался воссоединить свой разбитый флот, прорвав сомкнутый строй Джервиса и Нельсона. (См. Таблицу III., а.) Истина, которая постепенно проступает сквозь массу противоречивых заявлений, заключается в том, что герцог Йоркский, хотя и был прекрасным моряком и храбрым человеком, не был способным; что его флот не был в хорошем порядке и поэтому был застигнут врасплох; что его предварительные приказы были не настолько точными, чтобы заставить французского адмирала технически послушаться главнокомандующего и, таким

образом, разделить эскадры; и что Рюйтер наилучшим образом воспользовался неожиданностью, которую он сам подготовил, и дальнейшей возможностью, предоставленной его из-за неумелости его врагов. Если бы не обстоятельства, которые не указаны, французский адмирал выбрал правильный курс при северо-восточном ветре, поскольку он выводил в море и давал простор для маневров; если бы герцог Йоркский выбрал то же самое, союзный флот вышел бы вместе, имея в виду только неблагоприятный ветер и плохой порядок. Вэтом случае, однако, Рейтер мог и, вероятно, сделал бы то же, что он сделал при Текселе годом позже, — сдержал авангард французов небольшими сдерживающими силами и обрушился массой своего флота на центр и тыл. Сходство его действий в обоих случаях, при совершенно разных условиях, доказывает, что он намеревался в Саутуолд-бей просто держать французов в узде, пока он уничтожал англичан.

В этом сражении, которое безразлично называлось Саутуолд-Бей или Солебей, Рейтер продемонстрировал такую степень мастерства в сочетании с энергией, которая не проявлялась на море после его смерти вплоть до дней Сюффрена и Нельсона. Его сражения в войне 1672 года не были "делами осмотрительности", хотя и велись осмотрительно; его целью было не что иное, как полное поражение врага путем сочетания удачных комбинаций с яростью атаки. В Солебее он в чем-то, хотя и не сильно, уступал своим врагам; впоследствии - в гораздо большей степени.

Существенные результаты Солебейского сражения были полностью благоприятны голландцам. Флоты союзников должны были оказать помощь операциям французской армии, высадившись на побережье Зеландии. Атака Рейтера нанесла значительный ущерб и вызвала расход боеприпасов, что отложило отплытие флота на месяц; это был отвлекающий маневр, не только важный, но и жизненно необходимый в том почти отчаянном положении, в котором оказались Соединенные Провинции на берегу. В качестве поучительного комментария к теории уничтожения торговли можно добавить, что после этой ошеломляющей атаки превосходящие силы противника Рейтер встретил и благополучно препроводил в порт флотилию голландских торговых судов.

Теперь необходимо кратко описать ход земельной кампании.^[49] В начале мая французская армия в составе нескольких корпусов двинулась вперед, пройдя окраины испанских Нидерландов и направив свое наступление на Голландию с юга и востока. Республиканская партия, находившаяся у власти в Голландии, пренебрегла армией и теперь совершила ошибку, рассредоточив имевшиеся у нее силы по множеству укрепленных городов, полагая, что каждый из них сделает что-нибудь, чтобы задержать французов. Людовик, однако, по совету Тюренна просто наблюдал за более важными местами, в то время как второсортные города сдавались почти так же быстро, как их призывали; таким образом, армия провинций, а также их территория быстро, по частям, переходили во власть врага. В течение месяца французы были в центре страны, уничтожив все, что находилось у них на пути, и не имея перед собой организованных сил, достаточных для того, чтобы остановить их. В течение двух недель после битвы при Солебее террор и дезорганизация распространились по всей республике. 15 июня Великий пенсионарий получил разрешение Генеральных штатов направить депутацию к Людовику XIV с просьбой назвать условия, на которых он дарует им мир; в глазах политика любое унижение иностранца было лучше, чем видеть, как противоположная партия, Оранский дом, придет к власти после его падения. Пока шли переговоры, голландские города продолжали сдаваться, и 20 июня несколько французских солдат вошли в Мюйден, ключ к

Амстердаму. Это были всего лишь отставшие, хотя большое войско, к которому они принадлежали, находилось совсем рядом; и бюргеры, которые впустили их под влиянием паники, царившей по всей стране, увидев, что они одни, вскоре напоили их и выставили вон. Более благородное чувство, одушевлявшее Амстердам, теперь дало о себе знать в Мюйдене; из столицы поспешно выдвинулись войска, и маленький город был спасен. "Расположенный на Зюйдер-Зее, в двух часах езды от Амстердама, на пересечении ряда рек и каналов, Мюйден не только владел ключом от основных дамб, с помощью которых Амстердам мог окружить себя защитным затоплением, он также владел ключом от гавани этого великого города, все корабли, которые направлялись из Северного моря в Амстердам по Зюйдер-Зее, были вынуждены проходить под его пушками. Мюйден спасен, его дамбы открыты, у Амстердама появилось время вздохнуть, и он остался свободным прервать свои коммуникации по суше и поддерживать их по морю".^[50] Это был поворотный пункт вторжения; но каково было бы воздействие на дух голландцев, подавленных поражением и сбитых с толку в совете, если бы в те роковые две недели, которые прошли накануне, флот союзников атаковал их берега? От этого их спасла битва при Солебее.

Переговоры продолжались. Бургомистры — партия, представляющая богатство и торговлю, — выступали за подчинение; они боялись уничтожения своей собственности и торговли. Были сделаны новые успехи; но пока посланники все еще находились в лагере Людовика, население и партия Оранжевых восстали, а вместе с ними и дух сопротивления. 25 июня в Амстердаме открыли дамбы, и ее примеру последовали другие города Голландии; были понесены огромные потери, но затопленная страна и находящиеся в ней города, стоявшие подобно островам посреди воды, были защищены от нападения сухопутных войск до наступления холодов. Революция продолжалась. Вильгельм Оранский, затем Вильгельм III. Англии, был 8 июля назначен штатгальтером и главой армии и флота; а два Де Витта, главы республиканской партии, были убиты толпой несколько недель спустя.

Сопротивление, порожденное народным энтузиазмом и гордостью за страну, было усилено чрезмерными требованиями Людовика XIV. Было ясно, что провинции должны быть завоеваны или уничтожены. Тем временем другие государства Европы осознали опасность, и император Германии, курфюрст Бранденбургский и король Испании выступили на стороне Голландии; в то время как Швеция, хотя и была номинально в союзе с Францией, не желала видеть уничтожение Провинций, потому что это пошло бы на пользу морской мощи Англии. Тем не менее следующий, 1673 год начался для Франции многообещающе, и английский король был готов выполнить свою часть морского соглашения; но голландцы под твердым руководством Вильгельма Оранского, непоколебимо владевшие морем, отказались принять условия мира, которые были предложены ими самими годом ранее.

В 1673 году произошли три морских сражения, все у берегов Соединенных провинций; первые два, 7 и 14 июня, у Шоневельдта, от которого они и получили свое название; третье, известное как битва при Текселе, 21 августа. Во всех трех случаях Рюйтер атаковал, выбирая сам время, и отступал, когда это было ему удобно для защиты собственных берегов. Для того чтобы союзники достигли своих целей и предприняли какие-либо диверсии на побережье или, с другой стороны, нанесли ущерб морским ресурсам испытывающих сильное давление провинций, необходимо было сначала успешно справиться с флотом Рюйтера. Великий адмирал и его правительство оба чувствовали это и приняли решение, что "флот должен быть размещен в проливе Шоневельдт или немного южнее, в направлении Остенде, для наблюдения за противником, и в

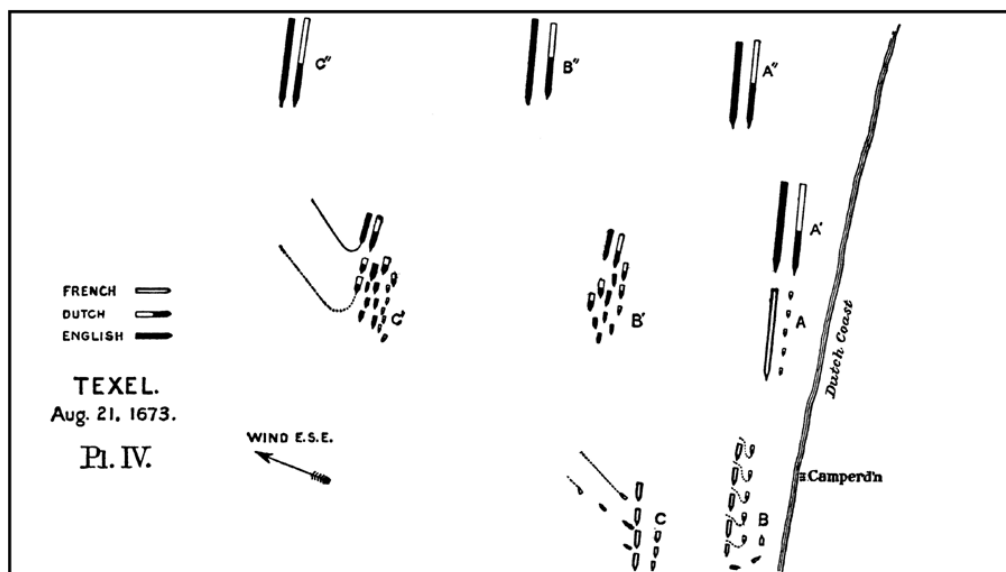
случае нападения или при виде того, что флот противника намерен высадиться у берегов Соединенных провинций, должен оказать энергичное сопротивление, воспротивившись его планам и уничтожив его корабли".^[51] С этой позиции, при хорошем наблюдении, было бы известно любое передвижение союзников.

Англичане и французы вышли в море около 1 июня под командованием принца Руперта, двоюродного брата короля, герцог Йоркский был вынужден уйти в отставку из-за принятия Закона об испытаниях, направленного против лиц римско-католического вероисповедания, занимающих какую-либо государственную должность. Французами командовал вице-адмирал д'Эстре, тот самый, который командовал ими в Солебее. Шеститысячный отряд английских войск в Ярмуте был готов отправиться в поход, если Де Рейтер потерпит поражение. 7 июня голландцы были разобраны, когда ехали верхом по пескам у Шоневельдта. Была послана отдельная эскадрилья, чтобы отвлечь их, но Рюйтеру не требовалось приглашения; ветер попутный, и он последовал за отдельной эскадрильей с такой стремительностью, что атаковал еще до того, как линия союзников была полностью сформирована. На этот раз французы заняли центр города. Сражение было нерешительным, если так можно назвать сражение, в котором подчиненные силы атакуют превосходящие, наносят равные потери и расстраивают главную цель противника. Неделю спустя Рейтер снова атаковал, с результатами, которые, хотя и были по-прежнему нерешительными в отношении конкретных действий, вынудили флот союзников вернуться к английскому побережью для переоснащения и за припасами. У голландцев в этих столкновениях было пятьдесят пять линейных кораблей; у их врагов - восемьдесят один, пятьдесят четыре из которых были английскими.

Союзные флоты снова вышли в море только во второй половине июля, и на этот раз они везли с собой группу войск, предназначенную для высадки. 20 августа голландский флот был замечен на пути между Текселем и Маасом. Руперт сразу же приготовился к бою; но поскольку ветер дул с севера и запада, давая союзникам возможность ориентироваться на погоду, а вместе с ней и выбирать метод атаки, Рейтер воспользовался своим знанием местности, держась так близко к берегу, что враг не осмеливался приблизиться, тем более что было уже поздно. Ночью ветер сменился с суши на восточно-юго-восточный, и на рассвете, говоря словами французского официального сообщения, голландцы "подняли все паруса и смело вступили в бой".

Флот союзников находился с подветренной стороны на левом галсе, направляясь примерно на юг, — французы в авангарде, Руперт в центре, а сэр Эдвард Спрагг командовал арьергардом. Де Рюйтер разделил свой флот на три эскадры, передовую из которых, всего из десяти или двенадцати кораблей, он послал против французов; в то время как с остальными своими силами он атаковал англичан в центре и тылу (Фото IV., А, А', А'). Если мы примем английскую оценку сил, которая дает англичанам шестьдесят кораблей, французам тридцать и голландцам семьдесят, план атаки Рейтера, просто сдерживающий французов, как в Солебее, позволил ему вступить в бой с англичанами на равных условиях. Сражение проходило в несколько отчетливых фаз, за которыми поучительно следить. Г-ну де Мартелю, командовавшему авангардом французов и, следовательно, передовым подразделением союзного флота, было приказано вытянуться вперед, обойти и занять позицию с наветренной стороны от голландского авангарда, чтобы поставить его между двух огней. Это он и сделал (В); но как только Банкерт — тот самый, который так разумно маневрировал в Солебее годом ранее, — увидел опасность, он поднял штурвал и прорвался сквозь оставшиеся двадцать кораблей эскадры д'Эстре со своими двенадцатью (С), — подвиг, столь же похвальный для него, сколь и дискредитирующий

французов; и затем, повернувшись кругом, перешел на сторону Де Рюйтера, который горячо сражался с Рупертом (С'). Д'Эстрес не последовал за ним, позволив ему беспрепятственно доставить это важное подкрепление к главной атаке голландцев. На этом участие французов в битве практически закончилось.

Pl. IV. [Список](#)

Руперт, во время боя с Де Рейтером, постоянно держался в стороне, с целью увести голландцев подальше от их побережья, чтобы, если ветер переменится, они не смогли вернуться в свое укрытие. Де Рюйтер последовал за ним, и последовавшее за этим отделение центра от авангарда (В, В') было одной из причин, на которые Д'Эстре сослался в своей задержке. Однако, похоже, это не помешало Банкерту присоединиться к своему шефу.

В тылу чрезвычайные действия сэра Эдварда Спрэгга усилили замешательство во флоте союзников. По какой-то причине этот офицер считал Тромпа, командовавшего голландским тылом, своим личным антагонистом, и, чтобы облегчить последнему вступление в бой, он бросил в дрейф (остановил) весь английский тыл, чтобы дождаться его. Это несвоевременное проявление чести со стороны Спрагге, по-видимому, проистекало из обещания, данного им королю, что он вернет Тромпа живым или мертвым, иначе лишится собственной жизни. Остановка, напоминающая о безответственных и неподчиняющихся действиях младших голландских флаг-офицеров в предыдущей войне, конечно, разделила арьергард (А', В', С'), который также быстро переместился с подветренной стороны, Спрагге и Тромп велигорячую частную борьбу за свой счет. Эти два младших адмирала искали друг друга лично, и битва между их флагами была настолько ожесточенной, что Спраггу дважды приходилось менять свой флаг на другой корабль; во втором случае лодка, на которую он сел, была потоплена выстрелом, а он сам утонул.

Руперт, таким образом, оставленный своим авангардом и арьергардом, оказался один на один с Рейтером (В'); который, усиленный своим авангардом, имел возможность отрезать тыловое подразделение центра союзников и окружить оставшиеся двадцать кораблей, вероятно, тридцатью или сорока своими собственными (С'). Не делает чести артиллерии того времени то,

что не последовало более существенных результатов; но следует помнить, что все, чего могло добиться мастерство Рейтера, за исключением, вероятно, очень короткого времени, - это действия на равных с англичанами; его полное численное превосходство не могло быть полностью преодолено. Таким образом, ущерб, нанесенный англичанам и голландцам, возможно, был велик и, вероятно, почти равен.

Руперт, наконец, освободился и, видя, что английский арьергард (С') плохо реагирует на своих непосредственных противников, побежал к нему, Рюйтер последовал за ним; два противоборствующих центра двигались параллельными курсами и на расстоянии пушечного выстрела, но по взаимному согласию, вызванному, возможно, нехваткой боеприпасов, воздержались от стрельбы. В четыре часа пополудни центры и тылы объединились, и около пяти началось новое сражение, которое продолжалось до семи, когда Рейтер отступил, вероятно, из-за подхода французов, которые, по их собственным словам, примерно в это время присоединились к Руперту. Так закончилось сражение, которое, как и все, что предшествовало ему в этой войне, можно назвать боем вничью, но в отношении которого вердикт английского военно-морского историка, несомненно, верен: "Последствия, которые голландцы извлекли из этого сражения благодаря предусмотрительности своего адмирала, были чрезвычайно велики; ибо они открыли свои порты, которые были полностью заблокированы, и положили конец всем мыслям, устранив возможность вторжения".[52]

Военные особенности операции в достаточной степени отражены в приведенном отчете— мастерство Де Рюйтера; твердость и расторопность Банкерта, сначала при проверке, а затем при прохождении через французскую дивизию; очевидная нелояльность или, в лучшем случае, неэффективность последней; неподчинение и военные промахи Спрагге; кажущееся отсутствие всего, кроме упорных боев со стороны Руперта. Союзники предавались ожесточенным взаимным обвинениям. Руперт винил и Д'Эстреса, и Спрагга; Д'Эстре придирался к Руперту за то, что тот убежал с подветренной стороны; а заместитель Д'Эстре, Мартель, прямо назвал своего начальника трусом в письме, за которое тот был заключен в Бастилию. Французский король приказал провести расследование интенданту военно-морского флота в Бресте, который составил отчет[53] на котором в основном основан приведенный здесь отчет и который не оставляет сомнений в бесчестии французского оружия в этом сражении. "Мсье д'Эстре дал понять, - говорит французский военно-морской историк, - что король желает, чтобы его флот был пощажен, и что англичане должны были отступить". нельзя доверять. Был ли он неправ, не полагаясь на искренность английского союза, когда он получал со всех сторон предупреждения о том, что народ и знать ропщут против него и Карла II? может быть, он был единственным в своем королевстве, кто желал этого?[54] Возможно, нет; но он, безусловно, ошибался, если желал, чтобы какой-либо военный или группа людей сыграли двусмысленную роль, отведенную французскому адмиралу в этот день; потеря флота была бы более легкой катастрофой. Очевидцам была настолько очевидна недобросовестность или трусость (а последнее предположение недопустимо), что один из голландских моряков, когда они обсуждали между собой, почему французы не спустились вниз, сказал: "Вы дураки! они наняли англичан, чтобы те сражались за них, и все их дело здесь - следить за тем, чтобы они отрабатывали свое жалованье". Более трезвым и многозначительным высказыванием является то, которым брестский интендант заканчивает упомянутый выше официальный отчет: "Похоже, что во всех этих морских сражениях Рюйтер никогда не стремился атаковать французскую эскадру, и что в этом последнем бою он выделил десять кораблей из состава новозеландской эскадры, чтобы

сохранить ее в игре".[55] Не требуется более веских доказательств мнения Рейтера о неэффективности или неверности этого контингента союзным силам.

Еще одна глава в истории морских коалиций была закрыта 21 августа 1673 года битвой при Текселе. В нем, как и в других, были вполне оправданы слова, которыми современный французский морской офицер отметил их: "Объединенные сиюминутными политическими интересами, но в глубине души разделенные на грани ненависти, никогда не следовавшие одним и тем же путем в советах или в действиях, они никогда не приносили хороших результатов или, по крайней мере, результатов, соразмерных усилиям союзных держав против общего врага. Военно-морские силы Франции, Испании и Голландии, по-видимому, в разное время объединялись только для того, чтобы сделать более полным триумф британского оружия".[56] Когда к этой хорошо известной тенденции коалиций добавляется столь же хорошо известная зависть каждой страны к растущему могуществу соседа и вытекающее из этого нежелание видеть такое увеличение, достигнутое путем сокрушения другого члена семьи наций, возникает вопрос о мере военно-морской мощи, необходимой государству. Необязательно уметь противостоять всем остальным вместе взятым, как, по-видимому, думают некоторые англичане; необходимо только уметь встретиться с сильнейшим на выгодных условиях, будучи уверенным, что остальные не присоединятся к разрушению фактора политического равновесия, даже если они будут держаться в стороне. Англия и Испания были союзниками в Тулоне в 1793 году, когда эксцессы революционной Франции, казалось, угрожали общественному порядку Европы; но испанский адмирал категорически заявил англичанам, что гибель французского флота, значительная часть которого находилась в их руках, не могла не нанести ущерб интересам Испании, и часть французских кораблей была спасена его поведением, которое справедливо характеризуется не только как полное твердости, но и как продиктованное высшим политическим разумом.[57]

Битва при Текселе, завершившая длинную серию войн, в которых голландцы и англичане на равных боролись за господство на морях, показала голландский флот в его наивысшей боеготовности, а его величайшее украшение, Де Рюйтер, - на вершине своей славы. Давно постаревший в годах, ибо сейчас ему было шестьдесят шесть, он нисколько не утратил своей боевой энергии; его атака была такой же яростной, как и восемь лет назад, и его суждения, очевидно, быстро созрели благодаря опыту последней войны, поскольку существует гораздо больше свидетельств наличия плана и военной проницательности, чем раньше. Ему, при правительстве великого пенсионария Де Витта, с которым он был в близких симпатиях, должно быть, в значительной степени было обременено повышение дисциплины и здорового военного тона, которое сейчас наблюдается в голландском военно-морском флоте. Он вступил в эту последнюю битву двух великих народов моря во всей полноте своего собственного гения, с превосходно закаленным инструментом в руках и при великолепном численном перевесе, чтобы спасти свою страну. Миссия была выполнена не только благодаря храбрости, но и благодаря мужеству, предусмотрительности и мастерству. Атака на Текселе в общих чертах была такой же, как и при Трафальгаре, авангард противника не был задействован в центре и тылу, и, как и при Трафальгаре, авангард, не выполнив свой долг, более чем оправдал эту концепцию; но поскольку шансы Де Рейтера были больше, чем у Нельсона, его успех был меньше. Роль, сыгранная Банкертом в Солебее, была, по сути, той же, что и роль Нельсона в Сент-Винсенте, когда он бросился наперерез испанской дивизии на своем единственном корабле (см. Фото III., с, с'); но Нельсон пошел своим курсом без приказов Джервиса, в то время как Банкерт выполнял план Рейтера. И снова, по-прежнему оставаясь самим собой, но в

печально изменившейся обстановке, этот простой и героический человек предстанет перед нами; и здесь, по контрасту с его славой, кажется уместным вставить небольшое описание графа де Гиша[58] его поведения в четырехдневной битве, которое выявляет одновременно простую и героическую стороны его характера.

"Я никогда не видел его [в течение тех последних трех дней] иначе, как уравновешенным; и когда победа была обеспечена, он всегда говорил, что это добрый Бог дает ее нам. Среди беспорядков на флоте и видимых потерь он, казалось, был тронут только несчастьем, постигшим его страну, но всегда был покорен воле Божьей. Наконец, можно сказать, что в нем есть что-то от откровенности и отсутствия лоска наших патриархов; и в заключение того, что я должен сказать о нем, я расскажу, что на следующий день после победы я застал его подметающим свою комнату и кормящим цыплят".

Через девять дней после битвы при Текселе, 30 августа 1673 года, был заключен официальный союз между Голландией, с одной стороны, и Испанией, Лотарингией и императором Германии - с другой, и французский посол был уволен из Вены. Людовик почти сразу предложил Голландии сравнительно умеренные условия; но Соединенные провинции, имея по бокам от себя своих новых союзников и твердо опираясь спинами на море, которое благоприятствовало им и поддерживало, решительно выступили против него. В Англии шум народа и парламента становился все громче; протестантские чувства и старая вражда к Франции росли с каждым днем, как и национальное недоверие к королю. Карлу, хотя он сам ничуть не утратил своей ненависти к республике, пришлось уступить. Людовик, видя надвигающуюся бурю, решил, по совету Тюренна, покинуть свои опасные передовые позиции, эвакуировав Голландию, и попытаться заключить мир с провинциями по отдельности, продолжая войну с Австрийским домом в Испании и Германии. Таким образом, он вернулся к политике Ришелье, и Голландия была спасена. 19 февраля 1674 года между Англией и провинциями был подписан мир. Последний признал абсолютное господство английского флага от мыса Финистерре в Испании до Норвегии и выплатил военную контрибуцию.

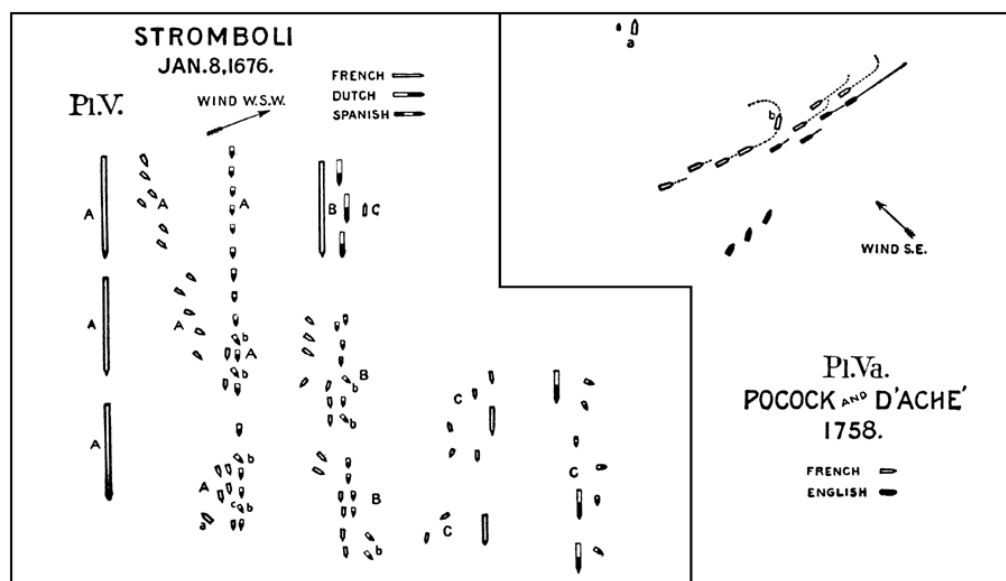
Уход Англии, которая сохраняла нейтралитет в течение оставшихся четырех лет войны, неизбежно сделал ее менее морской. Король Франции не думал, что его флот, ни по численности, ни по эффективности, способен в одиночку противостоять голландскому; поэтому он отозвал его из океана и ограничил свои морские предприятия Средиземным морем, предприняв одну или две наполовину каперские экспедиции в Вест-Индию. Соединенные провинции, со своей стороны, будучи избавлены от опасности со стороны моря и не имея, за исключением короткого времени, какой-либо серьезной идеи действовать против французского побережья, уменьшили свои собственные флоты. Война становилась все более континентальной и вовлекала все больше и больше других европейских держав. Постепенно германские государства связали свою судьбу с Австрией, и 28 мая 1674 года сейм объявил войну Франции. Великая работа французской политики последних поколений была сведена на нет, Австрия восстановила свое господство в Германии, а Голландия не была уничтожена. На Балтике Дания, видя, что Швеция склоняется к Франции, поспешила объединиться с Германской империей, послав пятнадцать тысяч солдат. В Германии оставались только Бавария, Ганновер и Вюртемберг, все еще верные своему французскому союзу. Таким образом, сухопутная война втянула в себя почти все державы Европы, и, исходя из характера дела,

главный театр конфликта находился за восточной границей Франции, по направлению к Рейну и в Испанских Нидерландах; но пока это бушевало, морской эпизод был вызван тем фактом, что Дания и Швеция вступили в бой по разные стороны баррикад. Об этом нет необходимости говорить, разве что упомянуть, что голландцы послали эскадру под командованием Тромпа присоединиться к датчанам и что соединенные флоты одержали великую победу над шведами в 1676 году, отобрав у них десять кораблей. Таким образом, очевидно, что морское превосходство Голландии сильно умаляло ценность Швеции как союзника Людовика XIV.

Еще одно морское противостояние возникло в Средиземном море из-за восстания сицилийцев против испанского владычества. Помощь, о которой они просили Францию, была предоставлена в качестве отвлекающего маневра против Испании, но сицилийское предприятие так и не стало чем-то большим, чем второстепенным вопросом. Его военно-морской интерес проистекает из того, что Рюйтер снова появляется на сцене, причем в качестве антагониста Дюкена, равного, а по мнению некоторых, даже превосходящего Турвиля, чье имя всегда стояло намного выше всех других во французском военно-морском флоте того времени.

Мессина восстала в июле 1674 года, и французский король сразу же взял ее под свою защиту. Испанский военно-морской флот повсюду, по-видимому, вел себя плохо, определенно неэффективно; и в начале 1675 года французы благополучно обосновались в городе. В течение года их военно-морская мощь в Средиземном море значительно возросла, и Испания, будучи не в состоянии сама защищать остров, обратилась к Соединенным провинциям за флотом, расходы на который она взяла бы на себя. Провинции, "утомленные войной, погрязшие в долгах, жестоко страдающие в своей торговле, измученные необходимостью платить императору и всем германским князьям, больше не могли снаряжать огромные флоты, которые они когда-то противопоставляли Франции и Англии". Однако они прислушались к мнению Испании и послали Де Рюйтера с эскадрой всего из восемнадцати кораблей и четырех брандеров. Адмирал, заметивший рост французского военно-морского флота, сказал, что силы слишком малы, и удалился, подавленный духом, но со спокойной покорностью, которая была ему привычна. Он достиг Кадиса в сентябре, а тем временем французы еще больше укрепились, захватив Агосту, порт на юго-востоке Сицилии. Де Рюйтер снова был задержан испанским правительством и не достиг северного побережья острова до конца декабря, когда встречные ветры помешали ему войти в Мессинский пролив. Он курсировал между Мессиной и Липарскими островами, чтобы перехватить французский флот, конвоирующий войска и припасы, которые ожидались под Дюкеном.

7 января 1676 года в поле зрения появились французы, двадцать линейных кораблей и шесть брандеров; у голландцев было всего девятнадцать кораблей, один из которых был "Испанец", и четыре брандера; и следует помнить, что, хотя нет подробного отчета о голландских кораблях в этом бою, они, как правило, уступали английским и еще больше французским. Первый день прошел в маневрировании, у голландцев был метеометр; но в ту ночь, которая была шквалистой и вынудила испанские галеры, сопровождавшие голландцев, укрыться под Липари, ветер переменился и, дуя с запада на юго-запад, дал французам метеометри силы для атаки. Дюкен решил воспользоваться этим и, отправив конвой вперед, выстроил свою линию правым галсом на юг; голландцы сделали то же самое и ждали его (Фото V., А, А, А).

Пл. В. и пл. Ва. [ТоЛист](#)

Следует испытывать чувство удивления, видя, как великий голландский адмирал отказался от выбора способа атаки 7-го числа. На рассвете того же дня он увидел врага и взял курс на него; в три часа пополудни, согласно французскому отчету, он лег на тот же галс, что и они, но на расстоянии пушечного выстрела с наветренной стороны. Чем объяснить кажущееся нежелание человека, который три года назад предпринял отчаянные атаки при Солебее и Текселе? Его доводы не были переданы; возможно, этот вдумчивый моряк осознал оборонительные преимущества подветренной стороны, особенно когда готовился встретить меньшими силами врага, отличающегося безудержной храбростью и несовершенным мореходством. Если какие-то подобные идеи и оказали на него влияние, то они были оправданы результатом. Битва при Стромболи представляет собой частичное предвосхищение тактики французов и англичан столетней давности; но в данном случае именно французы ищут укрытие от непогоды и яростно атакуют, в то время как голландцы занимают оборону. Результаты были во многом такими, на что указал англичанам Клерк в своем знаменитом труде "Военно-морская тактика", причем приведенные здесь сведения были полностью французскими. [\[60\]](#)

Поскольку оба флота выстроились в боевую линию на правом галсе, направляясь, как уже было сказано, на юг, Де Рюйтер ожидал атаки, от которой он отказался. Находясь между французами и их портом, он чувствовал, что они должны сражаться. В девять часов утра французская линия расступилась вся вместе и двинулась наискось на голландцев - маневр, который трудно было выполнить с точностью, и во время которого атакующий встречает огонь противника в невыгодном положении (А', А', А'). При этом два корабля во французском авангарде были серьезно повреждены. "Месье де Лафайет на "Пруденте" начал бой; но, опрометчиво бросившись в гущу вражеского авангарда, он был разобран и вынужден отступить" (а). Из-за сложного характера маневра во французской линии последовало замешательство. "Вице-адмирал де Прюйи, командовавший авангардом, держась в стороне, занял слишком мало места, так что, снова подойдя к ветру, корабли в слишком тесном строю столкнулись и мешали огню друг друга'. Отсутствие месье де Лафайета на линии подвергло "Парфе" опасности. Атакованный двумя кораблями, он потерял грот-мачту и также был вынужден отойти для

ремонта." И снова французы вступили в бой по очереди, а не все вместе, что было обычным и почти неизбежным результатом рассматриваемого маневра. "В *разгар* ужасной канонады", то есть после того, как часть его кораблей вступила в бой, "Дюкен, командовавший центром, занял пост на траверзе дивизиона Рейтера". Французский тыл вступил в бой еще позже, после центра (А', А"). "Ланжерон и Бетюн, командуя передовыми кораблями французского центра, разбиты превосходящими силами". Как это может быть, учитывая, что у французов было больше кораблей? Это произошло потому, что, как говорится в повествовании, "французы еще не исправили беспорядок, возникший в первом движении". Однако все, наконец, вступили в действие (Б, Б, Б), и Дюкен постепенно восстановил порядок. Голландцы, сражавшиеся по всей линии фронта, оказывали сопротивление повсюду, и не было ни одного из их кораблей, который не был бы сражен вплотную; большего нельзя сказать об адмирале и капитанах более слабого флота. Оставшаяся часть боя не очень четко связана между собой. Говорят, что Рюйтер постоянно уступал со своими двумя ведущими дивизиями; но было ли это признанием слабости или тактическим ходом, неясно. Арьергард был отделен (С'), в допущении чего был виноват либо Рюйтер, либо непосредственный командир; но попытки французов окружить и изолировать его потерпели неудачу, вероятно, из-за поврежденных рангоутов, поскольку один французский корабль действительно полностью обошел отделившийся дивизион. Бой закончился в 16.30 пополудни, за исключением арьергарда, и вскоре после этого подошли испанские галеры и отбуксировали выведенные из строя голландские корабли прочь. Их побег показывает, насколько, должно быть, были ранены французы. Позиции С, С' предназначены для того, чтобы показать голландский тыл, далеко разделенный, и беспорядок, в котором действия флота под парусами обязательно заканчивались потерями или рангоутами.

Те, кто знаком с работой Клерка по военно-морской тактике, опубликованной около 1780 года, узнают в этом отчете о битве при Стромболи все особенности, на которые он привлек внимание английских моряков в своей диссертации о методах действий, применявшихся ими и их противниками в его время и до него. Тезис Клерка исходил из постулата о том, что английские моряки и офицеры превосходили французов в мастерстве или духе, или и в том, и в другом, а их корабли в целом были такими же быстроходными; что они сознавали это превосходство и поэтому стремились атаковать, в то время как французы, в равной степени сознавая свою неполноценность или по другим причинам, неохотно вступали в решающие бои. При такой диспозиции последние, чувствуя, что могут положиться на слепую яростную атаку англичан, разработали хитроумный план, с помощью которого, делая вид, что сражаются, на самом деле избегали этого, и в то же время наносили врагу большой вред. Этот план состоял в том, чтобы занять подветренную позицию, характерной чертой которой, как уже указывалось ранее, является то, что это оборонительная позиция, и ожидать нападения. Ошибка англичан, по словам Клерка, на которую французы по опыту узнали, что они всегда могут рассчитывать, заключалась в том, что они выстраивали свою линию параллельно противнику или почти так, а затем отходили все вместе, чтобы атаковать корабль за кораблем, каждый на противоположной стороне вражеской линии. Отступая таким образом, противник терял большую часть своей артиллерии, оставаясь незащищенным от полного огня противника, и неизменно оказывался в замешательстве, потому что порядок атаки было трудно поддерживать в любое время, и тем более в дыму под огнем, с порванными парусами и падающими мачтами. Это была именно атака, предпринятая Дюкеном при Стромболи, и она имела именно те последствия, на которые указывает Клерк, — неразбериха в линии, фургон прибыл первым и принял на себя основную тяжесть огня обороны, выведенные из строя корабли в авангарде, вызвавшие неразбериху в

тылу и т.д. Далее Клерк утверждает, и, похоже, он прав, что по мере того, как бои разгорались, французы, убегая с подветренной стороны, в свою очередь, побудили англичан повторить тот же способатаки;^[61] и таким образом, мы обнаруживаем, что в Стромболи Рюйтер отступает таким же образом, хотя его мотив не раскрывается. Клерк также указывает, что необходимым следствием подветренности, принятой по тактическим соображениям, является нацеливание на лонжероны противника, его движущую силу, чтобы его атака не могла продвинуться дальше, чем того пожелает обвиняемый, и при Стромболи измотанное состояние французов очевидно; ибо после того, как "Рейтер" оказался с подветренной стороны и больше не мог помогать своему оторванному тылу, французы практически не тронули его, хотя ни один из них не был потоплен. Таким образом, хотя нельзя с уверенностью приписать Рейтеру преднамеренный выбор подветренной стороны, прецедента которому еще не было, очевидно, что он воспользовался всеми ее преимуществами и что характер французских офицеров того времени, неопытных как моряки и отличавшихся безудержной доблестью, предлагал как раз те условия, которые давали наибольшее преимущество более слабым силам, стоявшим в обороне. Качества и характерные черты противника относятся к числу основных факторов, которые принимает во внимание гениальный человек, и именно этому, как и любой другой черте характера, Нельсон был обязан своими ослепительными успехами. С другой стороны, французский адмирал атаковал совершенно ненаучным образом, корабль против корабля, не пытаясь сконцентрироваться на части противника и даже не пытаясь удержать его в игре до тех пор, пока французская эскадра из восьми линейных кораблей в Мессине, неподалеку, не сможет присоединиться. Такую тактику нельзя назвать рядом с тактикой Солебея или Текселя; но поскольку Дюкен был лучшим французским офицером столетия, возможно, за исключением Турвиля, это сражение имеет самостоятельное значение в истории тактики и ни в коем случае не может быть опущено. Статус главнокомандующего является гарантией того, что он знаменует собой высшую точку, которой до сих пор достигла французская военно-морская тактика. Прежде чем закончить это обсуждение, можно отметить, что предложенное Клерком средство защиты состояло в том, чтобы атаковать тыловые корабли линии противника, предпочтительно с подветренной стороны; затем остальная часть флота должна была либо покинуть их, либо перейти к общим действиям, что, согласно его постулату, было всем, чего желали английские моряки.

После боя Де Рюйтер отплыл в Палермо, по пути затонув на одном из своих кораблей. К Дюкесну присоединилась французская дивизия, находившаяся под Мессиной. Остальные инциденты сицилийской войны не имеют значения для общей темы. 22 апреля Де Рюйтер и Дюкен снова встретились у берегов Агосты. У Дюкена было двадцать девять кораблей, у союзных испанцев и голландцев - двадцать семь, из которых десять были испанскими. К несчастью, испанец командовал главнокомандующим и занял центр линии с кораблями своей страны, вопреки совету Рейтера, который, зная, насколько неэффективны были его союзники, хотел рассредоточить их по линии и таким образом лучше поддержать их. Рюйтер сам захватил авангард, и союзники, имея ветер, атаковали; но испанский центр держался на расстоянии выстрела, оставляя основную тяжесть сражения падать на голландский авангард. Тыл, следуя указаниям главнокомандующего, тоже был задействован, но незначительно. При этом печальном, но все же славном исполнении безнадёжного долга Де Рюйтер, который никогда прежде за свою долгую карьеру не был поражен вражеским выстрелом, получил смертельное ранение. Он умер неделю спустя в Сиракузах, и вместе с ним ушла последняя надежда на сопротивление на море. Месяц спустя испанский и голландский флоты были атакованы на якоре в Палермо, и многие из них были уничтожены; в то время как дивизия, отправленная из

Голландии для усиления средиземноморского флота, была встречена французской эскадрой в Гибралтарском проливе и вынуждена укрыться в Кадисе.

Сицилийское предприятие продолжало быть только отвлекающим маневром, а небольшое значение, которое придается ему наглядно показывает как полностью Людовика XIV. согнутые в континентальной войне. Насколько иначе произвела бы на него впечатление ценность Сицилии, если бы его взор был прикован к Египту и его расширению за счет моря. Шли годы, настроение английского народа все больше и больше возбуждалось против Франции; торговое соперничество с Голландией, казалось, отошло на второй план, и стало вероятным, что Англия, вступившая в войну как союзница Людовика, прежде чем она завершится, поднимет оружие против него. В дополнение к другим поводам для ревности она увидела, что французский военно-морской флот увеличился до численности, превосходящей ее собственную. Карл некоторое время сопротивлялся давлению парламента, но в январе 1678 года между двумя морскими странами был заключен союзный договор, наступательный и оборонительный; король отозвал английские войска, которые до сих пор служили в составе французской армии, и, когда парламент снова открылся в феврале, попросил денег на снаряжение девяноста кораблей и тридцати тысяч солдат. Людовик, ожидавший такого результата, немедленно отдал приказ об эвакуации Сицилии. Он не боялся Англии на суше, но на море он еще не мог самостоятельно противостоять союзу двух морских держав. В то же время он удвоил свои нападки на Испанские Нидерланды. Пока существовала надежда удержать английские корабли от участия в бою, он избегал затрагивать чувства английского народа по поводу бельгийского морского побережья; но теперь, когда их больше нельзя было примирить, он счел за лучшее напугать Голландию резкостью своей атаки в том районе, где она боялась его больше всего.

Соединенные провинции действительно были главной движущей силой коалиции. Хотя они были одними из самых маленьких по площади стран, ополчившихся против Людовика, они были сильнее по характеру и целям своего правителя, принца Оранского, и по богатству, которое, поддерживая армии конфедератов, также поддерживало верность бедных и жадных немецких князей своему союзу. Почти в одиночку, благодаря могучей морской мощи, коммерческим и мореходным способностям, они несли бремя войны; и хотя они шатались и жаловались, они все еще несли его. Как в последующие века Англия, так и в то время, о котором мы сейчас говорим, Голландия, великая морская держава, поддерживала войну против честолюбия Франции; но ее страдания были велики. Ее торговля, на которую охотились французские каперы, сильно пострадала; и к этому добавились огромные косвенные убытки в связи с передачей транспортных перевозок между зарубежными странами, которые так много способствовали процветанию голландии. Когда флаг Англии стал нейтральным, этот богатый бизнес перешел к ее кораблям, которые пересекали моря более безопасно из-за страстного желания Людовика примирить английскую нацию. Это желание побудило его также пойти на очень большие уступки английским требованиям в вопросе торговых договоров, сведя на нет большую часть защитной работы, с помощью которой Кольбер стремился подпитывать пока еще слабый рост французской морской мощи. Эти подачки, однако, лишь на мгновение остановили страсти, бушевавшие в Англии; к разрыву с Францией ее подтолкнули не личные интересы, а более веские мотивы.

Еще меньше Голландия была заинтересована в продолжении войны после того, как Людовик выказал желание мира. Континентальная война в лучшем случае могла быть для нее лишь неизбежным злом и источником слабости. Деньги, которые она тратила на себя и союзные

армии, были потеряны для ее военно-морского флота, и источники ее процветания на море были исчерпаны. Насколько принц Оранский был оправдан целями Людовика XIV в той непреклонной позиции оппозиции по отношению к нему, которую он всегда поддерживал, может быть неясно, и здесь нет необходимости решать этот вопрос; но не может быть сомнений в том, что борьба принесла в жертву морскую мощь Голландии из-за полного истощения, а вместе с этим разрушила ее положение среди наций мира. "Расположенные между Францией и Англией, - говорит историк Голландии, - Соединенные Провинции той или иной из них, после того как они добились независимости от Испании, постоянно были вовлечены в войны, которые истощали их финансы, уничтожали их военно-морской флот и вызывали быстрый упадок их торговли, мануфактур и коммерции; и таким образом миролюбивая нация оказалась раздавленной тяжестью неспровоцированных и продолжительных военных действий. Кроме того, дружба с Англией часто оказывалась едва ли менее вредной для Голландии, чем ее вражда. По мере того как одно увеличивалось, а другое уменьшалось, это превратилось в союз гиганта и карлика".^[62] До сих пор мы видели Голландию открытым врагом или искренним соперником Англии; отныне она выступает как союзница — в обоих случаях страдающая из-за своих меньших размеров, меньшей численности и менее благоприятного положения.

Истощение Соединенных провинций и шумиха их торговцев и сторонников мира, с одной стороны, а с другой - страдания Франции, затруднительное положение ее финансов и угроза присоединения английского флота к ее и без того многочисленным врагам, склонили к миру две главные стороны в этой долгой войне. Людовик уже давно был готов заключить мир только с Голландией; но Штатам этого не удавалось, сначала из-за верности тем, кто присоединился к ним в трудный час, а позже из-за твердой решимости Вильгельма Оранского. Трудности были постепенно устранены, и 11 августа 1678 года был подписан Нимегенский мир между Соединенными провинциями и Францией. Вскоре к нему присоединились другие державы. Главным пострадавшим, что было естественно, была разросшаяся, но слабая монархия, центром которой была Испания, которая уступила Франции Франш-Конте и ряд укрепленных городов в Испанских Нидерландах, расширив таким образом границы Франции на восток и северо-восток. Голландия, ради уничтожения которой Людовик начал войну, не потеряла ни пяди земли в Европе, а за морями остались только ее колонии на западном побережье Африки и в Гвиане. Своей безопасностью на первых порах и окончательным успехом она была обязана своей морской мощи. Это спасло ее в час крайней опасности и позволило ей впоследствии выжить во всеобщей войне. Можно сказать, что это был один из главных факторов, не уступающий никакому другому в отдельности, в определении исхода великой войны, которая была формально завершена в Нимегене.

Тем не менее это усилие подорвало ее силы, а последовавшие за ним долгие годы подобного напряжения сломили ее. Но как это повлияло на гораздо более великое государство, чрезмерные амбиции короля которого были главной причиной изнурительных войн того времени? Среди многих мероприятий, которые иллюстрировали блестящее начало правления тогда еще молодого короля Франции, ни одно не было столь важным, ни одно не направлялось столь разумно, как деятельность Кольбера, целью которого было сначала вывести финансы из того беспорядка, в который они попали, а затем установить их на прочном фундаменте национального богатства. Это богатство, в то время совершенно не соответствовавшее возможностям Франции, должно было быть развито за счет поощрения производства, стимулирования торговли к здоровой деятельности, большого торгового судоходства, мощного военно-морского флота и расширения колониальных владений. Некоторые из них являются

источниками, другие - действительными составляющими морской мощи; которая, действительно, может быть названа в прибрежном государстве неизменным сопровождением, если не главным источником, его силы. В течение почти двенадцати лет все шло хорошо; развитие величия Франции во всех этих направлениях шло быстро, если не во всех одинаковыми шагами, и доходы короля безгранично увеличивались. Затем настал час, когда ему предстояло решить, должны ли усилия, к которым естественным образом, возможно, и должным образом побуждало его честолюбие, принять направление, которое, хотя и требовало огромных усилий, ничего не делало для поддержания, а скорее препятствовало естественной деятельности его народа и разрушало торговлю, делая ненадежным контроль над морем; или же ему следует пуститься в занятия, которые, хотя и влекут за собой расходы, сохраняют мир на его границах, приведут к контролю над морем, а благодаря импульсу, приданному торговле и всему, от чего зависит торговля, принесут деньги, почти, если не совсем равные тем, которые тратит государство. Это не фантастическая картина; своим отношением к Голландии и его последствиям Людовик дал Англии первый импульс на пути, который в его дни привел к тем результатам, на которые Кольбер и Лейбниц надеялись для Франции. Он загнал голландских перевозчиков на корабли Англии; позволил ей мирно заселить Пенсильванию и Каролину и захватить Нью-Йорк и Нью-Джерси; и он пожертвовал растущей торговлей Франции, чтобы добиться ее нейтралитета. Не сразу, но очень быстро Англия выдвинулась на передовые позиции как морская держава; и какими бы великими ни были ее страдания и страдания отдельных англичан, для нее оставалось верным то, что даже во время войны ее процветание было велико. Несомненно, Франция не могла забыть о своем континентальном положении и полностью избежать континентальных войн; но можно полагать, что, если бы она выбрала путь морской мощи, она могла бы избежать многих конфликтов и с большей легкостью переносить те, которые были неизбежны. При заключении Нимегенского мира ущерб не был непоправимым, но "сельскохозяйственные классы, торговля, мануфактуры и колонии одинаково пострадали от войны; и условия мира, столь выгодные для территориальной и военной мощи Франции, были гораздо менее выгодны для мануфактур, поскольку защитные тарифы были снижены в пользу Англии и Голландии", [63] две морские державы. Торговое судоходство пострадало, а великолепный рост королевского военно-морского флота, возбуждавший зависть Англии, был подобен дереву без корней; оно вскоре засохло под ударами войны.

Прежде чем окончательно прекратить войну с Голландией, небольшое замечание графа д'Эстре, которому Людовик поручил командование французским контингентом союзного флота и который командовал им при Солебее и Текселе, прольет некоторый свет на квалификацию французских морских офицеров того времени, когда опыт многих из них сделал моряками. Д'Эстре впервые вышел в море в 1667 году, будучи тогда человеком зрелых лет; но в 1672 году мы находим его в должности главного командира важной эскадры, имея под своим началом Дюкена, который был моряком и проработал им почти сорок лет. В 1677 году д'Эстре получил от короля отряд из восьми кораблей, которые он обязался содержать за свой счет при условии получения половины полученных призов. С этой эскадрой он совершил нападение на тогдашний голландский остров Тобаго с безрассудством, которое показало, что не недостаток храбрости был причиной его двусмысленного поведения на Текселе. На следующий год он снова вышел в море и ухитрился высадить всю эскадру на берег у островов Авес. Рассказ флаг-капитана об этой операции забавен и поучителен. В своем отчете он говорит: —

"В тот день, когда эскадрилья была потеряна, а солнце забрали пилоты, вице-адмирал, как обычно, велел им записать координаты в своей каюте. Когда я входил, чтобы узнать, что

происходит, я встретил третьего пилота, Бурдалу, который выходил плача. Я спросил его, в чем дело, и он ответил: "Из-за того, что я нахожу больший дрейф, чем другие лоцманы, адмирал, как обычно, угрожает мне и оскорбляет меня; но я всего лишь бедный парень, который делает все, что в его силах". Когда я вошел в каюту, адмирал, который был очень зол, сказал мне: "Этот негодяй Бурдалу всегда приходит ко мне с какой-нибудь ерундой; я выгоню его с корабля. Он заставляет нас следовать курсом, черт знает куда, а я нет. "Поскольку я не знал, что правильно, - довольно наивно говорит капитан корабля, - я не осмеливался ничего сказать, опасаясь навлечь такую же бурю на свою голову".[64]

Через несколько часов после этой сцены, которая, как говорит французский офицер, у которого взят отрывок, "кажется сейчас почти гротескной, но которая лишь точно отражает морские нравы того времени", вся эскадра погибла на группе скал, известных как острова Авес. Таковы были офицеры". Флаг-капитан в другой части своего отчета говорит: "Кораблекрушение произошло в результате общей линии поведения вице-адмирала д'Эстреса. Преобладало всегда мнение его слуг или других лиц, помимо собственно офицеров корабля. Подобный образ действий можно понять по отношению к графу д'Эстре, который, не имея необходимых знаний о профессии, к которой он пришел так поздно, всегда имел при себе малоизвестных советчиков, чтобы присваивать высказанные ими мнения, чтобы ослепить команду корабля относительно его способностей".[65] Д'Эстре был произведен в вице-адмиралы через два года после того, как впервые поднялся на борт корабля.

СНОСКИ:

[45] Мартин: История Франции.

[46] Мартин: История Франции.

[47] Ледьярд, том ii. стр. 599; Кэмпбелл: Жизни адмиралов. См. также письмо сэра Ричарда Хэддока, Военно-морская хроника, том. xvii. стр. 121.

[48] Хост: военно-морская тактика.

[49] Посмотреть карту, стр. 107.

[50] Мартин: История Франции.

[51] Брандт: Жизнь Де Рюйтера.

[52] Кэмпбелл: Жизнь адмиралов.

[53] Место действия: Военно-морской флот Франции, 1673 год.

[54] Там же.

[55] Название: Военно-морской флот Франции, 1673 год.

[56] Шабо-Арно: Ревю марта. et Col. Июль 1885 года.

[57] Журьен де ла Гравьер: Приморские войска.

[58] Воспоминания.

[59] Посмотреть карту Средиземноморья, стр. 15.

[60] Лапейруз-Бонфис: История. de la Marine Française.

[61] Это перемещение, по словам Клерка, было произведено не всей французской линией вместе, а гораздо более научным и военным способом. Группа из двух или трех кораблей отошла одновременно, будучи прикрытой дымом и продолжающимся огнем остальной части своей линии. Со временем была частично сформирована вторая линия, которая, в свою очередь, защищала корабли, оставшиеся на первой, поскольку они выполнили несколько незащищенное движение отступления. В плане V. Голландские корабли в пунктах b, b, b представлены как отходящие таким образом. В английских официальных отчетах XVIII века часто говорится о действиях французских кораблей таким образом; английские офицеры приписывают их превосходящей доблести движение, которое Клерк более правдоподобно считает искусным военным маневром, хорошо рассчитанным для того, чтобы дать обороняющимся несколько возможностей вывести из строя нападающих, когда они ложатся на курс, препятствующий использованию их артиллерии. В 1812 году фрегат "Соединенные Штаты" под командованием Декейтера применил ту же тактику в бою с "Македонией"; и канонерские лодки конфедерации в Мобиле теми же средствами нанесли флагманскому кораблю Фаррагута большую часть тяжелых потерь, которые он понес. В своих существенных чертах той же линии поведения теперь может придерживаться обвиняемый, обладающий большей скоростью, когда пылкость нападения или обстоятельства дела вынуждают нападающего к прямому подходу. Косвенная причина того, что линия подветренности опускается дальше с подветренной стороны, никогда не была замечена. Когда корабль в этой линии (как на с) оказывался без противника на траверзе, а следующий впереди, возможно, был сильно поражен, естественным импульсом было бы поднять руль, чтобы нанести бортовой залп. Это преимущество было бы получено за счет потери позиции с подветренной стороны и последующего беспорядка в линии; который, если бы действие повторили несколько кораблей, мог быть восстановлен только при отходе всей линии.

[62] Дэвис: История Голландии.

[63] Мартин: История Франции.

[64] Гужар: военный моряк.

[65] Название: Военно-морской флот.

ГЛАВА IV

Английская революция.—Война Аугсбургской лиги, 1688-1697.—Морские сражения при Бичи-Хед и Ла-Хог.

За Нимегенским миром последовал десятилетний период, в течение которого не разразилось ни одной масштабной войны. Однако это были далеко не годы политического затишья. Людовик XIV. был столь же полон решимости расширять свои границы на восток в мирное время, как и во время войны, и быстро захватывал одну за другой фрагменты территории, которые не были даны ему миром. Заявляя о том или ином в силу древних феодальных связей; о том или ином другом, как неявно уступленном по договору, поскольку зависящем от чего-то другого, что было явно уступлено; покупая в свое время, используя голую силу в других случаях и подкрепляя все так называемые мирные методы получения своих заявленных прав присутствием вооруженной силы, он продолжил этот процесс расширения между 1679 и 1682 годами. Агрессией, наиболее поразившей Европу, и прежде всего Германскую империю, был захват тогдашнего имперского города Страсбург 30 сентября 1681 года; и в тот же день герцог Мантуанский продал ему Казале в Италии, показав, что его амбиции были направлены в этом направлении, а также на север и восток. Обе эти позиции имели огромное стратегическое значение, угрожая, одна Германии, другая Италии, в случае войны.

Волнение по всей Европе было очень велико; повсюду Людовик, безмятежно полагающийся на свою власть, наживал новых врагов и отталкивал бывших друзей. Король Швеции, непосредственно оскорбленный в своем герцогстве Де-Пон, ополчился против него, как и итальянские государства; и сам папа встал на сторону врагов короля, который уже проявлял свое рвение к обращению протестантов и готовился к отмене Нантского эдикта. Но недовольство, хотя и глубокое и всеобщее, должно было быть организовано и направлено; дух, необходимый для придания ему формы и окончательного эффективного выражения, снова был найден в Голландии, в Вильгельме Оранском. Однако для зрелости работы потребовалось время. "Никто еще не вооружился; но все говорили, писали, волновались, от Стокгольма до Мадрида.... Войне пера на много лет предшествовала война меча; неутомимые публицисты неустанно зывали к европейскому общественному мнению; во всех формах распространялся

ужас перед Новой Всемирной монархией, "которая стремилась занять место, некогда занимаемое Австрийским домом". Было известно, что Людовик стремился сделать себя или своего сына императором Германии. Но различного рода осложнения, частные интересы, нехватка денег - все это в совокупности откладывало действия. Соединенные провинции, несмотря на пожелания Вильгельма, все еще не желали снова выступать в качестве банкира коалиции, а императору на его восточной границе так угрожали мятежные венгры и турки, что он не осмеливался рисковать войной на западе.

Тем временем вооруженный военно-морской флот Франции под присмотром Кольбера с каждым днем набирал силу и эффективность и приобретал привычку к войне, нападая на берберийских пиратов и их порты. В те же годы численность и эффективность военно-морских сил как Англии, так и Голландии сокращались. Уже говорилось, что в 1688 году, когда Вильгельму понадобились голландские корабли для его экспедиции в Англию, ему возразили, что военно-морской флот находился в совершенно ином состоянии, чем в 1672 году, "будучи неисчислимо уменьшенным в численности и лишенным своих самых способных командиров". В Англии за упадком дисциплины последовала материальная политика экономии, постепенно сокращавшая численность и наносившая ущерб состоянию флота; и после небольшой вспышки и ожидаемой войны с Францией в 1678 году король передал заботу о военно-морском флоте новой группе людей, о которых английский военно-морской историк говорит: "Это новое управление просуществовало пять лет, и если бы это продолжалось еще пять лет, то, по всей вероятности, устранило бы даже многочисленные и могучие бедствия, которые оно принесло, измотав весь королевский военно-морской флот и, таким образом, не оставив места для будущих ошибок. Однако справедливое понимание этого побудило короля в 1684 году взять управление флотом в свои руки, восстановив большинство старых офицеров; но прежде чем удалось добиться какого-либо значительного прогресса в реставрационных работах, его величество скончался",^[66] — в 1685 году. Смена монархов имела огромное значение не только для английского флота, но и из-за того конечного эффекта, который она должна была оказать на замыслы Людовика XIV. и на судьбу всеобщей войны, которую готовила его агрессия. Джеймс II. особенно интересовался военно-морским флотом, поскольку сам был моряком и командовал флотом в Лоустофте и Саутуолд-Бей. Он знал о его фактическом подавленном состоянии; и меры, которые он сразу же предпринял для его восстановления, как по численности, так и по эффективности, были продуманными и тщательными. За три года его правления действительно было сделано очень много для подготовки оружия, которое впервые было применено против него самого и его лучшего друга.

Восшествие на престол Якова II, которое было справедливым для Людовика, ускорило действия Европы против него. Дом Стюартов, тесно связанный с королем Франции и симпатизировавший его абсолютистскому правлению, использовал все еще огромную власть монарха, чтобы обуздать политическую и религиозную вражду английской нации к Франции. Яков II добавил к тем же политическим симпатиям силу римско-католического рвения, которое привело его к действиям, особенно приспособленным для того, чтобы возмутить чувства английского народа, что в конечном итоге привело к тому, что он был свергнут с трона и призван на него голосом парламента его дочь Марию, мужем которой был Вильгельм Оранский.

В том же году, когда Яков стал королем, началась обширная дипломатическая комбинация против Франции. У этого движения было две стороны, религиозная и политическая. Протестантские государства были взбешены усиливающимися преследованиями

французских протестантов, и их чувства становились сильнее по мере того, как политика Якова Английского проявляла все большую склонность к Риму. Протестантские северные государства, Голландия, Швеция и Бранденбург, объединились в союзы; и они рассчитывали на поддержку императоров Австрии и Германии, Испании и других римско-католических государств, мотивами которых были политические опасения и гнев. Недавно император добился успеха в борьбе с турками, что развязало ему руки для нападения на Францию. 9 июля 1686 года в Аугсбурге было подписано секретное соглашение между императором, королями Испании и Швеции и рядом немецких принцев. Поначалу его целью была оборона только против Франции, но его легко можно было превратить в наступательный союз. Этот договор получил название Аугсбургской лиги, и из-за него всеобщая война, последовавшая два года спустя, была названа Войной Аугсбургской лиги.

Следующий, 1687 год ознаменовался еще большими успехами Империи над турками и венграми. Было очевидно, что Франция не могла ожидать большего от диверсий в этом квартале. В то же время недовольство англичан и амбиции принца Оранского, который надеялся от своего восшествия на английский престол не обычного личного возвеличивания, а исполнения своего самого сильного политического желания и убеждения в вечном ограничении власти Людовика XIV, становились все более и более очевидными. Но для своей экспедиции в Англию Вильгельму нужны были корабли, деньги и люди из Соединенных провинций; и они медлили, зная, что результатом будет война с французским королем, который провозгласил Якова своим союзником. Их действия, в конце концов, были predetermined курсом Людовика, который выбрал этот момент, чтобы отменить концессии, сделанные в Нимегене голландской торговле. Серьезный ущерб, нанесенный таким образом материальным интересам Голландии, изменил чашу весов. "Это нарушение нимегенских конвенций", - говорит французский историк, [67] "нанесся серьезный удар голландской торговле, сократив ее европейскую торговлю более чем на четверть, устранил препятствие, с которым религиозные страсти все еще сталкивались в материальных интересах, и предоставил всю Голландию в распоряжение Вильгельма, ни у кого больше не было причин примирять Францию". Это было в ноябре 1687 года. Летом следующего года рождение наследника английского престола поставило вопрос ребром. Лояльность англичан могла бы мириться с правлением отца, ныне преклонного в годах, но не могла вынести перспективы сохранения римско-католической королевской власти.

Наконец-то дела достигли того кризиса, к которому они стремились в течение многих лет. Людовик и Вильгельм Оранские, давние враги, а на данный момент две главные фигуры в европейской политике, одинаково сильные как своими личностями, так и делом, которое каждый из них представлял, стояли на пороге великих действий, последствия которых предстояло ощутить многим поколениям. Вильгельм, сам деспотичный по характеру, стоял на берегах Голландии, с надеждой глядя на свободную Англию, от которой его отделяла узкая полоса воды, служившая защитой островного королевства и все же могла стать непреодолимым препятствием для его собственных высоких целей; ибо французский король в тот момент мог контролировать море, если бы захотел. Людовик, державший всю мощь Франции в своих руках, обращенный, как и прежде, лицом на восток, видел, как континент собирается против него; в то время как на его фланге была искренне враждебная Англия, жаждавшая вступить в борьбу против него, но пока еще без лидера. Ему все еще оставалось решить, оставит ли он дорогу открытой для главы, чтобы присоединиться к ожидающему телу и подчинить Голландию и Англию, две морские державы, одному правлению. Если бы он напал на

Голландию с суши и послал свой превосходящий флот в Ла-Манш, он вполне мог бы удержать Вильгельма в его собственной стране; тем более что английский флот, любимый и балуемый королем, вероятно, отличался большей, чем обычная преданность моряков своему начальнику. Верный своим жизненным пристрастиям, возможно, неспособный освободиться от них, он повернулся к континенту и 24 сентября 1688 года объявил войну Германии и двинул свои армии к Рейну. Уильям, вне себя от радости, увидел, что устранено последнее препятствие на пути к его амбициям. Задержанный на несколько недель встречными ветрами, он, наконец, отплыл из Голландии 30 октября. Экспедиция состояла из более чем пятисот транспортов с пятнадцатитысячным войском в сопровождении пятидесяти военных; и типичным для ее смешанного политического и религиозного характера является то, что большая часть офицеров армии были французскими протестантами, изгнанными из Франции после последней войны, главнокомандующим при Вильгельме был гугенот Шомберг, бывший маршал Франции. Первому выходу в море помешал сильный шторм; но 10 ноября, когда корабли снова вышли в море, свежий, попутный бриз провел их через проливы и Ла-Манш, и 15-го Уильям высадился в Торбее. Еще до конца года Джеймс бежал из своего королевства. 21 апреля следующего года Вильгельм и Мария были провозглашены суверенами Великобритании, а Англия и Голландия объединились для войны, которую Людовик объявил Соединенным провинциям, как только услышал о вторжении Вильгельма. В течение всех недель, пока готовилась и откладывалась экспедиция, французский посол в Гааге и военно-морской министр умоляли короля остановить ее с помощью его великой морской мощи — мощи настолько великой, что французский флот в первые годы войны превосходил по численности флот Англии и Голландии вместе взятых; но Людовик этого не сделал. Слепота, по-видимому, поразила королей Англии и Франции в равной степени; ибо Джеймс, несмотря на все свои опасения, упорно отказывался от какой-либо помощи французского флота, полагаясь на верность английских моряков своей персоне, хотя его попытки отслужить мессу на борту кораблей вызвали шум и мятеж, которые едва не закончились тем, что команды выбросили священников за борт.

Таким образом, Франция вступила в войну Аугсбургской лиги без единого союзника. "Свершилось то, чего ее политика больше всего боялась, чего она долго предотвращала. Англия и Голландия были не только союзниками, но и объединились под началом одного вождя; и Англия вступила в коалицию со всем пылом страстей, долго сдерживаемых политикой Стюартов". Что касается морской войны, то различные сражения имеют гораздо меньшую тактическую ценность, чем сражения Де Рюйтера. Главными пунктами, представляющими стратегический интерес, являются неспособность Людовика, обладавшего решительным превосходством на море, должным образом поддержать Якова II. в Ирландии, которая оставалась ему верной, и постепенное исчезновение из океана великих французских флотов, которые Людовик XIV. не мог больше содержать из-за расходов на ту континентальную политику, которую он избрал для себя. Третий момент, представляющий довольно незначительный интерес, - это особый характер и большие масштабы, которые приобрели разрушающие торговлю и каперские войны французов, поскольку их большие флоты исчезали. Это и производимый им большой эффект на первый взгляд противоречат тому, что было сказано относительно общей неадекватности такой войны без поддержки флотов; но изучение условий, которое будет сделано позже, покажет, что противоречие скорее кажущееся, чем реальное.

Наученный опытом последнего конфликта, главные усилия французского короля во всеобщей войне, которую он сам навлек на себя, должны были быть направлены против морских держав - против Вильгельма Оранского и англо-голландского союза. Самым слабым местом в позиции

Вильгельма была Ирландия; хотя в самой Англии не только было много сторонников изгнанного короля, но даже те, кто призвал Вильгельма на помощь, окружили его королевскую власть ревнивыми ограничениями. Его власть не была надежной до тех пор, пока Ирландия не была покорена. Джеймс, бежавший из Англии в январе 1689 года, высадился в Ирландии в марте следующего года в сопровождении французских войск и французской эскадры и был с энтузиазмом встречен везде, кроме протестантского Севера. Он сделал Дублин своей столицей и оставался в стране до июля следующего года. В течение этих пятнадцати месяцев французы значительно превосходили их на море; они не раз высаживали войска в Ирландии; и англичане, пытавшиеся предотвратить это, потерпели поражение в морском сражении у залива Бантри.^[68] Но, хотя Джеймс так хорошо зарекомендовал себя, и было крайне важно поддержать его; хотя было не менее важно не дать Уильяму закрепиться до тех пор, пока Джеймс не будет еще более укреплен и Лондондерри, прошедший затем свою знаменитую осаду, не будет взят; и хотя французы превосходили соединенные англичане и голландцы на морях в 1689 и 1690 годах; тем не менее, английский адмирал Рук смог противостоять им. , беспрепятственно перебросил помощь и войска в Лондондерри, а затем высадил маршала Шомберга с небольшой армией близ Каррикфергуса. Рук прекратил сношения между Ирландией и Шотландией, где было много сторонников Стюарта, а затем со своей небольшой эскадрой прошел вдоль восточного побережья Ирландии, попытался сжечь суда в Дублинской гавани, потерпев неудачу только из-за отсутствия ветра, и, наконец, вышел из Корка, затем занятого Джеймсом, овладел островом в гавани и в безопасности вернулся в Даунс в октябре. Эти операции, которые сняли осаду Лондондерри и сохранили открытыми коммуникации между Англией и Ирландией, продолжались в течение летних месяцев; французы также не предпринимали никаких попыток остановить их. Не может быть никаких сомнений в том, что эффективное сотрудничество французского флота летом 1689 года сломало бы всякую оппозицию Якову в Ирландии, изолировав эту страну от Англии, что нанесло бы соответствующий ущерб власти Вильгельма.

В следующем году была допущена та же стратегическая и политическая ошибка. Такова природа предприятия, подобного предприятию Джеймса, зависящего от более слабого народа и иностранной помощи, терять силу, если оно не продвигается вперед; но шансы все еще были в его пользу, при условии, что Франция будет искренне сотрудничать и, прежде всего, своим флотом. В равной степени природа чисто военного флота, подобного флоту Франции, заключается в том, чтобы быть самым сильным в начале военных действий; в то время как флот союзных морских держав становился с каждым днем сильнее, опираясь на огромные ресурсы своего торгового судоходства и свои богатства. В 1690 году перевес сил все еще был в пользу Франции, но он был не так велик, как годом ранее. Важнейший вопрос заключался в том, куда его направить. Было два основных курса, предполагавших два взгляда на военно-морскую стратегию. Первый состоял в том, чтобы действовать против флота союзников, поражение которого, если оно будет достаточно серьезным, могло повлечь за собой падение трона Вильгельма в Англии; второй заключался в том, чтобы сделать флот вспомогательным средством в ирландской кампании. Французский король выбрал первое, что, несомненно, было правильным курсом; но не было причин пренебрегать, как он это сделал, важной обязанностью перекрыть сообщение между двумя островами. Еще в марте он отправил большой флот с шестью тысячами солдат и военными припасами, которые были без каких-либо проблем высажены в южных портах Ирландии; но после выполнения этой задачи нанятые корабли вернулись в Брест и там бездействовали в течение мая и июня, пока собирался большой флот под командованием графа де Турвиля. В течение этих двух месяцев англичане собирали армию

на своем западном побережье, и 21 июня Уильям погрузил свои войска в Честере на борт двухсот восьмидесяти восьми транспортов в сопровождении всего шести военных кораблей. 24-го он высадился в Каррикфергусе, и военные корабли были распущены, чтобы присоединиться к английскому гранд флиту, чего, однако, они не смогли сделать; корабли Турвиля тем временем вышли в море и заняли ла-манш в восточном направлении. Нет ничего более поразительного, чем беспечность, проявленная обеими противоборствующими сторонами, во время спора об Ирландии, в отношении коммуникаций их противников с островом; но это было особенно странно для французов, поскольку они располагали большими силами и, должно быть, получали довольно точную информацию о происходящем от недовольных лиц в Англии. Похоже, что эскадра из двадцати пяти фрегатов, которую должны были поддерживать линейные корабли, была отправлена на дежурство в пролив Сент-Джордж; но они так и не достигли своей станции, и только десять фрегатов добрались до Кинсейла к тому времени, когда Джеймс потерял все в битве при Бойне. В течение часа английским коммуникациям ничто не угрожало.

Многочисленный флот Турвиля, состоявший из семидесяти восьми кораблей, из которых семьдесят находились в боевой линии, с двадцатью двумя брандерами, вышел в море 22 июня, на следующий день после отплытия Вильгельма. 30-го французы покинули Лизард, к ужасу английского адмирала, который находился у острова Уайт в такой неподготовленной позиции, что у него даже не было дозорных кораблей на западе. Он тронулся в путь, стоя у берега на юго-востоке, и в течение следующих десяти дней к нему время от времени присоединялись другие английские и голландские корабли. Два флота продолжали двигаться на восток, время от времени замечая друг друга.

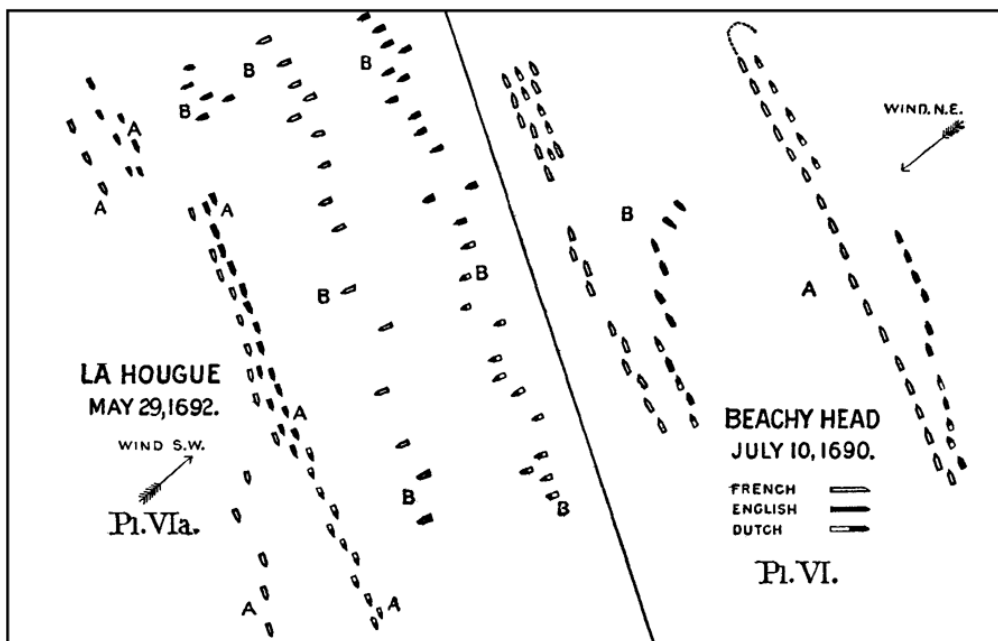
Политическая ситуация в Англии была критической. Якобиты становились все более и более открытыми в своих демонстрациях, в Ирландии уже больше года успешно шло восстание, и теперь Вильгельм был там, оставив в Лондоне только королеву. Срочность дела была такова, что совет решил дать бой французскому флоту, и соответствующие приказы были направлены английскому адмиралу Герберту. Повинуясь его инструкциям, он вышел в море и 10 июля, находясь с наветренной стороны при северо-восточном ветре, выстроился в боевой порядок, а затем отступил, чтобы атаковать французов, которые ждали его с поднятыми фок-марселями^[69] на правом галсе, направляясь на север и запад.

Последовавшее за этим сражение известно как битва при Бичи-Хед. Задействованных кораблей было семьдесят французских, английских и голландских, по их собственным данным, пятьдесят шесть, по французским - шестьдесят. В боевой линии союзников голландцы находились в авангарде; англичане под личным командованием Герберта - в центре; а арьергард состоял частично из английских, а частично из голландских кораблей. Этапы битвы были следующими:—

1. Союзники, находясь с наветренной стороны, двинулись вперед вместе, выстроившись в ряд. Как обычно, этот маневр был плохо выполнен, и, как это обычно бывает, фургон попал под обстрел перед центром и тылом и принял на себя основную тяжесть повреждений.
2. Адмирал Герберт, хотя и был главнокомандующим, не смог энергично атаковать центром, удерживая его на большом расстоянии. Авангард и арьергард союзников перешли к ближнему бою (фото VI, А).^[70] объяснение этого маневра союзников заключается в том, что адмирал намеревался нанести удар в основном по французскому тылу. С этой целью он замкнул центр с

тыла и держал его на наветренной стороне на расстоянии пушечного выстрела (отказался от этого), чтобы помешать французам лавировать и удваивать атаки с тыла. Если такова была его цель, то его план, хотя и сносно продуманный в основном, был ошибочен в деталях, поскольку этот маневр центра оставил большую брешь между ним и авангардом. Ему следовало бы атаковать, как это сделал Рюйтер при Текселе, столько кораблей тыла, с каким, по его мнению, он мог справиться, и отказаться от своего авангарда, возложив на него задачу проверки французского авангарда. Можно согласиться с тем, что адмирал, который из-за меньшей численности не может растянуться в такую длину и сомкнуть линию, как его противник, не должен позволять последнему перекрывать оконечности своего флота; но он должен достичь своей цели не тем, что, как это сделал Герберт, оставлял большой проход в центре, а тем, что увеличивал каждый интервал между кораблями, которым отказали. Флот союзников, таким образом, оказался под ударом в двух точках, как в авангарде, так и в центре; и оба пункта были атакованы.

3. Командир французского авангарда, видя, что голландцы приблизились к его линии и выведены из строя сильнее, чем он сам, направил шесть своих передовых кораблей вперед, где они пошли в обход, и таким образом поставил голландцев между двух огней (Фото VI. B).

Pl. VI. и Pl. VIa. [Включить в список](#)

В то же время Турвиль, оказавшись без противников в центре, отбив передовую дивизию центра противника, выдвинул вперед свои собственные передовые корабли, которые расположение Герберта оставило без противников; и эти свежие корабли усилили атаку на голландцев в авангарде (B).

Это привело к схватке в первых рядах, в которой голландцы, уступая, сильно пострадали. К счастью для союзников, ветер стих; и пока сам Турвиль и другие французские корабли выводили свои шлюпки, чтобы снова начать буксировку, союзники были достаточно

сообразительны, чтобы бросить якорь на всех парусах, и прежде чем Турвиль сориентировался в ситуации, отлив, начавшийся на юго-западе, вывел его флот из строя. Наконец он бросил якорь в лиге от своего врага.

В девять часов вечера, когда изменился прилив, союзники снялись с якоря и повернули на восток. Многие из них были так сильно потрепаны, что, по сообщениям англичан, было решено скорее уничтожить поврежденные корабли, чем рисковать общим сражением ради их сохранения.

Турвиль преследовал его; но вместо того, чтобы отдать приказ о всеобщей погоне, он сохранил линию боя, снизив скорость флота до скорости более медленных кораблей. Это был как раз один из тех случаев, когда *драка* допустима, более того, обязательна. Разбитого и обращенного в бегство противника следует преследовать с рвением и с таким соблюдением порядка, которое предотвратит потерю взаимной поддержки преследующими судами, — условие, которое ни в коем случае не подразумевает таких относительных ориентиров и расстояний, которые требуются в начале или середине хорошо организованного сражения. Неспособность отдать приказ о таком общем преследовании указывает на то, с какой стороны военному характеру Турвиля недоставало завершенности; и неудача проявилась, как это и подобает в подобных случаях, в кульминационный момент его карьеры. У него никогда не было такой другой возможности, как в этом, первом крупном генеральном сражении, в котором он командовал главнокомандующим и которое Хосте, находившийся на борту флагманского корабля, называет самой полной морской победой, когда-либо одержанной. В то время это действительно было так - наиболее полное, но не самое решающее, как, возможно, могло бы быть. Французы, по словам Хосте, не потеряли даже лодки, не говоря уже о корабле, что, если это правда, делает еще более виновной медлительность преследования; в то время как союзники бежали, выбросив шестнадцать своих кораблей на берег и сожгв их на виду у врага, который преследовал их до Даунса. Англичане действительно оценивают потери союзников всего в восемь кораблей — оценка, вероятно, в одну сторону такая же, как у французов в другую. Герберт повел свой флот к Темзе и помешал дальнейшему преследованию противника, убрав буи.[71]

Турвиль - единственное великое историческое имя среди моряков этой войны, если не считать знаменитых каперов, во главе которых стоял Жан Бар . Среди англичан нельзя требовать выдающихся заслуг ни от одного из доблестных и предприимчивых людей, командовавших эскадрильями. Турвиль, который к этому времени прослужил на плаву почти тридцать лет, был одновременно моряком и военным. Обладая исключительной храбростью, блестящие примеры которой он подавал в юности, он служил везде, где сражался французский флот, — в англо-голландской войне, в Средиземном море и против берберийских пиратов. Достигнув звания адмирала, он лично командовал всеми крупнейшими флотами, отправленными в первые годы этой войны, и он привнес в командование научные знания тактики, основанные как на теории, так и на опыте, в сочетании с практическим знакомством с делом моряка, которое необходимо для того, чтобы применять тактические принципы на океане с максимальной выгодой. Но при всех этих высоких качествах он, похоже, потерпел неудачу, как и многие воины, в способности взять на себя большую ответственность.[72] Осторожность в его преследовании союзников после Бичи-Хед, хотя и столь отличавшаяся внешне, проистекала из той же черты характера, которая побудила его два года спустя повести свой флот на почти неминуемое уничтожение при Ла-Хуге, потому что у него в кармане был королевский приказ. Он был достаточно храбр, чтобы

сделать что угодно, но недостаточно силен, чтобы нести самую тяжелую ношу. Турвиль был фактически предшественником осторожных и искусных тактиков наступающей эпохи, но в нем все еще чувствовался привкус стремительной жестокой борьбы, которая была характерна для морских командиров семнадцатого века. Несомненно, после Бичи-Хеда он почувствовал, что поступил очень хорошо и может быть удовлетворен; но он не смог бы действовать так, как поступил, если бы чувствовал, используя слова Нельсона, что "если бы мы захватили десять кораблей из одиннадцати вражеских и позволили одиннадцатому уйти, имея возможность захватить его, я никогда не смог бы назвать такой удачный день".

На следующий день после морского сражения у Бичи-Хед с его большими, но все же частичными результатами "Дело Якова II". погиб на берегу в Ирландии. Армия, которую Вильгельму было позволено беспрепятственно доставить туда, превосходила по численности и качеству армию Джеймса, поскольку сам Вильгельм как лидер превосходил бывшего короля. Совет Людовика XIV. заключался в том, что Якову следует избегать решительных действий, при необходимости удаляясь в Шеннон, посреди страны, всецело преданной ему. Однако это оставление столицы после более чем годичного пребывания в ней со всеми вытекающими моральными последствиями требовало многого; гораздо больше соответствовало бы цели остановить высадку Вильгельма. Джеймс предпринял попытку прикрыть Дублин, заняв линию реки Бойн, и там 11 июля две армии встретились, в результате чего Джеймс потерпел полное поражение. Сам король бежал в Кинсейл, где нашел десять из тех фрегатов, которые предназначались для контроля пролива Святого Георгия. Он сел на корабль и снова укрылся во Франции, умоляя Людовика закрепить победу при Бичи-Хед, высадив его с другой французской армией в самой Англии. Людовик гневно отказался и распорядился, чтобы войска, все еще остававшиеся в Ирландии, были немедленно выведены.

Шансы восстания в пользу Джеймса, по крайней мере на берегах Ла-Манша, если они вообще существовали, были сильно преувеличены его собственным воображением. После благополучного отступления союзного флота к Темзе Турвиль, в соответствии с его инструкциями, провел несколько демонстраций на юге Англии; но они оказались совершенно бесплодными в плане демонстрации какой-либо приверженности делу Стюартов.

В Ирландии все было по-другому. Ирландская армия со своим французским контингентом после битвы при Бойне отступила к Шеннону и там снова заняла оборону; в то время как Людовик, отступив от своего первого гневного порыва, продолжал посылать подкрепления и припасы. Но растущая актуальность континентальной войны не позволяла ему оказать достаточную поддержку, и война в Ирландии завершилась немногим более года спустя поражением при Агриме и капитуляцией Лимерика. Битва при Бойне, которая из-за своей особой религиозной окраски приобрела несколько надуманную известность, может быть принята за дату, когда английская корона была прочно закреплена на голове Вильгельма. И все же точнее было бы сказать, что успех Вильгельма, а вместе с ним и успех Европы против Людовика XIV. в войне Аугсбургской лиги это произошло из-за ошибок и провала французской морской кампании 1690 года; хотя в этой кампании был одержан самый заметный успех, который французы когда-либо одерживали на море над англичанами. Что касается более впечатляющих военных операций, любопытно отметить, что Турвиль отплыл на следующий день после того, как Уильям покинул Честер, и завоевал Бичи-Хед за день до битвы на реке Бойн; но настоящая неудача заключалась в том, что Уильям позволил беспрепятственно перевезти этот солидный отряд людей. Возможно, французской политике было бы выгодно позволить ему

проникнуть в Ирландию, но не с такими силами за спиной. Результатом ирландской кампании стало благополучное восшествие Вильгельма на английский трон и установление англо-голландского союза; а союз двух народов моря под одной короной был залогом успешного ведения войны их союзниками на континенте благодаря их коммерческим и морским способностям, а также богатствам, которые они черпали из моря.

1691 год ознаменовался только одним великим морским событием. Впоследствии этот поход был известен во Франции как "глубоководный" или "оффшорный" поход Турвиля; и память о нем как о блестящем стратегическом и тактическом выступлении сохраняется во французском военно-морском флоте по сей день. Эта стойкость, о которой уже говорилось как об отличительной черте наций, чья морская мощь является не просто военным институтом, но основана на характере и стремлениях народа, теперь вступила в игру с союзниками. Несмотря на поражение и потерю Бичи-Хеда, соединенные флоты вышли в море в 1691 году с сотней линейных кораблей под командованием адмирала Рассела. Турвилю удалось собрать только семьдесят два, столько же, сколько годом ранее. С ними он покинул Брест 25 июня. Поскольку противник еще не появился на берегах Ла-Манша, он занял позицию у входа в него, разослав дозорные корабли во всех направлениях. Узнав, что союзники разместились вблизи островов Силли, чтобы прикрыть проход конвоя, ожидаемого из Леванта, Турвиль без колебаний направился к английским берегам, где в равной степени ожидалось приближение другого торгового флота с Ямайки. Обманув английские крейсера ложными курсами, он добрался до последнего флота, отобрал у него несколько кораблей и рассеял его прежде, чем Рассел смог подойти, чтобы сразиться с ним. Когда в последний раз Турвиль находился в присутствии союзного флота, он маневрировал так искусно, постоянно следя за погодой, что противник, оттянутый далеко в океан, потерял пятьдесят дней, не находя возможности вступить в бой. В это время французские каперы, рассеянные по всему Каналу, мешали торговле противника и защищали конвои, отправляемые в Ирландию. Измученный бесплодными усилиями, Рассел направился к ирландскому побережью. Турвиль, обеспечив возвращение французских конвоев, снова бросил якорь на рейде Бреста".

Фактические захваты, сделанные собственным флотом Турвиля, были незначительными, но его заслуга в разрушающей торговлю войне французов, заключающаяся в оккупации союзников, очевидна; тем не менее, потери английской торговли в этом году были не так велики, как в следующем. Главные потери союзников, по-видимому, были связаны с голландской торговлей в Северном море.

Две войны, континентальная и морская, которые велись, хотя и одновременно, были пока независимы друг от друга. В связи с нашей темой нет необходимости упоминать операции первых. В 1692 году произошло великое бедствие для французского флота, известное как битва при Ла-Уге. Само по себе, рассматриваемое с тактической точки зрения, оно не имеет большого значения, а фактические результаты были сильно преувеличены; но популярные репортажи сделали его одним из знаменитых морских сражений мира, и поэтому мимо него нельзя пройти совсем.

Введенный в заблуждение сообщениями из Англии, а еще больше заявлениями Джеймса, который нежно лелеял свою веру в то, что привязанность многих английских морских офицеров к его персоне была больше, чем их любовь к родине или верность оказанному им доверию, Людовик XIV. преисполненный решимости предпринять попытку вторжения на южное

побережье Англии во главе с Джеймсом лично. В качестве первого шага к этому Турвиль во главе от пятидесяти до шестидесятилинейных кораблей, тринадцать из которых должны были прибыть из Тулона, должен был вступить в бой с английским флотом, от которого ожидалось такое количество дезертирства, которое с последующей деморализацией принесло бы французам легкую и полную победу. Первая загвоздка заключалась в том, что тулонский флот, задержанный встречными ветрами, не смог присоединиться; и Турвиль вышел в море всего с сорока четырьмя кораблями, но с повелительным приказом короля вступить в бой, когда он столкнется с врагом, будь их мало или много, и будь что будет.

29 мая Турвиль увидел союзников на севере и востоке; они насчитывали девяносто девять линейных кораблей. Ветер был юго-западный, и у него был выбор вступить в бой, но сначала он созвал всех флагманских офицеров на борт своего корабля и поставил перед ними вопрос, следует ли ему вступать в бой. Все они ответили отрицательно, и тогда он вручил им приказ короля.^[73] Никто не осмелился оспорить это; хотя, если бы они знали это, легкие суда с противоположными приказами уже тогда искали флот. Затем остальные офицеры вернулись на свои корабли, и весь флот вместе направился к союзникам, которые ждали их на правом галсе, направляясь на юго-юго-восток, голландцы занимали авангард, англичане - центр и арьергард. Когда они оказались в пределах досягаемости, французы изменили направление ветра на тот же галс, сохраняя флюгер. Турвиль, будучи настолько меньшим в численности, не мог полностью обойти линию противника, простиравшуюся в тыл его собственной, которая также была неизбежно слабой из-за своей крайней протяженности; но он избежал ошибки Герберта у Бичи-Хед, удерживая свой авангард с большими интервалами между кораблями, чтобы сдерживать авангард противника, и вступая в плотный бой с его центром и тылом (Фото через. А, А, А). Нет необходимости следить за фазами этого неравного боя; экстраординарным результатом было то, что, когда стрельба прекратилась ночью из-за густого тумана и штиля, ни один французский корабль не сбросил свои знамена и не был потоплен. Ни один военно-морской флот не мог представить более высокого доказательства воинского духа и эффективности, и тактические способности Турвиля во многом способствовали результату, который, следует признать, также не был достоин похвалы союзников. Два флота встали на якорь с наступлением темноты (В, В, В), группа английских кораблей (В') осталась к югу и западу от французов, позже они перерезали свои канаты и позволили себе прорваться сквозь французскую линию, чтобы присоединиться к своим основным силам; при этом с ними грубо обошлись.

Полностью оправдав честь своего флота и показав бесполезность дальнейших боевых действий, Турвиль теперь подумывал об отступлении, которое началось в полночь при легком северо-восточном ветре и продолжалось весь следующий день. Союзники продолжали преследование, а действия французов были сильно затруднены поврежденным флагманским кораблем "Ройял Сан", лучшим кораблем французского флота, который адмирал не мог решиться уничтожить. Направление главного отступления было к Нормандским островам, тридцать пять кораблей находились под командованием адмирала; из них двадцать прошли с приливным течением через опасный пролив, известный как Расс Олдерни, между островом с таким названием и материком, и благополучно добрались до Сен-Мало. Прежде чем остальные пятнадцать смогли последовать за ними, прилив изменился; и брошенные якоря, волоча за собой, отнесли эти корабли на восток и с подветренной стороны от противника. Трое искали убежища в Шербуре, где в то время не было ни волнореза, ни порта, остальные двенадцать - на мысе Ла-Хуг; и все они были сожжены либо своими экипажами, либо союзниками. Таким образом, французы потеряли пятнадцать лучших кораблей своего флота, наименьший из

которых нес шестьдесят пушек; но это было немногим больше, чем потери союзников при Бичи-Хед. Впечатление, произведенное на общественное сознание, привыкшее к славе и успехам Людовика XIV, было несоизмеримо с результатами и изгладило память о великолепной самоотверженности Турвиля и его последователей. Ла-Хуг также был последним общим сражением французского флота, который в последующие годы стремительно сокращался, так что эта катастрофа, казалось, стала для него смертельным ударом. Однако на самом деле Турвиль вышел в море в следующем году с семьюдесятью кораблями, и потери к тому времени были восполнены. Упадок французского военно-морского флота был вызван не каким-то одним поражением, а истощением Франции и большими издержками континентальной войны; и эту войну в основном поддерживали два морских народа, союз которых был обеспечен успехом Вильгельма в Ирландской кампании. Не утверждая, что результат был бы иным, если бы военно-морские операции Франции в 1690 году были направлены иначе, можно с уверенностью сказать, что их неверное направление было непосредственной причиной того, что все обернулось так, как оно обернулось, и первой причиной упадка французского военно-морского флота.

Пять оставшихся лет войны Аугсбургской лиги, в которой вся Европа ополчилась против Франции, не отмечены ни крупными морскими сражениями, ни каким-либо одним морским событием первостепенной важности. Чтобы оценить эффект морской мощи союзников, необходимо подвести итог и сжать отчет о спокойном, постоянном давлении, которое она оказывала и поддерживала во всех кругах против Франции. Действительно, именно так обычно действует морская держава, и именно потому, что она действует так тихо, больше шансов, что ее не заметят, и на это следует обратить особое внимание.

Глава оппозиции Людовику XIV. это был Вильгельм III, и его военные вкусы, а не военно-морские, сочетались с направлением политики Людовика, направленным на то, чтобы сделать активную войну континентальной, а не морской; в то время как постепенный вывод великих французских флотов, оставивший военно-морские силы союзников без врагов на море, сработал таким же образом. Более того, эффективность английского военно-морского флота, который по численности вдвое превосходил голландский, в это время была на низком уровне; деморализующее воздействие правления Карла II не могло быть полностью преодолено в течение трех лет правления его брата, и существовала еще более серьезная причина проблем, вытекавшая из политического состояния Англии. Было сказано, что Джеймс верил, что военно-морские офицеры и матросы привязаны к его персоне; и, справедливо или несправедливо, эта мысль была также в умах нынешних правителей, вызывая сомнения в лояльности и благонадежности многих офицеров и внося замешательство в военно-морскую администрацию. Нам говорят, что "жалобы торговцев получили чрезвычайно вескую поддержку и показали глупость предпочесть неквалифицированных людей тому совету, который руководил военно-морской мощью Англии; и все же вред нельзя было исправить, потому что более опытные люди, которые долго находились на службе, считались недовольными, и казалось, что лекарство могло оказаться хуже болезни".[74] Подозрение царило в кабинете министров и городе, фракции и нерешительность среди офицеров; и человек, которому не повезло или он не способен действовать, знал, что за его злоключением может последовать еще более серьезное обвинение в государственной измене.

После Ла-Хуга прямые военные действия союзных флотов осуществлялись тремя основными способами, первый из которых заключался в нападениях на французские порты, особенно на

Ла-Манш и близ Бреста. Они редко имели в виду что-то большее, чем нанесение местного ущерба и разрушение судоходства, особенно в портах, откуда выходили французские каперы; и хотя в некоторых случаях количество погружаемых войск было большим, Вильгельм предложил себе немногим больше, чем отвлечение внимания, вызванное такими угрозами, вынудив Людовика отозвать войска с поля боя для береговой обороны. В целом обо всех этих предприятиях против французского побережья в этой и последующих войнах можно сказать, что они мало что дали и даже в качестве отвлекающего маневра ослабили французские армии в какой-либо значительной степени. Если бы французские порты были менее хорошо защищены или если бы французские водные пути были открыты в сердце страны, как наши собственные Чесапикский и Делавэрский заливы или Саутерн-Саундс, результат мог бы быть иным.

Во-вторых, военно-морские силы союзников представляли большую непосредственную военную ценность, хотя и не вели сражений, когда Людовик XIV. в 1694 году решил сделать свою войну против Испании наступательной. Испания, хотя и была такой слабой сама по себе, все же доставляла беспокойство из-за своего положения в тылу Франции; и Людовик в конце концов решил принудить ее к миру, перенес войну в Каталонию, на северо-восточное побережье. Передвижению его армий способствовал его флот под командованием Турвиля; и сокращение этой труднодоступной провинции шло быстрыми темпами, пока приближение союзных флотов со значительно превосходящими силами не заставило Турвиля отступить в Тулон. Это спасло Барселону; и с того времени, пока две морские державы не решили заключить мир, они держали свои флоты у испанского побережья и сдерживали наступление французов. Когда в 1697 году Вильгельм стал склоняться к миру, а Испания отказалась от него, Людовик снова вторгся, флот союзников не появился, и Барселона пала. В то же время французская военно-морская экспедиция была успешно направлена против Картахены в Южной Америке, и под двумя ударами, оба из которых зависели от контроля над морем, Испания сдалась.

Третьей военной функцией союзных флотов была защита их морской торговли; и в этом, если верить истории, они потерпели крупную неудачу. Никогда война против торговли не велась в большем масштабе и с большими результатами, чем в этот период; и ее операции были самыми масштабными и разрушительными в то самое время, когда исчезали великие французские флоты, в годы, последовавшие сразу за Ла-Угом, что, по-видимому, противоречит утверждению, что такая война должна вестись с опорой на мощные флоты или соседние морские порты. Здесь уместно остановиться на довольно подробном обсуждении, поскольку ущерб торговле, причиняемый каперами, был важным фактором, побудившим морские державы желать мира; точно так же субсидии, которые их торговля позволяла им выплачивать континентальным армиям, помимо содержания их собственных, были главным средством, с помощью которого война была затянута и Франция была вынуждена согласиться. Нападение и защита торговли по-прежнему остаются актуальным вопросом.

Прежде всего следует отметить, что разложение французского флота было постепенным и что моральный эффект его появления в Ла-Манше, победа при Бичи-Хед и доблестное поведение при Ла-Хуге еще некоторое время оставались под впечатлением в умах союзников. Это впечатление заставляло их корабли держаться вместе во флотах, вместо того чтобы рассеиваться в погоне за крейсерами противника, и таким образом обеспечивало последнему поддержку, почти равную активной войне на море. Опять же, эффективность английского

военно-морского флота, как уже было сказано, была низкой, а управление им, возможно, еще хуже; в то время как измена в Англии дала французам преимущество в виде лучшей информации. Таким образом, в следующем за Ла-Угом году французы, получив точную информацию о большом конвое, направляющемся в Смирну, отправили Турвиля в мае, выведя его в море до того, как союзники были готовы блокировать его в Бресте, как они намеревались. Эта задержка была вызвана плохим управлением, как и еще одним несчастьем, заключавшимся в том, что английское правительство узнало об отъезде Турвиля только после того, как его собственный флот отплыл с товаром. Турвиль застал конвой врасплох у проливов, уничтожил или захватил сто из четырехсот кораблей, а остальные рассеял. Это не случай простой крейсерской войны, поскольку флот Турвиля состоял из семидесяти одного корабля; но это показывает некомпетентность английской администрации. По правде говоря, именно сразу после Ла-Хуга грабежи крейсеров стали наиболее разорительными; и причина была двоякой: во-первых, флот союзников держался вместе в Спитхеде два с лишним месяца, собирая войска для высадки на континент, что оставило крейсера в целости и сохранности; и, во-вторых, французы, не имея возможности снова отправить свой флот тем летом, разрешили морякам проходить службу на частных судах, тем самым значительно увеличив численность последних. Совместная работа этих двух причин привела к безнаказанности и расширению масштабов разрушения торговли, что вызвало огромный резонанс в Англии. "Следует признать, - говорит английский военно-морской хроникер, - что наша торговля пострадала гораздо меньше годом ранее, когда французы были хозяевами на море, чем сейчас, когда их великий флот был заблокирован в порту". Но причина заключалась в том, что французы, имевшие слабую торговлю и сравнительно большое количество моряков, в основном занятых на флоте, смогли, когда это было необходимо, отпустить их на крейсера. Поскольку давление войны становилось все сильнее, а Людовик продолжал сокращать количество своих кораблей, находящихся в строю, еще одно увеличение было предоставлено торговым эсминцам. "Корабли и офицеры королевского военно-морского флота были предоставлены в аренду, на определенных условиях, частным фирмам или компаниям, которые хотели заняться каперством, в котором даже члены кабинета министров не побрезговали принять участие"; более того, их убедили сделать это, чтобы угодить королю. Условия, как правило, предусматривали, что определенная доля прибыли должна поступать королю в обмен на использование кораблей. Такое занятие деморализовало бы любую военную службу, но не обязательно всю сразу; а условия придавали каперству на то время тон и энергию, которых оно не могло иметь всегда. По правде говоря, государственная казна, будучи не в состоянии содержать военно-морской флот, присоединяла к себе частный капитал, рискуя только материальным, в противном случае бесполезным, и ища отдачи от грабежа врага. Уничтожение торговли в этой войне также было делом не только одиночных крейсеров; эскадрильи из трех-четырех, вплоть до полудюжины кораблей действовали вместе под командованием одного человека, и справедливо будет сказать, что под командованием таких моряков, как Жан Барт, Форбен и Дюге-Труэн, они были даже более готовы сражаться, чем грабить. Самая крупная из этих частных экспедиций и единственная, которая ушла далеко от берегов Франции, была направлена в 1697 году против Картахены на испанском материке. Он насчитывал семь линейных кораблей и шесть фрегатов, не считая судов поменьше, и перевозил две тысячи восемьсот военнослужащих. Главной целью было наложить контрибуцию на город Картахену; но ее влияние на политику Испании было заметным, и привело к миру. Такой настрой и согласованность действий способствовали замене вспомогательных флотов, но не могли сделать этого полностью; и хотя союзники продолжали удерживать свои большие флоты вместе, все же, по мере продолжения войны и повышения

эффективности управления, разрушение торговли было сведено к минимуму. В то же время, в качестве доказательства того, как сильно пострадали крейсера без поддержки, даже при этих благоприятных условиях, можно упомянуть, что англичане сообщают о пятидесяти девяти захваченных военных кораблях против восемнадцати, признанных французами во время войны, — разница, которую французский военно-морской историк, с большой долей вероятности, приписывает неспособности англичан различать военные корабли, должным образом так называемые, и те, что предоставлены частным фирмам взаймы. Поимки реальных каперов не указаны в списке, приведенном на сайте. "Таким образом, разрушение торговли в этой войне было отмечено особыми характеристиками крейсеров, действовавших вместе в эскадре недалеко от своей базы, в то время как противник считал за лучшее сосредоточить свой флот в другом месте; несмотря на это и плохое управление английским флотом, крейсера становились все более и более контролируемыми по мере исчезновения великих французских флотов". Таким образом, результаты войны 1689-1697 годов не отменяют общего вывода о том, что "крейсерская война, разрушающая торговлю, чтобы быть разрушительной, должна подкрепляться эскадренной войной и подразделениями линейных кораблей; которые, вынуждая противника объединять свои силы, позволяют крейсерам совершать удачные покушения на его торговлю. Без такой поддержки результатом будет просто захват крейсеров". Ближе к концу этой войны реальная тенденция стала проявляться, и еще более отчетливо она проявилась в следующей, когда французский военно-морской флот опустился до еще более низкого уровня слабости.

Несмотря на свои потери, морские нации добились своего. Война, начавшаяся с перехода французов в наступление, закончилась тем, что они повсюду перешли к обороне, и вынудила Людовика сразу пойти наперекор своим самым сильным предрассудкам и самым разумным политическим желаниям, признав королем Англии того, кого он считал узурпатором, а также своим заклятым врагом. На первый взгляд и взятая в целом, эта война будет казаться почти полностью сухопутной борьбой, простирающейся от Испанских Нидерландов вниз по Рейну до Савойи в Италии и Каталонии в Испании. Морские бои в Ла-Манше, ирландская борьба, отступающая вдаль, выглядят простыми эпизодами; в то время как лежащее в основе действие торговли полностью игнорируется или замечается только по мере того, как их крики рассказывают об их страданиях. И все же торговля и судоходство не только несли бремя страданий, но и в основном оплачивали армии, сражавшиеся с французами; и это направление потока богатств из обеих морских держав в казну их союзников, возможно, было обусловлено и, безусловно, ускорено неверным использованием того военно-морского превосходства, с которым Франция начала войну. Тогда стало возможным, как это обычно бывает, для действительно прекрасного военного флота с превосходящими силами нанести сокрушительный удар по менее подготовленному противнику; но возможность была упущена, и существенно более сильная, лучше обоснованная морская мощь союзников получила время заявить о себе.

Мир, подписанный в Рисвике в 1697 году, был крайне невыгоден Франции; она потеряла все, что было достигнуто после Нимегенского мира девятнадцатью годами ранее, за единственным важным исключением Страсбурга. Все, что Людовик XIV. добыл хитростью или силой за годы мира, было отдано. Германии и Испании были сделаны огромные реституции. Поскольку последние производились в Нидерландах, они принесли непосредственную пользу Соединенным провинциям, да и всей Европе, а также Испании. Двум морским державам

условия договора давали коммерческие выгоды, которые вели к увеличению их собственной морской мощи и, как следствие, к ущербу для Франции.

Франция вела гигантскую борьбу; выстоять в одиночку, как она сделала тогда и как она с тех пор делала не раз, против всей Европы - это великий подвиг. И все же можно сказать, что как Соединенные Провинции преподали урок о том, что нация, какой бы активной и предприимчивой она ни была, не может полагаться только на внешние ресурсы, если она внутренне слаба по численности и территории, так и Франция в своей мере показывает, что нация не может бесконечно существовать за счет самой себя, какой бы мощной она ни была по численности и внутренним ресурсам.

Говорят, что один друг однажды застал Кольбера, мечтательно выглядывающего из окна, и на вопрос о предмете его размышлений получил такой ответ: "Созерцая плодородные поля перед моими глазами, я вспоминаю те, которые видел в других местах; какая богатая страна Франция!" Это убеждение поддерживало его среди многих разочарований его официальной жизни, когда он боролся с финансовыми трудностями, возникшими из-за расточительности и войн короля; и оно было оправдано всем ходом национальной истории, начиная с его дней. Франция богата природными ресурсами, а также промышленностью и бережливостью своего народа. Но ни отдельные нации, ни люди не могут процветать, будучи оторванными от естественного общения с себе подобными; какой бы ни была природная сила конституции, она требует здорового окружения и свободы привлекать к себе вблизи и издалека все, что способствует ее росту, силе и общему благополучию. Мало того, что внутренний организм должен работать удовлетворительно, процессы распада и обновления, движения и кровообращения должны протекать легко, но и из внешних по отношению к ним источников как разум, так и тело должны получать здоровое и разнообразное питание. Со всеми своими природными дарами Франция пришла в упадок из-за отсутствия того живого общения между различными частями ее собственного тела и постоянного обмена с другими людьми, которое известно как коммерция, внутренняя или внешняя. Сказать, что война была причиной этих дефектов, значит высказать хотя бы частичную правду; но это не исчерпывает сути дела. Война, с ее многочисленными признанными страданиями, прежде всего вредна, когда она отрезает нацию от других и отбрасывает ее назад, к самой себе. Действительно, могут быть периоды, когда такие грубые потрясения оказывают бодрящее действие, но они являются исключительными и непродолжительными, и они не опровергают общего утверждения. Такая изоляция была уделом Франции во время более поздних войн Людовика XIV, и это почти уничтожило ее; тогда как спасти ее от возможности такого застоя было великой целью жизни Кольбера.

Война сама по себе не могла бы повлечь за собой этого, если бы только войну можно было отложить до тех пор, пока процессы обращения внутри королевства и за его пределами не будут налажены и активно функционировать. Когда он вступил в должность, их еще не существовало; их нужно было создать и прочно укоренить, чтобы противостоять взрыву войны. Времени на выполнение этой великой работы не было, как и Людовика XIV. поддерживайте планы своего министра, направляя расцветающую энергию своих послушных и преданных подданных на пути, благоприятные для этого. Итак, когда на силы нации обрушилось великое напряжение, вместо того чтобы черпать силы отовсюду и по многим каналам и подчинить весь внешний мир энергии своих торговцев и моряков, как это сделала Англия в подобных проливах, она была отброшена назад, отрезанная от мира военно-морскими силами Англии и Голландии и кольцом врагов, которые окружали ее на континенте. Единственным спасением от этого процесса

постепенного истощения был эффективный контроль над морем; создание сильной морской державы, которая должна была обеспечить свободную игру за богатства земли и промышленность народа. Для этого Франция также имела большие естественные преимущества на трех своих морских побережьях - в Ла-Манше, Атлантике и Средиземном море; и в политическом плане у нее была прекрасная возможность присоединиться к своей собственной морской державе голландии в дружественном союзе, враждебном или, по крайней мере, настороженном по отношению к Англии. Гордясь своей силой, сознавая абсолютный контроль в своем королевстве, Людовик отказался от этого мощного подкрепления своей власти и продолжил поднимать против себя Европу путем неоднократных агрессий. В период, который мы только что рассмотрели, Франция оправдала его доверие великолепным и в целом успешным сохранением его позиции по отношению ко всей Европе; она не продвинулась вперед, но и не сильно отступила. Но эта демонстрация силы была изнурительной; она съедала жизнь нации, потому что она полностью полагалась на себя, а не на внешний мир, с которым она могла бы поддерживать связь с помощью моря. В войне, которая последовала затем, видна та же энергия, но не та же жизнестойкость; и Франция повсюду была отброшена назад и поставлена на грань разорения. Урок обоих один и тот же: нации, как и люди, какими бы сильными они ни были, приходят в упадок, когда их отрезают от внешней деятельности и ресурсов, которые одновременно вытягивают и поддерживают их внутренние силы. Нация, как мы уже показали, не может бесконечно жить за счет самой себя, и самый простой способ, с помощью которого она может общаться с другими народами и восстанавливать свои силы, - это море.

СНОСКИ:

[66] Кэмпбелл: Жизнь адмиралов.

[67] Мартин: История Франции.

[68] См. Карту Ла-Манша и др., стр. 107.

[69] То есть практически неподвижный.

[70] Хост: военно-морская тактика.

[71] Ледьярд говорит, что приказ убрать буи выполнен не был (Военно-морская история, том ii, стр. 636).

[72] Сеньеле, тогдашний морской министр Франции, назвал его "политрон де тет, главный герой сериала".

[73] Автор следовал в тексте традиционному и общепринятому изложению приказов Турвиля и мотивов его действий. Французский писатель М. де Крисенуа в очень интересной статье о

тайной истории, предшествовавшей этому событию и сопровождавшей его, повторяет многие из этих традиционных утверждений. По его словам, Людовик XIV. не питал никаких иллюзий относительно верности английских офицеров своему флагу; и инструкции, данные Турвиллю, хотя и были императивными при определенных условиях, не обязывали его сражаться в положении французского флота в день сражения. Тон инструкций, однако, подразумевал неудовлетворенность действиями адмирала в предыдущих походах, вероятно, в погоне за Бичи-Хедом, и, как следствие, сомнение в его энергичности в начинавшейся тогда кампании. Поэтому чувство унижения побудило его к отчаянной атаке на флот союзников; и, по словам г-на де Крисенуа, военного совета в адмиральской каюте и драматического исполнения королевских приказов на самом деле не существовало.

[74] Кэмпбелл: Жизнь адмиралов.

ГЛАВА V

Война за испанское наследство, 1702-1713 гг. —Морское сражение при Малаге.

В течение последних тридцати лет семнадцатого века, среди всех военных и дипломатических сражений, было ясно предвидено приближение события, которое поднимет новые и важные вопросы. Это был провал прямой королевской линии в той ветви Австрийского дома, которая тогда находилась на испанском троне; и вопросы, которые предстояло решить, когда нынешний король, немощный как телом, так и умом, умрет, заключались в том, должен ли новый монарх быть взят из Дома Бурбонов или из австрийской семьи в Германии; и должен ли, в любом случае, возведенный таким образом на трон суверен унаследовать все наследство, Испанскую империю, или будет произведен какой-то раздел этого обширного наследства в интересах баланса европейских сил. Но этот баланс сил больше не понимался в узком смысле континентальных владений; пристально изучалось влияние новых договоренностей на

торговлю, судоходство и контроль как над океаном, так и над Средиземным морем. Влияние двух морских держав и характер их интересов становились все более очевидными.

Необходимо вспомнить различные страны, находившиеся в то время под властью Испании, чтобы понять стратегические вопросы, как их справедливо можно назвать, которые сейчас предстоит решить. В Европе это были Нидерланды (ныне Бельгия); Неаполь и юг Италии; Милан и другие провинции на севере; а в Средиземноморье - Сицилия, Сардиния и Балеарские острова. Корсика в то время принадлежала Генуе. В западном полушарии, помимо Кубы и Порто-Рико, Испания тогда владела всей той частью континента, которая сейчас разделена между Испаноамериканскими штатами, регионом, огромные коммерческие возможности которого начинали осознаваться; а на Азиатском архипелаге были большие владения, которые не являлись предметом настоящего спора. Чрезмерная слабость этой империи, вызванная упадком центрального королевства, до сих пор заставляла другие нации, занятые более непосредственными интересами, относиться с безразличием к ее огромным размерам. Это безразличие не могло длиться долго, когда появилась перспектива более сильной администрации, возможно, опирающейся на союзы с одной из великих держав Европы.

Нашему субъекту было бы чуждо вдаваться в детали дипломатического соглашения, которое, передавая народы и территории от одного правителя к другому, стремилось достичь политического равновесия мирным путем. Можно кратко изложить основные моменты политики каждой страны. Кабинет министров и народ Испании возражали против любого решения, которое расчленило империю. Англичане и голландцы возражали против любого расширения присутствия Франции в испанских Нидерландах и против монополии французов на торговлю с Испанской Америкой, чего они опасались как результата восшествия Бурбонов на испанский трон. Людовик XIV. хотел передать Неаполь и Сицилию одному из своих сыновей на случай какого-либо раздела; таким образом, Франция получила бы сильную позицию на Средиземном море, но такую, которая оказалась бы во власти морских держав, — факт, который побудил Вильгельма III. согласиться с этим требованием. Император Австрии особенно возражал против того, чтобы эти средиземноморские позиции отошли от его семьи, и отказался вступать в какие-либо договоры о разделе. Прежде чем какая-либо договоренность была достигнута, фактический король Испании умер, но перед смертью министры побудили его подписать завещание, завещающее все его состояния внуку Людовика XIV, тогдашнему герцогу Анжуйскому, известному впоследствии как Филипп V. Испанский. Этим шагом надеялись сохранить целое, привлекая к его защите ближайшее и одно из самых могущественных государств Европы, — ближайшее, если не считать держав, господствующих на море, которые всегда находятся поблизости от любой страны, порты которой открыты для их кораблей.

Людовик XIV. принял завещание и при этом чувствовал себя обязанным чести противостоять всем попыткам раздела. Объединение двух королевств под властью одной семьи сулило Франции важные преимущества, отныне избавленной от этого старого врага в тылу, который препятствовал столь многим ее попыткам расширить свои границы на восток. На самом деле, с того времени, с редкими перерывами, между двумя королевствами существовал союз, результат семейных уз, который только слабость Испании не позволяла представлять опасность для остальной Европы. Другие страны сразу поняли ситуацию, и ничто не могло спасти войну, кроме какого-нибудь шага назад со стороны французского короля. Государственные деятели Англии и Голландии, двух держав, от богатства которых должна была зависеть угроза войны, предложили, чтобы Итальянские государства были переданы сыну австрийского императора,

Бельгия была оккупирована ими самими и чтобы новый король Испании не предоставлял Франции никаких торговых привилегий в Индии перед другими нациями. К чести их мудрости, следует сказать, что этот компромисс был единственным, который после десяти лет войны был найден в целом наилучшим; и в нем просматривается растущее осознание ценности расширения по морю. Людовик, однако, не сдавался; напротив, он оккупировал при попустительстве испанских губернаторов города в Нидерландах, которые были удержаны голландскими войсками по договорам с Испанией. Вскоре после этого, в феврале 1701 года, английский парламент собрался и денонсировал любой договор, который обещал Франции господство в Средиземноморье. Голландия начала вооружаться, а австрийский император направил свои войска в северную Италию, где последовала кампания, в значительной степени невыгодная Людовику.

В сентябре того же 1701 года две морские державы и австрийский император подписали секретный договор, в котором были определены основные направления предстоящей войны, за исключением той, которая велась на самом испанском полуострове. По нему союзники обязались завоевать Испанские Нидерланды, чтобы установить барьер между Францией и Соединенными провинциями; завоевать Милан в качестве гарантии безопасности для других провинций императора; и завоевать Неаполь и Сицилию для той же безопасности, а также для безопасности судоходства и торговли подданных его Британского Величества и Соединенных провинций. Морские державы должны иметь право завоевывать для пользы упомянутого мореплавания и торговли страны и города Испанской Индии; и все, что они смогут там захватить, должно принадлежать им и оставаться их собственностью. Война началась, и ни один из союзников не мог действовать самостоятельно, не приняв справедливых мер — во-первых, чтобы помешать королевствам Франции и Испании когда-либо объединиться под властью одного короля; во-вторых, чтобы помешать французам когда-либо стать хозяевами Испанской Индии или посылать туда корабли для участия, прямо или косвенно, в торговле; в-третьих, чтобы обеспечить подданным его Британского Величества и Соединенных Провинций торговые привилегии, которыми они пользовались во всех испанских государствах при покойном короле.

Следует отметить, что в этих условиях нет никаких намеков на какое-либо намерение воспротивиться восшествию на престол короля Бурбонов, который был призван на престол испанским правительством и сначала признан Англией и Голландией; но, с другой стороны, император Австрии не отзывает австрийских притязаний, которые касались его собственной персоны. Голос морских держав имел первостепенное значение в коалиции, как показывают условия договора, защищающего их коммерческие интересы, хотя, поскольку они собирались использовать немецкие армии для сухопутной войны, немецкие претензии также должны были быть учтены. Как отмечает французский историк:—

"На самом деле это был новый разделительный договор.... Вильгельм III, который руководил всем, позаботился о том, чтобы не истощать Англию и Голландию, чтобы вернуть испанскую монархию в целостности и сохранности императору; его последним условием было подчинить нового короля Филиппа V. Собственно Испании и сразу обеспечить Англии и Голландии коммерческое использование всех регионов, находившихся под властью испанской монархии, вместе с важными военными и морскими позициями против Франции ".[\[75\]](#)

Но, хотя война была неизбежна, страны, готовые вступить в бой, колебались. Голландия не двинулась бы с места без Англии, и, несмотря на сильные чувства последней к Франции, промышленники и торговцы все еще помнили ужасные страдания последней войны. Как раз тогда, когда чаши весов заколебались, Джеймс II. умер. Людовик, поддавшись чувству симпатии и побуждаемый своими ближайшими приближенными, официально признал сына Якова королем Англии; и английский народ, разгневанный тем, что он рассматривал как угрозу и оскорбление, отбросил все чисто благоразумные соображения. Палата лордов заявила, что "не может быть никакой безопасности, пока узурпатор испанской монархии не образумится", а Палата общин проголосовала за выделение пятидесяти тысяч солдат и тридцати пяти тысяч моряков, не считая субсидий для немецких и датских вспомогательных сил. Вильгельм III. вскоре после этого, в марте 1702 года, умер; но королева Анна продолжила его политику, которая стала политикой английского и голландского народов.

Людовик XIV. пытался частично смягчить надвигающуюся бурю, создав лигу нейтралов среди других германских государств; но император ловко воспользовался чувствами немцев и привлек на свою сторону курфюрста Бранденбургского, признав его королем Пруссии, создав таким образом северогерманский протестантский королевский дом, вокруг которого, естественно, собрались другие протестантские государства и который в будущем должен был стать грозным соперником Австрии. Непосредственным результатом стало то, что Франция и Испания, дело которых отныне стало известно как дело двух корон, вступили в войну без какого-либо союзника, кроме Баварии. В мае Голландией была объявлена война королям Франции и Испании; Англией - Франции и Испании, Анна отказалась признать Филиппа V. даже объявив войну, потому что он признал Якова III. как король Англии, в то время как император был еще более откровенен, выступая против короля Франции и герцога Анжуйского. Так началась великая война за испанское наследство.

Имея дело с войной таких масштабов, длящейся более десяти лет, далеко не просто выделить из общего повествования ту часть, которая особенно затрагивает нашу тему, не упуская при этом из виду отношения одной части к целому. Такая потеря, однако, фатальна для "обозримого конца", который является не просто хроникой военно-морских событий и даже не тактическим или стратегическим обсуждением определенных военно-морских проблем, оторванных от причинно-следственных связей в общей истории, но оценкой влияния морской мощи на общий исход войны и на процветание наций. Однако для большей ясности следует еще раз указать на то, что цель Вильгельма III. заключалась не в том, чтобы оспаривать притязания Филиппа V на трон — вопрос сравнительно безразличный для морских держав, — а в том, чтобы захватить, в интересах их торговли и колониальной империи, такие части испано-американских владений, какие он мог, и в то же время навязать новой монархии такие условия, которые, по крайней мере, предотвратили бы какую-либо потерю английской и голландской торговлей привилегий, которые они имели при австрийской линии. Такая политика направила бы основные усилия морских держав не на испанский полуостров, а на Америку; и союзные флоты могли бы и не войти в Проливы. Сицилия и Неаполь должны были отойти не к Англии, а к Австрии. Последующие причины привели к полному изменению этого общего плана. Новый кандидат, сын императора Германии, был выдвинут в 1703 году коалицией под именем Карлоса III, и полуостров стал ареной сомнительной и кровопролитной войны, удерживавшей англо-голландский флот у берегов; в результате, что касается морских держав, ничего решающего в Испанской Америке сделано не было, но Англия вышла из борьбы с Гибралтаром и Порт-Маоном в ее руках, чтобы отныне быть средиземноморской державой. В то же время, что и

Карлос III. был провозглашен, заключен договор с Португалией, известный как Метуэн, который предоставил Англии практическую монополию на португальскую торговлю и отправлял бразильское золото через Лиссабон в Лондон — преимущество настолько большое, что оно материально помогало в продолжении войны на континенте, а также в содержании военно-морского флота. В то же время эффективность последних настолько возросла, что потери французских крейсеров, хотя и оставались большими, ни в коем случае не были непереносимыми.

Когда разразилась война, в соответствии с первоначальной политикой сэра Джордж Рук с флотом из пятидесяти линейных кораблей и транспортов, перевозивших четырнадцать тысяч солдат, был направлен против Кадиса, который был великим европейским центром испано-американской торговли; туда поступали деньги и товары Запада, а оттуда они рассеивались по Европе. Это было целью Вильгельма III. а также захватить Картахену, один из главных центров той же торговли в другом полушарии; и с этой целью за шесть месяцев до своей смерти, в сентябре 1701 года, он отправил туда эскадру под командованием традиционного моряка старины Бенбоу. Бенбоу столкнулся с французской эскадрой, посланной для снабжения и укрепления этого места, и ввел ее в бой к северу от Картахены; но, несмотря на превосходство в силах, измена нескольких его капитанов, которые оставались вне боя, помешала его намерениям, и после боя, пока его корабль не стал беспомощным, а он сам не получил смертельное ранение, французы бежали, и Картахена была спасена. Перед смертью Бенбоу получил письмо от французского коммодора следующего содержания: "Вчера утром у меня не было никакой надежды, но я должен был поужинать в вашей каюте. Что касается ваших трусливых капитанов, повесьте их, клянусь Богом! они это заслужили". И двое из них были повешены. Экспедиция Рука против Кадиса также провалилась, что было почти неизбежно; поскольку его инструкции заключались в том, чтобы действовать так, чтобы примирить испанский народ и не расположить его к королю-бурбону. Такие сомнительные заказы связывали ему руки; но, потерпев неудачу, он узнал, что галеоны из Вест-Индии, груженные серебром и товарами, вошли в бухту Виго под конвоем французских военных кораблей. Он немедленно отправился туда и обнаружил врага в гавани, вход в которую был шириной всего в три четверти мили, защищенной укреплениями и тяжелым заграждением; но под жарким огнем через заграждение был пробит проход, место захвачено, а все суда с большей частью золота либо захвачены, либо потоплены. Это дело, известное в истории как дело о галеонах Виго, было блестящим и интересным военным подвигом, но не имеет никаких военных особенностей, заслуживающих упоминания, за исключением удара, который оно нанесло финансам и престижу двух корон.

Дело в Виго имело, однако, важные политические результаты и способствовало тому изменению общего плана морских держав, о котором уже упоминалось. Король Португалии, движимый страхом перед французами, признал Филиппа V. Но сердце его было против него, ибо он боялся, что французское влияние и мощь окажутся так близко к его маленькому и изолированному королевству. Частью миссии Рука было отстранить его от союза двух корон; и дело при Виго, произошедшее так близко от его собственных границ, произвело на него впечатление о мощи союзных военно-морских сил. По правде говоря, Португалия находится ближе к морю, чем Испания, и, естественно, должна попасть под влияние державы, контролирующей море. Были предложены стимулы — австрийским императором уступка испанской территории, морскими державами субсидия; но король не желал заявлять о себе до тех пор, пока австрийский претендент не высадится в Лиссабоне, что фактически обрекло

коалицию на войну как на полуострове, так и на континенте. Император передал свои притязания своему второму сыну, Карлу; и последний, после провозглашения в Вене и признания Англией и Голландией, был доставлен союзными флотами в Лиссабон, где высадился в марте 1704 года. Это потребовало важного изменения в планах морских держав. Обязавшись поддержке Карлоса, их флоты отныне были привязаны к берегам полуострова и защите торговли; в то время как война в Вест-Индии, став второстепенным вопросом небольшого масштаба, не привела ни к каким результатам. С этого времени Португалия стала верным союзником Англии, чья морская мощь во время этой войны приобрела огромное превосходство над всеми соперниками. Ее порты были убежищем и поддержкой английского флота, а позже на Португалии была основана война на полуострове с Наполеоном. В целом, Португалия в течение ста лет могла больше выиграть и больше бояться Англии, чем какой-либо другой державы.

Как ни велико было влияние морского превосходства двух морских держав на общий исход войны, и особенно на ту бесспорную морскую империю, которой Англия владела столетие спустя, это соперничество не отмечено ни одним военно-морским действием, представляющим военный интерес. Лишь однажды встретились большие флоты, и то с нерешительными результатами; после чего французы отказались от борьбы на море, полностью ограничившись войной, разрушающей торговлю. Эта особенность войны за испанское наследство характеризует почти весь восемнадцатый век, за исключением американской революционной борьбы. Бесшумное, устойчивое, изматывающее давление, с которым действует морская мощь, отсекающая ресурсы противника, сохраняя при этом свои собственные, поддерживающая войну в сценах, где она сама не появляется или появляется только на заднем плане, и наносящая открытые удары с редкими интервалами, хотя и проигранные для большинства, подчеркивается внимательному читателю событиями этой войны и последовавших за ней полувек. Подавляющая морская мощь Англии была определяющим фактором европейской истории в упомянутый период, поддерживая войну за границей, сохраняя при этом процветание своего собственного народа дома, и создавая великую империю, которую мы видим сейчас; но из-за самого ее величия ее действия, избегая противодействия, ускользают от внимания. В тех немногих случаях, когда его вызывают в бой, его превосходство настолько заметно, что происходящее едва ли можно назвать сражениями; за возможными исключениями действий Бинга на Менорке и Хоука на Кибероне, последней из самых блестящих страниц военно-морской истории, между 1700 и 1778 годами не произошло ни одного решающего столкновения между равными силами, представляющими военный интерес.

В силу этой особенности Войны за испанское наследство, с точки зрения нашего предмета, следует описать в общих чертах, избегая повествования и указывая общие ориентиры, особенно действий флотов. Война во Фландрии, в Германии и в Италии военно-морские силы, естественно, не беспокоила; когда они настолько защитили торговлю союзников, что не было серьезного ограничения потока субсидий, от которых зависела сухопутная война, их роль в этом была выполнена. На испанском полуострове все было по-другому. Сразу после высадки Карлоса III. в Лиссабоне сэр Джордж Рук отплыл в Барселону, которая, как предполагалось, будет передана, когда появится флот; но губернатор был верен своему королю и сдерживал австрийскую партию. Затем Рук отплыл в Тулон, где на якоре стоял французский флот. По пути он заметил другой французский флот, шедший из Бреста, который он преследовал, но не смог настичь; так что обе вражеские эскадры соединились в порту. Здесь стоит отметить, что английский военно-морской флот пока еще не пытался блокировать французские порты зимой,

как это было сделано позднее. В этот период флоты, как и армии, переходили на зимние квартиры. Другой английский адмирал, сэр Клаудсли Шовел, был отправлен весной для блокады Бреста; но, прибыв слишком поздно, он обнаружил, что его птица улетела, и сразу же направился в Средиземное море. Рук, не считая себя достаточно сильным, чтобы противостоять объединенным французским эскадрам, отступил к проливам; ибо в то время у Англии не было ни портов, ни базы в Средиземном море, ни полезного союзника; Лиссабон был ближайшим убежищем. Рук и Шовел встретились недалеко от Лагоса и провели военный совет, на котором первый, который был старшим, заявил, что его инструкции запрещают ему предпринимать что-либо без согласия королей Испании и Португалии. Это действительно связывало руки морским державам; но Рук, в конце концов, раздраженный унижительным бездействием и пристыженный тем, что возвращается домой, ничего не предприняв, решил атаковать Гибралтар по трем причинам: потому что он слышал, что там недостаточно гарнизонов, потому что он имел бесконечное значение как порт в нынешней войне, и потому что его захват отразил бы репутацию "королевского оружия". Это место подверглось нападению, бомбардировке, а затем было захвачено штурмом на лодках. Английское владение Гибралтаром датируется 4 августа 1704 года, и этот акт по праву поддерживает жизнь имени Рука, чьему суждению и бесстрашию Англия обязана ключом к Средиземному морю.

Король Испании Бурбон немедленно предпринял попытку отвоевать это место и призвал французский флот в Тулоне поддержать его атаку. Турвиль умер в 1701 году, и флотом командовал граф Тулузский, внебрачный сын Людовика XIV, которому было всего двадцать шесть лет. Рук также отплыл на восток, и 24 августа два флота встретились у берегов Велес-Малаги. Союзники находились с наветренной стороны при северо-восточном ветре, оба флота шли левым галсом на юг и восток. Существует некоторая неопределенность относительно численности; у французов было пятьдесят два линейных корабля, у их противника, вероятно, на полдюжины больше. Союзники держались в стороне друг от друга, каждый корабль защищал свою противоположность; со стороны Рука, по-видимому, не было никаких попыток провести какую-либо тактическую комбинацию. Битва при Малаге действительно не представляет военного интереса, за исключением того, что это первое сражение, в котором мы находим полностью разработанным тот совершенно ненаучный метод нападения англичан, который критиковал Клерк и который преобладал на протяжении столетия. Поучительно заметить, что результат в нем был таким же, как и во всех других боях по тому же принципу. Авангард развернулся из центра, оставив довольно большой промежуток; и предпринятая попытка проникнуть в эту брешь и изолировать авангард была единственным тактическим ходом французов. Мы не находим в них в Малаге и следа той осторожной, искусной тактики, которую Клерк справедливо полагал распознать позже. Переход от умелых комбинаций Монка, Рюйтера и Турвиля к эпохе простого мореходства ясно отмечен битвой при Малаге и придает ей ее единственное историческое значение. В нем был реализован тот примитивный способ ведения боя, который воспел Маколей и который долгие годы оставался идеалом английского военно—морского флота:

Затем с обеих сторон вожди
Дали сигнал к атаке;
И с обеих сторон пехотинцы
выступили вперед с копьями и тесаками;
И с обеих сторон всадники
вонзили свои шпоры глубоко в кровь,

И фронт к фронту армии
Встретились с могучим ревом".

Человеческое движение не всегда является продвижением вперед; и в военно-морской периодической литературе наших дней есть следы несколько схожего идеала. Бой был жестоким, продолжался с десяти утра до пяти пополудни, но носил совершенно нерешительный характер. На следующий день ветер переменился, предоставив флюгерную установку французам, но они не воспользовались возможностью атаковать; в чем они были во многом виноваты, если их утверждение о преимуществе накануне вполне обосновано. Рук не смог бы сражаться; говорят, что почти половина его флота, двадцать пять кораблей, израсходовали все свои боеприпасы. Даже во время самого сражения несколько кораблей союзников были выведены из строя, потому что у них не было пороха и пуль для одного бортового залпа. Это, несомненно, было вызвано атакой на Гибралтар, в ходе которой было израсходовано пятнадцать тысяч выстрелов, и отсутствием какого-либо порта, служащего базой снабжения, — недостатком, который впоследствии должно было устранить новое владение. Рук, захватив Гибралтар, преследовал ту же цель, которая побудила Соединенные Штаты захватить Порт-Ройял в начале Гражданской войны и которая побудила герцога Пармского призвать своего короля, прежде чем посылать испанскую Великую армаду, захватить Флашинг на побережье Голландии, — совет, который, если бы ему последовали, сделал бы ненужным это унылое и катастрофическое путешествие на север Англии. Те же причины, несомненно, побудили бы любую нацию, намеревающуюся провести серьезные операции против нашего побережья, захватить пункты, удаленные от крупных центров и уязвимые для обороны, такие как Гардинерс-Бей или Порт-Ройял, которые при неэффективном состоянии нашего военно-морского флота они могли бы удерживать своими флотами.

Рук с миром удалился в Лиссабон, передав, между прочим, Гибралтару все продовольствие и боеприпасы, какие только можно было получить от флота. Тулуза, вместо того чтобы развить свою победу, если таковая была, вернулась в Тулон, отправив всего десять линейных кораблей для поддержки атаки на Гибралтар. Все попытки французоз напасть на это место были тщетны; атакующая эскадра была в конце концов уничтожена, и сухопутная атака превратилась в блокаду. "С этим обратным ходом, - говорит французский военно-морской офицер, - во французском народе началась достойная сожаления реакция против военно-морского флота. Чудеса, которые он породил, его огромные заслуги были забыты. В ее ценность больше не верили. Армия, более непосредственно контактировавшая с нацией, пользовалась ее благосклонностью, ее сочувствием. Преобладающее заблуждение, что величие или упадок Франции зависели от некоторых позиций Рейна, не могло не способствовать этим идеям, враждебным морской службе, которые сделали Англию сильной, а нас слабыми". [76]

В течение этого, 1704 года, произошла битва при Бленхейме, в ходе которой французские и баварские войска были полностью разбиты англичанами и немцами под командованием Мальборо и принца Евгения. Результатом этой битвы стало то, что Бавария отказалась от французского союза, и Германия стала второстепенным театром военных действий, которые впоследствии велись в основном в Нидерландах, Италии и на полуострове.

В следующем, 1705 году союзники двинулись против Филиппа V. двумя дорогами — из Лиссабона на Мадрид и через Барселону. Первое нападение, хотя и основывалось на море,

было в основном сухопутным и безрезультатным; испанский народ в этой части безошибочно показал, что он не приветствовал бы короля, поставленного иностранными державами. В Каталонии все было по-другому. Карлос III. отправился туда лично с флотом союзников. Французский флот, уступающий по численности, остался в порту. Французская армия также не появилась. Союзные войска осадили город при содействии трех тысяч моряков и при поддержке припасов, доставленных с флота, который был для них одновременно базой снабжения и линией коммуникаций. Барселона капитулировала 9 октября; вся Каталония приветствовала Карлоса, и движение распространилось на Арагон и Валенсию, столица последней провинции провозгласила поддержку Карлоса.

В следующем, 1706 году французы перешли в наступление в Испании на границах Каталонии, одновременно защищая горные перевалы в направлении Португалии. В отсутствие флота союзников и помощи, которую он доставлял и поддерживал, сопротивление было слабым, и Барселона снова была осаждена, на этот раз французской стороной при поддержке французского флота из тридцати линейных кораблей и многочисленных транспортов с припасами из соседнего порта Тулон. Осада, начатая 5 апреля, обнадеживающе продолжалась; сам австрийский претендент находился внутри стен, что было залогом успеха; но 10 мая появился союзный флот, французские корабли отступили, и осада была снята в беспорядке. Претендент на престол Бурбонов не осмелился отступить в Арагон и поэтому прошел через Руссильон во Францию, оставив владения своего соперника. В то же время из Португалии — этой другой базы, которую морская мощь Англии и голландии одновременно контролировала и использовала, — выдвинулась другая армия, содержавшаяся на субсидии, получаемые с океана. На этот раз атака с запада была более успешной; многие города в Эстремадуре и Леоне пали, и как только союзные генералы узнали о снятии осады Барселоны, они двинулись через Саламанку к Мадриду. Филипп V, бежав во Францию, вернулся в Испанию через западные Пиренеи; но при приближении союзников ему снова пришлось бежать, оставив им свою столицу. Португальские и союзные войска вошли в Мадрид 26 июня 1706 года. Флот союзников после падения Барселоны захватил Аликанте и Картахену.

До сих пор успех был налицо; но склонности испанского народа были ошибочными, и сила их цели и гордости, подкрепленные природными особенностями их страны, еще не были поняты. Была возбуждена национальная ненависть к португальцам, а также религиозная неприязнь к еретикам, поскольку сам английский генерал был беженцем-гугенотом. Мадрид и прилегающая страна были недовольны, и юг прислал королю Бурбонов заверения в своей верности. Союзники не могли оставаться во враждебной столице, особенно из-за того, что в регионе вокруг не было припасов и было полно партизан. Они отступили на восток, приближаясь к австрийскому претенденту в Арагоне. Поворот следовал за поворотом, и 25 апреля 1707 года армия союзников потерпела сокрушительное поражение при Альмансе, потеряв пятнадцать тысяч человек. Вся Испания снова оказалась под властью Филиппа V. За исключением провинции Каталония, часть которой также была покорена. В следующем, 1708 году, французы добились некоторого прогресса в том же квартале, но не смогли атаковать Барселону; Валенсия и Аликанте, однако, были ослаблены.

1707 год не был отмечен каким-либо важным военно-морским событием. Летом флоты союзников в Средиземном море были отведены от побережья Испании для поддержки атаки австрийцев и пьемонтцев на Тулон. Последний двинулся из Италии вдоль побережья Средиземного моря, флот поддерживал фланг с моря и доставлял припасы. Осада, однако,

провалилась, и кампания оказалась безрезультатной. Возвращаясь домой, адмирал сэра Клаудсли Шовел с несколькими линейными кораблями погиб на островах Силли в результате одного из тех кораблекрушений, которые стали историческими.

В 1708 году союзные флоты захватили Сардинию, которая из-за своей плодородности и близости к Барселоне стала богатым хранилищем для австрийского претендента, пока с помощью союзников он контролировал море. В том же году была захвачена и Менорка с ее ценной гаванью Порт-Маон, и с тех пор в течение пятидесяти лет она оставалась в руках англичан. Блокируя Кадис и Картахену владением Гибралтаром и противостоя Тулону Порт-Маоном, Великобритания теперь имела такую же сильную базу в Средиземном море, как Франция или Испания; в то время как с Португалией в качестве союзника она контролировала две станции в Лиссабоне и Гибралтаре, наблюдая за торговыми путями как в океане, так и во внутреннем море. К концу 1708 года бедствия Франции на суше и на море, ужасные страдания королевства и почти безнадежность продолжения борьбы, которая разрушала Францию и которую легко переносила Англия, привели Людовика XIV. предложить самые унижительные уступки для достижения мира. Он обязался сдать всю испанскую монархию, оставив за королем Бурбонов только Неаполь. Союзники отказались; они потребовали от герцога Анжуйского отказа от всей Испанской империи без исключения, отказавшись называть его королем, и добавили к этому разорительные условия для самой Франции. Людовик не уступил их, и война продолжалась.

В оставшиеся годы энергичные действия морской мощи союзников, которая к этому времени стала принадлежать только Великобритании при небольшой помощи Голландии, были менее навязчивыми, чем когда-либо, но реальность их воздействия оставалась неизменной. Австрийский претендент, по большей части ограниченный Каталонией, поддерживал сообщение с Сардинией и итальянскими провинциями Германии благодаря английскому флоту; но полное исчезновение французского военно-морского флота и очевидное намерение Людовика не держать эскадр в море позволили несколько уменьшить средиземноморский флот, что привело к усилению защиты торговли. В 1710 и 1711 годах также предпринимались экспедиции против французских колоний в Северной Америке. Новая Шотландия была взята, но попытка захватить Квебек провалилась.

Зимой 1709-1710 годов Людовик вывел все французские войска из Испании, тем самым отказавшись от дела своего внука. Но когда положение Франции было наихудшим и казалось, что ее могут принудить к уступкам, которые низведут ее до положения второсортной державы, существованию коалиции угрожала немилость Мальборо, представлявшего в ней Англию. За его потерей благосклонности королевы последовал приход к власти партии, выступавшей против войны, или, скорее, против ее дальнейшего продолжения. Это изменение произошло летом 1710 года, и склонность к миру усилилась как из-за благоприятного положения, в котором Англия тогда находилась для ведения переговоров, так и из-за тяжелого бремени, которое она несла; стало очевидно, что оно не могло принести дальнейших преимуществ, соизмеримых с его весом. Более слабый союзник, Голландия, постепенно перестала вносить свою оговоренную долю в морские силы; и хотя дальновидные англичане могли с удовлетворением наблюдать за исчезновением морской державы-соперника, люди того времени больше обращали внимание на немедленное увеличение расходов. Расходы как на континентальную, так и на испанскую войны также в значительной степени покрывались за счет субсидий Англии; и хотя это на континенте не могло принести ей дальнейшей выгоды, было видно, что симпатии

испанского народа нельзя было переломить в пользу Карлоса III. не платя больше, чем того стоила игра. Вскоре начались секретные переговоры между Англией и Францией, которые получили дополнительный импульс в связи с неожиданной смертью императора Германии, брата австрийского претендента на испанский престол. Поскольку других наследников мужского пола не было, Карлос сразу же стал императором Австрии, а вскоре после этого был избран императором Германии. Англия желала видеть две короны на голове австрийца не больше, чем на голове бургунда.

Требования, выдвинутые Англией в качестве условий мира в 1711 году, показали, что она стала морской державой в самом чистом смысле этого слова, не только фактически, но и в ее собственном сознании. Она потребовала, чтобы одно и то же лицо никогда не было королем Франции и Испании; чтобы барьер из укрепленных городов был предоставлен ее союзникам, Голландии и Германии, в качестве оборонительной линии против Франции; чтобы французские завоевания от ее союзников были восстановлены; а для себя она потребовала формальной уступки Гибралтара и Порт-Маона, стратегическая и морская ценность которых была отмечена, разрушения порта Дюнкерк, родного гнезда каперов, которые охотились на английскую торговлю, уступки французских колоний Ньюфаундленда, Гудзонова залива и Новой Шотландии, уничтожения порта Дюнкерк. последнее, что у нее было на тот момент, и, наконец, торговые договоры с Францией и Испанией и уступка монополии на работорговлю с Испанской Америкой, известная как Асиенто, которую Испания передала Франции в 1701 году.

Переговоры продолжались, хотя военные действия не прекращались; и в июне 1712 года четырехмесячное перемирие между Великобританией и Францией вывело английские войска из состава союзных армий на континенте, поскольку их великий лидер Мальборо был отстранен от руководства годом ранее. Кампания 1712 года была благоприятна для Франции, но почти в любом случае уход Великобритании сделал окончание войны вопросом весьма короткого времени. На протесты Голландии был дан ответ, что с 1707 года голландцы предоставили не более трети своей квоты кораблей, а после окончания войны - не более половины. Палата общин в обращении к трону в 1712 году жаловалась, что...

"Служба на море он вел через весь ход войны, таким образом, крайне невыгодный для Вашего Величества Королевства, по необходимости, что большой флот должен быть оснащен каждый год для поддержания превосходства в Средиземном море и против любых сил, которые противник может подготовиться либо в Дюнкерке или в портах Западной Франции, Ваше Величество готовности, в оснащение вашей доля судов для всех частей, что служба имеет не действовать в Голландии, который был значительный дефицит ежегодно в пропорции к тому, что Ваше Величество имеет обстановка.... Следовательно, ваше Величество были вынуждены восполнить эти недостатки дополнительным подкреплением из ваших собственных кораблей, и корабли вашего Величества были вынуждены в большем количестве продолжать движение в отдаленных морях и в неподходящее время года, к большому ущербу военно-морскому флоту. Это также затруднило торговые конвои; берега были открыты из-за нехватки крейсеров; и вы были лишены возможности досажать врагу в его наиболее выгодной торговле с Вест-Индией, откуда они получали те огромные запасы сокровищ, без которых они не смогли бы покрыть расходы на войну".

Фактически, между 1701 и 1716 годами торговля Испанской Америки принесла во Францию сорок миллионов долларов наличными. На эти жалобы голландский посланник в Англии мог

только ответить, что Голландия была не в состоянии выполнить свои соглашения. Неудачи 1712 года, добавленные к твердому намерению Великобритании заключить мир, побудили голландцев к тому же; и англичане все еще сохраняли, несмотря на свое недовольство своими союзниками, столько своих старых чувств против Франции, что поддерживали все разумные требования Голландии. 11 апреля 1713 года был подписан почти всеобщий мир, известный как Утрехтский, одна из вех истории, между Францией, с одной стороны, и Англией, Голландией, Пруссией, Португалией и Савойей - с другой. Император все еще держался, но потеря британских субсидий сковала передвижения его армий, и с уходом морских держав континентальная война могла закончиться сама собой; но Франция, у которой были развязаны руки, провела в течение 1713 года блестящую и успешную кампанию в Германии. 7 марта 1714 года между Францией и Австрией был подписан мир. Некоторые уголки войны продолжали тлеть в Каталонии и на Балеарских островах, которые упорствовали в своем восстании против Филиппа V. Но восстание было подавлено, как только против них было обращено оружие Франции. Барселона была взята штурмом в сентябре 1714 года; острова покорились следующим летом.

Изменения, произведенные этой долгой войной и санкционированные миром, без учета деталей меньшей или преходящей важности, могут быть изложены следующим образом: 1. Дом Бурбонов утвердился на испанском троне, и испанская империя сохранила свои владения в Вест-Индии и Америке; цель Вильгельма III против ее владычества там была сорвана, когда Англия обязалась поддержать австрийского принца и таким образом сосредоточила большую часть своих военно-морских сил в Средиземном море. 2. Испанская империя потеряла свои владения в Нидерландах, Гелдерланд отошел к новому королевству Пруссия, а Бельгия - к императору; таким образом, Испанские Нидерланды стали Австрийскими Нидерландами. 3. Испания потеряла также главные острова Средиземного моря; Сардиния была передана Австрии, Менорка с ее прекрасной гаванью - Великобритании, а Сицилия - герцогу Савойскому. 4. Испания потеряла также свои итальянские владения, Милан и Неаполь отошли к императору. Таковы, в основном, были результаты борьбы Испании за престолонаследие.

Франция, сторонница победившего претендента, вышла из борьбы измотанной и со значительной потерей территории. Ей удалось посадить короля из своего собственного королевского дома на соседний трон, но ее морская мощь была истощена, население уменьшилось, финансовое положение подорвано. Уступленная европейская территория находилась на ее северных и восточных границах; и она отказалась от использования порта Дюнкерк, центра каперской войны, которой так боялись английские купцы. В Америке уступка Новой Шотландии и Ньюфаундленда была первым шагом к полной потере Канады, которая произошла полвека спустя; но в настоящее время она сохранила остров Кейп-Бретон с его порт-Луисбургом, ключом к заливу и реке Святого Лаврентия.

Успехи Англии в результате мирного договора и войны почти соответствовали потерям Франции и Испании, и все они были направлены на расширение и укрепление ее морской мощи. Гибралтар и Порт-Маон в Средиземном море, а также уже упомянутые колонии в Северной Америке предоставили этой державе новые базы, расширяя и защищая ее торговлю. Вторым после расширения ее собственного был ущерб морской мощи Франции и Голландии в результате упадка их военно-морских сил вследствие огромного истощения сухопутных войск; дальнейшие указания на этот упадок будут даны позже. Само пренебрежение Голландии к пополнению своей квоты кораблей и плохое состояние отправленных, хотя и налагающее

дополнительное бремя на Англию, можно считать преимуществом, вынуждающим британский военно-морской флот к большому развитию и усилиям. Диспропорция в военной мощи на море была еще более увеличена разрушением укреплений в Дюнкерке; ибо, хотя сам по себе он не был первоклассным портом и не отличался большой глубиной воды, он обладал большой искусственной военной мощью, а его положение было специально приспособлено для того, чтобы досаждала английской торговле. Он находился всего в сорока милях от Южного Предгорья и Холмов Даунс, а пролив рядом с ним имеет всего двадцать миль в ширину. Дюнкерк был одним из первых приобретений Луи, и в своем развитии он был его собственным детищем; демонтаж сооружений и засыпка порта показывают глубину его унижения в то время. Но Англия проявила мудрость, не основывая свою морскую мощь исключительно на военных позициях или даже на боевых кораблях, и коммерческие преимущества, которые она теперь получила благодаря войне и миру, были очень велики. Разрешение работ торговли с Испанской Америкой, само по себе прибыльное, стало еще более прибыльным в качестве основы для обширных контрабандных сношений с этими странами, что дало англичанам частичную компенсацию за их неспособность получить фактическое владение; в то время как уступки, сделанные Португалии Францией в Южной Америке, были в основном выгодны Англии, которая получила контроль над португальской торговлей по договору 1703 года. Уступленные североамериканские колонии были ценны не только и не столько главным образом как военные базы, но и с коммерческой точки зрения; и с Францией, и с Испанией были заключены торговые договоры на выгодных условиях. Тогдашний министр, защищая договор в парламенте, сказал: "Выгоды от этого мира проявляются в увеличении нашего богатства; в большом количестве слитков, недавно отчеканенных на нашем монетном дворе; в значительном увеличении нашего судоходства, занятого после заключения мира рыболовством и торговлей; и в замечательном росте таможенных пошлин на импорт, и нашей мануфактуры, и росте экспорта нашей страны"; одним словом, в стимулировании торговли во всех ее отраслях.

В то время как Англия, таким образом, вышла из войны в хорошем боевом состоянии и справедливо заняла ту позицию морского превосходства, которую она так долго сохраняла, ее старый соперник в торговле и боевых действиях остался безнадежно позади. В результате войны Голландия ничего не получила на море — ни колонии, ни станции. Торговый договор с Францией ставил ее на те же условия, что и Англию, но она не получила никаких уступок, дающих ей опору в Испанской Америке, подобную той, которую получил ее союзник. Действительно, за несколько лет до заключения мира, когда коалиция все еще поддерживала Карлоса, британский министр, неизвестный голландцам, заключил с последним договор, практически передающий британской монополии испанскую торговлю в Америке; делиться ею только с испанцами, что было почти то же самое, что не делиться ею вообще. Этот договор случайно стал известен и произвел большое впечатление на голландцев; но Англия была тогда настолько необходима коалиции, что она не рисковала остаться в стороне от других ее членов. Завоевание, которое Голландия получила на суше, заключалось только в военной оккупации определенных укрепленных мест в австрийских Нидерландах, известных в истории как "города-барьеры"; они ничего не добавили к ее доходам, населению или ресурсам; ничего к той национальной мощи, которая должна лежать в основе военных институтов. Голландия отказалась, возможно, неизбежно, от пути, по которому она продвигалась к богатству и лидерству среди наций. Острота ее континентального положения привела к пренебрежительному отношению к ее военно-морскому флоту, что в те дни войны и каперства повлекло за собой потерю судоходства и коммерции: и хотя она высоко держала голову на

протяжении всей войны, симптомы слабости были очевидны в ее слабеющем вооружении. Таким образом, хотя Соединенные Провинции достигли великой цели, ради которой они начали войну, и спасли Испанские Нидерланды от рук Франции, успех не стоил такой цены. С тех пор они на долгое время отошли от войн и дипломатии Европы; отчасти, возможно, потому, что увидели, как мало они выиграли, но еще больше из-за действительной слабости и неспособности. После напряженных усилий войны последовала реакция, которая болезненно продемонстрировала врожденную слабость государства, ограниченного по территории и малочисленного по численности своего народа. Видимый упадок провинций начался со времен Утрехтского мира; настоящий упадок начался раньше. Голландия перестала числиться среди великих держав Европы, ее военно-морской флот больше не был военным фактором дипломатии, и ее торговля также участвовала в общем упадке государства.

Остается лишь кратко отметить результаты для Австрии и Германии в целом. Франция уступила Рейнский барьер с укрепленными пунктами на восточном берегу реки. Австрия получила, как уже упоминалось, Бельгию, Сардинию, Неаполь и испанские владения в северной Италии; неудовлетворенная в других отношениях, Австрия была особенно недовольна тем, что ей не удалось заполучить Сицилию, и впоследствии не прекращала переговоров, пока не закрепила за собой этот остров. Обстоятельством, более важным для Германии и для всей Европы, чем это временное приобретение Австрией далеких и чуждых стран, было возвышение Пруссии, которое началось с этой войны как протестантского и военного королевства, которому суждено было перевесить чашу весов против Австрии.

Таковы были основные результаты войны за испанское наследство, "самой масштабной, которую Европа когда-либо видела со времен крестовых походов". Это была война, главный военный интерес которой был сосредоточен на суше, — война, в которой сражались два величайших полководца всех времен, Мальборо и принц Евгений, названия сражений которых — Бленхейм, Рамильес, Мальплаке, Турин — знакомы самому невнимательному читателю истории; в то время как множество способных людей отличились на других театрах военных действий, во Фландрии, в Германии, в Италии, в Испании. На море произошло только одно великое сражение, да и то едва ли достойное этого названия. И все же, рассчитывая лишь на мгновенные и очевидные результаты, кто извлек из этого выгоду? Была ли это Франция, единственной выгодой которой было посадить бургонца на испанский трон? Была ли это Испания, единственной выгодой которой было иметь короля-бургонца вместо австрийца и, таким образом, более тесный союз с Францией? Была ли это Голландия с ее барьером из укрепленных городов, ее разрушенным флотом и ее измученным народом? Была ли это, наконец, Австрия, хотя она воевала на деньги морских держав и завоевала такие морские государства, как Нидерланды и Неаполь? Было ли это с ними, которые вели войну все более и более исключительно на суше и все больше обращали внимание на завоевания на суше, или, скорее, с Англией, которая действительно заплатила за ту континентальную войну и даже поддержала ее своими войсками, но которая тем временем наращивала свой военно-морской флот, укрепляла, расширяла и защищала свою торговлю, захватывала морские позиции, — словом, основывала и возвращала свою морскую мощь на руинах мощи своих соперников, как друзей, так и врагов? Взор прикован к росту военно-морского флота Англии не для того, чтобы принизить достижения других; их достижения лишь яснее подчеркивают безмерность ее собственных. Для Франции было выгодой иметь в тылу друга, а не врага, хотя ее военно-морской флот и судоходство были разрушены. Для Испании было выгодой установить тесные отношения с такой живой страной, как Франция, после столетия политической смерти, и она спасла

большую часть своих владений, которым угрожала опасность. Для Голландии было выгодой окончательно освободиться от французской агрессии, а Бельгия оказалась в руках сильного, а не слабого государства. И для Австрии, несомненно, было выгодой не только сдержать, главным образом за счет других, продвижение своего исконного врага, но и получить такие провинции, как Сицилия и Неаполь, которые при мудром управлении могли бы стать основой респектабельной морской державы. Но ни одно из этих завоеваний, ни все вместе они не шли ни в какое сравнение по величию и тем более по прочности с приобретением Англией той несравненной морской мощи, которая началась во время войны Аугсбургской лиги и получила свою завершенность во время войны за Испанское наследство. С его помощью она контролировала обширную торговлю в открытом море с помощью военного судоходства, у которого не было конкурентов, да и в истощенном состоянии других наций не могло их быть; и это судоходство теперь надежно базировалось на сильных позициях во всех спорных частях света. Хотя ее индийская империя еще не была создана, огромное превосходство ее военно-морского флота позволило бы ей контролировать коммуникации других наций с этими богатыми и отдаленными регионами и отстаивать свою волю в любых спорах, возникающих между торговыми станциями различных национальностей. Торговля, которая поддерживала ее процветание, а ее союзников - боеспособность во время войны, хотя и сдерживалась и подвергалась преследованиям со стороны вражеских крейсеров (на которые она могла обращать лишь частичное внимание на фоне многочисленных претензий к ней), после окончания войны обрела новую жизнь. Во всем мире, измученные своей долей общих страданий, люди жаждали возвращения процветания и мирной торговли; и не было страны, готовой, как Англия, по богатству, капиталу и судоходству продвигать и пожинать плоды каждого предприятия, посредством которого поощрялся товарооборот, законными или незаконными средствами. В войне за испанское наследство, благодаря ее собственному мудрому управлению и истощению других наций, неуклонно развивался не только ее военно-морской флот, но и ее торговля; и действительно, в том опасном состоянии морей, которые пересекали одни из самых безрассудных и беспокойных крейсеров, когда-либо отправлявшихся Францией, эффективность военно-морского флота означала более безопасные плавания и, следовательно, большую занятость для торговых судов. Британские торговые суда, будучи лучше защищены, чем голландские, приобрели репутацию гораздо более безопасных перевозчиков, и транспортная торговля, естественно, все больше переходила в их руки; в то время как установившаяся однажды привычка отдавать им предпочтение, вероятно, сохранится.

"Принимая все во внимание, - говорит историк британского военно-морского флота, - я сомневаюсь, что когда-либо авторитет английской нации был выше, чем в этот период, или дух народа был выше. Успех нашего оружия на море, необходимость защиты нашей торговли и популярность каждого шага, предпринимаемого для увеличения нашей морской мощи, привели к принятию таких мер, которые ежегодно увеличивали наши силы. Отсюда возникло то огромное отличие, которое к концу 1706 года проявилось в Королевском военно-морском флоте; оно не только по количеству, но и по качеству кораблей намного превосходило то, что было во времена Революции или даже раньше. Следовательно, во время последней войны наша торговля скорее увеличилась, чем уменьшилась, и мы так заметно выиграли от наших тесных отношений с Португалией".^[77]

Следовательно, морская мощь Англии заключалась не только в огромном военно-морском флоте, с которым мы слишком часто и исключительно его ассоциируем; у Франции был такой военно-морской флот в 1688 году, и он сморщился, как лист в огне. И дело было не только в

процветающей торговле; через несколько лет после даты, к которой мы подошли, торговля Франции приобрела изрядные размеры, но первый же удар войны смел ее с морей, как флот Кромвеля когда-то смел голландский. Именно в союзе этих двух стран, тщательно поддерживаемом, Англия добилась усиления морской мощи над всеми другими государствами; и это усиление отчетливо связано с Войной за испанское наследство и восходит к ней. До этой войны Англия была одной из морских держав; после нее она стала *the* морской державой, не имеющей себе равных. Этой властью она также обладала в одиночку, не разделяемая другим и не сдерживаемая врагом. Она одна была богата, и благодаря ее контролю над морем и обширному судоходству источники богатства были настолько в ее руках, что в настоящее время не существовало опасности появления конкурента на океане. Таким образом, ее завоевание морской мощи и богатства было не только большим, но и прочным, поскольку находилось полностью в ее собственных руках; в то время как завоевания других государств были не просто ниже по степени, но и слабее по характеру, поскольку они более или менее зависели от доброй воли других народов.

Можно спросить, имеется ли в виду приписывать величие или богатство любого государства только морской мощи? Конечно, нет. Надлежащее использование и контроль над морем - это лишь одно звено в цепи обмена, посредством которой накапливается богатство; но это центральное звено, которое передается другим нациям в пользу того, кто им владеет, и которое, как, кажется, утверждает история, вернее всего накапливает в себе богатства. В Англии этот контроль и использование моря, по-видимому, возникли естественным образом в результате стечения многих обстоятельств; более того, годы, непосредственно предшествовавшие войне за испанское наследство, способствовали росту ее процветания благодаря ряду финансовых мер, о которых Маколей говорит как о "глубоком и прочном фундаменте, на котором должна была вырасти самая гигантская структура коммерческого процветания, которую когда-либо видел мир". Однако может возникнуть вопрос, не облегчил ли принятие таких мер гений народа, склонного к торговле и развитого ею; не было ли их принятие, по крайней мере частично, следствием морской мощи нации, а также дополнением к ней. Как бы то ни было, на противоположной стороне Ла-Манша видна нация, которая стартовала впереди Англии в гонке, — нация, особенно хорошо приспособленная по положению и ресурсам для контроля на море как в войне, так и в торговле. Положение Франции в том своеобразно, что из всех великих держав только у нее одной был свободный выбор; остальные были более или менее ограничены главным образом сушей или главным образом морем в любых передвижениях за пределами своих собственных границ; но она к своей протяженной континентальной границе добавила побережье трех морей. В 1672 году она определенно выбрала экспансию по суше. В то время Кольбер управлял ее финансами в течение двенадцати лет и, выйдя из состояния ужасной неразберихи, настолько восстановил их, что доходы короля Франции более чем вдвое превышали доходы короля Англии. В те дни Франция выплачивала субсидии Европе; но планы и надежды Кольбера в отношении Франции основывались на том, чтобы сделать ее могущественной на море. Война с Голландией помешала этим планам, поступательное движение к процветанию прекратилось, нация была замкнута в себе, отрезана от внешнего мира. Несомненно, многие причины, объединившись, привели к катастрофическому результату, ознаменовавшему конец правления Людовика XIV: постоянные войны, плохое управление во второй половине периода, расточительность повсюду; но Франция практически никогда не подвергалась вторжениям, война велась на ее собственных границах или за их пределами, за небольшими исключениями, ее отечественная промышленность мало

пострадала от прямых военных действий. В этом отношении она была почти равна Англии и находилась в лучших условиях, чем другие ее враги. Что повлияло на результаты? Почему Франция была несчастной и измученной, в то время как Англия улыбалась и процветала? Почему Англия диктовала, а Франция принимала условия мира? Причиной, по-видимому, была разница в богатстве и кредитоспособности. Франция в одиночку противостояла многим врагам; но эти враги были подняты и продолжали двигаться благодаря английским субсидиям. Лорд-казначей Англии в письме Мальборо в 1706 году говорит: —

"Хотя земля и торговля как Англии, так и Голландии лежат на них чрезмерным бременем, тем не менее кредит продолжает приносить пользу как им, так и нам; тогда как финансы Франции настолько истощены, что они вынуждены отдавать двадцать-двадцать пять процентов с каждого пенни, который они отправляют из королевства, если только они не отправляют его наличными".

В 1712 году расходы Франции составили 240 000 000 франков, в то время как налоги принесли всего 113 000 000 брутто, из которых после вычета убытков и необходимых расходов в казне осталось только 37 000 000; дефицит пытались покрыть, откладывая часть доходов на годы вперед и проводя ряд экстраординарных операций, которые трудно назвать или понять.

"Летом 1715 года [через два года после заключения мира] казалось, что ситуация не может ухудшиться — ни государственного, ни частного кредита больше нет; у государства больше нет четких доходов; те части доходов, которые не были обещаны, ожидалось в последующие годы. Ни труд, ни потребление не могли быть возобновлены из-за отсутствия обращения; ростовщичество царило на развалинах общества. Чередование высоких цен и обесценивания товаров окончательно раздавило людей. Среди них и даже в армии вспыхивали продовольственные бунты. Производство приходило в упадок или приостанавливалось; вынужденная нищета терзала города. Поля опустели, земли остались под паром из-за отсутствия инструментов, из-за нехватки навоза, из-за нехватки скота; дома приходили в упадок. Монархическая Франция, казалось, была готова умереть вместе со своим престарелым королем".

Так было во Франции, население которой в то время составляло девятнадцать миллионов человек по сравнению с восемью миллионами жителей всех Британских островов; земля была гораздо более плодородной; к тому же до великих дней добычи угля и железа. "В Англии, напротив, огромные гранты парламента в 1710 году чрезвычайно поразили французов; ибо, в то время как их кредит был низким или в некотором смысле совсем исчез, наш был в зените своего расцвета". Во время той же войны "среди наших торговцев проявился тот могучий дух, который позволял им осуществлять все свои планы с энергией, обеспечивавшей постоянное денежное обращение по всему королевству, и давал такое мощное поощрение всем промышленным предприятиям, что память о тех временах стала благодарной даже в худшие времена".

"Благодаря договору с Португалией мы получили огромную выгоду.... Португальцы начали ощущать благоприятные последствия своих золотых приисков в Бразилии, и последовавшая за этим обширная торговля с нами сделала их состояние в значительной степени нашим; и так было с тех пор; иначе я не знаю, как были покрыты расходы на войну.... Обратные средства в королевстве очень значительно увеличились, что в значительной степени следует отнести за

счет нашей португальской торговли; и этим, как я уже показал, мы были полностью обязаны нашему могуществу на море [которое вывело Португалию из союза двух корон и отдало ее под защиту морских держав]. Наша торговля с испанской Вест-Индией через Кадис, конечно, была сильно прервана в начале этой войны; но впоследствии она была в значительной степени восстановлена, а также благодаря прямому сообщению с несколькими провинциями, находившимися под властью эрцгерцога, а также через Португалию, через которую велась очень крупная, хотя и контрабандная торговля. В то же время мы очень много выигрывали от нашей торговли с испанцами в Вест-Индии [также контрабандой].... Наши колонии, хотя и жаловались на пренебрежение, становились богаче, населеннее и развивали свою торговлю дальше, чем в прежние времена.... Наша национальная цель по отношению к Англии была в этой войне особенно в значительной степени достигнута, — я имею в виду уничтожение французской мощи на море, ибо после битвы при Малаге мы больше ничего не слышим об их больших флотах; и хотя благодаря этому число их каперов значительно увеличилось, все же потери наших торговцев были гораздо меньше во второй войне, чем в первое царствование.... Это, безусловно, вызывает большое удовлетворение ... отправившись сначала в путь при виде такой великой военно-морской мощи, какую собрал французский король в 1688 году, в то время как мы боролись с такими трудностями, и когда мы вышли из той беспокойной войны в 1697 году, оказались обременены долгами, слишком тяжелыми, чтобы их можно было погасить за короткий промежуток мира, однако к 1706 году, вместо того, чтобы видеть, как военно-морской флот Франции приближается к нашему побережью, мы каждый год посылали мощный флот, чтобы оскорбить их, превосходящих их не только в океане, но и в Средиземном море, полностью вытесняя их из этого моря одним только видом нашего флага.... Этим мы не только обеспечили нашу торговлю с Левантом и укрепили наши интересы со всеми итальянскими князьями, но и повергли в ужас государства Берберии и внушили султану благоговейный страх, заставив его не слушать никаких предложений из Франции. Таковы были плоды увеличения нашей военно-морской мощи и того, как она использовалась.... Такие флоты были необходимы; они сразу же защитили наш флаг и наших союзников и приобщили их к нашим интересам; и, что важнее всего остального, они так эффективно укрепили нашу репутацию морской силы, что мы даже по сей день [1740] ощущаем счастливые последствия приобретенной таким образом славы".[79]

Нет необходимости добавлять что-либо еще. Такова была Морская мощь в те годы, когда, по словам французских историков, их крейсера наносили удары по ее торговле. Английский писатель признает тяжелые потери. В 1707 году, то есть в течение пяти лет, отчеты, согласно отчету комитета Палаты лордов, "показывают, что с начала войны Англия потеряла 30 военных кораблей и 1146 торговых судов, из которых 300 были отбиты; тогда как мы отобрали у них или уничтожили 80 военных кораблей и 1346 торговых судов; 175 каперов также были взяты в плен". Как уже было объяснено, большее количество военных кораблей, вероятно, находилось на частном предприятии. Но какими бы относительно минимальными были цифры, помимо только что приведенных утверждений, не требуется никаких аргументов, чтобы показать неспособность простой крейсерской войны, не основанной на больших флотах, сокрушить великую морскую державу. Жан Бар умер в 1702 году; но в Форбене, Дю Кассе и других, и прежде всего в Дюге-Труэне, он оставил достойных преемников, равных любым разрушителям торговли, которых когда-либо видел мир.

Имя Дюге-Труэна наводит на мысль упомянуть, прежде чем окончательно завершить войну за испанское наследство, о его величайшей каперской экспедиции, проведенной вдали от дома,

куда редко добирались моряки его профессии, и которая любопытно иллюстрирует дух подобных предприятий в то время и те перемены, на которые было вынуждено пойти французское правительство. Небольшая французская эскадра атаковала Рио-Жанейро в 1710 году, но, будучи отбита, потеряла несколько пленных, которые, как говорили, были преданы смерти. Дюге-Труэн попросил разрешения отомстить Франции за оскорбление. Король, с согласия, снарядил корабли и экипировал команды; и между королем, с одной стороны, и компанией, нанявшей Дюге-Труэна, с другой, был составлен обычный контракт, оговаривающий расходы, которые должны быть понесены, и снабжение с обеих сторон; среди которых мы находим странное, деловое положение о том, что за каждого из взятых на борт солдат, который умрет, будет убит или дезертирует во время плавания, компания должна выплатить неустойку в размере тридцати франков. Король должен был получать пятую часть чистой прибыли и нести убытки от любого из судов, которые должны были потерпеть крушение или быть уничтожены в бою. В соответствии с этими положениями, полностью перечисленными в долгосрочном контракте, Дюге-Труэн получил силы из шести линейных кораблей, семи фрегатов и более двух тысяч военнослужащих, с которыми он отплыл в Рио-Жанейро в 1711 году; захватил это место после серии операций и позволил выкупить его по цене около четырехсот тысяч долларов, что, вероятно, почти равно миллиону в наши дни, помимо пятисот ящиков сахара. Каперская компания получила около девяноста двух процентов прибыли от своего предприятия. Поскольку о двух линейных кораблях послеотплытия в обратный путь ничего не было слышно, доходы короля, вероятно, были невелики.

В то время как война за испанское наследство охватывала всю западную Европу, на востоке продолжалась борьба, которая, возможно, оказала глубокое влияние на ее исход. Швеция и Россия находились в состоянии войны, венгры восстали против Австрии, и Турция, наконец, была втянута в войну, хотя и не раньше конца 1710 года. Если бы Турция помогла венграм, она предприняла бы мощный отвлекающий маневр, не в первый раз в истории, в пользу Франции. Английский историк предполагает, что ее удерживал страх перед английским флотом; во всяком случае, она не двинулась с места, и Венгрия была вынуждена повиноваться. Война между Швецией и Россией должна была привести к преобладанию последней на Балтике, превращению Швеции, старого союзника Франции, во второсортное государство и окончательному вступлению России в европейскую политику.

СНОСКИ:

[75] Мартин: История Франции.

[76] Лаперуз-Бонфис: История. de la Marine Française.

[77] Кэмпбелл: Жизнь адмиралов.

[78] Мартин: История Франции.

ГЛАВА VI

Регентство во Франции.—Альберони в Испании.—Политика Уолпола и Флери.—Война за польское наследство.—Английская контрабандная торговля в Испанской Америке.—Великобритания объявляет войну Испании.—1715-1739.

Вскоре за Утрехтским миром последовала смерть правителей двух стран, сыгравших главную роль в войне за испанское наследство. Королева Анна умерла 1 августа 1714 года; Людовик XIV. 1 сентября 1715 года.

Наследник английского престола, немец Георг I., хотя, несомненно, это был выбор английского народа, был далек от того, чтобы быть их любимцем, и его скорее терпели как неизбежное зло, дав им протестантского короля вместо римско-католического. Наряду с холодностью и неприязнью своих собственных сторонников, он обнаружил очень значительную группу недовольных людей, которые хотели видеть на троне сына Якова II. . Таким образом, в его положении ощущался недостаток прочности, скорее кажущийся, чем реальный, но все же реальный. Во Франции, напротив, наследование престола было бесспорным; но наследником был пятилетний ребенок, и там очень ревниво относились к обладанию регентством, властью более абсолютной, чем у короля Англии. Регентство было получено и осуществлялось следующим по наследованию трона Филиппом, герцогом Орлеанским; но ему пришлось опасаться не только попыток соперников во Франции поколебать его власть, но и активной вражды короля Испании Бурбонов Филиппа V. Вражда, которая, по-видимому, началась с интриги Орлеана во время последней войны с целью сместить Филиппа с испанского трона. Поэтому в правительствах Англии и Франции существовало чувство нестабильности, опасения, которые влияли на политику обоих. Что касается отношений Франции и Испании, то взаимная

ненависть фактических правителей некоторое время стояла на пути дружественного соглашения Людовика XIV. надеялся на семейные узы и наносил ущерб истинным интересам обеих наций.

Регент Орлеанский по совету самого способного и знаменитого французского государственного деятеля того времени аббата Дюбуа сделал предложение о союзе королю Великобритании. Сначала он начал с коммерческих уступок, в целом приемлемых для англичан, запретив французским судоходным компаниям торговать в Южных морях под страхом смертной казни и снизив пошлины на импорт английского угля. Англия сначала отнеслась к этим авансам настороженно; но регент не был обескуражен и предложил, кроме того, вынудить Претендента, Якова III, отступить за Альпы. Он также взялся засыпать порт в Мардике - новые раскопки, с помощью которых французское правительство пыталось возместить себе потерю Дюнкерка. Эти уступки, все из которых, как следует отметить, кроме одной, были за счет морской мощи или коммерческих интересов Франции, побудили Англию подписать договор, по которому две страны взаимно гарантировали выполнение Утрехтских договоров в той мере, в какой были затронуты их соответствующие интересы; особенно пункт, по которому Орлеанский дом должен был унаследовать французский престол, если Людовик XV. умер бездетным. Протестантская преемственность в Англии также была гарантирована. Голландия, измученная войной, не желала вступать в новые соглашения, но в конце концов была вынуждена к этому благодаря отмене некоторых пошлин на ее товары, поступавшие во Францию. Международный договор, подписанный в январе 1717 года, был известен как Тройственный союз и связывал Францию с Англией на несколько лет вперед.

В то время как Франция, таким образом, делала попытки сближения с Англией, Испания под руководством другого способного церковника искала такого же союза и в то же время наращивала свою национальную мощь в надежде вернуть утраченные итальянские государства. Новый министр, кардинал Альберони, пообещал Филиппу V. дать ему возможность отвоевать Сицилию и Неаполь, если ему будет предоставлен пятилетний мир. Он усердно трудился, чтобы увеличить доходы, восстановить флот и армию, в то же время развивая промышленность, торговлю и судоходство, и успехи, достигнутые во всем этом, были замечательными; но более законному стремлению Испании вернуть свои утраченные владения и вместе с ними установить свою власть в Средиземноморье, столь тяжело пострадавшем от потери Гибралтара, помешало несвоевременное намерение Филиппа свергнуть орлеанское регентство во Франции. Альберони был вынужден оттолкнуть Францию, чья морская мощь, как и мощь Испании, была заинтересована в том, чтобы видеть Сицилию в дружественных руках, и вместо этого естественному союзнику пришлось примирять морские державы, Англию и Голландию. Этого он также стремился добиться с помощью коммерческих уступок, обещая незамедлительно предоставить англичанам привилегии, предоставленные в Утрехте, в отношении которых Испания до сих пор медлила. Взамен он попросил у них благоприятных действий в Италии. Георг I, который в душе был немцем, холодно воспринял авансы, которые были недружественны германскому императору в его итальянских владениях; и Альберони, оскорбленный, отозвал их. Тройственный союз, гарантируя существующий порядок наследования французского престола, еще больше оскорбил Филиппа V. Который мечтал заявить о своих собственных притязаниях. Результатом всех этих переговоров было объединение Англии и Франции против Испании — слепая политика для двух королевств Бурбонов.

Суть ситуации, созданной этими разными целями и чувствами, заключалась в том, что император Австрии и король Испании оба хотели заполучить Сицилию, которая в Утрехте была передана герцогу Савойскому; и что Франция и Англия оба желали мира в Западной Европе, потому что война дала бы возможность недовольным в обоих королевствах. Положение Георга, однако, было более прочным, чем у Орлеана, и политика последнего имела тенденцию уступать политике первого, и эта тенденция усиливалась активной недоброжелательностью короля Испании. Георг, как немец, желал успеха императору; и английские государственные деятели, естественно, предпочитали видеть Сицилию в руках своего бывшего союзника и надежного друга, а не в руках Испании. Франция, вопреки своей истинной политике, но учитывая настоящую позицию регента, придерживалась тех же взглядов, и было предложено изменить Утрехтский мирный договор, передав Сицилию от Савойи Австрии, отдав вместо нее бывшую Сардинию. Необходимо, однако, было принять во внимание Испанию, которая при Альберони уже достигла уровня военной мощи, поразительного для тех, кто знал ее слабость во время последней войны. Она еще не была готова сражаться, ибо прошла только половина из пяти лет, отпущенных кардиналом; но еще меньше она была готова отказаться от своих амбиций. Незначительный инцидент ускорил вспышку. Высокопоставленный испанский чиновник, направлявшийся из Рима в Испанию по суше и таким образом проезжавший через итальянские владения императора, был арестован как мятежный подданный по приказу последнего, который все еще называл себя королем Испании. Услышав это оскорбление, Альберони не смог сдержать Филиппа. Против Сардинии была отправлена экспедиция из двенадцати военных кораблей и восьмидесяти шестисот солдат, передача которой Савойе еще не вступила в силу, и за несколько месяцев остров был захвачен. Это произошло в 1717 году.

Несомненно, испанцы немедленно двинулись бы против Сицилии; но Франция и Англия теперь вмешались более активно, чтобы предотвратить всеобщую войну, которая казалась угрожающей. Англия направила флот в Средиземное море, и в Париже, Вене и Мадриде начались переговоры. Результатом этих конференций стало соглашение между Англией и Францией об обмене только что упомянутыми Сардинией и Сицилией, в качестве компенсации Испании отдавая ей Парму и Тоскану в северной Италии, и оговаривая, что император должен навсегда отказаться от своих абсурдных, но раздражающих притязаний на испанскую корону. Это соглашение должно было быть подкреплено оружием в случае необходимости. Император сначала отказался дать согласие; но возрастающий размах приготовлений Альберони, наконец, заставил его принять столь выгодное предложение, а присоединение Голландии к договору дало ему историческое название Четверного союза. Испания была упряма; и то, что было сделано предложение купить ее согласие уступкой Гибралтара, свидетельствует о достижениях Альберони в развитии ее могущества и о рвении, если не сказать о тревоге Георга I. Если бы регент Орлеана знал об этом, это отчасти оправдало бы его перенос переговоров.

Альберони пытался подкрепить свою военную мощь дипломатическими усилиями, распространившимися по всей Европе. Россия и Швеция объединились в проекте вторжения в Англию в интересах Стюартов; подписание Четверного союза в Голландии было отложено его агентами; во Франции был начат заговор против регента; турки были настроены против императора; недовольство было разжигается по всей Великобритании; и была предпринята попытка привлечь на свою сторону герцога Савойского, возмущенного тем, что его лишили Сицилии. 1 июля 1718 года тридцатитысячная испанская армия в сопровождении двадцати двух линейных кораблей появилась в Палермо. Войска Савойи эвакуировали город и почти весь остров, сопротивление было сосредоточено в цитадели Мессины. Беспокойство ощущалось и в

самом Неаполе, пока английский адмирал Бинг,[80] бросил там якорь на следующий день после захвата Мессины. Король Сицилии теперь согласился на условия Четверного союза, и Бинг принял на борт две тысячи австрийских солдат, которые должны были высадиться в Мессине. Когда он появился перед этим местом и обнаружил, что оно осаждено, он написал испанскому генералу, предлагая приостановить вооружение на два месяца. В этом, конечно, было отказано; поэтому австрийцы снова высадились в Реджо, в Италии, а Бинг прошел Мессинский пролив в поисках испанского флота, который ушел на юг.

Последовавшее за этим сражение едва ли можно назвать битвой, и, как это обычно бывает в подобных делах, когда стороны находятся на грани войны, но война фактически не объявлена, есть некоторые сомнения относительно того, насколько нападение было морально оправдано со стороны англичан. Кажется вполне очевидным, что Бинг заранее был полон решимости захватить или уничтожить испанский флот, и что как военный он был оправдан своими приказами. Испанские военно-морские офицеры так и не определились с какой-либо линией поведения; они значительно уступали в численности, и, как это всегда должно быть, поспешно возрожденный военно-морской флот Альберони за тот же период близко не достиг боеспособности его армии. Англичане подошли угрожающе близко, один или несколько испанских кораблей открыли огонь, после чего англичане, находившиеся с наветренной стороны, отступили и покончили с ними; лишь нескольким удалось спастись в гавани Валлетты. Испанский флот был практически уничтожен. Трудно понять важность, придаваемую некоторыми авторами действиям Бинга в то время, когда он атаковал без учета линии боя. Перед ним были беспорядочные силы, значительно уступавшие ему как по численности, так и по дисциплине. Его заслуга, по-видимому, скорее заключается в готовности взять на себя ответственность, от которой более щепетильный человек, возможно, уклонился бы; но в этом и на протяжении всей кампании он оказал хорошую услугу Англии, чья морская мощь снова укрепилась благодаря уничтожению не фактического, а возможного соперника, и его услуги были вознаграждены званием пэра. В связи с работой этого дня было написано донесение, которое пользуется большим уважением английских историков. Один из старших капитанов был отправлен с дивизионом против нескольких ускользающих кораблей противника. Его отчет адмиралу гласил следующее: "Сэр, мы захватили или уничтожили все испанские корабли на этом побережье, количество указано на полях. С уважением и т.д., Г. Уолтон". Один английский писатель делает, а другой подтверждает неуместный, но характерный выпад в адрес французов, что корабли, вынесенные таким образом на поля, заполнили бы несколько страниц французского повествования.[81] Можно допустить, что так называемое "сражение" у мыса Пассаро не заслуживало подробного описания, и капитан Уолтон, возможно, так и считал; но если бы все отчеты о военно-морских операциях строились по его образцу, написание военно-морской истории не зависело бы от официальных документов.

Таким образом, испанский флот был разгромлен 11 августа 1718 года у мыса Пассаро. Это решило судьбу Сицилии, если раньше в этом были сомнения. Английский флот крейсировал вокруг острова, поддерживая австрийцев и изолируя испанцев, никому из которых не было разрешено уйти до заключения мира. Дипломатические проекты Альберони проваливались один за другим со странной фатальностью. В следующем году французы, выполняя условия альянса, вторглись на север Испании и разрушили верфи; сожгли девять больших кораблей на стапелях, помимо материалов для еще семи, по наущению английского *атташе*, сопровождавшего французскую штаб-квартиру. Так было завершено уничтожение испанского военно-морского флота, которое, по словам английского историка, было приписано морской

ревности Англии. "Это было сделано, - писал французский военачальник герцог Бервик, бастард из дома Стюартов, - для того, чтобы английское правительство могло продемонстрировать следующему парламенту, что не было упущено ничего, чтобы уменьшить военно-морской флот Испании". Действия сэра Джорджа Бинга, изложенные английским военно-морским историком, еще более наглядно демонстрируют цели Англии в то время. В то время как город и цитадель Мессина были осаждены австрийцами, англичанами и сардинцами, возник спор о владении испанскими военными кораблями в пределах мола. Бинг, "размышляя про себя, что, возможно, гарнизон может капитулировать ради безопасного возвращения этих кораблей в Испанию, чего он твердо решил не допустить; что, с другой стороны, право владения может вызвать неудобный спор в критический момент между заинтересованными князьями, и если в конце концов будет установлено, что они не принадлежат Англии, то лучше бы им не принадлежать никому другому, предложил графу де Мерси, австрийскому генералу, воздвигнуть батарею и уничтожить их на месте".^[82] После некоторых возражений со стороны других лидеров это было сделано. Если постоянная осторожность и бдительность заслуживают успеха, то Англия, безусловно, заслужила свою морскую мощь; но что сказать о безумии Франции в это время и в этой связи?

Непрерывный поток неудач и безнадёжность борьбы за отдаленные морские владения без военно-морского флота сломили сопротивление Испании. Англия и Франция настаивали на увольнении Альберони, и Филипп согласился на условия Четверного союза. Австрийская держава, по необходимости дружественная Англии, таким образом, прочно обосновалась в центральном Средиземноморье, в Неаполе и на Сицилии, подобно тому как сама Англия обосновалась в Гибралтаре и Порт-Маоне. Сэр Роберт Уолпол, министр, который сейчас приходит к власти в Англии, позднее не смог поддержать это благоприятное сочетание и до сих пор предавал традиционную политику своей страны. Владычество Савойского дома на Сардинии, которое тогда началось, продолжалось; только в наши дни титул короля Сардинии слился с более широким титулом короля Италии.

Одновременно с коротким эпизодом министерства Альберони и честолюбивых замыслов Испании и в течение некоторого времени после него на берегах Балтийского моря шла борьба, о которой необходимо упомянуть, потому что она послужила еще одной наглядной иллюстрацией морской мощи Англии, проявлявшейся одинаково на севере и юге с легким напряжением, которое вызывает в памяти истории о прикосновении тигриной лапы. Долгое соперничество между Швецией и Россией было на мгновение прервано в 1718 году переговорами, направленными на установление мира и заключение союза между двумя странами для урегулирования вопроса о престолонаследии в Польше и реставрации Стюартов в Англии. Этот проект, на который возлагались многие надежды Альберони, был окончательно остановлен гибелью в битве шведского короля. Война продолжалась, и царь, видя истощение Швеции, намеревался полностью подчинить ее себе. Такое нарушение баланса сил на Балтике, превращающее ее в российское озеро, не устраивало ни Англию, ни Францию; особенно первую, чья морская мощь как в мирное, так и в военное время зависела от военно-морских запасов, получаемых главным образом из этих регионов. Два западных королевства вмешались, оба с помощью дипломатии, в то время как Англия, кроме того, послала свой флот. Дания, которая также находилась в состоянии войны со своим традиционным врагом Швецией, с готовностью уступила; но Петр Великий сильно страдал от подразумеваемого принуждения, пока, наконец, английскому адмиралу не был направлен приказ присоединить свой флот к шведскому и повторить на Балтике историю мыса Пассаро. Встревоженный царь отозвал свой

флот. Это произошло в 1719 году; но Петр, хотя и был сбит с толку, еще не был покорен. В следующем году вмешательство Англии было повторено с большим эффектом, хотя и не вовремя, чтобы спасти шведское побережье от серьезного ущерба; но царь, осознав неизменную цель, с которой он имел дело, и зная по личным наблюдениям и практическому опыту эффективность морской мощи Англии, согласился в конце концов на мир. Французы возлагают большие надежды на свою собственную дипломатию в этом счастливом результате и говорят, что Англия слабо поддерживала Швецию, желая, чтобы она потеряла свои провинции на восточном берегу Балтийского моря, потому что Россия, таким образом оттесненная к морскому побережью, могла бы легче открыть для английской торговли обширные ресурсы своих внутренних районов. Вполне возможно, что это правда, и можно с уверенностью сказать, что британские интересы, особенно в том, что касается торговли и морской мощи, были соблюдены; но характер Петра Великого является гарантией того, что аргументом, который имел для него наибольшее значение, была военная эффективность британского флота и его способность подойти к самым его дверям. По этому Ништадтскому миру 30 августа 1721 года Швеция отказалась от Лифляндии, Эстонии и других провинций на восточном берегу Балтийского моря. Этот результат был неизбежен; с каждым годом у малых государств становилось все меньше возможностей отстаивать свои права.

Легко понять, что Испания была крайне недовольна условиями, которые ей навязал Четверной союз. Двенадцать последующих лет называются годами мира, но мир был очень неопределенным и чреватым элементами будущих войн. Три большими проблемами, терзавшими Испанию, были: Сицилия и Неаполь во владении Австрии, Гибралтар и Маон в руках Англии и, наконец, обширная контрабандная торговля, которую вели английские купцы и корабли в Испанской Америке. Будет видно, что Англия активно поддерживала все эти оскорбления; Следовательно, Англия была особым врагом Испании, но Испания была не единственным врагом Англии.

То затишье, которое последовало за падением Альберони, было вызвано главным образом характером и политикой двух министров Франции и Англии, которые единодушно желали всеобщего мира. Политика и мотивы французского регента уже известны. Движимый теми же причинами и желая устранить случайное оскорбление, нанесенное Англией, Дюбуа добился для нее дальнейшей уступки от Испании, в дополнение к коммерческим преимуществам, предоставленным в Утрехте, в отправке ежегодно корабля для торговли в Вест-Индии. Говорят, что этот корабль после постановки на якорь постоянно снабжался другими, так что свежий груз поступал через один борт так же быстро, как старый отправлялся на берег с другого. Дюбуа и регент оба умерли во второй половине 1723 года, после восьмилетнего правления, в течение которого они изменили политику Ришелье, заключив союз с Англией и Австрией и принеся им в жертву интересы Франции.

Регентство и номинальное правительство Франции перешли к другому члену королевской семьи; но реальным правителем был кардинал Флери, наставник молодого короля, которому сейчас было тринадцать лет. Попытки сместить наставника привели лишь к присвоению ему титула, а также власти министра в 1726 году. В это время сэр Роберт Уолпол стал премьер-министром Англии, обладая влиянием и властью, которые давали ему практически все руководство политикой государства. Главным желанием и Уолпола, и Флери был мир, прежде всего в Западной Европе. Поэтому Франция и Англия продолжали действовать сообща для достижения этой цели, и хотя они не могли полностью подавить всякий ропот, в течение

нескольких лет им удавалось предотвращать вспышки. Но хотя цели двух министров, таким образом, были согласованы, мотивы, которыми они руководствовались, были разными. Уолпол желал мира из-за все еще неурегулированного положения с английским престолонаследием; из-за мирного роста английской торговли, который он всегда имел перед глазами; и, вероятно, также потому, что его дух, нетерпимый к равным в правительстве, уклонялся от войны, которая подняла бы вокруг него более сильных людей. Флери, достаточно обеспеченный в том, что касалось трона и его собственной власти, подобно Уолполу желал мирного развития своей страны и уклонялся от войны из любви к покою, естественной для преклонного возраста; ибо ему было семьдесят три, когда он вступил в должность, и девяносто, когда он сложил ее после смерти. При его мягком правлении процветание Франции возродилось; проезжающий мимо путешественник мог заметить перемену в облике страны и народа; и все же можно усомниться, была ли эта перемена вызвана правлением тихого старика или просто естественной эластичностью народа, который больше не был истощен войной и не был изолирован от остального мира. Французские власти утверждают, что сельское хозяйство не возродилось по всей стране. Однако несомненно, что морское процветание Франции чудесным образом продвинулось вперед, главным образом благодаря снятию торговых ограничений в годы, следовавшие сразу за смертью Людовика XIV. Вест-Индские острова, в частности, сильно процветали, и их благосостояние, естественно, разделяли порты приписки, которые вели с ними торговлю. Тропический климат Мартиники, Гваделупы и Луизианы и земледелие, производимое рабами, легко поддавались отеческому, полувоенному правлению, характерному для всех французских колоний, но дававшему менее благоприятные результаты в суровых погодных условиях Канады. В Вест-Индии Франция в это время получила решительный перевес над Англией; стоимость одной только французской половины Хайти была равна стоимости всей английской Вест-Индии, а французский кофе и сахар вытесняли английский с европейских рынков. Французские историки утверждают о подобном преимуществе перед Англией в торговле со Средиземноморьем и Левантом. В то же время была возрождена Ост-Индская компания, и ее французский склад, название которого говорит о его связи с Востоком, бретонский городок Ориент, быстро превратился в великолепный город. Пондишери на побережье Коромандель и Чандернагор на Ганге, главные центры французского могущества и торговли в Индии, быстро росли; остров Бурбон и остров Франция, ныне Маврикий, положение которых так хорошо подходит для контроля над Индийским океаном, стали, один богатой сельскохозяйственной колонией, другой мощной военно-морской базой. Монополия великой компании ограничивалась торговлей между родиной и главными станциями в Индии; перевозки по индийским морям были открыты для частного предпринимательства и росли все более быстрыми темпами. Это великое движение, совершенно спонтанное и даже с недоверием наблюдавшееся правительством, было олицетворено двумя людьми, Дюпле и Ла Бурдонне; первый в Чандернагоре, а второй на острове Франция, указывали и руководили всеми этими начинаниями, которые укрепляли мощь и известность французов в Восточных морях. Началось движение, которое, сделав Францию соперницей Англии на полуострове Индостан и дав ей на мгновение обещание стать великой империей, даровавшей новый титул королеве Великобритании, было обречено в конце концов дрогнуть и погибнуть перед морской мощью Англии. О масштабах этого расширения французской торговли, последовавшего за миром и снятием ограничений, и ни в коем случае не обусловленного защитой правительства, свидетельствует рост французского торгового судоходства - всего с трехсот судов на момент смерти Людовика XIV до тысячи восьмисот двадцать лет спустя. Это, как утверждает французский историк, опровергает "прискорбные предрассудки, порожденные нашими

несчастьями, о том, что Франция не приспособлена для морской торговли, единственной торговли, которая бесконечно расширяет могущество нации в ее сфере деятельности". [83]

Это свободное и счастливое передвижение людей было далеко не приемлемо для Флери, которая, похоже, смотрела на это с недоверием курицы, высиживающей утят. Уолпол и он сам согласились любить мир; но Уолпол был вынужден считаться с английским народом, а тот был склонен возмущаться соперничеством на море и в торговле, каким бы оно ни было. Более того, Флери унаследовал неудачную политику Людовика XIV; его взор был прикован к континенту. На самом деле он не хотел следовать курсу регентства в ссоре с Испанией, а скорее сблизиться с ней; и хотя какое-то время он не мог этого сделать, не пожертвовав своей мирной политикой из-за неугомонной вражды Испании к Англии, все же его мысли были главным образом сосредоточены на укреплении позиций Франции на земле, путем установления правителей Бурбонов там, где он мог, и объединения их семейными союзами. Военно-морскому флоту было позволено приходить в упадок все больше и больше. "Французское правительство покинуло море в тот самый момент, когда нация, благодаря деятельности частных лиц, предпринимала попытки вернуть его". Материальная сила сократилась до пятидесяти четырех линейных кораблей и фрегатов, в основном в плохом состоянии; и даже когда война с Англией была неизбежна в течение пяти лет, у Франции было всего сорок пять линейных кораблей против девяноста у Англии. Это различие предвосхитило результаты, последовавшие за четвертью века войны.

В тот же период Уолпол, полагаясь на сотрудничество Флери, решительно выступил против открытой войны между Англией и Испанией. Трудности, вызванные угрожающими и раздражающими действиями последней страны и тех союзников, которых она время от времени могла привлечь, были преодолены, и некоторое время успешно преодолевались военно—морскими демонстрациями - напоминаниями о той морской мощи, которую чувствовали и которой уступали одна нация за другой. В 1725 году испанский король и император согласились прекратить свою давнюю вражду и подписали в Вене мирный договор, в котором содержался секретный пункт, предусматривающий, что император поддержит претензии Испании на Гибралтар и Порт-Маон, при необходимости, оружием. Россия также проявила желание присоединиться к этой конфедерации. Между Англией, Францией и Пруссией был заключен контрсоюз; и английские флоты были отправлены: один на Балтику, чтобы внушить страх царице, другой к побережью Испании, чтобы сдержать это правительство и защитить Гибралтар, а третий в Порто-Белло, на испанском материке, чтобы блокировать скопившийся там флот галеонов и, перекрыв поставки, сразу напомнить испанскому королю о его зависимости от американской валюты и о контроле Англии над дорогой, по которой она к нему поступала. Отвращение Уолпола к войне выразилось в том, что он отдал адмиралу в Порто-Белло строжайший приказ не сражаться, а только вести блокаду; следствием чего, из-за длительной задержки эскадры на болезненном побережье, стала смертность среди экипажей, которая потрясла нацию и привела, среди прочих причин, к свержению министра много лет спустя. Там погибло от трех до четырех тысяч офицеров и рядовых, включая самого адмирала Хосье. Цель Уолпола, однако, была достигнута; хотя Испания предприняла глупую атаку по суше на Гибралтар, присутствие английского флота обеспечило ее снабжение и провизию и предотвратило официальное начало войны. Император вышел из союза и под давлением Англии также аннулировал устав Ост-Индской компании, который он санкционировал в Австрийских Нидерландах и который получил свое название от порта Остенде. Английские купцы потребовали устранения этого конкурента, а также аналогичного конкурента,

обосновавшегося в Дании; обе эти уступки были получены английским министерством при поддержке Голландии. До тех пор, пока торговля не была серьезно нарушена, мирная политика Уолпола, сопровождавшаяся, как это естественно было, годами изобилия и общего довольства, легко поддерживалась, даже несмотря на то, что Испания продолжала угрожать и высокомерно предъявлять свои требования к Гибралтару; но, к сожалению, теперь она еще глубже встала на путь, вызывающий раздражение английской торговли. Упоминались концессии на асиенто, или работоторговлю, и ежегодные морские перевозки в Южную Америку; но эти привилегии были лишь частью английской торговли в этих регионах. Система Испании в отношении торговли ее колоний носила самый узкий и эксклюзивный характер; но, пытаясь изолировать их от иностранных перевозок, она пренебрегала тем, чтобы самой обеспечивать их нужды. Следствием этого было то, что по всем ее американским владениям возникла крупная контрабандная торговля, осуществляемая в основном англичанами, которые сделали свою законную торговлю на "Асиенто" и "ежегодном корабле" также незаконной или, по крайней мере, несанкционированной торговлей. Эта система, несомненно, была выгодна большей части испанских колонистов и поощрялась ими, в то время как колониальные губернаторы потворствовали ей, иногда за деньги, иногда под влиянием местного общественного мнения и собственного знания трудностей дела; но были испанские подданные, которые видели, что их бизнес пострадал от использования и злоупотребления английскими привилегиями, и национальное правительство пострадало как в кармане, так и в гордости из-за этих уклонений от уплаты налогов. Теперь он начал дергать за ниточки все туже. Были возрождены и приведены в исполнение устаревшие правила. Слова, в которых были описаны действия Испании в этом давнем споре, любопытным образом применимы к некоторым недавним спорам, стороной в которых были Соединенные Штаты. "Теперь соблюдалась буква договора, хотя от духа, который его диктовал, отказались. Хотя английские корабли все еще пользовались свободой заходить в испанские гавани с целью переоборудования и снабжения провизией, все же они были далеки от тех преимуществ, которые давало ведение дружеских и торговых отношений. Теперь за ними следили со скрупулезной ревностью, guarda-costas строго навещал их, и были приняты все эффективные средства для предотвращения любой торговли с колониями, за исключением того, что разрешалось ежегодным судоходством. " Если бы Испания могла ограничиться более строгой бдительностью и соблюдением в своих собственных водах досадных таможенных правил, по существу не отличающихся от тех, которые были санкционированы общими коммерческими идеями того времени, возможно, никакого дальнейшего ущерба не последовало бы; но состояние дел и характере правительства не позволили бы ей остановиться на этом. Невозможно было охранять и эффективно запечатывать морское побережье, простирающееся на сотни миль, с бесчисленными бухтами; также торговцев и моряков в погоне за выгодой, которую они привыкли считать своим правом, не остановили бы ни страх перед штрафами, ни соображения о восприимчивости Испании. Могущество Испании было недостаточно велико, чтобы навязать английскому министерству какое-либо регулирование их судоходства или пресечь злоупотребление привилегиями, закрепленными в договоре, вопреки чувствам торговцев; и поэтому более слабое государство, обиженное и притесняемое, было вынуждено использовать совершенно незаконные средства. Военным кораблям и кораблям guarda-costas было приказано или, по крайней мере, разрешено останавливать и обыскивать английские суда в открытом море, за пределами испанской юрисдикции; и высокомерный испанский нрав, не сдерживаемый слабым центральным правительством, превратил многие из этих визитов, как законных, так и незаконных, в сцены оскорбления и даже насилия. Несколько схожие результаты, проистекающие из не совсем иных

причин, имели место в отношениях испанских официальных лиц к Соединенным Штатам и американским торговым судам в наши дни. Истории об этих актах насилия, вернувшихся в Англию, вкупе со случаями потерь в результате конфискаций и затруднительной торговли, конечно, взбудоражили людей. В 1737 году вест-индские купцы обратились с петицией в Палату общин, заявив:

"В течение многих прошедших лет их корабли не только часто останавливались и обыскивались, но также насильственно и произвольно захватывались в открытом море испанскими кораблями, снаряженными для плавания, под благовидным предлогом охраны их собственных берегов; что с их командирами и их экипажами бесчеловечно обращались, а их корабли были доставлены в некоторые испанские порты и там осуждены вместе с их грузом, что является явным нарушением договоров, действующих между двумя коронами; что на протесты министров его Величества в Мадриде не обращают внимания, и что оскорбления и грабежи должны быть пресечены". скоро разрушим их торговлю".

Уолпол упорно боролся в течение десяти лет, следовавших за 1729 годом, чтобы предотвратить войну. В том же году в Севилье был подписан мирный договор, призванный урегулировать ситуацию, восстановив условия торговли такими, какими они были четыре года назад, и предусматривавший, что шесть тысяч испанских солдат должны были немедленно занять территорию Тосканы и Пармы. Уолпол доказывал своему собственному народу, что война лишит его коммерческих привилегий, которыми они уже пользовались в испанских владениях; в то время как с Испанией он вел постоянные переговоры, добываясь уступок и контрибуций, которые могли бы заставить замолчать внутренний шум. В разгар этого периода разразилась война за наследование польского престола. Тесть французского короля был одним из претендентов; Австрия поддержала его оппонента. Общая враждебность к Австрии вновь сблизила Францию и Испанию, и к ним присоединился король Сардинии, который надеялся с помощью этого союза отторгнуть Милан от Австрии и присоединить его к своей собственной территории Пьемонт. Нейтралитет Англии и Голландии был обеспечен обещанием не нападать на австрийские Нидерланды, владение любой частью которых Францией считалось опасным для морской мощи Англии. Союзные государства объявили войну Австрии в октябре 1733 года, и их армии вместе вошли в Италию; но испанцы, увлеченные своими давно вынашиваемыми планами против Неаполя и Сицилии, оставили остальные и повернули на юг. Два королевства были легко и быстро завоеваны, захватчики владели морем и пользовались благосклонностью населения. Второй сын короля Испании был провозглашен королем под титулом Карлоса III, и таким образом возникло Бурбонское королевство Обеих Сицилий. Отвращение Уолпола к войне, вынудившее его отказаться от давнего союзника, привело, таким образом, к передаче центрального Средиземноморья под контроль, неизбежно недружественный Великобритании.

Но в то время, как Уолпол таким образом отказался от императора, он сам был предан своей подругой Флери. Заключая открытый союз с Испанией против Австрии, французское правительство согласилось на секретный пункт, направленный против Англии. Это обязательство гласило следующее: "Всякий раз, когда это будет выгодно обоим нациям, злоупотребления, проникшие в торговлю, особенно через англичан, будут отменены; и если англичане будут возражать, Франция отразит их враждебность всеми своими силами на суше и на море". "И это соглашение было заключено, - как указывает биограф лорда Хоука, - в период тесного и показного союза с самой Англией".^[84] "Таким образом, политика, против которой выступал Вильгельм III. призвал Англию и Европу к вооружению, наконец появился на свет".

Если бы Уолпол знал об этом секретном соглашении, оно могло бы показаться ему дополнительным аргументом в пользу мира; поскольку его острая политическая проницательность предупреждала его о существовании опасности, которую он пока не мог видеть, он сказал Палате общин, что "если бы испанцы не получали личной поддержки от держав, более значительных, чем они сами, они никогда бы не отважились на оскорбления и обиды, которые были доказаны в вашем суде"; и он выразил мнение, что "Англия не могла сравниться ни с французами, ни с испанцами".

Флери действительно подверг своего старого друга и собрата-государственного деятеля ужасному падению. Конкретный вопрос, вызвавший двухлетнюю войну за польское наследство, выбор правителя для растерянного королевства, которому суждено было вскоре исчезнуть из списка европейских государств, кажется незначительным; но поворот, приданный европейской политике действиями вовлеченных в нее держав, придает ему совсем иное значение. Франция и Австрия пришли к соглашению в октябре 1735 года на условиях, к которым впоследствии присоединились Сардиния и Испания, основные пункты которых были следующими: французский претендент на польский престол отказался от своих притязаний на него и получил вместо этого герцогства Бар и Лотарингию на востоке Франции с условием, что после его смерти они должны были перейти к его зятю, королю Франции, под полным суверенитетом; два королевства Сицилия и Неаполь были переданы испанскому принцу Бурбонов Дону Карлосу; а Австрия получила обратно Парму. Сардинская монархия также получила приращение своей итальянской территории. Таким образом, Франция при миролюбивом Флери добилась в Баре и Лотарингии усиления, которого тщетно добивались более воинственные правители; и в то же время ее внешнее положение было укреплено за счет Англии путем передачи союзнику контрольных позиций в центральном Средиземноморье. И все же сердце Флери вполне могло дрогнуть, когда он вспомнил о секретном соглашении ограничить торговлю Англии и подумал о ее могучей морской мощи рядом с пришедшим в упадок военно-морским флотом Франции. Этот договор между Францией и Испанией, к которому позже присоединились Две Сицилии, нес в себе, в тогдашних напряженных отношениях между Англией и Испанией, зародыш великих войн между Англией и Домом Бурбонов, которые привели к созданию Британской империи и независимости Соединенных Штатов.

Шумиха в Англии по поводу бесчинств Испании продолжалась, и оппозиция Уолполу тщательно поддерживала ее. Министру было теперь за шестьдесят, и он едва ли был способен изменить устоявшиеся убеждения и политику своего расцвета. Он оказался лицом к лицу с одним из тех непреодолимых конфликтов между нациями и расами, в отношении которых политика репрессий и компромиссов может быть применена лишь на короткое время. Англичане были склонны открыть Вест-Индию и Испанскую Америку, испанское правительство в равной степени стремилось воспрепятствовать им. К несчастью, из-за своей политики обструкции они усилили врагов Уолпола незаконным досмотром английских кораблей в открытом море и, возможно, также оскорблениями английских моряков. Некоторые из последних предстали перед Коллегией адвокатов Палаты общин и показали, что их не просто ограбили, но и пытали, заточили в тюрьму и заставили жить и работать в отвратительных условиях. Самым известным случаем был случай с неким Дженкинсом, капитаном торгового брига, который рассказал, что испанский офицер оторвал ему одно ухо, приказав отнести его королю, своему повелителю, и сказать, что, если бы он был там, с ним поступили бы точно так же. Когда его спросили, что он чувствовал в такой момент опасности и страданий, он, как говорили, ответил: "Я вверил свою душу Богу, а свое дело - моей стране". Это хорошо выверенное драматическое высказывание из

уст человека его класса наводит на мысль о высокой окраске всей истории; но можно легко представить, каким мощным агитационным лозунгом это было бы в разгар народного движения. Волна чувств смела лоскутное одеяло компромиссов Уолпола, и 19 октября 1739 года Великобритания объявила войну Испании. Английский ультиматум требовал официального отказа от права на обыск, заявленного и осуществляемого испанцами, и прямого признания британских притязаний в Северной Америке. Среди этих претензий была одна, касающаяся границ Джорджии, тогда недавно основанной колонии, и касающаяся испанской территории Флорида.

Насколько война, таким образом подстрекнутая и начатая Англией вопреки мнению ее способного министра, была морально оправдана, горячо оспаривалось английскими писателями с обеих сторон. Законы Испании в отношении торговли ее колоний не отличались по духу от законов самой Англии, о чем свидетельствует ее Закон о мореплавании, и испанские военно-морские офицеры оказались в положении, почти идентичном положению Нельсона, когда он был капитаном фрегата в Вест-Индии полвека спустя. Американские корабли и купцы затем, после отделения от метрополии, продолжили торговлю, которой они пользовались как колонисты; Нельсон, ревностно относившийся к коммерческим выгодам Англии, как тогда понимали, взялся за обеспечение соблюдения закона и, поступая таким образом, столкнулся с настроениями против него вест-индейцев и колониальных властей. Не похоже, что он или те, кто его поддерживал, искали незаконно, поскольку могущество Англии было достаточно велико, чтобы защищать свои судоходные интересы, не используя нерегулярные средства; в то время как Испания между 1730 и 1740 годами, будучи слабой, испытывала искушение, как и с тех пор, схватить тех, кто, как она знала, причинил ей вред, везде, где она могла их найти, даже за пределами своей законной юрисдикции.

После прочтения полностью сочувственного изложения дела противников Уолпола, призывающих к войне, данного профессором Берроузом в его книге "Жизнь лорда Хоука", иностранец вряд ли сможет не прийти к выводу, что испанцы были жестоко оскорблены в соответствии с правами метрополии на колонии, общепринятыми в то время; хотя ни одна нация не могла мириться с правом обыска, на которое они претендовали. В первую очередь касается нашей темы замечание о том, что спор в корне касался морского вопроса, что он возник из неконтролируемого стремления английского народа расширить свои торговые и колониальные интересы. Возможно, что Франция действовала под влиянием аналогичного импульса, как утверждали английские писатели; но характер и общая политика Флери, а также гений французского народа делают это маловероятным. Во Франции того времени не было ни парламента, ни оппозиции, которые могли бы озвучить общественное мнение, и с тех пор высказывались самые разные оценки характера Флери и ее администрации. Англичане скорее смотрят на способности, благодаря которым Лотарингия досталась Франции, а Сицилии - Дому Бурбонов, и обвиняют Уолпола в том, что он перегнул палку. Французы говорят о Флери, что "он жил изо дня в день, стремясь только к спокойствию в старости. Он одурманил Францию опиатами, вместо того чтобы трудиться над ее лечением. Он даже не смог продлить этот безмолвный сон до своей собственной смерти". [85] Когда разразилась война между Англией и Испанией, последняя заявила о преимуществе своего оборонительного союза с Францией. Флери, к сожалению, против своей воли, был вынужден снарядить эскадрилью; он сделал это из скупости". Эта эскадра из двадцати двух кораблей сопровождала в Америку испанский флот, собранный в Ферроле, и подкрепление помешало англичанам атаковать. [86] Тем не менее, Флери дала объяснения Уолполу и надеялась на компромисс - необоснованная надежда,

которая имела катастрофические результаты для наших морских интересов и предотвратила меры, которые с самого начала войны дали бы Франции превосходство в восточных морях". Но "после свержения Уолпола, - говорит другой француз, - Флери осознал свою ошибку, позволив флоту распасться. Недавно его поразила его важность. Он знал, что короли Неаполя и Сардинии отказались от союза с Францией только потому, что английская эскадра угрожала бомбардировать Неаполь и Геную и ввести армию в Италию. Из-за отсутствия этого элемента величия Франция молча проглотила величайшие унижения и могла только жаловаться на насилие английских крейсеров, которые грабили нашу торговлю в нарушение международного права",^[87] в годы номинального мира, которые прошли между временем, когда французский флот был ограничен защитой испанцев от англичан, и началом официальной войны. Объяснение этих различных точек зрения кажется не очень сложным. Два министра молчаливо согласились следовать линиям, которые, по-видимому, не могли пересекаться. Франция была оставлена свободной для экспансии по суше, при условии, что она не вызывала зависти английского народа и собственного понимания Уолполом английских интересов соперничеством на море. Этот курс соответствовал взглядам и желаниям Флери. Одна стремилась к власти на море, другая - на суше. Что было мудрее, должна была показать война; поскольку Испания была союзником одной стороны, война должна была начаться, и это на море. Ни один из министров не дождался до того, чтобы увидеть результат своей политики. Уолпол был отстранен от власти в 1742 году и умер в марте 1745 года. Флери умерла на своем посту 29 января 1743 года.

СНОСКИ:

[80] Впоследствии лорд Торрингтон; отец адмирала Джона Бинга, застреленного в 1757 году.

[81] Кэмпбелл: Жизнь адмиралов; цитируется лордом Махоном в его "Истории Англии".

[82] Жизни адмиралов

[83] Мартин: История Франции.

[84] Берроуз: Жизнь лорда Хоука.

[85] Мартин: История Франции.

[86] Особые политические отношения, которые Франция поддерживала с Англией между 1739 и 1744 годами, пока последняя находилась в состоянии войны с Испанией, нуждаются в объяснении, поскольку они зависели от взглядов на международные обязательства, которые практически устарели. Своим оборонительным союзом с Испанией Франция обязалась предоставить определенный контингент сил испанскому флоту, когда эта страна была

вовлечена в войну определенного рода. Однако она утверждала, что отправка ею этой помощи не была таким враждебным актом по отношению к Англии, как нарушение мира, существующего между двумя нациями. Французские военные корабли, находясь, таким образом, на службе у испанского флота в соответствии с условиями договора, были врагами; но французская нация и все другие вооруженные силы Франции, как на море, так и на суше, были нейтралами со всеми привилегиями нейтралитета. Конечно, Англия не была обязана принимать такую точку зрения на вопрос и могла рассматривать действия Франции как *casus belli*; но Франция утверждала, что это было несправедливо, и Англия практически признала это требование, хотя отношения, вероятно, привели бы к официальной войне, как это произошло в 1744 году. Несколько лет спустя обнаружится, что голландцы претендуют на ту же привилегию нейтралитета по отношению к Франции, одновременно предоставляя большой контингент австрийской армии, действующей против нее.

[87] Лаперуз-Бонфис: История. de la Marine Française.

ГЛАВА VII

Война между Великобританией и Испанией, 1739 г.-Война за австрийское наследство, 1740 г.— Франция присоединяется к Испании против Великобритании, 1744 г.—Морские сражения при Мэтьюсе, Энсоне и Хоуке.— Мир в Экс-ла-Шапель, 1748 год.

Теперь мы подошли к началу серии великих войн, которым суждено было продлиться с короткими периодами мира почти полвека и которые, несмотря на множество вводящих в заблуждение деталей, имеют одну общую характеристику, отличающую их от предыдущих и от многих последующих войн. Эта борьба охватила четыре четверти света, и не только как побочные вопросы здесь и там, поскольку основная борьба происходила в Европе; ибо важнейшими вопросами, которые должны были решиться в ходе нее, касающимися мировой

истории, были господство на море и контроль над отдаленными странами, обладание колониями и, в зависимости от этого, увеличение богатства. Довольно странно, что только почти к концу долгого противостояния большие флоты вступают в бой, и борьба переносится на свое надлежащее поле - море. Действие морской силы достаточно очевидно, проблема ясно обозначена с самого начала; но в течение длительного времени морская война не имеет каких-либо последствий, потому что французское правительство не признает правды. Движение Франции к колониальному расширению вполне популярно, хотя и проиллюстрировано несколькими великими именами; отношение правителей холодно и недоверчиво: отсюда пренебрежение к военно-морскому флоту, предрешенное поражение в главном вопросе и разрушение на время ее морской мощи.

Учитывая такой характер предстоящих войн, важно осознавать относительное положение трех великих держав в тех частях света, за пределами Европы, где должна была развернуться борьба.

В Северной Америке Англия теперь владела тринадцатью колониями, первоначальными Соединенными Штатами, от штата Мэн до Джорджии. В этих колониях можно было обнаружить наивысшее развитие той формы колонизации, которая свойственна Англии, - сообщества свободных людей, по существу самоуправляющихся и самостоятельных, все еще с энтузиазмом лояльных, и по роду занятий одновременно занимающихся сельским хозяйством, торговлей и мореплаванием. В характере их страны и ее продукции, в ее протяженном морском побережье и защищенных гаванях, а также в самих себе они обладали всеми элементами морской мощи, которые уже получили большое развитие. В такой стране и с таким народом королевский флот и армия были надежно размещены в западном полушарии. Английские колонисты сильно завидовали французам и канадцам.

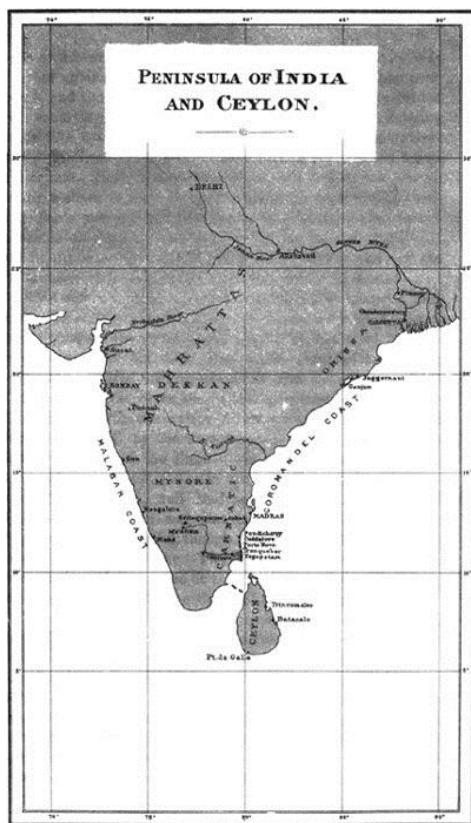
Франция владела Канадой и Луизианой - название, которое тогда применялось гораздо шире, чем сейчас, - и претендовала на всю долину Огайо и Миссисипи по праву предварительного открытия и как необходимое связующее звено между рекой Святого Лаврентия и Мексиканским заливом. Эта промежуточная страна еще не была должным образом оккупирована, и притязания Англии, колонисты которой заявляли о праве неограниченно расширяться на запад, не были признаны. Сила французских позиций заключалась в Канаде; река Святого Лаврентия давала им доступ в сердце страны, и хотя Ньюфаундленд и Новая Шотландия были потеряны, на острове Кейп-Бретон они по-прежнему удерживали ключ от залива и реки. Канада обладала характеристиками французской колониальной системы, насажденной в климате, наименее подходящем для нее. Правительство отеческого, военного и монашеского толка препятствовало развитию индивидуального предпринимательства и свободных ассоциаций для достижения общих целей. Колонисты отказались от торговли и сельского хозяйства, выращивая продукты питания, достаточные только для немедленного потребления, и занялись оружием и охотой. Их основной торговлей были меха. Среди них было так мало механического искусства, что они закупили в английских колониях часть судов для своего внутреннего плавания. Главным элементом силы был военный характер населения, владеющего оружием; каждый мужчина был солдатом.

Помимо враждебности, унаследованной от метрополий, существовал необходимый антагонизм между двумя социальными и политическими системами, столь прямо противоположными и лежащими одна рядом с другой. Удаленность Канады от Вест-Индии и негостеприимный

зимний климат делали ее с военно-морской точки зрения гораздо менее ценной для Франции, чем английские колонии для Англии; кроме того, ресурсы и население были значительно ниже. В 1750 году население Канады составляло восемьдесят тысяч человек, английских колоний - тысячу двести тысяч. При таком неравенстве сил и ресурсов единственный шанс для Канады заключался в поддержке морской мощи Франции либо путем прямого контроля над соседними морями, либо путем такого мощного отвлечения сил в другом месте, которое ослабило бы давление на нее.

На континенте Северная Америка, в дополнение к Мексике и странам к югу от нее, Испания владела Флоридой; под этим названием были охвачены обширные регионы за пределами полуострова, точно не определенные и не имевшие большого значения в любой период этих длительных войн.

В Вест-Индии и Южной Америке Испания владела в основном странами, которые до сих пор известны как испаноамериканские, помимо Кубы, Порто-Рико и части Хайти; у Франции были Гваделупа, Мартиника и западная половина Хайти; Англия, Ямайка, Барбадос и некоторые более мелкие острова. Плодородный характер почвы, коммерческие производства и менее суровый климат, казалось бы, должны были сделать эти острова объектами особых притязаний в колониальной войне; но на самом деле никаких попыток не предпринималось, и, за исключением Ямайки, которую Испания хотела вернуть, не было никаких намерений завоевать какой-либо из более крупных островов. Причина, вероятно, заключалась в том, что Англия, чья морская мощь делала ее главным агрессором, находилась под влиянием в направлении своих усилий пожеланий большого числа англичан на североамериканском континенте. Меньшие острова Вест-Индии по отдельности слишком малы, чтобы их можно было прочно удерживать, кроме как державой, контролирующей море. Они имели двоякую ценность на войне: во-первых, как предложение военных позиций для такой державы; во-вторых, как коммерческая ценность, либо как увеличение собственных ресурсов, либо как уменьшение ресурсов противника. Война, направленная против них, может рассматриваться как война с торговлей, а сами острова - как корабли или конвои, груженные вражескими богатствами. Поэтому они будут переходить из рук в руки, как прилавки, и обычно восстанавливаться, когда наступает мир; хотя в конечном результате большинство из них оставалось в руках Англии. Тем не менее, тот факт, что каждая из великих держав имела долю в этом центре торговли, привлекал туда как крупные флоты, так и небольшие эскадры, чему способствовали неблагоприятные сезоны для военных действий на континенте; и в Вест-Индии произошло большее количество флотов - действий, которые иллюстрировали эту длинную серию войн.

Полуостров Индия и Цейлон. [Список](#)

В еще одном отдаленном регионе должна была разгораться борьба между Англией и Францией, и там, как и в Северной Америке, эти войны окончательно завершились. В Индии соперничающие страны были представлены их ост-индскими компаниями, которые непосредственно управляли как правительством, так и торговлей. За ними, конечно, стояли метрополии; но в непосредственном контакте с местными правителями находились президенты и офицеры, назначенные компаниями. В это время главными поселениями англичан были: на западном побережье — Бомбей; на востоке - Калькутта на Ганге, на некотором расстоянии от моря, и Мадрас; в то время как немного южнее Мадраса был основан другой город и станция, обычно известные англичанам как Форт Сент-Дэвид, хотя иногда их называли Куддалором, позже. Три президентства Бомбея, Калькутты и Мадраса были в то время взаимно независимыми и подотчетными только Суду управляющих в Англии.

Франция обосновалась в Чандернагоре, на Ганге, выше Калькутты; в Пондишери, на восточном побережье, в восьмидесяти милях к югу от Мадраса; а на западном побережье, далеко к югу от Бомбея, у нее была третья станция меньшей важности, называвшаяся Маэ. Французы, однако, имели большое преимущество во владении уже указанной промежуточной станцией в Индийском океане, соседними островами Франс и Бурбон. Им еще больше повезло с личными качествами двух людей, которые в то время стояли во главе их дел на Индийском полуострове и островах, Дюпле и Ла Бурдонне, — людей, которым среди английских индийских чиновников еще не было соперников по способностям или силе характера. И все же в этих двух людях, чье сердечное сотрудничество могло бы разрушить английское поселение в Индии, снова проявился тот странный конфликт идей, то колебание между сушей и морем как опорой власти,

пророчество о котором, по-видимому, содержится в географическом положении самой Франции. Ум Дюпле, хотя и не был безразличен к коммерческим интересам, был сосредоточен на создании великой империи, в которой Франция должна была править множеством местных князей-вассалов. В стремлении к этой цели он проявил большой такт и неутомимую активность, возможно, также несколько бурное и фантастическое воображение; но когда он встретил Ла Бурдонне, чьи более простые и здравые взгляды были направлены на господство на море, на доминион, основанный на свободном и надежном общении с родной страной, а не на зыбучих песках восточных интриг и союзов, сразу возникли разногласия. "Военно-морская неполноценность, - говорит французский историк, который считает, что Дюпле преследовал более высокие цели, - была основной причиной, остановившей его продвижение";[88] но военно-морское превосходство было именно той целью, к которой стремился Ла Бурдонне, сам моряк и губернатор острова. Возможно, что из-за слабости Канады по сравнению с английскими колониями морская мощь не смогла бы там изменить действительный исход; но в условиях соперничающих наций в Индии все зависело от контроля над морем.

Таково было относительное положение трех стран на основных зарубежных театрах военных действий. О колониях на западном побережье Африки не упоминалось, поскольку они были всего лишь торговыми станциями, не имевшими военного значения. Мыс Доброй Надежды находился во владении голландцев, которые не принимали активного участия в предыдущих войнах, но долгое время сохраняли по отношению к Англии доброжелательный нейтралитет, сохранившийся после участия в альянсе в предыдущих войнах века. Необходимо кратко упомянуть о состоянии военно-морских сил, которые должны были иметь значение, пока еще нереализованное. Ни точных цифр, ни точного отчета о состоянии кораблей привести невозможно, но относительную эффективность можно справедливо оценить. Кэмпбелл, современный английский военно-морской историк, говорит, что в 1727 году английский военно-морской флот насчитывал восемьдесят четыре линейных корабля от шестидесяти орудий до сорока 50-пушечных кораблей и пятьдесят четыре фрегата и более мелких судна. В 1734 году это число сократилось до семидесяти линейных кораблей и девятнадцати 50-пушечных кораблей. В 1744 году, после четырех лет войны только с Испанией, их число составляло девяносто линейных кораблей и восемьдесят четыре фрегата. Французский военно-морской флот в то же время он оценивает в сорок пять линейных кораблей и шестьдесят семь фрегатов. В 1747 году, ближе к концу первой мировой войны, он говорит, что королевский военно-морской флот Испании сократился до двадцати двух линейных кораблей, Франции - до тридцати одного, в то время как английский увеличился до ста двадцати шести. Французские авторы, с которыми консультировались, менее точны в своих цифрах, но сходятся в том, что военно-морской флот сократился не только до жалкого количества кораблей, но и что они были в плохом состоянии, а на верфях не хватало материалов. Такое пренебрежение к военно-морскому флоту продолжалось более или менее на протяжении всех этих войн, до 1760 года, когда в нации пробудилось понимание важности его восстановления; однако было слишком поздно, чтобы предотвратить самые серьезные потери Франции. Как в Англии, так и во Франции дисциплина и управление были подорваны длительным миром; неэффективность отправленного вооружения была печально известна и напоминает скандалы, ознаменовавшие начало Крымской войны; в то время как само исчезновение французских кораблей привело к необходимости их замены, к выводу на плаву судов, превосходящих по отдельности, поскольку более современных и научных, более старые корабли того же класса в Англии. Однако следует проявлять осторожность, слишком легко принимая жалобы отдельных авторов; можно встретить

французских авторов, утверждающих, что английские корабли быстрее, в то время как в то же время англичане жалуются, что они медленнее. Можно принять как общепринятый факт, что французские корабли, построенные между 1740 и 1800 годами, были лучше спроектированы и крупнее, класс за классом, чем английские. Последние обладали несомненным превосходством как в количестве, так и в качестве матросов и офицеров. Поддерживая некоторые флоты всегда на плаву, лучше это было или хуже, офицеры не могли полностью утратить связь со своей профессией; тогда как во Франции, как говорят, в 1744 году не было занято и пятой части офицеров. Это превосходство было сохранено и увеличено благодаря приобретенной с тех пор практике блокады французских военных портов превосходящими силами; эскадры противника, выйдя в море, сразу же оказались в невыгодном положении с точки зрения практического мастерства. С другой стороны, как ни велико было число английских моряков, потребности торговли были настолько велики, что война заставила их разбросаться по всему миру, и часть флота всегда была парализована из-за нехватки экипажей. Эта постоянная работа обеспечивала хорошее морское мастерство, но отсутствие такого количества людей приходилось восполнять неразборчивой прессой, которая втягивала в себя класс несчастных и болезненных людей, к сожалению, снижая качество всего коллектива. Чтобы понять состояние корабельных команд того времени, необходимо будет только прочитать отчеты тех, кого посылали к Энсону, отправлявшемуся в кругосветное плавание, или к Хоку, когда снаряжали для военной службы; заявления сейчас почти невероятны, а результаты самые плачевные. Это был вопрос не только санитарии; присланный материал был совершенно непригоден для жизни в море при самых благоприятных обстоятельствах. Как на французской, так и на английской службе требовалась большая прополка среди офицеров. Это были лучшие дни двора и политического влияния; и, более того, после долгого мира невозможно сразу выделить из числа наиболее благообразных на вид людей тех, кто лучше всего выдержит испытания временем и ответственность войны. В обеих нациях существовала тенденция полагаться на офицеров, которые были в расцвете сил поколением раньше, и результаты были неутешительными.

Поскольку война была объявлена Англии против Испании в октябре 1739 года, первые попытки последней державы, естественно, были направлены против испано-американских колоний, ставших причиной спора, в котором она, как ожидалось, найдет легкую и богатую добычу. Первая экспедиция под командованием адмирала Вернона отправилась в плавание в ноябре того же года и внезапным и дерзким ударом захватила Порто-Белло, но нашла лишь незначительную сумму в десять тысяч долларов в порту, откуда отплыли галеоны. Вернувшись на Ямайку, Вернон получил большое подкрепление из кораблей, и к нему присоединились сухопутные силы численностью в двенадцать тысяч человек. С такими возросшими силами были предприняты попытки нападения как на Картахену, так и на Сантьяго-де-Куба в 1741 и 1742 годах, но оба закончились плачевными неудачами; адмирал и генерал поссорились, что не было редкостью в те дни, когда ни один из них не имел разумного представления о делах другого. Марриэтт, характеризуя подобные недоразумения юмористическим преувеличением, похоже, имел в виду покушение на Картахену: "Армия подумала, что военно-морской флот мог разрушить каменные валы толщиной в десять футов; и военно-морской флот удивился, почему армия не взобралась на те же валы, которые были перпендикулярны тридцати футам".

Другая экспедиция, по праву прославленная выносливостью и упорством, проявленными ее руководителем, и известная как перенесенными трудностями, так и исключительным конечным успехом, была отправлена в 1740 году под командованием Энсона. Его миссия состояла в том,

чтобы обогнуть мыс Горн и атаковать испанские колонии на западном побережье Южной Америки. После многих задержек, по-видимому, из-за плохого управления, эскадра, наконец, ушла в конце 1740 года. Проходя мимо мыса в худшее время года, корабли столкнулись с серией сильнейших штормов; эскадра была рассеяна, и ей уже никогда не суждено было встретиться снова, и Энсону после бесконечных опасностей удалось собрать часть ее в Хуан-Фернандесе. Два корабля вернулись в Англию, третий был потерян к югу от Чилоэ. С оставшимися у него тремя он совершил круиз вдоль побережья Южной Америки, захватив несколько трофеев и разграбив город Пайта, намереваясь высадиться близ Панамы и объединиться с Верноном для захвата этого места и овладения перешейком, если это возможно. Узнав о катастрофе в Картахене, он решил пересечь Тихий океан и подстеречь два галеона, которые ежегодно отправлялись из Акапулько в Манилу. При переходе через реку один из двух кораблей, оставленных ему теперь, был обнаружен в таком плохом состоянии, что его пришлось уничтожить. С помощью другого он преуспел в своем последнем предприятии, захватив огромный галеон с полутора миллионами долларов наличными. Экспедиция, из-за ее многочисленных неудач, не имела никаких военных результатов, кроме террора и последующего замешательства, причиненного испанским поселениям; но сами ее неудачи и спокойное упорство, которые привели к большому успеху во всех них, принесли ей заслуженную известность.

В течение 1740 года произошли два события, которые привели к общеевропейской войне, ворвавшейся в ту, в которой уже участвовали Испания и Англия. В мае того же года Фридрих Великий стал королем Пруссии, а в октябре скончался император Карл VI, бывший австрийский претендент на испанский престол. У него не было сына, и по завещанию он оставил управление своими поместьями своей старшей дочери, знаменитой Марии Терезии, на обеспечение преемственности которой были направлены усилия его дипломатии в течение многих лет. Это наследование было гарантировано европейскими державами, но очевидная слабость ее положения возбуждала амбиции других государей. Курфюрст Баварский предъявил права на все наследство, в чем его поддержала Франция; в то время как прусский король заявил права на провинцию Силезия и захватил ее. Другие державы, большие и малые, связали свою судьбу с той или другой; в то время как положение Англии осложнялось тем, что ее король был также курфюрстом Ганновера и в этом качестве поспешно взял на себя обязательство соблюдать нейтралитет для электората, хотя чувства Англии были решительно в пользу Австрии. Тем временем провал испано-американских экспедиций и серьезные потери английской торговли усилили всеобщий протест против Уолпола, который ушел в отставку в начале 1742 года. Англия при новом министерстве стала открытым союзником Австрии, и парламент проголосовал не только за субсидию императрице-королеве, но и за отправку части войск в качестве вспомогательных сил в Австрийские Нидерланды. В то же время Голландия, находящаяся под английским влиянием и связанная, как и Англия, предыдущими договорами поддерживать престолонаследие Марии Терезии, также проголосовала за субсидию. Здесь снова возникает тот любопытный взгляд на международные отношения, о котором упоминалось ранее. Таким образом, обе эти державы вступили в войну против Франции, но только как вспомогательные силы императрицы, а не как принципалы; как нации, за исключением войск, фактически находившихся на поле боя, они считались все еще находящимися в мире. Такая двусмысленная ситуация в конечном итоге может привести только к одному результату. На море Франция уже заняла такое же положение вспомогательной силы Испании в силу оборонительного союза между двумя королевствами, делая вид, что все еще находится в мире с Англией; и любопытно

видеть серьезность, с которой французские авторы жалуются на нападения на Францию английских кораблей под предлогом того, что между двумя государствами не было открытой войны. Уже упоминалось, что в 1740 году французская эскадра поддерживала дивизион испанских кораблей на пути в Америку. В 1741 году Испания, вступившая в континентальную войну в качестве врага Австрии, направила пятнадцатитысячный отряд из Барселоны для нападения на австрийские владения в Италии. Английский адмирал Хэддок в Средиземном море искал и обнаружил испанский флот; но с ним было подразделение из двенадцати французских линейных кораблей, командир которого сообщил Хэддоку, что он участвует в той же экспедиции и имеет приказ вступить в бой, если испанцы, хотя формально и находятся в состоянии войны с Англией, подвергнутся нападению. Поскольку союзники почти удвоили его силы, английский адмирал был вынужден вернуться в Порт-Маон. Вскоре после этого его сменили, и новый адмирал Мэтьюз занимал сразу две должности - главнокомандующего в Средиземном море и английского посланника в Турине, столице короля Сардинии. В течение 1742 года английский капитан своего флота, преследуя несколько испанских галер, загнал их во французский порт Сен-Тропе и, последовав за ними в гавань, сжег, несмотря на так называемый нейтралитет Франции. В том же году Мэтьюз отправил дивизион кораблей под командованием коммодора Мартина в Неаполь, чтобы заставить короля Бурбонов отозвать свой двадцатитысячный контингент, служивший в испанской армии все северной Италии против австрийцев. На попытки договориться Мартин ответил только тем, что достал свои часы и дал правительству час на то, чтобы прийти к соглашению. Ничего не оставалось, как подчиниться, и английский флот после двадцатичетырехчасовой стоянки покинул гавань, избавив императрицу от опасного врага. С этого момента стало очевидно, что война Испании в Италии может быть продолжена только путем переброски войск через Францию; Англия контролировала море и действия в Неаполе. Эти два последних инцидента, в Сен-Тропе и Неаполе, произвели глубокое впечатление на престарелую Флери, которая слишком поздно осознала размах и важность хорошо зарекомендовавшей себя морской державы. С обеих сторон множились поводы для недовольства, и быстро приближался момент, когда и Франция, и Англия должны были перестать притворяться всего лишь вспомогательными сторонами в войне. Однако прежде чем дело дошло до этого, контролирующая морскую мощь и богатство Англии снова дали о себе знать, присоединив короля Сардинии к австрийскому делу. Между опасностями и преимуществами союза с Францией или Англией действия короля определялись субсидией и обещанием сильного английского флота в Средиземном море; взамен он обещал вступить в войну с армией в сорок пять тысяч человек. Этот договор был подписан в сентябре 1743 года. В октябре, когда Флери уже умерла, Людовик XV заключил с Испанией мирный договор, по которому он обязался объявить войну Англии и Сардинии и поддержать претензии Испании на Италию, а также на Гибралтар, Маон и Джорджию. Открытая война, таким образом, была близка, но объявление ее все еще откладывалось. Величайшее морское сражение, которое имело место, произошло, когда еще существовал номинальный мир.

авангард поравнялся с центром противника, и сразу же вышел из строя и атаковал своим девяностопушечным флагманским кораблем самый большой корабль в линии противника, "Ройял Филипп", стодесятипушечный, несущий флаг испанского адмирала (а). При этом его храбро поддерживали следующие впереди и за кормой. Момент для атаки, по-видимому, был выбран разумно; пять испанских кораблей отошли далеко в тыл, оставив своего адмирала при поддержке только следующих впереди и за кормой, в то время как три других испанца продолжали наступать на французов. Английский авангард продолжал наступление, вступая в бой с центром союзников, в то время как у авангарда союзников не было противников. Оказавшись таким образом оторванным, последний хотел было подойти с наветренной стороны к голове английской линии, поставив ее, таким образом, между двух огней, но был остановлен разумными действиями трех ведущих английских капитанов, которые, проигнорировав сигнал наступать, сохранили свое господствующее положение и пресекли попытки противника удвоить усилия. За это они были уволены военным трибуналом, но впоследствии восстановлены в должности. Этому осмотрительному, но оправданному игнорированию сигналов без всяких на то оснований подражали все английские капитаны центра, за исключением уже упомянутых секундантов адмирала, а также некоторые из тех, кто находился в авангарде, которые поддерживали канонаду с дальней дистанции, в то время как их главнокомандующий вел плотный и даже яростный бой. Единственным заметным исключением был капитан Хоук, впоследствии выдающийся адмирал, который последовал примеру своего начальника и, после того как вывел из строя своего первого противника, покинул свое место в авангарде (b), вступил в рукопашную схватку (b') с прекрасным испанским кораблем, который держал в страхе пять других английских кораблей, и захватил его — единственный приз, полученный в тот день. Командир английского авангарда со своими секундантами также повел себя мужественно и перешел к ближнему бою. Нет необходимости описывать сражение дальше; как военное дело оно не заслуживает внимания, и его самым важным результатом было подчеркнуть заслуги Хоука, которого король и правительство всегда помнили за его участие в нем. Общая неэффективность и широко распространенное плохое поведение английских капитанов после пяти лет объявленной войны частично объясняют неспособность Англии добиться от своего несомненного превосходства на море результатов, которых она могла ожидать в этой войне - первом акте сорокалетней драмы, — и они преподают военным офицерам урок о необходимости подготовить свои умы путем изучения условий войны в их собственное время, если они не хотят быть застигнутыми врасплох и, возможно, опозоренными в час сражения.^[89] Не следует предполагать, что так много английских моряков плохо вели себя из-за такого вульгарного и редкого недостатка, как простая трусость; причиной этого фиаско была неподготовленность ума и отсутствие военной эффективности у капитанов в сочетании с плохим руководством со стороны адмирала, с возможным оттенком недоброжелательности к нему как грубому и властному начальнику. Здесь уместно обратить внимание на эффект определенной сердечности и доброй воли со стороны начальства по отношению к своим подчиненным. Возможно, это не является существенным для военного успеха, но, несомненно, вносит свой вклад в другие элементы этого успеха - дух, дыхание жизни, которое делает возможным то, что в противном случае было бы невозможно; которое достигает высот преданности и достижений, которых не может достичь самая строгая дисциплина, не поддержанная таким образом. Несомненно, это природный дар. Возможно, самым выдающимся примером его проявления среди моряков был Нельсон. Когда он присоединился к флоту незадолго до Трафальгара, капитаны, собравшиеся на борту флагманского корабля, казалось, забыли о звании своего адмирала в своем желании засвидетельствовать свою радость от встречи с ним. "Этот Нельсон,

- писал капитан Дафф, павший в бою, - такой милый и превосходный человек, такой добрый руководитель, что мы все хотим превзойти его желания и предвосхитить его приказы". Он сам осознавал это очарование и его ценность, когда писал о битве на Ниле лорду Хоу, он сказал: "Я имел счастье командовать отрядом братьев".

Известность, достигнутая действиями Мэтьюза под Тулоном, конечно, не благодаря мастерству, с которым они были проведены, и не благодаря их результатам, была вызвана шумом на родине, и главным образом количеством и решениями военных трибуналов, которые последовали за ними. И адмиралу, и его заместителю, а также одиннадцати капитанам из двадцати девяти предъявили предпочтительные обвинения. Адмирала уволили за то, что он нарушил строй; то есть за то, что его капитаны не последовали за ним, когда он покинул строй, чтобы напасть на врага, — решение, которое больше отдает ирландским быком, чем ирландской любовью к дракам. Второй был оправдан по уже приведенным техническим причинам; он избежал нарушения линии, держась достаточно далеко. Из одиннадцати капитанов один погиб, один дезертировал, семеро были уволены или временно отстранены от должности, только двое были оправданы. Французы и испанцы также не были более довольны; взаимные обвинения прекратились. Адмирал де Корт был отстранен от командования, в то время как испанский адмирал был награжден своим правительством титулом маркиза де ла Виктория - самой экстраординарной наградой за то, что в лучшем случае было сражением вничью. Французы, с другой стороны, утверждают, что он покинул палубу, сославшись на очень легкое ранение, и что с кораблем действительно дрался французский капитан, который случайно оказался на борту.

Пользуясь общепринятым выражением, это сражение, первое генеральное сражение после того, что произошло у Малаги сорок лет назад, "пробудило" английский народ и вызвало здоровую реакцию. Процесс просеивания, начатый самим сражением, был продолжен, но результат был достигнут слишком поздно, чтобы оказать должное влияние на текущую войну. Общая ценность морской мощи Англии теперь проявляется скорее в ее недостаточных действиях, чем в таких заметных успехах, которые были достигнуты в более ранние и более поздние времена; подобно некоему драгоценному свойству, которое едва ли ценится, когда им обладаешь, но которого остро не хватает, когда его забирают. Владычица морей, теперь скорее из-за слабости своих врагов, чем благодаря собственной дисциплинированной силе, она не добилась от этого господства адекватных результатов; самый солидный успех, захват острова Кейп-Бретон в 1745 году, был достигнут колониальными силами Новой Англии, которым королевский военно-морской флот действительно оказал ценную помощь, поскольку для войск, расположенных таким образом, флот является единственной линией связи. Проступки у берегов Тулона были повторены высокопоставленными офицерами в Вест-и Ост-Индии, что привело в последнем случае к потере Мадраса. Другие причины, связанные с истощенным состоянием морских офицеров, препятствовали действиям этой морской державы, которая выходит в море вдали от дома. Положение самой Англии было ненадежным; дело Стюартов все еще было живо, и хотя грозное вторжение пятнадцатитысячного войска под командованием маршала Сакса в 1744 году было сорвано частично флотом Ла-Манша, а частично штормом, который потопил несколько транспортов, собранных у Дюнкерка, с потерей многих жизней, все же реальность опасности была продемонстрирована в следующем году, когда претендент высадился в Шотландии всего с несколькими людьми за спиной, и северное королевство восстало вместе с ним. Его успешное вторжение распространилось далеко вглубь самой Англии; и трезвые историки полагают, что одно время шансы на окончательный успех были скорее на его стороне, чем против него. Другим серьезным препятствием для полного использования мощи Англии

было направление, данное французским операциям на суше, и ошибочные средства, использованные для противодействия им. Пренебрегая Германией, Франция обратилась против австрийских Нидерландов, страны, которую Англия из уважения к своим морским интересам не желала видеть завоеванной. Ее торговое превосходство оказалось бы под прямой угрозой из-за перехода Антверпена, Остенде и Шельды в руки ее главного соперника; и хотя лучшим средством защиты от этого был бы захват ценных французских владений в других местах и удержание их в качестве залога, слабость ее правительства и нынешняя неэффективность военно-морского флота помешали ей сделать это. Позиция Ганновера, опять же, определяла действия Англии; ибо, хотя она и была объединена только узами общего суверена, любовь этого суверена к своим континентальным владениям, к своей родной стране, сильно ощущалась в советах слабого и отслужившего время министерства. Именно пренебрежение Ганновером со стороны первого Уильяма Питта, вызванное его сильными английскими чувствами, привело короля в ярость и заставило его так долго сопротивляться требованиям нации о том, чтобы его поставили во главе дела. Эти различные причины — разногласия внутри страны, интерес к Нидерландам, уважение к Ганноверу — объединились, чтобы помешать подчиненному и второсортному министерству, также разделенному между собой, дать надлежащее направление и привить надлежащий дух морской войне; но лучшее состояние самого флота, более удовлетворительные результаты от него могли бы изменить даже их действия. Как бы то ни было, исход войны почти ничего не значил в том, что касалось споров между Англией и ее особыми врагами. На континенте после 1745 года вопросы свелись к двум: какая часть австрийских владений должна быть передана Пруссии, Испании и Сардинии и каким образом Франция должна была вырвать мир у Англии и Голландии. Морские державы по-прежнему, как и прежде, несли расходы на войну, которые, однако, теперь легли главным образом на Англию. Маршал Саксен, командовавший французами во Фландрии на протяжении всей этой войны, в полудюжине слов подытожил ситуацию своему королю. "Сир, - сказал он, - в стенах Мейстрихта царит мир". Этот укрепленный город открывал русло Мааса и путь французской армии в Соединенные провинции с тыла, ибо английский флот в соединении с голландским предотвратил нападение с моря. К концу 1746 года, несмотря на усилия союзников, почти вся Бельгия находилась в руках французов; но до этого времени, хотя голландские субсидии поддерживали австрийское правительство, а голландские войска в Нидерландах сражались за него, между Соединенными провинциями и Францией был номинальный мир. В апреле 1747 года "король Франции вторгся в Голландскую Фландрию, объявив, что онобязан ввести свою армию на территорию республики, чтобы лишить защиты, предоставленной Генеральными штатами австрийским и английским войскам; но что он не намерен нарушать ее и чтоокупированные места и провинции будут возвращены Соединенным провинциям, как только они докажут, что перестали помогать врагам Франции". Это была настоящая, а не формальная война. В течение года пало множество городов, и успехи французов склонили Голландию и Англию к примирению. Переговоры продолжались всю зиму; но в апреле 1748 года Саксен инвестировал Мейстрихт. Это вынудило заключить мир.

Между тем, несмотря на затяжной характер, морская война не была совсем без происшествий. В 1747 году произошли два столкновения английской и французской эскадр, завершившие уничтожение французского боевого флота. В обоих случаях англичане явно превосходили их; и хотя отдельным капитанам была предоставлена возможность для нескольких блестящих сражений и для проявления героической стойкости французами, значительно превосходящими их численностью, но сопротивлявшимся до последнего, был преподан только один

тактический урок. Этот урок состоит в том, что когда враг, либо в результате сражения, либо из-за первоначального неравенства, значительно уступает в силе, вынужден бежать, не соблюдая порядок своего полета, уважение, в противном случае обусловленное порядком, должно быть, по крайней мере, в какой-то мере отклонено, и отдан приказ о всеобщей погоне. Ошибка Турвиля в этом отношении после Бичи-Хед уже была отмечена. В первом из обсуждаемых случаев у английского адмирала Энсона было четырнадцать кораблей против восьми французских, слабее как по отдельности, так и по общему количеству; во втором у сэра Эдварда Хоука было четырнадцать кораблей против девяти, причем последний был несколько крупнее, корабль за кораблем, чем английский. В обоих случаях был подан сигнал к общей погоне, и результатом сталасхватка. Возможности для чего-либо другого не было; единственное, что было необходимо, - это догнать бегущего врага, а это наверняка можно было сделать, только позволив самым быстрым или лучше всего расположенным кораблям вырваться вперед, будучи уверенным, что скорость самых быстрых преследователей лучше, чем у самых медленных из преследуемых, и что поэтому либо от последних нужно отказаться, либо все силы загнать в бухту. Во втором случае за французским командующим, коммодором Л'Этендьюером, не пришлось далеко следовать. С ним был конвой из двухсот пятидесяти торговых судов; отделив один линейный корабль для продолжения плавания с конвоем, он встал с остальными восемью между ним и противником, ожидая атаки под своими марселями. Когда англичане подходили один за другим, они разделились по обе стороны от французской колонны, которая, таким образом, была атакована с обеих сторон. После упорного сопротивления шесть французских кораблей были захвачены, но конвой был спасен. С англичанами обошлись так грубо, что два оставшихся французских военных корабля благополучно вернулись во Францию. Следовательно, если сэр Эдвард Хоук проявил в своей атаке рассудительность и отвагу, которые всегда отличали этого замечательного офицера, то в отношении коммодора Л'Этендьюэра можно утверждать, что фортуна, предоставив ему славное преимущество в численности, также дала ему главную роль в драме, и что он достойно исполнил ее. Французский офицер справедливо замечает, что "он защищал свой конвой так, как защищают позицию на берегу, когда цель состоит в том, чтобы спасти армейский корпус или обеспечить эволюцию; он дал себя раздавить. После сражения, длившегося с полудня до восьми часов вечера, конвой был спасен благодаря упорству обороны; двести пятьдесят кораблей были возвращены их владельцам благодаря преданности Л'Этендьюэра и капитанов, находившихся под его командованием. Эта преданность не подлежит сомнению, поскольку у восьми кораблей было мало шансов выжить в бою с четырнадцатью; и командир восьми кораблей не только принял бой, которого он, возможно, мог бы избежать, но и знал, как внушить своим лейтенантам доверие к нему; все они с честью выдержали борьбу и в конце концов сдались, продемонстрировав самые неоспоримые доказательства своей прекрасной и энергичной обороны. Четыре корабля были полностью лишены мачт, у двух уцелела только фок-мачта".[90] Все это дело, проводимое обеими сторонами, представляет собой замечательное исследование того, как использовать преимущество, первоначальное или приобретенное, и результатов, которые могут быть получены доблестной, даже безнадёжной защитой для продвижения конкретной цели. Можно добавить, что Хоук, сам лишенный возможности дальнейшего преследования, отправил военный экспресс в Вест-Индию с информацией о приближении конвоя - шаг, который привел к захвату части его и придает завершенности всей операции, что не может не радовать студента-военного, заинтересованного в том, чтобы увидеть действующих лиц истории полностью живыми и максимально выполняющими свои важные задачи.

Прежде чем завершить рассказ об этой войне и упомянуть мирное урегулирование, необходимо рассказать о сделках в Индии, где Франция и Англия были тогда в равных условиях. Было сказано, что дела там контролировались ост-индскими компаниями обеих стран; и что французов на полуострове представлял Дюпле, а на островах - Ла Бурдонне. Последний был назначен на свой пост в 1735 году, и его неутомимый гений чувствовался во всех деталях управления, но особенно в преобразовании острова Франция в крупную военно—морскую базу - дело, которое нужно было строить с самого начала. Всего не хватало; все было им в большей или меньшей мере обеспечено - склады, доки, укрепления, моряки. В 1740 году, когда война между Францией и Англией стала вероятной, он получил от Ост-Индской компании эскадру, хотя и меньшую, чем он просил, с помощью которой он предполагал разрушить английскую торговлю и судоходство; но когда в 1744 году война действительно началась, он получил приказ не нападать на англичан, французская компания надеялась, что между компаниями в этом отдаленном регионе может существовать нейтралитет, хотя страны находились в состоянии войны. Это предложение не кажется абсурдным ввиду странных отношений Голландии с Францией, номинально пребывавшей в мире, в то время как посылала войска австрийской армии; но оно было во многом на руку англичанам, которые уступали в Индийских морях. Их компания приняла предложение, заявив при этом, что оно, конечно, не может связывать ни правительство метрополии, ни королевский военно-морской флот. Таким образом, преимущество, завоеванное предусмотрительностью Ла Бурдонне, было утрачено; хотя первым и надолго оставшимся в одиночестве на поле ему удалось удержать руку. Тем временем английское адмиралтейство выслало эскадру и начало захватывать французские корабли между Индией и Китаем; только тогда компания очнулась от своих иллюзий. Выполнив эту часть своей работы, английская эскадра отплыла к берегам Индии и в июле 1745 года появилась у Пондишерри, политической столицы Французской Индии, готовая отразить атаку, которую губернатор Мадраса собирался предпринять по суше. Теперь пришло время Ла Бурдонне.

Тем временем на материковой части Индийского полуострова Дюпле формировал широкие взгляды и закладывал широкие основы для установления французского превосходства. Поступив на службу в их компанию сначала на второстепенную канцелярскую должность, его способности быстрыми шагами повысили его до главы коммерческих учреждений в Чандернагоре, которым он дал очень большое расширение, серьезно повлиявшее, как говорят, даже уничтожив, на некоторые направления английской торговли. В 1742 году он был назначен генерал-губернатором и в этом качестве переехал в Пондишери. Здесь он начал развивать свою политику, направленную на то, чтобы привести Индию под власть Франции. Он видел, что благодаря прогрессу и распространению европейских рас по морям всего мира пришло время, когда восточные народы должны быть приведены во все возрастающий контакт с ними; и он рассудил, что Индия, которую раньше так часто завоевывали, теперь вот-вот будет завоевана европейцами. Он имел в виду, что приз должна получить Франция, и видел в Англии единственного соперника. Его план состоял в том, чтобы вмешаться в индийскую политику: во-первых, как глава иностранной и независимой колонии, которой он уже был; и, во-вторых, как вассал Великого Могола, которым он намеревался стать. Разделять и властвовать, укреплять французские позиции и влияние с помощью разумных союзов, склонять чашу весов, склоняя на ту или иную сторону французское мужество и мастерство, — таковы были его цели. Пондишери, хотя и плохая гавань, был хорошо приспособлен для его политических планов; находясь далеко от Дели, столицы Моголов, агрессивное расширение могло продолжаться незамеченным до тех пор, пока оно не станет достаточно сильным, чтобы выдержать свет. Таким образом, нынешней

целью Дюпле было создание великого французского княжества на юго-востоке Индии, вокруг Пондишери, при сохранении нынешних позиций в Бенгалии.

Однако следует отметить, — и это замечание необходимо для того, чтобы оправдать изложение этих планов в связи с нашей темой, связь, возможно, на первый взгляд не очевидная, — что суть вопроса, стоящего сейчас перед Дюпле, заключалась не в том, как построить империю из индийских провинций и рас, а в том, как избавиться от англичан, и это, наконец. Самые смелые мечты о суверенитете, которые он, возможно, лелеял, не смогли бы превзойти реальные достижения Англии несколько лет спустя. Европейские качества должны были сказаться, если не компенсироваться противодействием других европейцев; и такое противодействие с той или иной стороны зависело от контроля над морем. В климате, столь смертоносном для белых рас, небольшое число людей, чей героизм выдержал войну против ужасающих сил противника на многих полях сражений, должно постоянно обновляться. Как везде и всегда, действие морской мощи было здесь тихим и незамеченным; но нет необходимости ни в малейшей степени принижать качества и карьеру Клайва, английского героя того времени и основателя их империи, чтобы доказать решающее влияние, которое она оказала, несмотря на неэффективность английских морских офицеров, привлеченных первыми, и отсутствие убедительных результатов в тех морских сражениях, которые велись.^[91] Если бы в течение двадцати лет после 1743 года французский флот, а не английский, контролировал побережье полуострова и моря между ним и Европой, можно ли поверить, что планы Дюпле потерпели бы полный провал? "Неполноценность военно-морского флота, - справедливо замечает французский историк, - была главной причиной, остановившей продвижение Дюпле. В его время королевский военно-морской флот Франции не появлялся в Ост-Индии". Остается вкратце рассказать эту историю.

Англичане в 1745 году готовились к осаде Пондишери, в ходе которой королевский военно-морской флот должен был поддержать сухопутные войска; но последствия политических планов Дюпле были видны сразу. Набоб Карнатикский пригрозил напасть на Мадрас, и англичане воздержались. В следующем году Ла Бурдонне появился на сцене, и произошло сражение между его эскадрой и эскадрой коммодора Пейтона; после чего, хотя это был бой вничью, английский офицер покинул побережье, укрывшись на Цейлоне и оставив контроль над морем французам. La Bourdonnais бросил якорь в Пондишери, где вскоре возникли ссоры между ним и Дюпле, которые усугубились противоречивым тоном их инструкций из дома. В сентябре он отправился в Мадрас, подвергся нападению с суши и моря и захватил это место, но поставил перед губернатором условие, что оно может быть выкуплено; соответственно, был выплачен выкуп в размере двух миллионов долларов. Когда Дюпле услышал об этом, он очень разозлился и заявил, что аннулирует условия капитуляции на том основании, что после взятия это место находилось в пределах его юрисдикции. Ла Бурдонне возмутился этой попыткой, назвав ее бесчестной по отношению к нему после данного обещания. Пока продолжалась ссора, сильный циклон разрушил два его корабля и лишил мачт остальные. Вскоре после этого он вернулся во Францию, где его активность и рвение были вознаграждены тремя годами тюремного заключения по предъявленным обвинениям, от последствий лечения которых он скончался. После его ухода Дюпле нарушил капитуляцию, захватил и удержал Мадрас, изгнал английских поселенцев и продолжил укреплять укрепления. Из Мадраса он повернул против форта Сент-Дэвид, но приближение английской эскадры вынудило его снять осаду в марте 1747 года.

В течение этого года катастрофы французского военно-морского флота в Атлантике, о которых уже говорилось, оставили англичан безмятежными хозяевами моря. Следующей зимой они послали в Индию величайший европейский флот, который когда-либо видели на Востоке, с большими сухопутными силами, все под командованием адмирала Боскавена, который в дополнение к своему военно-морскому званию имел генеральский чин. Флот появился у побережья Коромандель в августе 1748 года. Пондишери подвергся нападению с суши и моря, но Дюпле оказал успешное сопротивление. Английский флот, в свою очередь, пострадал от урагана, и в октябре осада была снята. Вскоре после этого пришло известие о заключении мира в Экс-ла-Шапель, который положил конец европейской войне. Дюпле, восстановив связь со своим домом, теперь мог возобновить свои тонкие и настойчивые усилия по обеспечению территориальной базы, которая должна была, насколько это возможно, защитить его от возможности войны на море. Жаль, что столько гения и терпения было потрачено на совершенно напрасные усилия; ничто не могло защитить от этого нападения с моря, кроме военно-морской помощи, которую правительство метрополии предоставить не могло. Одним из условий мира было то, что Мадрас должен быть возвращен англичанам в обмен на Луисбург, приз, выигранный североамериканскими колонистами и освобожденный ими так же неохотно, как Мадрас был освобожден Дюпле. Это действительно иллюстрировало хвастовство Наполеона о том, что он отвоюет Пондишери на берегу Вислы; и все же, хотя морское превосходство Англии делало Луисбург в ее руках намного сильнее Мадраса или любой другой позиции в Индии, удерживаемой французами, выигрыш от обмена был явно на стороне Великобритании. Английские колонисты были не из тех людей, чтобы довольствоваться подобными действиями; но они знали морскую мощь Англии и то, что они могли бы снова сделать то, что сделали однажды, в точке, расположенной недалеко от их собственных берегов. Они понимали, в каком состоянии находится дело. С Мадрасом дело обстояло иначе. Каким глубоким, должно быть, было удивление местных князей при этой капитуляции, каким пагубным для личности Дюпле и влияния, которое он приобрел среди них, было видеть его в самый час победы вынужденным силой, которую они не могли понять, отказаться от своей добычи! Они были совершенно правы; таинственная сила, действие которой они распознали, хотя и не видели ее, заключалась не в том или ином человеке, короле или государственном деятеле, а в том контроле над морем, который, как знало французское правительство, исключал надежду сохранить эту отдаленную зависимость от флота Англии. Сам Дюпле этого не видел; еще несколько лет он продолжал строить на песке восточных интриг и лжи дом, который, как он тщетно надеялся, устоит против бурь, которые должны были обрушиться на него.

Экс-ла-Шапельский мирный договор, положивший конец этой всеобщей войне, был подписан 30 апреля 1748 года Англией, Францией и Голландией и, наконец, всеми державами в октябре того же года. За исключением определенных частей, отторгнутых от Австрийской империи, — Силезии для Пруссии, Пармы для инфанта Филиппа Испанского и некоторой итальянской территории к востоку от Пьемонта для короля Сардинии, — общим смыслом условий было возвращение к довоенному статусу. "Никогда, пожалуй, ни одна война после стольких великих событий и столь большой потери крови и сокровищ не заканчивалась тем, что участвовавшие в ней страны оказывались почти в том же положении, в каком они находились вначале". По правде говоря, что касается Франции, Англии и Испании, то дело об австрийском наследстве, возникшее так скоро после начала войны между двумя последними, полностью отклонило военные действия от их истинного направления и отложило на пятнадцать лет урегулирование споров, которые касались их гораздо больше, чем восшествие на престол Марии Терезии. В

бедственном положении своего старого врага, Австрийского дома, Францию легко было заставить возобновить свои нападки на него, а Англию так же легко склонить к противодействию попыткам французов влиять на германские дела или диктовать их, — курс, которому король с большей готовностью следовал из германских интересов. Может возникнуть вопрос, заключалась ли истинная политика Франции в том, чтобы направить войну всердце Австрийской империи, через Рейн и Германию, или, как она в конце концов и сделала, в отдаленные владения Нидерландов. В первом случае она находилась на дружественной территории в Баварии и протянула руку помощи Пруссии, военная мощь которой теперь впервые была ощутима. Таков был первый театр военных действий. С другой стороны, в Нидерландах, куда позже переместилась главная сцена военных действий, Франция нанесла удар не только по Австрии, но и по морским державам, всегда ревниво относившимся к ее вторжению туда. Они были душой войны против нее из-за своих субсидий другим ее врагам и убытков, нанесенных ее торговле и торговле Испании. Людовик XV заявил королю Испании, что бедственное положение Франции вынудило его заключить мир; и очевидно, что страдания должны были быть велики, чтобы побудить его согласиться на такие легкие условия, как он это сделал, когда он уже удерживал Нидерланды и части самой Голландии силой оружия. Но, несмотря на такой успех на континенте, его военно-морской флот был уничтожен, а сообщение с колониями, таким образом, прервано; и хотя можно усомниться в том, что французское правительство того времени лелеяло колониальные амбиции, приписываемые ему некоторыми, несомненно, что французская торговля сильно пострадала.

В то время как это было условием Франции, побуждавшим ее к миру, Англия в 1747 году обнаружила, что из-за торговых споров в Испанской Америке и неэффективных действий ее военно-морского флота она была втянута в континентальную войну, в которой потерпела катастрофу, задолжала почти 80 000 000 фунтов стерлингов долга и теперь увидела, что ее союзнику Голландии угрожает вторжение. Сам мир был подписан под угрозой французского посланника, что малейшая задержка станет сигналом для французов разрушить укрепления захваченных городов и немедленно начать вторжение. В то же время ее собственные ресурсы были истощены, и измученная Голландия пыталась занять у нее денег. "Денег, - говорят нам, - никогда еще в городе не было такой нехватки, и их нельзя получить за двенадцать процентов". Таким образом, если бы Франция в это время располагала флотом, способным противостоять флоту Англии, пусть даже несколько уступающим по силе, она могла бы, удерживая Нидерланды и Мейстрихт, выдвинуть свои собственные условия. Англия, с другой стороны, хотя и была прижата к стене на континенте, тем не менее смогла добиться мира на равных условиях благодаря контролю над морем со стороны своего военно-морского флота.

Торговля всех трех стран сильно пострадала, но баланс призовых в пользу Великобритании оценивался в 2 000 000 фунтов стерлингов. Иными словами, говорится, что совокупные потери французской и испанской торговли составили во время войны 3434 судна, английских - 3238; но при рассмотрении таких цифр не следует забывать о том, какое отношение они имеют к общему торговому судоходству обеих стран. Тысяча судов составляли гораздо большую долю французского судоходства, чем английского, и означали более серьезные потери.

"После катастрофы эскадры Л'Этендуэра, - говорит французский писатель, - французский флаг в море не появлялся. Двадцать два линейных корабля составляли военно-морской флот Франции,

который шестьдесят лет назад насчитывал сто двадцать. Каперы редко добывали трофеи; преследуемые повсюду, беззащитные, они почти всегда становились добычей англичан. Британские военно-морские силы, не имея соперников, беспрепятственно пересекали моря. Говорят, что за один год они похитили у французской торговли 7 000 000 фунтов стерлингов. Тем не менее, эта морская держава, которая могла бы захватить французские и испанские колонии, совершила мало завоеваний из-за отсутствия единства и настойчивости в указанном им направлении ".[92]

Подводя итог, Франция была вынуждена отказаться от своих завоеваний из-за отсутствия военно-морского флота, а Англия спасла свое положение своей морской мощью, хотя и не смогла использовать ее с максимальной выгодой.

СНОСКИ:

[88] Мартин: История Франции

[89] В современной военно-морской истории нет более поразительного предупреждения офицерам всех эпох, чем это сражение при Тулоне. Произошедшее после целого поколения сравнительного бездействия военно-морских сил, оно подорвало репутацию людей как огнем. Урок, по мнению автора, заключается в опасности позорного провала для людей, которые пренебрегли подготовкой не только в знании своей профессии, но и в понимании того, чего требует война. Обычный человек не трус, но и не наделен от природы лишь редкой способностью интуитивно выбирать правильный курс действий в критический момент. Он обретает это, кто-то больше, кто-то меньше, с помощью опыта или размышлений. Если ему не хватает и того, и другого, последует нерешительность; либо из-за незнания, что делать, либо из-за неспособности осознать, что требуется полная самоотдача себе и своему командованию. Об одном из уволенных капитанов говорится: "Ни один человек никогда не жил с более справедливым и благородным характером до прискорбного события, которое нанесло такой непоправимый ущерб его репутации. Многие из его современников, людей, пользующихся самым высоким общественным авторитетом, которые хорошо знали его, едва ли могли поверить в то, что было бесспорно установлено как факты, и с крайним изумлением заявляли: "Они считали практически невозможным, чтобы капитан Барриш вел себя иначе, чем как человек галантный и бесстрашный". " Он проработал двадцать пять лет и одиннадцать провел на плаву в звании капитана (Военно-морская биография Чарнока). Другие осужденные обладали честными характерами, и даже Ричард Норрис, который скрылся, чтобы избежать суда, пользовался респектабельной репутацией.

[90] Название: Военно-морской флот Франции

[91] "Несмотря на чрезвычайные усилия, предпринятые французами для отправки М. Лалли со значительными силами в прошлом году, я уверен, что до конца этого [1759] года они будут при

последнем издыхании в Карнатике, если только какое-нибудь совершенно непредвиденное событие не вмешается в их пользу. *Превосходство нашей эскадры* и обилие денег и всевозможных припасов, которыми наши друзья на том побережье будут снабжены из этой провинции [Бенгалии], в то время как враг испытывает полную нужду во всем, без каких-либо видимых средств возмещения ущерба, являются такими преимуществами, которые при должном внимании не могут не привести к полному их разорению в этой, а также в любой другой части Индии" (Письмо Клайва Питту, Калькутта, 7 января 1759 г.; "Жизнь лорда Клайва" Глейга). Следует помнить, что контроль и использование Бенгалии, на которые здесь рассчитывает Клайв, были приобретены англичанами лишь недавно; во времена Дюпле они ими не владели. Как будет видно позже, предсказания Клайва в этом письме полностью сбылись.

[92] Лаперуз-Бонфис: История. de la Marine Française.

ГЛАВА VIII

Семилетняя война, 1756-1763 гг. — Подавляющая мощь Англии и ее завоевания на морях, в Северной Америке, Европе, Восточной и Вест-Индии. Морские сражения: Бинг у берегов Менорки; Хоук и Конфлан; Покок и Д'Аше в Ост-Индии.

Настойчивость, с которой основные участники войны за австрийское наследство желали мира, возможно, можно вывести из пренебрежения урегулировать определенно и окончательно многие из нерешенных между ними вопросов, и особенно те самые споры, из-за которых началась война между Англией и Испанией. Создается впечатление, что державы боялись тщательно подходить к вопросам, которые содержали в себе зародыши будущих ссор, чтобы дискуссия не продлила войну, которая тогда существовала. Англия заключила мир потому, что падение Голландии в противном случае было неизбежно, а не потому, что она усилила или

отказалась от своих притязаний 1739 года против Испании. Право беспрепятственного плавание в морях Вест-Индии, свободного от какого-либо досмотра, оставалось неопределенным, как и другие родственные вопросы. Не только это, но и границы между английскими и французскими колониями в долине реки Огайо, ближе к Канаде, и на суше полуострова Новая Шотландия оставались такими же расплывчатыми, как и раньше. Было ясно, что мир не может длиться долго; и благодаря этому, если бы она спасла Голландию, Англия отказалась от завоеванного ею господства на море. Истинный характер раздора, на мгновение прикрытый континентальной войной, был раскрыт так называемым миром; хотя формально раздор был прекращен, он продолжался во всех частях света.

В Индии Дюпле, больше не имея возможности открыто нападать на англичан, стремился подорвать их могущество с помощью уже описанной линии политики. Ловко вмешиваясь в распри окружающих князей и продвигая при этом свою собственную власть, он быстрыми шагами добился в 1751 году политического контроля над южной оконечностью Индии — страной, почти такой же по площади, как Франция. Получив титул Набоба, он теперь занимал место среди принцев страны. "Чисто коммерческая политика была в его глазах заблуждением; не могло быть среднего пути между завоеванием и отказом". В течение того же года дальнейшие гранты расширили французскую власть на обширные регионы на севере и востоке, охватив все побережье Ориссы, и сделали Дюпле правителем трети Индии. Чтобы отпраздновать свои триумфы, возможно, также в соответствии со своей политикой воздействия на умы местных жителей, он теперь основал город и установил колонну, рассказывающую о его успехах. Но его действия вызывали у директоров компании только беспокойство; вместо подкрепления, о котором он просил, они послали ему призывы к миру; и примерно в это же время Роберт Клайв, которому тогда было всего двадцать шесть лет, начал проявлять свой гений. Успех Дюпле и его союзников чередовался с неудачами; англичане под руководством Клайва поддерживали местных противников французов. Компания на родине мало интересовалась его политическими планами и была раздосадована отсутствием дивидендов. В Лондоне были начаты переговоры об урегулировании трудностей, и Дюпле был вызван домой; говорят, английское правительство выдвинуло его отзыв абсолютным условием сохранения мира. Через два дня после его отъезда, в 1754 году, его преемник подписал договор с английским губернатором, полностью отказываясь от своей политики, оговаривая, что ни одна компания не должна вмешиваться во внутреннюю политику Индии и что все владения, приобретенные во время войны в Карнатике, должны быть возвращены Моголу. То, что Франция сдала таким образом, было по размерам и населению империей, и французские историки с огорчением заклеили эту уступку как позорную; но как можно было удержать страну, когда английский флот отрезал столь желанное подкрепление?

В Северной Америке за объявлением мира последовало возобновление волнений, которые возникли из-за глубокого чувства ситуации колонистами и местными властями с обеих сторон и свидетельствовали о нем. Американцы стояли на своем с упорством своей расы. "Нашим тринадцати колониям не будет покоя, - писал Франклин, - пока французы являются хозяевами Канады". Соперничающие претензии на центральный незаселенный регион, который достаточно точно можно назвать долиной Огайо, предполагали, в случае успеха англичан, военное отделение Канады от Луизианы; в то время как, с другой стороны, оккупация французами, соединяющая две крайние части их признанных владений, заперла бы английских колонистов между горами Аллегани и морем. Проблемы были достаточно очевидны для ведущих американцев того времени, хотя они были более далеко идущими, чем самые мудрые

из них могли предвидеть; есть место для любопытных предположений относительно эффекта не только для Америки, но и для всего мира, если бы у французского правительства хватило воли, а у французского народа - гения эффективно заселить и удержать северные и западные регионы, на которые они тогда претендовали. Но в то время как французы на месте достаточно ясно видели грядущее сражение и ужасное невыгодное положение из-за неравной численности и слабого военно-морского флота, в условиях которого Канаде приходится трудиться, правительство метрополии было слепо как к ценности колонии, так и к тому факту, что за нее нужно бороться; в то время как характер и привычки французских поселенцев, лишенных политической активности и не привыкших начинать и доводить до конца меры по защите своих собственных интересов, не исправили пренебрежения к метрополии. Отечественная централизованная система французского правления научила колонистов смотреть на метрополию, а затем не смогла позаботиться о них. Губернаторы Канады того времени действовали как осторожные и способные военные, делая все возможное, чтобы восполнить недостатки и слабости; возможно, что их действия были более последовательными и хорошо спланированными, чем у английских губернаторов; но из-за беспечности обоих правительств метрополии ничто в конце концов не могло заменить способность английских колонистов позаботиться о себе. Странно и забавно читать противоречивые заявления английских и французских историков относительно целей противостоящих государственных деятелей в те годы, когда раздалась первая предвестница бури; простая истина, по-видимому, заключается в том, что один из тех конфликтов, которые нам хорошо известны как "неудержимый", был близок, и что оба правительства с радостью избежали бы его. Границы могли быть неопределенными; английские колонисты - нет.

Французские губернаторы устанавливали посты там, где могли, на спорной почве, и именно в ходе спора по поводу одного из них в 1754 году имя Вашингтона впервые появляется в истории. Другие неприятности произошли в Новой Шотландии, и тогда оба правительства метрополии начали просыпаться. В 1755 году катастрофическая экспедиция Брэддока была направлена против форта Дюкен, ныне Питтсбург, где Вашингтон капитулировал годом ранее. Позже в том же году возле озера Джордж произошло еще одно столкновение между английскими и французскими колонистами. Хотя экспедиция Брэддока стартовала первой, французское правительство также переезжало. В мае того же года большая эскадра военных кораблей, в основном вооруженных *на флоте*^[93], отплыла из Бреста с тремя тысячами солдат и новым губернатором Де Водреем в Канаду. Адмирал Боскавен уже опередил этот флот и подстерегал его в устье реки Святого Лаврентия. Открытой войны еще не было, и французы, безусловно, имели полное право послать гарнизон в свои собственные колонии; но Боскавен приказал остановить их. Туман, рассеявший французскую эскадру, также скрыл ее проход; но два корабля были замечены английским флотом и захвачены 8 июня 1755 года. Как только эта новость достигла Европы, французский посол в Лондоне был отозван, но объявления войны по-прежнему не последовало. В июле сэр Эдвард Хоук был отправлен в море с приказом крейсировать между Ушантом и мысом Финистерре и захватывать любые французские линейные корабли, которые он сможет увидеть; к этому были добавлены в августе дальнейшие приказы захватывать все французские корабли любого типа, военных, каперов и торговцев, и направлять их в английские порты. До конца года было захвачено триста торговых судов стоимостью в шесть миллионов долларов, а шесть тысяч французских моряков были заключены в тюрьму в Англии — этого было достаточно, чтобы укомплектовать почти десять линейных

кораблей. Все это было сделано, когда еще существовал номинальный мир. Война была объявлена только шесть месяцев спустя.

Франция, казалось, все еще подчинялась, но она выжидала удобного момента и осторожно готовилась к серьезному удару, для которого теперь у нее было достаточно поводов. Небольшие эскадры, или отряды кораблей, продолжали направляться в Вест-Индию и Канаду, в то время как на верфи Бреста велись шумные приготовления, а на берегах Ла-Манша собирались войска. Англия увидела, что ей угрожает вторжение — угроза, к которой ее народ был особенно восприимчив. Тогдашнее правительство, в лучшем случае слабое, было совершенно непригодно для ведения войны и легко вводилось в заблуждение относительно реальной опасности. Кроме того, Англия, как всегда в начале войны, была смущена не только многочисленными пунктами, которые ей приходилось защищать в дополнение к своей торговле, но и отсутствием большого количества своих моряков на торговых судах по всему миру. Поэтому Средиземным морем пренебрегли; и французы, устраивая шумные демонстрации на Ла-Манше, спокойно снарядили в Тулоне двенадцать линейных кораблей, которые вышли в море 10 апреля 1756 года под командованием адмирала ла Галиссоньера, сопровождая сто пятьдесят транспортов с пятнадцатитысячным войском под командованием герцога Ришелье. Неделью спустя армия была благополучно высажена на Менорке, и Порт-Маон был оккупирован, в то время как флот установил блокаду перед гаванью.

Практически это было полной неожиданностью, ибо, хотя подозрения английского правительства наконец-то пробудились, оно действовало слишком поздно. Гарнизон не был усилен и насчитывал всего три тысячи человек, из которых тридцать пять офицеров отсутствовали в отпуске, среди них губернатор и полковники всех полков. Адмирал Бинг отплыл из Портсмута с десятью линейными кораблями всего за три дня до того, как французы покинули Тулон. Шесть недель спустя, когда он достиг окрестностей Порт-Маона, его флот был увеличен до тринадцати линейных кораблей, и с ним было четыре тысячи солдат. Было уже поздно; неделю назад в крепости была пробита реальная брешь. Когда в поле зрения показался английский флот, Ла Галиссоньер вышел ему навстречу и преградил вход в гавань.

Последовавшее за этим сражение всецело обязано своей исторической известностью исключительному и трагическому событию, которое произошло в результате него. В отличие от битвы Мэтьюза у Тулона, она содержит некоторые тактические инструкции, хотя в основном применима к устаревшим условиям ведения войны под парусами; но она особенно связана с предыдущими действиями через эффект, произведенный на разум несчастного Бинга приговором военного трибунала Мэтьюзу. В ходе сражения он неоднократно упоминал о порицании этого адмирала за то, что тот покинул линию, и, похоже, воспринял это решение как оправдывающее, если не определяющее, его собственный курс. Вкратце можно сказать, что два флота, увидев друг друга утром 20 мая, были обнаружены после серии маневров как на левом галсе, так и при восточном ветре, направленными на юг, причем французский находился с подветренной стороны, между английским и гаванью. Бинг выстроился в линию впереди против ветра, французы оставались рядом с ним, так что, когда первый подал сигнал к вступлению в бой, флоты шли не параллельно, а образовывали угол от тридцати до сорока градусов (Фото VIIa. A, A). Атака, которую Бинг, по его собственному признанию, намеревался предпринять, когда каждый корабль противостоял своему противнику в линии противника, была трудновыполнимой ни при каких обстоятельствах, была здесь дополнительно затруднена тем, что расстояние между двумя арьергардами было намного больше, чем между авангардами; так

что вся его линия не могла вступить в бой одновременно. Когда был подан сигнал, авангардные корабли, повинаясь ему, отошли в сторону и ринулись на французов так близко лоб в лоб (В, В), что в значительной степени пожертвовали своим артиллерийским огнем; они получили три сокрушительных бортовых залпа и были серьезно разбиты наверху. У шестого английского корабля, считая от авангарда, снесло фок-мачту, он взлетел по ветру и, застигнутый врасплох, остановился и удвоил строй. Тогда, несомненно, настало время для Бинга, посвятившего себя борьбе, подать пример и ринуться в атаку, как это сделал Фаррагат в Мобиле, когда его строй был сбит с толку остановкой следующего впереди; но, по свидетельству флаг-капитана, приговор Мэтьюза остановил его. "Вы видите, капитан Гардинер, что сигнал для построения пропущен, и что я нахожусь впереди кораблей "Луиза" и "Трайидент" [которые по приказу должны были быть впереди него]. Вы бы не хотели, чтобы я, как адмирал флота, бежал вниз, как будто я собирался вступить в бой с одним-единственным кораблем. К несчастью, мистер Мэтьюз был предубежден из-за того, что не объединил свои силы, чего я постараюсь избежать". Таким образом, дело приняло совершенно нерешительный характер; английский авангард был отделен от тыла и принял на себя основную тяжесть боя (С). Один французский авторитет обвиняет Галиссоньера в том, что он не повернул с наветренной стороны от вражеского авангарда и не разгромил его. Другой говорит, что он отдал приказ о перемещении, но это не могло быть сделано из-за повреждения такелажа; но это кажется невероятным, поскольку единственным повреждением, полученным французской эскадрой в воздухе, была потеря одной марсельной реи, в то время как английская пострадала очень сильно. Истинная причина, вероятно, заключается в том, что дано и одобрено одним из французских авторитетов по ведению морской войны. Галиссоньер считал поддержку сухопутной атаки на Маон первостепенной по сравнению с любым уничтожением английского флота, если он тем самым разоблачит свой собственный. "Французский военно-морской флот всегда предпочитал славу обеспечения или сохранения завоевания, возможно, более блестящему, но на самом деле менее реальному захвату нескольких кораблей, и в этом он приблизился к истинной цели, которая была предложена на войне".[94] Справедливость этого вывода зависит от точки зрения на истинное окончание морской войны. Если речь идет просто о защите одной или нескольких позиций на берегу, военно-морской флот становится просто подразделением армии для конкретного случая и соответствующим образом подчиняет свои действия; но если истинная цель состоит в том, чтобы одержать верх над военно-морским флотом противника и таким образом контролировать море, тогда корабли и флотилии противника являются истинными объектами для нападения в любых случаях. Проблеск этой точки зрения, по-видимому, присутствовал у Морога, когда он писал, что на море нет ни поля битвы, которое можно было бы удержать, ни мест, которые можно было бы завоевать. Если морская война - это война за посты, то действия флотов должны быть подчинены нападению и защите постов; если ее цель состоит в том, чтобы подорвать мощь противника на море, перерезать его коммуникации с остальной частью его владений, иссушить источники его богатства в торговле и сделать возможным закрытие его портов, тогда объектом нападения должны быть его организованные вооруженные силы на плаву; короче говоря, его военно-морской флот. Именно последнему курсу, по какой бы причине он ни был принят, Англия обязана контролем на море, который вынудил вернуть Менорку в конце этой войны. Именно первому Франция была обязана отсутствием престижа в своем военно-морском флоте. Возьмем тот же случай с Меноркой: если бы Галиссоньер был разбит, Ришелье и его пятнадцатитысячное войско были бы потеряны для Франции, запертые на Менорке, подобно тому как испанцы в 1718 году были ограничены Сицилией. Французский военно-морской флот, таким образом, обеспечил захват острова; но впечатление на

министерство и общественность было настолько незначительным, что французский военно-морской офицер рассказывает нам: "Каким бы невероятным это ни казалось, морской министр после славного дела у Маона, вместо того, чтобы поддаться рвению просвещенного патриотизма и воспользоваться импульсом, который эта победа дала Франции для создания военно-морского флота, счел нужным продать корабли и оснастку, которые все еще были у нас в портах. Скоро мы увидим плачевные последствия этого трусливого поведения наших государственных деятелей".[95] Ни слава, ни победа не слишком очевидны; но вполне возможно, что если бы французский адмирал меньше думал о Маоне и использовал огромное преимущество, данное ему удачей, чтобы захватить или потопить четырех или пять вражеских кораблей, французский народ предвидел бы вспышку военно-морского энтузиазма, которая проявилась слишком поздно, в 1760 году. В течение оставшейся части этой войны французские флоты, за исключением Ост-Индии, фигурируют только как преследуемые в общей погоне.

Действия, навязанные французскому флоту, соответствовали, однако, общей политике французского правительства; и Джон Клерк, вероятно, был прав, говоря, что в этих действиях у Менорки очевидна тактика, слишком четко определенная, чтобы быть просто случайной, — тактика, по существу оборонительная по своему размаху и цели.[96] Заняв подветренную позицию, французский адмирал не только прикрыл Маон, но и занял хорошую оборонительную позицию, поставив своего противника перед необходимостью атаковать со всеми вытекающими отсюда рисками. Клерк, кажется, привел достаточно доказательств, чтобы доказать, что ведущие французские корабли, после грубого обращения с нападавшими, предусмотрительно отступили (С), тем самым вынудив последних атаковать снова с такими же результатами. Та же политика неоднократно проводилась во время американской войны двадцать лет спустя и с довольно одинаковым успехом; настолько, что, хотя формального признания этой политики не хватает, можно сделать вывод, что осмотрительность, экономия, оборонительная война оставались неизменной целью французских властей, несомненно, основываясь на причинах, приведенных адмиралом Гривелем из этого военно—морского флота:

"Если две морские державы враждуют, та, у которой меньше кораблей, всегда должна избегать сомнительных столкновений; она должна подвергаться только тем рискам, которые необходимы для выполнения своих задач, избегать действий маневрированием или, в худшем случае, если ее вынудят вступить в бой, обеспечить себе благоприятные условия. Позиция, которую вы должны занять, должна радикально зависеть от силы вашего противника. Давайте не устанем повторять, что в зависимости от того, имеет она дело с низшей или высшей державой, Франция имеет перед собой две различные стратегии, радикально противоположные как по средствам, так и по целям, — Большую войну и крейсерскую войну".

Такое официальное высказывание высокопоставленного офицера должно быть воспринято с уважением, тем более когда оно выражает последовательную политику, которой придерживается великая и воинственная нация; однако может возникнуть вопрос, можно ли таким образом создать морскую державу, достойную этого названия. Логически из принятой позиции следует, что бои между равными силами должны быть обескуражены, потому что ваши потери больше, чем потери вашего противника. "В самом деле, - говорит Раматюэль, поддерживая французскую политику, - какие последствия для англичан имела бы потеря нескольких кораблей?" Но следующий неизбежный шаг в споре заключается в том, что лучше не встречаться с врагом. А другой француз,[97] ранее цитировал, говорит, было признано

бременем своих кораблей попасть в враждебную силу, и, если кто встречал, их обязанностью было не допускать действий, если возможно, сделать это с честью. У них были скрытые цели, более важные, чем борьба с вражеским флотом. Такому курсу нельзя последовательно следовать в течение многих лет, не повлияв на дух и тон офицеров, которым он был поручен; и это привело непосредственно к тому, что самый храбрый человек, который когда-либо командовал флотом, граф де Грасс, не смог сокрушить англичан под командованием Родни, когда у него был шанс, в 1782 году. 9 апреля того же года, преследуемый англичанами среди Навстреленных островов, он случайно оказался с шестнадцатью членами их флота под своей подветренной стороной, в то время как основные силы находились в штиле под Доминикой. Несмотря на значительное превосходство разделенных кораблей, в течение трех часов, пока длилось такое положение вещей, Де Грасс не беспокоил их, если не считать отдаленной канонады со стороны его собственного фрегата; и его действия были оправданы судом, который его судил, в котором было много офицеров высокого ранга и, несомненно, отличившихся, как "акт благоразумия со стороны адмирала, продиктованный ему скрытыми планами похода". Три дня спустя он потерпел сокрушительное поражение от флота, который ему не удалось атаковать в невыгодном положении, и все скрытые проекты похода пошли прахом вместе с ним.

Вернуться на Менорку; после действий 20-го числа Бинг созвал военный совет, который решил, что больше ничего нельзя сделать, и что английский флот должен отправиться в Гибралтар и прикрыть это место от нападения. В Гибралтаре Хоук сменил Бинга и отправил домой для суда. Военный трибунал, прямо признав его виновным в трусости или недовольстве, признал его виновным в том, что он не сделал все возможное ни для разгрома французского флота, ни для освобождения гарнизона в Маоне; и, поскольку статья военного кодекса предписывала смертную казнь без альтернативы наказанию за это преступление, он счел необходимым приговорить его к смертной казни. Король отказался помиловать, и Бинг, соответственно, был расстрелян.

Экспедиция против Менорки была начата, когда еще длился номинальный мир. 17 мая, за три дня до битвы при Бинге, Англия объявила войну, а Франция ответила 20 июня. 28-го Порт-Маон капитулировал, и Менорка перешла в руки Франции.

Природа разногласий между двумя нациями и сцены, на которых они происходили, достаточно ясно указывали на надлежащий театр военных действий, и мы по праву должны были бы сейчас присутствовать при начале морской войны, проиллюстрированной крупными морскими действиями и сопровождавшейся значительными изменениями в колониальных и иностранных владениях двух держав. Из них двоих только Англия признала правду; Франция снова была отвлечена от моря причинами, которые вскоре будут приведены. Ее флоты едва появлялись; и, потеряв господство на море, она сдала одну за другой свои колонии и все свои надежды в Индии. Позже в этой борьбе она привлекла Испанию в качестве своего союзника, но только для того, чтобы вовлечь эту страну в свое собственное внешнее разорение. Англия, с другой стороны, защищенная и питаемая морем, с триумфом разъезжала на нем повсюду. Находясь в безопасности и процветая у себя дома, она поддерживала своими деньгами врагов Франции. По прошествии семи лет королевство Великобритания превратилось в Британскую империю.

Далеко не факт, что Франция смогла бы успешно противостоять Англии на море без союзника. В 1756 году французский военно-морской флот располагал шестьюдесятью тремя линейными кораблями, из которых сорок пять находились в хорошем состоянии; но оборудования и

артиллерии было недостаточно. Испания располагала сорока шестью линейными кораблями; но, судя по предыдущим и последующим действиям испанского военно-морского флота, вполне можно усомниться в том, что его ценность соответствовала численности. Англия в то время располагала ста тридцатью линейными кораблями; четыре года спустя фактически в строю у нее было сто двадцать. Конечно, когда нация позволяет своей неполноценности, будь то на суше или на море, стать такой же великой, какой была нынешняя Франция, она не может надеяться на успех.

Тем не менее, поначалу она получала преимущества. За завоеванием Менорки в ноябре того же года последовало приобретение Корсики. Генуэзская республика уступила Франции все укрепленные гавани острова. Вместе с Тулоном, Корсикой и Порт-Маоном она теперь прочно контролировала Средиземное море. В Канаде операции 1756 года под командованием Монкальма были успешными, несмотря на численное превосходство. В то же время нападение местного принца в Индии отняло у англичан Калькутту и дало возможность французам.

Еще один инцидент дал возможность французской государственной мудрости укрепить свои позиции на океане. Голландцы пообещали Франции не возобновлять союз с Англией, а сохранять нейтралитет. Англия ответила, объявив "все порты Франции в состоянии блокады, и все суда, направляющиеся в эти порты, подлежат захвату в качестве законного приза". Такое нарушение прав нейтральных может быть предпринято только нацией, которая чувствует, что ей нечего бояться их восстания против нее. Агрессивность, порожденная чувством силы, которое характеризовало Англию, могла быть использована Францией для вовлечения Испании и, возможно, других государств в союз против нее.

Вместо того, чтобы сконцентрироваться против Англии, Франция начала еще одну континентальную войну, на этот раз с новым и необычным союзом. Императрица Австрии, воспользовавшись религиозными суевериями короля и гневом любовницы короля, которую задела сарказмы, высказанные в ее адрес Фридрихом Великим, втянула Францию в союз с Австрией против Пруссии. К этому союзу в дальнейшем присоединились Россия, Швеция и Польша. Императрица настаивала на том, чтобы две римско-католические державы объединились, чтобы отобрать Силезию у протестантского короля, и выразила готовность отдать Франции часть своих владений в Нидерландах, чего Франция всегда желала.

Фридрих Великий, узнав о готовящейся против него комбинации, вместо того, чтобы ждать ее развития, привел свои армии в движение и вторгся в Саксонию, правителем которой также был король Польши. Это движение в октябре 1756 года положило начало Семилетней войне, которая, подобно войне за австрийское наследство, но не в такой степени, отвлекла некоторых участников от первоначальной причины разногласий. Но в то время как Франция, уже имевшая на руках одну крупную ссору со своим соседом по ту сторону Ла-Манша, таким образом, без необходимости вступала в новую борьбу с общепризнанной целью создания той австрийской империи, которую более мудрая политика давно стремилась унижить, Англия на этот раз ясно увидела, в чем заключаются ее истинные интересы. Сделав континентальную войну полностью второстепенной, она обратила свои усилия на море и колонии; в то же время поддерживая Фридриха как деньгами, так и сердечным сочувствием в войне за защиту его королевства, которая так серьезно отвлекала и разделяла усилия Франции. Таким образом, у Англии действительно была под рукой только одна война. В том же году руководство борьбой было

перешло из рук слабого министерства в руки смелого и пылкого Уильяма Питта, который оставался на своем посту до 1761 года, когда конец войны был практически обеспечен.

При наступлении на Канаду следовало выбрать два основных направления: одно — через озеро Шамплейн, а другое - через реку Святого Лаврентия. Первый был полностью внутри страны и как таковой не касается нашей темы, если не считать того, что только после падения Квебека в 1759 году он был полностью открыт для англичан. В 1757 году попытка атаковать Луисбург провалилась; английский адмирал не пожелал вступать в бой с шестнадцатью линейными кораблями, которые он нашел там, а пятнадцать находились под его собственным командованием, которые также, по его словам, были сделаны из некачественного металла. Был ли он прав в своем решении или нет, возмущение, охватившее Англию, ясно показывает разницу в политике, лежащую в основе действий французского и английского правительств. На следующий год адмирал более высокого духа Боскавен был отправлен в поход в сопровождении двенадцати тысяч солдат и, справедливости ради надо сказать, обнаружил в порту всего пять кораблей. Войска были высажены, в то время как флот прикрывал осаду от единственного неприятеля, которого он мог опасаться, и отрезал от осажденных единственную линию, по которой они могли искать припасы. Остров пал в 1758 году, открыв путь по реке Святого Лаврентия в сердце Канады и предоставив англичанам новую базу как для флота, так и для армии.

В следующем году экспедиция под командованием Вулфа была направлена против Квебека. Все его операции были основаны на флоте, который не только доставлял его армию на место, но и перемещался вверх и вниз по реке в соответствии с требованиями различных маневров. Высадка, приведшая к решающим действиям, была произведена непосредственно с кораблей. Монкальм, чье мастерство и решительность блокировали атаки через озеро Шамплейн в течение двух предыдущих лет, срочно запросил подкрепления; но военный министр отказал в них, ответив, что в дополнение к другим причинам слишком вероятно, что англичане перехватят их по пути, и что чем больше Франция отправит, тем больше Англия будет вынуждена отправить. Одним словом, обладание Канадой зависело от морской мощи.

Поэтому Монкальм, ввиду неизбежного нападения на Квебек со стороны реки, был вынужден ослабить свое сопротивление на Шамплейнском маршруте; тем не менее, англичане в тот год не продвинулись дальше подножия озера, и их операции, хотя и заслуживающие похвалы, никак не повлияли на результат в Квебеке.

В 1760 году англичане, удерживавшие русло реки Святого Лаврентия с Луисбургом на одном конце и Квебеком на другом, казалось, прочно укрепились. Тем не менее французский губернатор Де Водрей все еще держался в Монреале, и колонисты все еще надеялись на помощь Франции. Английский гарнизон в Квебеке, хотя и уступал по численности силам канадцев, был достаточно неосторожен, чтобы покинуть город и встретиться с ними в открытом поле. Потерпев там поражение и преследуемый врагом, последний едва не вступил в Квебек один на один с английскими войсками, и против города были отрыты траншеи. Через несколько дней в поле зрения появилась английская эскадра, и в этом месте воцарилось облегчение. "Таким образом, - говорит старый английский летописец военно-морского флота, - враг увидел, что значит уступать на море; ибо, если бы французская эскадра опередила англичан в плавании вверх по реке, Квебек должен был пасть". Теперь, полностью отрезанная, маленькая группа французов, остававшаяся в Монреале, была окружена тремя английскими армиями, которые

подошли: одна со стороны озера Шамплейн, другие из Освиго и Квебека. Сдача города 8 сентября 1760 года навсегда положила конец французскому владению Канадой.

Во всех других частях света после прихода Питта к власти английскому оружию сопутствовала та же удача, лишь поначалу с небольшими отступлениями. Иначе обстояло дело на континенте, где героизм и мастерство Фридриха Великого с трудом поддерживали его блестящую борьбу против Франции, Австрии и России. Изучение трудностей его положения, сопутствующих ему военных и политических комбинаций не относится к нашей теме. Морская мощь не проявляется прямо в ее влиянии на ход борьбы, но косвенно она ощущалась двояко: во—первых, в субсидиях, которые обильное богатство и кредит Англии позволили ей предоставить Фридриху, в чьих бережливых и умелых руках они зашли далеко; и, во-вторых, в затруднении, причиненном Франции нападениями Англии на ее колонии и ее собственное морское побережье, в разрушении ее торговли и в деньгах — правда, слишком скудных и выдаваемых неохотно, — которые Франция была вынуждена выделять на свой военно-морской флот. Уязвленная постоянными нападками Морской мощи, Франция, несмотря на слепоту и нежелание правителей, была вынуждена предпринять что-то против нее. С гораздо более слабым флотом, неспособным справиться во всех частях света, было справедливо решено сосредоточиться на одной цели; и выбранным объектом была сама Великобритания, берега которой подлежали вторжению. Это решение, вскоре вызванное опасениями английской нации, привело к тому, что крупные военно-морские операции на несколько лет сосредоточились вокруг побережья Франции и в Ла-Манше. Прежде чем описать их, было бы неплохо подвести итог общему плану, которым Англия руководствовалась при использовании своей подавляющей морской мощи.

Помимо уже описанных операций на североамериканском континенте, этот план состоял из четырех частей:—

1. За французскими портами Атлантического океана, особенно за Брестом, велось усиленное наблюдение, чтобы не дать крупным флотам или небольшим эскадрам выйти без боя.
2. На побережье Атлантического океана и Ла-Манша были нанесены удары летучими эскадрильями, за которыми иногда следовала высадка небольших групп войск. Эти атаки, направление которых противник не мог предвидеть, были направлены главным образом на то, чтобы вынудить его держать под рукой силы во многих пунктах и таким образом уменьшить армию, действовавшую против короля Пруссии. Хотя тенденция, безусловно, была бы именно такой, можно усомниться в том, имело ли фактическое изменение курса в пользу Фредерика большие последствия. Мы не будем особо упоминать об этих операциях, которые оказали лишь незначительное видимое влияние на общий ход войны.
3. Флот держался в Средиземном море и близ Гибралтара, чтобы помешать французскому тулонскому флоту выйти в Атлантику. Не похоже, чтобы предпринимались какие-либо серьезные попытки прекратить сообщение между Францией и Меноркой. Действия средиземноморского флота, хотя и независимого командования, были вспомогательными по отношению к действиям в Атлантике.
4. Были отправлены дальние иностранные экспедиции против французских колоний на островах Вест-Индии и на побережье Африки, а в Ост-Индии содержалась эскадра для обеспечения контроля над этими морями, тем самым поддерживая англичан на полуострове и перекрывая коммуникации французов. Эти операции в отдаленных водах, которые никогда не

прерывались, приобрели большую активность и масштабы после того, как уничтожение французского флота избавило Англию от страха вторжения, и когда опрометчивое вступление Испании в войну в 1762 году принесло ее предприятию еще более богатые призы.

Тесную блокаду вражеского флота в Бресте, которая впервые систематически проводилась во время этой войны, можно считать скорее оборонительной, чем наступательной операцией; ибо хотя намерение, безусловно, состояло в том, чтобы сражаться, если представится возможность, главной целью было нейтрализовать наступательное оружие в руках противника; уничтожение оружия было второстепенным. Справедливость этого замечания подтверждается вспышкой страха и гнева, охватившей Англию, когда неизбежное отсутствие блокадного флота в 1759 году позволило французам спастись бегством. Эффект блокады в этой и последующих войнах заключался в том, что французы постоянно находились в состоянии неполноценности в практическом управлении своими кораблями, какими бы справедливыми ни были их внешний вид или равная им численная сила. Положение порта Брест было таково, что блокированный флот не мог выйти из него во время сильных западных штормов, которые угрожали блокадникам; последние, следовательно, имели привычку убегать от них в Торбей или Плимут, будучи уверены, что с осторожностью вернутся на свою стоянку с восточным ветром, прежде чем большой и плохо управляемый флот сможет сильно оторваться от них.

Во второй половине 1758 года Франция, подавленная ощущением неудачи на континенте, оскорбленная и измученная вторжением англичан к ее берегам, которое в том году было особенно досадным, и видя, что с ее денежными средствами невозможно вести как континентальную, так и морскую войны, решила нанести прямой удар по Англии. Ее торговля была уничтожена, в то время как вражеская процветала. Лондонские купцы хвастались, что при Питте торговля была объединена с войной и процветала благодаря ей;^[98] и эта процветающая торговля была душой также земельной борьбы, благодаря деньгам, которые она расточала врагу Франции.

В это время Людовик XV призвал к власти нового и активно мыслящего министра Шуазеля. С начала 1759 года в портах океана и Ла-Манша велись приготовления. В Гавре, Дюнкерке, Бресте и Рошфоре были построены плоскодонки для перевозки войск. Предполагалось отправить до пятидесяти тысяч человек для вторжения в Англию, в то время как двенадцать тысяч должны были быть направлены в Шотландию. Были снаряжены две эскадрильи, каждая приличной численности, одна в Тулоне, другая в Бресте. Соединение этих двух эскадрилий в Бресте было первым шагом в великом предприятии.

Именно здесь она потерпела крах из-за владения англичанами Гибралтаром и их военно-морского превосходства. Кажется невероятным, что даже суровый и самоуверенный Уильям Питт еще в 1757 году предложил Испании сдать сторожевую башню, с которой Англия наблюдает за дорогой между Средиземным морем и Атлантикой, в качестве платы за ее помощь в возвращении Менорки. К счастью для Англии, Испания отказалась. В 1759 году адмирал Боскавен командовал английским средиземноморским флотом. При нападении на французские фрегаты на тулонских рейдах некоторые из его кораблей были настолько повреждены, что он отплыл со всей своей эскадрой в Гибралтар для ремонта; однако, приняв меры предосторожности, разместил через определенные промежутки времени дозорные фрегаты и организовал сигналы из пушек, чтобы вовремя уведомить его о приближении противника. Воспользовавшись его отсутствием и повинаясь приказу, французский коммодор

Де ла Клю 5 августа покинул Тулон с двенадцатью линейными кораблями, а 17-го оказался в Гибралтарском проливе, и резкий восточный ветер унес его в Атлантику. Все казалось благоприятным, густой туман и опускающаяся ночь скрывали французские корабли от суши, но не мешали им видеть друг друга, когда на близком расстоянии замаячил английский фрегат. Как только она увидела флот, зная, что это, должно быть, враги, она повернула к суше и начала стрелять из сигнальных пушек. Преследование было бесполезно; оставалось только бегство. Надеясь ускользнуть от погони, которая, как он знал, должна была последовать, французский коммодор взял курс на запад-северо-запад в открытое море, потушив все огни; но либо по беспечности, либо из—за недовольства, — на последнее намекает один французский морской офицер, - пять из двенадцати кораблей направились на север и зашли в Кадис, когда на следующее утро они не смогли увидеть коммодора. Последний был встревожен, когда при свете дня увидел, что его силы так уменьшились. В восемь часов показалось несколько парусов, и в течение нескольких минут он надеялся, что это пропавшие корабли. Вместо этого они были дозорными флота Боскавена, который, насчитывая четырнадцать линейных кораблей, вел полную погоню. Французы построились в одну из сомкнутых линий и обратились в бегство; но, конечно, скорость их флота была меньше, чем у самых быстроходных английских кораблей. Общее правило для всех преследований, где преследователь явно превосходит противника, а именно, что порядок должен соблюдаться только до тех пор, пока ведущие корабли не окажутся на разумном расстоянии поддержки от более медленных, чтобы их нельзя было одолеть поодиночке до того, как последние смогут подойти, было к этому времени хорошо понято в английском военно-морском флоте, и это, безусловно, подходящее время для схватки. Боскавен действовал соответственно. С другой стороны, арьергард французов благородно последовал примеру Л'Этендюзера, когда тот спас свой конвой. Настигнутый в два часа передним английским кораблем и вскоре после этого окруженный четырьмя другими, его капитан в течение пяти часов оказывал отчаянное сопротивление, в результате которого он мог надеяться не спастись самому, а задержать врагов на достаточно долгое время, чтобы лучшие моряки смогли спастись бегством. Он настолько преуспел в этом, что — благодаря нанесенной им травме и их большей скорости — в тот день они избежали боя с близкого расстояния, который мог закончиться только их поимкой. Когда он спустил свой флаг, трех его топ-мачт не было, сразу же после этого упала бизань-мачта, а корпус был так полон воды, что корабль с трудом удерживался на плаву. Господин де Сабран — его имя достойно того, чтобы его помнили, — получил одиннадцать ран в ходе этого доблестного сопротивления, которым он так красноречиво продемонстрировал долг и службу арьергарда при задержке преследования. В ту ночь два французских корабля взяли курс на запад и таким образом спаслись. Остальные четверо продолжали свое бегство, как и прежде; но на следующее утро коммодор, отчаявшись спастись, направился к португальскому побережью и высадил их всех на берег между Лагосом и мысом Сент-Винсент. Английский адмирал последовал за ними и атаковал их, захватив двух и сожгв остальных, не обращая внимания на нейтралитет Португалии. За это оскорбление не было внесено никаких поправок, кроме официальных извинений; Португалия была слишком зависима от Англии, чтобы ее можно было серьезно рассматривать. Питт, написав английскому послу в Португалии об этом деле, сказал ему, что, успокаивая восприимчивость португальского правительства, он не должен позволять ему предполагать, что либо корабли будут отданы, либо выдающийся адмирал подвергнется осуждению.[99]

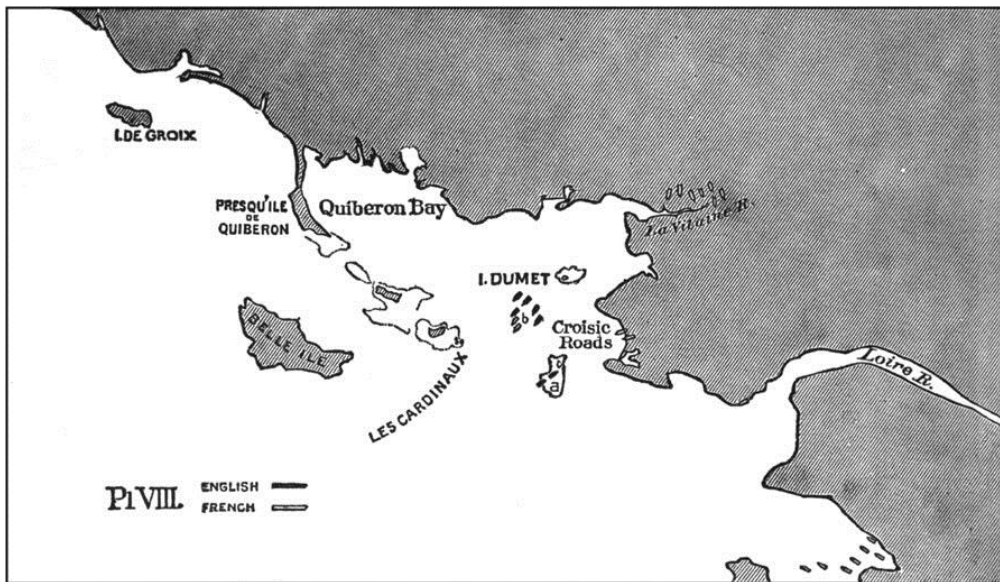
Уничтожение или рассредоточение Тулонского флота остановило вторжение в Англию, хотя пять кораблей, вошедших в Кадис, по-прежнему вызывали беспокойство сэра Эдварда Хоука,

который крейсировал до Бреста. Шуазель, лишенный своей главной цели, все еще цеплялся за вторжение в Шотландию. Французский флот в Бресте под командованием маршала де Конфлана, морского офицера, несмотря на его звание, насчитывал двадцать линейных кораблей, не считая фрегатов. Численность войск, которые должны быть погружены, по разным данным, составляет от пятнадцати до двадцати тысяч человек. Первоначальной целью было сопровождение транспортов всего пятью линейными кораблями, не считая судов меньшего размера. Конфлан настаивал на том, что должен уйти весь флот. Военно-морской министр считал, что адмирал не был достаточно искусным тактиком, чтобы суметь остановить продвижение противника и таким образом обеспечить безопасное прибытие конвоя в пункт назначения близ Клайда без риска решающего столкновения. Полагая поэтому, что будет общее сражение, он счел, что было бы лучше начать его до отплытия войск; ибо в случае неудачи конвой не будет принесен в жертву, а в случае решительной победы дорога тогда будет свободна. Транспорты были собраны не в Бресте, а в портах на юге, вплоть до устья Луары. Следовательно, французский флот вышел в море с расчетом и целью борьбы с врагом; но нелегко согласовать его последующий курс ни с этой целью, ни с подробными боевыми инструкциями^[100], выданными адмиралом перед отплытием.

Примерно 5 или 6 ноября налетел сильный западный шторм. Продержавшись три дня, Хоук выстоял и вошел в Торбей, где дождался перемены ветра, держа свой флот в готовности к немедленному отплытию. Тот же шторм, хотя и сдерживал французов, уже находившихся в Бресте, дал возможность небольшой эскадре под командованием М. Бомпара, которая ожидалась из Вест-Индии, проскользнуть туда во время отсутствия Хоука. Конфлан деятельно подготовился, распределил команды Бомпара по своим собственным кораблям, которые были не очень хорошо укомплектованы, и 14-го числа вышел в море при восточном ветре. Он сразу же направился на юг, льстя себе мыслью, что ему удалось ускользнуть от Хоука. Последний, однако, отплыл из Торбея 12-го; и хотя его снова отбросили назад, он отплыл во второй раз 14-го, в тот же день, когда Конфлан покинул Брест. Вскоре он занял свое место, узнал, что враг был замечен к югу, держа курс на восток, и, легко придя к выводу, что они направляются в бухту Киберон, проложил свой собственный курс к тому же месту под парусами. В одиннадцать часов вечера 19-го французский адмирал оценил свое положение как находящееся в семидесяти милях к юго-западу от острова Бель;^[101] и ветер, дующий с запада, усилился, он стоял под короткими парусами, ветер продолжал усиливаться и смещаться на запад-северо-запад. На рассвете впереди показалось несколько кораблей, которые оказались английской эскадрой commodore Даффа, блокировавшей Киберон. Был подан сигнал к погоне, и англичане, обратившись в бегство, разделились на две дивизии— одна двинулась против ветра, другая подтягивалась к югу. Большая часть французского флота продолжала свой путь вслед за первым разделением, то есть к побережью; но один корабль подошел ко второму. Сразу же после этого задние французские корабли подали сигнал парусами с наветренной стороны, которые также были видны с борта флагманского корабля. Должно быть, примерно в тот же момент дозорный фрегат, шедший впереди английского флота, сообщил своему адмиралу о появлении парусов с подветренной стороны. Усердие Хоука свело его с Конфланом, который в своих официальных отчетах говорит, что считал невозможным, чтобы противник мог располагать в этом районе силами, превосходящими или даже равными его собственным. Конфлан приказал своему тыловому дивизиону поднять ветер в поддержку корабля, преследующего его на юг и на восток. Еще через несколько мгновений выяснилось, что флот с наветренной стороны насчитывал двадцать три линейных корабля против двадцати одного французского, и среди них несколько

трехпалубных. Затем Конфлан вызвал корабли преследования и приготовился к бою. Оставалось определить свой курс при обстоятельствах, которые он не предвидел. Теперь дул сильный ветер с запада на северо-запад, со всеми признаками плохой погоды, флот находился недалеко от подветренного берега, а противник значительно превосходил его численностью; ведь помимо двадцати трех линейных кораблей Хоука, у Даффа было четыре пятидесятипушечных корабля. Поэтому Конфлан решил броситься наутек и повести свою эскадру в бухту Киберон, доверяя и полагая, что Хоук не осмелится последовать за ней в таких погодных условиях в бухту, которую французские власти описывают как имеющую отмели и окаймленную рифами, которые штурман редко видит без испуга и никогда не проходит мимо без волнения. Именно посреди этих ужасных опасностей сорок четыре больших корабля были готовы вступить в бой скопом, ибо пространство было слишком ограничено для маневров флота. Конфлан льстил себя надеждой, что он доберется первым и сможет подойти вплотную к западному берегу залива, вынудив противника, если он последует за ним, занять позицию между ним и пляжем, в шести милях с подветренной стороны. Ни одно из его ожиданий не оправдалось. При отступлении он встал во главе своего флота; шаг, не лишенный оправдания, поскольку, только лично руководя, он мог показать, что именно хотел делать, но неудачный для его репутации в глазах общественности, поскольку это поставило адмирала впереди в бегстве. Хоука ни на йоту не смутили подстерегавшие его опасности, всю степень которых он, как опытный моряк, полностью осознавал; но у него был спокойный и непоколебимый, а также галантный характер, который справедливо взвешивал риски, не скрывая и не преувеличивая. Он не оставил нам своих рассуждений, но он, несомненно, чувствовал, что французы, идущие впереди, будут частично выполнять роль лоцманов и должны занять позицию перед ним; он считал, что характер и опыт его офицеров, прошедших суровую школу блокады, превосходят таковые у французов; и он знал, что и правительство, и страна требовали, чтобы флот противника не достиг другого дружественного порта в безопасности. В тот самый день, когда он таким образом преследовал французов, среди опасностей и в условиях, которые сделали это морское сражение одним из самых драматичных, его чучело сожгли в Англии за то, что он позволил им спастись. Пока Конфлан во главе своего флота огибал Кардиналс, — так называются самые южные скалы у входа в бухту Киберон, — передовые английские корабли привели в действие французский тыл. Это был еще один случай общей погони, закончившейся схваткой, но в условиях исключительного интереса и величия, обусловленных окружающими обстоятельствами: штормовым ветром, волнением на море, подветренным берегом, бешеной скоростью, укороченным парусом и большим количеством задействованных кораблей. Один французский семидесятичетырехпушечный крейсер, теснимый численным превосходством, отважился открыть иллюминаторы на нижней палубе; нахлынувшее море унесло его ко дну со всеми находившимися на борту, кроме двадцати человек. Еще один был потоплен огнем флагманского корабля Хоука. Два других, на одном из которых был выпел commodore, загорелись своими цветами. Остальные были рассеяны. Семеро бежали на север и восток и бросили якорь у устья маленькой речки Вилен, в которую им удалось войти в разгар половодья в два прилива, — подвиг, которого никогда прежде не совершали. Семеро других укрылись на юге и востоке, в Рошфоре. Один из них, получив очень тяжелые ранения, выбежал на берег и пропал недалеко от устья Луары. Флагманское судно, носившее то же название, что и "Турвиль", сгорело в Ла-Хуге, "Королевское солнце", бросившее якорь с наступлением темноты у Круазика, немного к северу от Луары, где оно благополучно простояло ночь. На следующее утро адмирал оказался один и, как могло показаться, несколько опрометчиво направил корабль к берегу, чтобы уберечь его от рук англичан. Этот шаг был осужден французами, но напрасно,

поскольку Хоук никогда бы не позволил ей уйти. Великий французский флот был уничтожен, ибо четырнадцать кораблей, которые не были захвачены или уничтожены, были разделены на две части, и тем, кто находился в Вилене, удалось спастись только по два за раз, между пятнадцатью месяцами и двумя годами позже. Англичане потеряли два корабля, которые наткнулись на мель (a) и были безнадежно разбиты; их потери в бою были незначительными. С наступлением темноты Хоук бросил якорь со своим флотом и призами в месте, указанном на рисунке (b).

Pl. VIII. [Список](#)

Всякая возможность вторжения в Англию исчезла с уничтожением брестского флота. Битва 20 ноября 1759 года была Трафальгарской в этой войне; и хотя была сохранена блокада частей, которые были сосредоточены в Вилене и в Рошфоре, английский флот теперь был свободен действовать против колоний Франции, а позже и Испании, в большем масштабе, чем когда-либо прежде. В том же году, когда произошло это великое морское сражение и пал Квебек, были также захвачены Гваделупа в Вест-Индии, Гори на западном побережье Африки и оставление французским флагом Восточно-индийских морей после трех нерешительных действий между их коммодором Д'Аше и адмиралом Пококом, — оставление, которое неизбежно привело к падению французской мощи в Индии, которая больше никогда не поднималась. В этом же году умер король Испании, и его брат унаследовал трон под титулом Карла III. Этот Карл был королем Неаполя в то время, когда английский коммодор дал один час суду на принятие решения о выводе неаполитанских войск из состава испанской армии. Он никогда не забывал этого унижения и привел на свой новый трон сердце, враждебное Англии. С такими чувствами с его стороны Франция и Испания с большей готовностью сблизилась. Первым шагом Чарльза было предложить посредничество, но Питт был против этого. Рассматривая Францию как главного врага Англии, а море и колонии - как главный источник власти и богатства, он желал теперь, когда он победил ее, основательно ослабить ее как в будущем, так и в настоящем, и более прочно утвердить величие Англии на обломках. Позже он предложил определенные условия; но влияние любовницы Людовика, привязанной к

австрийской императрице, возобладало, и Пруссия была отстранена от переговоров, а Англия не допустила исключения. Питт, действительно, еще не был готов к миру. Год спустя, 25 октября 1760 года, Георг II. умер, и после этого влияние Питта начало ослабевать, поскольку новый король был менее склонен к войне. В течение этих лет, 1759 и 1760, Фридрих Великий все еще продолжал смертельную и изнуряющую борьбу своего маленького королевства против объединившихся против него великих государств. В какой-то момент его положение казалось настолько безнадежным, что он был готов покончить с собой; но продолжение войны отвлекло усилия Франции от Англии и моря.

Быстро приближался час великих колониальных экспедиций, которые ознаменовали последний год войны триумфом морской мощи Англии над Францией и Испанией вместе взятыми. Сначала необходимо рассказать совершенно схожую историю о влиянии этой морской силы на полуостров Ост-Индия.

Об отзыве Дюпле и полном отказе от его политики, в результате чего две ост-индские компании были поставлены в равные условия, уже говорилось. Однако положения договора 1754 года не были выполнены в полной мере. Маркиз де Бюсси, храбрый и способный солдат, который был заместителем Дюпле и полностью разделял его политику и амбиции, остался в Декане — большом регионе на юге центральной части полуострова, которым когда-то правил Дюпле. В 1756 году возникли разногласия между англичанами и местным принцем в Бенгалии. Набоб этой провинции умер, и его преемник, девятнадцатилетний молодой человек, напал на Калькутту. Это место пало после слабого сопротивления в июне, и за капитуляцией последовала знаменитая трагедия, известная как "Черная дыра Калькутты". Новость достигла Мадраса в августе, и Клайв, чье имя уже упоминалось, после долгой и досадной задержки отплыл с флотом адмирала Уотсона. Флот вошел в реку в декабре и появился перед Калькуттой в январе, когда город снова перешел в руки англичан так же легко, как был потерян.

Набоб был очень разгневан и выступил против англичан, отправив тем временем приглашение французам в Чандернагоре присоединиться к нему. Хотя теперь было известно, что Англия и Франция находятся в состоянии войны, французская компания, несмотря на опыт 1744 года, слабо надеялась, что между ней и англичанами удастся сохранить мир. Поэтому приглашение туземцев было отклонено, и другой компании были сделаны предложения о нейтралитете. Клайв выступил, встретился с индийскими войсками и разбил их, и набоб сразу же запросил мира и стремился к союзу с Англией, отказавшись от всех притязаний, опираясь на которые он первым напал на Калькутту. После некоторых возражений его предложения были приняты. Затем Клайв и Уотсон повернулись к Чандернагору и вынудили французское поселение сдаться.

Набоб, который не собирался этого допускать, обиделся и вступил в переписку с Бюсси на Декане. Клайв был полностью осведомлен о его различных интригах, которые велись при колебаниях характера столь же слабого, сколь и вероломного; и, не видя никакой надежды на установление мира или торговлю под властью этого человека, вступил в обширный заговор с целью его свержения, подробности которого нет необходимости приводить. В результате снова вспыхнула война, и Клайв с тремя тысячами человек, треть из которых были англичанами, встретился с набобом во главе пятнадцати тысяч всадников и тридцати пяти тысяч пехотинцев. Диспропорция в артиллерии была почти такой же большой. Несмотря на все это, 23 июня 1757 года состоялась битва при Плесси, в которой была одержана победа, — дата, с которой, по общему согласию, считается началом правления Британской империи в Индии. За свержением

набоба последовало приведение к власти одного из заговорщиков против него, креатуры англичан, зависевшей от их поддержки. Таким образом, Бенгалия перешла под их контроль, первые плоды Индии. "Клайв, - говорит французский историк, - понял и применил систему Дюпле".

Это было правдой; но даже в этом случае можно сказать, что заложенный таким образом фундамент никогда не смог бы быть сохранен или построен на нем, если бы английская нация не контролировала море. Условия в Индии были таковы, что несколько европейцев, возглавляемых людьми нервными и проницательными, разделявшимися, чтобы победить, и преуспевавшими благодаря разумным союзам, смогли выстоять, и даже больше, несмотря на подавляющее численное превосходство; но было необходимо, чтобы им не противостояли люди их собственного вида, некоторые из которых могли изменить шаткое равновесие в другую сторону. В то самое время, когда Клайв действовал в Бенгалии, Бюсси вторгся в Ориссу, захватил английские фабрики и стал хозяином большей части прибрежных районов между Мадрасом и Калькуттой; в то время как французская эскадра из девяти кораблей, большинство из которых, однако, принадлежало Ост-Индской компании и не были первоклассными военными кораблями, направлялась в Пондишери с тысячью сотнями регулярных войск - огромной европейской армией для индийских операций того времени. Английские военно-морские силы на побережье, хотя и меньшие по численности, можно считать примерно равными приближающейся французской эскадре. Вряд ли будет преувеличением сказать, что будущее Индии все еще оставалось неопределенным, и первые операции показали это.

Французская дивизия появилась у побережья Коромандел к югу от Пондишери 26 апреля 1758 года и 28-го бросила якорь перед английской станцией под названием Форт Сент-Дэвид. Два корабля направились в Пондишери, имея на борту нового губернатора, графа де Лалли, который пожелал немедленно отправиться в свое правительственное кресло. Тем временем английский адмирал Покок, получив известие о приближении своего врага и особенно опасаясь за этот пост, был на пути к нему и появился 29 апреля, прежде чем два корабля с губернатором скрылись из виду. Французы немедленно снялись с якоря и вышли в море правым галсом (номер Va.), направляясь на север и восток при юго-восточном ветре, и были поданы сигналы отозвать корабль и фрегат (а), сопровождавшие Лалли; но они были проигнорированы приказом последнего, что, должно быть, усилило, если не стало причиной, неприязнь между ним и коммодором д'Аше, из-за которой французская кампания в Индии потерпела неудачу. Англичане, построившись с наветренной стороны на том же галсе, что и французы, предприняли свою атаку обычным для того времени способом и с обычными результатами. Семи английским кораблям было приказано держаться вместе в стороне от восьми французских, и четыре передовых корабля, включая адмиральский, вступили в бой удачно; последние три, то ли по их собственной вине, то ли нет, запоздали с этим, но следует помнить, что это было почти всегда в таких атаках. Французский коммодор, видя этот промежуток между авангардом и арьергардом, разработал план разделения их и подал сигнал двигаться вместе, но в своем нетерпении не стал дожидаться ответа. Надев свой собственный шлем, он развернулся, и за ним последовали задние корабли, в то время как авангард стоял на месте. Английский адмирал, у которого были веские основания знать, отдает д'Аше больше чести, чем французским писателям, поскольку он описывает это движение так:

"В половине пятого вечера арьергард французской линии подошел довольно близко к их флагманскому кораблю. Нашим трем арьергардным кораблям был дан сигнал сблизиться.

Вскоре после этого мсье д'Аше разорвал линию и повернул по ветру; его второй кормчий, который большую часть боя держался на "Ярмуте" [английском флагмане], затем подошел к борту, открыл огонь и унесся прочь; а через несколько минут унесся и авангард противника".

По этому сообщению, которое ни в коем случае не противоречит французским, последние произвели на главный английский корабль сосредоточение сил, дефилируя мимо него. Французы теперь отступили к своим двум разделенным кораблям, в то время как английские суда, вступившие в бой, были слишком сильно повреждены, чтобы следовать за ними. Это сражение помешало английскому флоту освободить форт Сент-Дэвид, который сдался 2 июня.

После падения этого города, когда две противоборствующие эскадры переоборудовались в своих соответствующих портах и возобновили свою стоянку, в августе состоялось второе сражение, почти в тех же условиях и почти таким же образом. Французский флагманский корабль столкнулся с серией неблагоприятных происшествий, которые вынудили commodore выйти из боя; но изложение его дальнейших причин в высшей степени наводит на мысль о необходимом окончательном поражении французского дела. "Благоразумие, - говорит писатель из его собственной страны, - повелевало ему не затягивать сражение, из которого его корабли не могли не выйти с повреждениями, которые было очень трудно отремонтировать в регионе, где было невозможно восполнить почти полную нехватку запасных запасов". Это отсутствие столь абсолютного требования к военно-морской эффективности в ярком свете показывает фатальную тенденцию той экономии, которая всегда характеризовала французские операции на море и была одновременно значительной и зловещей.

Вернувшись в Пондишери, д'Аше обнаружил, что, хотя повреждения мачт и такелажа за это время можно было отремонтировать, не хватало провизии и корабли нуждались в ремонте. Хотя ему было приказано оставаться на побережье до 15 октября, он поддержал себя мнением военного совета, который решил, что корабли не могут оставаться там дольше, потому что в случае третьего сражения в Пондишери не осталось ни такелажа, ни припасов; и, не обращая внимания на протесты губернатора Лалли, он отплыл 2 сентября на остров Франция. Известно, что основным мотивом д'Аше была враждебность к губернатору, с которым он постоянно ссорился. Лалли, лишенный помощи эскадры, повернул свои войска вглубь страны, а не против Мадраса.

По прибытии на острова д'Аше обнаружил положение вещей, которое еще раз ярко иллюстрирует бессилие и близорукость, характерные для общей военно-морской политики французов в то время. Его прибытие туда было столь же нежеланным, как и его отъезд из Индии в Лалли. В то время острова находились в состоянии полнейшей нищеты. Военно-морская дивизия, увеличенная за счет прибытия трех линейных кораблей из дома, настолько истощила их, что commodore потребовал ее немедленного отбытия. Ремонт продвигался быстро, и в ноябре несколько кораблей отправились к мысу Доброй Надежды, который в то время был голландской колонией, в поисках провизии; но она была израсходована вскоре после получения, и давление на отплытие эскадры возобновилось. Положение кораблей было не менее шатким, чем положение колонии, и соответственно commodore в ответ сослался на полную нехватку продовольствия и припасов. Условия были таковы, что немного позже пришлось сделать ходовой такелаж из тросов и пустить некоторые корабли на дно, чтобы передать их материалы другим. Перед возвращением в Индию д'Аше написал министру военно-морского флота, что он "собирался уехать, только чтобы спасти экипажи от голодной смерти, и что от эскадры нечего

ожидать, если не будут отправлены припасы, поскольку и люди, и вещи были в плачевном состоянии".

При таких обстоятельствах Д'Аше отплыл с островов в июле 1759 года и прибыл к берегам Коромандели в сентябре. За год своего отсутствия Лалли два месяца осаждал Мадрас во время северо-восточного муссона. Обе эскадры отсутствовали, поскольку то время года было непригодно для морских операций на этом побережье; но англичане вернулись первыми, и французы говорят, что это было вызвано тем, что англичане поторопились снять осаду. Д'Аше, вернувшись, значительно превосходил его как по количеству, так и по размерам кораблей; но когда флоты встретились, Покок, не колеблясь, атаковал девятью против одиннадцати. Эта битва, состоявшаяся 10 сентября 1759 года, была такой же нерешительной, как и две предыдущие; но д'Аше отступил после очень кровопролитного сражения. По этому поводу Кэмпбелл в своей "Жизнеописании адмиралов" делает забавный, но кажущийся серьезным комментарий: "Поккок довел французские корабли до очень тяжелого состояния и убил очень много их людей; но что показывает исключительные таланты обоих адмиралов, они за восемнадцать месяцев провели три ожесточенных сражения без потери корабля с обеих сторон". Плоды победы, однако, достались более слабому флоту, ибо д'Аше вернулся в Пондишери и 1 числа следующего месяца отплыл к островам, предоставив Индию ее судьбе. С этого времени результат был очевиден. Англичане продолжали получать подкрепления из дома, в то время как французы - нет; люди, противостоявшие Лалли, превосходили их в боеспособности; место за местом падало, и в январе 1761 года сдался сам Пондишерри, окруженный с суши и отрезанный от моря. Это был конец французского могущества в Индии; ибо, хотя Пондишери и другие владения были восстановлены после заключения мира, английское владычество там больше никогда не было поколеблено, даже под натиском искусного и смелого Сюффрена, который двадцать лет спустя встретил трудности, столь же серьезные, как у д'Аше, с энергией и поведением, которых последний в более обнадеживающий момент не смог продемонстрировать.

Франция, таким образом, потеряла и Канаду, и Индию из-за очевидной неспособности действовать на расстоянии по морю, и казалось бы едва ли возможным, чтобы Испания, с ее собственным слабым флотом и широко разбросанными владениями, выбрала этот момент для вступления в войну. И все же так оно и было. Истощение Франции на море было очевидным для всех, и об этом в изобилии свидетельствуют ее военно-морские историки. "Ресурсы Франции были исчерпаны, - говорится в одном из них. - В 1761 году лишь несколько одиночных кораблей покинули ее порты, и все они были захвачены. Союз с Испанией заключен слишком поздно. Случайные корабли, выходившие в море в 1762 году, были захвачены, и колонии, все еще остававшиеся за Францией, спасти не удалось".^[102] Еще в 1758 году другой француз пишет: "нехватка денег, спад торговли, переданный английским крейсерам, нехватка хороших кораблей, недостаток припасов и т.д. Вынудили французское министерство, неспособное собрать крупные силы, прибегнуть к хитрости, заменить единственную рациональную систему ведения войны, Большую войну, самой маленькой из мелких войн, — своего рода игра, в которой главная цель - не быть пойманным. Даже тогда прибытие четырех линейных кораблей в Луисбург, избежавших встречи с противником, рассматривалось как очень удачное событие.... В 1759 году удачное прибытие вест-индского конвоя вызвало у торговцев столько же удивления, сколько и радости. Мы видим, насколько редким стал такой шанс в морях, бороздимых английскими эскадрами".^[103] Это было до катастроф при Клу и Конфлансе. Разрушение французской торговли, начавшееся с захвата торговых судов, завершилось сокращением

колоний. Поэтому вряд ли можно согласиться с тем, что Семейный договор, заключенный в настоящее время между двумя дворами, содержащий не только соглашение поддерживать друг друга в любой будущей войне, но и секретный пункт, обязывающий Испанию объявить войну Англии в течение года, если не будет заключен мир, "был почтен мудростью двух правительств". Трудно простить не только испанское правительство, но даже Францию за то, что они заманили родственный народ на такую невыгодную сделку. Однако была надежда возродить французский военно-морской флот и способствовать заключению союза нейтральных держав; у многих из которых, помимо Испании, были причины жаловаться на Англию. "Во время войны с Францией, - признается английский историк, - британский крейсер не всегда уважал испанский флаг".^[104] "В течение 1758 года, - говорится в другом, - не менее ста семидесяти шести нейтральных судов, груженных богатыми продуктами французских колоний или военными или военно-морскими припасами, попали в руки англичан".^[105] Уже действовали причины, которые двадцать лет спустя привели к "вооруженному нейтралитету" балтийских держав, направленному против притязаний Англии на море. Обладание неограниченной властью, какой в то время действительно была морская мощь Англии, редко сопровождается глубоким уважением к правам других. Не имея соперника на океане, Англии было выгодно утверждать, что собственность противника может быть захвачена на борту нейтральных судов, подвергая эти страны не только досадным задержаниям, но и потере ценной торговли; точно так же, как ранее в ходе войны ее устраивало установление бумажной блокады французских портов. Нейтралы, конечно, были раздражены этими поборами; но 1761 год был неудачно выбран для вооруженного протеста, и из всех держав Испания больше всего рисковала войной. Англия имела тогда в строю сто двадцать линейных кораблей, не считая тех, что находились в резерве, укомплектованных семьюдесятью тысячами моряков, обученных и закаленных пятью годами постоянных боевых действий на плаву и окрыленных победой. Военно-морской флот Франции, насчитывавший в 1758 году семьдесят семь линейных кораблей, проиграл в качестве призов англичанам в 1759 году двадцать семь, не считая восьми уничтоженных и множества потерянных фрегатов; действительно, как было видно, их собственные авторы признают, что военно-морской флот был разрушен до основания. Испанский военно-морской флот насчитывал около пятидесяти кораблей; но личный состав, если не сильно отличался от прежних и последующих дней, должен был быть очень низкого качества. Ранее указывалось на слабость ее империи, заключающуюся в отсутствии боеспособного военно-морского флота. Нейтралитет тоже, хотя временами и нарушался, принес ей большое преимущество, позволив восстановить свои финансы и торговлю, а также восстановить свои внутренние ресурсы; но ей требовался еще более длительный период для этого. Тем не менее, король, движимый семейными чувствами и неприязнью к Англии, позволил хитрому Шуазелю увлечь себя, и 15 августа 1761 года был подписан Семейный договор между двумя коронами. Этот договор, в который должен был вступить и неаполитанский король, гарантировал их взаимные владения всей мощью обоих королевств. Это само по себе было серьезным обязательством; но секретный пункт далее предусматривал, что Испания должна объявить войну Англии 1 мая 1762 года, если к тому времени не будет заключен мир с Францией. Переговоры такого характера не могли быть полностью засекречены, и Питт узнал достаточно, чтобы убедить его в том, что намерения Испании становятся враждебными. Со своей обычной надменной решимостью он решил опередить ее, объявив войну; но влияние против него в советах нового короля было слишком велико. Не сумев унести с собой министерство, он подал в отставку 5 октября 1761 года. Его предвидение быстро оправдалось; Испания с готовностью заявляла о доброй воле до тех пор, пока не придут корабли с сокровищами из Америки, нагруженные деньгами, столь

необходимыми для ведения войны. 21 сентября флотилия галеонов благополучно бросила якорь в Кадисе; а 2 ноября британский посол объявил своему правительству, что "два корабля благополучно прибыли с необычайно богатыми грузами из Вест-Индии, так что все богатства, которые ожидалось из Испанской Америки, теперь в безопасности в старой Испании", и в той же депеше сообщается об удивительной перемене в словах испанского министра и о высокомерном языке, который теперь используется.^[106] Жалобы и притязания Испании были выдвинуты безапелляционно, и ссора разрасталась так быстро, что даже новое английское министерство, хотя и страстно желавшее мира, отозвало своего посла до конца года и объявило войну 4 января 1762 года; таким образом, приняв политику Питта, но слишком поздно, чтобы воспользоваться преимуществами, к которым он стремился.

Однако никакая подобная задержка со стороны Англии не могла изменить существенного неравенства в силе и подготовке между двумя нациями. Планы, составленные Питтом, были в основном приняты его преемником и осуществлены с быстротой, которую позволяла боеготовность английского военно-морского флота. 5 марта Покок, вернувшийся из Ост-Индии, отплыл из Портсмута, сопровождая транспортную флотилию для действий против Гаваны; в Вест-Индии он получил подкрепление из сил в этом квартале, так что под его командованием было девятнадцать линейных кораблей, не считая более мелких судов, и десять тысяч солдат.

В январе прошлого года вест-индский флот под командованием хорошо известного Родни действовал совместно с сухопутными войсками при захвате Мартиники, жемчужины и башни французских островов и гавани обширной системы каперства. Говорят, что тысяча четырнадцать сотен английских торговых судов были захвачены во время этой войны в Вест-Индских морях крейсерами, главным портом которых был Форт-Ройял на Мартинике. Вместе с этим необходимым основанием пала и система каперства, покоившаяся на нем. Мартиника была сдана 12 февраля, и за потерей этого главного торгового и военного центра немедленно последовала потеря меньших островов, Гренады, Сент-Винсент. Люсия, Сент-Винсент. Благодаря этим приобретениям английские колонии на Антигуа, Сент-Китсе и Невисе, а также корабли, ведущие торговлю с этими островами, были защищены от неприятеля, торговля Англии значительно расширилась, и все Малые Антильские острова, или Наветренные острова, стали британскими владениями.

27 мая к адмиралу Пококу присоединилось подкрепление из Вест-Индии у мыса Святого Николая, и поскольку сезон был уже в разгаре, он повел свой огромный флот через старый Багамский канал вместо обычного маршрута вокруг южной оконечности Кубы. Это справедливо считалось великим подвигом в те дни плохих съёмок, и было достигнуто без несчастных случаев. Дозорные и зондирующие суда шли первыми, за ними следовали фрегаты, а лодки или шлюпы стояли на якоре на отмелях с тщательно подобранными сигналами для дня или ночи. При хорошей погоде флот прошел через неделю и появился перед Гаваной. Операции не будут подробно описаны. После сорокадневной осады замок Моро был взят 30 июля, а город сдался 10 августа. Испанцы потеряли не только город и порт, но и двенадцать линейных кораблей, а также 3 000 000 фунтов стерлингов деньгами и товарами, принадлежавшими испанскому королю. Важность Гаваны нельзя было измерить только ее собственными размерами или положением как центра большого и богато возделанного района; в те дни это был также порт, через который проходил единственный проход, по которому сокровища и другие корабли могли плыть из Мексиканского залива в Европу. Поскольку Гавана в руках противника, необходимо было бы собрать их в Картахене и оттуда бороться с пассатами — операция всегда трудная и

которая надолго задержала бы корабли в водах, где они были бы подвержены захвату английскими крейсерами. Даже атака на перешеек не стала бы таким серьезным ударом для Испании. Этот важный результат мог быть достигнут только нацией, уверенной в контроле коммуникаций с помощью своей морской мощи, чему полностью следует приписать счастливый исход, и который имел еще одну показательную иллюстрацию в своевременной переброске четырех тысяч американских солдат для подкрепления английских рядов, ужасно истощенных сражениями и лихорадкой. Говорят, что только две с половиной тысячи годных к бою мужчин остались пешими, когда город пал.

В то время как дальний охват и мощь морской мощи Англии, таким образом, ощущались в Вест-Индии, это получило дальнейшее подтверждение в Португалии и на Дальнем Востоке. Союзные короны с самого начала пригласили Португалию присоединиться к их союзу против тех, кого они привыкли называть "тиранами морей", напомнив ей, как английская монополия на ее торговлю истощала запасы золота в стране, и напомнив о преднамеренном нарушении ее нейтралитета флотом под командованием Боскавена. Португальский министр того времени все это хорошо знал и остро ощущал; но хотя приглашение сопровождалось прямым заявлением о том, что Португалии не будет позволено продолжать нейтралитет, которого она не может обеспечить, он справедливо рассудил, что стране больше следует опасаться Англии и ее флота, чем испанской армии. Союзники объявили войну и вторглись в Португалию. Какое-то время им сопутствовал успех, но "морские тираны" откликнулись на призыв Португалии, послали флот и высадили в Лиссабоне восемь тысяч солдат, которые прогнали испанцев за границу и даже перенесли войну в саму Испанию.

Одновременно с этими знаменательными событиями была атакована Манила. Имея под рукой столько сил, оказалось невозможным выделить войска или корабли из Англии. Успехи в Индии и абсолютная безопасность тамошних учреждений, а также контроль над морем позволили индийским чиновникам самим предпринять эту колониальную экспедицию. Он вышел в море в августе 1762 года и, достигнув Малакки 19-го, был снабжен в этом нейтральном порту всем необходимым для предстоящей осады; голландцы, хотя и ревниво следили за продвижением англичан, не решались отказаться от их требований. Экспедиция, которая полностью зависела от флота, привела к тому, что в октябре вся группа Филиппинских островов сдалась и был выплачен выкуп в размере четырех миллионов долларов. Примерно в то же время флот захватил галеон "Акапулько" с тремя миллионами долларов на борту, а английская эскадра в Атлантике захватила судно с сокровищами из Лимы с четырьмя миллионами долларов серебром для испанского правительства.

"Никогда еще колониальная империя Испании не получала таких ударов. Испания, чье своевременное вмешательство могло изменить судьбу войны, вступила в нее слишком поздно, чтобы помочь Франции, но вовремя, чтобы разделить ее несчастья. Были причины опасаться еще большего. Панама и Сан-Доминго оказались под угрозой, и англо-американцы готовились к вторжению во Флориду и Луизиану.... Захват Гаваны в значительной степени прервал сообщение между богатыми американскими колониями Испании и Европой. Сокращение Филиппинских островов теперь исключило ее из Азии. Эти два фактора вместе перекрыли все пути испанской торговли и прекратили всякие сношения между частями их обширной, но разрозненной империи".[\[107\]](#)

Выбор точек атаки, благодаря министерству Питта, был стратегически удачным, эффективно перерезав сухожилия сил противника; и если бы его планы были полностью осуществлены и Панама также была захвачена, успех был бы еще более решающим. Англия потеряла также преимущество внезапности, которого она добилась бы, опередив объявление войны Испанией; но ее оружие одержало победу в этом коротком состязании благодаря быстроте, с которой ее проекты были приведены в исполнение, благодаря тому состоянию эффективности, до которого были доведены ее военно-морские силы и администрация.

С завоеванием Манилы закончились военные действия войны. Девяти месяцев, считая с официального заявления Англии в январе, было достаточно, чтобы разрушить последнюю надежду Франции и привести Испанию к миру, в котором были признаны все пункты, на которых она основывала свое враждебное отношение и требования. Вряд ли есть необходимость, даже после приведенного краткого изложения событий, указывать на то, что скорость и тщательность, с которыми была выполнена работа Англии, были полностью обусловлены ее морской мощью, которая позволяла ее силам действовать в отдаленных точках, таких как Куба, Португалия, Индия и Филиппины, не опасаясь серьезного нарушения их коммуникаций.

Прежде чем изложить условия мира, которые должны были бы подвести итоги войны, но делают это несовершенно из-за слабого стремления английского министерства заключить его, необходимо в общих чертах проследить влияние войны на торговлю, на основы морской мощи и национального процветания.

Одна из выдающихся черт этой войны, возможно, сильнее всего запечатлется в сознании благодаря поразительному и потому парадоксальному утверждению, что процветание англичан определяется масштабом их потерь.

"С 1756 по 1760 год, - утверждает французский историк, - французские каперы захватили у англичан более двух с половиной тысяч торговых судов. В 1761 году, хотя у Франции не было, так сказать, ни одного линейного корабля в море, и хотя англичане захватили двести сорок наших каперов, их товарищи все же захватили восемьсот двенадцать английских судов. Количество этих призов объясняется огромным ростом английского судоходства. Утверждается, что в 1760 году у англичан было в море восемь тысяч кораблей; из них французы захватили почти десятую часть, несмотря на эскорт и крейсера. За четыре года, с 1756 по 1760 год, французы потеряли всего девятьсот пятьдесят судов".^[108]

Но английский писатель справедливо объясняет это несоответствие "сокращением французской торговли и страхом попасть в руки англичан, что не позволяло многим их торговым судам выходить в море"; и далее он указывает, что захват судов не был главной выгодой, вытекающей из эффективности английского флота. "Такие захваты, как Дюкен, Луисбург, остров принца Эдуарда, захват Сенегала, а позже Гваделупы и Мартиники, были событиями не менее разрушительными для французской торговли и колоний, чем выгодными для Англии".^[109] Увеличение числа французских каперов действительно было печальным знаком для опытного глаза, показывая, что за ними стоят торговые суда, пребывающие в вынужденном бездействии, чьи команды и владельцы были вынуждены заниматься спекулятивным грабежом, чтобы выжить. И этот риск не был полностью напрасным. Тот же англичанин признает, что в 1759 году потери торговых судов были хуже, чем у военных кораблей. В то время как французы тщетно пытались восстановить равенство на море и возместить свои потери, но безрезультатно, поскольку "при постройке и вооружении судов они работали только на английский флот", тем не

менее, "несмотря на храбрость и бдительность английских крейсеров, французских каперов было так много, что в этом году они захватили двести сорок британских судов, в основном каботажные и мелкие суда". В 1760 году тот же источник оценивает потери британцев в торговых судах более чем в триста, а в 1761 году - более чем в восемьсот, что в три раза больше, чем у французов; но он добавляет: "Это было бы слишком жестоко". не было бы ничего удивительного, если бы они захватили больше и богаче кораблей. В то время как их торговля была почти разрушена, и у них было мало торговых судов в море, торговые флоты Англии бороздили моря. С каждым годом ее торговля увеличивалась; деньги, отнятые войной, возвращались продукцией ее промышленности. Восемь тысяч судов были наняты торговцами Великобритании." Масштабы ее потерь объясняются тремя причинами, из которых только первую можно было предотвратить: (1) невнимание торговых судов к приказам судов конвоирования; (2) огромное количество английских кораблей во всех морях; (3) использование противником всех остатков своих сил в каперстве. В том же 1761 году военно-морской флот потерял один линейный корабль, который был отбит, и один катер. В то же время, несмотря на различные обмены, англичане все еще удерживали двадцать пять тысяч французских пленных, в то время как английских пленных во Франции было всего тысяча двести. Таковы были результаты войны на море.

Наконец, подводя итог торговому состоянию королевства в конце войны, после упоминания огромных сумм в денежной форме, вывезенных из Испании, автор говорит:

Это укрепило торговлю и способствовало развитию промышленности. Денежные переводы в качестве иностранных субсидий в значительной степени оплачивались векселями торговцев, обосновавшихся за границей, стоимость которых равнялась векселям британских мануфактур. Торговля Англии постепенно увеличивалась с каждым годом, и такой сцены национального процветания при ведении долгой, дорогостоящей и кровопролитной войны никогда прежде не демонстрировал ни один народ в мире".

Неудивительно, что при таких результатах ее торговли и таком неизменном успехе, сопутствовавшем ее вооружению, и при практическом уничтожении французского военно-морского флота, союз Франции и Испании, который тогда угрожал ее будущему и когда-то вызывал опасения всей Европы, теперь одна Великобритания смотрела на это без малейшего страха или уныния. Испания по своей конституции и распределению своей империи была особенно открыта для нападения великого морского народа; и каковы бы ни были взгляды правительства того времени, Питт и нация видели, что настал час, на который напрасно надеялись в 1739 году, потому что тогда годы мира и упрямая предвзятость великого министра расслабили мускулы ее флота. Теперь она просто протянула руку и схватила то, что хотела; и не было бы предела ее добыче, если бы министерство снова не оказалось неверным интересам страны.

Упоминалась позиция Португалии по отношению к Великобритании, но она заслуживает особого внимания как пример элемента морской мощи, приобретаемой не колониями, а союзом, будь то необходимым или благоразумным. Торговые связи, о которых говорилось выше, "были укреплены сильнейшими политическими связями. Два королевства были расположены так, что им было нечего опасаться друг друга, в то время как они могли дать много взаимных преимуществ. Гавани Португалии давали убежище и припасы английскому флоту, в то время как последний защищал богатую торговлю Португалии с Бразилией. Антипатия между Португалией и Испанией привела к необходимости для первой иметь союзника, сильного, но далекого. Ни

одна из них не является столь выгодной в этом отношении, как Англия, которая, в свою очередь, могла бы извлечь и всегда получала большие преимущества из Португалии в войне с любой из южных держав Европы".

Это английский взгляд на дело, которое для других выглядит чем-то вроде союза льва и ягненка. Называть страну с флотом, подобным Английскому, "далекой" от такой маленькой морской державы, как Португалия, абсурдно. Англия находится, и даже больше в те дни находилась, везде, куда мог зайти ее флот. Противоположная точка зрения на этот вопрос, в равной степени демонстрирующая ценность союза, была хорошо изложена в меморандуме, в котором короны Франции и Испании под гражданским названием приглашения предписывали Португалии выступить против Англии.

Основания для этого меморандума, а именно неравная выгода для Португалии от присоединения и пренебрежение нейтралитетом Португалии, уже были приведены. Король Португалии отказался от союза по той причине, что он был древним и полностью оборонительным. На это две короны ответили: —

"Оборонительный союз на самом деле является наступательным из-за положения португальских владений и характера английской мощи. Английские эскадры не могут в любое время года ни удерживать море, ни крейсировать у главных берегов Франции и Испании, чтобы перекрыть судоходство двух стран, без портов и помощи Португалии; и эти островитяне не смогли бы нанести урон всей морской Европе, если бы через их руки не проходили все богатства Португалии, что дает им средства для ведения войны и делает союз действительно и должным образом наступательным".

Между двумя аргументами преобладала логика ситуации и силы. Португалия сочла Англию более близкой и опасной, чем Испания, и на протяжении многих поколений оставалась верной альянсу. Эти отношения были столь же полезны для Англии, как и любое из ее колониальных владений, в зависимости, конечно, от места проведения основных операций в любой конкретный момент времени.

Предварительные условия мира были подписаны в Фонтенбло 3 ноября 1762 года; окончательный договор был подписан 10 февраля следующего года в Париже, откуда и пошло название мира.

По его условиям Франция отказалась от всех претензий на Канаду, Новую Шотландию и все острова Святого Лаврентия; вместе с Канадой она уступила долину реки Огайо и всю свою территорию на восточном берегу Миссисипи, за исключением города Новый Орлеан. В то же время Испания, в качестве эквивалента Гаваны, которую восстановила Англия, уступила Флориду, под названием которой были объединены все ее континентальные владения к востоку от Миссисипи. Таким образом, Англия получила колониальную империю, охватывающую Канаду от Гудзонова залива и все нынешние Соединенные Штаты к востоку от Миссисипи. Возможности этого обширного региона были тогда предвидены лишь частично, и пока еще не было никаких предзнаменований восстания тринадцати колоний.

В Вест-Индии Англия вернула Франции важные острова Гваделупу и Мартинику. Четыре так называемых нейтральных острова Малых Антильских островов были разделены между двумя державами. Люсия уезжает во Францию, Сент-Винсент, Тобаго и Доминика - в Англию, которая также сохранила Гренаду.

Менорка была возвращена Англии; и поскольку возвращение острова Испании было одним из условий союза с последней, Франция, неспособная выполнить свое условие, уступила Испании Луизиану к западу от Миссисипи.

В Индии Франция вернула себе владения, которыми она владела до того, как Дюпле начал свои планы расширения; но она отказалась от права возводить укрепления или держать войска в Бенгалии, и таким образом оставила станцию в Чандернагоре беззащитной. Одним словом, Франция возобновила свои торговые возможности, но практически отказалась от претензий на политическое влияние. Молчаливо подразумевалось, что английская компания сохранит все свои завоевания.

Право рыболовства у берегов Ньюфаундленда и в некоторых частях залива Святого Лаврентия, которым Франция ранее пользовалась, было предоставлено ей этим договором; но в нем было отказано Испании, которая требовала его для своих рыбаков. Эта уступка была среди тех, на которые больше всего нападала английская оппозиция.

Нация в целом и Питт, любимец нации, были категорически против условий договора. "Франция, - сказал Питт, - представляет для нас угрозу главным образом как морская и торговая держава. То, что мы получаем в этом отношении, ценно для нас прежде всего благодаря нанесенному ей в результате этого ущербу. Вы оставляете Франции возможность возродить свой военно-морской флот". По правде говоря, с точки зрения морской мощи и национальной ревности, которую одобрял дух того времени, эти слова, хотя и нелиберальные, были строго оправданны. Возвращение Франции ее колоний в Вест-Индии и ее станций в Индии, вместе с ценным правом рыболовства в ее бывших американских владениях, предоставило ей возможность и стимул восстановить свое судоходство, торговлю и военно-морской флот и, таким образом, имело тенденцию отозвать ее с пути континентальных амбиций, которые были столь пагубны для ее интересов и в той же пропорции благоприятствовали беспрецедентному росту могущества Англии на океане. Оппозиция, да и некоторые представители министерства, также считали, что такое командное и важное положение, как Гавана, было плохо оплачено уступкой пока еще пустынного и непродуктивного региона под названием Флорида. Было предложено Порто-Рико, Флорида была принята. Были и другие незначительные различия, в которые нет необходимости вдаваться. Едва ли можно было отрицать, что при господствующем военном контроле на море, который удерживала Англия, захватившая в настоящее время так много важных позиций, при подавляющем численном превосходстве ее военно-морского флота и процветании ее торговли и внутреннего положения, можно было бы легко потребовать более жестких условий, и это было бы разумно. Министерство защищало свое рвение и дух уступчивости на основании огромного роста долга, который тогда составлял 122 000 000 фунтов стерлингов, что с каждой точки зрения было намного больше, чем сейчас; но хотя этот проект на будущее был полностью оправдан успехом войны, он также настоятельно требовал, чтобы были использованы максимальные преимущества, которые делала достижимыми военная ситуация. Этого министерству сделать не удалось. Что касается долга, то один французский писатель хорошо заметил, что "в этой войне и в течение многих лет после нее Англия имела в виду не что иное, как завоевание Америки и успехи своей Ост-Индской компании. Благодаря этим двум странам ее мануфактуры и торговля приобрели более чем достаточные рынки сбыта и вознаградили ее за многочисленные жертвы, которые она принесла. Видя морской упадок Европы, ее торговлю уничтоженной, ее мануфактуры столь малоразвитой, как могла английская нация бояться будущего, открывающего столь обширные перспективы?" К сожалению, нация

нуждалась в представителе в правительстве; и ее избранный рупор, возможно, единственный человек, способный подняться до уровня великих возможностей, был в немилости при дворе.

Тем не менее, успехи Англии были очень велики не только в территориальном увеличении, но и в морском превосходстве, но и в престиже и положении, достигнутых в глазах наций, которые теперь полностью открылись для ее огромных ресурсов и могущественной мощи. По сравнению с этими результатами, достигнутыми на море, исход континентальной войны представлял собой особый и наводящий на размышления контраст. Франция уже отказалась, вместе с Англией, от всякого участия в этой борьбе, и мир между другими участниками был подписан через пять дней после Парижского мира. Условиями мира были просто *статус-кво до войны*. По оценке короля Пруссии, в этой войне пало или умерло сто восемьдесят тысяч его солдат из королевства с населением в пять миллионов душ; в то время как потери России, Австрии и Франции составили четыреста шестьдесят тысяч человек. Результатом было просто то, что все осталось так, как было.^[110] Приписывать это только разнице между возможностями сухопутной и морской войны, конечно, абсурдно. Гений Фридриха, подкрепленный английскими деньгами, оказался достойным соперником неумелым и не всегда искренним усилиям численно превосходящей его коалиции. Что действительно кажется справедливым выводом, так это то, что государства, имеющие хорошее морское побережье или даже свободный доступ к океану через один или два выхода, сочтут выгодным стремиться к процветанию и расширению за счет моря и торговли, а не к попыткам расшатать и изменить существующие политические механизмы в странах, где более или менее длительное обладание властью обеспечило признанные права и создало национальную лояльность или политические связи. После подписания Парижского мирного договора в 1763 году пустынные места в мире быстро заполнялись; примером может служить наш собственный континент, Австралия и даже Южная Америка. Номинальное и более или менее четко очерченное политическое владение в настоящее время обычно существует в самых заброшенных регионах, хотя из этого утверждения есть несколько заметных исключений; но во многих местах это политическое владение не более чем номинальное, а в других носит настолько слабый характер, что не может рассчитывать только на себя в плане поддержки или защиты. Знакомый и печально известный пример Турецкой империи, удерживаемой на ногах только силами, давящими на нее с противоположных сторон, взаимной завистью держав, которые не испытывают к ней симпатии, является примером такого слабого политического удержания; и хотя вопрос сугубо европейский, все знают о нем достаточно, чтобы осознавать, что интересы и контроль морских держав являются одними из главных, если не первыми, элементов, которые сейчас исправляют ситуацию; и что они, если их разумно использовать, будут направлять будущие неизбежные изменения. На западных континентах политическое положение центральноамериканских и тропических южноамериканских государств настолько нестабильно, что вызывает постоянную тревогу по поводу поддержания внутреннего порядка и серьезно мешает торговле и мирному освоению их ресурсов. До тех пор, пока, используя знакомое выражение, они не причиняют вреда никому, кроме самих себя, это может продолжаться; но в течение длительного времени граждане более стабильных правительств стремились эксплуатировать свои ресурсы и несли убытки, возникающие из-за их рассеянного состояния. Северная Америка и Австралия по-прежнему открывают широкие возможности для иммиграции и предпринимательства; но они быстро заполняются, и по мере того, как возможности там сокращаются, должен возникнуть спрос на более стабильное правительство в этих неупорядоченных штатах, на безопасность жизни и на разумную стабильность институтов, позволяющих коммерсантам и другим людям

рассчитывать на будущее. В настоящее время, конечно, нет надежды на то, что такое требование может быть удовлетворено из существующих местных материалов; если то же самое будет верно, когда возникнет требование, никакие теоретические положения, подобные доктрине Монро, не помешают заинтересованным странам попытаться исправить зло какой-либо мерой, которая, как бы она ни называлась, будет политическим вмешательством. Такое вмешательство неизбежно приводит к конфликтам, которые иногда могут быть урегулированы арбитражным путем, но в других случаях вряд ли могут не привести к войне. Даже для мирного решения у той нации будут самые веские аргументы, которая обладает самой сильной организованной силой. Едва ли нужно говорить, что успешное прорывание Центральноамериканского перешейка в любой точке может ускорить момент, который, несомненно, рано или поздно наступит. Глубокое изменение коммерческих маршрутов, ожидаемое от этого предприятия, политическое значение для Соединенных Штатов такого канала сообщения между их побережьями Атлантики и Тихого океана - это, однако, не все и даже не основная часть вопроса. Насколько можно видеть, придет время, когда стабильные правительства американских тропических штатов должны быть гарантированы ныне существующими могущественными и стабильными Штатами Америки или Европы. Географическое положение этих государств, климатические условия сразу делают очевидным, что морская мощь там будет даже в большей степени, чем в случае Турции, определять, какое иностранное государство будет преобладать, — если не фактическим владением, то своим влиянием на местные правительства. Географическое положение Соединенных Штатов и их внутренняя мощь дают им неоспоримое преимущество; но это преимущество не поможет, если будет иметь место большая неполноценность организованной грубой силы, которая все еще остается последним аргументом республик как королей. В этом заключается для нас великий и все еще живой интерес к Семилетней войне. В нем мы видели Англию с небольшой по сравнению с другими государствами армией, каковой она является и по сей день, сначала успешно защищающую свои собственные берега, затем несущую оружие во всех направлениях, распространяя свое правление и влияние на отдаленные регионы и не только обязывая их повиноваться себе, но и делая их данниками ее богатства, силы и репутации. По мере того, как она ослабляет хватку и нейтрализует влияние Франции и Испании в регионах за морем, возможно, становится очевидным пророчество о какой-нибудь другой великой нации в грядущие дни, которая изменит баланс сил в какой-нибудь будущей морской войне, масштаб которой впоследствии, если не современниками, будет признан политическим будущим и экономическим развитием регионов, прежде потерянных для цивилизации; но этой нацией не будут Соединенные Штаты, если в какой-то момент они окажутся, как сейчас, равнодушными к морской империи.

Направление, заданное тогда усилиям Англии инстинктом нации и пламенным гением Питта, продолжалось и после войны и оказало глубокое влияние на ее последующую политику. Владычица Северной Америки, господствующая в Индии через компанию, территориальные завоевания которой были одобрены местными князьями с населением более двадцати миллионов человек — населением, превышающим население Великобритании, и доходами, сопоставимыми с доходами правительства метрополии, — Англия, вместе с другими богатыми владениями, разбросанными повсюду по земному шару, всегда имела перед глазами, как полезный урок, суровое наказание, которое слабость Испании позволила ей нанести этой огромной разрозненной империи. Слова английского военно-морского историка той войны, говорящие об Испании, применимы с небольшими изменениями к Англии наших дней.

"Испания - это именно та держава, против которой Англия всегда может бороться с наилучшей перспективой выгоды и чести. Эта обширная монархия в глубине души истощена, ее ресурсы находятся на большом расстоянии, и какая бы держава ни господствовала на море, она может управлять богатством и торговлей Испании. Доминионы, из которых она черпает свои ресурсы, расположенные на огромном расстоянии от столицы и друг от друга, делают для нее более необходимым, чем для любого другого государства, выжидать, пока она не сможет вдохновить к деятельности все части своей огромной, но разрозненной империи".^[111]

Было бы неправдой сказать, что Англия в глубине души измучена; но ее зависимость от внешнего мира такова, что придает этой фразе определенный подтекст.

Эта аналогия позиций не была упущена из виду Англией. С того времени и вплоть до наших дней владения, завоеванные для нее ее морской мощью, объединились с самой этой морской мощью, чтобы контролировать ее политику. Путь в Индию — во времена Клайва далекое и опасное путешествие, в котором у нее не было собственного места остановки, — был расширен благодаря приобретению острова Святой Елены, мыса Доброй Надежды, Маврикия. Когда steam сделала практически возможным маршрут по Красному морю и Средиземному морю, она приобрела Аден, а еще позже обосновалась на Сокотре. Мальта уже попала в ее руки во время войн Французской революции, и ее командное положение, как краеугольный камень, на котором покоились коалиции против Наполеона, позволило ей заявить на нее права по Мирному договору 1815 года. Находясь всего в нескольких тысячах миль от Гибралтара, круги военного командования, осуществляемого этими двумя местами, пересекаются. В наши дни участок от Мальты до Суэцкого перешейка, ранее не имевший станции, охраняется уступленным ей Кипром. Египет, несмотря на ревность Франции, перешел под контроль Англии. Важность этого положения для Индии, понятая Наполеоном и Нельсоном, побудила последнего немедленно отправить сухопутного офицера в Бомбей с известием о битве на Ниле и крушении надежд Бонапарта. Даже сейчас ревность, с которой Англия взирает на продвижение России в Центральной Азии, является результатом тех дней, когда ее морская мощь и ресурсы одержали победу над слабостью Д'Аше и гением Сюффрена и вырвали индийский полуостров из-под притязаний французов.

"Впервые со времен средневековья, - говорит М. Мартин, говоря о семилетней войне, - Англия завоевала Францию в одиночку, почти без союзников, притом что у Франции были мощные вспомогательные силы. Она победила исключительно благодаря превосходству своего правительства".

Да! но благодаря превосходству ее правительства, использующего огромное оружие своей морской мощи. Это сделало ее богатой и, в свою очередь, защитило торговлю, благодаря которой она сколотила свое состояние. На свои деньги она поддерживала своих немногочисленных союзников, в основном Пруссию и Ганновер, в их отчаянной борьбе. Ее власть была повсюду, куда могли добраться ее корабли, и никто не мог оспорить у нее власть на море. Куда бы она ни отправилась, с ней отправлялись ее пушки и ее войска. Благодаря этой мобильности ее силы были умножены, а силы ее врагов отвлечены. Владычица морей, она повсюду перекрывала его магистрали. Флоты врагов не могли соединиться; ни один большой флот не мог выйти, а если и выходил, то только для того, чтобы сразу встретиться с необученными офицерами и экипажами, с теми, кто был ветеранами штормов и войн. За

исключением случая с Меноркой, она тщательно удерживала свои собственные морские базы и охотно захватывала базы противника. Каким львом на пути был Гибралтар для французских эскадр из Тулона и Бреста! Какая надежда на помощь Франции в Канаде, когда английский флот держал Луисбург с подветренной стороны?

Единственная нация, выигравшая в этой войне, была той, которая использовала море в мирное время для зарабатывания своих богатств и управляла им во время войны благодаря размаху своего военно-морского флота, количеству своих подданных, которые жили на море или у моря, и своим многочисленным операционным базам, разбросанным по всему земному шару. Однако следует отметить, что сами эти базы потеряли бы свою ценность, если бы их коммуникации оставались затрудненными. Таким образом, французы потеряли Луисбург, Мартинику, Пондишери; таким образом, Англия сама потеряла Менорку. Обслуживание между базами и мобильными силами, между портами и флотами является взаимным.^[112] В этом отношении военно-морской флот по сути является легким корпусом; он поддерживает открытыми коммуникации между своими портами, он препятствует коммуникациям противника; но он бороздит моря на службе суше, он контролирует пустыню, чтобы человек мог жить и процветать на обитаемом земном шаре.

СНОСКИ:

[93] То есть с орудиями на борту, но по большей части не установленными на их лафетах, чтобы обеспечить большее размещение войск. Когда войска были высажены, орудия были установлены.

[94] Ramatuelle: *Tactique Navale*.

[95] Лаперуз-Бонфис: *История. de la Marine*.

[96] Клерк: *Военно-морская тактика*.

[97] Журьен де ла Гравьер: *Приморские войска*.

[98] Махон: *История Англии*.

[99] Махон: *История Англии*.

[100] Для получения дополнительной информации см. Troude: *Военно-морские силы*.

[101] См. таблицу VIII.

[102] Название: *Военно-морской флот Франции*.

[103] Лаперуз-Бонфис.

[104] Махон: История Англии.

[105] Кэмпбелл: Жизнь адмиралов.

[106] Махон: История Англии.

[107] Мартин: История Франции.

[108] Мартин: История Франции.

[109] Кэмпбелл: Жизнь адмиралов.

[110] См. Ежегодный реестр, 1762, стр. 63

[111] Кэмпбелл: Жизнь адмиралов.

[112] Эти замечания, которые всегда были верны, теперь, с момента появления steam, стали вдвойне правдивыми. Возобновление угля - потребность более частая, более срочная, более настоятельная, чем любая из известных парусному судну. Тщетно ожидать энергичных морских операций вдали от угольных станций. Столь же тщетно приобретать отдаленные угольные станции без содержания мощного военно-морского флота; они всего лишь попадут в руки врага. Но самое тщетное из всех заблуждений - это ожидание сокрушения врага только путем уничтожения торговли, без каких-либо угольных станций за пределами национальных границ.

ГЛАВА IX

Ход событий от Парижского мира до 1778 года.—Морская война, последовавшая за Американской революцией.—Морское сражение у Ушанта.

Если у Англии были основания жаловаться на то, что она не получила от Парижского мирного договора всех преимуществ, на которые давали ей право рассчитывать ее военные достижения и положение, то у Франции были все основания для недовольства положением, в котором оставила ее война. Выигрыш Англии почти измерялся ее потерями; даже уступка Флориды, сделанная завоевателю Испанией, была куплена Францией по цене Луизианы. Естественно, мысли ее государственных деятелей и ее народа, когда они склонились перед нынешней необходимостью нести бремя побежденных, обратились к будущему с его возможностями мести и компенсации. Герцог де Шуазель, способный, хотя и властный, еще много лет оставался во главе дел и упорно работал над восстановлением могущества Франции после последствий мирного договора. Союз с Австрией не входил в его планы; он был уже заключен и действовал, когда он вступил в должность в 1758 году; но он даже с самого начала признал, что главным врагом была Англия, и пытался, насколько это было возможно, направить силы нации против нее. Поражение при Конфлансе сорвало его планы вторжения, и теперь он стремился, в полном соответствии со своей главной целью, расшевелить Испанию и заручиться ее поддержкой. Объединенные усилия двух королевств с их прекрасными морскими кораблями могли бы, при хорошем управлении и наличии времени на подготовку, спустить на воду военно-морской флот, который стал бы достойным противовесом военно-морскому флоту Англии. Также, несомненно, верно, что более слабые морские государства, если бы они увидели, что такая комбинация успешно осуществлена и эффективно работает, набрались бы смелости выступить против правительства, величие которого вызывало зависть и страх, и которое действовало с пренебрежением к правам и благополучию других, общим для любой неконтролируемой власти. К несчастью как для Франции, так и для Испании, альянс заключен слишком поздно. За фактическим уничтожением французского флота в 1759 году действительно последовал взрыв национального энтузиазма по отношению к военно-морскому флоту, умело поддерживаемый и направляемый Шуазелем. "Народные настроения подхватили крик от одного конца Франции до другого: "Военно-морской флот должен быть восстановлен". Пожертвования городов, корпораций и частных лиц собрали средства. В недавно тихих портах развернулась бурная деятельность; повсюду строились и ремонтировались корабли". Министр также признал необходимость восстановления дисциплины и тонуса, а также материальной части военно-морского флота. Час, однако, был слишком поздний; середина великой и безуспешной войны - неподходящее время для начала приготовлений. "Лучше поздно, чем никогда" - пословица не столь надежная, как "В мирное время готовься к войне". Положение Испании было лучше. Когда началась война, английский военно-морской историк подсчитал, что у нее было сто кораблей всех размеров; из них, вероятно, шестьдесят были линейными. Тем не менее, хотя присоединение Испании к ее многочисленным врагам могло бы сделать положение Англии критическим, сочетание в ее пользу численности, мастерства, опыта и престижа было непреодолимым. Имея семьдесят тысяч моряков-ветеранов, ей оставалось только сохранить уже завоеванную позицию. Результаты нам известны.

После заключения мира Шуазель мудро остался верен своим собственным первоначальным идеям. Восстановление военно-морского флота продолжалось, и ему сопутствовал дух профессиональных амбиций и желания преуспеть среди офицеров военно-морского флота, о котором упоминалось ранее и который, учитывая особое состояние военно-морского флота Соединенных Штатов в наши дни, может быть одобрен как образец. Строительство военных кораблей продолжалось с большой активностью и в больших масштабах. В конце войны, благодаря движению, начатому в 1761 году, в хорошем состоянии находилось сорок линейных

кораблей. В 1770 году, когда Шуазель был отправлен в отставку, королевский военно-морской флот насчитывал шестьдесят четыре линейных корабля и пятьдесят фрегатов на плаву. Арсеналы и склады были заполнены, а также накоплен запас корабельного леса. В то же время министр пытался повысить эффективность работы офицеров, подавляя высокомерный дух лиц благородного происхождения, который проявлялся как по отношению к начальству, так и по отношению к офицерам другой категории, не из знати, чьи способности делали их желанными на борту флота. Это классовое чувство несло с собой любопытное чувство равенства среди офицеров самых разных рангов, что пагубно сказывалось на духе субординации. Все члены привилегированного социального строя, их равенство как таковое признавалось более четко, чем их неравенство как младших и старших. Забавная история, рассказанная Марриэттом о мичмане, который сообщил своему капитану, что определенное заявление было сделано конфиденциально, похоже, получила признание на французской шканцах того дня. - Доверие! - воскликнул капитан. - Кто когда-нибудь слышал о доверии между штабс-капитаном и мичманом! "Нет, сэр, - ответил юноша, - не между капитаном и мичманом, а между двумя джентльменами". Споры, пререкания, предложения между двумя джентльменами, забывающими об их относительном ранге, вспыхивали в критические моменты, и чувство равенства, которое дикие демократические представления распространили по флотам республики, странным образом предвосхищалось чувством, существовавшим среди представителей самой надменной аристократии. "Я видел по его лицу, - говорит один из героев Марриэтта, - что первый лейтенант не согласен с капитаном; но он был слишком хорошим офицером, чтобы сказать это в такой момент". Эта фраза выражает одно из глубочайших достоинств английской системы, недостаток которого принадлежит французским писателям:

"При Людовике XVI. близость и товарищество, существовавшие между начальником и подчиненным, побуждали последнего обсуждать отдаваемые ему приказы.... Ослабление дисциплины и духа независимости были вызваны и другой причиной, помимо указанной выше; частично их можно отнести за счет упорядочения офицерских столовых. Адмирал, капитан, офицеры, мичманы ели вместе; все было общим. Они относились друг к другу как приятели. Управляя кораблем, подчиненный высказывал свое мнение, спорил, а раздраженный начальник часто предпочитал уступить, чем наживать врагов. Факты такого рода подтверждаются свидетелями, правдивость которых выше всяких подозрений".^[113]

Неповиновение такого рода, которому уступали более слабые люди, тщетно било по решительному и вспыльчивому нраву Сюффрена; но дух недовольства поднялся почти до бунта, заставив его после четвертого сражения сказать в своих депешах военно-морскому министру: "Мое сердце пронзено самым массовым дезертирством. Страшно подумать, что я мог бы четыре раза уничтожить английский флот и что он все еще существует". Реформы Шуазеля разбились об эту скалу, которую окончательно устранило только восстание всей нации; но в личном составе экипажей были достигнуты значительные улучшения. В 1767 году он реорганизовал артиллерию флота, сформировав корпус из десяти тысяч артиллеристов, которые систематически тренировались раз в неделю в течение десяти лет, чтобы вмешаться перед следующей войной с Англией.

Не упуская из виду ничего из своих планов, Шуазель, продвигая военно-морскую мощь Франции, уделял особое внимание союзу с Испанией и разумно поощрял и продвигал усилия этой страны на пути прогресса при Карле III, лучшем из ее королей из династии Бурбонов. Союз с Австрией, который все еще существовал, был сохранен, но его надежды были главным

образом сосредоточены на Испании. Мудрость и проницательность, которые сразу же обратили внимание на Англию как на центр вражды с Францией, были оправданы и еще больше просветлены всем ходом Семилетней войны. Испания была самым надежным, а при хорошем управлении - и самым могущественным союзником. Непосредственная близость двух стран, относительное расположение их портов, сделали военно-морскую ситуацию особенно сильной; и союз, который был продиктован разумной политикой, семейными узами и справедливым страхом перед морской мощью Англии, был дополнительно обеспечен Францией недавними и все еще существующими травмами, которые должны продолжать беспокоить Испанию. Гибралтар, Менорка и Флорида все еще находились в руках Англии; ни один испанец не мог успокоиться, пока этот упрек не будет уничтожен.

Можно легко поверить, как утверждают французские историки, что Англия с беспокойством смотрела на рост французского военно-морского флота и с радостью пресекла бы его раньше; но более сомнительно, захотела бы она развязать войну с этой целью. В годы, последовавшие за Парижским миром, череда коротких министерств, касавшихся в основном вопросов внутренней политики или неважных партийных расстановок, привела к тому, что ее внешняя политика стала представлять разительный контраст с энергичным, властным, но прямым путем, по которому шел Питт. Внутренние волнения, подобные тем, которые обычно следуют за большими войнами, и, прежде всего, противоречия с североамериканскими колониями, которые начались еще в 1765 году с хорошо известного Закона о гербовом сборе, объединились с другими причинами, чтобы удержать Англию. По крайней мере дважды за годы министерства Шуазеля представлялись возможности, которые решительное, расторопное и не слишком щепетильное правительство могло бы легко превратить в повод для войны; тем более что они затрагивали ту морскую мощь, которая для Англии превыше всех других наций является объектом справедливой и ревливой заботы. В 1764 году генуэзцы, устав от своих безуспешных попыток установить контроль над Корсикой, снова обратились к Франции с просьбой возобновить оккупацию портов, в которых она разместила гарнизоны в 1756 году. Корсиканцы также направили посла во Францию, чтобы добиться признания независимости острова в обмен на дань, эквивалентную той, которую они ранее платили Генуе. Последняя, чувствуя свою неспособность отвоевать остров, в конце концов решила практически уступить его. Сделка приняла форму официального разрешения королю Франции осуществлять все права суверенитета над всеми местами и гаванями Корсики в качестве обеспечения долгов, причитающихся ему республикой. Эта уступка, замаскированная под форму ценной бумаги, чтобы смягчить усиление Франции в глазах Австрии и Англии, напоминает условную и тонко завуалированную капитуляцию Кипра Англии девять лет назад — передачу, которая, вероятно, будет такой же окончательной и далеко идущей, как передача Корсики. Англия тогда возмутилась и говорила гневно; но хотя Берк сказал: "Корсика как провинция Франции ужасна для меня", только один член Палаты общин, ветеран адмирал сэр Чарльз Сондерс, сказал, "что было бы лучше начать войну с Францией, чем согласиться на то, чтобы она овладела Корсикой".^[114] Принимая во внимание тогдашние общепризнанные интересы Англии в Средиземном море, очевидно, что острову, столь удачно расположенному, как Корсика, для влияния на берега Италии и контроля военно-морской базы на Менорке, не позволили бы перейти в руки сильного хозяина, если бы нация чувствовала себя готовой к войне.

Снова, в 1770 году, возник спор между Англией и Испанией относительно владения Фолклендскими островами. Нет смысла излагать природу обоих притязаний на то, что тогда было всего лишь совокупностью бесплодных островов, лишенных как военных, так и природных

преимуществ. И в Англии, и в Испании было поселение, над которым развевались национальные знамена; а на английской станции командовал капитан военно-морского флота. Перед этим поселением, называемым Порт-Эгмонт, в июне 1770 года внезапно появилась снаряженная в Буэнос-Айресе испанская экспедиция в составе пяти фрегатов и тысячи шестисот солдат. Перед такими силами горстка англичан не могла оказать серьезного сопротивления; поэтому после нескольких выстрелов, обменявшихся ради чести флага, они капитулировали.

Известие об этой сделке, достигшее Англии в октябре следующего года, по его восприятию показало, насколько серьезнее оскорбление, чем травма, и насколько более ожесточенное возмущение. Передача Корсики едва ли вызвала переполох за пределами кабинетов государственных деятелей; нападение на Порт-Эгмонт взбудоражило народ и парламент. Посланнику в Мадриде было приказано потребовать немедленного восстановления островов, дезавуировав действия офицера, отдавшего приказ о нападении. Не дожидаясь ответа, корабли были приведены в действие, банды журналистов наводнили улицы, и вскоре мощный флот был готов в Спитхеде отомстить за оскорбление. Испания, полагаясь на договор с семьей Бурбонов в поддержку Франции, была настроена твердо стоять на своем; но старый король Людовик XV не желал войны, и Шуазель, среди врагов которого при дворе была последняя любовница, был отправлен в отставку. С его падением исчезли надежды Испании, которая сразу же подчинилась требованиям Англии, оставив, однако, за собой вопрос о правах суверенитета. Этот вывод ясно показывает, что Англия, хотя и по-прежнему обладала эффективной морской державой, способной контролировать Испанию, не стремилась к войне только для того, чтобы сокрушить военно-морские силы соперника.

Вопрос о морской мощи не совсем чужд тому, чтобы отметить, не останавливаясь на нем, великое событие, которое только что произошло, казалось бы, совершенно не имеющее отношения к морю. Первый раздел Польши между Пруссией, Россией и Австрией, осуществленный в 1772 году, был облегчен озабоченностью Шуазеля его военно-морской политикой и союзом с Испанией. Дружба и поддержка Польши и Турции, а также сдерживание Австрийского дома были частью традиции, унаследованной от Генриха IV. и Ришелье; уничтожение первого было прямым ударом по гордости и интересам Франции. Неизвестно, что сделал бы Шуазель, будь он на своем посту, но если бы результат Семилетней войны был иным, Франция могла бы вмешаться с какой-то целью.

10 мая 1774 года Людовик XV. умер в то время, когда беспорядки в североамериканских колониях быстро достигли апогея. При его молодом преемнике Людовике XVI политика мира на континенте, дружественного союза с Испанией и наращивания численности и эффективности военно-морского флота была продолжена. Такова была внешняя политика Шуазеля, направленная против морской мощи Англии как главного врага и против морской мощи Франции как главной опоры нации. Инструкции, которые, по словам французского военно-морского автора, новый король дал своим министрам, показывают дух, которым было проникнуто его правление вплоть до Революции, независимо от того, исходили они от самого короля или нет:

"Следить за всеми признаками приближающейся опасности; наблюдать с помощью крейсеров за подходами к нашим островам и входом в Мексиканский залив; следить за тем, что происходило на берегах Ньюфаундленда, и следить за тенденциями английской торговли;

наблюдать в Англии за состоянием войск и вооружений, государственным кредитом и министерством; ловко вмешиваться в дела британских колоний; предоставлять восставшим колонистам средства для получения военных припасов, сохраняя при этом строжайший нейтралитет; активно, но бесшумно развивать военно-морской флот; ремонтировать наши корабли". военные корабли; заполнить наши склады и иметь под рукой средства для быстрого оснащения флота в Бресте и Тулоне, в то время как Испания должна снаряжать флот в Ферроле; наконец, при первом серьезном опасении разрыва собрать многочисленные войска на берегах Бретани и Нормандии и подготовить все для вторжения в Англию, чтобы вынудить ее сосредоточить свои силы и таким образом ограничить ее возможности сопротивления на окраинах империи".[115]

Такие инструкции, данные ли сразу в виде симметричного, хорошо продуманного плана, или время от времени, по мере необходимости, показывали, что был сделан точный прогноз ситуации, и дышали уверенностью, которая, если бы была дана раньше, сильно изменила бы историю двух стран. Исполнение было менее тщательным, чем концепция.

Однако в вопросе развития военно-морского флота пятнадцать лет мира и размеренной работы показали хорошие результаты. Когда в 1778 году началась открытая война, Франция располагала восьмьюдесятью линейными кораблями в хорошем состоянии, и шестьдесят семь тысяч моряков были внесены в списки морской воинской повинности. Испания, когда она вступила в войну в 1779 году как союзница Франции, имела в своих портах почти шестьдесят линейных кораблей. Этой комбинации Англия противопоставила в общей сложности двести двадцать восемь кораблей всех классов, из которых около ста пятидесяти были линейными. На кажущееся материальное равенство, которое могло быть результатом такой численности, повлияло, к невыгоде Англии, превосходство в численности и артиллерии французов и испанцев; но, с другой стороны, ее сила была увеличена единством целей, обусловленным принадлежностью к одной нации. Союзникам было суждено ощутить вошедшую в поговорку слабость военно-морских коалиций, а также вырождение администрации Испании и отсутствие привычки — можно даже сказать, не без несправедливости, склонности к морю — у обеих наций. Военно-морская политика, проводимая Людовиком XVI. начало его правления сохранялось до конца; в 1791 году, через два года после ассамблеи Генеральных штатов, французский военно-морской флот насчитывал восемьдесят шесть линейных кораблей, в целом превосходящих как по размерам, так и по модели английские корабли того же класса.

Таким образом, мы подошли к началу настоящей морской войны, которой, как согласятся те, кто следил за этим повествованием, не было со времен Де Рюйтера и Турвиля. Великолепие морской мощи и ее ценность, возможно, были более ясно продемонстрированы неконтролируемым господством и последующим возвышением одной из воюющих сторон; но преподанный таким образом урок, хотя и более поразительный, менее ярко интересен, чем зрелище встречи этой морской державы с врагом, достойным ее стали, и возбужденным до крайности междоусобицей, которая поставила под угрозу не только ее самые ценные колонии, но даже ее собственные берега. Обширный характер Британской империи, охватывающий сразу все части света, привлекает внимание изучающего то к Ост-Индии, то к Западу; то к берегам Соединенных Штатов, а оттуда к берегам Англии; от Нью-Йорка и Чесапикского залива до Гибралтара и Менорки, до островов Зеленого Мыса, мыса Доброй Надежды и Цейлона. Флоты теперь встречаются с флотами равного размера, и генеральные погони *исхватки*, которыми были отмечены действия Хоука, Боскавена и Энсона, хотя они все еще происходят

время от времени, по большей части сменяются осторожными и сложными маневрами, слишком часто не приводящими к решающим результатам, как морские сражения, которые являются преобладающей характеристикой этой грядущей войны. Превосходная тактическая наука французов преуспела в том, что придала этому конфликту ту особенность своей военно-морской политики, которая подчиняла контроль на море путем уничтожения флотов противника, его организованных военно-морских сил успеху конкретных операций, удержанию определенных пунктов, достижению определенных скрытых стратегических целей. Нет необходимости пытаться навязать другим убеждение настоящего автора в том, что такая политика, какой бы применимой она ни была в виде исключения, ошибочна как правило; но наиболее желательно, чтобы все лица, ответственные за ведение военно-морских дел, признали, что два направления политики, находящиеся в прямом противоречии друг с другом, действительно существуют. В первом случае существует строгая аналогия с войной за посты; в то время как в другом целью является та сила, уничтожение которой оставляет посты без поддержки и, следовательно, они обязательно падут в свое время. Поскольку эти противоположные политики признаны, следует также учитывать результаты обеих, как показано в истории Англии и Франции.

Однако поначалу новый король не стремился произвести впечатление на своих адмиралов, придерживаясь столь осторожных взглядов. В инструкции, адресованной графу д'Орвиллье, командующему первым флотом, отправленным из Бреста, министр, выступая от имени короля, говорит:

"Теперь ваш долг - вернуть французскому флагу тот блеск, которым он когда-то блистал; прошлые несчастья и ошибки должны быть скрыты с глаз долой; только самыми выдающимися действиями военно-морской флот может надеяться добиться успеха в этом. Его Величество имеет право ожидать от своих офицеров величайших усилий.... При каких бы обстоятельствах ни находился королевский флот, приказы его Величества, которые он прямо поручает мне довести до вашего сведения, а также до всех офицеров, находящихся в командовании, заключаются в том, чтобы его корабли атаковали с величайшей энергией и защищались во всех случаях до последней крайности".

Далее следует нечто подобное; на что французский офицер, который ранее не цитировался в связи с этим этапом французской военно—морской политики, говорит:

Как отличается этот язык от того, которого придерживались наши адмиралы во время последней войны; ибо было бы ошибкой полагать, что они руководствуются сознанием выбора и умеряют робость и оборонительную систему, которая преобладала в тактике военно-морского флота. Правительство, всегда находившее расходы, связанные с использованием военно-морского флота, чрезмерными, слишком часто предписывало своим адмиралам как можно дольше оставаться в море, не вступая в серьезные сражения или даже в потасовки, которые, как правило, очень дороги и из-за которых может последовать потеря кораблей, которые трудно заменить. Часто им предписывалось, если их заставляли действовать, осторожно избегать ставить под угрозу судьбу своей эскадрильи слишком решительными столкновениями. Поэтому они считали себя обязанными отступить, как только сражение принимало слишком серьезный оборот. Таким образом, они приобрели печальную привычку добровольно уступать поле битвы, как только враг, даже более слабый, смело вступал с ними в спор. Таким образом, посылать флот навстречу врагу только для того, чтобы с позором удалиться от него; принимать участие в

боевых действиях вместо того, чтобы предлагать их; начинать сражения только для того, чтобы заканчивать их видимостью поражения; разрушать моральные силы ради экономии физических — таков был дух, который, как очень разумно заметил г-н Шарль Дюпен, руководил французским министерством той эпохи. Результаты известны".[116]

Храбрые слова Людовика XVI. почти сразу же за ними последовали другие, иного толка, адресованные адмиралу д'Орвилье перед его отплытием. Ему сообщили, что король, узнав о силе английского флота, полагается на его благоразумие в отношении поведения, которому следовало следовать в тот момент, когда в его распоряжении были все военно-морские силы, которыми могла располагать Франция. На самом деле два флота были почти равны; было бы невозможно решить, какой из них сильнее, без подробной информации о вооружении каждого корабля. Д'Орвилье оказался, как и многие ответственные люди до него, с двумя наборами приказов, по одному или другому из которых он был уверен, что его посадят на кол, если не повезет; в то время как правительство в том же случае было уверено в козле отпущения.

Рассмотрение относительной силы двух военно-морских сил, материальной и моральной, неизбежно перенесло нас за пределы даты начала войны за независимость США. Прежде чем приступить к этой борьбе, возможно, было бы неплохо дополнить приблизительную оценку общей численности военно-морских сил Англии, приведенную, за неимением более точной информации, заявлением первого лорда Адмиралтейства, сделанным в Палате лордов в ноябре 1777 года, за несколько месяцев до начала войны с Францией. Отвечая на жалобу оппозиции на малочисленность флота канала, он сказал: —

"В настоящее время у нас в Великобритании в строю сорок два линейных корабля (не считая находящихся на дипломатической службе), тридцать пять из которых полностью укомплектованы и готовы выйти в море по первому сигналу.... Я не верю, что Франция или Испания настроены по отношению к нам враждебно; но из того, что я вам сейчас представил, я уполномочен утверждать, что наш военно-морской флот более чем равен флоту всего Дома Бурбонов".[117]

Следует, однако, сказать, что адмирал Кеппел, назначенный командующим в марте следующего года и смотревший на свой флот (по его собственному меткому выражению) "глазами моряка", не осознал этой приятной перспективы;[118]....."

Явно нежелательно включать в повествование такого характера какой-либо отчет о политических вопросах, которые привели к отделению Соединенных Штатов от Британской империи. Уже отмечалось, что разделение последовало за чередой грубых ошибок английского министерства, что не было естественным ввиду общераспространенных в то время представлений об отношениях колоний к метрополии. Нужен был гениальный командир, чтобы признать не только существенную справедливость претензий Америки, — многие это сделали, — но и военную мощь их положения, как указывалось ранее. Это объяснялось удаленностью колоний от дома, их близостью друг к другу независимо от господства на море, характером колонистов, в основном английского и голландского происхождения, и вероятной враждебностью Франции и Испании. К несчастью для Англии, люди, наиболее способные справиться с ситуацией, оказались в меньшинстве и выбыли из строя.

Ранее уже говорилось, что, если бы тринадцать колоний были островами, морская мощь Великобритании настолько полностью изолировала бы их, что должно было последовать их

падение, одно за другим. К этому можно добавить, что узость полосы, занимаемой тогда цивилизованным человеком, и то, как она была пересечена морскими устьями и судоходными реками, практически довели до состояния островов, насколько позволяла взаимная поддержка, большие участки восставшей страны, которые были недостаточно велики, чтобы выстоять в одиночку, но все же слишком велики, чтобы их падение не стало смертельным ударом по общему делу. Наиболее известный случай - это линия Гудзона, где Нью-Йоркский залив с самого начала удерживался британцами, которые также захватили город в сентябре 1776 года, через два месяца после Провозглашения независимости. Трудности на пути движения вверх и вниз по такому потоку, несомненно, были гораздо большими для парусных судов, чем сейчас для пароходов; и все же кажется невозможным сомневаться в том, что активные и способные люди, обладающие великой морской мощью Англии, могли бы так удерживать эту реку и озеро Шамплейн с помощью военных кораблей с интервалами и сопровождающих их галер, чтобы поддержать достаточную армию, двигавшуюся между верховьями Гудзона и озером, в то же время предотвращая любое сообщение по воде между Новой Англией и штатами к западу от реки. Эта операция была бы очень похожа на ту, с помощью которой в Гражданскую войну флоты и армии Соединенных Штатов постепенно рассекали надвое Южную Конфедерацию, овладевая течением Миссисипи, и политические результаты были бы даже важнее военных; ибо на той ранней стадии войны дух независимости был гораздо более общим и ожесточенным на отрезанном участке — в Новой Англии, — чем в Нью-Йорке и Нью-Джерси, возможно, чем где-либо еще, за исключением Южной Каролины.^[119]

В 1777 году британцы попытались достичь этой цели, отправив генерала Бергойна из Канады пробиваться к Гудзону через озеро Шамплейн. В то же время сэр Генри Клинтон двинулся из Нью-Йорка на север с тремя тысячами человек и достиг Вест-Пойнта, откуда отправил часть своих войск вверх по реке, в сорока милях от Олбани. Здесь командующий офицер узнал о капитуляции Бургойна при Саратоге и вернулся; но то, что он сделал во главе отряда численностью всего в три тысячи человек, показывает, что можно было бы сделать при лучшей системе. Пока это происходило на Гудзоне, английский главнокомандующий войсками, действовавшими в Америке, довольно любопытным образом использовал морскую мощь своей страны для переброски основной массы своей армии - четырнадцати тысяч человек - из Нью-Йорка в устье Чесапикского залива, чтобы захватить Филадельфию с тыла. Это эксцентричное движение было успешным с точки зрения своей цели - Филадельфии; но оно было обусловлено политическими соображениями, поскольку Филадельфия была резиденцией Конгресса и противоречила здравой военной политике. Таким образом, завоевание было рано утрачено; но оно было завоевано еще более дорогой ценой, ибо в результате этого отвлечения британских сил различные корпуса оказались лишенными взаимной поддержки, и контроль над водной линией Гудзона был утрачен. В то время как Бургойн с семью тысячами регулярных войск, не считая вспомогательных, продвигался вниз, чтобы захватить верховья реки, четырнадцать тысяч человек были переброшены из ее устья в Чесапик. Следовательно, восемь тысяч человек, оставшихся в Нью-Йорке или его окрестностях, были привязаны к городу присутствием американской армии в Нью-Джерси. Этот катастрофический шаг был предпринят в августе; в октябре Бергойн, изолированный и окруженный, сдался. В мае следующего года англичане эвакуировали Филадельфию и после мучительного и опасного марша через Нью-Джерси, преследуемые армией Вашингтона, вернули себе Нью-Йорк.

Этот переход британского флота к верховьям Чесапикского залива в сочетании с восхождением английских парусных фрегатов по Потوماку в 1814 году показывает еще одну слабую линию в цепи американских колоний; но это не была линия, оба конца которой, в отличие от Гудзона и Шамплейна, находились во власти противника - в Канаде, с одной стороны, и на море, с другой.

Что касается морской войны в целом, то нет необходимости распространяться о том факте, что колонисты не могли противостоять флотам Великобритании и, следовательно, были вынуждены предоставить им выход на море, прибегая только к крейсерской войне, главным образом силами каперов, для которой их морское искусство и предприимчивость хорошо подходили и которой они нанесли большой ущерб английской торговле. По оценкам английского военно-морского историка, к концу 1778 года американские каперы захватили почти тысячу торговых судов стоимостью почти в 2 000 000 фунтов стерлингов; однако он утверждает, что потери американцев были тяжелее. Так и должно было быть, поскольку английские крейсера были и лучше обеспечены, и индивидуально более мощны, в то время как расширение американской торговли стало чудом для государственных деятелей метрополии. Когда разразилась война, она была такой же масштабной, как война самой Англии в начале века.

Интересное указание на численность морского населения Северной Америки в то время дает заявление в парламенте первого лорда Адмиралтейства, "что военно—морской флот потерял восемнадцать тысяч моряков, нанятых в последней войне из-за отсутствия Америки",^[120] немалые потери для морской державы, особенно если перенести их на в рядах врага.

Ход военных действий на море, как всегда, вызвал недовольство нейтральных стран англичан за захват их судов в ходе американской торговли. Однако в такой провокации не было необходимости, чтобы возбудить вражду и надежды Франции в расстроенном состоянии британского правительства. Час расплаты, возмездия, к которому была направлена политика Шуазеля, казалось, теперь приблизился. В Париже рано встал вопрос о том, какую позицию следует занять, какую выгоду извлечь из восстания колоний. Было решено, что последняя должна получить всю возможную поддержку, за исключением фактического разрыва с Англией; и с этой целью французу по имени Бомарше были предоставлены деньги для основания торгового дома, который должен был снабжать колонистов военными припасами. Франция выделила миллион франков, к которым Испания добавила равную сумму, и Бомарше было разрешено закупить их из правительственных арсеналов. Тем временем агенты были получены из Соединенных Штатов, и французские офицеры перешли на их службу без особых реальных препятствий со стороны своего правительства. Дом Бомарше был основан в 1776 году; в декабре того же года Бенджамин Франклин высадился во Франции, а в мае 1777 года Лафайет приехал в Америку. Тем временем подготовка к войне, особенно к войне на море, продолжалась; военно-морской флот неуклонно увеличивался, и принимались меры для угрозы вторжения со стороны Ла-Манша, в то время как настоящая сцена войны должна была развернуться в колониях. Там Франция оказалась в положении человека, которому нечего терять. Уже лишившись Канады, она имела все основания полагать, что возобновление войны с нейтральной Европой и друзьями американцев, а не врагами, не лишит ее ее островов. Признавая, что американцы, которые менее двадцати лет назад настаивали на завоевании Канады, не согласятся на ее возвращение, она прямо оговорила, что у нее не будет таких надежд, но потребовала, чтобы в предстоящей войне она сохранила за собой все английские владения в Вест-Индии, которые она сможет захватить. Испания была расположена по-другому. Ненавидя Англию, желая вернуть Гибралтар, Менорку и Ямайку — не просто драгоценности в ее

короне, но краеугольные камни ее морского могущества, - она, тем не менее, понимала, что успешное восстание английских колонистов против доселе непревзойденной морской мощи метрополии станет опасным примером для ее собственной огромной колониальной системы, от которой она ежегодно получала столь крупные субсидии. Если Англия со своим военно-морским флотом потерпит неудачу, чего сможет добиться Испания? Во вводной главе указывалось, что доходы испанского правительства поступали не в виде незначительного налога на богатую морскую державу, основанную на промышленности и торговле королевства, а из узкого ручейка золота и серебра, просачивающегося через несколько судов-сокровищниц, груженных добычей из колоний, управляемых по самой узкой системе. Испании было что терять, равно как и приобретать. Как и в 1760 году, она по-прежнему оставалась той силой, с которой Англия могла вести войну с наибольшей выгодой. Тем не менее, существующие обиды и династические симпатии одержали верх. Испания вступила на тайно враждебный курс, проводимый Францией.

В этом взрывоопасном положении вещей известие о капитуляции Бергойна подействовало как искра. Опыт прежних войн научил Францию ценить американцев как врагов, и она ожидала найти в них ценных помощников в своих планах мести; теперь казалось, что даже в одиночку они могли бы позаботиться о себе и отвергнуть любой союз. Новость достигла Европы 2 декабря 1777 года; 16 декабря министр иностранных дел Франции проинформировал представителей Конгресса, что король готов признать независимость Соединенных Штатов и заключить с ними торговый договор и условный оборонительный союз. Скорость, с которой было сделано это дело, показывает, что Франция приняла решение; и договор, столь важный по своим необходимым последствиям, был подписан 6 февраля 1778 года.

Нет необходимости приводить подробные условия договора; но важно отметить, во-первых, что явный отказ Франции от Канады и Новой Шотландии предвосхитил ту политическую теорию, которая теперь известна как доктрина Монро, требования которой едва ли могут быть реализованы без соответствующих морских сил; и затем, что союз с Францией, а впоследствии и с Испанией принес американцам то, в чем они больше всего нуждались, — морскую мощь в противовес мощи Англии. Не слишком ли много для американской гордости будет признать, что, если бы Франция отказалась оспаривать контроль над морем у Англии, последняя смогла бы сократить атлантическое побережье? Давайте не будем сбрасывать с ног лестницу, по которой мы поднимались, и не откажемся признать, что чувствовали наши отцы в час испытаний.

Прежде чем продолжить рассказ об этой войне на море, следует изложить военную ситуацию в том виде, в каком она существовала в различных частях света.

Тремя особенностями, которые заставляют его заметно отличаться от того, что было в начале Семилетней войны в 1756 году, являются: (1) враждебное отношение Америки к Англии; (2) раннее появление Испании в качестве союзника Франции; и (3) нейтралитет других континентальных государств, который оставил Францию без забот на суше.

На североамериканском континенте американцы удерживали Бостон в течение двух лет. Залив Наррагансетт и Род-Айленд были оккупированы англичанами, которые также удерживали Нью-Йорк и Филадельфию. Чесапикский залив и вход в него, не имея сильных постов, находились во власти любого флота, который появлялся против них. На Юге, после неудачной атаки на Чарльзтаун в 1776 году, англичане не предприняли никаких важных действий; вплоть до

объявления войны Францией главные события войны происходили к северу от Чесапика (Балтимора). С другой стороны, в Канаде американцы потерпели неудачу, и она до конца оставалась прочной базой для английской мощи.

В Европе наиболее важным элементом, на который следует обратить внимание, является состояние готовности французского военно-морского флота и, в некоторой степени, испанского, по сравнению с предыдущими войнами. Англия стояла всецело в обороне и не имела союзников, в то время как короли Бурбоны намеревались завоевать Гибралтар и Порт-Маон, а также вторгнуться в Англию. Первые два, однако, были дорогими целями Испании, последний - Франции; и это расхождение в целях было фатальным для успеха этой морской коалиции. Во вводной главе был сделан намек на стратегический вопрос, поднятый этими двумя политиками.

В Вест-Индии власть двух воюющих сторон на суше фактически была примерно равной, хотя так не должно было быть. И Франция, и Англия занимали прочные позиции на Наветренных островах: одна — на Мартинике, другая - на Барбадосе. Следует отметить, что расположение последнего с наветренной стороны от всех остальных членов группы было решающим стратегическим преимуществом в дни парусного спорта. Так получилось, что боевые действия практически ограничились окрестностями Малых Антильских островов. Здесь, в начале борьбы, английский остров Доминика находился между французской Мартиникой и Гваделупой; поэтому он был желанным и захвачен. Следующим к югу от Мартиники находился штат Калифорния. Люсия, французская колония. Его надежная гавань с подветренной стороны, известная как залив Гро-Илот, была отличным местом, откуда можно было наблюдать за действиями французского военно-морского флота в Форт-Рояле, Мартиника. Англичане захватили остров, и с этой безопасной якорной стоянки Родни наблюдал за французским флотом и преследовал его перед своей знаменитой операцией в 1782 году. Острова к югу имели меньшее военное значение. На больших островах Испания должна была перевесить Англию, удерживая, как она это сделала, Кубу, Порто-Рико и, вместе с Францией, Хайти, против одной только Ямайки. Испания, однако, не представляла здесь ничего, кроме мертвого груза; а у Англии было слишком много забот в других местах, чтобы нападать на нее. Единственным пунктом в Америке, где испанское оружие давало о себе знать, был обширный регион к востоку от Миссисипи, известный тогда как Флорида, который, хотя и был в то время английским владением, не присоединился к восстанию колоний.

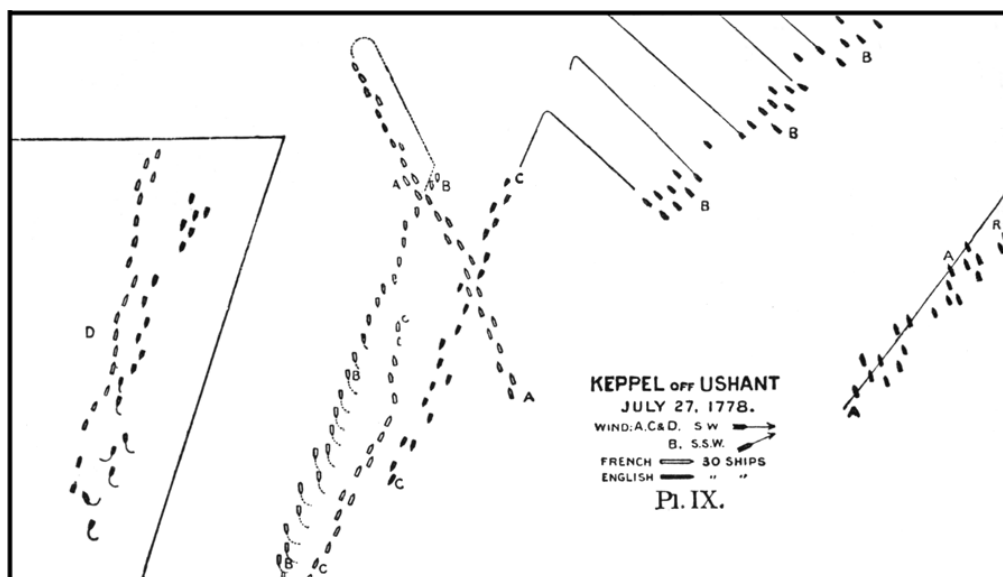
Следует помнить, что Франция получила обратно свои позиции в Ост-Индии по мирному договору 1763 года; но политическое преобладание англичан в Бенгалии не было компенсировано аналогичным контролем французов ни в одной части полуострова. В последующие годы англичане расширили и укрепили свою власть, чему способствовал характер их главных представителей, Клайва и Уоррена Гастингсов. Могущественные местные враги, однако, восстали против них на юге полуострова, как на востоке, так и на западе, предоставив Франции прекрасную возможность восстановить свое влияние, когда разразилась война; но ее правительство и народ оставались слепы к возможностям этого обширного региона. Не так обстоят дела в Англии. В тот самый день, когда известие о начале войны достигло Калькутты, 7 июля 1778 года, Гастингс отправил приказ губернатору Мадраса атаковать Пондишери и подать пример, захватив Чандернагор. Военно-морские силы каждой страны были незначительны; но французский коммодор после непродолжительного боя оставил Пондишери, который сдался после семидесятидневной осады с суши и моря. В марте

следующего 1779 года Маэ, последнее французское поселение, пало, и французский флаг снова исчез; в то же время туда прибыла сильная английская эскадра из шести линейных кораблей под командованием адмирала Хьюза. Отсутствие каких-либо аналогичных французских сил отдало весь контроль на море англичанам до прибытия Сюффрена, почти три года спустя. Тем временем Голландия была втянута в войну, и ее базы, Негапаттам на Коромандельском побережье и очень важная гавань Тринкомали на Цейлоне, были захвачены, причем последняя в январе 1782 года объединенными силами армии и флота. Успешное выполнение этих двух предприятий завершило военную ситуацию в Индостане в то время, когда прибытие Сюффрена всего месяц спустя превратило номинальную войну в отчаянное и кровопролитное противостояние. Сюффрен оказался с явно более сильной эскадрой, но без порта, ни французского, ни союзного, на котором можно было бы базировать свои операции против англичан.

Из этих четырех главных театров военных действий два, Северная Америка и Вест-Индия, как и следовало ожидать из их близости, сочетаются и непосредственно влияют друг на друга. В случае с борьбой в Европе и Индии это не так очевидно. Таким образом, повествование естественным образом распадается на три основных раздела, которые в некоторой степени могут рассматриваться отдельно. После такого отдельного рассмотрения будет указано на их взаимное влияние, а также на любые полезные уроки, которые можно извлечь из добра или зла, успеха или неудачи грандиозных комбинаций и из роли, которую играет морская мощь.

13 марта 1778 года французский посол в Лондоне уведомил английское правительство о том, что Франция признала независимость Соединенных Штатов и заключила с ними торговый договор и оборонительный союз. Англия немедленно отозвала своего посла; но хотя война была неизбежна и Англия находилась в невыгодном положении, испанский король предложил посредничество, и Франция напрасно медлила с нанесением удара. В июне адмирал Кеппел отплыл из Портсмута с двадцатью кораблями в поход. Столкнувшись с двумя французскими фрегатами, его пушки, доведенные до них, открыли войну. Узнав из их бумаг, что тридцать два французских корабля стоят в Бресте, он немедленно вернулся за подкреплением. Снова отправившись в плавание с тридцатью кораблями, он встретился с французским флотом под командованием Д'Орвилье к западу от Ушана и с наветренной стороны при западном ветре. 27 июля состоялось первое боевое действие флота в войне, широко известное как битва при Ушанте.

Это сражение, в котором с каждой стороны сражалось по тридцать линейных кораблей, было совершенно непредсказуемым по своим результатам. Ни одно судно не было захвачено или потоплено; оба флота, разделившись, вернулись в свои соответствующие порты. Тем не менее эта акция получила большую известность в Англии из-за общественного возмущения отсутствием результата и последовавшей за этим бури военно-морских и политических споров. Адмирал и третий по старшинству офицер принадлежали к разным политическим партиям; они выдвинули обвинения друг против друга, и в последующих военных трибуналах вся Англия разделилась, главным образом по партийному признаку. Общественные и военно-морские настроения в целом благоприятствовали главнокомандующему Кеппелу.

Pl. IX. [Список](#)

С тактической точки зрения битва представляет некоторые интересные особенности и затрагивает одну проблему, которая все еще актуальна и по сей день. Кеппел находился с подветренной стороны и хотел форсировать бой; для этого он дал сигнал к общему преследованию с наветренной стороны, чтобы его самые быстрые корабли могли обогнать более медленные корабли противника. Учитывая равную первоначальную скорость флота, это было совершенно правильно. Д'Орвилье, находящийся с наветренной стороны, не собирался сражаться иначе, как на своих условиях. Как это обычно бывает, флот, переходящий в наступление, добился своего. На рассвете 27-го оба флота легли на левый галс, держа курс на запад-северо-запад при устойчивом юго-западном бризе (Фото IX., А, А, А).^[121] Английский арьергард (R) оказался с подветренной стороны,^[122] и Кеппел, следовательно, подал сигнал шести своим кораблям преследовать с наветренной стороны, чтобы разместить их в лучшей позиции для поддержки основного корпуса, если бы он мог начать действовать. Д'Орвилье заметил это движение и истолковал его как намерение атаковать его с тыла превосходящими силами. Поскольку два флота находились тогда на расстоянии от шести до восьми миль друг от друга, он последовательно вывел свой флот (французские позиции от А до В), из-за чего потерял позицию с подветренной стороны, но приблизился к противнику и смог лучше его разглядеть (позиции В, В, В). По завершении этой эволюции ветер перешел на южный, благоприятствуя англичанам; поэтому Кеппел, вместо того чтобы развернуться, простоял еще полчаса (с английского В по С), а затем повернул в кильватер французам. Это подтвердило подозрения Д'Орвилье, и поскольку ветер, который, безусловно, благоприятствовал англичанам в то утро, теперь снова повернул на запад, позволив им зайти французам в тыл, он объединил свой флот (от В до С), таким образом приведя остальные силы на помощь арьергарду, ставшему теперь авангардом, и помешав Кеппелю сосредоточиться на нем или проникнуть внутрь. Таким образом, два флота перешли на противоположные галсы (С),^[123] обмениваясь неэффективными бортовыми залпами, французы свободно двигались с наветренной стороны и имели возможность атаковать, но не использовали ее. Затем Д'Орвилье подал сигнал своему авангарду, бывшему арьергардом, отойти с подветренной стороны от английского тыла, который находился с подветренной стороны от его собственных основных сил, намереваясь сам

оставаться с наветренной стороны и таким образом атаковать его с обеих сторон; но командир этой дивизии, принц королевской крови, не подчинился, и возможное преимущество было упущено. С английской стороны была предпринята попытка такого же маневра. Адмирал ван и некоторые из его кораблей, как только закончился огонь (D), перешли на галс[124] и встали в арьергарде французов; но по большей части повреждение такелажа препятствовало лавированию, и износ был невозможен из-за кораблей, идущих сзади. Французы теперь стояли с подветренной стороны и снова выстроились в линию, но англичане были не в состоянии атаковать. Это был конец сражения.

Было сказано, что в этом безрезультатном взаимодействии есть несколько интересных моментов. Во-первых, поведение Кеппела было одобрено под присягой перед военным трибуналом одним из самых выдающихся адмиралов, которых когда-либо выдвигала Англия, сэром Джоном Джервисом, который командовал кораблем во флоте. На самом деле не похоже, что он мог бы сделать больше; но о его недостатке тактического понимания свидетельствует любопытное замечание в его защиту. "Если бы французский адмирал действительно намеревался вступить в бой, - говорит он, - я полагаю, он никогда бы не повернул свой флот курсом, противоположным тому, которым приближался британский флот". Это замечание может исходить только из незнания или легкомыслия относительно опасности, которой подвергся бы тыл французского флота, и оно тем более любопытно, что он сам сказал, что англичане готовились к этому. Идея Кеппеля, по-видимому, заключалась в том, что французам следовало дожидаться, пока он поравняется с ними, а затем атаковать корабль за кораблем в том, что было для него старым добрым стилем; Д'Орвилье был слишком хорошо подготовлен, чтобы быть способным на такие действия.

Неспособность герцога Шартрского,[125] командовать французским авангардом во время стрельбы, выполнять приказы, будь то из-за недопонимания или ненадлежащего поведения, поднимает вопрос, который все еще обсуждается, относительно надлежащей позиции главнокомандующего ВМС в действии. Если бы Д'Орвилье был в авангарде, он мог бы обеспечить желаемую эволюцию. Из центра адмиралу одинаково видны оконечности его флота - или невидимы, в зависимости от того, какими они могут быть. Стоя во главе, он своим примером приводит в исполнение свои приказы. Французы ближе к концу этой войны решили этот вопрос, полностью выведя его из строя и поместив на борт фрегата по общепризнанным причинам, чтобы он мог таким образом лучше видеть передвижения своего флота и противника, не будучи ослепленным дымом или отвлеченным событиями на борту своего собственного корабля, и чтобы его сигналы были лучше видны.[126] Эту должность, чем-то напоминающую должность генерала на берегу, поскольку она была удалена от личного риска, также занял лорд Хоу в 1778 году; но позже и этот офицер, и французы отказались от этой практики. Нельсон в Трафальгарской битве, завершившей его карьеру, возглавил свою колонну; но можно усомниться, были ли у него какие-либо другие мотивы, кроме жажды битвы. Две другие крупные атаки, в которых он командовал главнокомандующим, были направлены против кораблей, стоящих на якоре, и ни в одной из них он не возглавлял колонну; по той же причине, что из-за несовершенного знания местности ведущему кораблю больше всего угрожала посадка на мель. Обычной практикой во времена парусных судов с бортовым залпом, за исключением случаев, когда приказывалось о всеобщей погоне, было, чтобы адмирал находился в линии и в центре ее. Отход от этого обычая как со стороны Нельсона, так и со стороны Коллингвуда, каждый из которых вел свои колонны при Трафальгаре, возможно, имел какие-то причины, и обычный человек скорее уклоняется от критики действий офицеров их ранга. Опасность,

которой подвергались два старших офицера флота, от которых так много зависело, очевидна; и если бы какое-либо серьезное увечье постигло их лично или голову их колонн, недостаток их влияния был бы серьезно ощущен. Как бы то ни было, они были быстро уничтожены, как адмиралы, в дыму сражения, не оставив тем, кто пришел после них, никакого руководства или контроля, кроме блеска их мужества и примера. Французский адмирал указал, что практический эффект способа атаки при Трафальгаре, когда две колонны наступали на линию под прямым углом к ним, заключался в том, чтобы пожертвовать головой колонн, проделав две бреши в линии противника. Пока все шло очень хорошо; жертва стоила того; и в эти бреши заходили задние корабли каждой колонны, почти свежие, фактически образуя *резерв*, который обрушивался на разбитые корабли противника по обе стороны от брешей. Теперь эта идея о резерве наводит на мысль как о главнокомандующем. Размер его корабля был таков, что исключал его исключение из строя; но разве не было бы хорошо, если бы адмиралы каждой колонны были в этом резерве, сохраняя в своих руках право направлять его в соответствии с возможностями сражения, делая его реальностью, а также именем на некоторое время дольше и для очень полезной цели? Трудность организации какой-либо системы сигналов или легких курьерских катеров, которые могли бы заменить вспомогательные средства или посыльных генерала, в сочетании с тем фактом, что корабли не могут стоять на месте, как это делают подразделения людей, ожидая приказов, но что у них должен быть рулевой ход, исключает идею отправки адмирала флота в плавание на легком судне. Поступая таким образом, он становится просто зрителем; тогда как, находясь на самом мощном корабле флота, он сохраняет максимально возможный вес после начала боевых действий, и, если этот корабль находится в резерве, адмирал сохраняет до последнего возможного момента власть главнокомандующего в своих собственных руках. "Полбуханки лучше, чем никакого хлеба"; если адмирал не может из-за условий ведения войны на море занять позицию спокойного наблюдателя своего брата на берегу, пусть там будет обеспечено для него столько, сколько возможно. Практика Фаррагута после Нового Орлеана и Висксбурга, то есть на последнем этапе его карьеры, когда, как можно полагать, опыт определил его взгляды, заключалась в личном руководстве. Известно, что он очень неохотно, по просьбе различных должностных лиц, отказался от своих убеждений по этому делу в Мобиле настолько, что занял второе место, а впоследствии открыто выразил сожаление по поводу того, что сделал это. Можно, однако, возразить, что характер всех действий, которыми командовал Фаррагут, имел особенность, отличавшую их от сражений в строгом смысле этого слова. В Новом Орлеане, Висксбурге, Порт-Гудзоне и Мобиле задача состояла не в том, чтобы вступить в бой, а в том, чтобы миновать укрепления, которым флот, по общему признанию, противостоять не мог; и переход должен был совершаться в основном в условиях лоцманской проводки на местности, о которой, в отличие от Нельсона, он хорошо знал. Таким образом, на главнокомандующего была возложена обязанность руководства как в буквальном, так и в военном смысле этого термина. Таким образом, руководя, он не только указал флоту безопасную дорогу, но и, постоянно обгоняя дым, был способен лучше видеть и оценивать путь впереди, а также брать на себя ответственность за курс, который он, возможно, предписывал и намеревался следовать на протяжении всего пути, но от которого подчиненный мог уклониться. Возможно, никто не замечал, что в Мобиле командиры не только одной, но и обеих колонн на критическом участке пути заколебались и засомневались относительно цели адмирала; не потому, что они не поняли ее ясно, а потому, что обстоятельства казались им иными, чем он предполагал. Не только Олден на "Бруклине", но и Крейвен на "Текумсе" отступили от приказов адмирала и сошли с продиктованного им курса, что привело к катастрофическим результатам. Нет необходимости осуждать обоих капитанов;

но напрашивается неотразимый вывод, что Фаррагут был безоговорочно прав в своем мнении, что человек, который единственный несет высшую ответственность, должен, в условиях его сражений, быть впереди. И здесь следует отметить, что в такие критические моменты сомнений любой человек, кроме людей с высшим складом ума, стремится переложить ответственность за принятие решения на вышестоящего, хотя в зависимости от обстоятельств колебания или задержка могут оказаться фатальными. Человек, который как уполномоченный начальник будет действовать разумно, как простой подчиненный будет упираться. Действиям Нельсона при Сент-Винсенте редко можно подражать, и это убедительно подтверждается тем фактом, что Коллингвуд тот день находился непосредственно у него в тылу и не повторял его действий до тех пор, пока главнокомандующий не подал сигнал; однако после получения сигнала он особенно отличился своим суждением и отвагой.^[127] Следует также напомнить в связи с этим вопросом о наземных боях, что центральная позиция едва не потеряла флагманский корабль в Новом Орлеане из-за темноты и дыма от предшествующих кораблей; флот Соединенных Штатов был близок к тому, чтобы остаться без своего лидера после прохождения фортов. Теперь, как упоминание о резерве вызвало ряд соображений, так и название лоцманской проводки наводит на определенные идеи, более широкие, чем само по себе, которые изменяют то, что было сказано о сохранении адмирала в резерве. Легкость и быстрота, с которой паровой флот может менять свой строй, делают весьма вероятным, что флот, идущий в атаку, может оказаться под угрозой почти в самый момент столкновения с какой-нибудь неожиданной комбинацией; тогда где было бы самое счастливое положение для адмирала? Несомненно, в той части его собственного отряда, где он мог наиболее легко направить свои корабли в новое расположение или направление, с помощью которого он соответствовал бы изменившимся условиям; то есть в положении ведущего. Казалось бы, в морском сражении всегда есть два момента наибольшей важности: один, который определяет метод главной атаки, другой - подтягивание и направление усилий резерва. Если первое более важно, то второе, возможно, требует способностей более высокого порядка; ибо первое может и должно осуществляться по заранее определенному плану, в то время как второе может и часто должно быть сформировано с учетом непредвиденных обстоятельств. Условия морских сражений будущего содержат один элемент, которого не может быть в сражениях на суше, — чрезвычайную быстроту, с которой могут происходить столкновения и изменения порядка. Однако войска могут быть переброшены на поле боя паром, там они будут сражаться пешими или верхом на лошадях, и с постепенной разработкой своего плана, что даст главнокомандующему время сообщить о своих пожеланиях (как правило, конечно), в случае изменения направления атаки противника. С другой стороны, флот, сравнительно небольшой по численности и с четко определенными составляющими его подразделениями, может обдумывать важное изменение, о котором не может быть никаких признаков, пока оно не начнется, и которое займет всего несколько минут. Насколько эти замечания обоснованны, они показывают необходимость заместителя командира, досконально знакомого не только с планами, но и с руководящими принципами действий своего начальника, — необходимость, достаточно очевидная из того факта, что две крайности боевого порядка обязательно могут быть удалены друг от друга, и что вам нужен дух лидера на обеих крайностях. Поскольку он не может присутствовать там лично, лучше всего иметь эффективного секунданта на одном конце. Что касается позиции Нельсона при Трафальгаре, упомянутой в начале этого обсуждения, следует отметить, что "Виктори" не сделала ничего такого, чего не смог бы сделать другой корабль, и что слабый ветер не позволял ожидать каких-либо внезапных изменений в порядке противника. Огромный риск, которому подвергалась личность адмирала, на корабле которого был сосредоточен огонь линии противника и который заставил нескольких капитанов

умолять об изменении, был осужден задолго до этого самим Нельсоном в одном из его писем после битвы на Ниле:

"Я думаю, если бы Богу было угодно, чтобы я не был ранен, ни одна лодка не спаслась бы, чтобы рассказать эту историю; но не верьте, что кто-то во флоте виноват.... Я только хочу сказать, что если бы мой опыт мог лично направлять этих людей, то были все основания полагать, что Всемогущий Бог продолжал бы благословлять мои начинания " и т.д.[128]

И все же, несмотря на такое выражение мнения, основанного на опыте, он занял наиболее уязвимую позицию при Трафальгаре, и после потери командира последовал любопытный пример последствий этого. Коллингвуд сразу же, справедливо или ошибочно, избегаемо или неизбежно, изменил планы Нельсона, настаивая на этом до последнего вздоха. "Якорь! Харди, снимайся с якоря!" - сказал умирающий вождь. "Снимайся с якоря!" - сказал Коллингвуд. "Это последнее, о чем я должен был подумать".

СНОСКИ:

[113] Источник: Военно-морской флот.

[114] Махон: История Англии.

[115] Лапейруз-Бонфис, том iii. стр. 5.

[116] Труд, том ii. стр. 3-5. Другие цитаты из французских авторов на тот же счет см. *ante*, страницы 77, 80, 81.

[117] Махон: История Англии; Журнал для джентльменов, 1777, стр. 553.

[118] Защита Кеппела.

[119] "Откровенный взгляд на наши дела, который я собираюсь продемонстрировать, позволит вам судить о трудностях, с которыми мы сталкиваемся. Почти все наши запасы муки и немалая часть мяса поступают из Штатов к западу от реки Гудзон. Это делает безопасное сообщение через эту реку совершенно необходимым как для поддержки вашей эскадры, так и для армии. Враг, владеющий этим судоходством, прервал бы это важное сообщение между государствами. Они осознали эти преимущества.... Если бы они могли какой-либо демонстрацией в другой части отвлечь наше внимание и силу от этого важного пункта и, предвидя наше возвращение, овладеть им, последствия были бы фатальными. Следовательно, в нашей диспозиции в равной степени должно учитываться сотрудничество с вами [в Бостоне] в плане обороны и обеспечение безопасности реки Норт, что особенно затрудняется удаленностью двух объектов друг от друга ". - Вашингтон Д'Эстену, 11 сентября 1778 г.

[120] Годовой реестр, 1778, стр. 201.

[121] На этой табличке был отброшен план, которому следовали во всех других случаях, показывать только характерные фазы сражения, последовательно, но разрозненно, и предпринята попытка *непрерывно* указывать серию маневров и маршруты, по которым флоты, наконец, соприкоснулись (от А до С). Поскольку *сражение* состояло всего лишь в прохождении друг мимо друга двух флотов, двигавшихся в противоположных параллельных направлениях, - столкновение всегда нерешительное и бесполезное, - предыдущие маневры представляют главный интерес в деле, историческая важность которого обусловлена не только тактическими причинами.

[122] Линия, проведенная через центр английского флота в точке А, показывает линию сближения (юго-юго-восток), на которой, согласно строгим тактическим требованиям, английские корабли должны были отдаляться друг от друга.

[123] Передовые корабли двух флотов разошлись друг от друга (С), что французы приписывают тому, что английский авангард держался в стороне; англичане говорят, что французский авангард отступил. Последнему объяснению следуют диаграммы.

[124] Позиция D, отделенная от остальной части плана, показывает конец прохода by, который начинался в точке С. Это не могло быть показано в связи с другими треками, не вызвав путаницы.

[125] Впоследствии герцог Орлеанский; король Французской революции Филипп и отец Луи Филиппа.

[126] Захват французского главнокомандующего на борту его флагманского корабля в битве 12 апреля 1782 года также был мотивом для этого нового приказа.

[127] Следующий инцидент, произошедший во время погони Родни за Де Грассом в апреле 1782 года, показывает, насколько далеко может зайти подчинение. Худ был одним из лучших британских офицеров; автор также не берется критиковать его действия. В то время он находился в нескольких милях от Родни. "Отделенный французский корабль на северо-западе, получив ветер одновременно с нашим авангардным подразделением, смело защищался и пытался противостоять британским передовым кораблям; это был единственный способ вернуть свой собственный флот, а затем встать с наветренной стороны. Она до такой степени проявила свою дерзость, что вынудила "Альфред", головной корабль дивизиона сэра Сэмюэля Худа, остановиться, чтобы дать ей пройти. Все глаза были прикованы к отважному французу, за исключением тех, кто с тревогой ожидал от главнокомандующего сигнала к вступлению в бой, но кто, скорее всего, из-за того, что не предполагал, что это может быть враг, не подал горячо ожидаемого сигнала, и поэтому не было произведено ни одного выстрела. Это упомянуто для того, чтобы показать состояние дисциплины на борту кораблей, составляющих дивизию сэра Сэмюэля Худа, и что он, хотя и является вторым по старшинству, не сделает ни единого выстрела без приказа своего главнокомандующего. "Более чем вероятно, что причина, по которой сэр С. Худ дождался сигнала к вступлению в бой от своего главнокомандующего, прежде чем открыть огонь, проистекала из предположения, что, если бы он был причиной преждевременного начала боевых действий при вышеуказанных обстоятельствах, он был бы ответственен за результаты". (Военно-морские исследования Уайта, стр. 97.)

Возможно, на Худа повлияло отношение Родни к подчиненным, чья инициатива вызывала у него неудовольствие. Отношения этих двоих, похоже, были натянутыми.

[128] Сэр Н.Х. Николас: Депеши и письма лорда Нельсона.

ГЛАВА X

Морская война в Северной Америке и Вест-Индии, 1778-1781 гг. — Ее влияние на ход Американской революции.— Действия флота у берегов Гренады, Доминики и Чесапикского залива.

15 апреля 1778 года адмирал граф д'Эстен отплыл из Тулона на американский континент, имея под своим командованием двенадцать линейных кораблей и пять фрегатов. С ним в качестве пассажира отправился министр, аккредитованный при Конгрессе, которому было поручено отклонять все просьбы о выделении субсидий и избегать прямых обязательств, связанных с завоеванием Канады и других британских владений. "Версальский кабинет министров, - говорит французский историк, - не сожалел о том, что Соединенные Штаты имели рядом с собой причину для беспокойства, которая заставила бы их почувствовать ценность французского союза". [129] Признавая великодушную симпатию многих французов к их борьбе, американцам не нужно закрывать глаза на корыстолюбие французского правительства. Они также не должны были придирается, поскольку его долгом было в первую очередь учитывать интересы Франции.

Д'Эстен продвигался очень медленно. Говорят, что он потратил много времени на тренировки, и даже бесполезно. Как бы то ни было, он достиг своей цели, мысов Делавэр, только 8 июля, совершив переход продолжительностью в двенадцать недель, четыре из которых были потрачены на то, чтобы достичь Атлантики. Английское правительство получило известие о его предполагаемом отплытии; и действительно, как только оно отозвало своего посла в Париже, в Америку был отправлен приказ эвакуировать Филадельфию и сосредоточиться на Нью-Йорке. К счастью для них, движения Лорда Хоу отличались энергией и системой, отличными от движений Д'Эстена. Сначала собрав свой флот и транспорты в заливе Делавэр, а затем ускорив погрузку

припасов, он покинул Филадельфию, как только армия выступила оттуда маршем в Нью-Йорк. Десять дней ушло на то, чтобы добраться до устья залива;^[130] но он отплыл оттуда 28 июня, за десять дней до прибытия Д'Эстена, хотя и более чем через десять недель после его отплытия. Оказавшись снаружи, попутный ветер за два дня доставил всю флотилию в Сэнди-Хук. Война беспощадна; добыча, которую Д'Эстен упустил из-за задержек, помешала ему в его попытках захватить Нью-Йорк и Род-Айленд.

На следующий день после прибытия Хоу в Сэнди-Хук английская армия достигла высот Навесинк после изматывающего марша через Нью-Джерси, когда войска Вашингтона наступали ей в тыл. При активном содействии военно-морского флота он был доставлен в Нью-Йорк к 5 июля; а затем Хоу вернулся, чтобы преградить вход в порт французскому флоту. Поскольку сражения не последовало, подробности его подготовки приводиться не будут; но очень полный и интересный отчет офицера флота можно найти в книге Экинса "Морские сражения". Однако, вполне можно обратить внимание на сочетание энергии, мысли, мастерства и решительности, продемонстрированных адмиралом. Перед ним стояла задача защитить практически осуществимый проход шестью шестидесятичетырехпушечными кораблями и тремя из пятидесяти против восьми из семидесяти четырех орудий или более, трех шестидесятидвухпушечных и одного пятидесятипушечного, — можно сказать, против почти удвоенных его собственных сил.

Д'Эстен бросил якорь снаружи, к югу от пролива Хук, 11 июля и оставался там до 22 июля, занимаясь зондированием барьера и со всей очевидной решимостью войти. 22-го числа сильный северо-восточный ветер, совпавший с весенним приливом, поднял уровень воды на отмели на тридцать футов. Французский флот тронулся в путь и подошел с наветренной стороны к точке, подходящей для пересечения барной отмели. Затем сердце д'Эстена дрогнуло из-за разочарования пилотов; он отказался от атаки и отошел к югу.

Морские офицеры не могут не сочувствовать нерешительности моряка пренебречь советами лоцманов, особенно на чужом для него побережье; но такое сочувствие не должно закрывать им глаза на высочайший тип характера. Пусть кто-нибудь сравнит действия Д'Эстена в Нью-Йорке с действиями Нельсона в Копенгагене и на Ниле или действиями Фаррагута в Мобиле и Порт-Гудзоне, и неполноценность француза как военачальника, руководствующегося только военными соображениями, станет болезненно очевидной. Нью-Йорк был самым центром британского могущества; его падение не могло не сократить продолжительность войны. Однако справедливости ради по отношению к Д'Эстену следует помнить, что его интересовали не только военные соображения. Французский адмирал, несомненно, имел инструкции, аналогичные инструкциям французского министра, и он, вероятно, рассудил, что Франция ничего не выиграет от падения Нью-Йорка, которое могло бы привести к миру между Америкой и Англией, и предоставило последней свободу обратить всю свою мощь против его собственной страны. Меньшего было бы достаточно, чтобы решить его колеблющийся ум, стоит ли рисковать своим флотом над планкой.

Хоу повезло больше, чем Д'Эстену, в том, что у него не было разделенных целей. Сбежав из Филадельфии и спасши Нью-Йорк своим усердием, он имел в виду дальнейшую честь спасти Род-Айленд такими же быстрыми движениями. Теперь начали прибывать разрозненные военные корабли флота, отправленного из Англии. 28 июля Хоу был проинформирован о том, что французский флот, исчезнувший на юге, был замечен направляющимся к Род-Айленду. Через

четыре дня его флот был готов к выходу в море, но из-за встречных ветров достиг мыса Джудит только 9 августа. Там он стал на якорь, и узнал, что Д'Эстен бежал батареи, за день до и на якоре между Гулд и Canonicut острова;^[131] в Seakonnet и западные проходы были заняты французские корабли, и флот был готов поддержать американскую армию в атаке на британский работ.

Прибытие Хоу, хотя его подкрепление и не увеличило численность английского флота более чем на две трети по сравнению с численностью французского, расстроило планы Д'Эстена. Поскольку летом преобладали юго-западные бризы, дующие прямо в залив, он был беззащитен перед любыми попытками своего противника. В ту же ночь ветер неожиданно сменился на северный, и д'Эстен немедленно снялся с якоря и вышел в море. Хоу, хотя и был удивлен этим неожиданным поступком, — поскольку он не чувствовал себя достаточно сильным, чтобы атаковать, — тоже поднял паруса, чтобы сохранить флюгер. Следующие двадцать четыре часа прошли в попытках добиться преимущества, но в ночь на 11 августа сильный штормовой ветер рассеял флоты. Судам обоих кораблей был нанесен большой ущерб, и среди прочих французский флагманский корабль "Лангедок", имевший девяносто пушек, потерял все мачты и руль. Сразу же после шторма два разных английских пятидесятипушечных корабля в боевом порядке вошли в море: один с "Лангедоком", другой с "Тоннантом" из восьмидесяти пушек, у которого стояла только одна мачта. В таких условиях оба английских корабля атаковали; но с наступлением ночи они прекратили боевые действия, намереваясь начать их снова утром. Когда наступило утро, подошли и другие французские корабли, и возможность была упущена. Наводит на размышления тот факт, что одним из капитанов был Хотэм, который семнадцать лет спустя, будучи адмиралом средиземноморского флота, так разозлил Нельсона своим холодным удовлетворением от того, что захватил всего два корабля: "Мы должны быть довольны; мы справились очень хорошо". Это стало непосредственным поводом для характерного высказывания Нельсона: "Если бы мы подняли десять парусов и позволили одиннадцатому уйти, имея возможность добраться до него, я бы никогда не назвал это хорошей работой".

Англичане отступили к Нью-Йорку. Французы снова собрались у входа в залив Наррагансетт; но Д'Эстен решил, что не может оставаться из-за повреждений, нанесенных эскадре, и соответственно отплыл в Бостон 21 августа. Таким образом, Род-Айленд был оставлен англичанам, которые удерживали его еще на год, а затем эвакуировались по стратегическим соображениям. Хоу, со своей стороны, старательно отремонтировал свои корабли и снова отплыл на Род-Айленд, когда услышал, что там находятся французы; но, встретив по пути судно с известием, что они направляются в Бостон, он последовал за ними в эту гавань, где они были слишком хорошо укреплены, чтобы подвергнуться нападению. Принимая во внимание его вынужденное возвращение в Нью-Йорк, необходимый ремонт и тот факт, что он всего на четыре дня отстал от французов в Бостоне, можно полагать, что Хоу до конца проявил активность, которая характеризовала начало его операций.

Едва ли два флота обменялись хоть одним выстрелом, но более слабый полностью превзошел более сильного. За исключением маневров с флюгером после того, как Д'Эстен покинул Ньюпорт, которые не сохранились, и диспозиции Хоу для отражения ожидаемой атаки в заливе Нью-Йорк, уроки носят не тактический, а стратегический характер и имеют практическое применение в настоящее время. Главным среди них, несомненно, является быстрота и бдительность в сочетании со знанием своей профессии. Хоу узнал об опасности из дома через три недели после того, как Д'Эстен отплыл из Тулона. Он должен был собрать свои крейсера в

Чесапике и за его пределами, забрать свои линейные корабли из Нью-Йорка и Род-Айленда, погрузить припасы для армии в десять тысяч человек, спуститься вниз по реке Делавэр, что неизбежно заняло десять дней, и снова повернуть в Нью-Йорк. Д'Эстен отстал от него на десять дней в "Делавэре", на двенадцать дней в Сэнди-Хуке и всего на один день опередил его при заходе в Ньюпорт, в гавани которого он пролежал десять дней, прежде чем отплыть. Английский рассказчик с флота, говоря о неустанном труде между 30 июня, когда английская армия достигла Навесинка, и прибытием французского флота 11 июля, говорит: "Лорд Хоу присутствовал лично, как обычно, и своим присутствием воодушевил рвение и ускорил трудолюбие офицеров и рядовых". В этом качестве он представлял разительный контраст со своим дружелюбным, но ленивым братом, генералом Хоу.

То же усердие и бдительность были характерны и для остальных его операций. Как только французские корабли двинулись на юг, за ними последовали дозорные суда, и подготовка (особенно брандеров) к преследованию продолжилась. Последний корабль, пришедший из Англии, пересек бар в Нью-Йорке 30 июля. 1 августа флот был готов к выходу в море с четырьмя брандерами. Неожиданный ветер задержал его дальнейшие действия; но, как мы видели, он появился только через день после вступления противника в Ньюпорт, которому его меньшие силы не могли помешать. Но цель врага, которой он не мог противостоять, была расстроена его присутствием. Не успел Д'Эстен прибыть в Ньюпорт, как пожелал уйти. Стратегически позиция Хоу была превосходной. Учитывая его выгодное положение по отношению к преобладающим ветрам, сложность проведения флота через узкий вход в гавань подвергла бы французские корабли, пытающиеся его атаковать, тщательной атаке; в то время как, если бы ветер, к несчастью, был попутным, адмирал полагался на свое собственное мастерство, чтобы спасти свою эскадру.

Купер в одном из своих романов "Два адмирала" заставляет своего героя сказать придиричивому другу, что, если бы ему не сопутствовала удача, он не смог бы ею воспользоваться. Вылазка французов, последовавший шторм и вызванный им ущерб были тем, что обычно называют везением; но если бы не присутствие Хоу у мыса Джудит, угрожавшего им, они бы пережили шторм на своих якорях внутри острова. Энергия Хоу и его уверенность в себе как в моряке привели его к удаче, и было бы несправедливо отрицать его активное участие в ее достижении. Если бы не он, шторм не спас бы британские силы в Ньюпорте.^[132]

Д'Эстен, отремонтировав свои корабли, отплыл со всеми своими силами на Мартинику 4 ноября; в тот же день коммодор Хотэм отплыл из Нью-Йорка на Барбадос с пятью шестидесятичетырехпушечными кораблями и пятидесятипушечным конвоем из пяти тысяч солдат, предназначавшимся для завоевания штата Флорида. Остров Люсия. По пути сильный штормовой ветер нанес французскому флоту больший урон, чем английскому, французский флагманский корабль потерял грот-и бизань-мачты. Потеря этих рангоутов и тот факт, что двенадцать необремененных военных кораблей достигли Мартиники всего за день до того, как конвой из пятидесяти девяти английских транспортов достиг Барбадоса, расположенного в ста милях дальше, плохо говорят о профессиональном мастерстве, которое тогда и сейчас является определяющей чертой морской войны.

Адмирал Баррингтон, командовавший на Барбадосе, проявил ту же энергию, что и Хоу. Транспорты прибыли 10-го; войска оставались на борту; утром 12-го отплыли в штат Сент-Лусия. Люсия и бросили там якорь в три часа дня 13-го. В тот же день половина войск была высажена, а

остальная часть - на следующее утро. Они сразу же захватили лучший порт, в который адмирал собирался двинуть транспорты, когда появление Д'Эстена помешало ему. Всю ту ночь транспорты перегружались внутри военных кораблей, и последние встали на якорь поперек входа в бухту, особое внимание уделялось укреплению двух оконечностей линии и предотвращению прохода противника в пределах узер энда, как это сделали английские корабли в последующие годы в битве на Ниле. Французский флот более чем вдвое превосходил английский, и если бы последний был уничтожен, транспорты и войска оказались бы в ловушке.

Д'Эстен дважды прошел вдоль английского строя с севера на юг, ведя артиллерийский огонь с дальних дистанций, но не бросил якорь. Отказавшись затем от своих намерений против флота, он двинулся в другую бухту, высадил несколько французских солдат и атаковал позиции английских войск. Потерпев неудачу и здесь, он удалился на Мартинику, а французский гарнизон, загнанный в глубь острова, сдался.

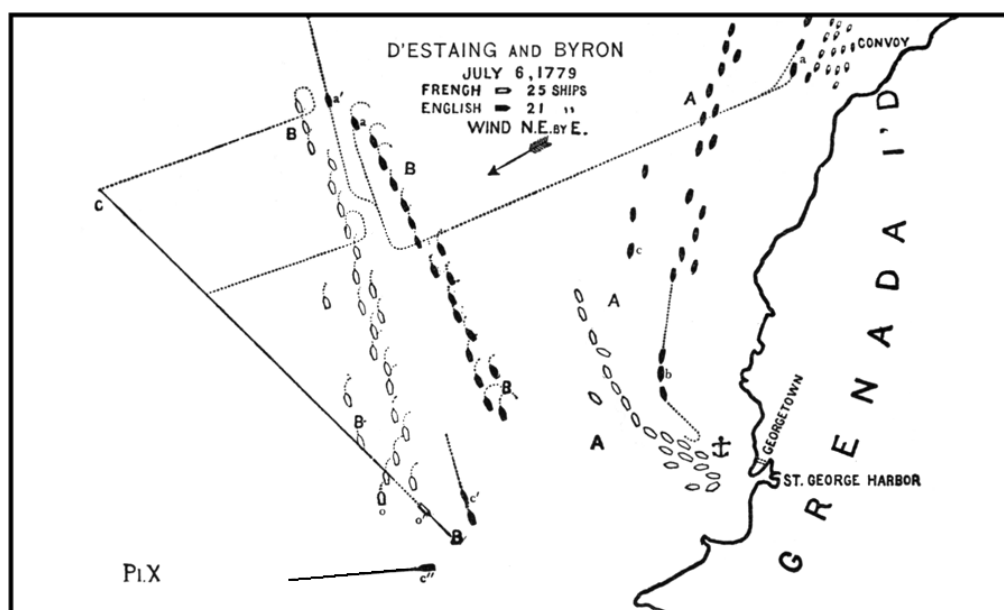
Вряд ли есть необходимость указывать на замечательное усердие адмирала Баррингтона, которому и мастерству своей диспозиции он был обязан этим ценным стратегическим успехом; ибо так оно и было. Sta. Люсия была островом, расположенным к югу от Мартиники, и гавань Гро-Илот на его северной оконечности была специально приспособлена для наблюдения за французским складом в Форт-Ройале, их главной станции в Вест-Индии. Оттуда Родни преследовал их перед своим великим выступлением в 1782 году.

Отсутствие точной информации заставляет сомневаться в том, стоит ли осуждать Д'Эстена за этот унижительный провал. Его ответственность зависит от ветра, который может быть слабым под сушей, и от его способности встать на якорь. Факт, однако, остается фактом: он дважды проходил вдоль линии обороны противника на расстоянии пушечного выстрела, но не предпринял решительных действий. Его курс подвергся неблагоприятной критике со стороны великого Сюффрена, в то время одного из его капитанов.^[133]

Таким образом, англичане вернули себе контроль над Доминикой, который был захвачен 8 сентября французским губернатором Вест-Индских островов. Поскольку там не было английской эскадры, никаких трудностей не возникло. Было указано на ценность Доминики для французов; и здесь необходимо использовать пример как Доминики, так и штата Калифорния. Лючия, чтобы усилить то, что было сказано ранее, а именно, что обладание этими меньшими островами зависело исключительно от военно-морского перевеса. От понимания этого принципа любым человеком будет зависеть его критика следующего действия Д'Эстена, о котором следует немедленно рассказать.

За делом Sta последовали шесть месяцев почти полного затишья. Lucia. Англичане были усилены флотом Байрона, который принял главное командование; но французы, к которым присоединились еще десять линейных кораблей, по-прежнему превосходили их численностью. Примерно в середине июня Байрон отплыл со своим флотом, чтобы охранять большой конвой торговых судов, направлявшихся в Англию, пока они не покинут острова. Затем д'Эстен послал очень небольшую экспедицию, которая 16 июня 1779 года без труда захватила Сент-Винсент; а 30 июня он отплыл со всем своим флотом, чтобы атаковать Гренаду. Бросив якорь у Джорджтауна 2 июля, он высадил своих солдат, и 4 июля гарнизон из семисот человек сдал остров. Тем временем Байрон, услышав о потере Сент-Винсента и возможном нападении на Гренаду, отплыл с большим конвоем судов, перевозивших войска, и с двадцатью одним линейным кораблем, чтобы вернуть один и сменить другой. Получив по пути точную

информацию о том, что французы находятся перед Гренадой, он продолжил путь, обогнув северо-западную оконечность острова на рассвете 6 июля. О его приближении было сообщено накануне Д'Эстену, который оставался на якоре,^[134] опасаясь, что при течении и слабом ветре он может уйти слишком далеко с подветренной стороны, если оторвется от дна. Когда показались англичане, французы тронулись в путь; но беспорядочное скопление их кораблей помешало Байрону сразу осознать разницу в численности: у них было двадцать пять линейных кораблей. Он подал сигнал к общей погоне, и поскольку беспорядок во французском флоте вынудил его выстроиться у самых подветренных кораблей, англичане легко сохранили преимущество ветра, с которым они приблизились. Таким образом, когда началось сражение, французы находились на западе частично сформированной линией, на правом галсе, направляясь на север, арьергард в беспорядке и с наветренной стороны от авангарда и центра (Фото X., А.). Англичане стояли при попутном ветре, держа курс с юго-запада на левый галс (А), между островом и противником, их передовые корабли приближались под небольшим углом, но направлялись более прямо к его еще не сформированному тылу; в то время как английский конвой находился между своим собственным флотом и островом под особым наблюдением трех кораблей (А, а), которые теперь были вызваны. Поскольку сигнал до сих пор командовал общей погоней, три самых быстрых английских корабля, среди которых был флаг второго по старшинству адмирала Баррингтона, попали под огонь французского центра и арьергарда, по-видимому, без поддержки (b), и сильно пострадали от последующей концентрации огня на них. Добравшись до самых кормовых кораблей, они легли на один галс с ними и встали к северу, позади и с наветренной стороны от них; и примерно в то же время Байрон, который до этого не знал о капитуляции, увидел французский флаг, развевающийся над фортами. Последовали сигналы к включению последовательно, и передовым кораблям выстроиться в линию для взаимной поддержки, прекратив общую погоню, в условиях которой до сих пор велось сражение. В то время как основные силы все еще стояли на юг левым галсом, три корабля — "Корнуолл", "Графтон" и "Лайон" (с), — буквально повинувшись сигналу к ближнему бою, отошли значительно с подветренной стороны от остальных, приняв на себя большую часть огня линии противника. Таким образом, они очень сильно пострадали в людях и рангоуте; и хотя в конце концов их сменили передовые корабли, когда те подошли с юга противоположным галсом, они не смогли, после износа (В, с', с'), угнаться за флотом и поэтому отошли за корму к французам. Основной урон, нанесенный англичанами, пришелся на эти три корабля, на три передовых корабля под командованием Баррингтона и на два других в арьергарде (А, а), которые, видя, что авангарду нанесен такой сильный удар, не последовали за последовательным движением, а вырвались прямо из строя и заняли свои места во главе колонны (В, а, а'), — действие, сильно напоминающее то, которое принесло Нельсону такую высокую известность у мыса Сент-Винсент, но влекущее за собой меньшую ответственность.^[135]

Pl. X. [список](#)

До сих пор Байрон вел свою атаку, используя инициативу, которую ему позволяли преимущество ветра и беспорядок во французском тылу. Следует отметить, что, хотя было желательно, не теряя времени, атаковать последний, находясь в замешательстве, сомнительно, следовало ли позволять трем кораблям Баррингтона отделяться так далеко, как они, по-видимому, отделились от остального флота. Общее преследование допустимо и уместно, когда из-за численного превосходства, первоначального или приобретенного, или из-за общей ситуации корабли, первыми вступившие в бой, не будут сильно превосходить численностью или подвергнуты чрезмерной концентрации до подхода поддержки, или когда есть вероятность, что противник сможет сбежать, если не будет нанесен быстрый удар. Здесь все было не так. Также не следовало разрешать "Корнуоллу", "Графону" и "Лайону" следовать курсом, который позволял, почти вынуждал противника концентрировать, а не рассеивать свой огонь. Детали дела недостаточно точны, чтобы требовать дополнительных комментариев, кроме перечисления этих ошибок, не обязательно приписывая их вине адмирала.

Французы до этого времени оставались строго в обороне, в соответствии со своей обычной политикой. Теперь представилась возможность для наступательных действий, которые проверили профессиональные качества Д'Эстена и для оценки которых необходимо было разобраться в ситуации на данный момент. К этому времени оба флота легли на правый галс, направляясь на север (B, B, B), французский - с подветренной стороны. Последние получили незначительные повреждения в двигательной силе, хотя их линия была не в полном порядке; но у англичан из-за неудачной атаки серьезно пострадали семь кораблей, четыре из которых — "Монмут" (a'), "Графтон", "Корнуолл" (c') и "Лайон" (c') — были выведены из строя. Последние три к трем часам дня находились в лиге за кормой изначальнее с подветренной стороны от своей линии, фактически находясь ближе к французам, чем к англичанам; в то время как скорость английского флота была неизбежно снижена до скорости поврежденных кораблей, оставшихся в линии. Эти условия наглядно демонстрируют трудности флота, повреждения которого сосредоточены на нескольких кораблях, вместо того чтобы быть распределенными между

всеми; десять или двенадцать кораблей, которые практически не пострадали, должны были соответствовать возможностям остальных. Д'Эстен, располагавший двадцатью пятью кораблями, теперь имел "Байрон" с наветренной стороны от себя с семнадцатью или восемнадцатью кораблями, способными держаться вместе, но более медлительными и менее умелыми, чем их противники, и видел, что он тактически смущен заботой о конвое с наветренной стороны и трех выведенных из строя кораблях с подветренной. При таких обстоятельствах французскому адмиралу были открыты три пути: (1) он мог выдвинуться вперед и, последовательно лавируя, встать между "Байроном" и конвоем, бросив свои фрегаты среди последних; (2) он мог объединить свой флот и встать рядом с английской линией, чтобы начать общее сражение; или (3) он мог, обойдя кругом, отрезать три выведенных из строя корабля, что могло бы вызвать общее сражение с меньшей опасностью.

Ничего из этого он не сделал. Что касается первого, он, зная о критике флота, написал домой, что его линия была слишком беспорядочной, чтобы допустить это. Какими бы ни были технические неполадки, трудно поверить, что при относительной подвижности двух флотов попытка была безнадежной. Третий вариант, вероятно, представлял наибольшее преимущество, поскольку обеспечивал разделение между основными силами противника и поврежденными кораблями и, весьма вероятно, мог вынудить британского адмирала к атаке в самых опасных условиях. Английские власти утверждают, что Байрон сказал, что он снова бросился бы в атаку, если бы на них было совершено какое-либо нападение. В три часа пополудни Д'Эстен соединил все корабли, выстроившись в линию с подветренной стороны корабля,^[136] и снова повернул на юг. Англичане повторили это движение, за исключением авангардного корабля "Монмут" (а'), который, будучи слишком сильно поврежден, чтобы маневрировать, продолжал двигаться на север, и трех отделившихся кораблей. Два из них (с') продолжили движение на север и еще раз прошли под бортовыми залпами французов; но "Лайон" (с'), не имея возможности держаться по ветру, держался прямо перед ним, поперек носа противника, в направлении Ямайки, в тысяче миль от него. Ее не преследовали; единственный транспорт был единственным морским трофеем французов. "Если бы морское искусство адмирала равнялось его храбрости, - писал знаменитый Сюффрен, командовавший французским авангардным кораблем, - мы бы не допустили бегства четырех судов без мачт". "Д'Эстен в возрасте тридцати лет был переведен из армии во флот с преждевременным присвоением звания контр-адмирала. Военно-морской флот не приписывал ему мореходных способностей, когда началась война, и можно с уверенностью сказать, что его мнение было оправдано его поведением во время нее."^[137] Храбрый, как его шпага, Д'Эстен всегда был кумиром солдата, идолом моряка; но моральный авторитет над своими офицерами несколько раз подводил его, несмотря на заметную защиту, оказываемую ему королем. ^[138]

Французские историки обычно объясняют бессильные действия Д'Эстена в этом случае не только его неспособностью как моряка, но и другой причиной. Говорят, он рассматривал Гренаду как реальную цель своих усилий и считал английский флот весьма второстепенной заботой. Раматуэль, военно-морской тактик, активно служивший в этой войне и писавший при Империи, приводит этот случай, который он связывает с делом Йорктауна и другими, как пример истинной политики ведения морской войны. Его слова, которые, вероятно, отражают текущее мнение о его службе в тот день, как они, безусловно, отражают политику французских правительств, требуют более чем мимолетного упоминания, поскольку они затрагивают принципы, достойные самого серьезного обсуждения: —

"Французский военно-морской флот всегда предпочитал славу обеспечения или сохранения завоевания славе, возможно, более блестящей, но на самом деле менее реальной, захвата нескольких кораблей; и в этом он приблизился к истинной цели, которую можно предложить на войне. Какое, на самом деле, значение имела бы потеря нескольких кораблей для англичан? Главное - атаковать их в их владениях, непосредственном источнике их коммерческого богатства и их морской мощи. Война 1778 года дает примеры, доказывающие преданность французских адмиралов истинным интересам страны. Сохранение острова Гренада, взятие Йорктауна, где капитулировала английская армия, завоевание острова Сент-Кристофер были результатом великих сражений, в которых врагу было позволено беспрепятственно отступить, вместо того чтобы рисковать, давая ему шанс прийти на помощь атакованным пунктам".

Этот вопрос не мог быть поставлен более прямолинейно, чем в случае с Гренадой. Никто не будет отрицать, что бывают моменты, когда вероятный военный успех может быть упущен или отложен в пользу более крупного или решающего. Позиция Де Грасса при Чесапике в 1781 году, когда судьба Йорктауна висела на волоске, вполне уместна; и здесь она сочетается с позицией Д'Эстена при Гренаде, как если бы оба стояли на одних и тех же основаниях. И то, и другое оправдано одинаково; не по их соответствующим достоинствам как соответствующим конкретным случаям, а по общему принципу. Обоснован ли этот принцип? Предвзятость цитируемого автора неосознанно проявляется в словах "несколько кораблей". Обычно целый флот не сокрушают одним ударом; несколько кораблей означают обычную морскую победу. В знаменитом сражении при Родни было захвачено всего пять кораблей, хотя Ямайка благодаря этому была спасена.

Чтобы определить обоснованность принципа, который, как утверждается, иллюстрируется этими двумя случаями (Святой Кристофер будет обсуждаться позже), необходимо изучить, в чем заключалось искомое преимущество и что является определяющим фактором успеха в любом случае. В Йорктауне искомым преимуществом был захват армии Корнуоллиса; целью было уничтожение организованной военной силы противника на берегу. На Гренаде избранной целью было овладение участком территории, не представляющим большой военной ценности; ибо следует отметить, что все эти малые Антильские острова, если их вообще удерживали силой, множили крупные отряды, взаимная поддержка которых полностью зависела от военно-морского флота. Эти крупные отряды могли быть разгромлены по отдельности, если бы не поддержка военно-морского флота; и если мы хотим сохранить военно-морское превосходство, военно-морской флот противника должен быть разгромлен. Гренада, недалеко и с подветренной стороны от Барбадоса и штата Калифорния. Люсия, оба острова которой прочно удерживались англичанами, была особенно слабой по сравнению с французами; но разумная военная политика для всех этих островов требовала одной или двух сильно укрепленных военно-морских баз с гарнизонами, а для остальных - зависимости от флота. Помимо этого, требовалась защита от нападений только одиночных крейсеров и каперов.

Таковы были спорные цели. Что было определяющим фактором в этой борьбе? Несомненно, военно-морской флот, организованная военная сила на плаву. Судьба Корнуоллиса полностью зависела от моря. Бесполезно размышлять о результате, если бы 5 сентября 1781 года перевес был в пользу Де Грасса, поменявшись местами; если бы у французов было на пять кораблей

больше, чем у англичан, на пять кораблей меньше. Как бы то ни было, Де Грасс, когда начался этот бой, имел превосходство над англичанами, равное результату с таким трудом выигранного боя. Тогда вопрос заключался в том, должен ли он рисковать почти неминуемой решающей победой над организованными силами противника на берегу ради гораздо более сомнительного преимущества над организованными силами на плаву? Речь шла не о Йорктауне, а о Корнуоллисе и его армии; многое зависит от того, как обстоят дела.

Итак, — и это утверждение не нуждается в модификациях, — ответ может быть только один. Однако следует четко отметить, что об альтернативы Де Грасса ставили перед ним организованные силы в качестве цели.

Не так обстояло дело с Д'Эстеном в Гренаде. Его численное превосходство над англичанами было почти таким же большим, как у де Грасса; его альтернативными целями были организованные силы на плаву и небольшой остров, плодородный, но неважный в военном отношении. Говорят, что Гренада была сильной позицией для обороны; но внутренняя сила не придает значения, если позиция не имеет стратегического значения. Чтобы спасти остров, он отказался использовать огромное преимущество, которое фортуна дала ему над флотом. И все же от борьбы между двумя флотами зависело владение островами. Серьезное удержание островов Вест-Индии требовало, во-первых, мощного морского порта, которым располагали французы; во-вторых, контроля над морем. Для последнего было необходимо не умножать отряды на островах, а уничтожить военно-морской флот противника, который можно точно назвать полевой армией. Острова были всего лишь богатыми городами, и требовалось не более одного-двух укрепленных городов или постов.

Можно с уверенностью сказать, что принцип, который привел к действию Д'Эстена, не был, мягко говоря, безоговорочно правильным, поскольку он привел его к ошибке. В случае с Йорктауном принцип, изложенный Раматюэлем, не является *оправдывающей* поведением Де Грасса причиной, хотя, вполне вероятно, это была *реальная* причина. Что оправдывало Де Грасса, так это то, что, поскольку это событие зависело от непоколебимого контроля над морем, пусть и на короткое время, он уже имел его благодаря своему превосходству. Если бы численность была равной, верность воинскому долгу того времени, должно быть, заставила бы его вступить в бой, чтобы остановить попытку, которую английский адмирал, несомненно, предпринял бы. Уничтожение нескольких кораблей, как пренебрежительно выразился Раматюэль, дает как раз то превосходство, которому был обязан счастливый результат в Йорктауне. В целом, это, несомненно, лучшая цель, чем та, которую преследуют французы. Конечно, будут найдены исключения; но эти исключения, вероятно, будут там, где, как в Йорктауне, военная сила подвергается прямому удару в другом месте, или, как в Порт-Маоне, на карту поставлена желательная и мощная база этих сил; хотя даже в Маоне сомнительно, не была ли осторожность неуместной. Если бы Хоук или Боскавен столкнулись с катастрофой Бинга, они не отправились бы в Гибралтар для ее устранения, если бы французский адмирал не нанес свой первый удар другим, увеличив их инвалидность.

Гренада, без сомнения, была очень дорога Д'Эстеноу, потому что это был его единственный успех. После неудач в Делавэре, Нью-Йорке и Род-Айленде, а также унижительного инцидента в Sta. Лючия, трудно понять доверие к нему, которое выражают некоторые французские писатели. Одаренный блестящей и заразной личной отвагой, он особенно отличился в

звании адмирала, лично руководя атаками укреплений штаба. Люсия и Гренада, а несколько месяцев спустя - неудачное нападение на Саванну.

Во время отсутствия французского военно-морского флота зимой 1778-79 годов англичане, контролировавшие теперь море с помощью нескольких своих кораблей, которые не отправились в Вест-Индию, решили перенести арену континентальной войны в Южные штаты, где, как считалось, находилось большое количество лоялистов. Экспедиция была направлена на Джорджию и была настолько успешной, что Саванна попала в их руки в последние дни 1778 года. Весь штат быстро подчинился. Оттуда операции были расширены до Южной Каролины, но не привели к захвату Чарльстона.

Известие об этих событиях было отправлено Д'Эстену в Вест-Индию, сопровождаемое настоятельными заявлениями об опасности, нависшей над Каролинскими островами, и ропотом населения против французов, которых обвиняли в том, что они бросили своих союзников, не оказав им никакой услуги, но, напротив, воспользовались сердечной помощью бостонцев в переоборудовании своего поврежденного флота. В предполагаемой неспособности помочь была доля правды, которая побудила Д'Эстена пренебречь фактически полученными им приказами немедленно возвращаться в Европу на определенных кораблях. Вместо того чтобы подчиниться им, он отплыл к американскому побережью с двадцатью двумя линейными кораблями, имея в виду две цели: помощь Южным Штатам и нападение на Нью-Йорк совместно с армией Вашингтона.

Прибыв к берегам Джорджии 1 сентября, Д'Эстен застал англичан совершенно врасплох; но фатальная несвоевременность, которая ранее отличала командование этим очень отважным человеком, снова изменила его удаче. Задержавшись поначалу в Саванне, быстротечность драгоценных дней снова привела к изменению условий, а приближение сезона плохой погоды подтолкнуло его, поначалу слишком медлительного, к преждевременному нападению. В нем он проявил свою обычную доблесть, сражаясь во главе своей колонны, как и американский генерал; но результатом стал кровавый отпор. Осада была снята, и Д'Эстен немедленно отплыл во Францию, не только отказавшись от своего проекта захвата Нью-Йорка, но и предоставив Южные штаты врагу. Ценность этой помощи от великой морской державы Франции, столь жестоко оказанной американцам только для того, чтобы быть отозванной, была продемонстрирована действиями англичан, которые в предельной спешке покинули Ньюпорт, когда узнали о присутствии французского флота. Решение об отступлении было принято ранее, но приход Д'Эстена превратил его в бегство.

После отъезда Д'Эстена, в котором участвовал и весь французский флот, — ибо корабли, которые не вернулись во Францию, вернулись в Вест-Индию, — англичане возобновили нападение на Южные Штаты, которое было на мгновение приостановлено. Флот и армия отправились из Нью-Йорка в Джорджию в последние недели 1779 года и, собравшись в Тайби, двинулись на Чарльстон через Эдисто. Бессилие американцев на море не препятствовало этому движению, за исключением одиночных крейсеров, которые подобрали несколько отставших, что дало еще один урок незначительных результатов чисто крейсерской войны. Осада Чарльстона началась в конце марта — вскоре после этого английские корабли прошли бар и форт Моултри без серьезных повреждений и встали на якорь в пределах пушечного выстрела от этого места. Форт Моултри был быстро и легко взят с суши, а сам город был сдан 12 мая после

сорокадневной осады. Затем все государство было быстро захвачено и взято в военное подчинение.

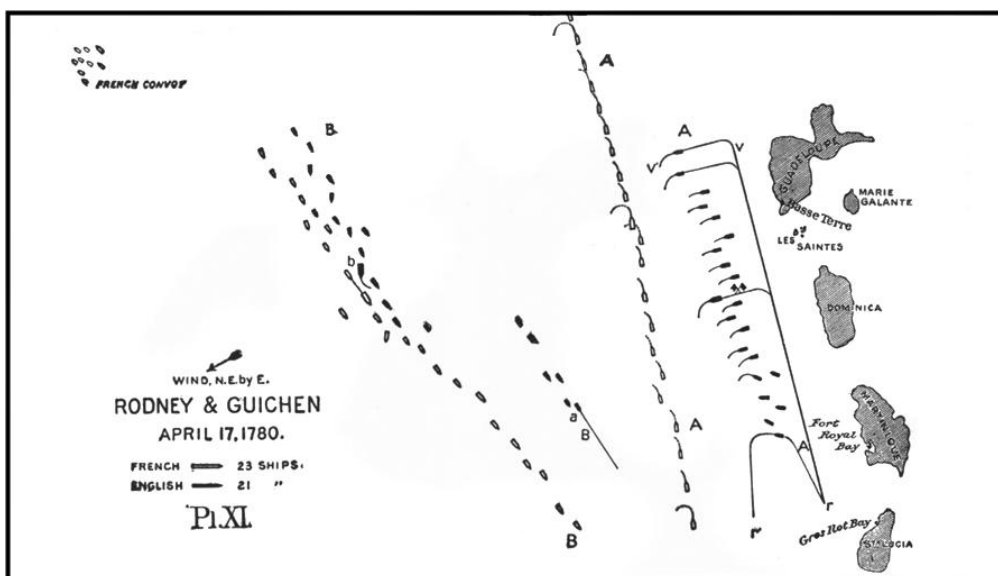
К остаткам покойного флота Д'Эстена присоединилось подкрепление из Франции под командованием графа де Гишена, который принял на себя главное командование в Вест-Индских морях 22 марта 1780 года. На следующий день он отплыл в штат Калифорния. Лючия, которую он надеялся застать неподготовленной; но суровый, упорный в боях старый адмирал традиционного английского типа, сэр Хайд Паркер, так прочно обосновался на якорной стоянке с шестнадцатью кораблями, что Гишен со своими двадцатью двумя не стал атаковать. Такая возможность, если она и была, больше не представилась. Де Гишен, вернувшись на Мартинику, бросил там якорь 27-го; и в тот же день Паркер в штаб-квартире. К Люсии присоединился новый английский главнокомандующий Родни.

Этому с тех пор прославленному, но тогда еще только отличавшемуся адмиралу было шестьдесят два года на момент вступления в командование, где ему предстояло снискать бессмертную славу. Обладая выдающимся мужеством и профессиональными навыками, но с экстравагантными, если не сказать нерегулярными привычками, денежные затруднения задержали его в изгнании во Франции на момент начала войны. Хвастовство своей способностью справиться с французским флотом, если обстоятельства позволят ему вернуться в Англию, побудило французского дворянина, услышавшего это, взять на себя свои долги, движимого чувствами, в которых рыцарство и национальная обида, вероятно, имели равную долю. По возвращении он получил командование и в январе 1780 года отплыл с флотом из двадцати линейных кораблей, чтобы освободить Гибралтар, который в то время был плотно обложен. У Кадиса, благодаря удаче, о которой ходили слухи, он столкнулся с испанским флотом из одиннадцати линейных кораблей, которые неуклюже удерживали свои позиции, пока не стало слишком поздно для бегства.^[139] Подав сигнал к общей погоне и зайдя с подветренной стороны от противника, между ними и их портом, Родни, несмотря на темную и штормовую ночь, удалось взорвать один корабль и захватить шесть. Поспешив дальше, он освободил Гибралтар, избавив его от всякой опасности из-за нужды; а затем, оставив призы и основную часть своего флота, отплыл с остальными на свою стоянку.

Несмотря на его блестящую личную храбрость и профессиональное мастерство, которые в вопросах тактики намного опережали его современников в Англии, Родни как главнокомандующий принадлежит скорее к осторожной школе французских тактиков, чем к стремительному, безграничному воеванию Нельсона. Как в Турвиле мы видели отчаянные бои семнадцатого века, не желавшие покидать своего врага, сливающиеся с формальной, искусной — мы можем почти сказать, пустяковой — парадной тактикой восемнадцатого, так и в Родни мы увидим переход от тех церемониальных дуэлей к действиям, которые, хотя и искусны по замыслу, нацелены на серьезные результаты. Ибо было бы несправедливо по отношению к Родни настаивать на сравнении с французскими адмиралами его времени. С мастерством, которое Де Гишен распознал, как только они скрестили мечи, Родни имел в виду озорство, а не праздные розыгрыши. Какими бы случайными благосклонностями ни одаривала его фортуна, целью, с которой его взгляд никогда не отрывался, был французский флот — организованная военная сила противника на море. И в тот день, когда Фортуна отвернулась от противника, пренебрегшего ее предложениями, когда завоеватель Корнуоллиса не нанес удара, поставив Родни в невыгодное положение, последний одержал победу, которая вывела Англию из пучины

тревог и вернула ей одним ударом все те острова, которые на мгновение были завоеваны осторожной тактикой союзников, за исключением только Тобаго.

Де Гишен и Родни впервые встретились 17 апреля 1780 года, через три недели после прибытия последнего. Французский флот шел с наветренной стороны в проливе между Мартиникой и Доминикой, когда враг появился на юго-востоке. День ушел на маневрирование в поисках метеометра, который раздобыл Родни. Поскольку оба флота находились теперь с подветренной стороны от островов^[140] (Фото XI.), оба шли правым галсом на север, а французы с подветренной стороны от англичан, Родни, на котором были подняты паруса, просигналил своему флоту, что он намерен атаковать тыл и центр противника всеми своими силами; и когда он достиг позиции, он начал атаку. посчитав это подходящим, приказал им держаться на расстоянии восьми точек (90 °) друг от друга (А, А, А). Де Гишен, видя опасность с тыла, собрал весь свой флот и выступил ему на помощь. Родни, обнаружив, что ему помешали, снова пошел тем же галсом, что и противник, теперь оба флота направлялись на юг и восток.^[141] Позже он снова подал сигнал к бою, за которым последовал час спустя, как раз в полдень, приказ (цитирующий его собственное донесение) "каждому кораблю развернуться и направиться в противоположную сторону от линии противника". Это, что звучит как старая история о переходе с корабля на корабль, объясняет Родни, означало ее противоположность в данный момент, а не ее противоположность в числовом порядке. Его собственные слова таковы: "В наклонном положении, чтобы мои передовые корабли могли атаковать авангардные корабли центральной дивизии противника, и всему британскому флоту противостояли бы только две трети сил противника" (Б, В). Трудности и непонимание, которые последовали за этим, по-видимому, возникли главным образом из-за несовершенного характера сигнальной книги. Вместо того, чтобы поступить так, как пожелал адмирал, ведущие корабли (а) подняли паруса таким образом, чтобы достичь своей предполагаемой станции вровень со своей численной противоположностью в порядке. Впоследствии Родни заявил, что, когда он атаковал во второй раз, французский флот находился в очень растянутой боевой линии; и что, если бы его приказам подчинились, центр и арьергард были бы выведены из строя до того, как авангард смог бы присоединиться.

Кажется, есть все основания полагать, что намерения Родни на протяжении всего матча состояли в том, чтобы удвоить преимущество французов, как утверждалось. Неудача произошла из-за сигнальной книги и тактической неэффективности флота, за которые он, недавно присоединившись, ответственности не нес. Но уродство его заграждения было настолько очевидным для Де Гишена, что он воскликнул, когда английский флот отошел в первый раз, что шесть или семь его кораблей ушли; и послал сообщение Родни, что, если бы его сигналам повиновались, он взял бы его в плен.^[142] Более убедительным доказательством того, что он осознавал опасность своего врага, является тот факт, что он позаботился о том, чтобы не иметь преимущества в их последующих столкновениях. Тщательные планы Родни были нарушены, и он показал, что вместе с ними унес с собой все упорное мужество самого настоящего бойца; он подвел свой корабль вплотную к противнику и остановился только тогда, когда тот отчалил, у него исчезли фок-мачта и грот-рей, а корпус был настолько поврежден, что его с трудом удерживали на плаву.

Инцидент этого сражения, упомянутый французскими авторами и Боттой,^[143] который, вероятно, опирался на французские власти, но не найден в английских отчетах, показывает критический характер атаки в понимании французов. По их словам, Родни, отметив брешь в их строю из-за того, что корабль в тылу французского адмирала вышел из строя, попытался прорваться через пункт (b); но капитан семидесятичетырехпушечного "Дестина" поднял больше парусов и бросился наперерез английскому девяностопушечному кораблю.

"Действие "Судьбы" получило справедливую оценку", - говорит Лаперуз-Бонфис. Флот подвергался опасности почти неминуемого поражения, если бы не храбрость господина де Гоимпи. Таково было мнение всей французской эскадры после этого дела. И все же, если допустить, что наша линия была прорвана, какие бедствия тогда обязательно угрожали бы флоту? Разве нашему тылу не всегда было бы легко исправить аварию, быстро встав на место отрезанных судов? Это движение обязательно привело бы к *столкновению*, которое обернулось бы к преимуществу флота, имеющего самых храбрых и преданных капитанов. Но тогда, как и при империи, общепризнанным принципом было то, что корабли, отрезанные, были захвачены, и вера сама по себе осуществлялась".

Эффект прорыва вражеской линии или боевого порядка зависит от нескольких условий. Основная идея состоит в том, чтобы разделить противодействующую силу, проникнув через найденный или созданный в ней промежуток, а затем сконцентрироваться на той из фракций, которой наименее легко может помочь другая. В колонне кораблей это обычно будет тыл. Компактность атакованного отряда, количество отрезанных кораблей, продолжительность времени, в течение которого они могут быть изолированы и иметь численное превосходство, - все это повлияет на результаты. Очень важным фактором в этом вопросе будет моральный эффект, неразбериха, вносимая в линию, нарушенную таким образом. Корабли, идущие к разрыву, останавливаются, задние удваиваются, в то время как корабли впереди продолжают свой курс. Такой момент критичен и требует немедленных действий; но редко встречаются люди, которые в непредвиденной чрезвычайной ситуации могут предвидеть и сразу же избрать правильный курс, особенно если, будучи подчиненными, они берут на себя ответственность. В такой неразберихе англичане, без всякой самонадеянности, надеялись извлечь выгоду из своего лучшего мореходства, ибо тогда говорят не только "храбрость и преданность", но и

мастерство. Все эти эффекты "прорыва линии" получили иллюстрацию в книге Родни "Великая битва" в 1782 году.

Де Гишен и Родни встречались еще дважды в следующем месяце, но ни в одном случае французский адмирал не занял любимую позицию своей нации. Тем временем испанский флот из двенадцати линейных кораблей был на пути к соединению с французами. Родни крейсировал с наветренной стороны от Мартиники, чтобы перехватить их; но испанский адмирал держал курс на север, увидел Гваделупу и оттуда отправил депешу Де Гишену, который присоединился к своим союзникам и сопровождал их в порт. Огромное численное превосходство коалиции вызвало опасения на английских островах; но отсутствие гармонии привело к задержкам и колебаниям, на испанской эскадре свирепствовала ужасная эпидемия, и намеченные операции ни к чему не привели. В августе Де Гишен отплыл во Францию с пятнадцатью кораблями. Родни, не зная о своем предназначении и беспокоясь как о Северной Америке, так и о Ямайке, разделил свой флот, оставив половину на островах, а с остальными отплыл в Нью-Йорк, куда прибыл 12 сентября. Риск, которому, таким образом, подвергались, был очень велик и едва ли оправдан; но распыление сил не повлекло за собой никаких негативных последствий.^[144] Если бы Де Гишен намеревался повернуть на Ямайку или, как ожидал Вашингтон, на Нью-Йорк, ни одна часть флота Родни не смогла бы ему противостоять. Два шанса на катастрофу вместо одного были упущены из-за того, что мы действовали небольшими силами на двух полях вместо того, чтобы действовать в полную силу на одном.

Беспокойство Родни по поводу Северной Америки было вполне обоснованным. 12 июля этого года прибыла долгожданная французская помощь — пять тысяч французских солдат под командованием Рошамбо и семь линейных кораблей под командованием Де Терне. Поэтому англичане, хотя и сохраняли превосходство на море, были вынуждены сосредоточиться в Нью-Йорке и не смогли усилить свои операции в Каролине. Трудность и удаленность передвижения по суше давали такое преимущество морской мощи, что Лафайет убеждал французское правительство еще больше увеличить флот; но оно по-прежнему естественно и должным образом заботилось о своих собственных непосредственных интересах на Антильских островах. Еще не пришло время освобождать Америку.

Родни, благодаря своему отсутствию избежавший великого урагана в октябре 1780 года, вернулся в Вест-Индию позже в том же году и вскоре после этого услышал о войне между Англией и Голландией, которая, исходя из причин, которые будут упомянуты позже, была объявлена 20 декабря 1780 года. Адмирал немедленно захватил голландские острова Сент-Эстатиус и Сен-Мартин, а также многочисленные торговые суда с имуществом на общую сумму в пятнадцать миллионов долларов. Эти острова, оставаясь нейтральными, играли роль, аналогичную роли Нассау во время гражданской войны в АМЕРИКЕ, и превратились в крупный склад контрабандных товаров, огромное количество которых теперь попало в руки англичан.

1780 год был мрачным для Соединенных Штатов. Битва при Камдене, казалось, сбросила английское иго с Южной Каролины, и враг возлагал большие надежды на контроль как над Северной Каролиной, так и над Вирджинией. Измена Арнольда Фолловинга усилила депрессию, которая была лишь частично облегчена победой при Кингз-Маунтин. Существенная помощь французских войск была самым радостным моментом в ситуации. Однако даже это выглядело неоднозначно: вторая дивизия предполагаемой помощи была блокирована в Бресте

английским флотом; в то время как окончательная неудача Де Гишена и прибытие Родни вместо него сделали надежды кампании бесплодными.

Однако приближался период яростных и решительных действий. В конце марта 1781 года граф де Грасс отплыл из Бреста с двадцатью шестью линейными кораблями и большим конвоем. У Азорских островов пять кораблей разошлись, направляясь в Ост-Индию, под командованием Сюффрена, о котором подробнее будет рассказано позже. Де Грасс появился в поле зрения Мартиники 28 апреля. Адмирал Худ (Родни остался в Сент-Эстатиусе) блокировал Форт-Ройял, французский порт и арсенал на подветренной стороне острова, в котором находились четыре линейных корабля, когда его дозорные доложили о флоте противника. Перед Худом стояли две задачи: одна — предотвратить соединение четырех заблокированных кораблей с приближающимся флотом, другая - не дать последнему встать между ним и бухтой Грос Илот в штате Калифорния. Lucia. Вместо того чтобы осуществить это в следующие двадцать четыре часа, обойдя Даймонд-Рок с наветренной стороны, его флот оказался так далеко с подветренной стороны, что Де Грасс, пройдя через ла-манш 29-го, направился к Форт-Роялю, держа свой конвой между флотом и островом. Родни сурово обвинил Худа в этой ложной позиции, но, возможно, это было из-за слабого ветра и подветренного течения. Как бы то ни было, четыре корабля в Форт-Рояле снялись с якоря и присоединились к основной группе. У англичан было теперь только восемнадцать кораблей против двадцати четырех французских, и последние находились с наветренной стороны; но хотя таким образом их было четыре к трем и у них были силы для атаки, Де Грасс не стал этого делать. Страх разоблачения своего конвоя не позволил ему воспользоваться шансом на серьезное сражение. Кто-то сказал бы, что он, должно быть, сильно не доверял своим силам. Когда же воевать флоту, если не сейчас? Он продолжал отдаленную канонаду, которая привела к таким далеко идущим результатам против англичан, что сделало его отсталость еще более экстраординарной. Может ли политика или традиция, оправдывающие такую линию поведения, быть хорошей?

На следующий день, 30 апреля, Де Грасс, упустив свой шанс, попытался последовать за Худом; но у последнего больше не было причин сражаться, и его первоначальная неполноценность была увеличена из-за серьезных повреждений некоторых кораблей 29-го. Де Грасс не смог догнать его из—за меньшей скорости своего флота, многие корабли не были покрыты медью, - факт, достойный внимания, поскольку французские суда по модели и размерам в целом были быстрее английских; но это превосходство было принесено в жертву из-за задержки правительства с принятием нового усовершенствования.

Худ присоединился к Родни на Антигуа; а Де Грасс, пробыв короткое время в Форт-Рояле, предпринял попытку вторгнуться в бухту Грос-Илот, владение которой англичанами держало под наблюдением все передвижения его флота. Потерпев здесь неудачу, он двинулся против Тобаго, который капитулировал 2 июня 1781 года. Отплыв оттуда, после нескольких незначительных операций, он бросил якорь 26 июля в Кап-Франсе (ныне мыс Хайтвен) на острове Хайти. Здесь его ожидал французский фрегат из Соединенных Штатов, доставивший депеши из Вашингтона и Рошамбо, по которым ему предстояло предпринять самое важное действие, которое выпадало на долю любого французского адмирала во время войны.

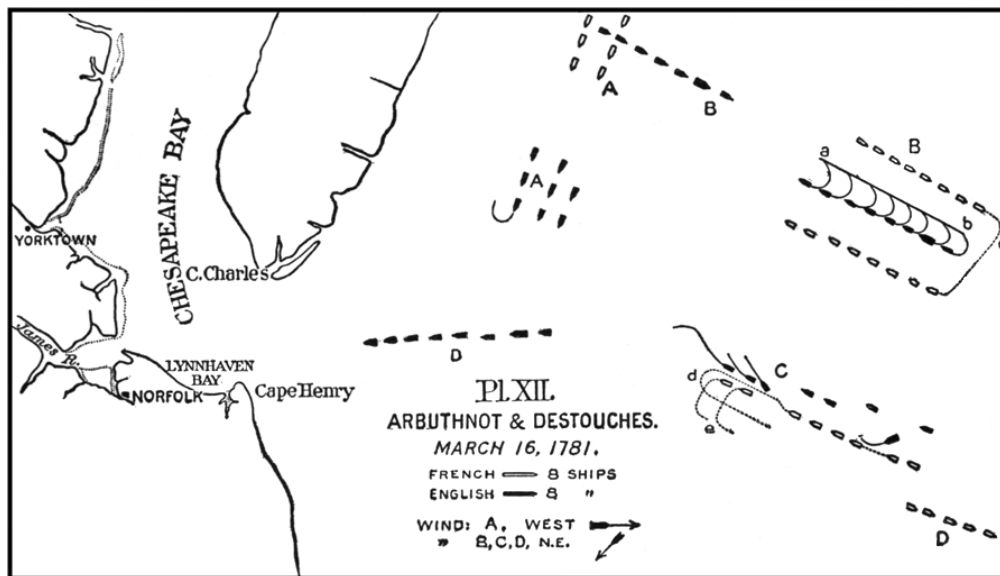
Вторжение англичан в Южные штаты, начавшееся в Джорджии и сопровождавшееся взятием Чарльстона и установлением военного контроля над двумя крайними штатами, было продолжено на север через Камден в Северную Каролину. 16 августа 1780 года генерал Гейтс

потерпел полное поражение при Камдене; и в течение следующих девяти месяцев англичане под командованием Корнуоллиса упорствовали в своих попытках захватить Северную Каролину. Эти операции, повествование о которых не имеет отношения к нашей непосредственной теме, закончились тем, что вынудили Корнуоллиса, несмотря на многочисленные успехи в реальных столкновениях, отступить в изнеможении к побережью и, наконец, к Уилмингтону, где были созданы склады на такой случай. Затем его противник, генерал Грин, повернул американские войска в сторону Южной Каролины. Корнуоллису, слишком слабому, чтобы мечтать о контроле или даже проникновении в глубь недружественной страны, теперь пришлось выбирать между возвращением в Чарльстон, чтобы обеспечить там и в Южной Каролине пошатнувшуюся британскую мощь, и снова двинуться на север, в Виргинию, чтобы там соединиться с небольшим экспедиционным корпусом, действовавшим на реке Джеймс под командованием генералов Филлипса и Арнольда. Отступление означало бы признание того, что утомительный марш и бои последних месяцев были безрезультатными, и генерал с готовностью убедил себя, что Чесапик был настоящим местом боевых действий, даже если пришлось оставить сам Нью-Йорк. Главнокомандующий сэр Генри Клинтон ни в коей мере не разделял этого мнения, на основании чего был оправдан шаг, предпринятый без его разрешения. "Операции в Чесапике, - писал он, - сопряжены с большим риском, если только мы не уверены в постоянном превосходстве на море. Я трепещу при мысли о фатальных последствиях, которые могут за этим последовать". Ибо Корнуоллис, взяв дело в свои руки, выступил из Уилмингтона 25 апреля 1781 года и присоединился к британцам уже в Питерсберге 20 мая. Объединенные таким образом силы насчитывали семь тысяч человек. Оттесненные с открытой местности Южной Каролины в Чарльстон, теперь оставались два центра британской власти — в Нью-Йорке и в Чесапике. Поскольку Нью-Джерси и Пенсильвания находились в руках американцев, сообщение между ними полностью зависело от моря.

Несмотря на свою неблагоприятную критику действий Корнуоллиса, Клинтон сам уже рисковал большим отрядом в Чесапике. Отряд в тысячу шестьсот человек под командованием Бенедикта Арнольда разорил страну Джеймсов и сжег Ричмонд в январе того же года. Внадежде захватить Арнольда Лафайет был отправлен в Виргинию с ядром из тысячи двухсот солдат, и вечером 8 марта французская эскадра в Ньюпорте согласованным движением вышла в море, чтобы контролировать воды залива. Адмирал Арбатнот, командующий английским флотом, стоящим в заливе Гардинер,^[145] узнал об отходе от своих дозорных и начал преследование утром 10-го, тридцать шесть часов спустя. То ли благодаря усердию, то ли удаче, он показал такое хорошее время, что, когда два флота оказались в поле зрения друг друга, немного за пределами Чесапикского мыса, англичане лидировали^[146] (Фото XII., А, А). Они сразу же отправились навстречу своему врагу, который, со своей стороны, выстроился в боевую линию. Ветер в это время был западный, так что ни один из них не мог направиться прямо в бухту.

Оба флота были почти равны по силе, по восемь кораблей с каждой стороны; но у англичан было одно девяностопушечное судно, в то время как у французов был только тяжелый фрегат, который был поставлен в линию. Тем не менее, было в высшей степени очевидно, что общая французская политика определила действия энергичного командира, и неспособность довести дело до конца должна быть вызвана доброй волей commodore Дестуше или какой-то другой причиной, помимо предпочтения скрытых целей операций, о которых так много слышит читатель французской военно-морской истории. Погода была бурной и угрожающей, и ветер, несколько порывистый, сменился на северо-восточный, с большим волнением, но затем стал попутным для входа в залив. К этому времени оба флота находились на левом галсе, выходя в

море, французский впереди, и примерно в точке на носу с наветренной стороны от английского (В, В). С этой позиции они последовательно (с) обогнали последнего, заняв подветренную полосу и таким образом получив возможность использовать свои нижние батареи, что штормовое море запрещало использовать наветренной полосе. Англичане стояли до тех пор, пока не поравнялись с линией противника (а, b), когда они сошлись, и вскоре после этого атаковали обычным способом и с обычными результатами (С). Три корабля вана были очень серьезно повреждены в воздухе, но, в свою очередь, бросив свои силы главным образом на двух лидеров противника, они серьезно повредили их корпуса и такелаж. Затем французский фургон отъехал, и Арбатнот в замешательстве приказал своему фургону снова повернуть по ветру. Теперь мсье Дестуш выполнил очень аккуратное движение, дефилируя. Подав сигнал своему авангарду повернуть на другой галс (е), он повел остальную часть своей эскадры мимо выведенных из строя английских кораблей и, дав по ним несколько бортовых залпов своими сравнительно свежими кораблями, вышел в море (D). Это был конец сражения, в котором англичанам, безусловно, досталось больше всех; но со своим обычным упорством в достижении цели, будучи неспособными преследовать своего врага на плаву, они направились к заливу (D), достигли соединения с Арнольдом и, таким образом, расстроили планы французов и американцев, на которые Вашингтон возлагал столько надежд. После внимательного прочтения отчетов не может быть никаких сомнений в том, что после сражения французы были в большей силе, чем англичане, и они фактически заявили о победе; однако скрытые цели экспедиции не побудили их снова попытаться решить проблему с флотом примерно их размера.[147]

Pl. XII.Список

Поскольку морской путь был, таким образом, открыт и удерживался в силе, еще две тысячи английских солдат, отплывших из Нью-Йорка, достигли Вирджинии 26 марта, а последующее прибытие Корнуоллиса в мае увеличило их число до семи тысяч. Операции противоборствующих сил в весенние и летние месяцы, в течение которых Лафайет командовал американцами, не касаются нашей темы. В начале августа Корнуоллис, действуя по приказу Клинтона, отвел свои войска на полуостров между реками Йорк и Джеймс и занял Йорктаун.

Вашингтон и Рошамбо встретились 21 мая и решили, что ситуация требует, чтобы усилия французского вест-индского флота, когда он появится, были направлены либо против Нью-Йорка, либо против Чесапика. Таков был смысл депеши, найденной Де Грассом на мысе Франсе, а тем временем союзные генералы стягивали свои войска к Нью-Йорку, где они были бы под рукой для достижения одной цели и ближе ко второй, если бы им пришлось это сделать.

В любом случае результат, по мнению как Вашингтона, так и французского правительства, зависел от превосходства морской мощи; но Рошамбо частным образом уведомил адмирала, что его собственное предпочтение отдается Чесапику как месту проведения предполагаемых операций, и, более того, французское правительство отказалось предоставить средства для официальной осады Нью-Йорка.^[148] Таким образом, предприятие приняло форму обширной военной комбинации, зависящей от легкости и быстроты передвижения и от того, чтобы заставить противника не видеть истинной цели, — целей, которым превосходно соответствовали особые качества военно-морского флота. Меньшее расстояние, которое предстояло преодолеть, большая глубина воды и более легкая лоцманская проводка "Чесапика" были дополнительными причинами, которые позволили бы оценить схему с точки зрения моряка; и Де Грасс с готовностью принял ее, не создавая трудностей и не требуя изменений, которые повлекли бы за собой обсуждение и задержку.

Приняв свое решение, французский адмирал действовал с большой рассудительностью, быстротой и энергией. Тот же самый фрегат, который привез депеши из Вашингтона, был отправлен обратно, так что 15 августа генералы союзников знали о предполагаемом прибытии флота. Тридцать пять сотен солдат были пощажены губернатором Кап-Франсе при условии, что испанская эскадра бросит якорь в этом месте, которое раздобыл Де Грасс. Он также получил от губернатора Гаваны деньги, в которых остро нуждались американцы; и, наконец, вместо того, чтобы ослаблять свои силы, отправляя конвои во Францию, как того желал двор, он направил все доступные корабли в Чесапик. Чтобы как можно дольше скрывать свое прибытие, он прошел через Багамский пролив, как менее посещаемый маршрут, и 30 августа бросил якорь в заливе Линнхейвен, прямо у Чесапикского мыса, с двадцатью восемью линейными кораблями. За три дня до этого, 27 августа, французская эскадра в Ньюпорте, восемь линейных кораблей с четырьмя фрегатами и восемнадцать транспортов под командованием месье де Барраса, отправилась на место встречи, сделав, однако, широкий круг в море, чтобы избежать встречи с англичанами. Этот курс был тем более необходим, что с ним была французская осадная артиллерия. Войска под командованием Вашингтона и Рошамбо переправились через Гудзон 24 августа, продвигаясь к устью Чесапикского залива. Таким образом, различные вооруженные силы, как сухопутные, так и морские, приближались к своей цели - Корнуоллису.

Англичанам не везло со всех сторон. Родни, узнав об отъезде Де Грасса, отправил четырнадцать линейных кораблей под командованием адмирала Худа в Северную Америку, а сам в августе отплыл в Англию по состоянию здоровья. Худ, идя прямым путем, добрался до Чесапика за три дня до Де Грасса, заглянул в залив и, обнаружив, что он пуст, отправился дальше в Нью-Йорк. Там он встретил пять линейных кораблей под командованием адмирала Грейвса, который, будучи старшим офицером, принял командование всеми силами и 31 августа отплыл в Чесапик, надеясь перехватить Де Барраса до того, как он сможет присоединиться к Де Грассу. Только два дня спустя сэр Генри Клинтон убедился, что армии союзников выступили против Корнуоллиса и слишком далеко продвинулись вперед, чтобы их можно было догнать.

Адмирал Грейвс был крайне удивлен, добравшись до Чесапика, обнаружив там на якоре флот, который, судя по его численности, мог принадлежать только противнику. Тем не менее, он встал навстречу, и когда "Де Грасс" тронулся в путь, позволив пересчитать свои корабли, чувство численного превосходства — девятнадцать против двадцати четырех — не удержало английского адмирала от атаки. Неуклюжесть его метода, однако, выдавала его доблесть; со многими его кораблями обращались грубо, без какого-либо преимущества. Де Грасс, ожидая Де Барраса, оставался снаружи пять дней, удерживая английский флот в игре, не вступая в бой; затем, вернувшись в порт, он обнаружил Де Барраса благополучно стоящим на якоре. Грейвс вернулся в Нью-Йорк, и вместе с ним исчезла последняя надежда на помощь, которая должна была радовать глаза Корнуоллиса. Осадой выдерживалась, но контроль над морем сделал возможным только один выход, и английские войска были сданы 19 октября 1781 года. С этой катастрофой надежда Англии на подчинение колоний умерла. Конфликт продолжался еще год, но никаких серьезных операций предпринято не было.

В проведении английских операций, которые, к сожалению, завершились таким образом, имели место как плохое руководство, так и невезение. Отряд Худа мог бы быть усилен несколькими кораблями с Ямайки, если бы приказ Родни был выполнен.^[149] Почтовое судно, также отправленное им адмиралу Грейвсу, командующему в Нью-Йорке, обнаружило, что этот офицер отсутствовал в рейсе на восток с целью перехватить некоторые очень важные грузы, которые были переправлены американским агентом во Францию. Английский двор придавал большое значение пресечению этого конвоя; но, зная о сопровождающих его силах, адмирал, вероятно, поступил опрометчиво, покинув свой штаб со всем своим флотом в то время, когда приближение сезона ураганов в Вест-Индии направило активные действия военно-морских сил на континент. Вследствие его отсутствия, хотя депеши Родни были немедленно отправлены старшим офицером в Нью-Йорке, судно, перевозившее их, было выброшено на берег вражескими крейсерами, Грейвс не узнавал их содержания до своего возвращения в порт 16 августа. Информация, отправленная Худом о его прибытии, также была перехвачена. После прибытия Худа, по-видимому, не было никакой задержки с выходом в море, которой можно было бы избежать; но, по-видимому, руководство, данное флоту, было неверно оценено. Было известно, что Де Баррас отплыл из Ньюпорта с восемью кораблями, направлявшимися, вероятно, в Чесапик, несомненно, для соединения с Де Грассом; и было разумно указано, что, если бы Грейвс занял свой крейсерский пункт недалеко от Кейпов, но вне видимости суши, он вряд ли смог бы избежать столкновения с ним превосходящими силами. Зная то, что известно сейчас, это, несомненно, было бы правильным поступком; но английский адмирал располагал несовершенной информацией. Нигде не ожидалось, что французы приведут сюда хотя бы те силы, которые они привели; и Грейвс потерял информацию, которую он должен был получить, относительно их численности, из-за беспечности своих крейсеров, дислоцированных у Чесапика. Им было приказано продолжать движение, но оба стояли на якоре у мыса Генри, когда появление Де Грасса отрезало им путь к отступлению. Один был схвачен, другой отогнали вверх по реке Йорк. Ни одно обстоятельство не внесло большего вклада в общий результат, чем пренебрежение этих двух подчиненных офицеров, из-за которого Грейвс потерял эту чрезвычайно важную информацию. Легко представить, как изменились бы его действия, узнай он двумя днями ранее, что Де Грасс привел двадцать семь или двадцать восемь линейных кораблей; насколько естественным было бы решение сначала подстеречь Де Барраса, с которым его собственные девятнадцать человек могли более чем справиться. "Если бы адмиралу Грейвсу удалось захватить эту эскадру, это сильно парализовало бы осаждающую

армию [на борту у нее был осадный обоз], если бы это вообще не помешало ее операциям; это поставило бы два флота почти в равное положение по численности, остановило бы продвижение французского оружия в Вест-Индии на следующий год и, возможно, создало бы такой дух раздора между французами и американцами"[150], что погрузило бы последних в глубочайшие глубины отчаяния, из которых они были вызволены только прибытием войск под командованием Де Грасса".[151] Это правдивые и трезвые комментарии к военно-морской стратегии.

Что касается тактики адмирала, то будет достаточно сказать, что флот был введен в бой почти так же, как Бинг ввел свой; что результатом были очень похожие неудачи; и что при атаке двадцати четырех кораблей из девятнадцати семь под командованием этого способного офицера не смогли вступить в бой из-за составленной диспозиции.

Что касается французской стороны, то Де Грассу следует приписать удивительную энергию, дальновидность и решительность, учитывая его неудачи в других случаях. Решение взять с собой все корабли, что делало его независимым от любой неудачи со стороны Де Барраса; проход через Багамский канал для сокрытия своих передвижений; адрес, с помощью которого он получил необходимые деньги и войска от испанских и французских военных властей; предусмотрительность, которая побудила его уже 29 марта, вскоре после выхода из Бреста, написать Рошамбо, что американские береговые пилоты должны быть отправлены на Кап-Франсе; хладнокровие, с которым он забавлял Грейвса, пока не прибыла эскадрилья Де Барраса, - все это достойно восхищения. Французам также помогла власть адмирала задержать двести торговых судов, "вест-индских торговых", ожидавших конвоя в Кап-Франсе, где они оставались с июля по ноябрь, когда завершение операций предоставило ему свободу сопровождать их военными кораблями. Этот инцидент иллюстрирует одну из слабостей торговой страны с представительным правительством по сравнению с чисто военной нацией. "Если бы британское правительство, - писал офицер того времени, - санкционировало или британский адмирал принял такую меру, одного бы выгнали, а другого повесили".[152] В то же время Родни считал необходимым выделить пять линейных кораблей с конвоями, в то время как еще полдюжины отправились домой с торговлей с Ямайки.

Легче критиковать разделение английского флота между Вест-Индией и Северной Америкой в последовавшие 1780 и 1781 годах, чем осознавать всю запутанность ситуации. Это замешательство было всего лишь отражением военной сложности положения Англии во всем мире в этой великой и неравной войне. Англия повсюду была в меньшинстве и смущена, как это всегда было с империей, количеством своих незащищенных позиций. В Европе флот Ла-Манша не раз был загнан в свои порты превосходящими силами. Гибралтар, плотно блокированный суши и моря, сохранил жизнь в своем отчаянном сопротивлении только благодаря мастерству английских моряков, одержавших победу над некомпетентностью и разногласиями своих объединенных врагов. В Ост-Индии сэр Эдвард Хьюз встретил в Сюффрене противника, столь же превосходящего его численностью, каким был Де Грасс против Худа, и обладавшего гораздо большими способностями. Менорка, покинутая правительством метрополии, пала перед превосходящими силами, как пали один за другим менее важные английские Антильские острова. Позиция Англии с того времени, как Франция и Испания начали свою морскую войну, повсюду была оборонительной, за исключением Северной Америки; и поэтому с военной точки зрения она была по существу ложной. Она повсюду ожидала нападения, которое враги, превосходящие ее во всех отношениях, могли предпринять по своему собственному выбору и в

свое собственное время. Северная Америка на самом деле не была исключением из этого правила, несмотря на некоторые наступательные операции, которые никоим образом не нанесли ущерба ее реальным, то есть военно-морским, противникам.

Находясь в таком положении и оставляя в стороне вопросы национальной гордости или деликатности, что военная мудрость предписала Англии? Этот вопрос вызвал бы восхищение у военного исследователя, и на него нельзя ответить сразу, но можно указать на некоторые очевидные истины. Во-первых, следовало определить, какую часть подвергшейся нападению империи было наиболее необходимо сохранить. После самих британских островов североамериканские колонии были самым ценным достоянием в глазах Англии того времени. Затем следовало решить, какие другие из-за их естественной важности лучше всего заслуживали сохранения и за счет присущей им собственной силы или силы империи, которая состояла в основном из военно-морской силы, можно было с наибольшей уверенностью удержать. Например, в Средиземном море Гибралтар и Маон были очень ценными позициями. Можно ли было удержать обе? До какой из них было легче добраться и поддержать флот? Если бы оба, вероятно, удержать было невозможно, от одного следовало бы откровенно отказаться, а силы и усилия, необходимые для его защиты, направить в другое место. Таким образом, в Вест-Индии очевидные стратегические преимущества Барбадоса и Штаба. Лючия предписала гарнизонам покинуть другие небольшие острова, как только флот будет значительно превосходить их численностью, если не раньше. Случай с таким большим островом, как Ямайка, должен изучаться отдельно, а также применительно к общему вопросу. Такой остров может быть настолько самообеспечивающим, что сможет отразить любую атаку, кроме одной большой по силе и численности, и это справедливо привлекло бы к нему все английские силы с наветренных позиций на Барбадосе и штаде. Lucia.

При такой концентрации обороны великое оружие Англии, военно-морской флот, следовало энергично использовать в наступлении. Опыт научил, что свободные нации, народные правительства редко осмеливаются полностью уничтожить силы, стоящие между захватчиком и его берегами или столицей. Следовательно, какой бы военной мудростью ни была отправка флота Ла-Манша на поиски врага до того, как он объединится, этот шаг, возможно, был невозможен. Но в менее важных точках нападение англичан должно было предвосхитить нападение союзников. Это было особенно верно в отношении того театра военных действий, который до сих пор рассматривался. Если Северная Америка была первым объектом, Ямайка и другие острова должны были подвергнуться смелому риску. Родни должен сказать, что он утверждает, что его приказы адмиралам на Ямайке и в Нью-Йорке не были выполнены в 1781 году, и что этим была обусловлена малочисленность флота Грейвса.

Но почему в 1780 году, когда отъезд Де Гишена в Европу оставил Родни заметное численное превосходство во время его короткого визита в Северную Америку, с 14 сентября по 14 ноября, не было предпринято попытки уничтожить французский отряд из семи линейных кораблей в Ньюпорте? Эти корабли прибыли туда в июле; но, хотя они сразу же укрепили свои позиции земляными работами, известие о появлении Родни у побережья вызвало большую тревогу. Две недели, проведенные Родни в Нью-Йорке и французами в напряженной работе, позволили последним, по их собственному мнению, противостоять всем военно-морским силам Англии. "Мы дважды опасались, и прежде всего во время прибытия Родни, - писал начальник штаба французской эскадры, - что англичане могут атаковать нас на самой дороге; и был промежуток времени, в течение которого такое предприятие не было бы опрометчивым поступком. Теперь

[20 октября] якорная стоянка укреплена, так что мы можем противостоять там всем военно-морским силам Англии".[153]

Позиция, занятая таким образом французами, была, несомненно, очень сильной.[154] Он образовывал обратный угол чуть более девяноста градусов, ограниченный линиями, проведенными от Козьего острова к тому, что тогда называлось Брентонс-Пойнт, на месте нынешнего форта Адамс, с одной стороны, и к Роуз-Айленду - с другой. На правом фланге позиции Роуз-Айленд получила батарею из тридцати шести 24-фунтовых орудий; в то время как двенадцать орудий того же размера были размещены на левом фланге у Брентонс-Пойнт. Между островами Роуз и Козий остров четыре корабля, выстроившись в линию с запада на северо-запад, атаковали вход и обстреляли приближающийся флот; в то время как три других, между островом Козий и мысом Брентонс, скрестили свой огонь под прямым углом к первым четырем.

С другой стороны, летние ветры дуют прямо у входа, часто с большой силой. Не могло быть и речи даже о том, чтобы значительно поврежденный атакующий корабль достиг своей намеченной позиции, и, когда его запутают в линии противника, береговые батареи будут нейтрализованы. Укрепления на острове Роуз, безусловно, и, вероятно, на Брентонс-Пойнт, имели меньшую высоту, чем две верхние батареи линейного корабля, и могли быть значительно превосходящими по численности. Они не могли быть заточены в казематы и, бесспорно, могли быть заглушены картечью с кораблей, которые могли быть направлены против них. К острову Роуз можно было подойти с фронта и с западного фланга на расстояние двухсот ярдов, а с севера - на расстояние полумили. Ничто не могло помешать этому правому флангу французов, включая линию кораблей, быть окруженным и разгромленным английскими кораблями, занявшими позицию к западу от острова Роуз. Таким образом, английскому флоту, насчитывавшему двадцать человек против семи у противника, были доступны важные точки близкой дистанции и превосходящей высоты. В случае успеха в уничтожении судоходства и захвате острова Роуз, он мог бы найти якорную стоянку дальше по заливу и дожидаться благоприятного ветра, чтобы удалиться. По мнению выдающегося английского военно-морского офицера того времени,[155], хорошо знакомого с местностью, не было сомнений в успехе атаки; и он часто убеждал в этом Родни, предлагая себя пилотом ведущего корабля. Уверенность, которую чувствовали французы в этой позиции, и молчаливое согласие англичан с этой уверенностью ясно указывают на разницу в духе между этой войной и войнами Нельсона и Наполеона.

Однако такая попытка рассматривается здесь не просто как изолированная операция, а в связи со всемирной войной. Англия повсюду занимала оборону, имея меньшую численность. Из такого положения нет спасения, кроме как действовать энергично, почти до отчаяния. "Для нас невозможно, - совершенно справедливо писал Первый лорд Адмиралтейства Родни, - иметь превосходящий флот во всех частях; и если наши главнокомандующие не займут широкую линию, как это делаете вы, и не возьмут под свою опеку все владения короля, наши враги должны застать нас где-нибудь неподготовленными и обратить свою точку зрения против нас".[156] Английским командирам были навязаны атаки, которые сами по себе могли считаться неоправданными. Военно-морской флот союзников был ключом к сложившейся ситуации, и его крупные отряды, как и в Ньюпорте, должны были быть разгромлены при любом риске. Влияние такой линии действий на политику французского правительства является предметом спекуляций, в отношении которых у автора настоящего доклада нет сомнений; но ни один

английский офицер в командовании не поднялся до уровня ситуации, за исключением Худа и, возможно, Хоу. Теперь Родни был старым, немощным и, хотя обладал большими способностями, скорее осторожным тактиком, чем великим адмиралом.

Разгром Грейвса и последующая капитуляция Корнуоллиса не положили конец военно-морским операциям в западном полушарии. Напротив, одному из самых интересных тактических подвигов и самой блестящей победе за всю войну еще предстояло украсить английский флаг в Вест-Индии; но с событиями в Йорктауне патриотический интерес американцев угас. Прежде чем прекратить эту борьбу за независимость, следует еще раз подтвердить, что ее успешное завершение, по крайней мере на столь раннем этапе, было обусловлено контролем над морем, морской мощью в руках Франции и ее неправильным распределением английскими властями. Это утверждение может быть с уверенностью основано на авторитете единственного человека, который лучше всех других досконально знал ресурсы страны, характер народа, трудности борьбы и чье имя до сих пор является высшим свидетельством здравого, спокойного, непоколебимого здравого смысла и патриотизма.

Лейтмотив всех заявлений Вашингтона изложен в "Меморандуме о согласовании плана операций с французской армией", датированном 15 июля 1780 года и отправленном лично Лафайетом:

"Маркиз де Лафайет будет рад сообщить графу де Рошамбо и шевалье де Терне следующие общие идеи в качестве мнений нижеприведенных:

"Я. В любой операции и при любых обстоятельствах решающее военно-морское превосходство должно рассматриваться как фундаментальный принцип и основа, от которой в конечном итоге должна зависеть любая надежда на успех."

Однако это, хотя и является наиболее формальным и решительным выражением взглядов Вашингтона, является лишь одним из многих других, столь же отличных друг от друга. Так, в письме Франклина от 20 декабря 1780 года он говорит:

"Разочарованные второй дивизией французских войск [блокированных в Бресте], но особенно ожидаемым военно-морским превосходством, которое было стержнем, на котором все повернулось, мы были вынуждены провести бездействующую кампанию после лестной перспективы в начале ее.... В последнее время мы были вынуждены стать зрителями ряда отрядов армии в Нью-Йорке на помощь лорду Корнуоллису; в то время как наша морская слабость и политический распад значительной части нашей армии лишили нас возможности противодействовать им на юге или воспользоваться их преимуществом здесь".

Месяц спустя, 15 января 1781 года, в меморандуме полковнику Лорансу, отправленному со специальной миссией во Францию, он пишет:—

"После денежной ссуды наиболее интересным объектом является постоянное военно-морское превосходство на этих побережьях. Это мгновенно поставило бы противника в трудную оборону.... Действительно, непонятно, как они могли бы содержать большие силы в этой стране, если бы у нас было морское командование, чтобы прервать регулярную доставку припасов из Европы. Это превосходство, при финансовой поддержке, позволило бы нам превратить войну в

энергичное наступление. Что касается нас, то это, по-видимому, один из двух решающих моментов".

В другом письме тому же человеку, тогда в Париж, датированном 9 апреля, он пишет:—

"Если Франция задержит своевременную и мощную помощь в критическом положении наших дел, это нам ничего не даст, если она попытается сделать это в дальнейшем.... Зачем мне вдаваться в подробности, когда можно одним словом заявить, что мы на пределе возможностей и что сейчас или никогда наше избавление должно прийти? Как легко было бы отразить собственную игру противника против них, если бы это соответствовало общему плану войны - постоянно держать превосходящий флот в этих морях, а Франция обеспечила бы нам условия для активной деятельности, авансируя нам деньги".

Корабли и деньги - вот бремя его крика. 23 мая 1781 года он пишет шевалье де ла Люзерну: "Я не вижу, как можно оказать эффективную поддержку Южным штатам и предотвратить угрожающее зло, в то время как мы уступаем в военно-морских силах в этих морях". По мере приближения сезона активных операций его высказывания становятся все более частыми и настойчивыми. Генерал-майору Грину, борющемуся со своими трудностями в Южной Каролине, он пишет 1 июня 1781 года: "Наши дела были внимательно рассмотрены со всех точек зрения, и в конце концов было решено предпринять попытку наступления на Нью-Йорк, отдав предпочтение южной операции, поскольку мы еще не определились с командованием на воде". Джефферсону, 8 июня: "Если соседние штаты поддержат меня так, как я ожидаю, враг, я надеюсь, будет вынужден отозвать часть своих сил с юга для поддержки Нью-Йорка, или они подвергнутся самому неизбежному риску быть изгнанными с этого поста, который для них бесценен; и если мы, по счастливому стечению обстоятельств, добьемся превосходства на море, их гибель будет неизбежна.... Пока мы остаемся слабее на море ... Политика диктует, что помощь следует пытаться оказывать путем отвлечения, а не путем немедленной отправки подкреплений в точку бедствия", то есть на юг. Рошамбо, 13 июня: "Ваше превосходительство, вероятно, помните, что Нью-Йорк рассматривался нами как единственный практически осуществимый объект в нынешних обстоятельствах; но если мы сможем обеспечить себе военно-морское превосходство, мы, возможно, найдем другие, более осуществимые и столь же целесообразные". К 15 августа были получены письма Де Грасса, извещающие о его отплытии в Чесапик, и с тех пор корреспонденция Вашингтона заполнена напряженными приготовлениями к кампании в Вирджинии, основанными на давно задержанном флоте. Разочарование Де Грасса и его намерение выйти в море, когда он узнал, что английский флот в Нью-Йорке получил подкрепление, вызвали умоляющее письмо от 25 сентября, которое слишком длинно для цитирования; но опасность миновала, уверенность Вашингтона возвращается. На следующий день после капитуляции он пишет Де Грассу: "*Капитуляция Йорка ... честь проведения которого принадлежит вашему превосходительству, значительно предвосхитила [со временем] наши самые оптимистичные ожидания*". Затем он продолжает настаивать на дальнейших операциях на Юге, видя, что впереди еще так много хорошего сезона: "Общее военно-морское превосходство британцев, имевшее место до вашего прибытия, дало им решающее преимущество на Юге в быстрой переброске их войск и припасов; в то время как огромные сухопутные марши наших подкреплений, слишком запоздалые и дорогостоящие со всех точек зрения, подвергли нас частичному разгрому. Следовательно, прекращение войны будет зависеть от вашего превосходительства". Де Грасс отклоняет эту просьбу, но намекает на намерение сотрудничать в кампании следующего года,

Вашингтон немедленно соглашается: "С вашим превосходительством мне нет необходимости настаивать на непреложной необходимости морских сил, способных обеспечить вам абсолютное господство в этих морях.... Вы, наверное, заметили, что, какие бы усилия ни предпринимали сухопутные армии, военно-морской флот должен иметь решающий голос в нынешнем соревновании ". Две недели спустя, 15 ноября, он пишет Лафайету, который собирается отплыть во Францию:

Поскольку вы выразили желание узнать мое мнение относительно операций следующей кампании, я без утомительных рассуждений заявлю одним словом, что это должно полностью зависеть от военно-морских сил, которые используются в этих морях, и времени их появления в следующем году. Никакие сухопутные войска не могут действовать решительно, если им не сопутствует превосходство на море.... Ни у кого не возникало и не возникает в данный момент сомнений в полном уничтожении британских войск на Каролинских островах и в Джорджии, если бы граф де Грасс мог продлить свое сотрудничество еще на два месяца".

Таково, по мнению уважаемого главнокомандующего американскими армиями, было влияние морской мощи на борьбу, которой он руководил с таким мастерством и таким бесконечным терпением и которую, несмотря на бесчисленные испытания и разочарования, он довел до славного завершения.

Следует отметить, что американское дело свелось к этим проливам, несмотря на большие и признанные потери британской торговли от крейсеров союзников и американских каперов. Этот факт и небольшие результаты всеобщей войны, в которой доминировала идея уничтожения торговли, убедительно показывают второстепенное и нерешительное влияние такой политики на великие вопросы войны.

СНОСКИ:

[129] Мартин: История Франции.

[130] Эта задержка была вызвана затишьем. Депеша Хоу, журнал для джентльменов, 1778 год.

[131] В большинстве сообщений говорится, что между Козьим островом и Каноникутом; но указанное местоположение кажется более вероятным. Имена "Козел" и "Гулд" (часто пишется "Золотой") легко перепутать. С момента написания вышеизложенного автор имел возможность ознакомиться с современной рукописной картой, полученной в Париже, на которой показана якорная стоянка недалеко от Каноникута и рядом с островом Каботажная гавань; последний помечен как "Остров Л'Иль д'Ор ou Голд Айл". набросок, хотя и точен в основных деталях, кажется тем более достоверным, что в нем допущены ошибки, которые легко может допустить иностранец во время поспешного и волнующего двадцатичетырехчасового пребывания.

[132] "Прибытие французского флота к берегам Америки является великим и поразительным событием; но его действиям повредил ряд непредвиденных и неблагоприятных обстоятельств, которые, хотя и не должны умалять заслуг и добрых намерений нашего великого союзника, тем не менее, в значительной степени снизили важность его услуг. Продолжительность перехода, в первую очередь, была серьезным несчастьем; ибо, если бы даже такой переход имел место, "Лорд Хоу" с британскими военными кораблями и всеми транспортом на реке Делавэр неизбежно потерпел бы поражение; и сэру Генри Клинтону, должно быть, повезло больше, чем обычно выпадает людям его профессии при подобных обстоятельствах, если бы он и его войска не разделили, по крайней мере, судьбу Бергойна. За долгим переходом "Графа д'Эстена" последовало неблагоприятное открытие у Хука, которое нанесло нам ущерб в двух отношениях: во—первых, в поражении "энтерпрайза" у Нью-Йорка, а также кораблей и войск в этом месте, и, во-вторых, в задержке, вызванной определением глубины воды над отмелью, которая была необходима для их входа в гавань Нью-Йорка. И, более того, после того, как предприятие на Род—Айленде было спланировано и находилось в момент исполнения, то, что лорд Хоу с британскими кораблями вмешался только для того, чтобы создать отвлекающий маневр и отвлечь французский флот от острова, снова было неудачей, поскольку граф не вернулся 17-го на остров, хотя был отозван с него 10-го; это означало, что сухопутные операции были замедлены, и все было сорвано в случае прибытия эскадры Байрона". - Письмо Вашингтона, 20 августа 1778г.

[133] См. [страницу 426](#).

[134] Положение Д'Эстена на якоре обозначено якорем на табличке X.

[135] Говорится, что офицеры французского флагманского корабля пили за здоровье капитана "маленького черного корабля". Названия кораблей, как и фамилии, часто имеют заметную карьеру. Бывший "Монмут" двадцать лет назад практически в одиночку атаковал и захватил восьмидесятичетырехпушечный "Фудроянт", один из лучших кораблей французского военноморского флота. Затем его командовал капитан Гардинер, который, командовавший кораблем Бинга в сражении, приведшем к его казни, был тронут чувством стыда из-за результата этого дела и решился на такое отчаянное противостояние, в результате чего лишился жизни. Тот же самый корабль, столь сурово наказанный у берегов Гренады, будет найден в столь же решительном бою, под командованием другого капитана, три года спустя в Индии.

[136] Линия ВС показывает окончательное направление французской боевой линии; подветренный корабль (o) сменил курс и встал на o', в то время как другие корабли заняли позиции в кильватере. Хотя об этом прямо не говорится, Байрон, несомненно, сформировался таким же образом, на параллельной линии. В эту новую линию были бы легко приняты выведенные из строя корабли (c'), которые вряд ли могли придерживаться намеченного курса.

[137] Шевалье: История. de la Marine Française.

[138] Герен: История. Морской.

[139] Дринкуотер в своей "Истории осады Гибралтара" объясняет, что испанский адмирал считал, что Родни не будет сопровождать конвой в проливы, а отделился от него. Он обнаружил свою ошибку слишком поздно.

[140] Место, где произошла битва, обозначено скрещенными флагами.

[141] Черные корабли на позиции А представляют английские корабли, наступающие на центр и тыл французов. Линия *vr* - это линия фронта от авангарда до тыла перед наступлением. Позиции *v'*, *r'* - это позиции авангарда и тыловых кораблей после постановки на левый галс, когда французы были одеты.

[142] В суровом выговоре, адресованном Родни капитану Каркетту, командующему ведущим кораблем английской линейки, он говорит: "Ваше руководство таким образом, как вы это делали, побудило других последовать столь дурному примеру; и таким образом, забыв, что сигнал для линии был всего в двух кабельтовых друг от друга, вы повели дивизион ван к *большему расстоянию менее двух лиг* от центральной дивизии, которая, таким образом, оказалась незащищенной от наибольших сил противника и не получила должной поддержки" (Life, т. i, стр. 351). По всем правилам тактического здравого смысла казалось бы, что другие корабли должны были отойти на расстояние от следующего за кормой, то есть сблизиться к центру. В разговоре с сэром Гилбертом Блейном, который не участвовал в этом действии, Родни заявил, что французская линия растянулась на четыре лиги в длину, "как будто Де Гишен думал, что мы намереемся убежать от него" (Военно-морская хроника, том xxv. стр. 402).

[143] История американской революции.

[144] О причинах Родни читайте В его жизни, т. i. стр. 365-376.

[145] На восточной оконечности Лонг-Айленда.

[146] Французы объясняют этот недостаток тем фактом, что некоторые из их кораблей не были покрыты медью.

[147] О том, что французское правительство не было удовлетворено действиями М. Дестуше, можно с уверенностью заключить из задержки с награждением офицеров эскадрильи, что вызвало много эмоций и очень оживленных протестов. Французы утверждали, что Арбутнота освистали на улицах Нью-Йорка и отозвали его правительство. Последнее является ошибкой, поскольку он отправился домой по собственному желанию; но первое достаточно вероятно. Оба командующих изменили в этом случае обычную военно-морскую политику своих стран.

[148] Бэнкрофт: История Соединенных Штатов.

[149] Жизнь Родни, том ii. стр. 152; Клерк: Военно-морская тактика, стр. 84.

[150] Де Баррас не пожелал отправиться в Чесапик, опасаясь быть перехваченным превосходящими силами, и только уступил настояниям Вашингтона и Рошамбо.

[151] Военно-морские исследователи: капитан Дж. Томас Уайт, Р.Н.

[152] Белый: Военно-морские исследования.

[153] Буклон: Морской пехотинец Людовика XVI., стр. 281. Под довольно вводящим в заблуждение названием эта работа на самом деле представляет собой пространную биографию Либержа де Граншена, начальника штаба французской эскадрильи под командованием Терне.

[154] Дневник французского офицера, 1781; Журнал американской истории за март 1880 года. Работы на момент визита Родни в Нью-Йорк, несомненно, были менее полными, чем в 1781

году. Это ведомство год спустя выделяет для работы на острове Роуз двадцать 36-фунтовых пушек.

[155] Сэр Томас Грейвс, впоследствии заместитель Нельсона в атаке на Копенгаген в 1801 году, — предприятии столь же отчаянном и сопряженном с большими трудностями лоцманской проводки, чем то, которое здесь отстаивалось. Смотрите биографические мемуары, Военно-морская хроника, том. viii.

[156] Жизнь Родни, том i, стр. 402.

ГЛАВА XI

Морская война в Европе, 1779-1782гг.

Последняя глава завершается мнениями Вашингтона, выражавшимися различными способами и неоднократно, относительно влияния морской мощи на борьбу за независимость Америки. Если бы позволяло место, эти мнения можно было бы значительно подкрепить аналогичными заявлениями сэра Генри Клинтона, английского главнокомандующего.[157] В Европе результаты еще в большей степени зависели от того же фактора. Там у союзников было три отдельные цели, при выполнении каждой из которых Англия занимала строго оборонительную позицию. Первым из них была сама Англия, предполагавшая, в качестве предварительной подготовки к вторжению, уничтожение флота в Ла-Манше - проект, о котором, если его серьезно рассматривать, едва ли можно сказать, что он был предпринят всерьез; вторым было взятие Гибралтара; третьим - захват Менорки. Только последнее увенчалось успехом. Англии трижды угрожал значительно превосходящий флот, и трижды угроза оказывалась безвредной. Трижды Гибралтар превращался в пролив; трижды он освобождался благодаря мужеству и удаче английских моряков, несмотря на непреодолимые трудности.

После действий Кеппеля у Ушанта в течение 1778 года и первой половины 1779 года между флотами в европейских морях не происходило общих столкновений. Тем временем Испания приближалась к разрыву с Англией и активному союзу с Францией. Война была объявлена ею 16 июня 1779 года; но уже 12 апреля был подписан мирный договор между двумя королевствами Бурбонов, предполагавший активную войну против Англии. По его условиям должно было быть предпринято вторжение в Великобританию или Ирландию, приложены все усилия для возвращения Испании Менорки, Пенсаколы и Мобила, и оба двора обязались не предоставлять ни мира, ни перемирия, ни приостановки военных действий до тех пор, пока Гибралтар не будет восстановлен.[158]

Объявление войны было отложено до тех пор, пока не будет готово нанести удар; но английское правительство, несомненно, должно было быть настороже в натянутых отношениях двух стран и приготовиться предотвратить соединение двух флотов. Как бы то ни было, эффективной блокады Бреста установлено не было, и двадцать восемь французских линейных кораблей вышли без сопротивления[159] 3 июня 1779 года под командованием Д'Орвилье, противника Кеппеля годом ранее. Флот направился к берегам Испании, где должен был найти испанские корабли; но полный контингент присоединился к ним только 22 июля. Таким образом, семь драгоценных летних недель пролетели без улучшений, но это были не все потери; французы запаслись провизией всего на тринадцать недель, а у этой поистине великой армады из шестидесяти шести линейных кораблей и четырнадцати фрегатов оставалось не более сорока рабочих дней. Болезни, кроме того, опустошили флот; и хотя ему посчастливилось войти в Ла-Манш, когда англичане были в море, последним, насчитывавшим немногим более половины своих врагов, удалось пройти внутри них. Слабость коалиций усилила слабость из-за неэффективной подготовки; большая и вполне естественная паника на побережье Ла-Манша и захват одного линейного корабля были единственными результатами похода, растянувшегося для французов более чем на пятнадцать недель.[160] Разочарование, вызванное плохой подготовкой, главным образом со стороны Испании, хотя французское министерство совершенно не смогло удовлетворить насущные потребности своего флота, пало, конечно, на ни в чем не повинного адмирала д'Орвилье. Этот храбрый и опытный, но несчастный офицер, чей единственный сын, лейтенант, умер от чумы, поразившей союзников, не мог поддерживать эту ненависть. Будучи глубоко религиозным человеком, Вильнев после Трафальгара нашел убежище в самоубийстве, в котором ему было отказано; но он отказался от своего командования и удалился в религиозный дом.

Скудный морской интерес 1780 года в Европе сосредоточился вокруг Кадиса и Гибралтара. Эта крепость была окружена Испанией сразу же после начала войны, и, хотя она успешно сопротивлялась прямому нападению, снабжение провизией и боеприпасами вызывало серьезную озабоченность Англии и было сопряжено как с трудностями, так и с опасностью. С этой целью Родни отплыл 29 декабря 1779 года, имея под своим командованием двадцать линейных кораблей с большим конвоем и подкреплениями для Гибралтара и Менорки, а также для вест-индской торговли. Последний расстался 7 января под присмотром четырех фрегатов, а на следующее утро флот столкнулся с испанской эскадрой из семи военных кораблей и шестнадцати судов снабжения и захватил ее. Двенадцать из последних, груженных провизией, были отправлены в Гибралтар. Неделью спустя, в час дня 16-го, на юго-востоке была замечена испанская флотилия из одиннадцати линейных кораблей. Они стояли на своем, полагая, что приближающиеся суда были всего лишь судами снабжения для Гибралтара, без значительных сил военного флота, — досадная ошибка, от которой они осознали слишком поздно, чтобы

избежать, из-за еще более досадной оплошности, заключающейся в том, что не были выброшены дозорные фрегаты. Когда испанский адмирал Дон Хуан де Лангара осознал свою ошибку, он попытался спастись бегством; но у английских кораблей были медные днища, и Родни, подав сигнал к общей погоне, настиг противника, вклинился между ним и его портом, невзирая на ветреную ночь, подветренный берег и опасные мели, и преуспел в захвате главнокомандующего с шестью линейными кораблями. Седьмой был взорван. Погода оставалась очень штормовой, один из призов потерпел крушение, а другой был вынужден уйти в Кадис; несколько английских кораблей также были в большой опасности, но счастливо избежали ее, и через несколько дней все силы вошли в Гибралтарский залив. Конвой на Менорку был немедленно отправлен, и сразу же после возвращения военных кораблей, охранявших его, 13 февраля, Родни отплыл в Вест-Индию с четырьмя линейными кораблями, отправив остальные свои силы с призами в Англию под командованием адмирала Дигби.

Состояние политики и партий в Англии в то время было таково, что в сочетании с неизбежной неполноценностью флота Канала было трудно найти адмирала, готового принять главное командование. Замечательный офицер, Баррингтон, похитивший персонал. Люсия отказалась от первого места, хотя была готова служить вторым, даже младшему.^[161] Флот союзников в количестве тридцати шести линейных кораблей, собранных в Кадисе. Однако их круизы ограничивались побережьем Португалии; и их единственной и наиболее важной услугой был захват целого конвоя, в основном груженного военными припасами, направлявшегося в Ост- и Вест-Индию. Вступление шестидесяти английских трофеев с почти тремя тысячами пленных в Кадис было источником великой радости для Испании. 24 октября Де Гишен, возвращаясь после сражения с Родни, зашел в тот же порт со своей вест-индской эскадрой из девятнадцати линейных кораблей; но собранное таким образом огромное вооружение ничего не дало. Французские корабли вернулись в Брест в январе 1781 года.

Несмотря на то, что война 1780 года, таким образом, не принесла военных результатов в Европе, она привела к событию, которое не может быть полностью обойдено стороной ни в одной истории морской мощи. Это был Вооруженный нейтралитет, во главе которого стояла Россия, к которой присоединились Швеция и Дания. Притязания Англии на захват товаров противника на нейтральных судах тяжело сказывались на нейтральных державах, и особенно на балтийских и на Голландии, в руки которых, а также в руки австрийских Нидерландов, война передала большую часть европейской транспортной торговли; в то время как продукты Балтийского моря, военно-морские запасы и зерно были тем, что Англия была особенно заинтересована запретить своим врагам. Деклараций, окончательно выдвинутых Россией и подписанных Швецией и Данией, было четыре:

1. Что нейтральные суда имели право не только заходить в незарегистрированные порты, но и переходить из порта в порт воюющей страны; другими словами, поддерживать каботажную торговлю воюющей стороны.
2. Имущество, принадлежащее подданным державы, находящейся в состоянии войны, должно находиться в безопасности на борту нейтральных судов. Это был принцип, заложенный в ставшую уже знакомой максиму: "Свободные корабли производят бесплатные товары".
3. Что контрабандой не являются никакие предметы, кроме оружия, снаряжения и амуниции. Это исключало военно-морские склады и провизию, если они не принадлежат правительству воюющей стороны.

4. Чтобы блокады были обязательными, в непосредственной близости от блокированного порта должны быть размещены соответствующие военно-морские силы.

Поскольку договаривающиеся стороны сохраняют нейтралитет в настоящей войне, но обязуются поддерживать эти принципы объединенным вооруженным флотом установленной минимальной численности, соглашение получило название Вооруженного нейтралитета. Обсуждение уместности различных заявлений относится к международному праву; но очевидно, что ни одно крупное морское государство, каким в то время была Англия, не подчинилось бы первому и третьему положениям по праву. Побудить ее к этому могла только политика. Не встречая прямого противоречия в заявлениях, министерство и король решили не обращать на них внимания — курс, которого в принципе придерживались даже видные представители ожесточенной оппозиции того времени. Нерешительная позиция Соединенных провинций, разделенных, как во времена Людовика XIV. Приверженцы Англии и Франции, несмотря на столетний союз с первой, привлекли особое внимание Великобритании. Их попросили присоединиться к Вооруженному нейтралитету; они колебались, но большинство провинций одобрили это. Британский офицер уже зашел так далеко, что открыл огонь по голландскому военному кораблю, который сопротивлялся досмотру торговых судов, находившихся под его конвоем; акт, который, правильный или нет, имел тенденцию настраивать голландцев в целом против Англии. Последний постановил, что, если Соединенные Провинции присоединятся к коалиции нейтралов, должна быть объявлена война. 16 декабря 1780 года английское министерство было проинформировано о том, что Генеральные штаты приняли решение незамедлительно подписать декларации о вооруженном нейтралитете. Родни были немедленно разосланы приказы захватить голландскую Вест-Индию и южноамериканские владения; аналогичные приказы были отданы Ост-Индии; и посол в Гааге был отозван. Англия объявила войну четыре дня спустя. Таким образом, главным следствием Вооруженного нейтралитета в войне было добавление колоний и торговли Голландии к добыче английских крейсеров. Дополнительный противник не имел большого значения для Великобритании, чье географическое положение эффективно блокировало соединение голландского флота с флотом других ее врагов. Владения Голландии пали повсюду, за исключением тех случаев, когда их спасали французы; в то время как кровопролитное, но совершенно безрезультатное сражение между английской и голландской эскадрами в Северном море в августе 1781 года было единственным военным подвигом, свидетельствующим о старой голландской храбрости и упрямстве.

1781 год, решающий вопрос о независимости Соединенных Штатов, ознаменовался в европейских морях впечатляющими перемещениями огромных флотов, за которыми последовали ничтожные результаты. В конце марта Де Грасс отплыл из Бреста с двадцатью шестью линейными кораблями. 29-го он отправил пятерых под командованием Сюффрена в Ост-Индию, а сам продолжил путь, добившись успеха при Йорктауне и потерпев неудачу в Вест-Индии. 23 июня Де Гишен отплыл из Бреста с восемнадцатью линейными кораблями в Кадис, где присоединился к тридцати испанским кораблям. Это огромное вооружение 22 июля вышло в Средиземное море, высадило четырнадцать тысяч солдат на Менорке, а затем двинулось к Ла-Маншу.

Англичане должны были в этом году первыми позаботиться об угрозе Гибралтару. В этой осажденной крепости не было припасов со времени визита Родни в январе позапрошлого года, и теперь она испытывала острую нужду: провизия была скудной и некачественной, галеты

прожаренными, а мясо испорченным. На фоне ужасов и шума одной из самых продолжительных и захватывающих осад в истории страдания участников боевых действий усугублялись присутствием многих мирных жителей, включая жен и семьи солдат, а также офицеров. Огромный флот из двадцати восьми линейных кораблей отплыл из Портсмута 13 марта, сопровождая триста торговых судов для Ост- и Вест-Индии, помимо девяноста семи транспортов и судов снабжения для Скалы. Задержка у ирландского побережья помешала ему встретиться с Де Грассом, который отплыл через девять дней после него. Выйдя из-за мыса Сент-Винсент, он не встретил противника, а заглянув в Кадис, увидел огромный испанский флот на якоре. Последний не предпринял никаких действий, и английский адмирал Дерби 12 апреля беспрепятственно перебросил свои припасы в Гибралтар. В то же время он, как и Де Грасс, отправил в Ост-Индию небольшую эскадру, которой вскоре было суждено соединиться с Сюффреном. Бездействие испанского флота, учитывая рвение его правительства по поводу Гибралтара и его равную, если не превосходящую численность, показывает, что испанский адмирал мало полагается на себя или свое командование. Дерби, освободив Гибралтар и Менорку, вернулся в Ла-Манш в мае.

При приближении объединенного флота численностью почти в пятьдесят кораблей в августе следующего года Дерби отступил к Торбею и там бросил якорь свой флот, насчитывающий тридцать кораблей. Де Гишен, который занимал главное командование и чья осторожность при столкновении с Родни была отмечена ранее, выступал за сражение; но почти единодушная оппозиция испанцев, поддержанная некоторыми из его собственных офицеров, отвергла его на военном совете,^[162] и снова великая коалиция Бурбонов отступила, сорванная их собственными разногласиями и единством их сторонников. враг. Гибралтар освобожден, Англия нетронута - таковы были результаты этих гигантских сборов; их едва ли можно назвать усилиями. Ужасающая катастрофа завершила год для союзников. Де Гишен отплыл из Бреста под семнадцатью парусами, охраняя большой конвой торговых судов и кораблей с военными припасами. Флот преследовали двенадцать английских кораблей под командованием адмирала Кемпенфельда, офицера, чьи высокие профессиональные способности не заслужили бессмертия, которым поэзия украсила его трагическую смерть. Столкнувшись с французами в ста пятидесяти милях к западу от Ушанта, он отрезал часть конвоя, несмотря на меньшую численность.^[163] Несколько дней спустя буря рассеяла французский флот. Только два линейных корабля и пять торговых судов из ста пятидесяти достигли Вест-Индии.

1782 год начался с потери англичанами Порт-Маона, который сдался 5 февраля после шестимесячной осады. — капитуляция, вызванная разрушительными последствиями цинги, вызванной нехваткой овощей и заточением в зловонном воздухе бомбоубежищ и казематов под шквальным огнем противника. В последнюю ночь обороны потребность в необходимой охране составляла четыреста пятнадцать человек, в то время как годными к несению службы были только шестьсот шестьдесят человек, что не оставляло никаких послаблений.

Флоты союзников собрались в этом году в Кадисе в количестве сорока линейных кораблей. Ожидалось, что эти силы будут увеличены за счет голландских кораблей, но эскадра под командованием Лорда Хоу отогнала последние обратно в их порты. Определенно не представляется, что какое-либо активное предприятие было направлено против английского побережья; но союзники крейсировали у устья Ла-Манша и в Бискайском заливе в течение летних месяцев. Их присутствие обеспечивало безопасное прибытие и отбытие торговых судов домой и за границу, а также угрожало английской торговле; несмотря на это, Хоу с двадцатью

двумя кораблями не только удержал море и избежал сражения, но и преуспел в том, чтобы безопасно привести ямайский флот в порт. Можно сказать, что ущерб торговле и военным перевозкам по морю был примерно равным с обеих сторон; и поэтому заслуга в успешном использовании морской мощи для достижения этих важнейших целей должна быть отдана более слабой стороне.

Выполнив свои заказы на летний круиз, объединенные флоты вернулись в Кадис. 10 сентября они отплыли оттуда в Альхесирас, на противоположной от Гибралтара стороне залива, чтобы поддержать грандиозную комбинированную атаку с суши и моря, которая, как надеялись, заставит подчиниться ключ к Средиземному морю. С учетом того, что корабли уже были там, общее количество линейных кораблей возросло почти до пятидесяти. Подробности мощного натиска едва ли относятся к нашей теме, но все же не могут быть полностью обойдены вниманием, не упомянув, по крайней мере, того, что может выявить их интерес и привлечь внимание к ним.

Трехлетняя осада, которая теперь подходила к концу, принесла много блестящих ратных подвигов, а также менее поразительные, но более убедительные доказательства стойкости гарнизона. Как долго последний мог бы продержаться, сказать невозможно, учитывая успех, с которым английская морская мощь противостояла попыткам союзников перерезать коммуникации крепости; но, по-видимому, было очевидно, что это место должно быть взято основными силами или не сдаваться вовсе, в то время как растущее истощение воюющих сторон предвещало близкий конец войны. Соответственно Испания умножила свои усилия по подготовке и военной изобретательности, в то время как слухи о них и о приближающемся решающем сражении привлекли на сцену добровольцев и выдающихся людей из других стран Европы. Два французских принца Бурбонов своим приездом усилили театральный интерес, которому была придана приближающаяся драма. Присутствие королевской особы было необходимо, чтобы должным образом украсить грандиозную катастрофу; ибо жизнерадостная уверенность осаждающих определила удовлетворительную развязку со всей уверенностью драматурга.

Помимо укреплений на перешейке, соединяющем Скалу с материком, где теперь было установлено триста артиллерийских орудий, нападавшие в основном полагались на десять плавучих батарей, тщательно сконструированных, чтобы быть пристрелянными и противопожарными, и несущих сто пятьдесят четыре тяжелых орудия. Они должны были встать на якорь в тесной линии с севера на юг вдоль западной стороны завода, на расстоянии около девятисот ярдов. Их должны были поддерживать сорок канонерских лодок и столько же бомбардировочных судов, помимо усилий линейных кораблей по прикрытию атаки и отвлечению гарнизона. Двенадцать тысяч французских солдат были переброшены на помощь испанцам в грандиозном штурме, который должен был начаться, когда бомбардировка нанесет достаточный урон и деморализует обороняющихся. В то время последних насчитывалось семь тысяч, а их сухопутных противников - тридцать три тысячи человек.

Заключительный акт открыли англичане. В семь часов утра 8 сентября 1782 года командующий генерал Эллиот начал сильный и причиняющий наибольший ущерб обстрел сооружений на перешейке. Достигнув своей цели, он остановился; но на следующее утро противник взялся за дело и в течение четырех дней подряд обстреливал только перешеек шестью тысячами пятьюстами пушечными ядрами и тысячей ста бомбами каждые двадцать четыре часа. Так

приближалась великая заключительная сцена 13 сентября. В семь часов утра того же дня десять кораблей-бомбардировщиков отшвартовались от входа в бухту и встали на свое место. Между девятью и десятью часами они встали на якорь, и сразу же начался общий обстрел. Осажденные ответили с такой же яростью. Корабли-бомбардировщики, по-видимому, в основном и в течение нескольких часов оправдывали возлагавшиеся на них надежды; холодная пуля прошла или не прошла сквозь их борта, в то время как самодействующее устройство для тушения пожаров предотвратило горячую пулю.

Однако около двух часов дня было замечено, что с корабля главнокомандующего поднимается дым, и, хотя огонь некоторое время контролировался, он продолжал усиливаться. То же несчастье постигло и других; к вечеру огонь осажденных приобрел заметное превосходство, и к часу ночи большая часть броненосцев была объята пламенем. Их бедствие усилилось из-за действий морского офицера, командовавшего английскими канонерскими лодками, который теперь занял пост на фланге линии и эффективно обстреливал ее, — услуга, которой испанские канонерские лодки должны были помешать. В конце концов девять из десяти судов затонули на своих якорях, потери оценивались в полторы тысячи человек, четыреста из которых были спасены из-под огня английскими моряками. Десятый корабль был взят на абордаж и сожжен английскими лодками. Надежды нападавших рухнули вместе с неудачей кораблей-бомбардировщиков.

Оставалась только надежда уморить гарнизон голодом. С этой целью флоты союзников теперь отдали себя. Было известно, что лорд Хоу отправляется в путь с огромным флотом, насчитывающим тридцать четыре линейных корабля, не считая судов снабжения. 10 октября сильный западный шторм повредил объединенные корабли, выбросив один из них на берег под батареями Гибралтара, где он был сдан. На следующий день показались силы Хоу, и транспорты получили прекрасный шанс стать на якорную стоянку, которую по неосторожности упустили все, кроме четырех. Остальные вместе с военачальниками двинулись на восток, в Средиземное море. Союзники последовали 13-го; но, хотя они и находились таким образом между портом и силами подкрепления и не были обременены, в отличие от последних, судами снабжения, они все же ухитрились позволить транспортам, за редким исключением, благополучно проскользнуть внутрь и встать на якорь. Не только провизия и боеприпасы, но и тела военнослужащих, перевозимые военными кораблями, были высажены без каких-либо посягательств. 19-го английский флот вновь прошел пролив с восточным ветром, выполнив в течение недели свою миссию и обеспечив безопасность Гибралтара еще на год. Флот союзников последовал за ними, и 20-го числа произошло сражение на большом расстоянии, союзники находились с наветренной стороны, но не приближали свою атаку вплотную. Число линейных кораблей, участвовавших в этом великолепном зрелище, заключительной сцене великой драмы в Европе, последовавшей за успешной обороной Гибралтара, составляло восемьдесят три: сорок девять союзных и тридцать четыре английских. Из первых в бой вступили только тридцать три; но поскольку более тупые парусники вступили бы в генеральное сражение, лорд Хоу, вероятно, был прав, отклонив, насколько это было в его силах, испытание, которому союзники не слишком охотно подвергались.

Таковы были результаты этого великого состязания в европейских морях, отмеченного со стороны союзников гигантскими по размерам усилиями, но неуклюжими по исполнению. Англия, столь сильно превосходившая ее просто численно, продемонстрировала твердость цели, высокое мужество и морское искусство; но едва ли можно сказать, что военные

концепции ее советов или кабинетное управление ее морскими силами были достойны мастерства и преданности ее моряков. Шансы против нее были не так велики - и близко не так велики, — как, казалось, показывали внушительные списки орудий и кораблей; и хотя следует справедливо учитывать первые колебания, прошедшие годы нерешительности и неэффективности со стороны союзников должны были выдать их слабость. Нежелание французов рисковать своими кораблями, столь ясно продемонстрированное Д'Эстеном, Де Грассом и Де Гишеном, медлительность и неэффективность испанцев должны были побудить Англию продолжать свою старую политику, наносить удары по организованным силам противника на плаву. На самом деле, и, вероятно, в силу необходимости дела, в начале каждой кампании враги оказывались разделенными — испанцы в Кадисе, французы в Бресте.^[164] Для блокады последних в полную силу, прежде чем они смогли бы выйти, Англии следовало напрячь все усилия; таким образом, она остановила бы в верховьях основной поток сил союзников и, точно зная, где находится это большое соединение, устранила бы ту неопределенность относительно его действий, которая сковывала ее собственные передвижения, как только она получила свободу в открытом море. Перед Брестом он был зажат между союзниками; благодаря своим наблюдателям он узнал бы о приближении испанцев задолго до того, как об этом узнали бы французы; он сохранил бы в своих руках возможность выставить против каждого по отдельности корабли более многочисленные и по отдельности более эффективные. Попутный ветер, который могли бы принести испанцы, запер бы их союзников в порту. Наиболее вопиющими примерами неспособности Англии сделать это были случаи, когда Де Грассу было разрешено выйти без сопротивления в марте 1781 года; поскольку английский флот с превосходящими силами отплыл из Портсмута за девять дней до него, но был задержан адмиралтейством на ирландском побережье;^[165] и снова в конце того же года, когда английский флот вышел из Портсмута за девять дней до него, но был задержан адмиралтейством на ирландском побережье. Кемпенфельдт был отправлен на перехват Де Гишена меньшими силами, в то время как корабли, достаточные для того, чтобы изменить ситуацию, оставались дома. Несколько кораблей, которые должны были сопровождать Родни в Вест-Индию, были готовы, когда Кемпенфельдт отплыл, однако они не были связаны с предприятием, столь близко затрагивающим цели кампании Родни. Объединившись, эти две силы положили бы конец семнадцати кораблям Де Гишена и его бесценному конвою.

Гибралтар действительно был тяжелым бременем для английских операций, но национальный инстинкт, который цеплялся за него, был правильным. Ошибка английской политики заключалась в попытке удержать так много других пунктов высадки, в то время как из-за быстроты сосредоточения было упущено возможность нанести удар по любому из отрядов союзного флота. Ключ к разгадке ситуации находился в океане; великая победа там решила бы все остальные спорные вопросы. Но одержать великую победу, пытаясь повсюду демонстрировать силу, было невозможно.^[166]

Северная Америка была еще более тяжелым препятствием, и там, несомненно, чувства нации были ошибочными; гордость, а не мудрость поддерживали ту борьбу. Каковы бы ни были симпатии отдельных лиц и классов в союзных нациях, их правительства оценивали восстание американцев только как ослабление руки Англии. Операции там зависели, как было показано, от контроля над морем; и для поддержания этого были задействованы большие отряды английских кораблей, участвовавших в борьбе с Францией и Испанией. Если бы успешная война снова сделала Америку такой, какой она была когда-то, горячо зависимой от Великобритании, прочной базой ее морской мощи, это стоило бы гораздо больших жертв; но это стало

невозможным. Но хотя из-за своих собственных ошибок она потеряла привязанность колонистов, которая могла бы поддержать и закрепить ее власть над их портами и морским побережьем, тем не менее у метрополии, в Галифаксе, на Бермудских островах и в Вест-Индии, оставалось достаточно сильных военных баз, уступающих в качестве военно-морских баз только тем сильным портам, которые окружены дружественной страной, большой по своим ресурсам и населению. Отказ от участия в войне в Северной Америке укрепил бы Англию гораздо больше, чем союзников. Как бы то ни было, ее крупные военно-морские соединения там всегда могли быть разгромлены внезапным нападением противника с моря, как это произошло в 1778 и 1781 годах.

К оставлению Америки как безнадежно потерянной, потому что никакое военное подчинение не могло вернуть былую лояльность, следовало бы добавить отказ на время от всякой военной оккупации, которая ограничивала концентрацию, но не добавляла военной мощи. Большая часть Антильских островов подпадала под эту категорию, и окончательное овладение ими зависело бы от военно-морской кампании. Гарнизоны можно было бы оставить для Барбадоса и Штаба. Люсия, за Гибралтар и, возможно, за Мэхон, что могло бы эффективно поддерживать их до тех пор, пока не будет принято решение о владении морями; и к ним можно было бы добавить одну или две жизненно важные должности в Америке, такие как Нью-Йорк и Чарльстон, которые будут удерживаться только до тех пор, пока не будут даны гарантии такого обращения с лоялистами среди населения, какого требует добросовестность Англии.

Таким образом, сбросив с себя всякий груз, должна была последовать быстрая концентрация с наступательной целью. Шестьдесят линейных кораблей на побережье Европы, половина перед Кадиксом, половина перед Брестом, с резервом на родине для замены поврежденных кораблей, не сильно истощили бы силы английского флота; и что таким флотам не пришлось бы сражаться, можем сказать не только мы, у которых перед глазами вся история, но и те, кто наблюдал за тактикой Д'Эстена и Де Гишена, а позже и Де Грасса. Или, если бы даже такое значительное рассредоточение было сочтено нецелесообразным, сорок кораблей перед Брестом оставили бы море открытым для испанского флота, чтобы попытаться договориться с остальной частью английского флота, когда встанет вопрос о контроле над Гибралтаром и Маоном. Зная, что мы делаем с эффективностью двух служб, можно не сомневаться в результате; и Гибралтар, а не груз, был бы, как это часто бывало до и после тех дней, элементом силы Великобритании.

Вывод постоянно повторяется. Какими бы ни были определяющие факторы в раздорах между соседними континентальными государствами, когда возникает вопрос о контроле над отдаленными регионами, политически слабыми, — будь то рушащиеся империи, анархические республики, колонии, изолированные военные посты или острова меньшего размера, — в конечном счете это должно решаться военно-морской мощью, организованной военной силой на плаву, которая представляет собой коммуникации, составляющие столь заметную особенность любой стратегии. От этого зависела великолепная оборона Гибралтара; от этого зависели военные результаты войны в Америке; от этого решалась окончательная судьба Вест-Индских островов; от этого, безусловно, зависело обладание Индией. От этого будет зависеть контроль над Центральноамериканским перешейком, если этот вопрос приобретет военную окраску; и хотя континентальное положение и окружение Турции несколько изменились, та же морская мощь должна стать весомым фактором в решении Восточного вопроса в Европе.

Если это правда, военная мудрость и экономия как времени, так и денег диктуют как можно скорее приступить к решению проблемы на просторах моря с уверенностью, что держава, достигшая там военного перевеса, в конце концов победит. В войне за Американскую революцию численный перевес был очень велик против Англии; фактические шансы были меньше, хотя все еще были против нее. Военные соображения потребовали бы оставить колонии; но если национальная гордость не могла опуститься до этого, правильным решением было бы заблокировать арсеналы противника. Если они не были достаточно сильны, чтобы иметь превосходство в силах перед обоими, то более могущественная нация должна была быть закрыта. Здесь была первая ошибка английского адмиралтейства; заявление первого лорда относительно имеющихся в наличии сил на момент начала войны не было подтверждено фактами. Первый флот под командованием Кеппеля едва ли равнялся французскому; и в то же время силы Хоу в Америке уступали флоту под командованием Д'Эстена. Напротив, в 1779 и 1781 годах английский флот превосходил только французский; тем не менее союзники присоединились, не встретив сопротивления, в то время как в последнем году Де Грасс ушел в Вест-Индию, а Сюффрен - на Восток. В деле Кемпенфельдта с Де Гишеном адмиралтейство знало, что французский конвой имел первостепенное значение для кампании в Вест-Индии, и все же они послали своего адмирала всего с двенадцатью кораблями; в то время как в то время, помимо подкрепления, предназначенного для Вест-Индии, ряд других был размещен в Даунсе для того, что Фокс справедливо назвал "ничтожной целью" - нанести ущерб голландской торговле. Различные обвинения, выдвинутые Фоксом в цитируемой речи и которые, применительно к франко-испанской войне, были основаны главным образом на целесообразности нападения на союзников до того, как они уйдут в океанскую глушь, были поддержаны высоким профессиональным мнением лорда Хоу, который по поводу дела Кемпенфельдта сказал: "Не только судьба островов Вест-Индии, но, возможно, и весь будущий исход войны мог быть решен почти без риска в Бискайском заливе".^[167] Не без риска, но с большой вероятностью успеха, вся удача войны должна была сначала быть поставлена на концентрацию английского флота между Брестом и Кадисом. Никакая помощь Гибралтару не была бы более эффективной; никакая диверсия не была бы более надежной для островов Вест-Индии; и американцы напрасно взывали бы к помощи французского флота, как бы скудна она ни была. Великие результаты, достигнутые прибытием Де Грасса, не должны заслонять тот факт, что он прибыл 31 августа и с самого начала объявил, что должен снова быть в Вест-Индии к середине октября. Только providенциальное стечение обстоятельств предотвратило повторение в Вашингтоне в 1781 году болезненных разочарований Д'Эстена и Де Гишена в 1778 и 1780 годах.

СНОСКИ:

[157] Любознательный читатель может ознакомиться с письмами и заметками Клинтона в "Полемике Клинтона Корнуоллиса" Б.Ф. Стивенса. Лондон, 1888 год.

[158] Бэнкрофт: История Соединенных Штатов, том x, стр. 191.

[159] Хотя англичане, таким образом, виновно не смогли использовать свое превосходство над французами в одиночку, флот Ла-Манша, насчитывающий более сорока линейных кораблей, опасался, что это может помешать соединению, что заставило брестский флот отплыть в спешке и с недостаточным количеством людей — факт, который оказал важное влияние на исход похода. (Шевалье, стр. 159.)

[160] Подробности неумелого управления этим огромным скопищем кораблей настолько многочисленны, что запутывают повествование, и поэтому приведены в примечании. Французский флот был спешно выведен в море, не хватило четырех тысяч человек. Испанцы ждали присоединения семь недель. Когда они встретились, не было налажено общей системы сигналов; пять прекрасных летних дней ушло на исправление этого недостатка. Только через неделю после соединения флот смог отплыть в Англию. Не было предпринято никаких шагов для пополнения запасов провизии, израсходованной французами в течение семи недель. Первоначальные приказы Д'Орвилье предусматривали высадку в Портсмуте или захват острова Уайт, для чего на побережье Нормандии была собрана большая армия. По достижении Ла-Манша эти приказы были внезапно изменены, и Фалмут был указан в качестве пункта высадки. К этому времени, 16 августа, лето почти закончилось; и Фалмут, в случае взятия, не предоставил бы убежища большому флоту. Затем восточный шторм выгнал флот из Ла-Манша. К этому времени свирепствовавшая болезнь настолько сократила экипажи, что на многих кораблях нельзя было ни управлять, ни сражаться. Корабельные роты численностью в восемьсот или тысячу человек могли насчитывать только от трехсот до пятисот человек. Таким образом, плохое управление подорвало боевую мощь флота; в то время как необъяснимая военная ошибка, заключавшаяся в изменении цели с безопасного и доступного рейда на первоклассную и открытую гавань, довершила катастрофу, лишив единственной надежды на безопасную базу для операций в осенние и зимние месяцы. У Франции тогда не было первоклассного порта на Ла-Манше; следовательно, сильные западные штормы, которые преобладали осенью и зимой, загнали бы союзников в Северное море.

[161] Жизнь адмирала Кеппела, том. ii, стр. 72, 346, 403. См. также Барроу: Жизнь Лорда Хоу, стр. 123-126.

[162] Битсон довольно подробно описывает (т. v. стр. 395) дебаты на военном совете союзников. Обычная нерешительность таких советов перед лицом трудностей ситуации усилилась из-за обращения к иллюзии уничтожения торговли как решающего способа ведения войны. Г-н де Боссе настаивал на том, что "флоты союзников должны направить все свое внимание на эту великую и достижимую цель - перехват британских флотов, направляющихся домой, в Вест-Индию. Это была мера, которая, поскольку они теперь были хозяевами моря, вряд ли могла не увенчаться успехом; и это оказалось бы настолько фатальным ударом для этой нации, что она не смогла бы оправиться от него в течение всего хода войны". Французский рассказ Лаперуза-Бонфиса, по сути, тот же самый. Шевалье, который умалчивает о деталях, справедливо замечает: "Только что совершенное флотом союзников плавание нанесло ущерб репутации

Франции и Испании. Эти две державы совершили грандиозную демонстрацию силы, которая не привела ни к какому результату". Английская торговля также не пострадала. Гишен написала домой: "Я вернулась из круиза утомительной, но не блистательной".

[163] Эта неудача французов была в значительной степени вызвана неправильным управлением Де Гишена, умелого и обычно осторожного адмирала. Когда Кемпенфельдт присоединился к нему, все французские военные корабли оказались с подветренной стороны от их конвоя, в то время как английские - с наветренной. Первые, следовательно, были не в состоянии вмешаться вовремя, и альтернативное средство - конвой, идущий с подветренной стороны от их эскорта, - не могло быть применено всеми торговыми судами в таком большом количестве.

[164] "Весной 1780 года британское адмиралтейство собрало в портах Ла-Манша сорок пять линейных кораблей. Эскадра в Бресте сократилась до двенадцати или пятнадцати.... Чтобы доставить удовольствие Испании, двадцать французских линейных кораблей перешли под флаг адмирала Кордовы в Кадисе. Вследствие такой диспозиции англичане своим флотом под Ла-Маншем сдерживали силы, которые мы имели в Бресте и Кадисе. Крейсера противника свободно пересекали пространство между Ящерицей и Гибралтарским проливом". (Шевалье, стр. 202.)

В 1781 году "Версальский кабинет министров привлек внимание Голландии и Испании к необходимости собрать в Бресте флот, достаточно сильный, чтобы противостоять кораблям, которые Великобритания держала в Ла-Манше. Голландцы остались в Текселе, а испанцы не покинули Кадис. Из этого положения вещей вытекало, что англичане с сорока линейными кораблями блокировали семьдесят, принадлежавших союзным державам". (стр. 265.)

[165] "Вопрос очень волновал как в парламенте, так и за его пределами; а именно, не должен ли был перехват французского флота под командованием графа де Грасса быть первой целью британского флота под командованием вице-адмирала Дарби вместо потери времени на поход в Ирландию, из-за чего эта возможность была упущена. Поражение французского флота, несомненно, полностью расстроило бы великие планы, которые враги вынашивали в Ост- и Вест-Индии. Это обеспечило бы безопасность британских островов Вест-Индии; мыс Доброй Надежды должен был попасть в руки Британии; и кампания в Северной Америке могла бы иметь совсем иное завершение". (Мемуары Битсона, том v., стр. 341, где также приводятся противоположные аргументы.)

[166] Это одно из самых распространенных и вопиющих нарушений принципов ведения войны — протягивание тонкой линии, повсюду неадекватной, через огромную границу. Шумиха вокруг торговли и местных интересов делает народные правительства особенно подверженными этому.

[167] Годовой реестр, 1782.

ГЛАВА XII

События в Ост—Индии, 1778-1781.—Отплытие Сюффрена из Бреста, 1781. - Его блестящая морская кампания в Индийских морях, 1782, 1783.

Очень интересная и поучительная кампания Сюффрена в Ост-Индии, хотя сама по себе, безусловно, была самым примечательным и достойным военно-морским достижением войны 1778 года, не по его вине не смогла повлиять на общий исход. Только в 1781 году французский двор счел возможным направить на Восток военно-морские силы, адекватные важности этого вопроса. Однако условия на полуострове в то время были таковы, что предоставлялась необычная возможность поколебать английскую мощь. Хайдер Али, самый искусный и отважный из всех врагов, с которыми англичане до сих пор сражались в Индии, правил тогда королевством Майсур, которое из-за своего положения в южной части полуострова угрожало как Карнатикскому, так и Малабарскому побережью. Хайдер за десять лет до этого в одиночку вел весьма успешную войну против вторгшихся чужеземцев, заключив мир на условиях взаимного восстановления завоеваний; и теперь он был разгневан захватом Маэ. С другой стороны, ряд воинственных племен, известных под названием махратты, принадлежащих к одной и той же расе и слабо связанных между собой своего рода феодальной системой, были вовлечены в войну с англичанами. Территория, занимаемая этими племенами, главная столица которых находилась в Пунахе, недалеко от Бомбея, простиралась на север от Майсура до Ганга. С границами, таким образом, совпадающими и расположенными в центре относительно трех английских президентств Бомбея, Калькутты и Мадраса, Хайдер и махратты находились в выгодном положении для взаимной поддержки и наступательных операций противобщего врага. В начале войны между Англией и Францией в Пунахе появился французский агент. Генерал-губернатору Уоррену Гастингсу доложили, что племена согласились на условия и уступили французам морской порт на Малабарском побережье. Со своей обычной расторопностью Гастингс сразу же принял решение о войне и отправил дивизию бенгальской армии через Джамну в Берар. Другой четырехтысячный отряд английских войск также выступил из Бомбея; но, будучи плохо руководимым, был окружен и вынужден капитулировать в январе 1779 года. Это необычное поражение оживило надежды и увеличило силу врагов англичан; и хотя материальный ущерб был вскоре возмещен значительными успехами под руководством

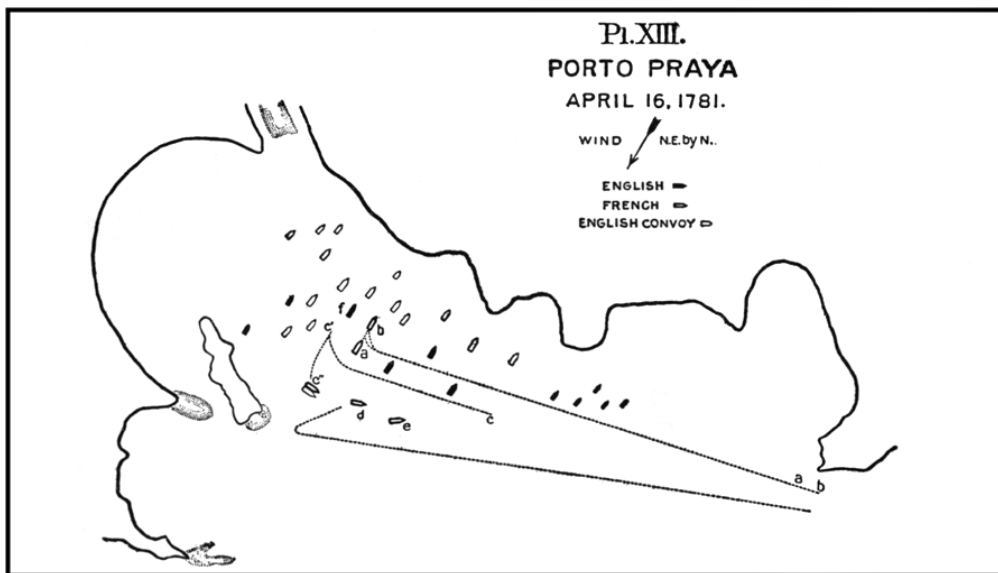
умелых руководителей, потеря престижа осталась. Гнев Хайдера Али, вызванный захватом Маэ, усилился из-за неосторожного противодействия со стороны губернатора Мадраса. Видя, что англичане сцепились с махраттами, и услышав, что французское вооружение ожидается на Коромандельском побережье, он спокойно подготовился к войне. Летом 1780 года толпы его всадников без предупреждения спустились с холмов и появились у ворот Мадраса. В сентябре один трехтысячный отряд английских войск был разбит вдребезги, а другой из пяти тысяч был спасен только быстрым отступлением к Мадрасу, потеряв свою артиллерию и обозы. Не имея возможности атаковать Мадрас, Хайдер повернул на разрозненные посты, отделенные друг от друга и от столицы открытой местностью, которая теперь была полностью под его контролем.

Таково было положение дел, когда в январе 1781 года на побережье появилась французская эскадра из шести линейных кораблей и трех фрегатов. Английский флот под командованием сэра Эдварда Хьюза отправился в Бомбей. К французскому коммодору графу д'Орву Хайдер обратился за помощью в нападении на Куддалор. Лишенный поддержки с моря и окруженный мириадами туземцев, город, должно быть, пал. Д'Орв, однако, отказался и вернулся на остров Франция. В то же самое время один из самых искусных английских солдат-индейцев, сэр Эйр Кут, выступил против Хайдера. Последний в один раз снял осаду с осажденных постов и после серии операций, продолжавшихся в течение весенних месяцев, был введен в бой 1 июля 1781 года. Его полное поражение вернуло англичанам открытую местность, спасло Карнатик и положило конец надеждам французских сторонников на их недавнее владение Пондишери. Прекрасная возможность была упущена.

Тем временем французский офицер, темперамент которого сильно отличался от темперамента его предшественников, направлялся в Ост-Индию. Следует помнить, что, когда де Грасс отплыл из Бреста 22 марта 1781 года в Вест-Индию, с его флотом отправился дивизион из пяти линейных кораблей под командованием Сюффрена. Последний отделился от основных сил 29 числа того же месяца, взяв с собой несколько транспортов, направлявшихся к мысу Доброй Надежды, который в то время был голландской колонией. Французское правительство узнало, что экспедиции из Англии суждено захватить этот важный перевалочный пункт на пути в Индию, и первой миссией Сюффрена было обеспечить его безопасность. Фактически, эскадра под командованием коммодора Джонстона^[168] ушла первой и бросила якорь в Порту Прая, на островах Зеленого Мыса, португальской колонии, 11 апреля. Она насчитывала два линейных корабля и три пятидесятипушечных, а также фрегаты и суда поменьше, не считая тридцати пяти транспортов, в основном вооруженных. Не опасаясь нападения, не потому, что он доверял нейтралитету порта, а потому, что считал пункт своего назначения секретным, английский коммодор бросил якорь не с целью сражения.

Случилось так, что в момент отплытия из Бреста один из кораблей, предназначенных для Вест-Индии, был передан эскадре Сюффрена. Следовательно, у нее не хватило воды для более длительного плавания, и это, наряду с другими причинами, побудило Сюффрена также бросить якорь в Порто-Прая. 16 апреля, через пять дней после Джонстона, он подошел к острову ранним утром и встал на якорную стоянку, отправив вперед на разведку обшитый медью корабль. Приближаясь с востока, суша на некоторое время скрывала английскую эскадру; но без четверти девять передовой корабль "Артезиан" подал сигнал, что корабли противника стоят на якоре в бухте. Последний открыт на юг и простирается с востока на запад примерно на полторы мили; условия таковы, что суда обычно стоят в северо-восточной части, недалеко от берега (фото XIII).^[169] Англичане были там, растянувшись нерегулярно в линию запад-северо-запад. И

Сюффрен, и Джонстон были удивлены, но последний - еще больше; и инициатива осталась за французским офицером. Мало кто из мужчин был более подготовлен благодаря природному темпераменту и приобретенному опыту для принятия быстрого решения. Обладая пылким нравом и врожденным военным гением, Сюффрен научился на примере поведения Боскавена по отношению к эскадрилье Де ла Клу, [170], в которой он служил, не полагаться на мощь Португалии для обеспечения соблюдения ее нейтралитета. Он знал, что это, должно быть, та самая эскадра, которая направлялась к мысу Доброй Надежды. Единственный вопрос для него состоял в том, продвигаться ли к мысу, имея шанс добраться туда первым, или атаковать англичан на их якорных стоянках в надежде нанести им такой урон, чтобы помешать их дальнейшему продвижению. Он остановился на последнем; и хотя корабли его эскадры, плававшие не столь хорошо, были рассеяны, он также решил немедленно вмешаться, чтобы не упустить преимущество внезапности. Подал сигнал готовиться к бою на якоре, он возглавил свой флагманский корабль "Херос" с семьюдесятью четырьмя пушками, подошел вплотную к юго-восточной оконечности залива и встал на защиту английского флагманского корабля (f). За ним вплотную следовал "Ганнибал", семьдесят четвертый (линия a b); передовой корабль "Артезиан" (c), шестьдесят четвертый, также шел рядом с ним; но два задних корабля были все еще далеко за кормой.

Pl. XIII. [Список](#)

Английский коммодор приготовился к бою, как только разглядел противника, но у него не было времени исправить свой приказ. Сюффрен бросил якорь в пятистах футах от траверза правого борта флагманского корабля (по странному совпадению английский флагманский корабль также назывался "Герой"), таким образом, имея корабли противника с обеих сторон, и открыл огонь. "Ганнибал" бросил якорь впереди своего коммодора (b) и так близко, что последнему пришлось отклониться на трос и опуститься за кормой (a); но его капитан, не знавший о намерении Сюффрена пренебречь нейтралитетом порта, не подчинился приказу приготовиться к бою и был совершенно не готов — его палубы были заставлены бочонками с водой, которые были подняты для ускорения полива, а орудия не спущены на воду. Он не усугубил эту ошибку никакими колебаниями, но смело последовал за флагманским кораблем, пассивно принимая

огонь, на который какое-то время не мог ответить. Развернувшись по ветру, он прошел с наветренной стороны от своего командира, умело выбрал позицию и своей смертью искупил свою первую ошибку. Эти два корабля были расположены так, чтобы использовать оба бортовых залпа. "Артезъен" из-за дыма принял ост-индский корабль за военный корабль. Шедший рядом (с') ее капитан был сражен насмерть в тот момент, когда собирался встать на якорь, и критический момент был упущен из-за отсутствия головного, корабль вышел из ближнего боя, унося с собой ост-индианца (с'). Оставшиеся два судна, подошедшие с опозданием, не смогли держаться достаточно близко к ветру, и они тоже были выведены из строя (d, e). Затем Сюффрен, обнаружив, что у него всего два корабля, способных принять на себя основную тяжесть сражения, перерезал канат и поднял паруса. "Ганнибал" последовал за ним, но был так сильно поврежден, что его носовая и грот-мачты полетели за борт — к счастью, не раньше, чем на него указали из бухты, от которой остался только остов.

Оставляя полностью в стороне вопросы международного права, мудрость и ход нападения Сюффрена с военной точки зрения привлекают внимание. Чтобы правильно судить о них, мы должны рассмотреть, какова была цель миссии, которую ему поручили, и каковы были главные факторы, сорвавшие или перенаправившие ее. Его первой целью была защита мыса Доброй Надежды от английской экспедиции; главной надеждой для достижения его цели было добраться туда первым; препятствием на пути к успеху был английский флот. Чтобы предвидеть появление последнего, перед ним были открыты два пути — бежать в надежде выиграть забег или победить противника и таким образом полностью выбить его из гонки. До тех пор, пока его местонахождение было неизвестно, поиски, если только не располагались весьма достоверной информацией, были бы пустой тратой времени; но когда фортуна бросила врага у него на пути, гений Сюффрена сразу же пришел к выводу, что контроль над морем в южных водах решит этот вопрос и должен быть решен немедленно. Используя его собственное сильное выражение, "Уничтожение английской эскадры *подорвало бы на корню* все планы и проекты этой экспедиции, обеспечило бы нам надолго превосходство в Индии, превосходство, результатом которого мог бы стать славный мир, и помешало бы англичанам достичь Кейптауна раньше меня, — цель, которая была достигнута и являлась главной целью моей миссии". Он был плохо информирован об английских силах, полагая, что они больше, чем были на самом деле; но он поставил их в невыгодное положение и застал врасплох. Быстрое решение вступить в бой, следовательно, было правильным, и наиболее очевидной заслугой Сюффрена в этом деле является то, что он на время отложил — выбросил, так сказать, из головы — скрытые планы похода; но при этом он отошел от традиций французского военно-морского флота и обычной политики своего правительства. Нельзя вменять ему в вину то, что он не получил от своих капитанов поддержки, на которую имел полное право рассчитывать. Были упомянуты несчастные случаи и небрежность, которые привели к их провалу; но, имея в своем распоряжении три лучших корабля, можно не сомневаться, что он был прав, воспользовавшись внезапностью и надеясь, что два резервных корабля подойдут вовремя.

Позиция, занятая его собственным кораблем и "Ганнибалом", позволившая им использовать оба бортовых залпа — другими словами, развить свои максимальные силы, — была рассчитана превосходно. Таким образом, он в полной мере воспользовался преимуществом, которое давали внезапность и отсутствие порядка в эскадре противника. Это отсутствие порядка, согласно английским отчетам, вывело из строя два из их пятидесятипушечных кораблей - обстоятельство, которое, хотя и дискредитировало Джонстона, подтвердило разумность Сюффрена в ускорении его атаки. Если бы он получил помощь, на которую после всех

умозаключений справедливо рассчитывал, он уничтожил бы английскую эскадру; как бы то ни было, он спас Капскую колонию в Порто-Прая. Поэтому неудивительно, что французский двор, несмотря на свою традиционную морскую политику и дипломатические затруднения, вызванные нарушением нейтралитета Португалии, искренне и великодушно признал энергичность действий, к которой он не привык в своих адмиралах.

Было сказано, что Сюффрен, наблюдавший за осторожными действиями Д'Эстена в Америке и участвовавший в Семилетней войне, частично объяснял неудачи, понесенные французами на море, внедрением тактики, которую он клеймил как завесу робости; но что результаты сражения при Порто-Прая, которое неизбежно велось без предварительной договоренности, убедили его, что система и метод принесли свои плоды.^[171] Конечно, впоследствии его тактические комбинации были высокого порядка, особенно в его ранних действиях на Востоке (поскольку он, похоже, снова отказался от них в более поздних боях из-за разочарования, вызванного недовольством или грубыми ошибками его капитанов). Но его великая и исключительная заслуга заключалась в ясности, с которой он распознал в английском флоте представителя британской морской мощи, настоящего врага французского флота, которого следует атаковать первым и всегда при любой демонстрации равенства. Далеко не закрывая глаза на важность тех скрытых целей, которым так постоянно подчинялись действия французского военно-морского флота, он все же ясно видел, что обеспечить достижение этих целей можно было не за счет экономии собственных кораблей, а за счет уничтожения кораблей противника. В его глазах атака, а не оборона, была путем к морской мощи; а морская мощь означала контроль над вопросами на суше, по крайней мере, в регионах, удаленных от Европы. Этот взгляд на английскую политику он имел мужество принять после сорока лет службы на флоте, принесенном в жертву противоположной системе; но он привнес в ее практическое применение метод, которого не найти ни у одного английского адмирала того времени, за исключением, возможно, Родни, и огонь, превосходящий последнего. И все же выбранный таким образом курс был не просто вдохновением момента; он был результатом четких взглядов, которых ранее придерживались и выражали. Несмотря на природную горячность, он обладал стойкостью интеллектуальной убежденности. Так он написал Д'Эстену после неудачи с уничтожением эскадрильи Баррингтона в штаб-квартире НАТО. Лючия, протестуя против неполного укомплектования его собственного и других кораблей, с которых люди были высажены для атаки английских войск:

"Несмотря на незначительные результаты двух канонад 15 декабря [направленных против эскадры Баррингтона] и печальную проверку, которой подверглись наши сухопутные войска, мы все еще можем надеяться на успех. Но единственное средство добиться этого - энергично атаковать эскадру, которая, при нашем превосходстве, не может сопротивляться, несмотря на свои наземные батареи, воздействие которых будет нейтрализовано, если мы доставим их на борт или бросим якорь на их буях. Если мы промедлим, они могут сбежать.... Кроме того, поскольку наш флот беспилотный, он не в состоянии ни плавать, ни сражаться. Что произойдет, если прибудет флот адмирала Байрона? Что стало бы с кораблями, не имеющими ни экипажей, ни адмиралов? Их поражение привело бы к потере армии и колонии. Давайте уничтожим эту эскадрилью; их армия, лишенная всего и расположенная в плохой стране, вскоре будет вынуждена капитулировать. Тогда пусть приезжает Байрон, мы будем рады его видеть. Я думаю, нет необходимости указывать, что для этой атаки нам нужны люди и планы, хорошо согласованные с теми, кто должен их осуществить".

В равной степени он осудил неудачу Д'Эстена в захвате четырех поврежденных кораблей эскадры Байрона после боя у берегов Гренады.

Из-за стечения обстоятельств атака в Порту-Прая не привела к тому решающему результату, которого она заслуживала. Коммодор Джонстон снялся с якоря и последовал за Сюффреном; но он считал, что его сил недостаточно для атаки перед лицом решительного поведения французов, и опасался потери времени из-за преследования с подветренной стороны от своего порта. Однако ему удалось отбить ост-индский корабль, который захватил "Артезиан". Сюффрен продолжил свой курс и 21 июня бросил якорь у мыса Саймонс-Бей. Джонстон последовал за ним две недели спустя; но, узнав с передового корабля, что французские войска высадились, он отказался от предприятия против колонии, совершил успешное нападение с целью уничтожения торговли на пять голландских кораблей в заливе Салданья, что плохо компенсировало провал военного предприятия, а затем сам вернулся в Англию, предварительно отправив линейные корабли присоединиться к сэру Эдварду Хьюзу в Ост-Индии.

Убедившись, что мыс укреплен, Сюффрен отплыл на остров Франция, прибыв туда 25 октября 1781 года. Граф д'Орв, будучи старшим, принял командование объединенной эскадрой. Необходимый ремонт был произведен, и флот отплыл в Индию 17 декабря. 22 января 1782 года был захвачен английский пятидесятипушечный корабль "Ганнибал". 9 февраля граф д'Орв умер, и Сюффрен стал главнокомандующим в звании коммодора. Несколько дней спустя к северу от Мадраса показалась земля, но из-за встречных ветров город был виден только 15 февраля. Девять больших военных кораблей были найдены стоящими в боевом порядке на якоре под орудиями фортов. Это был флот сэра Эдварда Хьюза, не пребывавший в таком замешательстве, как у Джонстона.^[172]

Здесь, в месте встречи этих двух грозных чемпионов, каждый из которых любопытным образом отражает особенности своей расы, — один — упорное упорство и морское искусство англичан, другой — пыл и тактическую науку французов, слишком долго сдерживаемых и обманутых ложной системой, — самое подходящее место, чтобы дать точную характеристику материальных сил. Французский флот располагал тремя семидесятипушечными, семью шестидесятипушечными и двумя пятидесятипушечными кораблями, одним из которых был недавно захваченный английский "Ганнибал". Им сэр Эдвард Хьюз противопоставил два семидесятипушечных, один семидесятипушечный, один шестидесятивосьмипушечный, четыре шестидесятипушечных и один пятидесятипушечный корабль. Таким образом, перевес двенадцать к девяти был явно против англичан; и вполне вероятно, что преимущество в мощи одного корабля, класс к классу, также было против них.

Следует напомнить, что на момент своего прибытия Сюффрен не обнаружил ни дружественного порта, ни рейда, ни базы снабжения или ремонта. Все французские посты пали к 1779 году; и его быстрое движение, которое спасло Мыс, не привело его вовремя наверх, чтобы предотвратить захват голландско-индийских владений. Бесценная гавань Тринкомали на Цейлоне была взята всего за месяц до того, как Сюффрен увидел английский флот в Мадрасе. Но если он, таким образом, мог все приобрести, то Хьюзу было что терять. Сюффрену в момент первой встречи принадлежали численное превосходство и способность перейти в наступление со всеми его преимуществами в выборе инициативы. На Хьюза обрушилась тревога из-за

обороны с меньшей численностью, множеством неприступных точек и неуверенностью относительно места, куда будет нанесен удар.

По-прежнему оставалось правдой, хотя и не столь безоговорочно, как тридцать лет назад, что контроль над Индией зависел от контроля над морем. Прошедшие годы значительно усилили хватку Англии и пропорционально ослабили хватку Франции. Следовательно, потребность Сюффрена в уничтожении своего врага была относительно большей, чем у его предшественников, Д'Аше и других; тогда как Хьюз мог рассчитывать на большую силу в английских владениях и, следовательно, нес несколько меньшую ответственность, чем адмиралы, которые были до него.

Тем не менее, море по-прежнему оставалось самым важным фактором в грядущем противостоянии, и для его надлежащего контроля было необходимо более или менее полностью вывести из строя флот противника и иметь какую-нибудь достаточно безопасную базу. Для последней цели Тринкомали, хотя и нездоровый, был, безусловно, лучшей гаванью на восточном побережье; но он недостаточно долго находился в руках Англии, чтобы его хорошо снабжали. Таким образом, "Хьюз" неизбежно вернулся в Мадрас для ремонта после боевых действий и был вынужден предоставить Тринкомали его собственным ресурсам до тех пор, пока он не будет готов снова выйти в море. Сюффрен, с другой стороны, обнаружил, что все порты одинаково лишены военно-морских припасов, в то время как естественные преимущества Тринкомали делали его обладание очевидной целью важности для него; и Хьюз так это понимал.

Таким образом, независимо от традиции английского военно-морского флота, побуждавшей Хьюза атаковать, влияние которой ясно просматривается между строк его писем, Сюффрен, продвигаясь к Тринкомали, столкнулся с угрозой, которая должна была выманить его противника из его порта. Тринкомали также не был одинок; продолжающаяся война между Хайдер Али и англичанами сделала для Сюффрена необходимым захватить порт на материке, в котором можно было бы высадить трехтысячный десант, перевозимый эскадрой для сотрудничества на берегу против общего врага, и откуда можно было бы получить припасы, по крайней мере продовольствие. Таким образом, все сходилось к тому, чтобы отвлечь Хьюза и заставить его попытаться нанести ущерб французскому флоту или помешать ему.

Способ его действий будет зависеть от его собственного мастерства и мастерства его противника, а также от ненадежности погоды. Для него было явно желательно ввязываться в бой только на его собственных условиях; другими словами, без какого-либо преимущества ситуации, которое могло бы компенсировать его более слабые силы. Поскольку флот в открытом море не может обеспечить себе никаких преимуществ на суше, позиция, благоприятствующая более слабому, заключалась в том, что с наветренной стороны, что давало выбор времени и некоторый выбор метода атаки, наступательная позиция использовалась в целях обороны с намерением предпринять наступательное движение, если того потребуют обстоятельства. Позиция с подветренной стороны не оставляла более слабому выбора, кроме как бежать или принять меры на условиях противника.

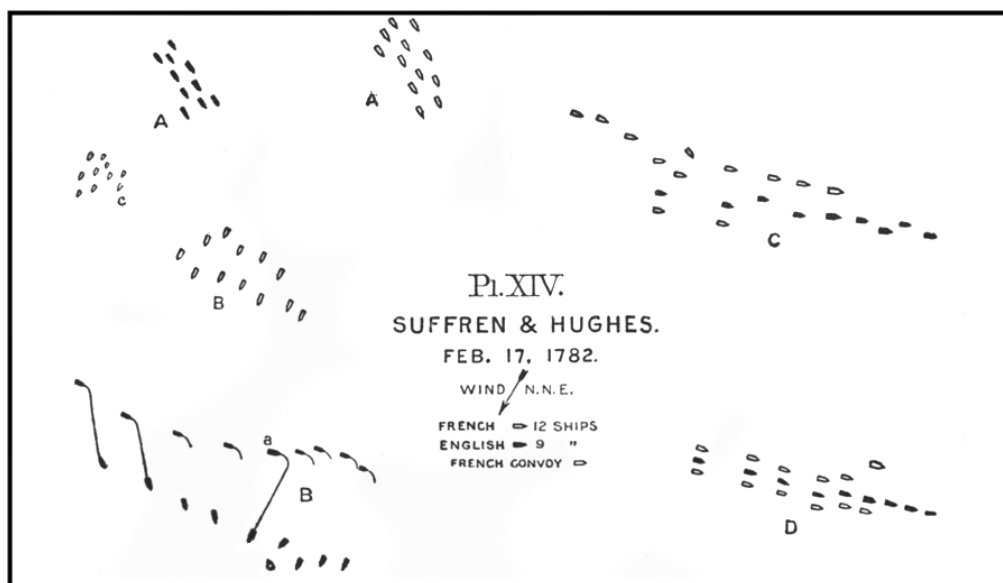
Что бы ни думали о мастерстве Хьюза, следует признать, что его задача была сложной. Тем не менее, ее можно четко свести к двум необходимым условиям. Первый состоял в том, чтобы нанести удар по французскому флоту, чтобы уменьшить существующее неравенство; второй - не дать Сюффрену захватить Тринкомали, который полностью зависел от флота.^[173] Сюффрен, с

другой стороны, если бы он мог нанести Хьюзу в бою больше травм, чем получил сам, был бы волен развернуться в любом направлении, которое он выберет.

Сюффрен, заметив флот Хьюза в Мадрасе 15 февраля, бросил якорь в четырех милях к северу. Считая линию противника, поддерживаемую батареями, слишком сильной для атаки, он снова двинулся в путь в четыре часа пополудни и двинулся на юг. Хьюз также принял решение, всю ночь держась южного направления под легкими парусами, и на рассвете обнаружил, что эскадра противника отделилась от конвоя, военные корабли находились примерно в двенадцати милях к востоку, в то время как транспорты находились в девяти милях к юго-западу от него (Фото XIV. А, А). Говорят, что это рассредоточение произошло из-за беспечности французских фрегатов, которые не поддерживали связь с англичанами. Хьюз сразу же воспользовался этим, преследуя конвой (с), зная, что линейные корабли должны следовать за ним. Его корабли с медным дном догнали и захватили шесть вражеских кораблей, пять из которых были английскими призами. Шестой перевозил триста солдат с военными припасами. Хьюз набрал очко.

Сюффрен, конечно, бросился в погоню, и к трем часам дня четверо его лучших парусников были в двух-трех милях от самых кормоходных английских кораблей. Корабли Хьюза были теперь сильно рассеяны, но не слишком опрометчиво, поскольку они присоединились по сигналу в семь часов вечера, и ночью обе эскадры стояли на юго-востоке под легкими парусами.

На рассвете 17—го — в день первого из четырех боевых действий между этими двумя главнокомандующими в течение семи месяцев - флоты находились на расстоянии шести-восьми миль друг от друга, французы держали курс на северо-северо-восток от англичан (В, В). Последние с трудом выстроились в линию на левом галсе (а) из-за слабых ветров и частых штилей. Адмирал Хьюз объясняет, что он надеялся обойти противника этим курсом, чтобы вступить в ближний бой, рассчитывая, вероятно, оказаться с наветренной стороны, когда поднимется морской бриз. Ветер по-прежнему был слабым, но с частыми шквалами с северо-северо-востока, французы, шедшие впереди него, держали порывы дольше и быстро приближались к англичанам, намерению Сюффрена атаковать с тыла способствовал курс Хьюза. Последний, обнаружив, что его тыл растянулся, приблизился к линии в ряд (b), отступая, чтобы выиграть время для сближения кораблей с центром. Эти передвижения в ряд продолжались до двадцати минут пятого пополудни, когда, обнаружив, что он не может избежать атаки на условиях противника, Хьюз повернул на левый галс и стал ждать ее (С). По его собственной вине или нет, но сейчас он находился в наихудшем из возможных положений, ожидая атаки превосходящих сил, когда им заблагорассудится. Замыкающий корабль его линейки, "Эксетер", не был прикрываем; и, кажется, нет причин, почему бы ему не оказаться в авангарде, перестроившись на правый галс и таким образом подтянув к себе другие корабли.

Pl. XIV.Список

Метод атаки Сюффрена (С) по-разному изложен им и Хьюзом, но разница заключается только в деталях; основные факты несомненны. Хьюз говорит, что противник "зашел в тыл нашей линии неправильной двойной линией в ряд", в таком строю они оставались до момента столкновения, когда "три вражеских корабля в первой линии устремились прямо на "Эксетер", в то время как еще четыре из их второй линии, возглавляемые "Херосом", на котором у мсье де Сюффрена был свой флаг, тащились *вдоль внешней стороны первой линии* к нашему центру". В пять минут пятого три корабля противника открыли огонь по "Эксетеру", который был отражен им и вторым впереди идущим; действие стало общим от нашего тыла до нашего центра, командующего корабля противника, с тремя другими из их второй линии, наступающими на наш центр, но никогда не продвигающимися дальше, чем напротив "Супербе", нашего центрального корабля, при слабом ветре или его отсутствии и небольшом количестве сильного дождя во время боя. При таких обстоятельствах противник бросил восемь своих лучших кораблей в атаку на пять наших, поскольку авангард нашей линии, состоящий из "Монмута", "Игла", "Берфорда" и "Вустера", не мог быть введен в бой без лавирования по противнику, "для чего не хватало ветра".

Здесь мы оставим их и приведем отчет Сюффрена о том, как он занял свою позицию. В своем докладе морскому министру он говорит: —

"Я бы уничтожил английскую эскадру не столько численным превосходством, сколько выгодной диспозицией, в которой я атаковал ее. Я атаковал арьергардный корабль и встал вдоль английской линии до шестого. Таким образом, я сделал бесполезными три из них, так что нас было двенадцать против шести. Я начал бой в половине четвертого пополудни, взяв инициативу на себя и подав сигнал построиться, насколько это было возможно; без этого я бы не вступил в бой. В четыре я подал сигнал трем кораблям зайти противнику в тыл, а эскадре приблизиться на расстояние пистолетного выстрела. Этот сигнал, хотя и был повторен, выполнен не был. Я не сам привел этот пример, чтобы удержать в узде три ванских корабля, которые, лавируя, удвоили бы мое преимущество. Однако, за исключением "Блестящего", который удваивался сзади, ни один корабль не был так близко, как мой, и не получил столько выстрелов".

Основное различие в этих двух сообщениях состоит в том, что Сюффрен утверждает, что его флагманский корабль прошел вдоль всей английской линии, от арьергарда до шестого корабля; в то время как Хьюз говорит, что французы разделились на две линии, которые, приблизившись, направили одну в тыл, другую в центр его эскадры. Последнее было бы лучшим маневром; ибо, если бы головной корабль атаки прошел, как утверждает Сюффрен, вдоль линии противника с тыла до шестого, он получил бы последовательно первый огонь шести кораблей, который должен был вывести его из строя и запутать линию. Сюффрен также отмечает намерение удвоить атаку с тыла, разместив три корабля с подветренной стороны от него. Двое французов действительно заняли эту позицию. Сюффрен далее приводит причину, по которой он не сблизился со своим собственным кораблем, который шел впереди; но поскольку те, кто следовал за ним, не приближались, внимание Хьюза не было привлечено к его действиям.

Французский коммодор был серьезно и, казалось бы, справедливо возмущен бездействием нескольких своих капитанов. О заместителе командира он пожаловался министру: "Находясь во главе, я не мог хорошо видеть, что происходило в тылу. Я приказал месье де Тромлену подавать сигналы кораблям, которые могли оказаться поблизости от него; он лишь повторил мои собственные, не добившись их выполнения". Эта жалоба была полностью обоснована. 6 февраля, за десять дней до боя, он написал своему секунданту следующее: —

- Если нам так повезет, что мы окажемся с наветренной стороны, поскольку англичан не более восьми, самое большее девяти, я намерен ударить им в тыл. Предположим, что ваша дивизия находится в тылу, вы увидите по своей позиции, сколько кораблей перекрывает линию противника, и подадите им сигнал удвоить[174] [то есть вступить в бой с подветренной стороны].... В любом случае, я прошу вас приказать вашей дивизии предпринять маневры, которые вы сочтете наиболее подходящими для обеспечения успеха операции. Захват Тринкомали и Негапатама, а возможно, и всего Цейлона, должен вызвать у нас желание предпринять общие действия".

Последние два предложения раскрывают собственную оценку Сюффреном военной ситуации в Индийских морях, которая требовала, во-первых, вывода из строя вражеского флота, а затем захвата определенных стратегических портов. То, что этот диагноз был правильным, столь же несомненно, как и то, что он опровергал общепринятые французские принципы, согласно которым порт был бы на первом месте, а флот - на втором. Всеобщая акция была первым желанием Сюффрена, и поэтому можно с уверенностью сказать, что избежать таких действий должно было быть первой целью Хьюза. Следовательно, попытка последнего занять наветренное положение была правильной; и поскольку в феврале месяце морской бриз в Мадрасе дует с востока и юга около одиннадцати часов утра, он, вероятно, поступил правильно, держась этого общего направления, хотя результат его разочаровал. Де Гишен в одном из своих боев с Родни определил курс своего флота с учетом того, что он находился с наветренной стороны, когда поднимался послеполуденный бриз, и добился успеха. Как Хьюз воспользовался бы преимуществом ветра, можно заключить только из его собственных слов, — что он искал его для того, чтобы вступить в более тесный бой. В этом нет определенного обещания какого-либо умелого использования тактического преимущества.

Сюффрен также иллюстрирует в своих словах Тромлену свое представление об обязанностях заместителя командира, которое вполне можно сравнить с представлением Нельсона о его знаменитом приказе перед Трафальгаром. В этой первой операции он сам возглавил главную

атаку, оставив руководство тем, что можно назвать резервом — во всяком случае, второй половиной атаки — своему лейтенанту, который, к несчастью для него, не был Коллингвудом и совершенно не смог поддержать его. Вероятно, лидерство Сюффрена было обусловлено не какой-то конкретной теорией, а тем фактом, что его корабль был лучшим парусником во флоте, и что поздний час и слабый ветер требовали скорейшего приведения противника в действие. Но здесь проявляется ошибка со стороны Сюффрена. То, как он руководил, предполагает, не обязательно, но очень естественно, идею примера; и удержание его собственного корабля за пределами ближней дистанции по отличным тактическим соображениям привело к тому, что капитаны, следовавшие за ним, естественно, почти оправданно держались на той же дистанции, несмотря на его сигналы. Нельзя допустить возникновения конфликта между приказами и примером, который так необычно проявился в Вискбурге во время нашей гражданской войны, вызвав непонимание и отчуждение двух доблестных офицеров. Дело руководителя - предотвращать подобные недоразумения самым тщательным предварительным разъяснением как буквы, так и духа своих планов. Особенно это актуально в море, где дым, слабый ветер и мешающий такелаж затрудняют чтение сигналов, хотя они являются почти единственным средством связи. Такова была практика Нельсона; Сюффрен тоже не был новичком в этой идее. "Необходимы диспозиции, хорошо согласованные с теми, кто должен их осуществлять", - писал он Д'Эстену тремя годами ранее. Оправдание, которое можно привести для тех, кто последовал за ним и вступил в бой, не может быть использовано для кораблей тыла, и особенно для заместителя командира, который знал планы Сюффрена. Он должен был вынудить тыловые корабли занять позицию с подветренной стороны, ведя за собой, если это необходимо. Ветра было достаточно, чтобы два капитана действительно вступили в бой с подветренной стороны, причем один из них без приказа, руководствуясь собственной доброй волей и мужеством, руководствуясь высказыванием Нельсона: "Ни один капитан не совершит большой ошибки, если поставит свой корабль рядом с кораблем противника". Он получил особую благодарность Сюффрена, что само по себе было честью и наградой. Была ли неудача стольких его товарищей вызвана неэффективностью или духом фракционности и нелояльности, не имеет значения для военного писателя, каким бы интересным он ни был для французских офицеров, ревниво относящихся к чести своей службы. Жалобы Сюффрена, после нескольких разочарований, стали неистовыми.

"Мое сердце, - писал он, - разрывается от самого массового дезертирства. Я только что упустил возможность уничтожить английскую эскадру.... Все — да, все — могли подобраться поближе, поскольку мы были с наветренной стороны и впереди, но никто этого не сделал. Некоторые из них храбро вели себя в других боях. Я могу приписать этот ужас только желанию поскорее закончить круиз, недоброжелательству и невежеству; ибо я не смею подозревать ничего худшего. Результат был ужасен. Я должен сказать вам, монсеньор, что офицеры, долгое время проработавшие на острове Франция, не являются ни моряками, ни военными. Не моряки, потому что они не были в море; а торговый нрав, независимый и непокорный, абсолютно противоположен воинскому духу".

Это письмо, написанное после его четвертой битвы с Хьюзом, следует принимать во внимание. Мало того, что кажется, что сам Сюффрэн, поспешивший уехать в этот последний раз из-за своего рвения, был частично ответственен за беспорядок на своем флоте, но были и другие обстоятельства, и прежде всего характер некоторых из обвиняемых офицеров, которые делали обвинение во всеобщем недовольстве чрезмерным. С другой стороны, остается верным, что после четырех генеральных сражений при численном превосходстве французов под

командованием такого искусного и пылкого командира, как Сюффрен, английская эскадра, по его собственному жалобному выражению, "все еще существовала"; и не только существовала, но и не потеряла ни одного корабля. Единственный вывод, который можно сделать, - это высказывание французского военно-морского писателя: "Количество исчезло раньше качества".^[175] Не имеет значения, был ли дефект вызван неэффективностью или недовольством.

Неэффективность, проявившаяся на поле боя, исчезла при общем ведении кампании, где сказывались только качества вождя. Сражение 17 февраля закончилось изменением ветра на юго-восточный в шесть часов вечера, после двухчасового боя. Таким образом, англичане оказались с наветренной стороны, и их передовые корабли получили возможность участвовать в сражении. Наступила ночь, и Сюффрен в половине седьмого повел свою эскадру по ветру правым галсом на северо-восток, в то время как Хьюз взял курс на юг под легкими парусами. Капитан французского военно-морского флота Шевалье сообщил, что Сюффрен намеревался возобновить бой на следующий день. В таком случае ему следовало принять меры, чтобы оставаться в пределах досягаемости. Политика Хьюза не вступать в бой без некоторого преимущества была слишком очевидной, чтобы допустить предположение, что с одним кораблем, "Эксетером", потерянным им из-за сосредоточения на нем стольких врагов, он будет спокойно ожидать атаки. Это настолько очевидно, что делает вероятным, что Сюффрен видел достаточные причины в результатах для своего флота и проступках своих офицеров не желать немедленно возобновлять боевые действия. На следующее утро два флота были вне поля зрения друг друга. Продолжающийся северный ветер и поврежденное состояние двух его кораблей вынудили Хьюза отправиться в Тринкомали, где защищенная гавань позволяла им провести ремонт. Сюффрен, обеспокоенный своим транспортом, отправился в Пондишери, где бросил якорь в их компании. Тогда он хотел выступить против Негапатама, но командующий войсками предпочел действовать против Куддалора. После переговоров и договоренностей с Хайдером Али армия высадилась к югу от Порто-Ново и двинулась на Куддалор, который сдался 4 апреля.

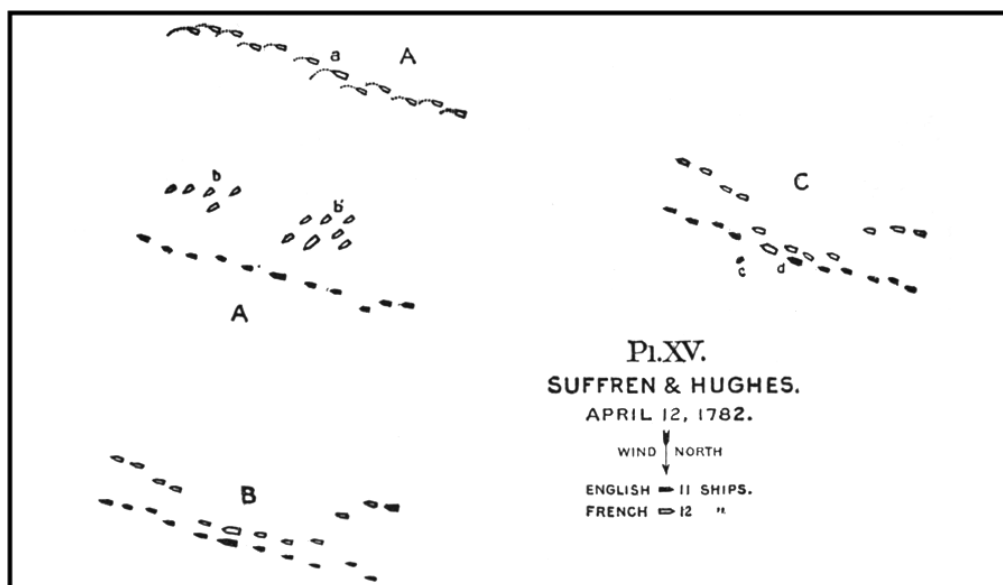
Тем временем Сюффрен, стремясь действовать вопреки своей главной цели, 23 марта снова вышел в море. Это была его надежда отрезать путь двум линейным кораблям, которые ожидалось из Англии. Для этого он опоздал; две семидесятичетверки присоединились к основным силам в Мадрасе 30 марта. Хьюз переоборудовался в Тринкомали за две недели и снова прибыл в Мадрас 12 марта. Вскоре после того, как к нему присоединилось подкрепление, он снова отплыл в Тринкомали с войсками и военными припасами для гарнизона. 8 апреля эскадра Сюффрена была замечена на северо-востоке, также державшая курс на юг. Хьюз держался этого и двух следующих дней при слабом северном ветре. 11-го числа он достиг побережья Цейлона, в пятидесяти милях к северу от Тринкомали, и направился в порт. Утром 12-го была замечена французская эскадра на северо-востоке, устремившаяся вдогонку за парусами. Это был день, когда Родни и Де Грасс встретились в Вест-Индии, но роли поменялись местами; здесь действовали французы, а не англичане.

Скорость кораблей обеих эскадр была очень неодинаковой; у каждой было несколько обшитых медью кораблей, а некоторые и не обшитые медью. Хьюз обнаружил, что его тихоходные корабли не могут ускользнуть от самых быстрых кораблей противника, — условие, которое всегда вынуждает отступающие силы рисковать вступлением в бой, если только они не решат бросить тыловые корабли, и которое делает обязательным для безопасности, а также

эффективности эскадры, чтобы все суда одного класса имели определенную минимальную скорость. Та же причина — опасность отделения корабля - привела невольного Де Грасса в тот же день, в другой сцене, к рискованному маневру и большой неудаче. Хьюз, имея на то более веские причины, решил вступить в бой; и в девять часов утра выстроил свою линию на правом галсе, стоя у берега (фото XV, А), эскадра в хорошем порядке, с интервалами в два кабельтовых между кораблями.^[176] Сначала будет прослежен его отчет, который снова отличается от отчета Сюффрена, давая радикально иное представление о тактике, используемой французским коммодором, и больше отдавая должное мастерству последнего. Он говорит:—

"Противник, держа курс с севера на восток, на расстоянии шести миль, при северо-восточном ветре, продолжал маневрировать своими кораблями и менять свои позиции в линии до пятнадцати минут пополудни, когда они унеслись (а) атаковать нас, пять парусов их авангарда растянулись вдоль (б), чтобы атаковать корабли нашего авангарда, а остальные семь парусов (в') направились прямо на наши три центральных корабля: "Суперб", "Монмут", второй впереди, и "Монарка", второй за кормой. В половине второго началось сражение в авангарде обеих эскадрилий; три минуты спустя я подал сигнал к бою. Французский адмирал на "Эро" и его второй помощник на "Ориенте" (оба семидесятифутового калибра) атаковали "Суперб"^[177] на расстоянии пистолетного выстрела. "Херос" оставался на своей позиции, открывая и принимая на себя сильный огонь в течение девяти минут, а затем продолжил движение, сильно поврежденный, для атаки "Монмута", который в это время вел бой с другим вражеским кораблем, освобождая место кораблям в его тылу, чтобы подойти к атаке нашего центра, где сражение было самым горячим. В три часа у "Монмута" снесло бизань-мачту, а через несколько минут грот-мачту, и он вышел из строя с подветренной стороны (С, с); а в сорок минут четвертого ветер неожиданно перешел далеко на север, без какого-либо бриза с моря, и, стараясь не прижать наши корабли к суше, я подал сигнал разворачиваться по ветру в боевую линию на левом галсе, продолжая вести бой с противником".

Теперь здесь, практически, шла сосредоточенная с удвоенной силой. В этом, самом тяжелом сражении между этими двумя суровыми бойцами, потери англичан составили 137 убитых и 430 раненых на одиннадцати кораблях. Из этого общего числа два центральных корабля, флагманский и следующий за ним, потеряли 104 убитыми и 198 ранеными, что составило пятьдесят три процента от общих потерь эскадры, из которых они составляли восемнадцать процентов. Потери были намного тяжелее, пропорционально размерам кораблей, чем потери командиров двух колонн при Трафальгаре.^[178] Материальные повреждения корпусов, лонжеронов и т.д. Были еще более серьезными. Английская эскадра из-за такой концентрации вражеских войск на небольшой ее части была полностью разбита. Когда начались боевые действия, его неполноценность стала еще более решающей из-за вычитания двух кораблей, и свобода передвижения Сюффрена была увеличена.

Pl. XV. [Список](#)

Но насколько далеко эта концентрация заходила по замыслу Сюффрена? Для этого мы должны обратиться к страницам двух французских авторов, [\[179\]](#) которые основывают свои повествования на его собственных депешах, зарегистрированных во французском морском ведомстве. Практическое преимущество, полученное французами, также должно быть проверено путем сравнения списков потерь и повреждений, полученных их отдельными кораблями; ибо очевидно, что если бы обе эскадры получили одинаковое общее количество повреждений, но у англичан оно пришлось на два корабля, так что они не могли быть готовы к бою в течение месяца или более, в то время как у французов ущерб был разделен между двенадцатью, что позволило им снова быть готовыми через несколько дней, победа тактически и стратегически была бы за последними. [\[180\]](#)

Что касается цели Сюффрена, то ничто не указывает на то, что он намеревался предпринять такую атаку, как описывает Хьюз. Имея двенадцать кораблей против английских одиннадцати, его намерение, по-видимому, состояло в том, чтобы следовать обычной английской практике — выстроиться в линию параллельно противнику, атаковать вместе и вступать в бой корабль за кораблем. К этому он добавил одну простую комбинацию; двенадцатый французский корабль, не имея противника, должен был вступить в бой с задним английским кораблем с подветренной стороны, поставив его, таким образом, между двух огней. По правде говоря, концентрация на авангарде и центре, подобная той, которую описывает Хьюз, тактически уступает аналогичным усилиям, направленным на центр и тыл колонны. Это верно даже для пароходов, которые, хотя и менее подвержены потере движущей силы, все же должны разворачиваться, чтобы пройти из авангарда в тыл, теряя много ценных секунд; но особенно это верно для парусных судов, и прежде всего для легких, сбивающих с толку ветров, которые обычно отмечают сменумуссонов в то время года, когда велась эта борьба. Нельсон подчеркнул свое презрение к русским своего времени, сказав, что он без колебаний атаковал бы их авангард, рассчитывая привести всю линию в замешательство из-за недостатка у них мореходного мастерства; но, хотя он был не намного лучшего мнения об испанцах, он перенес удар в тыл союзным флотам при Трафальгаре.

Имея дело с такими моряками, как капитаны флота Хьюза, было бы ошибкой атаковать авангард, а не тыл. Только мертвый штиль мог вывести последнюю из строя.

Так описывает атаку Сюффрена капитан Шевалье. Упомянув о построении линии Хьюза на правом галсе, он говорит:—

Этому маневру подражали французы, и две эскадрильи двигались параллельными линиями, направляясь примерно с запада на северо-запад (А, А). В одиннадцать, когда наша линия была хорошо сформирована, Сюффрен подал сигнал всем вместе держаться подальше на запад-юго-запад. Наши корабли не держали курс на предписанную линию, и авангард, состоящий из лучших парусников, первым оказался в пределах досягаемости противника.^[181] В час дня передовые корабли английского флота открыли огонь по "Венджеру" и "Артезьену" (французскому фургону). Эти два корабля, воспользовавшись^[182], чтобы открыть ответный огонь, немедленно получили приказ снова держаться подальше. Сюффрен, желавший решительных действий, продолжал идти своим курсом, не отвечая на выстрелы противника по своему кораблю. Оказавшись на расстоянии пистолетного выстрела от "Супербе", он повернул к ветру (В), и на верхушке его грот-мачты появился сигнал к открытию огня. Адмирал Хьюз, располагавший всего одиннадцатью кораблями, "Эксцентричный", согласно диспозиции, принятой главнокомандующим, должен был атаковать с фланга арьергард английского флота и обойти его с подветренной стороны. В тот момент, когда раздались первые пушечные выстрелы, наши худшие парусники еще не были на своих постах. Руководствуясь буквой, а не духом приказов commodore, капитаны этих кораблей действовали в то же время, что и те, что им предшествовали. Таким образом, французская линия образовала кривую (В), оконечности которой были представлены в авангарде "Артезианом" и "Венджером", а в тылу "Бизар", "Аяксом" и "Севером". Как следствие, эти корабли находились очень далеко от тех, которые соответствовали им в линии противника".

Из всего этого, написанного горячим поклонником Сюффрена, который имел полный доступ к официальным бумагам, очевидно, что французский главнокомандующий намеревался совершить нападение, элементарное по замыслу и трудное в исполнении. Чтобы удерживать флот на линии пеленга, свободно плывя под парусом, требуется много тренировок, особенно когда у кораблей разная скорость, как у Сюффрена. Сильные травмы, полученные "Супербе" и "Монмутом", несомненно, из-за концентрации, не могут быть отнесены на счет расположения Сюффрена. "Повреждения, которые "Эрос" получил в начале боя, не позволили ему остаться у "Супербе". Не сумев вовремя поднять марсели, поскольку были перерезаны крепления, он прошел вперед и был остановлен только на траверзе "Монмута".^[183] Это объясняет страдания последнего корабля, уже получившего повреждения и теперь сражающегося с гораздо более крупным противником. "Супербе" был освобожден от Сюффрена только для того, чтобы вступить в бой со следующим французом, не менее тяжелым кораблем; и когда "Монмут" лег в дрейф с подветренной стороны, французский флагманский корабль также дрейфовал так, что в течение нескольких мгновений он стрелял из своих кормовых орудий в нос "Супербе" (С, d). Последний в то же время был атакован на траверзе и четверти двумя французскими кораблями, которые, с сигналом или без него, подошли, чтобы прикрыть своего commodore.

Изучение списка потерь показывает, что потери французов были гораздо более распределены между их кораблями, чем в случае с англичанами. Не менее чем троим из последних удалось спастись, не убив ни одного человека, в то время как из французов только один. Суть действия,

по-видимому, заключалась в несколько случайной концентрации двух французских семидесяти четырех и одного шестьдесят четвертого на английских семидесяти четырех и шестьдесят четвертом. Предполагая, что корабли действительно имели ту же силу, что и их курсы, французы выставили, считая только бортовой залп, сто шесть орудий против шестидесяти девяти.

Некоторая неблагоприятная критика была вызвана руководством адмирала Хьюза в течение трех дней, предшествовавших сражению, потому что он воздерживался от нападения на французов, хотя большую часть времени они находились с подветренной стороны, имея всего на один корабль больше, чем англичане, и при этом значительно разошлись. Считалось, что у него была возможность обыграть их в деталях.^[184] Доступные отчеты слишком скудны, чтобы позволить составить точное суждение об этом мнении, которое, вероятно, отражало разговоры подчиненных офицеров флота за обеденным столом и на шканцах. Собственный отчет Хьюза о положении двух флотов расплывчат и в одной важной детали прямо противоречит французскому. Если предполагаемая возможность представилась, английский адмирал, отказываясь ею воспользоваться, придерживался решимости, с которой он отплыл, не искать врага и не избегать его, а идти прямо в Тринкомали и высажить войска и припасы, которые у него были на борту. Другими словами, в своих действиях он руководствовался скорее французской, чем английской военно-морской политикой, заключавшейся в подчинении атаки вражеского флота конкретной поставленной задаче. Если по этой причине он упустил благоприятный шанс вступить в бой, у него, конечно, были основания горько сожалеть о своем пренебрежении результатами последовавшего сражения; но при отсутствии точной информации наиболее интересным моментом, на который следует обратить внимание, является впечатление, произведенное на общественное и профессиональное мнение, свидетельствующее о том, насколько твердо англичане считали, что атака вражеского флота была первейшей обязанностью английского адмирала. Можно также сказать, что вряд ли он мог бы добиться худшего, атакуя, чем позволив врагу стать нападающим; и уж точно не хуже, чем ему пришлось бы, если бы капитаны Сюффрена были так же хороши, как его собственные.

После боя, ближе к закату, обе эскадры бросили якорь на глубине пятнадцати морских саженей, нерегулярно производя зондирование, три французских корабля пошли ко дну на коралловых участках. Здесь они пролежали неделю в двух милях друг от друга, переоборудовываясь. Хьюз, исходя из разрушенного состояния "Монмута", ожидал атаки; но когда Сюффрен закончил свой ремонт 19-го, он тронулся в путь и оставался снаружи в течение двадцати четырех часов, провоцируя сражение, которое он не хотел начинать. Он настолько остро осознавал состояние противника, что почувствовал необходимость оправдаться за свои действия перед морским министром, что и сделал по восьми причинам, которые здесь нет необходимости уточнять. Последним было отсутствие эффективности и сердечной поддержки со стороны его капитанов.

Маловероятно, что Сюффрен допустил ошибку, проявив чрезмерную осторожность. Напротив, его самым заметным недостатком как главнокомандующего был пыл, который при виде врага превращался в нетерпение и порой приводил его в действие поспешно и беспорядочно. Но если в деталях и исполнении своих сражений, в своих тактических комбинациях Сюффрену порой мешали его собственная порывистость и промахи большинства его военачальников, то в общем ведении кампании, в стратегии, где главным образом сказывались личные качества главнокомандующего, его превосходство было очевидным, и он добился блестящего успеха. Тогда пыл проявил себя в энергии, неутомимой и заразной. Рвение его горячей провансальской крови преодолевало трудности, создавало ресурсы из нищеты и давало о себе

знать на каждом судне, находившемся под его командованием. Нет более поучительного военного урока, имеющего более непреходящую ценность, чем быстрота изобретательность, с которыми он, не имея порта или припасов, постоянно переоборудовывал свой флот и выходил в бой, в то время как его более медлительный враг медлил с ремонтом.

Сражение вынудило англичан бездействовать в течение шести недель, пока "Монмут" не был отремонтирован. К сожалению, положение Сюффрена не позволило ему сразу перейти в наступление. Ему не хватало людей, провизии и особенно запасных лонжеронов и такелажа. В официальном письме после боя он написал: "У меня нет запасных запасов для ремонта такелажа; на эскадре не хватает по меньшей мере двенадцати запасных топ-мачт". Конвой судов снабжения ожидался в Пойнт-де-Галл, который, как и весь остальной Цейлон, за исключением Тринкомали, все еще был голландским. Поэтому он бросил якорь в Батакало, к югу от Тринкомали, в положении, в котором он находился между Хьюзом и направлявшимися за границу английскими кораблями, и был удобно расположен для защиты своих собственных конвоев, которые присоединились к нему там. 3 июня он отплыл в Транкебар, датское владение, где оставался две или три недели, нарушая английские коммуникации между Мадрасом и флотом в Тринкомали. Выйдя оттуда, он отплыл в Куддалор, чтобы связаться с командующим сухопутными войсками и Хайдером Али. Выяснилось, что последний был очень недоволен скудным сотрудничеством французского генерала. Сюффрен, однако, завоевал его расположение, и он выразил желание увидеться с ним по возвращении из экспедиции, находившейся в то время в раздумьях; ибо, верный своему безошибочному инстинкту, коммодор был настроен снова разыскать английский флот, после разгрома которого он намеревался атаковать Негапаттам. В нем не было ни малейшей узости профессиональных предрассудков; он всегда имел в виду необходимость, как политическую, так и стратегическую, поддерживать союз с султаном и установить контроль над побережьем и во внутренних районах; но он ясно осознавал, что первым шагом к этому был контроль над морем путем выведения из строя английского флота. Упорство и энергия, с которыми он следовал этой цели, несмотря на огромные препятствия, в сочетании с ясностью видения, с которой он ее видел, являются отличительными достоинствами Сюффрена среди толпы французских командующих флотом, равных ему по храбрости, но скованных узами ложной традиции и восприятием ложной цели.

Тем временем Хьюз, установив мачты на "Монмуте", отправился в Тринкомали, где его эскадра переоборудовалась и больные были высажены на берег для лечения; но очевидно, как уже упоминалось ранее, что англичане удерживали порт недостаточно долго, чтобы построить арсенал или порт снабжения, поскольку он говорит: "Я смогу отремонтировать "Монмут" из запасных запасов на борту нескольких кораблей". Тем не менее его ресурсы превосходили ресурсы его противника. Пока Сюффрен находился в Транкебаре, беспокоя английские коммуникации между Мадрасом и Тринкомали, Хьюз все еще спокойно оставался в последнем порту, отплыв в Негапаттам 23 июня, на следующий день после того, как Сюффрен достиг Куддалора. Таким образом, две эскадрильи снова сблизились, и Сюффрен ускорил свои приготовления к атаке, как только услышал, что его враг находится там, где он может до него добраться. Хьюз ждал его движения.

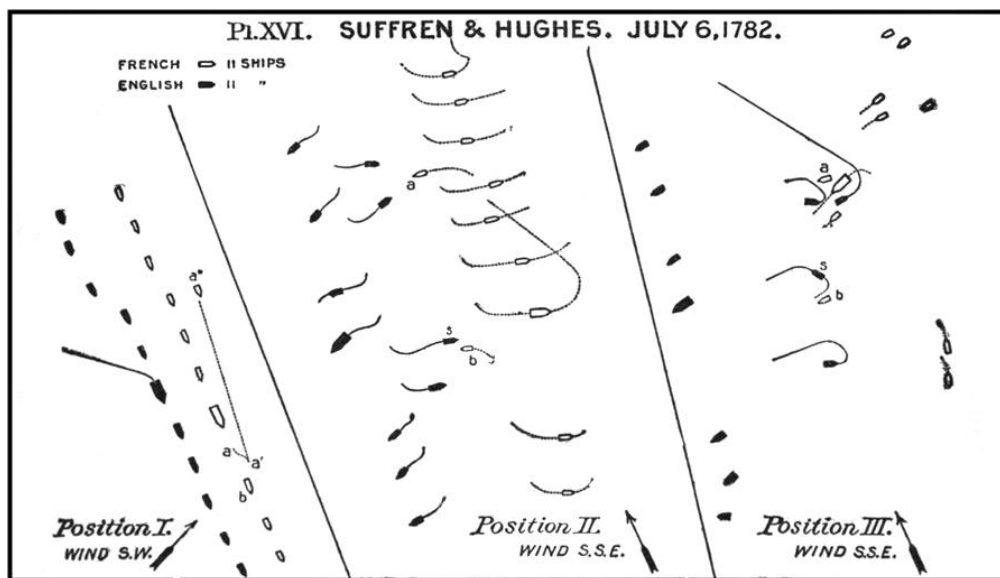
Однако перед отплытием Сюффрен воспользовался случаем, чтобы написать домой: "С момента моего прибытия на Цейлон, частично благодаря помощи голландцев, частично благодаря захваченным нами призам, эскадра была укомплектована для шестимесячной

службы, и яобеспечен пайками пшеницы и риса более чем на год". Это достижение действительно было справедливым источником гордости и самовосхваления. Не имея порта и лишенный ресурсов, французский коммодор жил за счет противника; складские суда и торговля последнего удовлетворяли его потребности. Этот результат был достигнут благодаря его изобилию ресурсов и активности его крейсеров, вдохновленных им самим. Однако у него было всего два фрегата - класс судов, от которых адмирал должен в основном зависеть в этой грабительской войне. 23 марта и провизия, и припасы были почти исчерпаны. Шесть тысяч долларов деньгами и провизия в автоколонне были тогда его единственными ресурсами. С тех пор он участвовал в суровых боях, наиболее дорогостоящих в снаряжении и людях, а также в боеприпасах. После того боя 12 апреля у него осталось только пороха и дробы, которых хватило бы на одно другое сражение не меньшей тяжести. Три месяца спустя он смог сообщить, как указано выше, что может удерживать море на своей станции в течение шести месяцев без дополнительных припасов. Этот результат был полностью достигнут благодаря ему самому — его уверенности в себе и тому, что без преувеличения можно назвать величием его души. В Париже этого не ожидали; напротив, там ожидали, что эскадрилья вернется на остров Франс для переоснащения. Считалось невозможным, что он может оставаться на враждебном побережье, так далеко от своей ближайшей базы, и поддерживаться в боеспособном состоянии. Сюффрен думал иначе; он считал, с истинной военной проницательностью и должным пониманием ценности своей профессии, что успех операций в Индии зависит от контроля над морем и, следовательно, от непрерывного присутствия его эскадры. Он не побоялся попытаться сделать то, что всегда считалось невозможным. Эта твердость духа, несущая на себе печать гениальности, должна быть по достоинству оценена применительно к обстоятельствам его собственного времени и предшествующих поколений, в которых он вырос.

Сюффрен родился 17 июля 1729 года и служил во время войн 1739 и 1756 годов. Впервые он попал под обстрел во время боя Мэтьюза у Тулона 22 февраля 1744 года. Он был современником Д'Эстена, Де Гишена и Де Грасса, додней Французской революции, когда народное восстание научило людей тому, как часто невозможное не является невозможным; до того, как Наполеон и Нельсон высмеяли это слово. Таким образом, его отношение и поступки в то время обладали дополнительным достоинством оригинальности, но его возвышенный нрав был способен на еще большее доказательство. Убеденный в необходимости оставить эскадру на прежнем месте, он осмелился пренебречь не только ропотом своих офицеров, но и недвусмысленными приказами Двора. Добравшись до Батакало, он обнаружил депеши, предписывающие ему возвращаться на остров Франция. Вместо того чтобы воспринять их как освобождение от огромного бремени ответственности, он ослушался, объяснив свои причины и заявив, что он на месте мог бы лучше, чем любой министр в Европе, судить о том, чего требуют обстоятельства. Такой лидер заслуживал лучших подчиненных и лучшего коллеги, чем тот, которого он имел в лице командующего сухопутными силами. Могут быть сомнения в том, позволили бы условия общей морской борьбы низвергнуть английскую ост-индскую державу или нет; но несомненно, что среди всех адмиралов трех наций не было никого, кто был бы так приспособлен для достижения этого результата, как Сюффрен. Мы увидим, что он выдерживает более суровые испытания и всегда им соответствует.

Во второй половине дня 5 июля эскадра Сюффрена появилась в поле зрения англичан, стоявших на якоре у Куддалора. Час спустя внезапный шквал снес грот-и бизань-мачты одного из французских кораблей. Адмирал Хьюз снялся с якоря, и ночью два флота предприняли маневр. На следующий день ветер благоприятствовал англичанам, и противники оказались в

боевой линии правым галсом, направляясь на юго-юго-восток, при юго-западном ветре. Выведенный из строя французский корабль, из-за непростительной бездеятельности не сумевший устранить свои повреждения, был готов вступить в бой поровну — по одиннадцати человек с каждой стороны. В одиннадцать часов утра англичане объединились и вступили в бой корабль против корабля; но, как это было обычно в тех условиях, корабли тыла не вступали в столь близкий бой, как те, что были впереди них (Фото XVI., Позиция I.). Капитан Шевалье осторожно указывает, что их неудача была справедливым возмещением неудачи французского тыла 12 апреля,^[185] но не замечает в этой связи, что французский фургон, как в тот раз, так и снова 3 сентября, неисправен не только сзади. У внимательного читателя не может остаться никаких сомнений в том, что большинство французских капитанов как моряки уступали своим противникам. Во время этой части сражения четвертый корабль французского отряда, "Блестящий" (а), потерял грот-мачту, вышел из строя (а') и постепенно опустился за корму и с подветренной стороны (а')

Pl. XVI. [Список толистов](#)

В час дня, когда сражение было самым жарким, ветер внезапно сменился на юго-юго-восточный, унося корабли по левому борту (позиция II.). Четыре английских корабля, "Берфорд", "Султан", "Вустер" и "Игл", видя приближение бриза, повернули влево, к французской линии; остальные были застигнуты врасплох и отклонились на правый борт. Французские корабли, с другой стороны, за двумя исключениями, "Бриллиант" (а) и "Север" (b), откупились от англичан. Таким образом, изменение ветра привело к разделению основных частей двух эскадр, но к сближению между линиями четырех английских и двух французских кораблей. Технический порядок был нарушен. "Блестящий", отойдя далеко за корму своей позиции, попал под огонь двух английских арьергардов, "Вустера" и "Игла", которые вовремя отошли и таким образом приблизились к французам. Сюффрен лично пришел ей на помощь (Позиция III., а) и отогнал англичан, которым также угрожало приближение двух других французских кораблей, которые повернули на запад, повинаясь сигналу. Пока происходили эти частичные действия, другой французский корабль, находящийся под угрозой, "Север" (b), был атакован английским "Султаном" (Sultan) и, если верить французскому капитану М. де Силлару, двумя другими

английскими кораблями. Судя по ее месту в очереди, вполне вероятно, что "Берфорд" тоже напал на нее. Как бы то ни было, "Север" спустил свой флаг; но пока "Султан" удалялся от него, он возобновил огонь, обстреливая английский корабль. Приказ о капитуляции, отданный французским капитаном и приведенный в исполнение официальным, устоявшимся знаком подчинения, был проигнорирован его подчиненными, которые открыли огонь по своему врагу, когда флаг был спущен. По сути, действия французского корабля были равносильны использованию печально известной *военной уловки*; но было бы несправедливо утверждать, что это было сделано намеренно. Позиции различных судов были таковы, что "Султан" не мог захватить свой приз; приближались другие французские корабли и, должно быть, отбили его. Негодование французских юниоров по поводу слабости своего капитана было, таким образом, оправдано; их отказ подчиниться этому приказу может быть извинен перед людьми, оказавшимися лицом к лицу с неожиданным вопросом о приличиях, в пылу битвы и под гнетом стыда. Тем не менее, скрупулезная добросовестность, по-видимому, требует, чтобы их освобождения ждали из других рук, не связанных действиями их командира; или, по крайней мере, чтобы терпеливый противник не пострадал от них. Капитан, отстраненный от должности и отправленный домой Сюффреном и уволенный королем, окончательно осудил себя за свою попытку защиты: "Когда капитан де Силлар увидел, что французская эскадра удаляется, — ибо все корабли, кроме "Блестящего", легли на другой галс, — он счел бесполезным продолжать оборону и приказал спустить флаг. *Корабли, вступившие с ним в бой, немедленно прекратили огонь*, и тот, что находился по правому борту, отошел. В этот момент "Север" завалился на правый борт, и его паруса наполнились; затем капитан де Силлар приказал возобновить огонь из своих орудий нижней палубы, единственных, на которых еще оставался экипаж, и вернулся к своей эскадре".^[186]

Эта операция была единственной из пяти, проведенных Сюффреном на побережье Индии, в которых нападавшим был английский адмирал. В нем нельзя найти никаких указаний на военные концепции, на тактические комбинации; но, с другой стороны, Хьюз постоянно демонстрирует способности, образ мыслей и дальновидность опытного моряка, а также неопровержимую храбрость. По правде говоря, он был замечательным представителем среднего английского морского офицера середины восемнадцатого века; и хотя невозможно не осуждать всеобщее невежество в самой важной части профессии, все же полезно отметить, насколько полное владение другими ее деталями и упорная решимость не уступать компенсировали столь явный недостаток. Как римские легионы часто исправляли промахи своих генералов, так и английские капитаны и моряки часто спасали то, что было утрачено из—за ошибок их адмиралов, — ошибок, которые ни капитан, ни моряки не признавали и, вероятно, не допустили бы. Нигде эти твердые качества не проявлялись так явно, как в сражениях Сюффрена, потому что нигде больше к ним не предъявлялись такие требования. В военно-морских анналах нельзя найти более великолепных примеров отчаянного, но полезного сопротивления превосходящим силам противника, чем случай с "Монмутом" 12 апреля и с "Эксетером" 17 февраля. Стоит процитировать случай, рассказанный о последнем корабле. "В разгар боя, когда "Эксетер" уже находился в аварийном состоянии, шкипер пришел к коммодору Кингу, чтобы спросить его, что ему делать с кораблем, поскольку два вражеских корабля снова надвигались на него. Он лаконично ответил: "Ничего не остается, как бороться с ней, пока она не утонет".^[187] Она была спасена.

Сюффрэн, напротив, к этому времени был вне себя от неподобающего поведения своих капитанов. Силлар был отправлен домой; но, кроме него, еще двое, оба люди с влиятельными

связями и один родственник самого Сюффрена, были лишены своих командиров. Каким бы необходимым и уместным ни был этот шаг, мало у кого, кроме Сюффрена, хватило бы решимости на него пойти; ибо, насколько он тогда знал, он был всего лишь капитаном в звании, а даже адмиралам не позволялось так обращаться со своими подчиненными. "Возможно, вы рассердитесь, монсеньор, - писал он, - что я не применил строгость раньше; но я прошу вас помнить, что устав не дает такой власти даже рядовому офицеру, которым я не являюсь".

Сразу после событий 6 июля превосходящая энергия и военный потенциал Сюффрена начинают заметно влиять на разногласия между ним и Хьюзом. Схватка была жестокой, но начали сказываться воинские качества, как это, несомненно, и должно было быть. Потери двух эскадр в людях в последнем бою были один к трем в пользу англичан; сдругой стороны, последние, по-видимому, больше пострадали в парусах и рангоутах, то есть в двигательной силе. Вечером оба флота бросили якоря, английский - у Негапатама, французский - с подветренной стороны, у Куддалора. 18 июля Сюффрен снова был готов к выходу в море, тогда как в тот же день Хьюз только что решил отправиться в Мадрас, чтобы закончить свой ремонт. Сюффрена еще больше задержала политическая необходимость официального визита к Хайдеру Али, после чего он отплыл в Батакало, прибыв туда 9 августа, чтобы дожидаться подкреплений и припасов из Франции. 21-го они присоединились к нему; и два дня спустя он отплыл, теперь уже с четырнадцатью линейными кораблями, в Тринкомали, бросив якорь у города 25-го. Следующей ночью войска были высажены, установлены батареи, и атака продолжилась с удвоенной энергией. 30-го и 31-го числа два форта, составлявшие оборонительную мощь этого места, сдались, и этот важнейший порт перешел в руки французов. Убежденный в том, что Хьюз скоро появится, Сюффрен с готовностью оказал все военные почести, которых требовал губернатор этой местности, удовлетворившись существенной выгодой. Два дня спустя, вечером 2 сентября, английский флот был замечен французскими дозорными фрегатами.

В течение шести недель, в течение которых Сюффрен работал так активно с пользой, английский адмирал спокойно стоял на якоре, занимаясь ремонтом и переоборудованием. Нет точной информации, позволяющей определить, насколько эта задержка была неизбежна; но, принимая во внимание хорошо известные способности английских моряков того времени, едва ли можно сомневаться в том, что, обладая Хьюз неутомимой энергией своего великого соперника, он мог бы выиграть несколько дней, которые решили судьбу Тринкомали, и дать бой за спасение этого места. Фактически, этот вывод подтверждается его собственными отчетами, в которых говорится, что 12 августа корабли были почти готовы; и все же, хотя он и опасался нападения на Тринкомали, он отплыл только 20 августа. Потеря этой гавани вынудила его покинуть восточное побережье, которое стало небезопасным из-за приближения северо-восточного муссона, и предоставило Сюффрену важное стратегическое преимущество, не говоря уже о политическом влиянии на местных правителей Индии.

Чтобы полностью оценить этот контраст между двумя адмиралами, необходимо также отметить, насколько по-разному они относились к материалам для ремонта. После действий 6-го Хьюз нашел в Мадрасе лонжероны, снасти, запасы, провизию и материалы. Сюффрен в Куддалоре ничего не нашел. Чтобы привести его эскадру в хорошее боевое состояние, требовалось девятнадцать новых топ-мачт, помимо нижних мачт, реев, такелажа, парусов и так далее. Чтобы вообще выйти в море, с фрегатов и небольших судов сняли мачты и передали линейным кораблям, в то время как английские призы были отобраны для оснащения фрегатов. Корабли

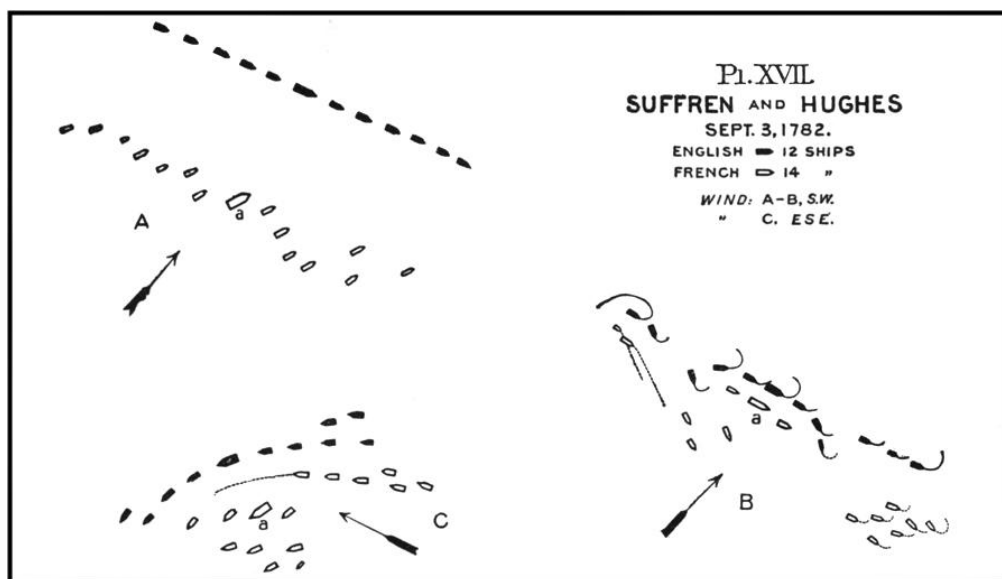
были отправлены в Малаккский пролив, чтобы закупить другие лонжероны и древесину. На берегу снесли дома, чтобы найти древесину для ремонта корпусов. Трудности усугублялись характером якорной стоянки, открытым рейдом с частым волнением и близким присутствием английского флота; но работа продолжалась под присмотром главнокомандующего, который, подобно лорду Хоу в Нью-Йорке, вдохновлял рабочие группы своим постоянным появлением среди них. "Несмотря на свою чудовищную тучность, Сюффрен проявлял пылкость молодости; он был везде, где шла работа. Под его мощным порывом самые сложные задачи выполнялись с невероятной быстротой. Тем не менее, его офицеры рассказали ему о плохом состоянии флота и необходимости порта для линейных кораблей. "Пока мы не захватим Тринкомали, - ответил он, - нам помогут открытые рейды Коромандельского побережья".^[188] Действительно, именно этой деятельности на Коромандельском побережье был обязан успех в Тринкомали. Оружие, которым сражался Сюффрен, устарело; но результаты, достигнутые благодаря его упорству и изобилию ресурсов, относятся к числу бессмертных уроков истории.

В то время как характеры двух вождей, таким образом, отражали борьбу в Индии, соответствующие правительства внутри страны преподносили другие, не менее важные уроки, которые многое сделали для восстановления равновесия между ними. В то время как английское министерство, после известия о битве при Порто-Прайя, снарядило в ноябре 1781 года большую и компактную экспедицию в сопровождении мощной эскадры из шести линейных кораблей под командованием действительного офицера для усиления Хьюза, французы отправили сравнительно скудную помощь небольшими отдельными отрядами, полагаясь, очевидно, скорее на секретность, чем на силу для обеспечения их безопасности. Таким образом, Сюффрен, борясь со своими бесчисленными затруднениями, испытывал унижение, узнавая, что то один, то другой из небольших отрядов, посланных ему на помощь, были взяты в плен или отброшены обратно во Францию, прежде чем они вышли из европейских вод. По правде говоря, небольшие подразделения к северу от Гибралтарского пролива не были в безопасности. Таким образом, преимущества, полученные в результате его деятельности, в конце концов были принесены в жертву. Вплоть до падения Тринкомали французы имели превосходство на море; но в последующие шесть месяцев баланс сил изменился в другую сторону благодаря прибытию английского подкрепления под командованием сэра Ричарда Бикертона.

Со своей обычной оперативностью французский коммодор подготовился к дальнейшим немедленным действиям, как только сдался Тринкомали. Пушки и люди, высаженные с кораблей, были немедленно погружены на корабль, и порт был защищен гарнизоном, достаточно сильным, чтобы избавить его от каких-либо опасений по поводу его удержания. Этот великий моряк, который сделал столько же в соответствии с вверенными ему средствами, сколько никто другой, известный истории, и который так красноречиво продемонстрировал сферу влияния военно-морской мощи, не имел намерения сковывать передвижения своего флота или рисковать своим важным завоеванием, без необходимости взваливая на плечи кораблей бремя защиты морского порта. Когда появился Хьюз, английскому флоту было не под силу одним сражением уничтожить теперь уже должным образом расквартированный гарнизон. Несомненно, успешная кампания путем уничтожения или оттеснения французской морской мощи привела бы к такому результату; но Сюффрен вполне мог полагать, что, какие бы неудачи ни произошли в один день, в долгосрочной перспективе он сможет не только выстоять против своего противника.

Морские порты должны защищаться; сфера деятельности флота находится в открытом море, его объект - нападение, а не оборона, его цель - судоходство противника везде, где оно может быть обнаружено. Сюффрен теперь снова видел перед собой эскадру, от которой зависел английский контроль на море; он знал, что к ней должны прибыть мощные подкрепления до следующего сезона, и поспешил атаковать. Хьюз, огорченный своей неспособностью прибыть вовремя, — поскольку ничейный исход заранее спас бы то, чего последующее успешное сражение не смогло бы вернуть, — был не в настроении ему перечить. Тем не менее, проявив здравый смысл, он отступил на юго-восток, действуя в полном порядке, по выражению Сюффрена; регулируя скорость самыми медленными кораблями и прокладывая множество различных курсов, так что погоня, начавшаяся на рассвете, настигла противника только в два часа дня. Целью англичан было завлечь Сюффрена так далеко с подветренной стороны от порта, чтобы, если бы его корабли были выведены из строя, он не смог бы легко вернуть его обратно.

Французы насчитывали четырнадцать линейных кораблей против двенадцати английских. Это превосходство вкупе с его здравой оценкой военной ситуации в Индии усилили естественное стремление Сюффрена к действию; но его корабли плохо плавали, и ими плохо управляли равнодушные и недовольные люди. Эти обстоятельства во время долгого и утомительного преследования раздражали горячий нрав коммодора, который все еще ощущал прилив срочности, который в течение двух месяцев ускорял действия эскадры. Сигнал следовал за сигналом, маневр следовал за маневром, чтобы привести свои вышедшие из строя суда в нужное положение. "Иногда они отступали, иногда их приводнили в движение, - говорит английский адмирал, внимательно наблюдавший за их приближением, - не в правильном порядке, как будто не определялись, что делать". Тем не менее Сюффрен продолжал движение, и в два часа пополудни, когда его линия была частично сформирована и находилась на расстоянии удара от противника, был подан сигнал лечь против ветра, чтобы скорректировать порядок, прежде чем окончательно двинуться в путь. Ряд грубых ошибок при выполнении этого задания скорее ухудшили положение, чем улучшили; и коммодор, наконец потеряв терпение, тридцать минут спустя подал сигнал к атаке (фото XVII., А), вслед за ним другой для ближнего боя на пистолетном расстоянии. Поскольку это было сделано медленно и неуклюже, он приказал выстрелить из пушки, как это принято на море, чтобы подчеркнуть сигнал; к несчастью, его собственная команда поняла это как начало боя, и флагманский корабль разрядил все свои батареи. Этому примеру последовали другие корабли, хотя все еще на расстоянии половины пушечного выстрела, что в артиллерийских условиях того дня означало нерешительные действия. Таким образом, в конце и в результате унижительной серии грубых ошибок и плохого мореходства сражение началось в невыгодную для французов сторону, несмотря на их численное превосходство. Англичане, отступавшие под короткими и удобными парусами, были в хорошем порядке и спокойно готовы; в то время как их враги не имели никакого порядка (В). Семь кораблей вышли вперед, округляя до, [189] и теперь образовали нерегулярную группу перед английским авангардом, а также вдаль от него, где от них было мало пользы; в то время как в центре была сформирована вторая сбита с толку группа, корабли накладывались друг на друга и маскировали огонь друг друга. При таких обстоятельствах вся тяжесть сражения пала на флагманский корабль Сюффрена (а) и два других, которые его поддерживали; в то время как в крайнем тылу небольшой линейный корабль при поддержке большого фрегата в одиночку атаковал английский арьергард; но они, будучи полностью превосходящими силами, вскоре были вынуждены отступить.

Pl. XVII. [Список толистов](#)

Военная операция едва ли могла быть проведена хуже. Французские корабли в бою не поддерживали друг друга; они были сгруппированы так, что затрудняли свой собственный огонь и без необходимости увеличивали мишень, предлагаемую противнику; вместо того чтобы сконцентрировать собственные усилия, три корабля остались почти без поддержки под сосредоточенным огнем английской линии. [190] "Время шло, и наши три корабля [B, а], атакованные на траверзе центром английского флота и обстреливаемые авангардом и арьергардом, сильно пострадали. Через два часа паруса "Херос" превратились в лохмотья, весь ходовой такелаж был перерезан, и она больше не могла управлять кораблем. "Иллюстр" потерял бизань-и грот-мачту". В этом беспорядке имелись такие бреши, которые предоставляли прекрасную возможность более активному противнику. "Если бы противник повернул сейчас, - записал начальник штаба в своем дневнике, - мы были бы отрезаны и, вероятно, уничтожены". Недостатки операции, в которой не хватало надлежащего распределения сил, суммируются в результатах. Французы вступили в бой с четырнадцатью кораблями. Они потеряли восемьдесят два человека убитыми и двести пятьдесят пять ранеными. Из этого общего числа шестьдесят четыре убитых и сто семьдесят восемь раненых, или три четверти, пришлось на три корабля. Двое из этих трех потеряли грот- и бизань-мачты, а также фок-марс; другими словами, были беспомощны.

Это было повторение в большем масштабе катастрофы с двумя кораблями Хьюза 12 апреля; но в тот день английский адмирал, находясь с подветренной стороны и с меньшими силами, был вынужден принять бой на условиях противника, в то время как здесь потери пали на нападавшего, который, благодаря преимуществу ветра и выбору способа атаки, добавил численное превосходство. Полная заслуга в этом действии должна быть отдана Хьюзу, который, хотя и не проявил предприимчивости и не проявил никаких признаков тактического мастерства или решающего удара, проявил как здравый смысл, так и хорошее управление при отступлении и так хорошо держал свои корабли под контролем. Нелегко распределить вину, которая лежит на его врагах. Сюффрен свободно возлагал ее на своих военачальников. [191] Однако было справедливо указано, что многие из офицеров, массово осужденных таким образом, вели себя

хорошо и раньше, как при Сюффрене, так и при других адмиралах; что порядок преследования был неправильным, и сигналы Сюффрена следовали один за другим с ошеломляющей быстротой; и, наконец, этот шанс, для которого всегда нужно что-то допускать, был против французов, как и неопытность нескольких капитанов. Совершенно очевидно, что часть неудачи следует отнести на счет вспыльчивой и необдуманной поспешности Сюффрена, у которого были недостатки его замечательных качеств, на которых невольно сыграл его застенчивый и осторожный противник.

Примечательно, что в отчетах Хьюза нет никаких жалоб на его капитанов. Шестеро пали в бою, и о каждом он говорит с простой, но, очевидно, искренней признательностью, в то время как выжившим он часто воздает как особые, так и общие почести. Заметный контраст между двумя лидерами и отдельными командирами кораблей с обеих сторон делает эту кампанию исключительно поучительной среди военно-морских кампаний; и преподанный окончательный урок полностью соответствует опыту всей военной истории с самого начала. Сюффрен обладал гением, энергией, большим упорством, здравыми военными идеями, а также был опытным моряком. Хьюз, по-видимому, обладал всеми техническими знаниями последней профессии, вероятно, командовал бы кораблем одинаково хорошо с любым из своих капитанов, но не проявляет и следа качеств, необходимых старшему офицеру. С другой стороны, не настаивая снова на мастерстве и преданности английских подчиненных, очевидно, что, чему бы это ни приписывалось, французские одиночные корабли, как правило, управлялись несравненно хуже, чем у их противников. Сюффрен утверждает, что четыре раза, даже трижды, английская эскадра спасалась от сокрушительной катастрофы благодаря разнице в качестве младшего офицерского состава. Хорошие войска часто компенсировали плохое командование; но в конце концов победит лучший командир. Это было особенно заметно в Индийских морях в 1782 и 1783 годах. Война положила конец раздорам, но не раньше, чем проблема была четко обозначена.

Акция 3 сентября, как и акция 6 июля, была прекращена из-за смены ветра на юго-восточный. Когда это произошло, английская линия ослабла и снова перестроилась на другой галс. Французы тоже были одеты; и их передовые корабли, находившиеся теперь с наветренной стороны, стояли между своими поврежденными кораблями и линией противника (С). К заходу солнца Хьюз двинулся на север, оставив надежду вернуть Тринкомали, но испытывая удовлетворение от того, что нанес столь жестокий удар своему победившему противнику.

Твердость духа, которая была не последним качеством Сюффрена, подверглась серьезному испытанию вскоре после боя у Тринкомали. Возвращаясь в порт, семидесятичетырехпушечный "Ориент" был выброшен на берег и потерян из-за неправильного управления, единственным утешением было то, что его лонжероны были сохранены для двух кораблей без мачт. Другие поврежденные мачты были заменены, как и прежде, путем ограбления фрегатов, экипажи которых также были необходимы для восполнения потерь в бою. Ремонт продолжался с обычной энергией, защита порта была полностью обеспечена, и 30 сентября эскадра отплыла к Коромандельскому побережью, где этого срочно требовали интересы Франции. Куддалор был достигнут за четыре дня; и здесь другой неспособный офицер разбил "Эксцентричный" из шестидесяти четырех пушек, занимая якорную стоянку. Вследствие потери этих двух кораблей Сюффрен, когда он в следующий раз встретился с противником, мог противостоять только пятнадцати-восемнадцати линейным кораблям; настолько общие результаты зависят от индивидуальных способностей и осторожности. Хьюз находился в Мадрасе, в девяноста милях к северу, куда он отправился сразу после недавнего боя. Он сообщает, что его корабли

сильноповреждены; но потери были настолько равномерно распределены между ними, что трудно оправдать его неспособность проследить за повреждениями, нанесенными французам.

В это время года муссонный ветер, который на четыре или пять месяцев дует с юго-запада, меняется на северо-восточный, дующий на восточное побережье полуострова, где нет хороших гаваней. Последовавшая за этим волна часто делала берег неприступным и, таким образом, препятствовала оказанию поддержки флотом армии. Смена муссонов также часто сопровождается сильными ураганами. Таким образом, двум командирам пришлось покинуть регион, где их пребывание могло быть как опасным, так и бесполезным. Если бы Тринкомали не был потерян, Хьюз, в состоянии своей эскадры, мог бы ожидать там подкреплений и припасов, которые вскоре ожидалось из Англии; ибо, хотя порт и нездоров, он безопасен и удачно расположен. Бикертон уже достиг Бомбея и сейчас находился на пути в Мадрас с пятью линейными кораблями. Как бы то ни было, Хьюз счел необходимым отправиться на сезон в Бомбей, отплыв под парусом или, скорее, будучи выброшенным в море ураганом 17 октября. Четыре дня спустя Бикертон достиг Мадраса, так и не встретившись с адмиралом. Проявив присущую ему активность, он сразу же отплыл и 28 ноября снова был в Бомбее. Корабли Хьюза, рассеянные и поврежденные бурей, несколько дней спустя заходили на посадку один за другим.

Сюффрен удержал Тринкомали, но его решение далось нелегко. Порт был безопасен, ему не приходилось опасаться нападения английского флота; и, с другой стороны, помимо того, что он был болен во время приближающегося муссона, было сомнительно, можно ли было достать там провизию, необходимую для поддержания здоровья экипажей. Короче говоря, несмотря на стратегическую ценность благодаря своей силе и расположению, порт испытывал дефицит ресурсов. В отличие от Тринкомали, была альтернатива в Ачеме, гавани на другой стороне Бенгальского залива, на западной оконечности острова Суматра. Это было полезно для здоровья, могло снабжать провизией и, учитывая его положение относительно северо-восточного муссона, позволило бы кораблям вернуться к побережью Коромандель раньше, чем кораблям в Бомбее, когда более мягкое окончание сезона сделало бы высадку более практичной.

Однако эти простые соображения были не единственными элементами действительно сложной проблемы, стоявшей перед Сюффреном. Небольшие результаты, последовавшие за этой кампанией, не должны скрывать того факта, что были возможны серьезные проблемы и что многое могло зависеть от его решения. Из-за французской политики отправки подкреплений несколькими небольшими отрядами были не только большие потери, но и большая неуверенность царика среди разрозненных командований относительно условий в других местах. Эта неопределенность, потери и задержка глубоко повлияли на политическую ситуацию в Индии. Когда Сюффрен впервые достиг побережья, в руках англичан был не только Хайдер Али, но и махратты. Мир с последними был подписан 17 мая 1782 года; но, вероятно, из-за оппозиционной партии среди них, обмен ратификациями состоялся только в декабре. Как там, так и при дворе Хайдер Али произошло разделение интересов; и от обоих французам, которые, хотя и были подозрительны, не могли получить никакой определенной информации о договоре, были сделаны заявления, что все зависит от относительной военной мощи их самих и англичан. Присутствие и действия Сюффрена были всем, что могла продемонстрировать Франция, — престиж его гения, взятие Тринкомали, его успехи в бою. Французская армия, запертая в Куддалоре, зависела от султана в отношении денег, продовольствия и подкреплений; даже

флот обращался к нему за деньгами, за мачтами, за боеприпасами, за зерном. Англичане, с другой стороны, удержали свои позиции; хотя в целом они не потеряли ни одного корабля; и было известно, что мощная эскадра Бикертонa достигла Бомбея. Прежде всего, в то время как французы просили денег, англичане расточали их.

Французы не могли выступить против своего врага без местных союзников; важно было удержать Хайдера от заключения мира. Здесь дали о себе знать недостаточная поддержка и ошибочные действия правительства метрополии. Командование в Индии, как на суше, так и на море, было поручено генералу де Бюсси, некогда блестящему коллеге Дюпле, ныне страдающему подагрой инвалиду шестидесяти четырех лет. В целях соблюдения секретности Бюсси отплыл из Кадиса в ноябре 1781 года на двух линейных кораблях в Тенерифе, где к нему должен был присоединиться конвой, покидающий Брест в декабре. Этот конвой был захвачен англичанами, и только два судна добрались до Бюсси. Последний продолжил свое путешествие и, узнав на мысе Доброй Надежды, что сильные силы Бикертонa уже в пути, почувствовал себя вынужденным высадить там большую часть своих войск. Он достиг острова Франс 31 мая. Следующий конвой из восемнадцати транспортов, направлявшийся в апреле в Индию, также был перехвачен. Были захвачены два из четырех военных кораблей, а также десять транспортов; остальные вернулись в Брест. Третьему отряду повезло больше, и он достиг мыса в мае; но он задержался там на два месяца из-за плачевного состояния кораблей и экипажей. Эти разочарования решили Бюсси оставаться на острове до тех пор, пока к нему не присоединятся ожидавшиеся корабли с мыса, и Сюффрен в этот критический момент не знал, как там обстоят дела. Генерал только написал ему, что, поскольку он не может достичь побережья до наступления плохого сезона, ему следует встретиться в Ачеме. Эта неопределенность произвела тягостное впечатление на Хайдера Али, которого заставили ожидать Бюсси в сентябре, а вместо этого он получил известие о прибытии Бикертонa и дезертирстве его старых союзников, махраттов. Сюффрен был вынужден изображать уверенность, которой он не испытывал, но которая, под влиянием его собственного характера и достижений, побудила султана продолжать войну. После этого эскадра отплыла в Ачем 15 октября и бросила там якорь 2 ноября.

Три недели спустя из Бюсси прибыло судно с сообщением, что его отъезд откладывается на неопределенный срок из-за эпидемии, свирепствующей среди войск. Поэтому Сюффрен решил ускорить свое собственное возвращение на побережье и отплыл 20 декабря. 8 января 1783 года он бросил якорь у Ганджама, в пятистах милях к северо-востоку от Каддалора, откуда при попутном ветре мог отправиться в путь, когда пожелает. Его целью было атаковать не только каботажные суда, но и английские фабрики на берегу, поскольку прибой теперь часто был умеренным; но, узнав 12-го от английского приза важные и обескураживающие новости о смерти Хайдера Али, он отказался от всех второстепенных операций и сразу же отплыл в Куддалор, надеясь своим присутствием обеспечить продолжение союза, а также безопасность гарнизона. Он добрался до места 6 февраля.

За время его четырехмесячного отсутствия неспособность Бюсси появиться со своими войсками и прибытие Бикертонa, проявившего себя на обоих побережьях, нанесли серьезный ущерб делу Франции. Мирный договор между англичанами и махраттами был ратифицирован, и первые, освободившись от этой войны и получив подкрепление, напали на султана на западном, или Малабарском, побережье. Эффект от этой диверсии, конечно, ощущался на восточном побережье, несмотря на усилия французов удержать там нового султана. Болезни

среди войск на острове Франция, однако, прекратились в начале ноября; и если бы Бюсси тогда выступил без промедления, он и Сюффрен встретились бы сейчас в Карнатике, имея полное господство на море и большие шансы в их пользу на берегу. Хьюз приехал только через два месяца.

Оставшись таким образом в одиночестве, Сюффрен, переговорив с Типпу-Саибом, новым султаном Майсура, отправился в Тринкомали; и там к нему, наконец, 10 марта присоединился Бюсси в сопровождении трех линейных кораблей и многочисленных транспортов. Стремясь поскорее вывести войска в бой, Сюффрен отплыл 15-го числа на своих самых быстрых кораблях и на следующий день высадил их в Порто-Ново. Он вернулся в Тринкомали 11 апреля и присоединился к флотилии Хьюза из семнадцати линейных кораблей у входа в гавань. Имея при себе лишь часть своих войск, сражения не последовало, и англичане двинулись к Мадрасу. Теперь дул юго-западный муссон.

Нет необходимости следить за тривиальными операциями следующих двух месяцев. Поскольку Типпу был занят на другой стороне полуострова, а Бюсси проявлял мало энергии, в то время как Хьюз располагал превосходящими силами у побережья, дела французов на берегу шли все хуже и хуже. Сюффрен, имея всего пятнадцать кораблей против восемнадцати английских, не желал идти с подветренной стороны от Тринкомали, опасаясь, что он падет прежде, чем он сможет вернуться на него. В этих условиях английские войска выступили из Мадраса, прошли недалеко от Куддалора, но обогнули его, и расположились лагерем к югу от него, у моря. Корабли снабжения и легкие крейсера были размещены у берега рядом с армией, в то время как адмирал Хьюз с тяжелыми кораблями бросил якорь примерно в двадцати милях к югу, где, находясь с наветренной стороны, прикрывал остальные.

Чтобы обеспечить Сюффрену полную репутацию его последующего курса, необходимо подчеркнуть тот факт, что Бюсси, хотя и был главнокомандующим как на суше, так и на море, не осмелился приказать ему покинуть Тринкомали и прийти к нему на помощь. Позволив ему почувствовать крайность опасности, он велел ему не покидать порт, пока не услышит, что армия заперта в Куддалоре и блокирована английской эскадрой. Это письмо было получено 10 июня. Сюффрен больше ничего не ждал. На следующий день он отплыл, а сорок восемь часов спустя его фрегаты увидели английский флот. В тот же день, 13-го, после ожесточенных боев французская армия была заперта в городе за очень слабыми стенами. Теперь все зависело от действий флотов.

После появления Сюффрена "Хьюз" отошел и бросил якорь в четырех или пяти милях от города. В течение трех дней дули сбивающие с толку ветры; но 16-го числа муссон возобновился, и Сюффрен приблизился. Английскому адмиралу не нравилось вступать в бой на якоре и с подветренной стороны, в чем он был прав, и он тронулся в путь; но, придавая большее значение погодным условиям, чем предотвращению соединения сухопутных и морских сил противника, он вышел в море при южном или юго-юго-восточном ветре, несмотря на свое численное превосходство. Сюффрен пошел тем же курсом, и в ту ночь и на следующий день последовали некоторые маневры. В восемь часов вечера 17-го французская эскадра, которая отказалась выйти в море, бросила якорь у Куддалора и связалась с главнокомандующим. Тысяча двести человек гарнизона были спешно отправлены на борт, чтобы заполнить многочисленные вакансии у орудий флота.

До 20-го числа ветер, неожиданно дувший с запада, лишал Хьюза преимущества, которого он добивался; и, наконец, в тот день он решил начать боевые действия и ждать атаки. Это было сделано Сюффреном с пятнадцатью кораблями против восемнадцати, огонь открылся в четверть пятого пополудни и продолжался до половины седьмого. Потери с обеих сторон были почти равны; но английские корабли, покинув поле боя и свою армию, вернулись в Мадрас. Сюффрен бросил якорь перед Куддалором.

Замешательство британской армии было теперь очень велико. Корабли со снабжением, от которых это зависело, бежали до начала боевых действий 20-го числа, и результат, конечно, сделал для них возвращение невозможным. Легкая кавалерия султана атаковала их коммуникации по суше. 25-го генерал-командующий написал, что его "разум был напряжен без минуты отдыха с момента ухода флота, учитывая характер г-на де Сюффрена и бесконечное превосходство французов теперь, когда мы предоставлены самим себе". От этого беспокойства его избавило известие о заключении мира, которое пришло в Куддалор 29-го числа под флагом перемирия из Мадраса.

Если бы оставались какие-либо сомнения относительно относительных достоинств двух морских командиров, последние несколько дней их кампании развеяли бы их. Хьюз называет количество своих заболеваний и нехватку воды причинами отказа от участия в конкурсе. Трудности Сюффрена, однако, были столь же велики, как и его собственные;^[192] и если у него было преимущество при Тринкомали, это лишь отодвигает спор на шаг назад, поскольку он был обязан им превосходному полководчеству и активности. Простые факты о том, что с пятнадцатью кораблями он заставил восемнадцать отказаться от блокады, освободил окруженную армию, усилил свои собственные команды и предпринял решительные действия, производят впечатление, которое не нужно преуменьшать в интересах истины.^[193] Вполне вероятно, что уверенность Хьюза в себе была сильно поколеблена его многочисленными встречами с Сюффреном.

Хотя вести о мире, отправленные Хьюзом Бюсси, основывались только на неофициальных письмах, они были слишком позитивными, чтобы оправдать продолжение кровопролития. Власти двух стран в Индии заключили соглашение, и 8 июля военные действия прекратились. Два месяца спустя в Пондишери официальные депеши достигли Сюффрена. Его собственные слова по этому поводу заслуживают того, чтобы их процитировать, поскольку они показывают удручающие убеждения, в соответствии с которыми он играл столь благородную роль: "Хвала Богу за мир! ибо было ясно, что в Индии, хотя у нас и были средства установить закон, все было бы потеряно. Я с нетерпением жду ваших приказаний и от всего сердца молюсь, чтобы они позволили мне уехать. Только война может сделать терпимой усталость от определенных вещей".

6 октября 1783 года Сюффрен наконец отплыл из Тринкомали во Францию, сделав остановку на острове Франция и мысе Доброй Надежды. Возвращение домой сопровождалось продолжительными и спонтанными овациями. В каждом посещенном порту люди всех степеней и национальностей оказывали друг другу самые лестные знаки внимания. Что особенно радовало его, так это почтение английских капитанов. Вполне могло быть и так; никто так явно не доказывал права на его уважение каквоина. Ни разу, когда Хьюз и Сюффрен встречались, за исключением последнего, численность англичан не превышала двенадцати кораблей; но шесть английских капитанов отдали свои жизни, упорно сопротивляясь его усилиям. Пока он

находился на мысе, подразделение из девяти кораблей Хьюза, возвращавшихся с войны, бросило якорь в Гавани. Их капитаны нетерпеливо зывали к адмиралу, дородному коммодору Кингу с "Эксетера", стоявшему во главе их. "Добрые голландцы приняли меня как своего спасителя, - писал Сюффрен, - но среди тех почестей, которые мне больше всего польстили, ни одна не доставила мне большего удовольствия, чем уважение, проявленное присутствующими здесь англичанами". По возвращении домой на него посыпались награды. Покинув Францию в звании капитана, он вернулся контр-адмиралом; и сразу после его возвращения король учредил четвертое вице-адмиральство - особую должность, которую должен был занимать Сюффрен и которая прекращала свое действие после его смерти. Эти почести были завоеваны им самим; они были данью уважения его неслышимой энергии и гению, проявленным не только в реальной борьбе, но и в стойкости, которая удерживала его на посту, несмотря на все разочарования, и соответствовала каждому требованию, предъявляемому повторяющейся нуждой и несчастьем.

Как в общем ведении своих операций, так и на поле боя под огнем противника, эта высокая решимость была отличительной чертой Сюффрена; и когда к этому присоединяется ясная и абсолютная убежденность, которой он придерживался в необходимости найти и сокрушить флот противника, мы, вероятно, имеем дело с ведущими чертами его военного характера. Последний был светом, который вел его, первый - духом, который поддерживал его. Как тактик, в смысле инструктора кораблей, придающего им единообразие действий и маневрирования, он, по-видимому, был несовершенен и, вероятно, сам признал бы, с некоторым презрением, справедливость критики, высказанной в его адрес в этих отношениях. Независимо от того, характеризовал ли он когда-либо тактику — имея в виду, таким образом, элементарную или эволюционную тактику - как завесу робости, в его действиях было то, что делает *это* вероятным. Однако такое презрение небезопасно даже в случае гениальности. Способность двигаться сообща с равномерностью и точностью слишком необходима для развития полной мощи группы кораблей, чтобы относиться к ней легкомысленно; она необходима для той концентрации усилий, к которой Сюффрен справедливо стремился, но которую он не всегда старался обеспечить с помощью предыдущих распоряжений. Как бы парадоксально это ни звучало, это правда, что только флоты, способные совершать регулярные передвижения, могут позволить себе временами отказываться от них; только от капитанов, привыкших к плацу, знакомых с его меняющимися фазами, можно ожидать, что они с готовностью воспользуются возможностями для самостоятельных действий, которые предоставляет поле боя. Хоу и Джервис должны подготовить почву для успехов Нельсона. Сюффрен слишком много ожидал от своих капитанов. Он имел право ожидать большего, чем получил, но не того готового восприятия ситуации и той твердости нервов, которые, за исключением немногих любимцев Природы, являются результатом только практики и опыта.

И все же он был очень великим человеком. Когда все выводы сделаны, все еще должны оставаться его героическое постоянство, его бесстрашие перед ответственностью и опасностью, быстрота его действий и гений, чья безошибочная интуиция побудила его нарушить традиции своей службы и утвердить для военно-морского флота ту главную роль, которая ему подобает, - наступательные действия, обеспечивающие контроль на море путем уничтожения флота противника. Если бы он встретил в своих лейтенантах такие же готовые инструменты, какие Нельсон нашел уготованными для него, не может быть никаких сомнений в том, что эскадра Хьюза была бы уничтожена, хотя и уступала эскадре Сюффрена, прежде чем могло бы прибыть подкрепление; а с английским флотом вряд ли могло случиться так, что

Коромандельское побережье также пало бы. Можно только догадываться, какое влияние это оказало бы на судьбу полуострова или на условия мира. Его собственная надежда заключалась в том, что, завоевав превосходство в Индии, он мог бы достичь славного мира.

Сюффрену больше не было предоставлено возможности отличиться на войне. Оставшиеся годы его жизни прошли на почетных должностях на берегу. В 1788 году, после появления неприятностей с Англией, он был назначен командовать большим флотом, вооружавшимся в Бресте; но прежде чем он смог покинуть Париж, он скоропостижно скончался 8 декабря на шестидесятом году жизни. В то время, по-видимому, не было никаких подозрений на другие причины смерти, кроме естественных, поскольку он был чрезвычайно тучен и у него был апоплексический удар; но много лет спустя распространилась история, по-видимому, вполне обоснованная, о том, что он был убит на дуэли в связи с его официальными действиями в Индии. Его старый противник на поле боя, сэр Эдвард Хьюз, умер в преклонном возрасте в 1794 году.

СНОСКИ:

[168] Этот коммодор Джонстон, более известный как губернатор Джонстон, был одним из трех уполномоченных, посланных лордом Нортон в 1778 году для содействия примирению с Америкой. Из-за определенных подозрительных действий с его стороны Конгресс объявил несовместимым с их честью поддерживать с ним какую-либо переписку или сношения. Его титул губернатора возник из-за того, что он одно время был губернатором Пенсаколы. У него была самая незавидная репутация в английском военно-морском флоте. (См. Биографию Чарнока. *Navalis*.)

[169] Эта пластинка почти полностью взята из книги Куната "Жизнь Сюффрена".

[170] Страница 299.

[171] Ла Серр: Исторический очерк. et *Critiques sur la Marine Française*.

[172] Вопрос об атаке английской эскадры на ее якорных стоянках обсуждался на военном совете. Его заключение подтвердило решение Сюффрена не делать этого. Сравнивая это с неудачей англичан атаковать французский отряд в Ньюпорте (стр. 394), следует иметь в виду, что в последнем случае не было никаких средств заставить корабли покинуть свои сильные позиции; тогда как, угрожая Тринкомали или другим менее важным пунктам, Сюффрен мог рассчитывать на то, что выманит Хьюза оттуда. Следовательно, он был прав, не атаковав, в то время как англичане перед Ньюпортом, вероятно, ошибались.

[173] Зависимость Тринкомали от английского флота в этой кампании служит прекрасной иллюстрацией затруднительного и ложного положения, в котором оказывается военно-морской

флот, когда на него возлагается защита его морских портов. Это имеет отношение к широко обсуждаемому вопросу современности и заслуживает изучения теми, кто слишком безоговорочно утверждает, что лучшая защита побережья - это военно-морской флот. В каком—то смысле это, несомненно, верно: атаковать врага за границей - лучшая защита; но в узком смысле слова "защита" это неверно. Неукрепленный Тринкомали был просто центром, вокруг которого Хьюзу приходилось вращаться, как привязанному животному; и то же самое всегда будет происходить при одинаковых условиях.

[174] Табличка XIV, рис. D, показывает боевой порядок, который Сюффрен намеревался использовать в этом действии. У каждого из пяти тыловых кораблей противника было бы по два противника на борту. Ведущий французский корабль с наветренной стороны должен был держаться подальше, чтобы, атакуя шестой англичанин, он мог "сдерживать" авангардные корабли, если они попытаются усилить тыл лавированием.

[175] Название: Военно-морской флот.

[176] Между четырьмя и пятью сотнями ярдов.

[177] Английские и французские флагманские корабли отмечены на плане их исключительными размерами.

[178] "Виктори", корабль Нельсона при Трафальгаре, 100-пушечный корабль, потерял 57 убитыми и 102 ранеными; корабль Хьюза, 74-й, потерял 59 убитых и 96 раненых. Корабль Коллингвуда "Роял Соверен", также имевший 100 пушек, потерял 47 убитыми и 94 ранеными; 64-й "Монмут" в бою Хьюза потерял 45 убитых и 102 раненых.

[179] Род: Военно-морской батальон; Кавалер: История. de la Marine Française.

[180] Это замечание кажется слишком самоочевидным, чтобы нуждаться в подчеркивании; и все же можно усомниться в том, что моряки обычно включают его в свой арсенал аксиом.

[181] Как всегда.

[182] То есть повернулись своей стороной к врагу вместо того, чтобы приближаться к нему.

[183] Кавалер.

[184] Годовой реестр за 1782 год.

[185] Британские источники существенно расходятся в том, что касается причины расстояния, разделяющего два тыла. "В этом бою на долю "Монмута" не выпало выдержать очень значительную долю потерь, тыл противника находился так далеко с подветренной стороны, что корабли британского тыла не могли, даже при попутном ветре, сблизиться с ними, не нарушив значительно порядок своей собственной линии" (Мемуары капитана Элмса, Военно-морская хроника, том ii). Такие противоречия являются обычным явлением и, за исключением определенной цели, не нуждаются в примирении. Алмс, по-видимому, был не только первоклассным моряком, но и офицером, способным на решительные и независимые действия; его рассказ, вероятно, верен.

[186] Источник: Военно-морской флот. С корабля Сюффрена было видно, что флаг "Севера" был спущен; но предполагалось, что энсин Холлиардс был застрелен. На следующий день Хьюз

послал капитана "Султана" потребовать выдачи ему потерпевшего крушение корабля. Требование, конечно, не могло быть выполнено. "Султан", - говорит Трауд, - который ушел в дрейф, чтобы завладеть "Севером", стал жертвой этого действия; в течение некоторого времени он принимал на себя, не отвечая, весь огонь французского корабля".

[187] Годовой реестр, 1782.

[188] Кунат: Жизнь Суффрена.

[189] Кривые в (В) представляют движения кораблей *после* изменения ветра, которое практически положило конец сражению. Сами корабли демонстрируют боевой порядок.

[190] Враг образовал вокруг нас полукруг и обстреливал нас спереди и за кормой, в то время как корабль поднимался и отваливал с подветренной стороны. —*Журнал борда Байи де Сюффрен*.

[191] См. [страницу 435](#). Он добавил: "Ужасно, что в наших силах было четыре раза уничтожить английскую эскадру и что она все еще существует".

[192] Не было ни одного корабля Сюффрена, на котором было бы более трех четвертей штатного состава. Следует добавить, что солдаты и сипаи составляли половину этих сокращенных экипажей.—*Шевалье*, стр. 463.

[193] Вы, должно быть, узнали о моем повышении в звании до коммодора и контр-адмирала. Теперь я говорю вам от всего сердца и только для ваших ушей, что то, что я сделал с тех пор, стоит бесконечно больше, чем то, что я делал раньше. Вы знаете о взятии Тринкомали и битве при нем; но окончание кампании и то, что произошло между мартом и концом июня, намного превосходит все, что было сделано на флоте с тех пор, как я поступил на него. Результат был очень выгоден государству, поскольку эскадра подверглась опасности, а армия потерпела поражение. —*Частное письмо Сюффрена, 13 сентября 1783 г.; цитируется в "Journal de Bord du Bailli de Suffren"*.

ГЛАВА XIII

События в Вест-Индии после сдачи Йорктауна - Столкновения Де Грасса с Худом.—Морское сражение святых.-1781, 1782.

Капитуляция Корнуоллиса ознаменовала окончание активной войны на американском континенте. Исход борьбы был действительно предreshен в тот день, когда Франция посвятила свою морскую мощь поддержке колонистов; но, как это нередко бывает, определяющие характеристики периода были суммированы в одном поразительном событии. С самого начала военный вопрос, в силу физических особенностей страны, протяженности морского побережья с эстуариями, проникающими глубоко вглубь страны, и, как следствие, большей легкости передвижения по воде, чем по суше, зависел от контроля над морем и использования этого контроля. Его неверное направление сэром Уильямом Хоу в 1777 году, когда он двинул свою армию к Чесапику вместо того, чтобы поддержать наступление Бургойна, открыло путь к поразительному успеху при Саратоге, когда пораженная Европа увидела, как шесть тысяч регулярных войск сдались группе провинциалов. В течение четырех последующих лет, вплоть до капитуляции Йорктауна, чаша весов поднималась и опускалась в зависимости от того, появлялся ли на сцене тот или иной военно-морской флот, или же английские командиры сохраняли связь с морем или переносили свои операции подальше от его поддержки. Наконец, в момент великого кризиса все оказывается в зависимости от вопроса, французский или английский флот должен появиться первым, и от их относительной силы.

Борьба на море была немедленно перенесена в Вест-Индию. Последовавшие за этим события предшествовали по времени как сражениям Сюффрена, так и окончательному освобождению Гибралтара; но они стоят настолько особняком, что требуют отдельного рассмотрения, и имеют такую тесную связь с окончанием войны и условиями мира, что образуют драматический финал первого и ступень перехода к другому. Действительно, вполне уместно, что блестящая, хотя и нерешительная морская победа завершила историю, по сути, морской войны.

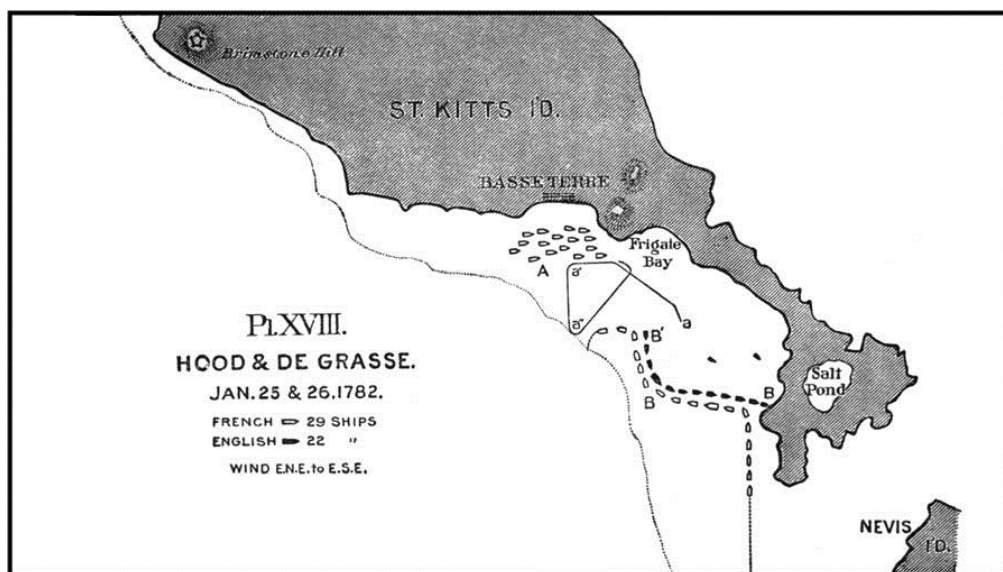
Капитуляция Йорктауна была завершена 19 октября 1781 года, а 5 ноября Де Грасс, сопротивляясь предложениям Лафайета и Вашингтона о том, что флот должен помочь перенести войну дальше на юг, отплыл из Чесапика. Он достиг Мартиники 26-го, на следующий день после того, как маркиз де Буйе, командовавший французскими войсками в Вест-Индии, вернул себе смелым нападением голландский остров Сент-Эстатиус. Теперь оба командующих организовали совместную экспедицию против Барбадоса, которая была сорвана яростными пассатами.

Потерпев здесь поражение, французы двинулись против острова Сент-Кристофер, или Сент-Китс (фото XVIII.). 11 января 1782 года флот с шеститысячным войском бросил якорь на западном побережье у Бас-Терре, главного города. Никакого сопротивления встречено не было, небольшой гарнизон из шестисот человек отступил на укрепленный пост в десяти милях к северо-западу, на Бримстоун-Хилл, уединенной обрывистой высоте, возвышающейся над подветренным берегом острова. Французские войска высадились и начали преследование, но позиция оказалась слишком сильной для штурма, и были начаты осадные работы.

Французский флот оставался на якоре на Бас-Терр-роуд. Тем временем известие о нападении было доведено до сэра Сэмюэля Худа, который последовал за Де Грассом с континента и, в продолжительное отсутствие Родни, был главнокомандующим военно-морским флотом на станции. 14-го он отплыл с Барбадоса, 21-го бросил якорь в Антигуа, и там погрузили на борт все войска, какие только можно было выделить, — около семисот человек. Во второй половине дня 23-го флот направился к Сент-Китсу, подняв такие паруса, которые позволили бы ему оказаться на расстоянии удара от противника на рассвете следующего утра.

Поскольку у англичан всего двадцать два корабля против двадцати девяти у французов, и последние в целом превосходят их в силе класс за классом, необходимо внимательно изучить местность, чтобы понять первоначальные планы Худа и их последующие модификации; ибо, какой бы безрезультатной ни оказалась его попытка, его поведение в течение следующих трех недель представляет собой самое блестящее военное усилие за всю войну. Острова Сент-Китс и Невис (Таблички XVIII. и XIX.), разделенные только узким каналом, недоступным для линейных кораблей, фактически являются одним целым, а их общая ось лежит на северо-западе и юго-востоке, поэтому парусным судам при пассате необходимо огигать южную оконечность Невиса, откуда дует попутный ветер, чтобы достичь всех якорных стоянок с подветренной стороны островов. Бас-Терре находится примерно в двенадцати милях от западной оконечности Невиса (форт Чарльз), и его рейд лежит на востоке и западе. Французский флот стоял там на якоре в беспорядке (Фото XVIII. А), в три или четыре ряда, не ожидая нападения, и корабли на западном конце рейда не могли подойти к кораблям на восточном, не развернувшись с наветренной стороны, — процесс утомительный, а под огнем опасный. Еще один наиболее важный момент, который следует отметить, - это то, что все восточные корабли были размещены таким образом, чтобы суда, приближающиеся с юга, могли добраться до них при обычном ветре.

Поэтому Худ, как нам говорят, намеревался появиться на рассвете в боевом порядке и готовности к бою и обрушиться на корабли востока, обходя их всем своим флотом (а, а'), сосредоточив таким образом огонь всего на нескольких вражеских кораблях; затем, отвернув, чтобы избежать огня орудий остальных, он предложил, сначала развернувшись, а затем лавируя, заставить свой флот кружить длинной процессией (а', а') мимо той части кораблей противника, которая выбрана для атаки. План был дерзким, но, несомненно, здравым в принципе; вряд ли могло не последовать что-то хорошее, и если Де Грасс не проявит большей готовности, чем он делал до сих пор, можно было надеяться даже на решающие результаты.[194]

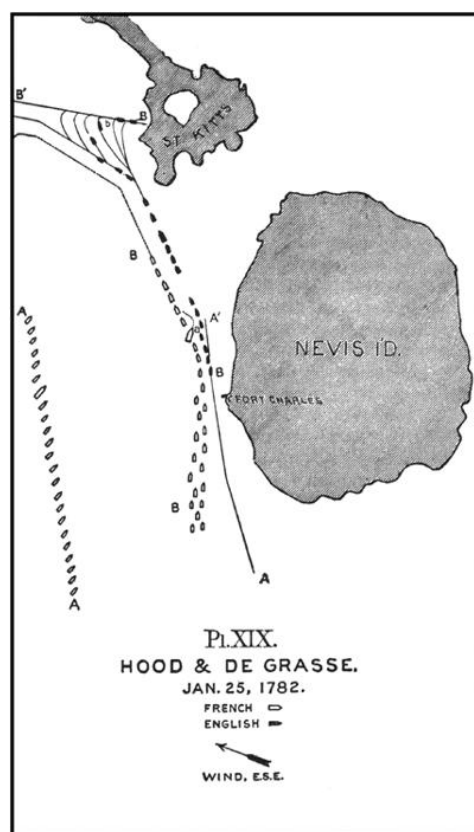
PL. XVIII. [Список толистов](#)

Однако самые продуманные планы могут провалиться, и Худу помешала неловкость вахтенного лейтенанта, который ночью бросил в дрейф (остановил) фрегат, шедший впереди флота, и, следовательно, был сбит линейным кораблем. Последний также получил такую травму, что задержал движение, потеряв несколько часов на устранение повреждений. Таким образом, французы были предупреждены о приближении противника, и, хотя Де Грасс не подозревал о его намерении атаковать, он опасался, что Худ пройдет с подветренной стороны от него и нарушит осаду Бримстоун—Хилла -предприятие настолько опрометчивое для уступающих сил, что так же трудно представить, как он мог это предположить, как и объяснить, почему он не заметил слабости своей собственной позиции на якоре.

В час дня 24-го был замечен английский флот, огибающий южную оконечность Невиса; в три Де Грасс снялся с якоря и повернул к югу. Ближе к заходу солнца Худ тоже развернулся и встал южнее, как бы отступая; но он находился с наветренной стороны от своего противника и сохранял это преимущество всю ночь. На рассвете оба флота оказались с подветренной стороны от Невиса — английский у острова, французский примерно в девяти милях от него (Фото XIX.). Некоторое время было потрачено на маневры, целью которых со стороны Худа было заставить французского адмирала еще больше оказаться с подветренной стороны; ибо, потерпев неудачу в своей первой попытке, он вынашивал еще более смелое намерение захватить якорную стоянку, оставленную его неумелым противником, и утвердиться там неприступным образом. В этом он преуспел, как будет показано ниже; но чтобы понять оправдание заведомо опасного движения, следует указать, что таким образом он оказался бы между осаждающими Бримстоун-Хилл и их флотом; или, если бы последний бросил якорь недалеко от холма, английский флот оказался бы между ним и его базой на Мартинике, готовый перехватить припасы или отряды, приближающиеся с юга. Короче говоря, позиция, на которой Худ надеялся закрепиться, находилась на фланге коммуникаций противника, позиция тем более выгодная, что сам по себе остров не мог долго поддерживать столь внезапно переброшенный на него крупный отряд войск. Более того, оба флота ожидали подкрепления; Родни был в пути и мог прибыть первым, что он и сделал, и вовремя, чтобы спасти Сент-Китс, чего он не сделал.

Кроме того, после Йорктауна прошло всего четыре месяца; дела Англии шли плохо; что-то нужно было делать, что-то пускать на волю случая, и Худ знал себя и своих офицеров. Можно добавить, что он знал своего противника.

В полдень, когда склоны холмов Невиса были покрыты ожидающими и заинтересованными туристами, английский флот быстро выстроился в линию по правому борту и направился на север, к Нижней Земле (Фото XIX, А, А'). Французы в тот момент находились в колонне, направлявшейся на юг, но сразу развернулись и встали перед противником в линию носа и четверти[195] (А, А). В два часа британцы отошли достаточно далеко, и Худ подал сигнал сниматься с якоря. В двадцать минут третьего авангард французов подошел на расстояние ружейного выстрела к английскому центру (В, В, В), и вскоре после этого началась стрельба, нападающие очень правильно направили свои основные усилия на английские арьергардные корабли, которые, как это бывает с большинством длинных колонн, развернулись, тенденция в данном случае усилилась из-за медлительности четвертого корабля с тыла, "Благоразумного". Французский флагманский корабль "Виль де Пари" из ста двадцати пушек под флагом Де Грасса устремился к образовавшейся таким образом брешь, но был остановлен семидесятичетырехпушечной "Канадой", чей капитан Корнуоллис, брат лорда Корнуоллиса, спустил все паруса и отступил перед огромным противником для поддержки тыла, — примеру благородно последовали "Резолюшн" и "Бедфорд", шедшие непосредственно перед ним (а). Сцена теперь была разнообразной и чрезвычайно оживленной. Английский фургон, избежавший нападения, быстро становился на якорь (b) в назначенном месте. Главнокомандующий в центре, гордо полагающийся на мастерство и поведение своих капитанов, дал сигнал кораблям впереди поднять паруса и занять свои позиции, невзирая на опасность для угрожаемого тыла. Последние, теснимые и превосходящие числом, непоколебимо стояли на укороченных парусах и становились на якорь один за другим в линию впереди (В, В') под грохот орудий своих сбитых с толку врагов. Последние прошли мимо, открыли огонь и снова ушли на юг, оставив свои прежние позиции более слабым, но умным противникам.

Pl. XIX. [Список](#)

Якорная стоянка, столь блестяще занятая Худом, была не совсем такой, какую днем ранее занимал Де Грасс; но поскольку она прикрывала и контролировала ее, его утверждение о том, что он занял место, которое покинул другой, по существу верно. Следующая ночь и утро были потрачены на изменение и укрепление порядка, который в конечном итоге был установлен следующим образом (Фото XVIII, В, В'). Судно-фургон стояло на якоре примерно в четырех милях к юго-востоку от Бас-Терре, так близко к берегу, что судно не могло ни пройти внутри него, ни, при преобладающем ветре, даже добраться до него из-за мыса и мели прямо снаружи, прикрывавших его позицию. От этой точки линия тянулась в направлении запад-северо-запад до двенадцатого или тринадцатого корабля (от мили с четвертью до полутора миль), где она постепенно, но быстро поворачивала на север, причем последние шесть кораблей находились на линии север-юг. Флагманский корабль Худа, "Барфлер", девяностопушечный, находился на вершине образовавшегося таким образом выступающего угла.

Для французского флота не было бы невозможным занять якорную стоянку, которую они ранее занимали; но ему и всем другим с подветренной стороны было запрещено по уже изложенным соображениям, пока Худ оставался на месте. Следовательно, возникла необходимость выбить его, но это оказалось чрезвычайно трудным из-за тщательной тактической диспозиции, которая была описана. Его левый фланг был прикрыт берегом. Любая попытка обойти его фронт обходом с другого фланга встречалась бортовыми залпами шести или восьми кораблей, *выдвинутых* в тыл. Фронт контролировал подступы к Нижней Земле. Атаковать его с тыла, с северо-запада, было запрещено из-за пассата. К этим трудностям следовало добавить, что атака должна была производиться под парусами против кораблей, стоящих на якоре, для которых потеря

рангоуте представляла бы непосредственной опасности; и которые, имея пружины[196], могли бы с большой легкостью наносить бортовые залпы на большой площади.

Тем не менее, как разумная политика, так и чувство унижения побудили Де Грасса вступить в бой, что он и сделал на следующий день, 26 января. Метод атаки одиночной колонной из двадцати девяти кораблей против линии, столь тщательно организованной, был в высшей степени ошибочным; но можно сомневаться, что какой-либо командующий того времени прорвался бы через традиционный боевой порядок.[197] Худ намеревался сделать то же самое, но он надеялся застать врасплох плохо организованного противника, и на первоначальной французской якорной стоянке можно было добраться до их кораблей на востоке, лишь слегка подвергнувшись концентрированному огню. Сейчас не так. Французы построились южнее и направились к восточному флангу линии Худа. Когда их авангардный корабль поравнялся с уже упомянутой точкой, ветер повернул его так, что он смог добраться только до третьего в английском строю, первые четыре корабля которого, используя свои ресурсы, сосредоточили на нем свои орудия. Англичане предположили, что это судно было "Плутоном", и если это так, то его капитаном был Д'Альбер де Рион, по мнению Сюффрена, лучший офицер французского военно-морского флота. "Грохот, вызванный их разрушительными бортовыми залпами, - писал присутствовавший при этом английский офицер, - был настолько оглушительным, что было видно, как целые куски досок отлетали от борта корабля, прежде чем он мог спастись от холодного, сосредоточенного огня своих решительных противников. Продвигаясь вдоль британской линии, она получала первый залп с каждого проходящего мимо корабля. Она действительно была в таком разбитом состоянии, что была вынуждена отправиться к святому Евстафию. И так корабль за кораблем проходили мимо, двигаясь вдоль линии (фото XVIII, В, В), распространяя свои последовательные огни с доблестным, но унылым, безрезультатным однообразием по всему протяжению. Во второй раз в тот день Де Грасс атаковал в том же порядке, но, пренебрегая английским авангардом, направил свои усилия в тыл и центр. Это было столь же бесплодно и, похоже, делалось без особого энтузиазма.

С этого времени и до 14 февраля Худ удерживал свою позицию в поле зрения французского флота, который продолжал крейсировать неподалеку и в южном направлении. 1-го числа прибыло почтовое судно от Кемпенфельдта, сообщившее ему о рассредоточении французского подкрепления для Вест-Индии, что, должно быть, возродило его надежды на то, что его смелая попытка увенчается успехом благодаря прибытию Родни. Однако этому не суждено было сбыться. Бримстоун-Хилл сдался 12-го числа после достойной обороны. 13-го де Грасс отвел свой флот, насчитывавший теперь тридцать три линейных корабля, на Невис и бросил там якорь. В ночь на 14-е Худ созвал на борт всех своих капитанов, приказал им выставить свои вахты рядом со своими, а в одиннадцать часов пополудни один за другим, без шума и сигналов, перерезали канаты и поплыли на север, обогнув ту оконечность острова незамеченными или, по крайней мере, не тронутыми французами.

Как в стратегическом, так и в тактическом отношении концепции и диспозиции Худа были превосходны, а их выполнение в высшей степени соответствовало мастерству и стойкости его самого и его капитанов. Рассматриваемая как единая военная операция, она была блестящей на всем протяжении; но если рассматривать ее применительно к общему положению Англии в то время, то следует дать гораздо более высокую оценку качествам адмирала.[198] Сент-Китс сам по себе, возможно, и не стоил большого риска; но первостепенное значение имело то, чтобы энергия и дерзость были применены к ведению английской морской войны, чтобы какой-

нибудь крупный успех озарял ее флаг. Материального успеха добиться не удалось. Шансы, хотя и достаточно неплохие, обернулись против Худа; но каждый человек в этом флоте, должно быть, почувствовал жар смелого подвига, непоколебимую уверенность, которая следует за великим, благородно совершенным делом. Будь этот человек главнокомандующим, когда на карту были поставлены более важные вопросы, будь он первым, а не вторым на Чесапике, Корнуоллис, возможно, был бы спасен. Операция — захват якорной стоянки, оставленной противником, — была бы почти такой же; и обе ситуации можно поучительно сравнить с освобождением Сюффреном Куддалора.

Действия Де Грасса также следует рассматривать не только применительно к конкретному случаю, но и к общему состоянию войны, и когда они будут таким образом взвешены и дополнительно сопоставлены с другими очень похожими возможностями, которыми пренебрег этот генерал, может быть получена справедливая оценка его военного потенциала. Это сравнение, однако, лучше отложить до не очень отдаленного завершения кампании. Наиболее полезное замечание, которое следует здесь сделать, состоит в том, что его действия, не позволившие раздавить "Худ" на якорях силами, по крайней мере, на пятьдесят процентов большими, были в строгом соответствии с общим французским принципом подчинения действий флота так называемым частным операциям; ибо нет ничего более поучительного, чем отметить, как несостоятельный принцип приводит к катастрофическим действиям.

Неполноценность Худа была такова, что в наступательных целях ослабляла его командное положение. До тех пор, пока Де Грасс держался наветренной стороны, он поддерживал связь с Мартиникой, и у него также было достаточно сил, чтобы при необходимости наладить связь с войсками перед Бримстоун-Хилл. Как показали события, было вероятно, что конкретная операция по взятию Сент-Китса увенчается успехом, несмотря на присутствие английского флота; и "французский военно-морской флот всегда предпочитал славу завоевания, возможно, более блестящему, но менее реальному, захвату нескольких кораблей".

Пока де Грасс может быть оправдан в любой ошибке, кроме той, что он не превзошел традиции своей службы. Однако за несколько дней до сдачи острова и ухода английского флота к нему присоединились два линейных корабля, которые сообщили ему о рассредоточении ожидаемого конвоя и подкреплении из Европы.^[199] Тогда он понял, что сам не сможет укрепиться до прибытия Родни и что к этому моменту англичане будут превосходить его. Фактически в его распоряжении было тридцать три линейных корабля, а в нескольких милях от них лежали двадцать два английских на позиции, где, как он знал, они будут ждать его атаки; и все же он позволил им сбежать. Из его собственного объяснения ясно следует, что у него не было намерения атаковать их на якоре: —

На следующий день после капитуляции Бримстоун-Хилла настал момент внимательно понаблюдать за Худом и сразиться с ним, *как только он отправится* с завоеванного острова. Но наши припасы были на исходе; их хватило только на тридцать шесть часов. Несколько судов с припасами прибыли на Невис, и вы согласитесь, что перед сражением нужно жить. Я направился к Невису, всегда с наветренной стороны и на виду у противника, в полтора лигах от него, чтобы как можно быстрее взять на борт необходимые припасы. Худ сбежал ночью, не получив никаких сигналов, и на следующее утро я нашел только больных, которых он оставил здесь".^[200]

Другими словами, Худ, удерживавший свои позиции с непревзойденной дерзостью и мастерством, когда у него был некоторый шанс на успешное сопротивление, отказался ждать атаки своего противника в крайне неблагоприятных условиях. Что следует сказать об этом разговоре о провизии? Разве граф де Грасс не знал за месяц до этого, на сколько, с точностью до дня, хватит запасов на борту? Разве он не знал за четыре дня до отплытия Худа, что с ним все корабли, на которые он, вероятно, мог рассчитывать в предстоящей кампании, в то время как англичане, несомненно, получают подкрепление? И если английская позиция была настолько прочной, насколько это могли обеспечить здравый смысл, профессиональное мастерство и смелые сердца, не было ли у нее слабых мест? Разве подветренные корабли не находились с подветренной стороны? Если бы они действительно попытались прорваться с наветренной стороны, разве у него не было кораблей, чтобы "сдержать" их? Если до первого корабля добраться не удалось, разве у него не хватило сил удвоить и утроить удары по третьему и следующим кораблям, такдалеко по линии, как он хотел? Письмо Сюффрена, относящееся к аналогичному положению вещей в Санта—Люции,^[201] но написанное за три года до этих событий, кажется почти пророческим описанием их:-

"Несмотря на незначительные результаты двух канонад 15 декабря [1778 г.], мы все еще можем ожидать успеха; но единственный способ достичь его - энергично атаковать эскадру, которая вследствие нашего превосходства не может продержаться, несмотря на их наземные работы, которые не принесут никакого эффекта, *если мы возьмем их на abordage или бросим якорь у их буев*. Если мы промедлим, их могут спасти тысячи обстоятельств. *Они могут воспользоваться ночью, чтобы уехать*."

Не может быть сомнений, что англичане дорого продали бы свое поражение; но за результаты войны нужно платить, и лучшие из них в долгосрочной перспективе обходятся дешевле всего. Строгое соблюдение нескольких простых принципов — что флот противника был решающим фактором в предстоящей кампании, что, следовательно, это была его истинная цель, что одна его часть должна быть без промедления уничтожена, когда ее поймут таким образом разделенной, — спасло бы Де Грасса от большой ошибки; но справедливости ради стоит отметить, что это сделало бы его исключением из практики французского военно-морского флота.

Теперь был близок час, когда французский адмирал должен был почувствовать, даже если он этого не признавал, последствия этой ошибки, из-за которой он отвоевал ничтожный остров и потерял английский флот. Родни отплыл из Европы 15 января на двенадцати линейных кораблях. 19 февраля он бросил якорь на Барбадосе, и в тот же день Худ прибыл на Антигуа из Сент-Китса. 25-го числа эскадрильи "Родни" и "Худа" встретились с наветренной стороны Антигуа, образовав объединенный флот из тридцати четырех линейных кораблей. На следующий день Де Грасс бросил якорь в Форт-Ройяле, избежав, таким образом, преследования, которое сразу же начал Родни. Затем английский адмирал вернулся в штаб. Люция, где к нему присоединились еще три линейных корабля из Англии, увеличив его численность до тридцати семи человек. Зная, что из Франции ожидается большой конвой, до прибытия которого ничего нельзя предпринять, Родни отправил часть своего флота крейсировать с наветренной стороны и как можно дальше на север до Гваделупы; но офицер, командовавший французским конвоем, подозревая об этих действиях, держался значительно севернее этого острова и достиг Форт-Ройяла, Мартиника, 20 марта. Военные корабли вместе с

ним увеличили флот Де Грасса до тридцати трех линейных кораблей и двух пятидесятипушечных кораблей.

Целью объединенных усилий Франции и Испании в этом году было завоевание Ямайки. Ожидалось, что она объединит в Кап-Франсе (ныне Кап-Аитьен), в Хайти, пятьдесят линейных кораблей и двадцать тысяч солдат. Часть последних уже была на месте встречи; и де Грасс, назначенный командовать объединенными флотами, должен был собрать на Мартинике все имеющиеся войска и припасы на французских островах и конвоировать их к месту встречи. Именно этот перекресток Родни было поручено предотвратить.

Регион, в пределах которого происходили важные операции следующих нескольких дней, простирается на сто пятьдесят миль с юга на север, включая острова Ста. Люсия, Мартиника, Доминика и Гваделупа, в указанном порядке. (См. Таблицу XI. стр. 378.) В то время первая была на английском, остальные - на французском, от руки. Последняя и на данный момент решающая встреча произошла между Доминикой и Гваделупой, и немногok западу от них. Их разделяет двадцать три мили, но пролив сужается до тринадцати из-за трех островков, называемых Святыми, лежащих в десяти милях к югу от Гваделупы. Говорят, что Де Грасс намеревался вместо того, чтобы плыть прямо в Кап-Франсе,^[202] взять обходной курс вблизи островов, которые, будучи дружественными или нейтральными, дали бы убежище конвою в случае давления. Близкое преследование англичан, которые поравнялись с ним у берегов Доминики, вынудило его отказаться от этого плана, отправив конвой в Бас-Терре на южной оконечности Гваделупы, в то время как с флотом он попытался прорваться через ла-манш и пройти восточнее острова, таким образом отвлекая англичан от транспортов и избавляя себя от тактического замешательства из-за присутствия последнего. Аварии на различных кораблях сорвали эту попытку и привели к битве, катастрофической для него и фатальной для совместного предприятия.

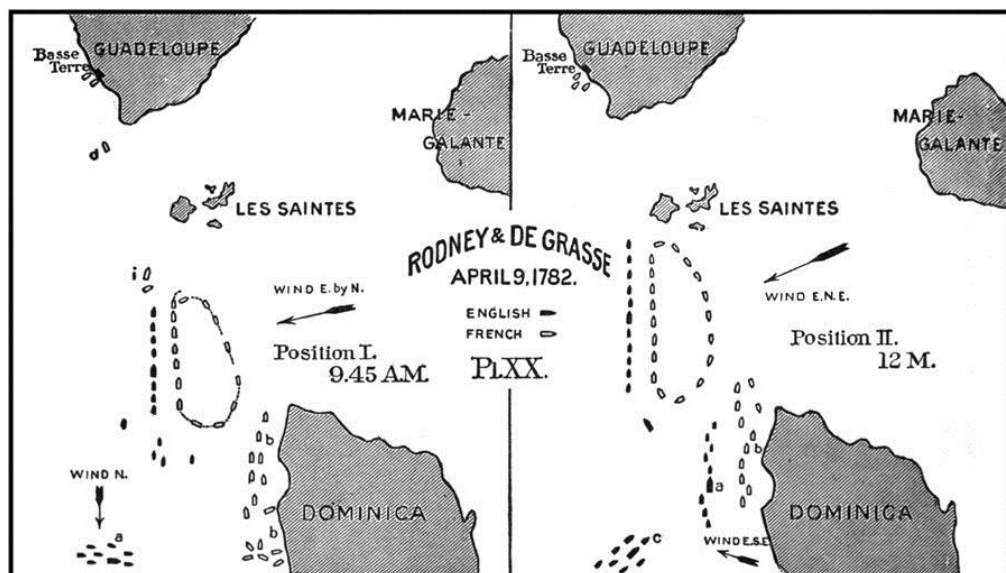
Якорные стоянки двух флотов, на Мартинике и Штадже. Люсия, находились на расстоянии тридцати миль друг от друга. Преобладающий восточный ветер, как правило, попутный, чтобы переходить от одного к другому; но сильное западное течение и частые штили и легкие порывы ветра, как правило, отбрасывают парусные суда, покидающие штат, с подветренной стороны. "Люсия" - на северный остров. Цепочка фрегатов по сигналу соединила английские дозорные корабли у берегов Мартиники с флагманским кораблем Родни в бухте Грос-Илот. На двух станциях все было в движении: французы были заняты многочисленными приготовлениями, необходимыми для крупного военного предприятия, англичанам оставалось меньше дел, но они поддерживали себя в состоянии ожидания и подготовки к немедленным действиям, что требует постоянной бдительности и умственной активности.

5 апреля Родни сообщили, что солдаты погружаются на борт, а 8-го, вскоре после рассвета, были замечены сторожевые фрегаты, подающие сигнал о том, что противник покидает порт. Английский флот немедленно начал трогаться в путь, и к полудню вышел из гавани в количестве тридцати шести линейных кораблей. В половине третьего пополудни передовые фрегаты оказались в поле зрения французского флота, который был замечен с мачт основного корпуса незадолго до захода солнца. Англичане всю ночь стояли к северу и на рассвете 9-го были поравняны с Доминикой, но по большей части наступал штиль. На берегу от них, к северу и востоку, были видны французский флот и конвой: линейные военные корабли численностью тридцать три человека, не считая более мелких судов; конвой численностью сто пятьдесят

парусников находился под особым присмотром двух пятидесятипушечных кораблей. Нерегулярные и неуверенные ветры, обычные для ночных и ранних часов дня вблизи суши, рассеяли эти громоздкие отряды. Пятнадцать линейных кораблей находились в проливе между Доминикой и островами Святых при свежем пассате, очевидно, дующем с наветренной стороны; остальные военные корабли и большая часть конвоя все еще находились в штиле недалеко от Доминики (Фото XX., позиция I, b). Постепенно, однако, один за другим французские корабли улавливали легкие дуновения ветра с суши; и благодаря им, которые не доходили так далеко, как английские в ближайшее время, отошли от острова и вошли в более устойчивый бриз ла-манша, усилив группу, которая таким образом обладала главным элементом военно-морской мощи - мобильностью. В то же время легкий ветерок с юго-востока подкрался к английскому авангарду "под колпаком", мягко унося его на север от основной массы флота к двум изолированным французским кораблям (i), которые, оказавшись ночью с подветренной стороны, разделили штиль, оставивший англичан неподвижными, повернувшими головы по компасу. Они подошли почти на расстояние пушечного выстрела, когда легкий порыв ветра с северо-запада позволил французам отойти и приблизиться к своим кораблям в ла-манше.

Чем дальше продвигался английский авангард, тем свежее становился ветер, пока они не вошли в пролив Святых и не почувствовали пассат. Де Грасс подал сигнал конвою следовать в Гваделупу, и этот приказ был выполнен так хорошо, что к двум часам дня все они скрылись из виду к северу и в дальнейшем больше не появятся. Два французских корабля, о которых уже говорилось, что они отошли с подветренной стороны, еще не были вне опасности со стороны английского авангарда, у которого теперь был господствующий ветер, и последний был значительно оторван от их тыла и центра, Де Грасс приказал своему авангарду снизиться и вступить в бой. Этому повиновались поданные сигналы корабли и три других, всего четырнадцать или пятнадцать человек, действие началось в половине десятого утра и продолжалось с перерывами до четверти второго. Худ вскоре был вынужден лечь в дрейф, чтобы не слишком увеличивать отрыв от основного флота; французы продолжали движение, приближаясь с тыла и проходя последовательно на расстоянии половины пушечного выстрела с наветренной стороны (Фото XX., Позиция I.). По мере того, как каждый корабль продвигался впереди английской дивизии, он лавировал, отступая к югу, пока не занял свое место в центре. порядок атаки, таким образом, описывает непрерывную неправильную кривую эллиптической формы с наветренной стороны от своих противников. Основная тяжесть атаки пришлась на восемь или девять английских кораблей, и это число последовательно увеличивалось по мере того, как один корабль за другим, в зависимости от сбивающей с толку атмосферы, выходили из спокойного пространства под Доминикой; но и французы получили аналогичные присоединения. Пока продолжалось это сражение, часть английского центра, восемь кораблей с флагом Родни среди них (Позиция I., a), внимательно наблюдая за порывами ветра и "кошачьими лапами", приблизились к суше и поймали морской бриз, который почувствовался там раньше, чем в море. Как только они получили это, около одиннадцати часов утра, они повернули на север, находясь теперь в зоне действия погодных условий[203] оба английских фургона и нападавшие на них (Позиция II., a). Последний, видя это, сменил курс и, на время прекратив соревнование, взял курс на юг, чтобы присоединиться к своему центру, чтобы восемь кораблей Родни не оказались между ними. В половине двенадцатого французы снова выстроились в линию на правом галсе, большинство их кораблей теперь были далеко от суши, в то время как английский тыл все еще находился в состоянии штиля. Большая численность

французов позволила им растянуться с севера на юг по всей длине английской линии, тогда как последняя все еще была прорвана большим разрывом между авангардом и центром (позиция II.). Поэтому атака на Худ была яростно возобновлена; но центр и арьергард французов (b), имея ветер, сохраняли дистанцию и удерживали дивизию Родни на большом расстоянии. В четверть второго французы, обнаружив, что вся британская линия приближается с попутным ветром, прекратили стрельбу, и в два часа Родни подал сигнал к бою, поскольку противник отступил.

Pl. XX. [Список](#)

Эта акция 9 апреля фактически была не более чем артиллерийской дуэлью. Один французский корабль, "Катон", а шестьдесят четвертый (d), получил повреждения, из-за которых был отправлен в Гваделупу; два английских были выведены из строя, но залечили свои повреждения, не покидая флот. Материальное преимущество, таким образом, было на стороне последнего. Мнения расходятся относительно полководческих способностей графа де Грасса в этот день, но они разделяются на той же принципиальной основе относительно того, должны ли скрытые операции или шансы разгромить флот противника определять действия адмирала. Факты этого дела таковы: шестнадцать человек из английского флота, все в арьергарде и четыре в центре (Позиция II., c), ни разу не смогли произвести ни единого выстрела. Очевидно, в бой могли быть введены все французские корабли, первый и последний. Вначале восьми или девяти англичанам противостояли пятнадцать французов. В конце было от двадцати англичан до тридцати трех французов, и эти общие пропорции, несомненно, сохранялись в течение четырех часов. Таким образом, де Грасс оказался в присутствии флота, превосходящего его собственный, по крайней мере, численно, и по милости Провидения этот флот был настолько разделен, что почти половина его была бессильна действовать. У него был ветер, у него был прекрасный отряд капитанов; что могло помешать ему атаковать девять кораблей Худа пятнадцатью, поставив по одному с каждой стороны от шести в тылу. Если бы эти девять были разбиты наголову, дальнейшие действия Родни, должно быть, были бы безнадежно подорваны. Французы потеряли всего пятерых в результате своего поражения три дня спустя. Однако последующий военный трибунал сформулировал французскую доктрину следующим образом: "Решение продолжать взаимодействие только с частью нашего флота может рассматриваться

как акт осмотрительности со стороны адмирала, который может быть продиктован скрытыми планами кампании". По этому поводу французский профессиональный писатель, естественно, замечает, что, если бы атака вообще была предпринята, было бы более благоразумно предпринять ее в полную силу; меньше повреждений было бы нанесено отдельным кораблям, в то время как в конце концов весь флот неизбежно был бы привлечен для поддержки любого, который, потеряв рангоуты, не смог бы вернуться с наветренной стороны.

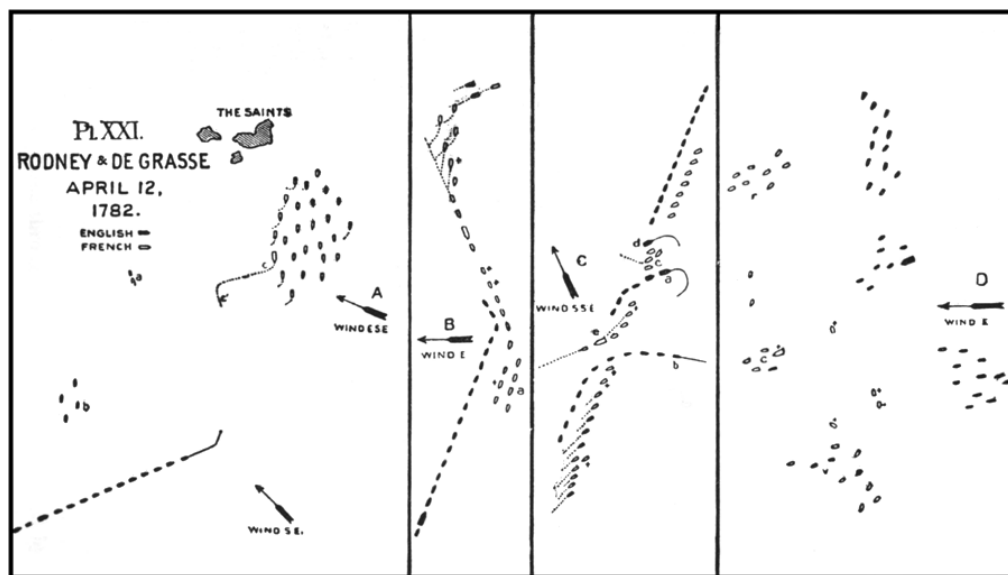
Трижды за один год Фортуна предоставляла Де Грассу возможность атаковать английский флот с решающим перевесом на его стороне.^[204] Теперь ее милости были исчерпаны. Еще три дня должны были показать, насколько решительно на скрытые проекты кампании может повлиять сражение и потеря нескольких кораблей. С 9-го до утра 12-го французский флот продолжал двигаться с наветренной стороны между Доминикой и островами Сейнтс, не в обычном порядке. В ночь на 9-е английский корабль лег в дрейф для устранения повреждений. На следующий день преследование с наветренной стороны было возобновлено, но французы очень решительно оторвались от своих преследователей. В ночь на 10-е два корабля, "Джейсон" и "Зеле", столкнулись. "Зеле" был проклятием французского флота в те дни. Она была одной из тех, которые были почти пойманы врагом 9-го числа, а также стала причиной окончательной катастрофы. Повреждения "Джейсона" вынудили ее зайти в Гваделупу. 11-го числа основные силы находились с наветренной стороны от "Сэйнтс", но "Зеле" и еще один корабль отошли так далеко с подветренной стороны, что Де Грасс снизился, чтобы прикрыть их, потеряв таким образом большую часть завоеванных позиций. Следующей ночью "Зеле" снова столкнулся, на этот раз с флагманским кораблем Де Грасса; последний потерял несколько парусов, но другой, который не имел права маневра и был полностью виноват, снес фок-мачту и бушприт. Адмирал послал приказ фрегату "Астре" взять "Зеле" на буксир; и здесь на страницах нашего повествования мелькает знаменитая и трагическая фигура, ибо капитаном "Астре" был злополучный исследователь Лапейруз, тайна исчезновения которого с двумя кораблями и всеми их экипажами так долго оставалась неразгаданной. Два часа ушло на то, чтобы тащить корабль на буксире за фрегатом, — не очень разумная работа в условиях погоды и срочности; но к пяти часам утра два корабля были уже в Нижнем течении, куда уже прибыли "Катон" и "Ясон", а также конвой. Таким образом, с момента ухода с Мартиники французский флот потерял троих человек из своей боевой линии.

Поврежденный корабль вскоре направился в Нижнюю Землю, когда слабые проблески рассвета возвестили о приближении 12 апреля, дня, вдвойне отмеченного в военно-морских анналах. Солнце еще не совсем село над измотанными эскадрами Сюффрена и Хьюза, стоявшими на якоре после самого ожесточенного сражения у берегов Цейлона, когда его первые лучи осветили начавшуюся схватку между Родни и Де Грассом.^[205] Последнее было в то время по своим результатам величайшим морским сражением за столетие; его влияние на ход событий было очень велико, хотя и далеко не таким решающим, как могло бы быть; оно сопровождалось необычными, хотя и несколько искусственными, блестящими обстоятельствами и, в частности, было отмечено маневром, который тогда рассматривался как исключительно смелый и решающий, — "прорывом очередь." Следует добавить, что это вызвало бурю споров; и масса деталей, приведенных свидетелями, которые должны быть надежными, настолько запутаны и противоречивы, главным образом из-за неустойчивости ветра, что сейчас невозможно сделать больше, чем попытаться согласовать их в полном отчете. Тем не менее, основные черты могут быть представлены с достаточной точностью, и сначала это

будет сделано кратко и едва заметно; представленный таким образом план впоследствии может быть дополнен деталями, которые придают цвет, жизнь и интерес великой сцене.

На рассвете[206] (около половины шестого) английский флот, отправившийся в путь в два часа ночи, стоял на правом галсе при юго-восточном ветре,[207] необычно много супа для этого часа (Фото XXI, А). Тогда он находился примерно в пятнадцати милях от "Сэйнтс", который держал курс на северо-северо-восток, и в десяти от французского флота, который держал курс на северо-восток. Последние, вследствие событий ночи, были сильно рассеяны, целых восемь или десять миль отделяли погодные, или самые восточные, корабли от подветренных,[208] флагманский корабль "Виль де Пари" был среди последних. Беспокойство за "Зеле" удерживало французского адмирала с кораблями его роты под коротким парусом, стоявшего южнее на левом галсе (А). Англичане легли на правый галс, держа попутный ветер, [3] взяли курс на восток-северо-восток, и, таким образом, как только стало светло, увидели французов "широко с подветренной стороны, а один из кораблей мсье де Грасса ("Зеле"), буксируемый фрегатом, находился прямо под нашей подветренной стороной (а), его бушприт и фок-мачта были распростерты поперек бака".[209] Чтобы отвлечь французов дальше с подветренной стороны, Родни выделил четыре корабля (b) для преследования "Зеле". Как только Де Грасс увидел это, он дал сигнал своему флоту держаться подальше (с), как того желал Родни, и в то же время выстроиться в боевую линию, таким образом подозвав к себе корабли с наветренной стороны. Английская линия также была быстро сформирована, и преследующие корабли отозваны в семь часов утра. Де Грасс, видя, что если он останется на месте, то вообще потеряет флюгер, снова лег на левый галс (с'); и ветер, сменившийся на восточно-юго-восточный и восточный в его пользу и отбросивший англичан, гонка двух флотов на противоположных галсах, за счет преимущества ветра, стала почти равной. Французы, однако, победили благодаря превосходству в парусном спорте, которое позволило им в предыдущие дни отойти так далеко с наветренной стороны от англичан, и, если бы не неуклюжесть "Зеле", возможно, вообще обошли бы их (Фото XXI, Б). Их ведущие корабли первыми достигли и миновали точку, где пересекались быстро сходящиеся пути, в то время как английский лидер, "Мальборо", врезался во французскую линию между шестым и десятым кораблями (указывается по-разному). Бой, конечно, к этому времени уже начался, девятый корабль французской линии, "Храбрый", открыл огонь без двадцати восемь утра по "Мальборо". Поскольку ранее не было намерения прорывать линию, английский флагман, повинуясь сигналу Родни, отошел в сторону и прошел рядом с подветренной стороны противника, за ним последовательно последовали все корабли, оказавшиеся в кильватере. Сражение, таким образом, приняло обычную и нерешительную фазу, когда два флота идут противоположными галсами, однако ветер очень слабый, что допускает более ожесточенное столкновение, чем обычно в подобных обстоятельствах, корабли "скользят мимо" со скоростью три-четыре узла. Поскольку линии противника снова разошлись к югу от места их встречи, Де Грасс подал сигнал держаться на расстоянии четырех пунктов к юго-юго-западу, тем самым задействовав свой авангард (В, а) в тылу англичан и не позволив последним выйти к себе в тыл невредимыми. Однако французам угрожали две опасности, если они продолжат свой курс. Его направление, южное или юго-юго-западное, привело их в затишье, которое повисло вокруг северной оконечности Доминики; а неуверенность в ветре сделала возможным то, что, перенеся его на юг, противник мог пройти через их линию обороны и получить ветер, а вместе с ним и возможность навязать решающее сражение, которого избегала французская политика; и это было фактически то, что произошло. Поэтому в половине девятого де Грасс подал сигнал *собраться* и следовать тем же курсом, что

и англичане. Это, однако, было невозможно; два флота находились слишком близко друг к другу, чтобы допустить такую эволюцию. Затем он подал сигнал поворачивать поближе к ветру и последовательно *носить*, что также не было выполнено, и в пять минут десятого возникла ужасная непредвиденная ситуация; ветер подул на юг, сбив с толку все французские корабли, которые еще не отошли в сторону; то есть всех, у кого английские корабли были с подветренной стороны (Фото XXI. С). Родни на "Грозном" в это время как раз подходил к берегу с четвертым кораблем за кормой под флагом Де Грасса. Повернув к новому ветру, он прошел сквозь линию французов, сопровождаемый пятью кораблями, следующими за ним по корме (С, а), в то время как почти в тот же момент и по тем же причинам его шестой кормой (С, b) прошел через промежуток рядом с ним, сопровождаемый всем английским арьергардом. Таким образом, французская боевая линия была прорвана в двух местах колоннами вражеских кораблей в таком тесном порядке, что их корабли были отброшены в сторону, даже если бы ветер не сговаривался помешать их действиям. Все принципы, на которых строилась боевая линия, касающиеся взаимной поддержки и свободного поля обстрела каждого корабля, были, таким образом, ниспровергнуты для французов и сохранены для английских дивизий, которые продвигались вперед; и французы были отеснены с подветренной стороны вмешательством неприятельских колонн, помимо того, что были разбиты. Вынужденные таким образом покинуть линию, на которой они были расположены, необходимо было перестроиться на другую и объединить три группы, на которые они были разделены, - сложный тактический прием при любых обстоятельствах, но вдвойне сложный под моральным впечатлением катастрофы и в присутствии превосходящего противника, который, хотя и был в беспорядке, находился в лучшей форме и уже ощущал сияние победы.

Pl. XXI. [Список толистов](#)

Не похоже, чтобы французы предприняли какую-либо существенную попытку переформироваться. Воссоединиться - да; но только как летящая, неупорядоченная масса. Различные изменения ветра и передвижения дивизий покинули свой флот в полдень (Фото XXI. D), причем центр (с) расположен в двух милях к северо-западу от фургона (v) и с подветренной

стороны от него, а тыл (r) еще дальше от центра и с подветренной стороны от него. Теперь в обоих флотах царили затишья и короткие порывы ветра. В половине второго пополудни поднялся легкий бриз с востока, и Де Грасс подал сигнал снова построиться на левом галсе; между тремя и четырьмя, не добившись успеха в этом, он подал сигнал построиться на правом галсе. Два сигнала и общий характер отчетов показывают, что французы ни разу не перестраивались после того, как их линия была прорвана; и все маневры были направлены на то, чтобы, даже если в них не было необходимости, отвести весь флот на глубину до самой подветренной его части (D). При таком движении, естественно, наиболее поврежденные корабли были оставлены позади, и они были подобраны, один за другим, англичанами, которые преследовали без какого-либо регулярного порядка, в котором не было необходимости, поскольку взаимная поддержка была обеспечена и без этого. Вскоре после шести часов вечера флагманский корабль де Грасса, "Виль де Пари", сменил свой флаг на "Барфлер", неся флаг сэра Сэмюэля Худа. Французские отчеты утверждают, что затем ее окружили девять вражеских кораблей, и нет никаких сомнений в том, что она сражалась до победного конца. Ее имя, названное в честь великого города, подарком которого она была королю, ее необычные размеры и тот факт, что ни один главнокомандующий французским военно-морским флотом ранее не был взят в плен в бою, сговорились придать особый блеск победе Родни. Были захвачены четыре других линейных корабля,^[210] и, что достаточно странно, именно на этих кораблях был обнаружен весь обоз артиллерии, предназначенный для захвата Ямайки.

Таковы были основные моменты Битвы Святых, или, как ее иногда называют, 12 апреля, известной французам как Битва за Доминику. Теперь необходимо указать на некоторые моменты, которые до сих пор были опущены для большей ясности, но которые затрагивают суть вопроса. Когда начался день, французский флот был сильно рассеян и без всякого порядка.^[211] Де Грасс, под влиянием своих опасений за "Зеле", настолько ускорил свои движения, что его линия не была должным образом сформирована в момент вступления в бой. Передовые корабли еще не вышли на позиции (B, a), а остальные были так далеки от того, чтобы достичь своих мест, что Де Водрей, командовавший тыловым подразделением и вступивший в бой последним, утверждает, что линия была сформирована под ружейным огнем. Англичане, напротив, были в полном порядке, единственным внесенным изменением было сокращение интервала между кораблями с двух до одного кабельтова (семьсот футов). Знаменитый удар по прорыву французской линии был вызван не предварительным намерением, а изменением ветра, выбившим их корабли из строя и, таким образом, увеличившим расстояние между ними; в то время как брешь, через которую прорвалась группа Родни, была увеличена за счет того, что "Диадема" на ее северной стороне была захвачена врасплох и повернула на другой галс (C, c.). Сэр Чарльз Дуглас говорит, что немедленным результатом прорыва флагманского корабля было "сближение, почти, если не совсем соприкосновение друг с другом, четырех кораблей противника, которые были ближе всего", на северной стороне. север", к пункту, упомянутому в (c), и далее по порядку. Эта несчастная группа, составлявшая теперь только один крупный объект, по которому можно было вести огонь, была атакована "Дюком", "Намюром" и "Грозным" (девятистопушечные корабли) одновременно, получив по несколько бортовых залпов с каждого, без единого промаха; и велика, должно быть, была резня". "Дюк" (C, d), шедший следующим впереди флагманского корабля, последовал за своим ведущим с французской подветренной стороны; но как только его капитан увидел, что "Грозный" прорвался сквозь строй противника, он сделал то же самое, пройдя севернее этой сбитой с толку группы и таким образом подставив ее под огонь с обеих сторон. В журнале "Магнаниме", одного из членов

группы, упоминается о прохождении под огнем двух трехпалубных кораблей, по одному с каждой стороны.

Как только приказ был таким образом нарушен, Родни передал сигнал для построения, продолжая использовать его для ближних боев, и в то же время приказал своему авангарду, который к этому времени проехал за пределы вражеского тыла и к северу от него, развернуться и присоединиться к английскому центру. Это было сильно отложено из-за повреждений рангоутов и парусов, полученных при прохождении под огнем противника. Его собственный флагманский корабль и корабли с ним ходили ходуном. Арьергард под прикрытием Худа, вместо того чтобы снова направиться на север, чтобы присоединиться к центру, некоторое время стоял с наветренной стороны, а затем был поставлен в штиль на значительном расстоянии от остальной части флота.

Позже состоялось много дискуссий о мудрости действий Родни по прорыву вражеских порядков и о том, кому следует приписать эту заслугу, если таковая вообще была. Последний момент не вызывает особого беспокойства; но можно сказать, что сын сэра Чарльза Дугласа, начальника штаба Родни, представил ряд положительных доказательств, единственного рода, которые могли быть приняты для умаления авторитета человека, полностью ответственного за результаты, которые доказывают, что предложение исходило от Дугласа, и согласие Родни было получено с трудом. Ценность самого маневра имеет большее значение, чем любой вопрос личной репутации. Некоторые утверждали, что это был далеко не достойный поступок, а прискорбный, и заслугу Родни следует скорее приписать силе обстоятельств, чем выбору. По их словам, было бы лучше продолжать движение с подветренной стороны французского тыла, подвергая его таким образом огню всей английской линии, и чтобы последняя изменила направление и удвоила натиск на французский тыл. В этом аргументе удобно забывается, что лавировать или каким-либо образом разворачиваться после столкновения такого рода было возможно только для части кораблей, участвовавших в бою; и что им было бы очень трудно догнать противника, который прошел мимо, если только последний не был очень серьезно поврежден. Следовательно, эта предполагаемая атака, точное воспроизведение битвы при Ушанте, на самом деле сводится к тому, что флоты идут противоположными галсами, каждый распределяя свой огонь по всей линии противника, не пытаясь сконцентрироваться на какой-либо ее части. Можно и нужно сразу признать, что изменение курса Родни позволило одиннадцати арьергардным кораблям французов (D, r) уйти с подветренной стороны, получив огонь только части своего противника, в то время как английский авангард подвергся обстрелу почти всего французского флота. Эти корабли, однако, были, таким образом, полностью выведены из строя на ощутимое и важное время, будучи оттеснены с подветренной стороны, и были бы еще более не в состоянии помочь кому-либо из своего флота, если бы сам Де Грасс не был отправлен с подветренной стороны дивизией Худа, перерезавшей линию на три корабля впереди него. Тринадцать ведущих французских кораблей, повинувшись последнему сигналу, который они видели, шли по ветру; группа из шести человек с Де Грассом (C, e) сделала бы то же самое, если бы их не остановила дивизия Худа. Таким образом, результатом одних только действий Родни было бы разделение французского флота на две части, разделенные расстоянием в шесть миль, и одна из них безнадежно оказалась с подветренной стороны. Англичане, набрав ветер, были бы в состоянии легко "сдержать" одиннадцать подветренных кораблей и окружить девятнадцать погодных превосходящими силами. Фактическое положение, из-за двух брешей в линии фронта, было несколько иным; группа из шести человек с Де Грассом была размещена между его погодными и подветренными дивизиями, в двух милях от

первой и в четырех от последней (D). Едва ли представляется необходимым настаивать на тактических преимуществах такой ситуации для англичан, даже не принимая во внимание моральный эффект замешательства, через которое прошли французы. В дополнение к этому, очень яркий урок можно извлечь из непосредственного действия английских пушек при прохождении через город. Из пяти захваченных кораблей три были теми, под кормы которых прорвались английские дивизии.^[212] Вместо того, чтобы давать и брать, поскольку параллельные линии проходили на равных условиях, каждый корабль имел поддержку впереди и за кормой, французские корабли, рядом с которыми проходили проникающие колонны, получили каждый последовательный огонь всех дивизий противника. Таким образом, тринадцать кораблей Худа атаковали два задних корабля французского авангарда, "Сезар" и "Гектор", изрядно раздавив их такой концентрацией огня; в то время как подобным образом и с такими же результатами шесть кораблей Родни прошли мимо "Глорье". Это "сосредоточение путем дефиле" за край колонны довольно точно соответствует сосредоточению на фланге линии и представляет особый интерес, потому что в случае успешного проведения это была бы такая же мощная атака сейчас, как и когда-либо. Если бы англичане быстро воспользовались своим преимуществом, они могли бы обстрелять корабли с обеих сторон прохода, через который они прошли, что "Грозный" и сделал на самом деле; но они использовали бортовые залпы по правому борту, и многие, несомненно, не реализовали свою возможность, пока не стало слишком поздно. Естественными результатами действий Родни, таким образом, были: (1) усиление ветра с усилением наступательных действий; (2) сосредоточение огня на части вражеских порядков; и (3) внесение в последние замешательства и разделения, которые могли стать и стали очень большими, предлагая возможность дальнейшего тактического преимущества. Было бы неверным утверждать, что, будь французы более способными, они могли бы объединиться раньше. Маневр, дающий хорошие шансы на преимущество, не теряет своей ценности из-за того, что его можно отразить быстрым движением противника, точно так же, как конкретный выпад мечом не теряет ценности из-за соответствующего парирования. Были шансы, что, оттеснив тыловые корабли, в то время как авангард оставался на месте, французский флот был бы сильно разделен; и этот шаг был тем не менее не менее мудрым, потому что две части могли бы объединиться раньше, чем они это сделали, если бы с ними хорошо справились. При предложенном альтернативном действии - лавировании после обхода тыла противника - преследование превратилось в жестокую погоню, в которой обе стороны, будучи в равной степени вовлеченными, предположительно, были бы в равной степени искалечены. На самом деле сигналов о выходе из строя было множество на обоих флотах.

Независимо от тактического управления двух флотов, существовали определенные различия в оснащении, которые давали тактическое преимущество, и поэтому их стоит отметить. У французов, по-видимому, были более совершенные корабли и, класс за классом, более тяжелое вооружение. Сэр Чарльз Дуглас, выдающийся офицер активного и изобретательного склада ума, уделявший особое внимание деталям артиллерийского вооружения, подсчитал, что по весу батарей тридцать три французских превосходили тридцать шесть английских силами четырех 84-пушечных кораблей; и что после потери "Зеле", "Ясона" и "Катона" все еще сохранялось преимущество, равное двум семидесятипушечным. Французский адмирал Ла Гравьер признает, что в ту эпоху французские пушки были, как правило, большего калибра. Лучшая конструкция французских кораблей и их большая осадка заставляли их лучше плавать и поворачивать, что отчасти объясняет успех Де Грасса в наветренной стороне; ибоднем 11-го только три или четыре части его флота были видны с *верхушки мачты* английского флагманского корабля, который 9-

го находился в пределах пушечного выстрела от них. Именно неловкость незадачливого "Зеле" и "Магнаниме" лишила де Грасса его выгодной позиции и оправдала упорство Родни в том, что он полагался на главу о несчастных случаях для достижения своей цели. Большую скорость французов в целом объяснить несколько сложно, потому что, хотя, несомненно, у них были гораздо лучшие обводы, практика меднения днища не стала во Франции такой распространенной, как в Англии, и у французов было несколько некупоренных и изъеденных червями кораблей.[213] Лучшие плавания французов были, однако, отмечены английскими офицерами, хотя упомянутый значительный выигрыш, должно быть, был частично обусловлен тем, что Родни после действий 9-го числа отложил ремонт, вероятно, из-за большего повреждения, полученного небольшим отрядом его судов, которые участвовали в ожесточенном бою со значительно превосходящей численностью. При описании этого боя было заявлено, что французы держались на расстоянии половины пушечного выстрела; это должно было нейтрализовать тактическое преимущество англичан в большом количестве карронад и других орудий легкого веса, но крупного калибра, которые при ближнем бою давали ощутимый результат, но были бесполезны на больших расстояниях. Заместитель командира, Де Водрейль, которому было доверено проведение этой атаки, прямо заявляет, что, если бы он подошел в пределах досягаемости карронад, его корабли были бы быстро выведены из строя. Какое бы суждение ни было вынесено по поводу военной политики отказа сокрушать противника, находящегося в таком положении, в каком находилась английская дивизия, не может быть сомнений в том, что, если целью было предотвратить преследование, тактика Де Водрея 9-го числа была во всех отношениях превосходной. Он нанес сильнейший вред с наименьшим применением собственной силы. 12-го числа Де Грасс, позволив заманить себя в зону досягаемости карронад, уступил это преимущество, помимо того, что пожертвовал импульсом всей своей предыдущей стратегической политики. Благодаря своей легкости, быстрому обращению, стрельбе картечью и дробью большого диаметра, эти ружья были особенно опасны при ближнем бою и бесполезны на дальних дистанциях. В более позднем донесении Де Водрей говорит: "Действие этого нового оружия наиболее смертоносно в пределах досягаемости мушкета; именно оно так сильно покалечило нас 12 апреля". Были и другие артиллерийские новшества, по крайней мере, на некоторых английских кораблях, которые, повышая точность, быстроходность и поле обстрела, значительно увеличивали мощность их батарей. Это были введение замков, с помощью которых стрелял и тот, кто целился; и установка на лафетах нагрудников и стреловидных козырьков, так что орудия могли быть направлены дальше вперед или за корму, то есть на большее поле, чем это было обычно. В битвах между одиночными кораблями, движение которых не контролируется их отношениями к флоту, это усовершенствование иногда позволяло владельцу занять позицию, откуда он мог тренироваться наносить удары по своему врагу, не давая последнему возможности ответить, и приведены некоторые поразительные примеры такого тактического преимущества. В сражении флота, таком, какое сейчас рассматривается, преимущество заключалось в том, что орудия можно было выдвигать дальше вперед и они могли дольше преследовать противника, когда он проходил за кормой, таким образом удваивая или даже больше количество выстрелов, которые он мог получить, и уменьшая для него интервал невосприимчивости между двумя последовательными противниками.[214] Эти вопросы устаревших и ныне устаревших деталей несут в себе уроки, которые никогда не устаревают; они ничем не отличаются от более современного опыта с игольчатым ружьем и торпедой.

И действительно, вся эта акция 12 апреля 1782 года таит в себе здоровое военное учение. Упорство в преследовании, получение преимущества в позиции, концентрация собственных усилий, рассредоточение сил противника, эффективное тактическое применение небольших, но важных улучшений в военной технике - все это было подробно рассмотрено. Продолжать настаивать на необходимости не упускать шанса нанести врагу детальное поражение было бы бесполезно для любого, кто уже не убежден отношением 9 апреля к 12 апреля. Отказ от нападения на Ямайку после разгрома французского флота убедительно показывает, что истинный способ обеспечить безопасность скрытых объектов - это победить силы, которые им угрожают. Остается, по крайней мере, одна критика, деликатная по своему характеру, но необходимая для того, чтобы составить полное представление об этих событиях; то есть о том, каким образом была достигнута победа, и о последовавших последствиях для войны в целом.

Подверженность парусных судов повреждениям рангоутов и парусов, другими словами, подвижности, которая является главной характеристикой военно-морской мощи, затрудняет по прошествии времени определение того, что могло быть сделано, а что нет. Речь идет не только о фактических полученных повреждениях, которые могут быть зафиксированы в судовых журналах, но и о средствах на ремонт, энергии и способностях офицеров и матросов, которые различаются от корабля к кораблю. Однако что касается способности английского флота развить свои преимущества путем более энергичного преследования 12 апреля, то мы располагаем авторитетом двух наиболее выдающихся офицеров — сэра Сэмюэля Худа, заместителя командующего, и сэра Чарльза Дугласа, капитана флота, или начальника штаба при адмирале. Первый выразил мнение, что можно было захватить двадцать кораблей, и сказал об этом Родни на следующий день; в то время как начальник штаба был настолько огорчен неудачей и тем, как адмирал воспринял его предложения, что всерьез задумался об уходе со своего поста.^[215]

Советы и критика даются легко, и никто, кроме человека, на которого они возложены, не может ощутить всю тяжесть ответственности; но на войне часто нельзя достичь больших результатов без риска и усилий. Точность суждений этих двух офицеров, однако, подтверждается выводами из французских отчетов. Родни оправдывает свою неудачу в преследовании, ссылаясь на поврежденное состояние многих кораблей и другие обстоятельства, связанные с завершением ожесточенного сражения, а затем переходит к предположению, что могло бы быть сделано той ночью, если бы его преследовал французский флот, который "ушел группой из двадцати шести линейных кораблей".^[216] Эти возможности весьма похвальны для его воображения, учитывая, что французский флот натворил днем; но что касается корпуса из двадцати шести^[217] кораблей, Де Водрейль, который после капитуляции Де Грасса дал сигнал кораблям сплотиться вокруг его флага, на следующее утро нашел с собой только десять человек, и до 14-го к нему не присоединился еще ни один. В течение следующих дней к нему с интервалами присоединились еще пятеро.^[218] С ними он отправился на место встречи в Кап-Франсе, где нашел других, доведя общее число отправившихся туда до двадцати. Пятеро оставшихся, из тех, что участвовали в бою, бежали в Кюрасоа, расположенный в шестистах милях отсюда, и вернулись только в мае. Таким образом, "корпус из двадцати шести кораблей" фактически не существовал; напротив, французский флот был очень сильно разбит, а несколько его кораблей изолированы. Что касается состояния калек, то, по—видимому, нет оснований полагать, что англичане пострадали больше, а скорее меньше, чем их противник; и любопытное заявление, касающееся этого, содержится в письме сэра Гилберта Блейна:

"Нам с трудом удалось убедить французских офицеров, что сообщения об убитых и раненых, сделанные нашими кораблями адмиралу, были правдой; и один из них категорически возразил мне, сказав, что мы всегда давали миру ложный отчет о наших потерях. Затем я прошелся с ним по палубам "Грозного" и попросил его отметить, сколько там было пробоин от пуль, *атакже то, как мало пострадал его такелаж*, и спросил, может ли такая степень повреждения быть связана с потерей более четырнадцати человек, что равнялось нашему числу убитых и *было самым большим из всех во флоте*, за исключением "Роял Оук" и "Монарх". Он ... признал, что наш огонь, должно быть, поддерживался и направлялся гораздо лучше, чем их."[\[219\]](#)

Таким образом, не может оставаться никаких сомнений в том, что это преимущество не было реализовано со всей возможной энергией. Только через пять дней после сражения дивизия Худа была отправлена в Сан-Доминго, где они подобрали в проливе Мона "Джейсон" и "Катон", которые отделились перед сражением и направлялись в Кап-Франсе. Они, а также два небольших судна с ними, были единственными последышами победы. В условиях войны с Англией этот осторожный провал является серьезным пятном на военной репутации Родни и значительно укрепляет его место среди успешных адмиралов. На какое-то время он спас Ямайку, но, имея такую возможность, не разгромил французский флот. Он тоже, как и Де Грасс, позволил сиюминутной цели закрыть ему глаза на общую военную ситуацию и на фактор, который ее контролировал.

Чтобы оценить последствия этого пренебрежения и реальную нерешительность этого знаменитого сражения, мы должны перенестись на год вперед и послушать дебаты в парламенте об условиях мира в феврале 1783 года. Одобрение или осуждение условий, согласованных существующим министерством, предполагало обсуждение многих соображений; но суть спора заключалась в том, были ли оправданы такие условия, как сравнительное финансовое и военное положение воюющих сторон, или же для Англии было бы лучше продолжать войну, а не идти на жертвы, которые она принесла. Что касается финансового состояния, то, несмотря на мрачную картину, нарисованную сторонниками мира, тогда, вероятно, сомнений в сравнительных ресурсах разных стран было не больше, чем сейчас. Вопрос о военной мощи на самом деле сводился к вопросу о военно-морской мощи. Министерство утверждало, что все британские вооруженные силы едва ли насчитывали сотню линейных кораблей, в то время как военно-морские силы Франции и Испании насчитывали сто сорок, не говоря уже о военно-морском флоте Голландии.

"При такой вопиющей неполноценности какие надежды на успех могли бы мы черпать либо из опыта последней кампании, либо из какого-либо нового распределения наших сил в той, которая последовала бы? В Вест-Индии у нас не могло быть больше сорока шести кораблей против сорока, которые в день подписания мира стояли в Кадисском заливе с шестнадцатитысячным войском на борту, готовые отплыть в эту часть света, где к ним присоединились бы двенадцатьлинейных кораблей из Гаваны и десять из Сан-Доминго.... Не можем ли мы вполне разумно предположить, что кампания в Вест-Индии завершилась бы потерей самой Ямайки, общепризнанного объекта этого огромного вооружения?"[\[220\]](#)

Это, безусловно, рассуждения отъявленного приверженца, к которым следует относиться с большой снисходительностью. Точность приведенных сравнительных цифр была опровергнута лордом Кеппелом, членом той же партии, а в последнее время возглавлявшим адмиралтейство, с поста, с которого он ушел в отставку из-за неодобрения договора.[\[221\]](#) Английские

государственные деятели, так же как и английские моряки, должно быть, к этому времени научились в значительной степени сбрасывать со счетов очевидную мощь других военно-морских сил. Тем не менее, насколько иной была бы оценка ситуации, как моральной, так и материальной, если бы Родни в полной мере пожал плоды победы, которой он был обязан скорее случаю, чем своим собственным заслугам, какими бы великими они, несомненно, ни были.

В письме, опубликованном в 1809 году, анонимном, но содержащем убедительные внутренние доказательства того, что оно написано сэром Гилбертом Блейном, врачом флота и долгое время находившимся в близких отношениях с Родни, который постоянно страдал во время своего последнего похода, говорится, что адмирал "мало думал о своей победе 12 апреля 1782 года". Он предпочел бы основать свою репутацию на своих комбинациях против Де Гишена 17 апреля 1780 года и "рассматривал эту возможность победить с более слабым флотом такого офицера, которого он считал лучшим на французской службе, как того, благодаря которому, если бы не неповиновение его капитанов, он мог бы приобрести бессмертную славу".^[222] Немногие студенты будут склонны подвергать сомнению эту оценку заслуг Родни в этих двух случаях. Судьба, однако, распорядилась так, что его слава должна была зависеть от битвы, блестящей самой по себе, которой его собственные качества способствовали меньше всего, и отказала ему в успехе, когда он больше всего этого заслуживал. Главное дело его жизни, в котором встретились заслуги и успех, уничтожение флота Лангары у мыса Сент-Винсент, почти кануло в лету; однако оно потребовало высочайших качеств моряка и не стоит сравнения с преследованием Хоуком Конфлана.^[223]

В течение двух с половиной лет, прошедших с тех пор, как Родни был назначен его командующим, он добился нескольких важных успехов и, как уже отмечалось, захватил французского, испанского и голландского адмиралов. "За это время он пополнил британский флот двенадцатью линейными кораблями, все взятыми у противника, и уничтожил еще пять; и чтобы сделать все это еще более примечательным, "Виль де Пари", как говорили, был единственным первоклассным военным кораблем, который когда-либо был захвачен и приведен в порт любым командиром любой нации ". Несмотря на его заслуги, партийный дух, который был тогда так силен в Англии, проникнув даже в армию и флот, добился его отзыва^[224] после падения министерства лорда Норта, и его преемник, человек безвестный, уже отплыл, когда пришло известие о победе. При упавшем и обескураживающем состоянии английских дел в то время это вызвало крайнее ликование и заставило замолчать критику, вызванную некоторыми аспектами предыдущего поведения адмирала. Люди были не в том настроении, чтобы критиковать, и среди преобладавших преувеличенных представлений о достигнутых результатах никто не думал о неспособности добиться большего. Это впечатление долго преобладало. Еще в 1830 году, когда "Жизнь Родни" была впервые опубликована, утверждалось, "что французский военно-морской флот был настолько сильно подорван и ослаблен решающей победой 12 апреля, что больше не в состоянии соперничать с Великобританией за господство на морях". Это нонсенс, простительный в 1782 году, но не для спокойной мысли о грядущих днях. Достигнутые выгодные условия были вызваны финансовым затруднением Франции, а не ее военно-морским унижением; и если в утверждении сторонников мира о том, что Англия не смогла спасти Ямайку, было преувеличение, то вполне вероятно, что она не смогла бы вернуть себе оружием другие острова, возвращенные ей по договору.

Память о Де Грассе всегда будет ассоциироваться с великими заслугами, оказанными Америке. Его имя, а не имя Рошамбо, олицетворяет материальную помощь, которую Франция оказала молодой Республике в трудных жизненных условиях, поскольку имя Лафайета напоминает о моральном сочувствии, оказанном столь кстати. События из его жизни, последовавшие за великой катастрофой, положившей конец его активной карьере, не могут не заинтересовать американских читателей.

После сдачи "Виль де Пари" Де Грасс сопровождал английский флот и его призы на Ямайку, куда Родни отправился для ремонта своих кораблей, оказавшись, таким образом, пленником на месте своего предполагаемого завоевания. 19 мая он покинул остров, все еще находясь в плену, и отправился в Англию. Как морские офицеры, так и английский народ относились к нему с тем лестным и благожелательным вниманием, которое легко переходит от победителя к побежденному и которого, по крайней мере, не была недостойна его личная доблесть. Говорят, что он несколько раз не отказывался показаться на балконе своих лондонских апартаментов перед толпой, приветствовавшей доблестного француза. Эта недостойная неспособность оценить его истинное положение, естественно, вызвала негодование его соотечественников; тем более что он был беспощаден и чрезмерно критиковал поведение своих подчиненных в злополучный день 12 апреля.

"Он переносит свое несчастье, - писал сэр Гилберт Блейн, - хладнокровно; сознавая, как он говорит, что выполнил свой долг.... Он объясняет свое несчастье не неполноценностью своих сил, а подлым дезертирством своих офицеров с других кораблей, которым он подал сигнал сплотиться и даже призвал их подчиняться ему, но был брошен".[225]

Это было ключевой нотой ко всем его высказываниям. В письме с английского флагманского корабля на следующий день после сражения он "возложил на большую часть своих капитанов все невзгоды того дня. Некоторые не подчинились его сигналам; другие, и особенно капитаны "Лангедока" и "Куронна", то есть следующих впереди и за кормой, бросили его".[226] Однако он не ограничился официальными отчетами, а, находясь в плену в Лондоне, опубликовал несколько брошюр на тот же счет, которые разослал по Европе. . Правительство, естественно, полагая, что офицер не может таким образом запятнать честь своего корпуса без уважительной причины, решило разыскать и безжалостно наказать всех виновных. Капитаны "Лангедока" и "Куронны" были заключены в тюрьму, как только они прибыли во Францию, и все бумаги, журналы и т.д., имеющие отношение к этому делу, были собраны вместе. При всех обстоятельствах не стоит удивляться тому, что по возвращении во Францию Де Грасс, по его собственным словам, "не нашел никого, кто протянул бы ему руку помощи".[227] Только в начале 1784 года все обвиняемые и свидетели были готовы предстать перед военным трибуналом; но результат судебного разбирательства должен был проявиться полностью и в большинстве случаев. почти каждый, на кого он нападал, вел себя достойно, в то время как обнаруженные недостатки считались заслуживающими снисхождения и были удостоены лишь незначительного наказания. "Тем не менее, - осторожно замечает французский писатель, - нельзя не сказать вместе с Судом, что поимка адмирала, командовавшего тридцатью линейными кораблями, является историческим инцидентом, вызывающим сожаление всей нации".[228] Что касается ведения боя адмиралом, Суд пришел к выводу, что опасность, угрожавшая "Зеле" утром 12-го, не была такой, чтобы оправдывать столь длительное продвижение, как это было сделано; что поврежденный корабль дул ветром, которого тогда не разделяли англичане, в пяти милях к югу, и который унес его в Нижнюю Землю. в десять часов

утра; что сражение не следовало начинать до того, как все корабли выстроятся в линию; и, наконец, что флот должен был строиться тем же галсом, что и английский, поскольку, продолжая двигаться на юг, он вошел в зону штиля и легкого ветра у северной оконечности Доминики.[229]

Де Грасс был очень недоволен решением суда и имел неосторожность написать морскому министру, протестуя против этого и требуя нового судебного разбирательства. Министр, приняв его протест, ответил от имени короля. Прокомментировав брошюры, которые были так широко распространены, и полное противоречие их утверждений показаниям в Суде, он закончил следующими вескими словами: —

"Поражение в битве не может быть отнесено на счет вины рядовых офицеров.[230] Из полученных данных следует, что вы позволили себе нанести ущерб необоснованными обвинениями репутации нескольких офицеров, чтобы оправдать себя в общественном мнении за неудачный результат, оправдание которому вы, возможно, могли бы найти в неполноценности ваших вооруженных сил, в неопределенном ходе войны и в обстоятельствах, которые вы не могли контролировать. Его Величество готов поверить, что вы сделали все, что могли, чтобы предотвратить несчастья того дня; но он не может быть в равной степени снисходителен к вашим несправедливым обвинениям в адрес тех офицеров его военно-морского флота, с которых были сняты выдвинутые против них обвинения. Его Величество, недовольный вашим поведением в этом отношении, запрещает вам представлять перед ним. Я с сожалением передаю его приказ и добавляю свой собственный совет удалиться, учитывая обстоятельства, в вашу провинцию".

Де Грасс умер в январе 1788 года. Его удачливый противник, награжденный званием пэра и пенсией, прожил до 1792 года. Худтакже был произведен в пэры и отличился под командованием в начале войн Французской революции, завоевав восторженное восхищение Нельсона, который служил под его началом; но резкие разногласия с адмиралтейством привели к тому, что он был отправлен в отставку, так и не добившись какого-либо блестящего дополнения к своей репутации. Он умер в 1816 году в почтенном возрасте девяноста двух лет.

СНОСКИ:

[194] Кривая, а, а', а', представляет собой линию, которой Худ предложил следовать со своим флотом, предполагая ветер с востока на юго-восток. Позиции В, В, В относятся к работе следующего дня и не имеют ничего общего с диаграммой в А.

[195] Когда флот находится в линии впереди, близко к ветру, на одном галсе, и корабли идут рядом, на другом галсе они будут находиться на одной линии, но не один впереди другого. Это построение называлось линией носа и четверти.

[196] Пружина - это канат, протянутый от кормы или четверти судна, стоящего на якоре, к правильно установленному якорю, с помощью которого судно можно повернуть в желаемом направлении.

[197] На военном совете союзных флотов по вопросу целесообразности атаки английской эскадры, стоящей на якоре в Торбее (стр. 408) противник этой меры настаивал на том, "что все объединенные флоты не смогут обрушиться на англичан в боевой линии в ряд, что, конечно, они должны сформировать боевую линию впереди и идти обрушиться на врага поодиночке, в результате чего они подвергнутся наибольшему риску быть разбитыми и разорванными на куски" и т.д. (Битсон, том v., стр. 396).

[198] На войне, как и в карточных играх, ход игры должен временами диктоваться состоянием счета; и вождю, который никогда не принимает во внимание ни то влияние, которое его конкретное действие окажет на общий результат, ни то, чего от него требует положение дел в других местах, как политических, так и военных, недостает существенных качеств великого полководца. "Дерзкая манера, с которой Веллингтон штурмовал редут Франсиско [в Сьюдад-Родриго] и прорвал оборону в первую ночь осады, еще более дерзкая манера, с которой он атаковал крепость до того, как огонь обороны хоть сколько-нибудь ослабел, и до того, как был взорван контрэскарп, были истинными причинами внезапного падения крепости. *Такое пренебрежение правилами оправдывалось как военным, так и политическим положением дел.* Когда генерал завершил свой приказ о штурме фразой "Сьюдад-Родриго должен быть взят штурмом сегодня вечером", он хорошо знал, что это будет воспринято благородно" ("Война на полуострове" Нейпира). "Рассудив, что честь оружия его Величества *и обстоятельства войны в этих морях* требовали значительной предприимчивости, я счел себя вправе отступить от регулярной системы" (Отчет сэра Джона Джервиса о битве при мысе Сент-Винсент).

[199] Нападением Кемпенфельдта на конвой Де Гишена и последующим штормом в декабре 1781 года. См. стр. 408.

[200] Кергелен: Морская война 1778 года. Письмо Де Грасса Кергелену, датированное Парижем. 8 января 1783 г. стр. 263.

[201] См. стр. 366, 426.

[202] Посмотреть карту IV. Атлантического океана, стр. 532.

[203] Погодная четверть позади, но с наветренной стороны.

[204] 29 апреля 1781 года у берегов Мартиники от двадцати четырех кораблей до восемнадцати; января 1782 года от тридцати до двадцати двух; 9 апреля 1782 года от тридцати до двадцати.

[205] Разница во времени от Тринкомали до the Saints составляет девять с половиной часов.

[206] Отчет об операциях с 9 по 12 апреля основан в основном на современных паспортах и описаниях лейтенанта Мэтьюза, Р.Н., и гораздо более поздних "Военно-морских исследованиях" капитана Дж. Томас Уайт, также из британского военно-морского флота, которые были очевидцами, оба были проверены французскими и другими английскими рассказами. Мэтьюз и Уайт расходятся с официальным отчетом Родни относительно курса, которым англичане двигались на рассвете; но последнее недвусмысленно подтверждается

частными письмами сэра Чарльза Дугласа, разосланными сразу после битвы видным лицам, и приводится в тексте.

[207] Письмо сэра Чарльза Дугласа, начальника штаба Родни: "Журнал объединенной службы", 1833, Часть I. стр. 515.

[208] Де Грасс называет это расстояние тремя лигами, в то время как некоторые из его капитанов оценивали его в целых пять.

[209] Ветер у французов на середине ла-манша дул больше на восток.

[210] Позиции захваченных французских кораблей показаны крестиком на каждом из трех последовательных этапов сражения, В, С, D.

[211] Расстояние наиболее видимых французских кораблей от "Виль де Пари", когда был подан сигнал к построению в боевую линию, по-разному указывается в пределах от шести до девяти миль.

[212] Двумя другими захваченными французскими кораблями были "Виль де Пари", который в своем изолированном состоянии и под флагом главнокомандующего стал добычей, вокруг которой естественным образом собрались корабли противника, и шестидесятичетырехпушечный "Ардент", который, по-видимому, был перехвачен при доблестной попытке перейти от авангарда к борту. адмирал в отчаянном положении. Последний был единственным призом, захваченным Великой армадой союзников в Ла-Манше в 1779 году.

[213] Официальное письмо маркиза де Водрей. Guérin: Histoire de la Marine Française, vol. v. p. 513.

[214] Смотрите Журнал United Service, 1834, Часть II. стр. 109 и далее.

[215] Смотрите письмо сэра Говарда Дугласа в журнале United Service Journal, 1834, часть II. стр. 97; также "Военно-морские эволюции" того же автора. Письма сэра Сэмюэля Худа не попадали в поле зрения автора.

[216] Жизнь Родни, том ii. стр. 248.

[217] Всего их было двадцать пять.

[218] Герен, т. v. стр. 511.

[219] Жизнь Родни, том ii. стр. 246.

[220] Годовой реестр, 1783, стр. 151.

[221] Ежегодный реестр, 1783, стр. 157; Жизнь адмирала Кеппеля, том ii. стр. 403.

[222] Военно-морская хроника, том xxv. стр. 404.

[223] Страница 404. Однако и здесь тогдашние сплетни, отраженные в военно-морской газете "Атлантис", приписывали главную заслугу Янгу, капитану флагманского корабля. Сэр Гилберт

Блейн много лет спустя заявил: "Когда дело близилось к закату, возник вопрос, следует ли продолжать погоню. После некоторого обсуждения между адмиралом и капитаном, при котором я присутствовал, поскольку адмирал был прикован к постели из-за подагры, было решено продолжать следовать тем же курсом, подав сигнал вступить в бой с подветренной стороны". (Журнал Объединенной службы, 1830, часть II. стр. 479.)

[224] Родни был убежденным тори. Почти все другие выдающиеся адмиралы того времени, особенно Кеппел, Хоу и Баррингтон, были вигами — факт, прискорбный для военно-морской мощи Англии.

[225] Жизнь Родни, том ii. стр. 242.

[226] Шевалье, стр. 311.

[227] Кергелен: Морская война 1778 года. Письмо Де Грасса Кергелену, стр. 263.

[228] Название: Военно-морской флот. В этой связи интересно отметить, что одним из кораблей, находившихся рядом с французским адмиралом, когда он сдался, был "Плутон", который, хотя и был крайним кораблем тыла, тем не менее занял позицию, достойную высокой репутации своего капитана Д'Альбера де Риона.

[229] Troude, том ii. стр. 147

[230] То есть командиры одиночных кораблей.

ГЛАВА XIV

Критическое обсуждение морской войны 1778 года.

Война 1778 года между Великобританией и Домом Бурбонов, которая так неразрывно связана с Американской революцией, стоит особняком в одном отношении. Это была чисто морская война. Союзные королевства не только тщательно воздерживались от континентальных столкновений, которые Англия в соответствии со своей прежней политикой стремилась разжечь, но и между двумя соперниками существовал подход к равенству на море, который не был реализован со времен Турвиля. Спорные пункты, объекты, ради которых велась война или на которые она была нацелена, были по большей части удалены от Европы; и ни один из них не находился на континенте, за единственным исключением Гибралтара, борьба за который, находясь на крайней точке неровного и труднопроходимого выступа и отделенного от нейтральных стран всей Францией и Испанией, никогда не угрожала вовлечь в нее другие стороны, кроме непосредственно заинтересованных.

Таких условий не существовало ни в одной войне между восшествием на престол Людовика XIV. и падением Наполеона. Во время правления первого был период, когда французский военно-морской флот превосходил английский и голландский по численности и оснащению; но политика и амбиции монарха всегда были направлены на расширение континента, и его военно-морская мощь, покоившаяся на недостаточном фундаменте, была эфемерной. В течение первых трех четвертей восемнадцатого века морскую мощь Англии практически никто не сдерживал; как ни велико было ее влияние на текущие дела, отсутствие способного соперника сделало ее операции бесплодными для получения военных уроков. В более поздних войнах Французской Республики и Империи кажущееся равенство в количестве кораблей и весе батарей было иллюзорным из-за деморализации французских офицеров и матросов по причинам, о которых здесь нет необходимости распространяться. После нескольких лет мужественных, но бессильных усилий чудовищная Трафальгарская катастрофа провозгласила миру профессиональную неэффективность французского и испанского военно-морских сил, что уже было замечено проницательным взглядом Нельсона и его собратьев-офицеров и на чем зиждилась презрительная уверенность, характеризовавшая его отношение к ним и, в некоторой степени, его тактику по отношению к ним. С тех пор император "отвел глаза от единственного поля битвы, где фортуна была ему неверна, и, решив преследовать Англию в другом месте, а не на море, взялся восстанавливать свой военно-морской флот, но не оставил за ним никакого участия в борьбе, ставшей более чем когда-либо яростной.... До последнего дня существования Империи он отказывался предоставить этому восстановленному флоту, полному рвения и уверенности, возможность помериться силами с врагом".^[231] Великобритания вернула себе прежнее положение неоспоримой владычицы морей.

Изучающий морскую войну, следовательно, ожидает обнаружить особый интерес к планам и методам сторон в этом великом противостоянии, и особенно там, где они касаются общего ведения всей войны или определенных больших и четко определенных ее частей; к стратегической цели, которая обеспечивала или должна была обеспечивать непрерывность их действий от начала до конца, и к стратегическим маневрам, которые хорошо или плохо влияли на судьбу более ограниченных периодов, которые можно назвать морскими кампаниями. Ибо, хотя нельзя признать, что конкретные сражения даже в наши дни полностью лишены тактических инструкций, выявить которые было одной из целей предыдущих страниц, несомненно верно, что, как и все тактические системы истории, они пережили свое время, и их нынешняя полезность для изучающего заключается скорее в умственной тренировке, в формировании правильных тактических привычек мышления, чем в предоставлении моделей для близкого подражания. С другой стороны, движения, которые предшествуют великим битвам

и подготавливают их, или которые благодаря своим умелым и энергичным комбинациям достигают великих целей без фактического соприкосновения оружия, зависят от факторов более постоянных, чем оружие эпохи, и, следовательно, обеспечивают принципы более прочной ценности.

В войне, проводимой ради какой-либо цели, даже если этой целью является овладение определенной территорией или позицией, нападение непосредственно на желаемое место может оказаться, с военной точки зрения, не лучшим средством его получения. Следовательно, цель, на которую направлены военные операции, может быть иной, чем цель, которую желает достичь воюющее правительство, и она получила собственное название — цель. При критическом рассмотрении любой войны необходимо, во-первых, четко представить перед глазами изучающего объекты, желаемые каждой воюющей стороной; затем рассмотреть, является ли выбранная цель наиболее вероятной, в случае успеха, для обхода этих объектов; и, наконец, изучить достоинства или недостатки различных движений, с помощью которых достигается цель. Тщательность, с которой проводится такое исследование, будет зависеть от объема работы, которую исследователь предлагает себе; но, как правило, будет способствовать ясности, если более исчерпывающему обсуждению будет предшествовать набросок, содержащий только основные черты, не обремененный деталями. Когда такие основные линии тщательно уловлены, детали легко соотносятся с ними и становятся на свои места. Усилия здесь будут ограничены представлением такого плана, который единственный вписывается в рамки данной работы.

Главными участниками войны 1778 года были, с одной стороны, Великобритания; с другой - Дом Бурбонов, контролировавший два великих королевства - Францию и Испанию. Американские колонии, уже вовлеченные в неравную борьбу с метрополией, с радостью приветствовали столь важное для них событие; в то время как в 1780 году Англия намеренно втянула Голландию в войну, от которой она ничего не выиграла и все потеряла. Цель американцев была совершенно проста — вырвать свою страну из рук англичан. Их бедность и отсутствие военной морской мощи, за исключением нескольких крейсеров, которые охотились на торговлю противника, неизбежно ограничивали их усилия сухопутной войной, которая действительно представляла собой мощный отвлекающий маневр в пользу союзников и изматывающую трату ресурсов Великобритании, но которую последняя могла немедленно остановить, отказавшись от участия в соревновании. Голландия, с другой стороны, будучи в безопасности от вторжения с суши, не проявляла особого желания к чему-либо большему, чем спастись с как можно меньшими внешними потерями при помощи военно-морских сил союзников. Следовательно, можно сказать, что целью этих двух второстепенных партий было прекращение войны, в то время как главные силы надеялись на ее продолжение при определенных изменившихся условиях, которые и составляли их цели.

С Великобританией цель войны также была очень простой. Будучи втянутой в прискорбную ссору с ее самыми многообещающими колониями, ссора продолжалась шаг за шагом, пока ей не стало угрожать их потерей. Чтобы сохранить насильственный контроль, когда добровольное присоединение ушло, она подняла против них оружие, и ее целью при этом было предотвратить разрыв с теми иностранными владениями, с которыми в глазах того поколения было неразрывно связано ее величие. Появление Франции и Испании в качестве активных сторонников дела колонистов не внесло никаких изменений в цели Англии, какие бы изменения ни претерпели ее военные планы. Опасность потери континентальных колоний значительно

возросла из-за этого присоединения к рядам ее врагов, что принесло с собой также угрозу потери, которая вскоре частично осуществится, других ценных иностранных владений. Короче говоря, Англия в том, что касалось целей войны, находилась строго в обороне; она боялась многое потерять и в лучшем случае надеялась лишь сохранить то, что у нее было. Однако, втянув Голландию в войну, она получила военное преимущество, поскольку, не увеличивая силы своих противников, таким образом, несколько важных, но плохо защищенных военных и торговых позиций оказались открытыми для ее рук.

Виды и объекты Франции и Испании были более сложными. Моральные стимулы наследственной вражды и желания отомстить за недавнее прошлое, несомненно, имели большое значение, поскольку во Франции также имело место сочувствие *салонов* и философов борьбе колонистов за свободу; но поскольку сентиментальные соображения оказывают сильное влияние на действия наций, только ощутимые средства, с помощью которых ожидается их удовлетворение, допускают утверждение и измерение. Франция, возможно, и желала вернуть себе свои североамериканские владения; но жившее тогда поколение колонистов слишком хорошо помнило старые распри, чтобы согласиться с какими-либо подобными пожеланиями в отношении Канады. Сильное унаследованное недоверие к французам, которое характеризовало американцев революционной эпохи, было слишком сильно упущено из виду в пылу благодарности, последовавшей за оказанными тогда действенным сочувствием и помощью; но в то время это понимали, и Франция чувствовала, что возобновление этих претензий могло бы способствовать примирению между людьми той же расы, которая только недавно была отчуждена, путем справедливых уступок, за которые никогда не переставала выступать сильная и благородно настроенная партия англичан. Следовательно, она не признавалась в этом, а возможно, и не лелеяла эту мысль. Напротив, она формально отказалась от всех притязаний на любую часть континента, которая тогда или недавно находилась под властью британской короны, но предоставила свободу действий при завоевании и удержании любого из островов Вест-Индии, в то время как все остальные колонии Великобритании были, конечно, открыты для ее нападения. Следовательно, главными объектами, к которым стремилась Франция, были английская Вест-Индия и тот контроль над Индией, который перешел в руки Англии, а также обеспечение в должное время независимости Соединенных Штатов после того, как они нанесут достаточный удар в ее пользу. При политике исключительной торговли, которая была характерна для того поколения, ожидалось, что потеря этих важных владений уменьшит то коммерческое величие, от которого зависело процветание Англии, ослабит ее и усилит Францию. Фактически, можно сказать, что борьба, которая должна была бы стать еще более ожесточенной, была движущим мотивом Франции; все цели были сведены к одной высшей цели, которой они способствовали, — морскому и политическому превосходству над Англией.

Превосходство над Англией в сочетании с Францией было также целью столь же униженного, но менее энергичного королевства Испания; но в понесенных ею обидах и в специально преследуемых ею целях была определенность, которую труднее обнаружить в более широких взглядах ее союзника. Хотя ни один из живших тогда испанцев не мог вспомнить, чтобы испанский флаг развевался над Меноркой, Гибралтаром или Ямайкой, время не примирило гордую и стойкую нацию с их потерей; и со стороны американцев не было такого традиционного возражения против возобновления испанского суверенитета над двумя Флоридами, которое ощущалось в отношении Канады.

Таковы, следовательно, были цели, к которым стремились две нации, вмешательство которых изменило весь характер американской войны за независимость. Излишне говорить, что не все они фигурировали среди причин или предлогов, провозглашенных для участия во враждебности; но пронизательное английское общественное мнение того времени справедливо отметило, что, воплощая в нескольких словах реальную основу действий объединенных судов Бурбонов, следующая фраза во французском манифесте: "Отомстить за нанесенный им ущерб и положить конец той тиранической империи, которую Англия узурпировала и претендует поддерживать на океане". Короче говоря, что касается *целей* войны, то союзники перешли в наступление, в то время как Англия была отброшена к обороне.

Тираническая империя, в осуществлении которой Англия, таким образом, обвинялась, и не безосновательно, на морях, опиралась на ее огромную морскую мощь, действительную или скрытую; на ее торговлю и вооруженное судоходство, ее коммерческие учреждения, колонии и военно-морские базы во всех частях света. До этого времени ее разрозненные колонии были связаны с ней узами нежных чувств и еще более сильным мотивом личного интереса, обусловленным тесными торговыми связями с метрополией и защитой, обеспечиваемой постоянным присутствием ее превосходящего военно-морского флота. Теперь из-за восстания континентальных колоний в поясе сильных портов, на которых базировалась ее морская мощь, произошел разрыв; в то время как многочисленные торговые интересы между ними и Вест-Индией, пострадавшие в результате последовавших военных действий, имели тенденцию разделять симпатии и островов. Борьба велась не только за политическое обладание и коммерческое использование. Это касалось военного вопроса первостепенной важности: должна ли цепь военно—морских баз, прикрывающая одно из берегов Атлантики, связывающая Канаду и Галифакс с Вест-Индией и опирающаяся на процветающее морское население, оставаться в руках нации, которая до сих пор использовала свою беспрецедентную морскую мощь с последовательной, решительной агрессивностью и почти с неизменным успехом.

В то время как Великобритания была, таким образом, смущена трудностью сохранения контроля над своими военно-морскими базами, которые были оборонительным элементом ее военно-морской мощи, ее наступательной военно-морской мощи, ее флоту угрожал рост вооруженного судоходства Франции и Испании, которые теперь противостояли ей на поле, которое она считала своим, организованной военной силой равной или превосходящей материальной силы. Таким образом, момент был благоприятным для нападения на великую державу, чьи богатства, добытые на море, были решающим фактором в европейских войнах прошлого столетия. Следующим вопросом был выбор точек атаки — *главных целей*, на которые должны быть постоянно направлены основные усилия нападающих, и второстепенных целей, на которые следует отвлечь обороняющихся и рассеять их силы.

Один из мудрейших французских государственных деятелей того времени Тюрго считал, что в интересах Франции не допустить обретения колониями независимости. Если бы они были подавлены истощением, их сила была бы потеряна для Англии; если бы она была уменьшена из-за удержания военными контрольных пунктов, но не была исчерпана, необходимость постоянных репрессий была бы постоянной слабостью для метрополии. Хотя это мнение не преобладало в советах французского правительства, желавшего окончательной независимости Америки, в нем содержались элементы истины, которые эффективно формировали политику войны. Если главной целью было принести пользу Соединенным Штатам, осуществив их

освобождение, континент стал естественной ареной, а его решающие военные пункты - главными целями операций; но поскольку первой целью Франции было не принести пользу Америке, а нанести ущерб Англии, здравый военный рассудок диктовал, что континентальному противостоянию, которому не только не помогли завершиться, но и следует поддерживать активную жизнь. Это был готовый отвлекающий маневр, предназначенный для Франции и изматывающий Великобританию, требующий лишь такой поддержки, которая могла бы поддержать сопротивление, к которому повстанцы были вынуждены прибегнуть при самых отчаянных альтернативах. Следовательно, территория тринадцати колоний не должна быть главной целью Франции, а тем более Испании.

Коммерческая ценность английской Вест-Индии сделала ее заманчивым объектом для французов, которые с особой готовностью приспособились к социальным условиям этого региона, в котором их колониальные владения были уже обширны. Помимо двух лучших Малых Антильских островов, Гваделупы и Мартиники, которые она сохраняет до сих пор, Франция тогда владела штатом. Люсия и западная половина Хайти. Она вполне могла надеяться в результате успешной войны присоединить большую часть английских Антильских островов и, таким образом, покончить с поистине имперской тропической зависимостью; в то время как, хотя Ямайка и была отрезана от Испании уязвимостью, возможно, было бы возможно отвоевать этот великолепный остров для союзной и более слабой нации. Но какими бы желанными в качестве владений и, следовательно, объектов ни были малые Антильские острова, их военное владение слишком всецело зависело от контроля над морем, чтобы они сами по себе могли быть надлежащими целями. Французское правительство, следовательно, запретило своим военноморским командирам занимать то, что они могли захватить. Они должны были сдавать гарнизоны в плен, разрушать оборонительные сооружения и таким образом отступать. В превосходном военном порту Форт-Ройял на Мартинике, на Кап-Франсе и в надежной гавани союзников Гаване флот соответствующего размера нашел хорошие, безопасные и хорошо распределенные базы; в то время как ранняя и серьезная потеря личного состава привела к Люцию следует приписать неумелому управлению французским флотом и профессиональным способностям английского адмирала. Таким образом, на суше, в Вест-Индии, соперничающие державы оказались примерно в равной степени обеспечены необходимыми опорными пунктами; простая оккупация других стран не могла увеличить их военную мощь, отныне зависевшую от численности и качества флотов. Чтобы продолжить оккупацию с сохранением безопасности, первой необходимостью было добиться господства на море не только локально, но и на общем поле боя. В остальном оккупация была ненадежной, если только она не осуществлялась силами такой численности, которая влекла бы за собой расходы, превышающие стоимость объекта. Ключ к ситуации в Вест-Индии, таким образом, находился во флотах, они стали истинными целями военных усилий; и тем более, что реальная военная полезность портов Вест-Индии в этой войне заключалась в качестве промежуточной базы между Европой и американским континентом, куда флоты отступали, когда армии отправлялись на зимние квартиры. В Вест-Индии не было предпринято ни одной серьезной стратегической операции на берегу, за исключением захвата штаба. Люсия, захваченная англичанами, и неудачный план против Ямайки в 1782 году; также не было никакой серьезной попытки нападения на военный порт, такой как Барбадос или Форт-Ройял, до тех пор, пока военноморской перевес не был обеспечен либо сражением, либо удачной концентрацией сил. Ключ к ситуации, надо повторить, был во флоте.

Влияние военно-морской мощи, вооруженного флота на войну на американском континенте также указывалось в мнениях Вашингтона и сэра Генри Клинтона; в то время как ситуация в Ост-Индии, рассматриваемая как самостоятельное поле боя, так широко обсуждалась в главе кампании Сюффрена, что здесь нужно только повторить, что все там зависело от контроля над морем превосходящими военно-морскими силами. Захват Тринкомали, как это ни было важно для французской эскадры, у которой не было другой базы, был, как и захват штаба. Люсия была неожиданностью и могла быть вызвана только поражением или, как это случилось, отсутствием вражеского флота. В Северной Америке и Индии разумная военная политика указывала в качестве истинной цели на флот противника, от которого также зависели коммуникации с метрополиями. Остается Европа, которую вряд ли стоит подробно рассматривать как отдельное поле действий, потому что ее отношение к мировой войне гораздо важнее. Можно просто указать, что единственными двумя пунктами в Европе, политический захват которых был целью войны, были Гибралтар и Менорка; первый из которых, благодаря настойчивости Испании, стал главной целью союзников. Срок пребывания обоих этих судов, очевидно, зависел от контроля над морем.

В морской войне, как и во всех других, с самого начала важны две вещи— подходящая база на границе, в данном случае на морском побережье, с которого начинаются операции, и организованная военная сила, в данном случае флот, по размеру и качеству адекватный планируемым операциям. Если война, как в данном случае, распространится на отдаленные части земного шара, в каждом из этих отдаленных регионов потребуются безопасные порты для судоходства, которые будут служить второстепенными или условными базами локальной войны. Между этими второстепенными и главными, или базами базирования, должна быть достаточно безопасная связь, которая будет зависеть от военного контроля над промежуточным морем. Этот контроль должен осуществляться военно-морским флотом, который будет обеспечивать его соблюдение либо путем очистки моря во всех направлениях от вражеских крейсеров, позволяя, таким образом, кораблям своей страны проходить с разумной безопасностью, либо путем силового сопровождения (конвоирования) каждого поезда судов снабжения, необходимого для поддержки операций на расстоянии. Первый метод направлен на широкое распространение усилий национальной власти, другой - на их концентрацию в той части моря, где в данный момент находится конвой. Какое бы решение ни было принято, коммуникации, несомненно, будут укреплены за счет военного удержания хороших гаваней, должным образом расположенных, но не слишком многочисленных, вдоль маршрутов, как, например, мыс Доброй Надежды и Маврикий. Станции такого рода всегда были необходимы, но сейчас они вдвойне необходимы, поскольку топливо нуждается в обновлении чаще, чем провизия и запасы в прежние дни. Эти сочетания опорных пунктов внутри страны и за границей и состояние коммуникаций между ними можно назвать стратегическими особенностями общей военной ситуации, по которым и по относительной численности противостоящих флотов должно определяться характер операций. В каждом из трех подразделений сухопутных войск - Европе, Америке и Индии, по которым для ясности был дан рассказ, - контроль над морем настаивался как на определяющем факторе, и поэтому вражеский флот указывался как истинная цель. Давайте теперь применим приведенные выше соображения ко всему полю военных действий и посмотрим, насколько справедлив тот же вывод, и если да, то каким должен был быть характер операций с обеих сторон.^[232]

В Европе главная база Великобритании находилась на Ла-Манше с двумя основными арсеналами - Плимут и Портсмут. База союзных держав находилась в Атлантике, главными

военными портами были Брест, Ферроль и Кадис. За ними, в Средиземном море, находились верфи Тулона и Картахены, напротив которых находилась английская станция Порт-Маон на Менорке. Последнее, однако, можно полностью не принимать во внимание, поскольку во время войны оно ограничивалось оборонительной частью, поскольку британский флот не смог выделить ни одной эскадры в Средиземное море. Гибралтар, напротив, благодаря своему положению эффективно наблюдал за отрядами или подкреплениями из проливов, при условии, что он использовался в качестве стоянки отряда кораблей, соответствующего своим обязанностям. Этого сделано не было; британский европейский флот оставался привязанным к Каналу, то есть к внутренней обороне, и совершал нечастые визиты к Скале для конвоирования припасов, необходимых для выживания гарнизона. Однако существовала разница в ролях, сыгранных Порт-Маоном и Гибралтаром. Первая, будучи в то время совершенно неважной, не привлекала внимания союзников до конца войны, когда она пала после шестимесячной осады; тогда как вторая, считаясь первостепенной важности, с самого начала приняла на себя очень большую часть атаки союзников и таким образом осуществила ценный отвлекающий маневр в пользу Великобритании. К этому взгляду на основные черты естественной стратегической ситуации в Европе уместно добавить замечание, что помощь, которую Голландия могла бы направить союзным флотам, имела очень ненадежную линию сообщения, поскольку была вынуждена проходить вдоль английской базы на Ла-Манше. Такая помощь на самом деле никогда не оказывалась.

В Северной Америке локальными базами войны в момент ее начала были Нью-Йорк, Наррагансетт-Бей и Бостон. Два первых в то время удерживались англичанами и были самыми важными станциями на континенте с точки зрения их расположения, восприимчивости к обороне и ресурсов. Бостон перешел в руки американцев и, следовательно, был к услугам союзников. С точки зрения направления, фактически заданного войне, путем отвлечения активных английских операций на Южные штаты в 1779 году, Бостон был отброшен за пределы главного театра военных действий и стал с военной точки зрения неважным; но если бы был принят план изоляции Новой Англии путем удержания линии Гудзона и озера Шамплейн и сосредоточения военных усилий на востоке, то будет видно, что все эти три порта имели бы решающее значение для решения вопроса. К югу от Нью-Йорка Делавэрский и Чесапикский заливы, несомненно, представляли собой заманчивые поля для морского предприятия; но ширина входов, отсутствие подходящих и легко обороняемых пунктов для военно-морских баз вблизи моря, широкое рассредоточение сухопутных войск, вызванное попыткой удержать такое количество пунктов, и болезненность местности в течение большей части года должны были исключить их из основной части плана первых кампаний. Нет необходимости включать их в число локальных баз войны. На крайний юг англичан привлекало *предвестие фатума*, от которого они ожидали поддержки среди народа. Они не учли, что даже если бы большинство там предпочло тишину свободе, именно это качество помешало бы им восстать против революционного правительства, которым, по английской теории, они были угнетены; однако от такого восстания зависел весь успех этого далекого и в конечном итоге самого неудачного предприятия. Местной базой этой войны был Чарльстон, который перешел в руки британцев в мае 1780 года, через восемнадцать месяцев после того, как первая экспедиция высадилась в Джорджии.

Основные местные базы войны в Вест-Индии уже известны из предыдущего повествования. Они принадлежали англичанам, барбадосцам, штабу. Люсия и в меньшей степени Антигуа. В тысяче миль с подветренной стороны находился большой остров Ямайка с огромной природной

верфью в Кингстоне. Союзники удерживали в первом порядке важности форт-Рояль на Мартинике и Гавану; во втором порядке - Гваделупу и Кап-Франсе. Определяющей чертой стратегической ситуации в тот день, которая не останется без внимания и в нашей собственной, был пассат с сопутствующим ему течением. Проход с наветренной стороны против этих препятствий был долгим и серьезным предприятием даже для одиночных кораблей, а тем более для более крупных корпусов. Из этого следовало, что флоты направлялись к западным островам лишь неохотно или когда были уверены, что противник избрал то же направление, как Родни направился на Ямайку после битвы Святых, зная, что французский флот направился к Кап-Франсе. Такое состояние ветра делало наветренные, или восточные, острова пунктами на естественных линиях сообщения между Европой и Америкой, а также местными базами морской войны и привязывало к ним флоты. Отсюда также следовало, что между двумя аренами боевых действий, между континентом и Малыми Антильскими островами, находился обширный центральный регион, в котором более крупные военные операции могли безопасно проводиться только воюющей стороной, обладающей большим военно-морским превосходством, или если только на одном фланге не было получено решающего преимущества. В 1762 году, когда Англия владела всеми Наветренными островами, обладая бесспорным превосходством на море, она благополучно атаковала и покорила Гавану; но в 1779-1782 годах французская морская мощь в Америке и французское владение Наветренными островами практически уравнивали ее собственную, предоставив испанцам в Гаване свободу осуществлять свои планы против Пенсаколы и Багамских островов в упомянутом центральном регионе.^[233]

Такие пункты, как Мартиника и штат Калифорния. Таким образом, в нынешней войне Люсия имела большое стратегическое преимущество перед Ямайкой, Гаваной или другими подветренными островами. Они командовали последним в силу своего положения, благодаря которому переход на запад мог быть совершен гораздо быстрее, чем обратный путь; в то время как решающие пункты континентальной борьбы находились практически немногим дальше друг от друга. Это преимущество в равной степени разделялось большинством так называемых Малых Антильских островов; но маленький остров Барбадос, находясь с наветренной стороны от всех, обладал особыми преимуществами не только для наступательных действий, но и потому, что он был защищен из-за трудностей, с которыми большой флот мог подойти к нему даже из такого близкого порта, как Форт-Ройял. Следует помнить, что экспедиция, которая в конце концов села перед Сент-Китсом, предназначалась для Барбадоса, но не смогла добраться до него из-за сильного пассата. Таким образом, Барбадос, в условиях того времени, был особенно приспособлен для того, чтобы стать местной базой и складом английской войны, а также придорожным портом-убежищем на линии коммуникаций с Ямайкой, Флоридой и даже с Северной Америкой. Люция, расположенная в сотне миль с подветренной стороны, служила передовым постом флота, внимательно наблюдавшим за противником из форт-Ройяла.

В Индии политические условия полуострова обязательно указывали на восточное, или Коромандельское, побережье в качестве места проведения операций. Тринкомали, расположенный на соседнем острове Цейлон, хотя и нездоровый, представлял собой превосходную и пригодную для обороны гавань и, таким образом, приобрел первостепенное стратегическое значение, в то время как все остальные якорные стоянки на побережье представляли собой просто открытые рейды. Исходя из этого обстоятельства, пассаты, или муссоны, в этом регионе также имели стратегическое значение. С осеннего по весеннее равноденствие ветер регулярно дует с северо-востока, временами с большой силой, обрушивая

на пляж сильный прибой и затрудняя высадку; но в летние месяцы преобладает юго-западный ветер, обеспечивающий сравнительно спокойное море и хорошую погоду. "Смена муссонов" в сентябре и октябре часто сопровождается сильными ураганами. Таким образом, активные операции или даже пребывание на побережье были нецелесообразны с этого времени до окончания северо-восточного муссона. Вопрос о порту, в который можно было бы уйти на пенсию в течение этого сезона, стоял остро. Тринкомали был единственным, и его уникальная стратегическая ценность усиливалась тем, что в погожий сезон он находился с наветренной стороны от главного места военных действий. Английская гавань Бомбей на западном побережье находилась слишком далеко, чтобы считаться местной базой, и скорее подпадала, подобно французским островам Маврикий и Бурбон, под категорию станций на линии сообщения с метрополией.

Таковы были основные пункты поддержки, или базы, воюющих наций, как внутри страны, так и за рубежом. О тех, кто находился за границей, следует сказать, говоря в целом, что им не хватало ресурсов — важного элемента стратегической ценности. Военно-морские припасы и оборудование, а также в значительной степени провизию для использования в море приходилось присылать им из метрополий. Бостон, окруженный процветающим, дружелюбным населением, был, возможно, исключением из этого правила, как и Гавана, которая в то время была важным военно-морским арсеналом, где велось большое кораблестроение; но они были удалены от основных театров военных действий. На Нью-Йорк и Наррагансетт-бей американцы оказывали слишком сильное давление, чтобы ресурсы соседней страны были в значительной степени доступны, в то время как отдаленные порты Ост- и Вест-Индии полностью зависели от дома. Следовательно, стратегический вопрос коммуникаций приобрел дополнительное значение. Перехват большого конвоя судов снабжения был операцией лишь второстепенной по сравнению с уничтожением группы военных кораблей; в то время как защита таких судов основными силами или уклонение от поиска противника требовали умения правительств и военно-морских командиров распределять военные корабли и эскадрильи, находящиеся в их распоряжении, среди множества объектов, требовавших внимания. Обращение Кемпенфельдта и плохое управление "Гишеном" в Северной Атлантике, подкрепленное сильным штормом, серьезно смутили Де Грасса в Вест-Индии. Аналогичный ущерб, отрезав небольшие конвои в Атлантике, Сюффрен нанес в Индийских морях: в то время как последний все время компенсировал значительную часть этих потерь и беспокоил своих противников успехами своих крейсеров, охотящихся на английские суда снабжения.

Таким образом, военно-морские силы, которые одни могли обеспечить безопасность этих жизненно важных потоков или подвергнуть их опасности, имели такое же отношение к ведению общей войны, какое уже наблюдалось в отношении отдельных частей. Они были звеньями, которые связывали все воедино, и поэтому были указаны в качестве надлежащей цели обеих воюющих сторон.

Расстояние от Европы до Америки было не таким, чтобы делать промежуточные порты снабжения абсолютно необходимыми; хотя, если по непредвиденной причине возникали трудности, всегда можно было, за исключением встречи с врагом, либо вернуться в Европу, либо найти дружественный порт в Вест-Индии. Иначе обстояло дело с длительным путешествием в Индию мимо мыса Доброй Надежды. Считалось, что "Бикертон", покинувший Англию с конвоем в феврале, преуспел, достигнув Бомбея в сентябре следующего года; в то время как "пылкому Сюффрену", отплывшему в марте, потребовалось столько же времени,

чтобы достичь Маврикия, откуда переход в Мадрас занял еще два месяца. Путешествие такой продолжительности редко удавалось совершить без остановки для пополнения запасов воды, свежих припасов, часто для такого переоборудования, которое требовало тишины гавани, даже когда запасы на борту обеспечивали необходимые материалы. Совершенная линия коммуникаций требовала, как было сказано, нескольких таких гаваней, должным образом расположенных, надлежащим образом защищенных и с обильными припасами, какими Англия в наши дни располагает на некоторых из своих основных торговых путей, приобретений в прошлых войнах. Во время войны 1778 года ни у одной из воюющих сторон не было таких портов на этом маршруте, пока с присоединением Голландии мыс Доброй Надежды не был передан в распоряжение французов и соответствующим образом укреплен Сюффреном. Благодаря этому, а также Маврикию на подходе и Тринкомали в дальнем конце пути, коммуникации союзников с Францией были достаточно охраняемы. Англия, хотя в то время и удерживала остров Святой Елены, в плане пополнения и переоснащения своих эскадр и конвоев в Атлантике, направлявшихся в Индию, зависела отдоброжелательного нейтралитета Португалии, распространявшегося на острова Мадейра и Зеленого Мыса-Верде и в бразильских портах. Этот нейтралитет действительно был хрупкой опорой для обороны, как показала стычка между Джонстоном и Сюффреном на Кабо-Верде; но, поскольку существовало несколько возможных мест остановки, и противник не мог знать, какие из них будут использованы, если таковые вообще имеются, это незнание само по себе обеспечивало немалую безопасность, если командующий флотом не полагался на пренебрежение надлежащей диспозицией своих собственных сил, как это сделал Джонстон в Порто-Прая. Действительно, при задержке и неопределенности, которые тогда были характерны для передачи разведанных из одной точки в другую, сомнение в том, где искать противника, было большим препятствием для наступательных предприятий, чем часто слабая оборона колониального порта.

Это сочетание полезных гаваней и условия сообщения между ними составляют, как уже было сказано, основные стратегические очертания ситуации. Военно-морской флот, как организованная сила, связующая все воедино, был указан в качестве главной цели военных усилий. Метод, используемый для достижения цели, ведения войны, еще предстоит рассмотреть.^[234]

Прежде чем приступить к этому, необходимо кратко упомянуть условие, характерное для моря и влияющее на последующее обсуждение, а именно трудность получения информации. Армии проходят через страны, более или менее населенные постоянным населением, и оставляют за собой следы своего марша. Флотилии движутся по пустыне, над которой порхают странники, но где они не остаются; и когда воды смыкаются за ними, случайный взгляд с палуб может указывать на их прохождение, но ничего не говорит об их курсе. Парус, о котором говорит преследователь, может ничего не знать о преследуемом, который уже прошел точку переговоров всего за несколько дней или часов до этого. В последнее время тщательное изучение ветров и течений океана проложило определенные выгодные маршруты, по которым обычно следует осторожный моряк, и позволяет делать некоторые предположения относительно его передвижений; но в 1778 году данные для такой точности собраны не были, а даже если бы они были, от самого быстрого маршрута часто приходилось отказываться ради одного из многих возможных, чтобы ускользнуть от преследования или подстерегания. В такой игре в прятки преимущество на стороне искомого, и сразу становится очевидной огромная важность наблюдения за выходами из вражеской страны, прекращения погони до того, как она скроется в безмолвной пустыне. Если по какой-либо причине такое наблюдение там

невозможно, то самое лучшее - не пытаться следить за маршрутами, по которым нельзя ходить, а первым добраться до места назначения противника и ждать его там; но это подразумевает знание его намерений, которое не всегда может быть доступно. Действия Сюффрена, когда он выступил против Джонстона, были стратегически обоснованными, как в его атаке на Порто-Прайю, так и в поспешности, с которой он продвигался к их общему месту назначения; в то время как две неудачи Родни в перехвате конвоев на Мартинику в 1780 и 1782 годах, хотя и были проинформированы об их приближении, показывают трудности, с которыми приходилось сталкиваться в засаде, даже когда пункт прибытия был известен.

В любой морской экспедиции зафиксированы только два пункта — пункт отправления и пункт прибытия. Последнее может быть неизвестно противнику; но до момента отплытия можно предположить, что присутствие определенных сил в порту и указания на цель, которая вскоре должна быть выдвинута, известны. Для любой из воюющих сторон может оказаться важным пресечь такое движение; но более конкретно и универсально это необходимо обороняющемуся, потому что из многих точек, в которых он открыт для атаки, для него может быть невозможно определить, какой из них находится под угрозой; тогда как наступление продолжается с полным знанием того, что оно направлено прямо к его цели, если он может обмануть своего противника. Важность блокирования такой экспедиции становится еще более очевидной, если она в любое время будет разделена между двумя или более портами, — условие, которое легко может возникнуть, когда мощностей одной верфи недостаточно для оснащения стольких кораблей в отведенное время, или когда, как в нынешней войне, союзные державы предоставляют отдельные контингенты. Предотвратить соединение этих контингентов - вопрос первостепенной необходимости, и нигде это не может быть сделано с такой уверенностью, как у портов, из которых должен отплыть один или оба. Оборона, судя по самому ее названию, предположительно менее сильна и, следовательно, тем более обязана использовать в своих интересах такой источник слабости, как разделение сил противника. Родни в 1782 году при штабе. Лючия, наблюдающая за французским контингентом на Мартинике, чтобы предотвратить его союз с испанцами у мыса Франсе, является примером правильной стратегической позиции; и если бы острова были расположены так, чтобы поставить его между французами и их пунктом назначения, а не в их тылу, ничего лучшего нельзя было бы придумать. Как бы то ни было, он сделал все, что было возможно в данных обстоятельствах.

Оборона, будучи более слабой, не может пытаться блокировать все порты, где находятся дивизии противника, без того, чтобы не нанести ущерб его цели, имея меньшие силы перед каждым из них. Это означало бы пренебречь фундаментальными принципами войны. Если он правильно решит не делать этого, а собрать превосходящие силы в одном или двух пунктах, то становится необходимым решить, какие из них следует таким образом охранять, а какими пренебречь, — вопрос, затрагивающий всю политику войны, после полного понимания основных условий, военных, моральных и экономических, в каждой из сторон.

Защита была вынуждена принята Англией в 1778 году. У лучших английских военно—морских авторитетов предшествующей эпохи, у Хоука и его современников, было правилом, что британский военно-морской флот должен быть равен по численности объединенным флотам королевств Бурбонов, - условие, которое, при лучшем качестве и большей численности морского населения, на которое он мог опираться, дало бы реальное превосходство в силах. Однако в последние годы эта мера предосторожности не соблюдалась.

Для данного обсуждения не имеет значения, был ли провал вызван неэффективностью министерства, в чем обвиняли его оппоненты, или неуместной экономией, часто применяемой представительными правительствами в мирное время. Факт остается фактом: несмотря на пресловутую вероятность вступления Франции и Испании в войну, английский военно-морской флот уступал по численности военно-морскому флоту союзников. В том, что было названо стратегическими особенностями ситуации, внутренними базами и второстепенными базами за рубежом, преимущество в целом было на ее стороне. Ее позиции, если не более сильные сами по себе, были, по крайней мере, лучше расположены географически для стратегического эффекта; но во втором важном для войны аспекте - организованной военной силе или флоте, достаточном для наступательных операций, - ей позволили стать уступающей. Следовательно, оставалось только использовать эти уступающие силы с такой выучкой и энергией, которые расстроили бы планы противника, выйдя первыми в море, умело заняв позиции, упреждая их комбинации большей быстротой передвижения, нарушая их коммуникации с их целями и встречая основные подразделения противника превосходящими силами.

Достаточно ясно, что продолжение этой войны повсюду, за исключением Американского континента, зависело от метрополий в Европе и от открытых контактов с ними. Окончательное сокрушение американцев также было вероятно, но не в результате прямых военных усилий, а в результате истощения, если бы Англии не мешали душить их торговлю и промышленность своей подавляющей военно-морской мощью. Эту силу она могла бы выставить против них, если бы освободилась от давления союзных флотов; и облегчение было бы получено, если бы она смогла добиться над ними решительного перевеса, не только материального, но и морального, такого, какой она имела двадцать лет спустя. В этом случае дворы союзников, финансовая слабость которых была хорошо известна, должны были выйти из соревнования, в котором их главная цель - низвести Англию до более низкого положения - уже потерпела поражение. Такого перевеса, однако, можно было добиться только сражением; показав, что, несмотря на численное превосходство, мастерство ее моряков и ресурсы ее богатства позволили ее правительству, благодаря мудрому использованию этих сил, фактически добиться превосходства в решающие моменты войны. Этого никогда нельзя было добиться, распределяя линейные корабли по всему миру, подвергая их подробному разгрому, в то же время пытаясь защитить все уязвимые точки разрозненной империи.

Ключ к разгадке ситуации находился в Европе, а в Европе - на враждебных верфях. Если Англия была неспособна, как это оказалось, развязать континентальную войну против Франции, то ее единственной надеждой было найти и разгромить вражеский флот. Нигде его не было так легко найти, как в портах его приписки; нигде его не встречали так легко, как сразу после выхода из них. Это диктовало ее политику во время наполеоновских войн, когда моральное превосходство ее военно-морского флота было настолько установлено, что она осмелилась противопоставить уступающие силы совокупным опасностям моря и более многочисленным и хорошо оснащенным кораблям, спокойно стоявшим на якоре внутри. Подвергаясь этому двойному риску, она получала двойное преимущество: держала врага у себя на виду и подрывала его боеспособность легкой жизнью в порту, в то время как ее собственные офицеры и матросы были закалены суровым крейсерством до полной готовности к любому проявлению своей энергии. "У нас нет причин, - провозгласил адмирал Вильнев в 1805 году, вторя словам императора, - бояться появления английской эскадры. На их семидесятичетверках нет и пяти сот человек; они измотаны двухлетним плаванием."^[235] Месяц спустя он писал: "Тулонская эскадра выглядела в гавани очень прилично, экипажи были хорошо одеты и хорошо обучены; но как только

разразился шторм, все изменилось. Они не были пробурены во время штормов".[236]

"Император, - сказал Нельсон, - теперь обнаруживает, если императоры слышат правду, что его флот за ночь страдает больше, чем наш за один год.... Эти джентльмены не привыкли к ураганам, которым мы противостояли в течение двадцати одного месяца, не потеряв ни мачты, ни рея.[237] Следует признать, однако, что напряжение было огромным как для людей, так и для кораблей, и что многие английские офицеры находили в износе аргумент против того, чтобы держать свой флот в море у берегов противника. "Каждый взрыв, который мы переживаем, - писал Коллингвуд, - снижает безопасность страны. В последнем рейсе были выведены из строя пять больших судов и еще два недавно; некоторые из них должны быть пришвартованы. "Я почти не знал, что такое ночь отдыха за эти два месяца, - снова писал он. - Это непрерывное плавание кажется мне неподвластным человеческой природе. Колдер измотан до предела, совершенно сломлен, и мне сказали, что Грейвс ненамного лучше".[1] Высокое профессиональное мнение лорда Хоу также было неблагоприятным для этой практики.

Помимо истощения людей и кораблей, следует также признать, что нельзя было определенно полагаться ни на какую блокаду для сдерживания выхода вражеского флота. Вильнев бежал из Тулона, Миссисипи - из Рошфора. "Я здесь наблюдаю за французской эскадрой в Рошфоре, - писал Коллингвуд, - но чувствую, что воспрепятствовать их отплытию практически невозможно; и все же, если они пройдут мимо меня, я буду чрезвычайно огорчен.... Единственное, что может помешать их отплытию, - это опасение, что они могут оказаться среди нас, поскольку они не могут точно знать, где мы находимся.[238]

Тем не менее, напряжение тогда было выдержано. Английские флоты окружали берега Франции и Испании; потери восполнялись; корабли ремонтировались; когда один офицер падал или уставал на своем посту, его место занимал другой. Строгая охрана Бреста разрушила планы императора; бдительность Нельсона, несмотря на необычное сочетание трудностей, сопровождала тулонский флот с момента его выхода в море через Атлантику и обратно к берегам Европы. Прошло много времени, прежде чем дело дошло до драки, прежде чем стратегия отступила в сторону, а тактика завершила работу при Трафальгаре; но шаг за шагом, пункт за пунктом суровые, но дисциплинированные моряки, ржавые и потрепанные, но хорошо управляемые корабли блокировали каждое движение своих неопытных противников. Располагаясь по силе перед каждым арсеналом противника и соединенные вместе цепочками более мелких судов, они могли время от времени терпеть неудачу в пресечении набега, но они эффективно останавливали все крупные комбинации вражеских эскадр.

Корабли 1805 года были, по сути, такими же, как и в 1780 году. Несомненно, был прогресс и усовершенствования; но изменения были в степени, а не в натуре. И не только это, но и флоты двадцатилетней давности под командованием Хоука и его товарищей выдержали зимы Бискайского залива. "В переписке Хоука, - говорит его биограф, - нет ни малейшего указания на то, что он сам на мгновение усомнился в том, что это не только возможно, но и его долг - сохранить море даже во время зимних штормов и что вскоре он сможет "полностью справиться с этим".[239] Если настаивать на том, что состояние французского военно-морского флота следует признать, что его офицерский состав был лучше, характер и подготовка офицеров выше, чем во времена Хоука и Нельсона; тем не менее, адмиралтейство не могло долго оставаться в неведении о том, что количество таких офицеров все еще было настолько недостаточным, что серьезно сказывалось на качестве палубной службы, а нехватка матросов была настолько велика, что требовала пополнения состава солдатами. Что касается *личного*

состава испанского военно-морского флота, нет никаких оснований верить в это лучше, чем пятнадцать лет спустя, когда Нельсон, говоря о передаче Испанией Франции некоторых кораблей, сказал: "Я считаю само собой разумеющимся, что они не укомплектованы [испанцами], поскольку это был бы самый легкий способ потерять их снова".

Однако, по правде говоря, слишком очевидно, чтобы нуждаться в долгих спорах, что самый надежный способ для более слабой стороны нейтрализовать корабли противника - это наблюдать за ними в их гаванях и вступить с ними в бой, если они начнут. Единственным серьезным возражением против этого в Европе была буйная погода у берегов Франции и Испании, особенно долгими зимними ночами. Это несло с собой не только риск немедленной катастрофы, с которой сильные, хорошо управляемые корабли сталкивались редко, но и постоянную нагрузку, которую не могли предотвратить никакие навыки, и которая, следовательно, требовала наличия большого резерва кораблей для замены тех, кто был отправлен на ремонт, или для обновления экипажей.

Проблема была бы значительно упрощена, если бы блокирующий флот смог найти удобную якорную стоянку на фланге маршрута, по которому должен был пройти противник, как Нельсон в 1804 и 1805 годах использовал бухту Маддалена на Сардинии при наблюдении за тулонским флотом, — шаг, к которому его вынудило исключительно плохое состояние многих его кораблей. Так, сэр Джеймс Сомарез в 1800 году даже использовал бухту Дуарненез на французском побережье, всего в пяти милях от Бреста, для стоянки береговой эскадры блокадных сил в тяжелую погоду. Позиции у Плимута и Торбея нельзя считать вполне удовлетворительными с этой точки зрения; они не находятся, как бухта Маддалена, на фланге пути следования противника, но как Sta. Люсия, скорее, в тылу. Тем не менее, Хоук доказал, что усердие и хорошо управляемые корабли могут преодолеть этот недостаток, как впоследствии показал и Родни на своей менее бурной станции.

При использовании имевшихся в его распоряжении кораблей, принимая во внимание войну 1778 года в целом, английское министерство поддерживало свои иностранные подразделения в Америке, а также в Вест- и Ост-Индии на уровне войск противника. В определенные моменты, действительно, это было не так; но если говорить в целом о назначении кораблей, то это утверждение верно. В Европе, напротив, и это необходимое следствие упомянутой политики, британский флот обычно значительно уступал флоту во французских и испанских портах. Следовательно, его можно было использовать в наступлении только при большой осторожности и удачной встрече с противником во всех деталях; и даже в этом случае дорогостоящая победа, если только она не была очень решающей, влекла за собой значительный риск из-за последующей временной нетрудоспособности задействованных кораблей. Из этого следовало, что английский флот метрополии (или Ла-Манша), от которого зависели также коммуникации с Гибралтаром и Средиземным морем, использовался очень экономно как в сражениях, так и в погодных условиях и был ограничен обороной побережья метрополии или операциями против коммуникаций противника.

Индия была так далеко, что из тамошней политики нельзя сделать исключения. Отправленные туда корабли остались, и их нельзя было ни усилить, ни отозвать в связи с внезапными чрезвычайными ситуациями. Поле стояло само по себе. Но Европу, Северную Америку и Вест-Индию следовало рассматривать как один большой театр военных действий, на протяжении

которого события были взаимно зависимы и различные части которого находились в тесных отношениях большей или меньшей важности, которым следовало уделять должное внимание.

Предполагая, что военно-морские силы, как стражи коммуникаций, были контролирующими факторами в войне, и что источник, как военно-морских сил, так и тех потоков снабжения, которые называются коммуникациями, находился в метрополии и там был сосредоточен в главных арсеналах, следуют две вещи: во-первых, основные усилия Державы, стоящей на обороне, Великобритании, должны были быть сосредоточены перед этими арсеналами; и, во-вторых, для такой концентрации линии связи за границей не должны были быть без необходимости расширены, чтобы увеличить сверх строжайшей необходимости подразделения для обеспечения безопасности. охраняй их. С последним соображением тесно связана обязанность укрепления путем фортификации и другими способами жизненно важных пунктов, к которым вели коммуникации, с тем чтобы эти пункты никоим образом не зависели от флота в плане защиты, а только в плане снабжения и подкреплений, и тех через разумные промежутки времени. Гибралтар, например, вполне соответствовал этим условиям, будучи практически неприступным и запасаясь припасами, которых хватало очень надолго.

Если это рассуждение верно, английская диспозиция на американском континенте была очень ошибочной. Удерживая Канаду с Галифаксом, Нью-Йорком и заливом Наррагансетт, а также с линией Гудзона в пределах своего контроля, в их силах было изолировать большую, возможно, решающую, часть территории повстанцев. Нью-Йорк и Наррагансетт-бей могли быть сделаны неприступными французским флотом того времени, что обеспечивало безопасность гарнизонов от нападений с моря и сводило к минимуму задачу военно-морского флота; в то время как последний нашел бы в них надежное убежище на случай, если вражеские силы ускользнут от наблюдения английского флота перед европейским арсеналом и появятся на побережье. Вместо этого эти два порта остались слабыми и пали бы перед Нельсоном или Фаррагутом, в то время как армия в Нью-Йорке была дважды разделена, сначала на Чесапик, а затем на Джорджию, причем ни одна из частей разделенных войск не была достаточно сильной для предстоящей работы. Таким образом, контроль над морем использовался в обоих случаях для того, чтобы поставить противника между разделенными частями английской армии, когда последняя, неразделенная, не была в состоянии проложить себе путь по территории, таким образом разделенной. Поскольку связь между двумя частями армии полностью зависела от моря, обязанности военно-морского флота были увеличены с увеличением протяженности линий связи. Необходимость защиты морских портов и удлинённых линий коммуникаций, таким образом, в совокупности привела к увеличению военно-морских сил в Америке и пропорциональному ослаблению военно-морских сил в решающих пунктах Европы. Таким образом, прямым следствием южной экспедиции стало поспешное оставление залива Наррагансетт, когда Д'Эстен появился на побережье в 1779 году, потому что у Клинтона не было достаточно сил, чтобы защитить и его, и Нью-Йорк.[\[240\]](#)

В Вест-Индии проблема, стоявшая перед английским правительством, заключалась не в том, чтобы подчинить восставшую территорию, а в том, чтобы сохранить использование ряда небольших плодородных островов; сохранить само владение ими и поддерживать их торговлю настолько свободной, насколько это возможно, от набегов врага. Нет необходимости повторять, что это требовало преобладания на море как над флотами противника, так и над одиночными крейсерами — "коммерческими эсминцами", как теперь называют последние. Поскольку никакая бдительность не может удержать всех их в их портах, воды Вест-Индии должны

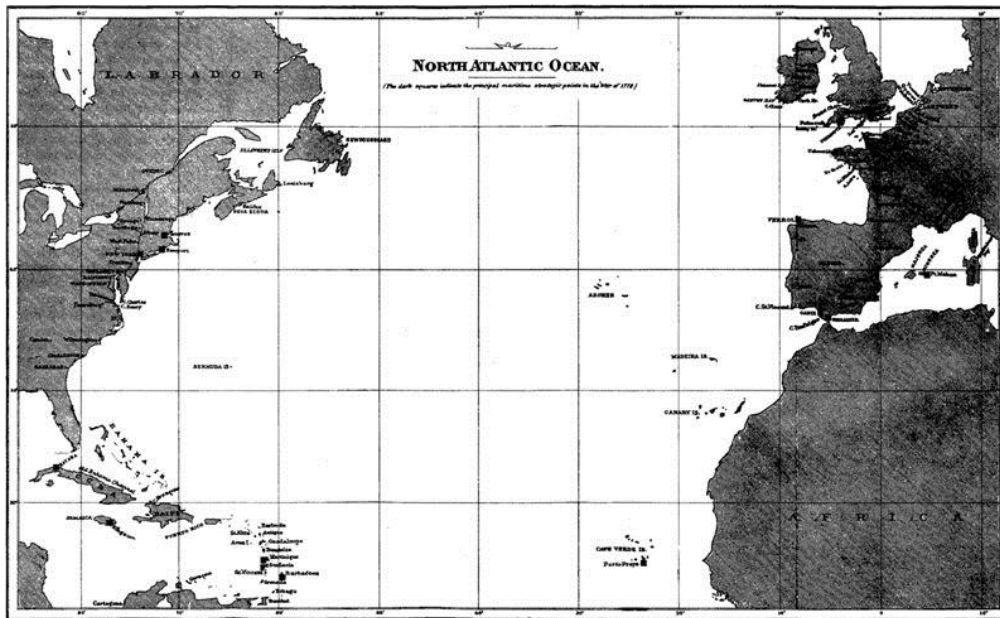
патрулироваться британскими фрегатами и более легкими судами; но, несомненно, было бы лучше, если возможно, вообще не допускать французский флот, чем сдерживать его британским флотом на месте, имеющим только равную силу в любое время и способным пасть, как это часто случалось, ниже уровня равенства. Англия, будучи прикованной к обороне, всегда была подвержена потерям, когда таким образом уступала. Она действительно теряла один за другим, в результате внезапной атаки, большинство своих островов, и в разное время ее флот запирался под батареями порта; в то время как противник, когда он оказывался в меньшинстве, мог ждать подкрепления, зная, что ему нечего бояться, пока он так ждет.^[241]

И это затруднение не ограничивалось Вест-Индией. Близость островов к американскому континенту всегда давала нападающей стороне объединить свои флоты в двух направлениях, прежде чем обороняющаяся сторона могла быть уверена в своей цели; и хотя такие объединения в некоторой степени определялись хорошо понятными погодными условиями и временами года, события 1780 и 1781 годов показывают недоумение, испытываемое по этой причине талантливейшим английским адмиралом, диспозиции которого, хотя и были ошибочными, но отражали неуверенность его ума. Когда к этому затруднению, которое является общим для оборонительных сил во всех случаях, добавляется забота о крупной британской торговле, от которой в основном зависело процветание империи, следует признать, что задача британского адмирала в Вест-Индии не была ни легкой, ни простой.

В Европе безопасность самой Англии и Гибралтара находилась под серьезной угрозой из-за отсутствия этих крупных подразделений в Западном полушарии, чему также можно приписать потерю Менорки. Когда шестьдесят шесть линейных кораблей союзников столкнулись с тридцатью пятью, которые могла собрать только Англия, и загнали их в их гавани, стало ясно, что овладение Ла-Маншем, на которое претендовал Наполеон, вне всякого сомнения, сделает его хозяином Англии. В течение тридцати дней тридцать кораблей, составлявших французский контингент, крейсировали в Бискайском заливе, ожидая прибытия запоздавших испанцев; но английский флот их не потревожил. Гибралтар не раз оказывался на грани голодной смерти из-за нарушения связи с Англией; и его избавление было обусловлено не мощью английского военно-морского флота, которым его правительство распорядилось надлежащим образом, а искусством британских офицеров и неэффективностью испанцев. В результате великой финальной операции флот лорда Хоу насчитывал всего тридцать четыре человека против сорока девяти у союзников.

Что же тогда в тех трудностях, с которыми столкнулась Англия, было лучшим курсом — позволить врагу свободно выходить из его портов и попытаться встретить его, поддерживая достаточные военно-морские силы на каждой из открытых станций, или попытаться следить за своими арсеналами дома, несмотря на все трудности ситуации, не в тщетной надежде предотвратить каждый набег или перехватить каждый конвой, но с расчетом расстроить более крупные комбинации и следовать по пятам за любым крупным флотом, который ускользнет? Такие часы не следует путать с блокиратором - термином, который часто, но не совсем точно, применяется к ним. "Осмелюсь сообщить вашей светлости, - писал Нельсон, - что порт Тулон никогда не подвергался моей блокаде; совсем наоборот. Врагу были предоставлены все возможности выйти в море, поскольку именно там мы надеемся реализовать надежды и чаяния нашей страны". "Ничто, - говорит он снова, - никогда не удерживало французский флот в Тулоне или Бресте, когда у него было намерение выйти"; и хотя это утверждение несколько преувеличено, верно, что попытка запереть их в порту была бы безнадежной. Чего Нельсон

ожидал, держась поблизости от их портов с должным распределением достаточного количества дозорных кораблей, так это знать, когда они отплывут и в каком направлении двинутся, намереваясь, по его собственному выражению, "следовать за ними к антиподам". "Я склонен полагать, - пишет он в другое время, - что эскадра французских кораблей "Ферроль" направится в Средиземное море. Если они присоединятся к ним в Тулоне, они будут намного превосходить нас численностью; но я никогда не упущу их из виду, и Пеллю (командующий английской эскадрой у Ферроля) скоро будет преследовать их ". Так что во время этой затяжной войны довольно часто случалось, что дивизионы французских кораблей спасались бегством из-за неблагоприятных погодных условий, временного отсутствия блокадного флота или неправильной оценки со стороны его командующего; но тревога была быстро поднята, некоторые из многих фрегатов заметили их, последовали за ними, чтобы определить их вероятное назначение, передали сообщение от пункта к пункту и с флота. к флоту, и вскоре за ними последовало подразделение равной силы, "к антиподам", если понадобится. Поскольку, согласно традиционному использованию французского военно-морского флота французскими правительствами, их экспедиции направлялись не для борьбы с вражеским флотом, а со "скрытыми целями", гневный гул и преследование по горячим следам, которые немедленно последовали, были далеки от содействия спокойному и методичному выполнению намеченной программы даже одной дивизией; в то время как для крупных комбинаций, зависящих от объединения дивизий из разных портов, они были абсолютно фатальными. Авантюрный круиз Брюи, выход из Бреста с двадцатью пятью линейными кораблями в 1799 году, быстрота, с которой распространились новости, волнующие действия и отдельные ошибки англичан, крушение французских проектов[242] и близость преследования,[243] побег Миссисипи из Рошфора в 1805 году, дивизий Вильомеза и Лейсега из Бреста в 1806 году - все это, наряду с великой Трафальгарской кампанией, может быть названо интересным исследованием военно-морской стратегии, следующей предложенным здесь направлениям; в то время как кампания 1798 года, несмотря на ее блестящее завершение на Ниле, может быть названа как случай, когда едва не последовал провал из-за того, что у англичан не было сил перед Тулоном, когда экспедиция отплыла, и из-за того, что Нельсон был недостаточно обеспечен фрегатами. Девятинедельный поход Гантеома по Средиземному морю в 1808 году также иллюстрирует трудность управления флотом, которому было позволено выйти без присмотра сильных сил даже в таких узких водах.

Северная часть Атлантического океана. [Список](#)

Нельзя привести параллельных примеров из войны 1778 года, хотя старая монархия не скрывала передвижения своих флотов с секретностью, обеспечиваемой суровым военным деспотизмом Империи. В обе эпохи Англия занимала оборонительную позицию; но в предыдущей войне она отказалась от первой линии обороны, от враждебных портов, и попыталась защитить все части своей разрозненной империи, разделив флот между ними. Была предпринята попытка показать слабость одной политики, признавая при этом трудности и опасности другой. Последнее направлено на сокращение сроков и решение исхода войны путем либо прекращения, либо навязывания сражения вражескому флоту, признавая, что это является ключом к ситуации, когда море одновременно объединяет и разделяет различные части театра военных действий. Для этого требуется флот, равный по численности и превосходящий по эффективности, которому отводится ограниченное поле действий, суженное до условий, допускающих взаимную поддержку между занимающими его эскадрами. Распределенная таким образом, она полагается на мастерство и бдительность, чтобы перехватить или перегнать любое подразделение противника, которое выходит в море. Он защищает отдаленные владения и торговлю путем наступательных действий против флота, в котором он видит своего реального врага и свою главную цель. Находясь вблизи портов приписки, помощь и обновление судов, нуждающихся в ремонте, осуществляются с наименьшими потерями времени, в то время как требования к более скудным ресурсам баз за рубежом снижаются. Другая политика, чтобы быть эффективной, требует численного превосходства, потому что разные подразделения находятся слишком далеко друг от друга для взаимной поддержки. Следовательно, каждая из них должна быть равна любой вероятной комбинации против нее, что подразумевает повсеместное превосходство сил противника, которому фактически противостоят, поскольку последний может быть неожиданно усилен. Насколько невозможна и опасна такая оборонительная стратегия, когда нет превосходства в силе, показывает частая неполноценность англичан за границей, а также в Европе, несмотря на усилия быть везде равными. Хоу при Нью-Йорке в 1778 году, Байрон при Гренаде в 1779 году, Грейвс у Чесапика в 1781 году, Худ на Мартинике в 1781 году и у Сент-Китса в 1782 году - все они

уступали, в то время как флот союзников в Европе подавляющим числом превосходил английский. Как следствие, немореходные корабли были оставлены под угрозой для их экипажей и их собственных увеличивающихся травм, вместо того, чтобы уменьшить силы, отправив их домой; поскольку недостатки колониальных верфей не позволяли производить капитальный ремонт безпересечения Атлантики. Что касается сравнительных затрат на две стратегии, вопрос заключается не только в том, какая из них обойдется дороже за одно и то же время, но и в том, какая из них в наибольшей степени сократит войну за счет эффективности своих действий.

Военная политика союзников подлежит более суровому осуждению, чем политика Англии, поскольку сторона, предполагающая наступление, уже самым этим фактом имеет преимущество перед обороняющейся. Когда первоначальная трудность объединения их сил была преодолена — и было видно, что Великобритания ни разу серьезно не мешала их соединению, — у союзников появился выбор, где, когда и как нанести удар своим численным превосходством. Как они воспользовались этим признанным огромным преимуществом? Покусывая окраины Британской империи и разбивая головы о Гибралтарскую скалу. Самые серьезные военные усилия, предпринятые Францией по отправке в Соединенные Штаты эскадры и дивизии войск, численность которых должна была удвоиться по сравнению с теми, которые фактически достигли места назначения, привели немногим более чем за год к тому, что Англия открыла глаза на безнадежность борьбы с колониями и, таким образом, положила конец отвлечению ее сил, которое было наиболее выгодно ее противникам. В Вест-Индии один маленький остров за другим сдавался, обычно в отсутствие английского флота, с легкостью, которая показывала, насколько полно весь вопрос был бы решен решительной победой над этим флотом; но французы, хотя и имели много благоприятных возможностей, никогда не стремились разрубить узел простым методом нападения на силы, от которых все зависело. Испания пошла своим путем во Флориде и, имея превосходящие силы, добилась успехов, не имевших военного значения. В Европе план, принятый английским правительством, год за годом оставлял ее военно-морские силы безнадежно малочисленными; однако операции, запланированные союзниками, по-видимому, ни в коем случае серьезно не предусматривали уничтожение этих сил. В решающем случае, когда эскадра Дерби из тридцати линейных кораблей была окружена на открытом рейде Торбея сорока девятью кораблями союзников, решение военного совета не вступать в бой лишь подчеркивало характер действий объединенных флотов. Чтобы еще больше затруднить их усилия в Европе, Испания в течение длительных периодов времени упрямо настаивала на привязывании своего флота к окрестностям Гибралтара; но ни разу на практике не был признан тот факт, что сильный удар по английскому флоту в проливах, или в Ла-Манше, или в открытом море был самым надежным способом ослабить крепость, которая не раз оказывалась на ощупь на грани голодной смерти.

При ведении наступательной войны корабли союзников страдали от разногласий в советах и зависти, которые препятствовали движениям большинства военно-морских коалиций. Поведение Испании, по-видимому, было эгоистичным, доходившим почти до нелояльности, поведение Франции — более лояльным, а следовательно, и более разумным в военном отношении; ибо сердечное сотрудничество и согласованные действия против общей цели, мудро выбранные, лучше способствовали бы достижению целей обоих. Следует также признать, что данные указывают на неэффективное управление и подготовку со стороны союзников, особенно Испании; и что качество *персонала*^[244] было ниже, чем у Англии. Вопросы подготовки и управления, однако, хотя и представляют глубокий военный интерес и

важность, сильно отличаются от стратегического плана или метода, принятого союзными войсками при выборе целей и нападении на них и, таким образом, при объединении объектов войны; и их рассмотрение не только неоправданно расширило бы это обсуждение, но и затуманило бы стратегический вопрос путем нагромождения ненужных деталей, чуждых его предмету.

Что касается стратегического вопроса, то можно выразительно сказать, что фраза "скрытые цели" воплощает в себе кардинальный недостаток военно-морской политики. Скрытые цели сводили на нет надежды союзников, потому что, устремив на них свой взор, они бездумно прошли дорогу, которая вела к ним. Желание, страстно направленное на намеченные цели — или, скорее, на частичные, хотя и большие преимущества, которые они составляли в своих целях, — ослепило их к средствам, с помощью которых только и можно было их наверняка достичь; отсюда, в результате войны, повсеместная неспособность их достичь. Еще раз процитируем приведенное ранее резюме: их целью было "отомстить за нанесенный им ущерб и положить конец той тиранической империи, которую Англия утверждает, что поддерживает на берегу океана". Мсть, которую они добились, не принесла им никакой пользы. То поколение считало, что они нанесли ущерб Англии, освободив Америку; но они не исправили свои ошибки в Гибралтаре и на Ямайке, английский флот не подвергся такому обращению, которое уменьшило бы его надменную самонадеянность, вооруженному нейтралитету северных держав было позволено бесплодно исчезнуть, и английская империя за морями вскоре стала такой же тиранической и более абсолютной, чем раньше.

Оставляя в стороне вопросы подготовки и управления, боевых качеств союзных флотов по сравнению с английским и принимая во внимание только неоспоримый факт значительного численного превосходства, следует отметить как важнейший фактор ведения войны, что, в то время как союзные державы были в наступлении, а Англия в обороне, позиция союзных флотов в присутствии английского флота была обычно оборонительной. Ни в более крупных стратегических комбинациях, ни на поле боя не просматривается какой-либо серьезной цели использования численного превосходства для сокрушения части флота противника, чтобы еще больше увеличить численное превосходство, чтобы положить конец морской империи путем уничтожения организованной силы, которая ее поддерживала. За единственным блестящим исключением Сюффрена, военно-морские силы союзников избегали или принимали военные действия; они никогда не навязывали их. И все же до тех пор, пока английскому военно-морскому флоту позволялось таким образом безнаказанно бороздить моря, не только не было никакой гарантии, что он не помешает достижению скрытых целей кампании, как это делалось снова и снова, но всегда оставалась возможность, что по какой-то счастливой случайности он, одержав важную победу, восстановит баланс сил. То, что оно этого не сделало, должно быть вменено в вину английскому министерству; но если Англия была неправа, позволив своему европейскому флоту настолько отстать от флота союзников, то последние были еще более виноваты в том, что не смогли воспользоваться этой ошибкой. Более сильная сторона, переходящая в наступление, не может ссылаться на трудности, которые объясняют, хотя и не оправдывают, неоправданное распыление сил обороняющимися, озабоченными многими моментами.

Национальные предубеждения французов, которые нашли выражение в линии действий, подвергнутой здесь очередной и последней критике, по-видимому, разделялись как правительством, так и тогдашними военно-морскими офицерами. Это ключ к курсу

французского военно-морского флота и, по мнению автора, к его неспособности добиться более существенных результатов для Франции в этой войне. Поучительно, поскольку показывает, насколько сильно традиция влияет на умы людей, что группа высококвалифицированных и доблестных моряков, по-видимому, безропотно приняла столь низшую роль для своей благородной профессии. Это также несет в себе предупреждение, если эти критические замечания верны, о том, что текущие мнения и правдоподобные впечатления всегда должны тщательно проверяться; ибо, если они ошибочны, они приводят к неизбежному провалу, а возможно, и катастрофе.

У французских офицеров того времени в значительной степени сложилось такое впечатление, которое сейчас еще более широко распространено в Соединенных Штатах, об эффективности уничтожения торговли как основного средства ведения войны, особенно когда оно направлено против такой коммерческой страны, как Великобритания. "По моему мнению, самое верное средство, - писал выдающийся офицер Ламотт-Пике, - покорить англичан - это напасть на них в их торговле". Все признают притеснения и страдания, причиняемые стране серьезным вмешательством в ее торговлю. Это, несомненно, важнейшая второстепенная операция морской войны, и от нее вряд ли откажутся, пока не прекратится сама война; но рассматриваемая как первичная и фундаментальная мера, достаточная сама по себе для сокрушения врага, она, вероятно, является заблуждением, и наиболее опасным заблуждением, когда ее преподносят представителям народа в очаровательном одеянии дешевизны. Это особенно вводит в заблуждение, когда нация, против которой оно должно быть направлено, обладает, как обладала и продолжает обладать Великобритания, двумя необходимыми условиями сильной морской державы — широко распространенной здоровой торговлей и мощным военно-морским флотом. Там, где доходы и промышленность страны могут быть сосредоточены на нескольких кораблях-сокровищницах, подобных флотилии испанских галеонов, жилы войны, возможно, можно перерезать одним ударом; но когда ее богатство рассеяно по тысячам уходящих и прибывающих кораблей, когда корни системы простираются широко и далеко и проникают глубоко, она может выдержать множество жестоких потрясений и потерять много хороших ветвей, не задев при этом жизни. Только военное командование на море путем длительного контроля над стратегическими торговыми центрами может привести к летальному исходу;^[245] и такой контроль можно вырвать у мощного военно-морского флота, только сражаясь с ним и преодолевая его. В течение двухсот лет Англия была величайшей торговой державой мира. Больше, чем кому-либо другому, ее богатства были доверены морю как на войне, так и в мирное время; и все же из всех наций она с наибольшей неохотой признавала торговые привилегии и права нейтралов. Рассматриваемый не как вопрос права, а политики, история оправдала этот отказ; и если она сохранит свой военно-морской флот в полной силе, будущее, несомненно, повторит урок прошлого.

Предварительные условия мира между Великобританией и союзными дворами, которые положили конец этой великой войне, были подписаны в Версале 20 января 1763 года, причем за

два месяца до этого между Великобританией и американскими комиссарами было заключено соглашение, по которому признавалась независимость Соединенных Штатов. Это был важный исход войны. Как и между европейскими воюющими сторонами, Великобритания получила обратно от Франции все острова Вест-Индии, которые она потеряла, за исключением Тобаго, и отказалась от штаба. Lucia. Французские базы в Индии были восстановлены; и поскольку Тринкомали находился во владении врага, Англия не могла оспаривать его возвращение Голландии, но она отказалась уступить Негапатам. Испании Англия уступила две Флориды и Менорку, причем последняя была бы серьезной потерей, если бы военно-морская мощь Испании была достаточной для сохранения ею владения; как бы то ни было, она снова попала в руки Великобритании в следующей войне. Было также произведено некоторое незначительное перераспределение факторий на западном побережье Африки.

Тривиальные сами по себе, есть только одно замечание, которое необходимо сделать по поводу этих договоренностей. В любой грядущей войне их постоянство будет полностью зависеть от баланса морских сил, от той морской империи, относительно которой война не установила ничего окончательного.

Окончательные мирные договоры были подписаны в Версале 3 сентября 1783 года.

СНОСКИ:

[231] Журьен де ла Гравьер: Приморские войны, том ii. стр. 255.

[232] Посмотреть карту Атлантического океана, стр. 532.

[233] Здесь можно сказать мимоходом, что ключ к английским владениям на территории, которая тогда называлась Западной Флоридой, находился в Пенсаколе и Мобиле, поддержка которых зависела от Ямайки; условия страны, судоходства и общая континентальная война не позволяли оказывать помощь с Атлантики. Английские силы, военные и военно-морские, на Ямайке были достаточны только для защиты острова и торговли и не могли оказать достаточной помощи Флориде. Захват последнего и Багамских островов был осуществлен без особых трудностей превосходящими силами Испании, против Пенсаколы было задействовано до пятнадцати линейных кораблей и семь тысяч солдат. Эти события больше не будут упомянуты. Их единственным влиянием на общую войну было отвлечение этой внушительной силы от совместных операций с французами, чтобы Испания здесь, как и в Гибралтаре, преследовала свои собственные цели вместо того, чтобы концентрироваться на общем враге, — политика столь же близорукая, сколь и эгоистичная.

[234] Другими словами, рассмотрев объекты, из-за которых воюющие стороны вели войну, и надлежащие цели, на достижение которых должны были быть направлены их военные усилия, чтобы обойти объекты, теперь в обсуждении рассматривается, как следовало действовать

вооруженными силами; какими средствами и в какой момент следовало атаковать подвижную цель.

[235] Приказы адмирала Вильнева капитанам своего флота, 20 декабря 1804г.

[236] Письмо Вильнева, январь 1805г.

[237] Письма и депеши лорда Нельсона.

[238] Жизнь и письма лорда Коллингвуда.

[239] Берроуз: Жизнь лорда Хоука.

[240] Об этом Родни сказал: "Эвакуация Род-Айленда была самой фатальной мерой, которая только могла быть принята. Он отдал лучшую и благороднейшую гавань Америки, откуда эскадры за сорок восемь часов могли блокировать три столицы Америки, а именно Бостон, Нью-Йорк и Филадельфию". Все письмо, адресованное лично первому лорду Адмиралтейства, заслуживает прочтения. (Жизнь Родни, том ii. стр. 429.)

[241] Потеря персонала. Лючия не возражает против этого заявления, поскольку обязана счастливой смелости и мастерству английского адмирала, а также профессиональной неспособности командующего значительно превосходящим французским флотом.

[242] План кампании, составленный Директорией для Брюи, стал невыполнимым; задержка в соединении французской и испанской эскадр позволила Англии сосредоточить шестьдесят кораблей в Средиземном море.—*Troude*, том iii. стр. 158.

[243] Объединенные эскадрильи Франции и Испании под командованием Брюи достигли Бреста по возвращении всего за двадцать четыре часа до лорда Кейта, который последовал за ними из Средиземного моря. (Джеймс: Военно-морская история Великобритании.)

[244] В этом заявлении не упускаются из виду высокие профессиональные достижения многих французских офицеров. Качество *персонала* было разбавлено низшим элементом из-за недостаточного количества хороших людей. "*Личный состав* наших экипажей серьезно пострадал в результате событий кампании 1779 года. В начале 1780 года необходимо было либо разоружить некоторые корабли, либо увеличить долю солдат, входящих в состав экипажей. Министр принял последний вариант. Новые полки, набранные из сухопутной армии, поступили в распоряжение военно-морского флота. Офицерский корпус, далеко не многочисленный в начале военных действий, стал совершенно неадекватным. Контр-адмирал де Гишен столкнулся с величайшими трудностями при формировании пополнения, как офицеров, так и экипажей, для своей эскадры. Он вышел в море 3 февраля с кораблями, "плохо укомплектованными", как он написал министру". (Шевалье: История. *de la Marine Française*, стр. 184.) "Во время последней войны [1778 года] мы столкнулись с величайшими трудностями в снабжении наших кораблей офицерами. Если бы было легко назначать адмиралов, коммодоров и капитанов, было бы невозможно заполнить вакансии, образовавшиеся в результате смерти, болезни или повышения по службе среди офицеров в звании лейтенанта и прапорщика ". (Chevalier: *Marine Française sous la République*, p. 20.)

[245] Жизненно важный центр английской торговли находится в водах, окружающих Британские острова; и поскольку Соединенное Королевство в настоящее время в значительной степени

зависит от внешних источников снабжения продовольствием, из этого следует, что Франция является страной, находящейся в наиболее благоприятном положении для того, чтобы беспокоить его, разрушая торговлю, из-за ее близости и владения портами как в Атлантике, так и в Северном море. Отсюда вышли каперы, которые в прошлом охотились на английское судоходство. Сейчас положение сильнее, чем раньше, Шербур представляет собой хороший порт на Ла-Манше, которого Франции не хватало в старых войнах. С другой стороны, паровой транспорт и железные дороги сделали порты на северном побережье Соединенного Королевства более доступными, и британскому судоходству не нужно, как раньше, ориентироваться на Ла-Манш.

Большое значение придавалось захватам, сделанным во время маневров поздним летом (1888 г.) крейсерами в Ла-Манше и вблизи него. Соединенные Штаты должны помнить, что такие крейсера находились недалеко от их портов приписки. Их линия снабжения углем могла простирается на двести миль; совсем другое дело поддерживать их в боевой готовности за три тысячи миль от дома. Поставка угля или таких средств, как очистка днища или необходимый ремонт, в таком случае была бы настолько недружественной по отношению к Великобритании, что вполне можно усомниться в том, что какая-либо соседняя нейтральная страна разрешила бы их.

Уничтожение торговли независимыми крейсерами зависит от широкого применения силы. Уничтожение торговли за счет контроля стратегического центра большим флотом зависит от концентрации сил. Рассматриваемая как первичная, а не вторичная операция, первая осуждается, а вторая оправдывается опытом веков.

В тексте исправлены типографские ошибки:

Страница 180: "Не может быть никаких сомнений в том, что эффективный" заменено на "Не может быть никаких сомнений в том, что эффективный"

Страница 261: настойчивость заменена на настойчивость

Страница 326: британский заменен на Британский

Страница 551: Карибский заменен на Карибский

Страница 553: Орлеанский заменен на Орлеанский (дважды)

Страница 554: Хог заменен на Hougue

Страница 556: Карибский заменен на Карибский